

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

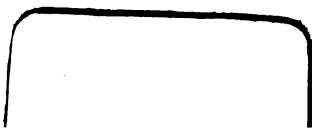
Р. Slav-236.4 (1872-
II)

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НОВАБРЬ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

6
1872
11

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАИНАХЪ.** Романъ.
(Окончаніе) . . . . . **Н. Н. КАРАЗИНА.**
- II. ГИТАРИСТКА.** (Изъ Дюпона.) Стихотвореніе. **В. И. СЛАВЯНСКАГО.**
- III. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — БУРЯ.** (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ.
Книга шестая. . . . . **ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.**
- IV. НѢМЕЦКІЕ ЭМИГРАНТЫ.** (Изъ Фрейлиграта.) Стихотвореніе . . . . . **А. МИХАЙЛОВА.**
- V. О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?** Романъ. (Гл. XX — XXIV) . . . . . **ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.**
- VI. ОДИНОКІЕ ОГНИ.** (Изъ городскихъ идиллій М. Гаргмана). Стихотвореніе. . . . . **А. Ш.**
- VII. «ЗОВЕТЬ»...** (Записки Семена Долгаго.) Тетрадь вторая . . . . . **Н. Ф. БАЖИНА.**
- VIII. ЗАЧѢМЪ ТЫ ВЪЕШЬСЯ, СЕРДЦЕ?..** Стихотвореніе . . . . . **ОМУЛЕВСКАГО.**
- IX. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ АНГЛІИ.** (Ст. вторая) . . . . . **А. МИХАЙЛОВА.**
- X. БАНКИРЪ.** (Изъ «Рейнскаго поэта»). Стихотвореніе . . . . . **А. Ш.**
- XI. ЮРОВАЯ.** (Ярмарочныя сцены.) (Окончаніе.) **Н. И. НАУМОВА.**

См. на оборотѣ.

- XII. СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЕФИ.**
(Свѣтъ. — Узникъ. — Въ деревнѣ) . . . . . А. МИХАЙЛОВА.
- XIII. ПОДГОТОВЛЕНІЕ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ
МЫСЛИ.** (Отрывки.) . . . . . П. НЕДРОВА.
- XIV. НОЧНОЙ ПОКРОВЪ.** (Изъ Корнута). Сти-
хотвореніе . . . . . ОЛЬГИ ОХТЕНСКОЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XV. НЕПОДКРАШЕННАЯ СТАРИНА.** (Статья первая). ПОСТНАГО.
(Неграсовъ и Станицкій: «Три страны свѣта», романъ въ 8 частяхъ. Изд. 3-е. 1872.—Тургеневъ: «Послѣдніе Повѣсти и Разказы». (Вѣстникъ Евро-
пы 1870—72.)
- XVI. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА** . . . . . Б. П. ОНГИРСКАГО.
(«Ueber Ursachen und Verhütung der Nervosität und Geistesstörung bei
den Frauen. Von Eduard Reich, doctor der Medicin etc. Neuwid. Leip-
zig, Berlin. 1872. — Das Studieren der Frauen mit besonderer Rücksicht
auf das Studium der Medicin. Von prof. dr. Victor Böhmert. Leipzig.
1872.—Mädchenerziehung und Frauenleben im Aus- und Inlande. Mit ei-
nem Anhang: Deutsche Frauenthätigkeit während des Krieges 1870—71.
Von Gotthold Kreienberg. Berlin. 1872.)
- XVII. ВЪДНЯКЪ.** «Les pauvres Gens: Noel Rambert»,
par Jules Claretie. (Продолженіе) . . . . .
- XVIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.** (Съ 15 августа по 15
октября) . . . . . П. Б.
- XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРО-
НИКА** . . . . .
Усиленіе клерикальной партіи въ западной Европѣ.—Численность и до-
ходы французскаго духовенства.—Преимущество въ матеріальномъ отно-
шеніи католической духовной корпораціи предъ свѣтскимъ обществомъ.—
Необходимость для Франціи разрѣшенія спорнаго вопроса объ отдѣленіи
церкви отъ государства.—Противорѣчивыя мнѣнія о приверженности
Франціи къ католицизму.—Два враждующіе лагеря во Франціи.—Мате-
ріальныя побужденія борьбы.—Характеристика клерикаловъ и буржуа,
сдѣланная Лакруа.—Суевѣріе французскихъ крестьянъ.—Нетерпимость
католическаго духовенства.—Желаніе всемірнаго господства.—Твердость
убѣжденій иезуитовъ.—Огромныя права французскаго духовенства.—Его
вліяніе.—Мителъный аббатъ Жонка.—Преслѣдованія, направленныя про-
тивъ него бордоскимъ архіепископомъ.—Процессъ пастора Стига.—Про-
цессъ иезуита Дюфура и виконтессы Вальмонъ.—Вліяніе французскаго

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1873 году.

Журналъ «ДѢЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой . . . . . 16 р.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Сольвьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Книжки журнала отправляются иногороднимъ запакованными въ плотную бумагу, подъ бандеролями съ печатными адресами.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „ДѢла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція жалобъ не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ.

На далекихъ окраинахъ. Романъ. (Окончаніе).	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Гитаристка. Стихотвореніе (изъ Дюпона).	<i>В. Н. Славянскаго.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Книга шестая).	<i>Джорджа Эллота.</i>
Нѣмецкіе Эмигранты. (Изъ Фрейлиграта). Стихотвореніе	<i>А. Михайлова.</i>
О чемъ пѣла ласточка? Романъ. (Гл. XX—XXIV)	<i>Фр. Шильматена.</i>
Одиновіе огни. (Изъ городскихъ идиллій М. Гартмана). Стихотвореніе.	<i>А. Ш.</i>
«Зоветь...» (Записки Семена Долгаго.) Тетрадь вторая	<i>Н. Ф. Вазина.</i>
Зачѣмъ ты бьешься, сердце?.. Стихотвореніе	<i>Омулевскаго.</i>
Первоначальное образованіе въ Англій. (Ст. вторая).	<i>А. Михайлова.</i>
Банкиръ. (Изъ „Рейнскаго поэта“.) Стихотвореніе.	<i>А. Ш.</i>
Юровая. (Ярмарочныя сцены.) (Окончаніе.) Стихотвор. Александра Петефи. (Свѣтъ.—Узникъ.—Въ древиѣ.)	<i>Н. И. Наумова.</i>
Подготовленіе новой европейской мысли. (Отрывки).	<i>А. Михайлова.</i>
Ночной покровъ. (Изъ Корнуэля). Стихотвореніе	<i>И. Кедрова.</i>
	<i>Ольги Охтенской.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Неподрашенная старина. (Статья первая).	<i>Постнаго.</i>
Иностранная литература	<i>И. Б. Омурскаго.</i>
Бяднякъ. «Les pauvres Gens: Noel Rambert», par Jules Claretie. (Продолженіе).	
Петербургскій театръ. (Съ 15 августа по 15 октября)	<i>И. Б.</i>
Политическая и общественная хроника.	
Туманшя картинки. (Уличныя сцены).	

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 11.

ИНВ. № 24469

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФІА А. МОРГИТРОВСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦА, ДОМЪ № 89.

Δ
P. (av) 236.4 ($\frac{1872}{11}$)
✓   ✓   ✓

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 ноября, 1872 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

1872

НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАИНАХЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Тяжелые дни.

Прошло мѣсяца три, со времени катастрофы у Бешь-Агача. Тревоги, лишенія и всѣ ужасы тяжелой дороги, когда плѣннику приходилось переходить изъ рукъ въ руки, рискуя каждую минуту попасть подъ мстительный ножъ обиженной стороны, все это было пройдено и окончено. Жизнь Батогова вошла уже въ болѣе или менѣе опредѣленныя рамки: грустныя рамки безысходнаго рабства.

Европеецъ въ плѣну у дикаря. Рабъ, въ умственномъ развитіи, превышающій своего господина!

Рабство — самая страшная казнь, постигавшая когда-либо человѣчество; но подобное рабство, это — высшая степень этой казни.

Для Батогова настало время тяжелыхъ испытаній; не выдержалъ-бы онъ этой пытки и давно-бы покончилъ съ собою, благо случаевъ къ тому представлялось достаточно, но у него была надежда на исходъ; эта надежда поддерживала его въ самыя критическія минуты, эта надежда заставляла его не совсѣмъ уже хмуро глядѣть въ эту безпредѣльную даль, туда, къ сѣверу, туда, откуда вонъ, летятъ вереницею длинное гнѣ журавли, вонъ, еще виднѣются какія-то отсталыя птицы.

Ему было иногда даже очень весело; онъ громко хохоталъ, пѣлъ, на удивленіе кочевникамъ, русскія пѣсни и забавно переводилъ имъ сказки про лисицу и волка и про трехъ братьевъ, двухъ умныхъ и третьемъ дуракѣ. Разъ онъ даже показалъ, какъ пляшутъ въ присядку, и ловко подладилъ на туземной балалайкѣ знакомый мотивъ „барыни“.

И всѣ эти чудеса дѣлала надежда.

Вонъ она! Въ киргизской шапкѣ, полуголая, съ громкимъ удалымъ свистомъ и гикомъ, помахивая въ воздухѣ волосатымъ арканомъ, гонить, вмѣстѣ съ другими киргизами, хозяйскіе табуны, на водопой, къ тѣмъ колодцамъ, что чуть виднѣются между песчаными буграми, верстахъ въ трехъ отъ аула, и то потому только виднѣются, что около нихъ вѣчно толпятся либо люди, либо животныя, а чаще тѣ и другіе вмѣстѣ.

Вчера эта „надежда“ тихонько подбросила ему славный кусокъ баранины, таковой кусокъ, что только самому его хозяину, мирзѣ Кадргулу, такъ въ пору...

Эта надежда была его бывший джигитъ — Юсупъ.

Онъ совсѣмъ въ своей тарелкѣ; онъ, положительно, чувствуетъ себя, какъ дома. Ишь какъ носится онъ на несѣданной лошади: его крикъ слышится громче всѣхъ, его арканъ выше другихъ взвивается въ пыльномъ воздухѣ. Это отъ него такъ парашнулись кони, отбившіеся было въ сторону...

Юсупъ мастерски разыгрывалъ свою роль, лавируя между привязанностью и какою-то странною любовью къ своему господину и необходимою осторожностью, которую приходилось доводить до самыхъ утонченныхъ размѣровъ, принимая во вниманіе наблюдательность и живую подозрительность кочевниковъ, могущихъ въ одномъ неосторожномъ движеніи, въ одномъ неловко-сказанномъ словѣ найти роковую развязку...

Разъ Батоговъ дурно вычистилъ лошадь мирзы Кадргула. Самъ мирза выругалъ его, Юсупъ, собиравшійся ѣхать вмѣстѣ съ мирзою, толкнулъ Батогова въ загривокъ и толкнулъ его такъ, что самъ мирза Кадргулъ сказалъ:

— Ну, за что?.. это онъ въ первый разъ только.

Другой разъ Юсупъ, въ большомъ обществѣ, не стѣсняясь присутствіемъ Батогова, рассказывалъ про русскихъ такіа не-

былицы и такъ краснорѣчиво описывалъ разныя нелѣпости ихъ обрядовъ и обычаевъ, что даже самъ увлекся своею бранью, ругался напропалую, подбиралъ для „бѣлыхъ рубахъ“ самыя обидныя сравненія и, наконецъ, запустилъ въ Батогова дынною коркою, замѣтивъ въ заднихъ рядахъ слушателей его изумленную физиономію.

А потомъ ночью, проходя, словно нечаянно, мимо плѣнника, чистившаго хозяйскую сбрую, проговорилъ тихонько, глядя совсѣмъ въ другую сторону: „ты, тюра, не сердись: Юсупка знай, какой дѣло надо дѣлать!“

Недавно вернулись изъ небольшого набѣга на персидскую границу; приглашали съ собою и Юсупку. Такому джигиту не приходилось оставаться дома, у котораго и кони лучшіе по всему окрестному кочевью, и оружіе такое, что не всякъ еще его и видывалъ, а слышали, что у русскихъ только такіе, да вотъ еще сказывали проѣзжіе купцы афганцы, что за тѣми далекими горами, что прямо на полдень, въ Индостанѣ у инглизовъ такія-же ружья дѣлаются.

Да и не разъ Юсупка заявлялъ уже о своей отвагѣ и наѣздничьей ловкости, и такимъ лихимъ джигитомъ, какъ мирза Юсупъ (его иначе и не величали въ аулахъ), брезгать не приходилось даже самому мирзѣ Кадргулу.

Батоговъ, конечно, оставался дома; въ эту минуту аулъ перекочевывалъ верстъ за полтораста на новое урочище, и плѣнникъ шелъ при верблюдахъ мирзы Кадргула вмѣстѣ съ другими рабами и рабынями бѣя.

Походъ на персидскую границу былъ довольно удачный (спасибо, еще „чодоры“ подсобили). Сами потеряли трехъ джигитовъ, да одну лошадь, а привезли съ собою двадцать два верблюда, семерыхъ персіянъ, пару ословъ крупныхъ, особенныхъ, не такихъ ишаковъ маленькихъ, что въ бухарскомъ ханствѣ, а съ добрую лошадь, только потому и узнаешь его, что уши длинныя... Еврея одного нашли еще при караванѣ... Двухъ бабъ везли съ собою, да не довезли: одна дорогою сдохла, а другую такъ живьемъ пришлось бросить, потому тоже чуть духъ переводила; только ныла, за сѣдломъ сиди, и тоску нагоняла, а барышей съ нея ни тѣмъ, ни другимъ не предвидѣлось: стара уже совсѣмъ была и зубовъ во рту столько, сколько колодцевъ отъ ихъ ауловъ въ хивинскому хану, всего только четыре.

Прирѣзать ее хотѣли, да мирза Юсупъ удержалъ: „Оставьте, говоритъ, зачѣмъ ножи пачкать; примѣта такая дурная есть. А коли надоѣло везти, то бросьте ее такъ, пускай сама своею смертию кончается!“

Ну, и бросили. Распустили поясъ, которымъ она была привязана, она и сползла сама; такъ на песокъ и осталась одна сидѣть среди степи.

Мирза Кадргуль очень доволенъ былъ этимъ походомъ. Первымъ дѣломъ, двухъ верблюдовъ, да не персидскихъ, — тѣ были худы очень, — а изъ своихъ велѣлъ отобрать, послалъ съ подарками къ хану. Это всегда пригодится, на всякій случай, больше для того, чтобы лишнихъ разговоровъ не было. Послѣ этого мирза байчу устроилъ: шестерыхъ барановъ зажарилъ и кумысу выставилъ столько, что всякъ пилъ сколько ему въ горло лѣзло. Выпили-таки достаточно. Сама старшая жена мирзы Кадргула, старая Хаззавать, даже разсердилась, глядя на пустые козьи мѣха и, прійдя въ свою половину, произнесла, указывая на гостей, лежавшихъ въ растяжку:

— Вѣдь не лопнули-же обжоры проклятые!

И въ Батогову мирза Кадргуль сталъ немного милостивѣй, не толкнулъ его рукояткою нагайки, когда тотъ сегодня утромъ держалъ ему стремя, а прежде безъ этого рѣдко обходилось; а потомъ велѣлъ дать ему то баранье ребро, которое унесла-было изъ котла хозяйская собака, да, спасибо, бабы во-время замѣтили и отняли.

Дня два погуляли всѣмъ ауломъ, а потомъ и опять принялись за свое обычное дѣло.

Такимъ образомъ, изо-дня въ день, изъ недѣли въ другую, тянулось безконечное время; то небольшой набѣгъ, то ушлють въ степь съ хозяйскими овцами, то погонять верблюдовъ, забредшихъ Богъ знаетъ куда, отыскивать, да добробы одного погнали, а то всегда съ кѣмъ-нибудь еще: боятся, чтобы не ушелъ. А куда уйдешь одинъ, пѣшкомъ, въ этой безводной степи; пройдешь верстъ тридцать, да и ляжешь въ изнеможеніи, а это все равно, что смерть: безъ воды не проживешь и сутокъ при такой жарѣ, что отъ горячаго песка

лопается кожа на босыхъ ногахъ, а на голыхъ плечахъ чуть не пузыри вскакиваютъ. А поймаютъ, тогда еще хуже: или всю жизнь проведешь, какъ собака, на привязи, или, просто, зарѣжутъ подъ горячую руку.

А на ту бѣду и Юсупка, вотъ уже скоро двѣ недѣли словно сквозь землю провалился, то, бывало, онъ, хоть ми-моходомъ, взглянетъ ласково, а иногда и буркнетъ подъ носъ, такъ, чтобы слышалъ только тотъ, кому слѣдуетъ:

— Погоди, тюра, Юсупка хорошую думу думаетъ, и какъ кончить думать, тогда *за дѣло* оба примемся...

И хорошо зналъ Батоговъ, о какомъ дѣлѣ намекалъ ему его вѣрный джигитъ.

Эта дружеская рѣчь, какъ свѣжій вѣтеръ разгоняетъ тучу, разгоняла мрачныя думы плѣннаго, и капля по каплѣ подливала масла въ эту закопченную отъ слишкомъ частаго употребленія лампады надежды, начинавшую уже чадить и тухнуть.

Раза два такъ тяжело приходилось бѣдному Батогову, что онъ былъ близокъ къ самоубійству, и каждый разъ Юсупъ своимъ появленіемъ удерживалъ его, и въ немъ снова воскресали твердость и готовность бороться до конца, благо крѣпкое тѣло выносило всякую невзгду.

Работники-киргизы, теперешніе товарищи Батогова, относились къ нему презрительно, съ какимъ-то озлобленіемъ, словно онъ отнималъ у нихъ хлѣбъ, или подрывался подъ ихъ благосостояніе... Они смотрѣли на „русскую собаку“ свысова: это былъ рабъ и только, а они — работники. Хотя дѣйствительной разницы было очень мало. Также, какъ и Батогова, такъ и любого Каримку, Малайку и Шафирку мирза Кадргуль могъ запереть нагайками до смерти, могъ просто зарѣзать и никому не держать отвѣта. А относительно работы, они были уравнены совершенно: также таскали воду изъ колодцевъ, также цѣлые дни ничего не дѣлали, лежа на брюхѣ въ степи, на какомъ-нибудь барханѣ, и поглядывая, какъ-бы бродяга волкъ не подкрался къ необозримымъ атарамъ хозяйскихъ барановъ.

Но эти работники были мусульмане; правда, такіе, что смѣшивали Магомета съ самимъ Аллахомъ, не знали ни одного стиха изъ корана, не видывали никогда даже этого корана, не знали вовсе, чѣмъ именно ихъ вѣра отличается отъ какой

либо другой, но они знали только, что они мусульмане, правовѣрные, а онъ, извѣстно, „русская собака“. Ну, и довольно.

Они гораздо ревностнѣй стерегли плѣнника, чѣмъ самъ его хозяинъ, и если-бы Батогову удалось убѣжать, то они сочли-бы это самымъ тяжелымъ личнымъ оскорбленіемъ.

Находясь вѣчно глазъ на глазъ съ плѣнникомъ, они составляли такую бдительную стражу, провести которую было почти невозможно; я говорю почти—потому, что дѣйствительно невозможнаго существуетъ весьма немного.

Это препятствіе болѣе всего затрудняло и Батогова и его изобрѣтательнаго Юсупа. Вотъ главная причина, почему мирза Юсупъ такъ долго обдумывалъ свою думу.

Только два исхода могла-бы имѣть попытка къ бѣгству: или полную удачу, или-же смерть. Средины не было вовсе. Юсупъ находилъ еще, что, принимая все это въ соображеніе, дѣло дѣлать еще было не время.

Разъ вечеромъ, когда солнце только что сѣло и въ воздухѣ стало свѣжѣть, Батоговъ, съ большимъ козымъ мѣхомъ на спинѣ, шелъ отъ колодцевъ, направляясь къ большой ставкѣ своего хозяина. Тяжелый мѣхъ, наполненный водою, сильно нагнулъ ему спину, и его босыя ноги выше щиколотки уходили въ сыпучій, еще неустѣвншій остынуть песокъ.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ, на одномъ изъ добытыхъ ословъ, другой работникъ киргизъ, перекинувъ черезъ сѣдло еще два, полныхъ водою мѣха.

По близости колодцевъ песокъ былъ очень сыпучъ и на немъ трудно было установить прочно кибитки и желомейки: изрѣдка налетѣвшимъ вѣтромъ вырывало небольшія колки, и эти переносныя жилища легко могли быть снесены съ занимаемаго ими мѣста. По этой причинѣ, аулъ расположенъ былъ нѣсколько поодаль, тамъ, гдѣ грунтъ былъ тверже и можно было вбивать колья для коновязей, у которыхъ стояли на привязяхъ хозяйскіе, верховые кони.

Подходя ближе, Батоговъ замѣтилъ, что близъ ставки мир-

зы Кадргула, стоятъ два усталыхъ коня, видимо, пришедшихъ издалека. Въ одномъ изъ этихъ коней онъ узналъ своего Орлика. Онъ такъ обрадовался, что разомъ прибавилъ шагу и, несмотря на свою тяжелую ношу, чуть не бѣгомъ пустился къ заднимъ кибиткамъ, гдѣ помѣщались жены мирзы Кадргула, по требованію которыхъ онъ и ходилъ къ колодцамъ.

Бѣхавшій съ нимъ киргизъ тоже подогналъ своего осла, удивился, откуда взялась прыть у „русской собаки“, и сказалъ:

— Ты что-же это? Другой разъ я тебѣ два мѣха навалю. Ты сильнѣй моего осла.

Батоговъ опомнился и пошелъ тише.

Въ кибиткѣ у мирзы Кадргула собралось довольно многочисленное общество. Джигитъ мирза Юсупъ пріѣхалъ издалека, онъ, вѣроятно, новости привезъ, будетъ чего послушать... А кочевники вообще страстные любители новостей всякаго рода.

Не успѣлъ мирза Юсупъ слѣзть съ лошади, не успѣлъ онъ произнести обычное „аманъ“, не успѣлъ ему тѣмъ-же отвѣтить мирза Кадргулъ, вышедшій къ нему на встрѣчу, а уже вѣсть о пріѣздѣ джигита разнеслась по всему кочевью...

— Юсупъ пріѣхалъ.

— Какой Юсупъ?

— Джигитъ, что бѣжалъ отъ русскихъ.

— Ну!..

— Мирза Юсупъ!.. Гдѣ онъ остановился?..

— Эй! поѣдешь мимо, скажи Осману:—Юсупъ пріѣхалъ.

Вотъ говоръ, который, почти съ быстротой электрической искры, пробѣжалъ отъ кибитки къ кибиткѣ, отъ аула къ аулу.

И вотъ всѣ, кто только могли, по своему положенію, войти гостемъ въ кибитку мирзы Кадргула, собрались послушать рассказъ пріѣзжаго джигита.

Полы большой хозяйской кибитки, широко и просторно разставленной на возвышенномъ мѣстѣ, были приподняты и

вѣтеръ свободно пронизалъ во внутренность жилища, освѣжая его душную атмосферу. Верхняя кошма была тоже отвинута, и ровный, мягкій свѣтъ вечерняго неба, проникая сквозь рѣшетчатыя ребра крыши, освѣщала сверху сидящія полукругомъ оригинальныя фигуры. На главномъ мѣстѣ, на мягкомъ слоѣ ватныхъ одѣялъ, прислонившись спиною къ вибиточнымъ рѣшеткамъ, сидѣлъ самъ сановитый хозяинъ, неподалеку отъ него сидѣлъ мирза Юсупъ, еще неуспѣвшій отряхнуть пыль съ своего верблюжьяго халата. Лицо его было тоже все въ пыли и закопчено, надъ правымъ вискомъ видѣлся довольно значительный шрамъ, шрамъ новый; и когда кто-то, замѣтивъ эту новую прибавку, спросилъ: — А гдѣ это пророкъ послалъ тебѣ новую милость? — Юсупъ уклончиво отвѣчалъ: — Такъ, случай тутъ былъ неподалеку.

Мирза Юсупъ и всѣ гости успѣли уже рыгнуть по второму разу.

Рыганіе выражаетъ то, что гость вполне удовлетворенъ угощеніемъ хозяина и наѣлся до послѣдней степени. Позабытъ рыгнуть значитъ показать себя человѣкомъ, совершенно незнающимъ приличія. Рыгать слишкомъ часто, это тоже могутъ принять за слишкомъ уже усиленную лесть, и потому тутъ тоже должна быть своего рода споровка, которую и изучаютъ вмѣстѣ съ остальными правилами азійскаго этикета.

Итакъ, гости рыгнули уже по второму разу. Мирза Кадргулъ погладилъ свою сѣдую, влинообразную бороду и велѣлъ убирать большое глиняное блюдо съ остатками вареной баранины. Въ настоящую минуту изъ рукъ въ руки переходила чашка съ вѣрпкимъ кумысомъ, мастерски приготовленнымъ самою старою Хаззавать. Кумысъ этотъ пили небольшими глотками, иные цѣдили сквозь зубы, ухватившись жирными губами за края чашки. Красивый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, возился у тагана съ кальяномъ, раздувая въ его сѣткѣ горячіе уголья.

Вокругъ кибитки собралась большая толпа и всѣ старались протиснуться какъ можно ближе къ рѣшеткамъ, чтобы лучше слышать, о чемъ идетъ рѣчь въ жилищѣ мирзы Кадргула.

— Такъ ты говоришь, что двѣ тысячи кибитокъ? спрашивалъ мирза Кадргулъ.

— Пожалуй, что и за третью хватить, отвѣчалъ Юсупъ.— Снялись, говорятъ, еще въ прошломъ мѣсяцѣ; теперь должны уже къ самой Сыръ-Дарьѣ подходить.

— Отступники! одно имъ слово, замѣтилъ одинъ изъ гостей, старый мулла Ашикъ.—И что ихъ тянетъ къ русскимъ; давно-ли отъ нихъ къ Хивѣ перебрались, а теперь опять къ нимъ перекочевали.

— А тогда другое было дѣло; тогда у нихъ въ Казалѣ какой гусь начальникомъ сидѣлъ!..

— Какой такой?

— Да совсѣмъ бѣшеный.

— Это Сობоль-тюра, что-ли?

— Да, онъ. Отъ него и дальше Хивы забѣжишь. Мы слышали, въ ту пору и русскіе вущи куда-то собирались откочевывать.

— Ну что-же, ханъ—какъ? спросилъ опять мирза Кадргуль.—Сердить очень; вѣдь ему это чистый убытокъ?

— Да, прибыли мало; да какъ ихъ остановишь? силой не возьмешь. Вѣдь почти три тысячи кибитокъ, тоже свою силу имѣютъ. Да опять-же и съ русскими не хочетъ ссориться. Сказано—не тронь, ну онъ и не трогаеть.

— Да, вздохнулъ мирза Кадргуль на всю кибитку, икнулъ и протянулъ руку за кальяномъ.

— Въ Бухару послы русскіе пріѣхали, сказалъ мирза Юсупъ.

— Что такое еще?

— Да миръ настоящій затѣяли. Мозафаръ совсѣмъ въ дружбу къ нимъ лѣзеть. На прошлой недѣлѣ еще, говорятъ, два конскихъ व्यюка золота отправилъ къ ихнему губернатору.

— Эхъ! вздохнулъ старый мулла Ашикъ,—не по нашимъ дорогамъ это золото ѣздить!..

— Ну что-же, всего себѣ не захватишь. Миръ-то, вѣдь, великъ, замѣтилъ мирза Кадргуль.

Кальянъ усиленно хрипѣлъ, переходя изъ рукъ въ руки; погасающіе уголья на таганѣ слабо потрескивали. Въ кибиткѣ на нѣсколько минутъ воцарилось полное молчаніе. Только слышно было, какъ тяжело дышала и перешептывалась толпа, вплотную налегшая на наружныя рѣшетки кибитки.

— Ну что, склонился къ хозяину Юсупъ,—этотъ у васъ

какъ, не балуется? Онъ показаль на Батогова, мелькнувшаго близко, почти у самыхъ стѣнъ.

— Ничего, работникъ хорошій.

— То-то, хорошій, а вы его поберегайте; выбупу за него никакого не будетъ: простой сарбазъ; объ немъ, чай, и думать позабыли русскіе, а онъ вамъ, ежели не слишкомъ налегать будете, еще лѣтъ тридцать, какъ добрая лошадь, прослужить.

— Вчера въ степь за верблюдами ѣздили, началъ мулла Ашикъ, — его тоже съ собою брали; лихо на конѣ ѣздить; получше кое-кого изъ нашихъ.

— Гм, подумаль Юсупъ,—посади его на добрую лошадь, хоть на Орлика, да дай ему оружіе хорошее, да и выѣзжайте, хоть по два на одного, тогда и увидите, что это за наѣздникъ. Жаль вотъ только, произнесъ онъ вслухъ, — что вѣра у нихъ эта... Если-бы его какъ есть въ нашу перевести.

— А что? спросилъ мирза Кадргуль.

— Я говорю потому, сказалъ Юсупъ, что онъ самъ говорилъ мнѣ какъ-то:—я-бы совсѣмъ въ вашу вѣру перешель, мнѣ уже теперь о своихъ и забыть-то надо; если-бы только бить меня ни за что, ни прочто перестали, да работы было бы поменьше, а то иногда не подъ силу приходится.

— Не подъ силу приходится, проворчалъ за стѣною киргизь-работникъ;—небось, нынче меня такъ объ земь ахнулъ, что до сихъ поръ бока ломить.

— На соленыхъ болотахъ, у сайгачьяго рога, болѣзнь какая-то на барановъ пришла.

— Вотъ уже это бѣда наша совсѣмъ.

— Въ Темиръ-каивскихъ аулахъ колдуна зарѣзали.

— Это не желтаго-ли иранца?..

— Его самого. Всѣхъ четырехъ женъ Курбакъ-бія перепортилъ. Самъ бій, почти цѣлый годъ, въ отлучкѣ былъ; приѣзжаетъ, а онѣ всѣ вотъ какія ходять... Юсупъ показаль рукою на аршинъ отъ своего желудка... А тамъ и посыпало!.. Одна такъ даже двухъ съ разу.

Одна изъ женъ мирзы Кадргула, красивая Наръ-беби доставала изъ сундука, что стоялъ у дверей, какую-то одежду; услышавъ рассказъ, она повернула свое толстое, краснощекое лицо и стала гвмателью еслушиваться.

— Ну, а съ женами что сдѣлали?

— Да жены чѣмъ-же виноваты, замѣтилъ кто-то изъ гостей;—вѣдь это на нихъ иранецъ вѣтромъ надулъ...

Наръ-беби улыбнулась во весь ротъ, вся словно вспыхнула и низко нагнулась надъ сундукомъ, выпятивъ, на соблазнъ всей публики, свои массивныя формы.

— А что, началъ мирза Юсупъ.—Мы вотъ давно изъ аула не выходили. Перекочевывать придется еще не скоро. Намъ-бы хоть неподалеку куда проѣздиться.

— Да куда, развѣ опять на персидскую границу?..

— Далеко...

— Ну, на Заравшанъ къ русскимъ?

— Ну ихъ, поспѣшилъ замѣтить мирза Юсупъ.—Народу всегда перебьютъ много нашего, а барыша совсѣмъ никакого:—вакую-нибудь пару казачьихъ лошадей, а то и совсѣмъ ничего, а по киплакамъ тамъ немного достанешь.

— Нѣтъ, вотъ я слышалъ, Садыкъ съ Назаръ-куломъ хорошія дѣла дѣлаютъ...

— У нихъ совсѣмъ другое дѣло.

Разговоръ на минуту прекратился. Въ кибиткѣ стало совсѣмъ темно, и мирза Кадргуль зѣвнулъ довольно громко, прикрывъ ротъ рукавомъ своего халата. Около кибитки, гдѣ собрались женщины, только-что подоившія кобыль и перелившія молоко въ турсуки, слышалось что-то въ родѣ пѣсни и тихо брянчали струны сааза.

Батововъ снималъ на ночь попоны съ двухъ верховыхъ лошадей мирзы Кадргула и отчищалъ имъ копыты, усердно ковыряя тупымъ ножомъ засоренныя подковы.

— Здравстуй, тюра! раздался сзади него тихій голосъ.

Батововъ обернулся. Юсупъ стоялъ въ двухъ шагахъ и смотрѣлъ вовсе не на него, а на чолки лошадей, какъ-бы разсматривая хитро заплетенныя косички.

— Здравстуй, Юсупъ, что хорошаго? сказалъ Батововъ, и сказалъ такъ тихо, что казалось, только самъ себя могъ слышать, и еще усерднѣе принялся за свое дѣло.

— Ну, теперь нельзя, а скоро хорошо будетъ, произнесъ Юсупка, поглядывая небрежно вверхъ на звѣзды, и побрелъ дальше, сдѣлавъ видъ, что только такъ, мимоходомъ, завернулъ взглянуть на красивыхъ жеребцовъ мирзы Кадргула.

II.

**Кого видѣлъ Батоговъ въ сосѣднемъ аулѣ, когда
вздили за камышемъ.**

Ночь была темная. Мало-по-малу, говоръ и шумъ движенія затихли въ уснувшемъ аулѣ. Чуть краснѣлись во мракѣ верхи открытыхъ кибитокъ и у колодцевъ мелькала красная, мигающая точка небольшого костра.

Изъ степи доносились какіе-то неопредѣленные звуки: то будто-бы волчій вой, то будто-бы ревъ и вряхтѣніе верблюда, то словно далекое ржаніе лошади, то что-то еще, чего даже привычное ухо киргиза понять было не въ состояніи. Что-то крылатое носилось въ воздухѣ, мелькая красною точкою въ то мгновеніе, когда оно налетало на тотъ, чуть замѣтный столбъ красноватаго свѣта, который отбрасывали отъ себя еще неугасшіе уголья на таганахъ, внутри кибитокъ.

Верблюды тяжело вздыхали и, лежа другъ подлѣ друга, терлись своими облѣзлыми боками; лошади жевали ячмень, отфыркиваясь въ торбы; кое-гдѣ слышенъ былъ храпъ человѣческій. Въ сосѣдней кибиткѣ тихо, но бойко перебранивались между собою неугомонныя киргизки.

Батоговъ сдѣлалъ все уже, что было нужно, работа его дневная, наконецъ-то, была покончена, и онъ свернулся на своемъ войлокѣ, около той кибитки, которая предназначена была для работниковъ. Около него, съ одной стороны, спалъ киргизъ-работникъ и бредилъ о чемъ-то во снѣ, съ другой стороны сидѣлъ тотъ работникъ, что испыталъ на себѣ силу русскаго плѣнника; онъ зѣвалъ во весь ротъ и усиленно скребъ себѣ ногтями давно небритую голову, силясь отдѣлаться отъ несноснаго зуда. Въ этихъ слежавшихся, прѣлыхъ кошмахъ временемъ накопилось довольно-таки разныхъ паразитовъ, и нужна была сильная усталость, почти изнеможеніе, чтобы заснуть, пренебрегая этимъ неудобствомъ.

Батогову не спалось, несмотря на то, что онъ не сидѣлъ цѣлый день сложа руки. Нѣтъ, съ ранняго утра, онъ пѣшкомъ ходилъ верстъ за десять въ степь: надобно было при-

гнать оттуда двухъ барановъ для хозяйскаго обихода; потомъ ѣздили онъ съ другими за камышемъ, на полуввысохшія соляныя болота, что лежали на востокъ, верстъ за двадцать отъ стоянки. Вернулись почти къ вечеру, да и тутъ еще четыре турсука воды надо было принести, а колодцы были не близко. Лошадей надо было убрать въ свое время, а потомъ старая Хаззавать велѣла котель мыть, за которымъ вдвоемъ они провозились вплоть до самой темноты. Такъ послѣ всего этого, кажется, могъ-бы уснуть утомившійся плѣнникъ, и никакіе паразиты ему-бы не помѣшали, но тутъ была причина этой безсонницы. Юсупъ сказалъ ему: „скоро дѣло дѣлать будемъ“. И эта короткая фраза вызвала у него цѣлый рядъ самыхъ жгучихъ, самыхъ лихорадочныхъ думъ. А тутъ еще другая причина оказалась. Когда ѣздили за камышемъ, пришлось проѣзжать мимо сосѣднаго аула, въ который Батогову до сихъ поръ не приходилось заглядывать... Проѣхали, останавливались у одной кибитки: одинъ изъ работниковъ мирзы Кадргула дѣло имѣлъ къ кому-то изъ здѣшнихъ. Постояли, поговорили и дальше поѣхали.

Ничего особеннаго въ этомъ аулѣ не было; аулъ какъ аулъ, такой-же точно, какъ и ихній, тѣ-же кибитки, тѣ-же загоны; развѣ только то, что этотъ совсѣмъ спрятался въ лощинѣ, а ихъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, верстъ за пятнадцать въ хорошую погоду видно. Но Батоговъ успѣлъ замѣтить въ этомъ аулѣ то, на что, казалось, не обратили вовсе вниманія его спутники.

У одной изъ кибитокъ, стоявшихъ нѣсколько поодаль отъ прочихъ, полы были совсѣмъ закинута на верхъ; тростниковая загородка (такъ-называемая „чи“) была снята и лежала въ сторонѣ. Она была сильно изломана вѣтромъ, налетѣвшимъ наканунѣ и ее, должно быть, собирались чинить. Сквозь крупную рѣшетку видно было все, что дѣлается внутри этой кибитки. Тамъ сидѣло нѣсколько женщинъ; онѣ заняты были плетеніемъ громаднаго пестраго ковра. По ихъ костюмамъ, по довольно чистымъ, бѣлымъ тюрбанамъ, навороченнымъ на головахъ, по бусамъ, украшавшимъ ихъ потныя шеи, наконецъ, по мѣднымъ серьгамъ, вдѣтымъ, по туземной модѣ, въ ноздри и по тому свободному говору и смѣху, который раздавался въ кибиткѣ, заглушая даже стукъ катушекъ, наматанныхъ цвѣтною шерстью, можно было видѣть, что тутъ

были все госпожи, хозяйки; рабынь между ними не было. Женщины въ запуски жевали изюмъ и щелкали фисташки и другія подобныя сласти, не давая отдыха ни своимъ языкамъ, ни своимъ бѣлымъ, ярко-сверкавшимъ при каждой улыбкѣ челюстямъ.

Ихъ говоръ и смѣхъ заставилъ Батогова повернуть голову, но не онѣ остановили и сосредоточили его вниманіе.

Снаружи, на самомъ припекѣ, въ сторонѣ отъ той тѣни, которую отбрасывала отъ себя кибитка, стояла женщина, еще молодая, должно быть, очень красивая, если можно было отыскать бывшую красоту въ этомъ блѣдномъ, истощенномъ лицѣ, въ этихъ впалыхъ глазахъ, окруженныхъ темною синевою... Грязная, изорванная холщевая рубаха до колѣнъ, — единственный костюмъ этой женщины, — едва прикрывала ее изнуренное тѣло. Это тѣло худое, слабое, было совсѣмъ другого цвѣта, чѣмъ бронзовое, словно дубленая кожа, киргизокъ. Несмотря на слой грязи, несмотря на сильный загаръ, можно было видѣть, что это было бѣлое тѣло.

Эту нельзя было назвать хозяйкой; эта была то-же, что и Батоговъ.

Не трудно было убѣдиться въ этомъ, глядя какъ ея тонкія руки, устало, какъ-бы нехотя, приподнимали и опускали тяжелый, деревянный шестъ, которымъ она толкла просо, засыпанное въ высокую деревянную ступу.

Когда она пріостанавливалась и бросала на минуту свою тяжелую, механическую работу, для того, чтобы обтерѣть съ лица потъ рукавомъ своей рубахи, или-же поправить рукою свои растрепанныя, длинныя, черныя, какъ уголь, косы, изъ кибитки тотчасъ-же возвышался визгливый, злой голосъ, кричавшій:

— Ну, ты тамъ, дохлая вляча, не хочешь-ли лучше совсѣмъ бросить. Только-бы спать, лѣнивая сволочь!

А другой голосъ добавлялъ:

— Только и дѣло дѣлають, пока ихъ колотишь. Я объ свою совсѣмъ всѣ руки обболотила...

Больно кольнуло въ сердце Батогова при взглядѣ на эту работницу, и эта новая боль совсѣмъ заглушила его прежнія страданія.

— Не я одинъ, думалъ онъ;—можетъ быть, въ каждомъ

аулѣ найдется такая-же, какъ она, такая-же, какъ я, горемыка.

Ему хотѣлось подѣхать къ ней поближе, хотѣлось заговорить съ нею; „она, вѣрно, заговоритъ по русски“, думалъ онъ; хотѣлось спросить ее о многомъ...

Онъ видѣлъ какъ широко, изумленно взглянули глаза несчастной, когда топотъ проѣзжавшихъ лошадей заставилъ ее поднять голову. Ему показалось даже, что эти глаза узнали его; если не его лично, то, по крайней мѣрѣ, догадались, что видятъ передъ собою товарища, брата по одинаковымъ страданіямъ...

— Ну, ну, отставай! крикнулъ на него киргизъ, ѣхавшій сзади, крикнулъ и чѣмъ-то замахнулся.

— На дѣвокъ заглядывается то-же, замѣтилъ другой и засмѣялся сквозъ зубы.

Когда пришлось возвращаться назадъ, Батоговъ пристально, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, присматривался кругомъ, ко всѣмъ группамъ, мелькавшимъ между кибитокъ, ко всѣмъ отдѣльнымъ фигурамъ, занятымъ каждая своимъ дѣломъ. Онъ думалъ опять увидѣть ту-же женщину, ему хотѣлось опять взглянуть на нее; но сколько онъ ни глядѣлъ, приподнимаясь на высокихъ стременахъ своего сѣдла, высывая голову изъ за громадныхъ сноповъ камыша, привьюченныхъ съ обѣихъ сторонъ его лошади, онъ не видѣлъ никого, хотя сколько нибудь похожаго на эту страдальцу.

Да видѣлъ-ли онъ ее? Можетъ быть, это воображеніе, больное, разстроенное, нарисовало ему этотъ призракъ?.. Нѣтъ, вотъ та самая кибитка, вонъ и ступка стоитъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, вонъ пестъ лежитъ... А вонъ и еще что-то лежитъ, маленькое, скорченное, покрытое съ головою какою-то рваной конской попоной, лежитъ и тихо стонетъ...

Вотъ объ этой-то встрѣчѣ и думалъ теперь Батоговъ, лежа въ растяжку, навзничъ, забинувъ руки за голову, неопредѣленно уставясь глазами въ темное ночное небо, по которому, изъ конца въ конецъ, непрерывно черкали блестящія падающія звѣзды.

Кто она? откуда? Давно-ли томится здѣсь, оторванная отъ всего, что только было ей близко?.. Эти вопросы больше занимали голову Батогова, чѣмъ даже фраза его Юсупки, вызванная снова томительныя иллюзіи близкаго освобожденія.

Какъ узнать все это, какъ отыскать ее, у кого распросить объ ней, если не прійдется ее увидѣть снова? А какъ хотѣлось ему опять увидѣть это страдальческое лицо!.. „Если-бы Батогову предложили на выборъ — или бѣжать сейчасъ, или же отложить побѣгъ еще на цѣлый годъ, но за то въ это время общать ему возможность видѣть и говорить съ плѣнницей сосѣдняго аула, — онъ не задумываясь-бы выбралъ второе.

— Развѣ попросить Юсупа: онъ все узнаетъ, ему это такъ легко устроить; онъ мнѣ расскажетъ, рѣшилъ, наконецъ, Батоговъ; и съ этимъ рѣшеніемъ, онъ сталъ дожидаться утра.

Онъ отползъ подальше отъ общей кошмы, на которой спали работники.

— Ты куда это? спросилъ его рядомъ лежащій, и спросилъ такимъ голосомъ, что Батоговъ сразу не догадался—ему-ли это говорить, или-же онъ слышитъ бессознательный бредъ спящаго.

Онъ снялъ съ себя рубаху, сильно встряхнулъ ее и надѣлъ снова. Онъ легъ прямо на песокъ, потерявъ объ него немного сильно чесавшемся тѣломъ, и скоро его начала одолѣвать тяжелая дремота.

— Ты чего это ушелъ-то? снова слышится тотъ-же голосъ.

Батоговъ не отвѣчалъ.

Темная фигура приподнялась, пристально на него посмотрѣла, приподнялась еще больше и разомъ запрокинулась навзничь.

— Экъ стерегутъ какъ, черти! подумалъ про себя Батоговъ— и что имъ за прибыль такая?.. Тоже, вѣдь, рабочая скотина, какъ и я... и онъ началъ притворно храпѣть, что-бы избавиться отъ дальнѣйшихъ распросовъ.

Чуть-чуть разсвѣтало, а уже половина аула была на ногахъ; даже самъ мирза Кадргуль выглянулъ на минуту, заспанный, изъ дверей своей кибитки; выглянулъ больше для того, чтобы показать, кому слѣдуетъ знать о томъ, что хо-

зяинъ уже проснулся. Заспанное, немного сердитое лицо мирзы снова скрылось за узорною кошмою и дверь плотно опустилась на свое мѣсто.

Батоговъ увелъ жеребцовъ хозяйскихъ къ колодцамъ, и опять не одинъ, а съ другими. Онъ захватилъ съ собою и лошадей мирзы Юсупа, который, не выходя изъ кибитки, закричалъ ему:

— Эй ты, захвати и моихъ съ собою, все равно за однимъ разомъ ходить къ колодцамъ... Юсупъ выругался при этомъ, да такъ обидно выругался, что всѣ работники расхохотались, услышавъ такое хорошее слово.

— Ахъ ты, свинья эдакая, подумалъ Батоговъ и пошелъ отвязывать лошадей мирзы Юсупа, погладивъ при этомъ своего Орлика, который весело заржалъ, при приближеніи плѣннаго.

Умная лошадь всегда привѣтствовала Батогова ржаніемъ, — привычка, которая весьма не нравилась мирзѣ Юсупу; привычка, на которую какъ-то подозрительно смотрѣли замѣтившіе это обстоятельство работники.

Спустя полчаса послѣ того, какъ угнали лошадей къ водопою, Юсупъ вышелъ совсѣмъ одѣтый и вооруженный словно въ дальнюю дорогу, сердито поглядѣлъ кругомъ, словно отыскивая кого-то глазами, и проговорилъ громко, такъ что во всѣхъ концахъ аула слышали:

— Ишь ты, собака паршивая, сколько времени у колодезь толчется!

— Да ты, мирза, куда собираешься, что-ли? спросилъ Кадргуль, не выходя изъ кибитки.

— Тутъ неподалеку, въ ауль къ Ахмету надо съѣздить, отвѣчалъ Юсупъ. — Пойти развѣ на встрѣчу, произнесъ онъ какъ-бы про себя и быстро зашагалъ къ колодцамъ, надъ которыми, несмотря на утреннюю росу, стояла густая пыль, и въ этой пыли смутно сливались: ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей, унылое блеяніе овецъ и громкіе, отдѣльные возгласы погонщиковъ.

Небольшая вереница всадниковъ выдѣлилась изъ этого пыльнаго облака; то были наши работники, которые маленькою рысцею вели лошадей съ водопою.

Мирза Юсупъ шибче зашагалъ имъ на встрѣчу.

— Эй ты! крикнулъ онъ Батогову, когда они поровнялись,—давай лошадей сюда!

Батоговъ свернулъ немного въ сторону; остальные работники поѣхали шагомъ, однако, все-таки поѣхали, а не остановились вовсе, и на нѣсколько минутъ Батоговъ очутился совершенно наединѣ, глазъ на глазъ съ своимъ преданнымъ джигитомъ.

— Поверни сюда лошадь! стремя поддержи! кричалъ онъ громко. — Слушай, тюра, произнесъ онъ почти шопотомъ (Юсупъ весь разговоръ велъ довольно оригинально: то говорилъ тихо, едва слышно, то кричалъ такъ, что его за версту всѣ могли слышать; при этомъ, онъ сильно жестикулировалъ руками и раза два, ни съ того, ни съ сего, замахивался нагайкою). — Слушай, тюра, черезъ три дня мирза Кадргулъ опять на персидскую границу выступаетъ; тебя хочетъ взять съ собою,—не ѣзди... Да держи-же поводъ крѣпче, чортова голова... Скажи, что боленъ; ногу обрѣжь себѣ что-ли... Ахъ ты, собака паршивая!.. А я поѣду: мнѣ надо. Здѣсь меня дожидаться будешь... И какъ это тебя не бить, скота эдакаго!.. Новая луна какъ поднимется, тогда дѣло дѣлать будемъ; я все уже узналъ, что нужно, и дорогу нашла настоящую... А этого хочешь!—Юсупъ съ размаха ударилъ нагайкою по сѣдлу. — Я для этого и ѣздилъ эти двѣ недѣли, добавилъ онъ тихо.

Джигитъ медленно, съ достоинствомъ, взбирался на сѣдло. Батоговъ, подавая ему поводья отъ другой лошади, успѣлъ сообщить ему въ это время о той женщинѣ, которую встрѣтилъ въ сосѣднемъ аулѣ, и просилъ Юсупа узнать объ ней все, что только было можно.

Подозрительно поглядѣвъ Юсупъ на своего тюра, сказалъ что узнать можно, что узнать, пожалуй, не трудно, да только время-ли о чужой головѣ думать, когда свою поскорѣе унести надо... Выругалъ еще разъ громко Батогова, примѣрно ткнулъ въ загривокъ и съ мѣста въ карьеръ поскакалъ въ сторону, долго еще мелкая вдали своимъ краснымъ халатомъ. А Батоговъ побрелъ пѣшкомъ въ аулъ, гдѣ уже поднимались высокіе столбы дыма: тамъ варили баранью шурпу (родъ похлебки) на завтракъ проголодавшимся джигитамъ.

Днемъ Батоговъ не видалъ своего Юсупа; онъ цѣлый день

пропадалъ гдѣ-то и, только поздно ночью, вернулся въ аулъ мирзы Кадргула.

Весь день нетерпѣніе мучило бѣднаго плѣнника. Недаромъ такъ болѣзненно отозвался на немъ тотъ страдальческій взглядъ, которымъ встрѣтила его работница въ сосѣднемъ аулѣ. У него сердце сжалось отъ какого-то страннаго предчувствія. Въ его мозгу копошилась страшная догадка.

Этотъ день также монотонно прошелъ, какъ и другіе, и когда ночью мирза Юсупъ, проходя мимо Батогова, сказалъ ему:—Юсупка все узналъ. Будетъ завтра случай и тюра все узнаетъ,—то Батоговъ, совершенно забывшись, рванулся къ нему съ распросами, но тотчасъ-же опомнился, увидя, какъ его Юсупъ сповоино пошелъ дальше, не обращая никакого вниманія на волненіе Батогова.

III.

Наръ-Веби.

Въ это утро обычныя тревоги просыпающагося аула приняли какой-то особенный, оживленный характеръ.

Еще наканунѣ пастухи, пригнавшіе отары съ пастбищъ, и еще кое-кто изъ сосѣдей, что кочевали близъ соленыхъ озеръ, говорили, что на этихъ затонахъ, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ вода несовсѣмъ еще испарилась во время жаркаго лѣта, слѣтѣлось много разной болотной и озерной дичи, привлѣвшей съ далекаго сѣвера.

Подходило время осенняго перелета, и эти, кое-гдѣ разбросанныя цѣпи солонцеватыхъ озеръ, почти затерявшіяся въ громадныхъ степяхъ, выжженныхъ солнцемъ, обрамленные непроходимыми трясинами, поросшія тростникомъ и осокою, служили станціями для безчисленныхъ птичьихъ стай, изнуренныхъ далекими перелетами надъ безводною, сухою равниной. Дальше, за этими озерами, опять безконечныя степи, тамъ за ними величавая, покойная Аму-Дарья, за нею благодатныя теплыя страны; а пока, въ ожиданіи этого раздолья, сойдуть и эти полувысохшія лужи, дающія возможность поплескаться и понырять безчисленнымъ утинымъ стаямъ, и некому здѣсь тревожить этихъ кочевыхъ птицъ; развѣ ка-

кіе-либо сосѣдніе аулы вышлютъ своихъ джигитовъ порыскать съ своими соболами вокругъ соляныхъ озеръ, не слишкомъ близко, впрочемъ, подбираясь къ ихъ топкимъ берегамъ. А тотъ ущербъ, который нанесутъ несмѣтнымъ крылатымъ легионамъ десятковъ другой узкоглазыхъ охотниковъ, не слишкомъ-то тревожатъ птицъ, и спокойно опускаются онѣ шумящими стаями на эти гладкія водныя поверхности, на эти илистыя, топкія трясины, богатая всякою земноводною снѣдью.

Спокойно, чинно съ достоинствомъ бродятъ между кочьями длинные журавли; одинъ за другимъ погружаютъ они свои длинные носы въ илистую грязь, выхватываютъ оттуда что-то живое, сильно трепещущееся, глотаютъ пойманное, запрокинувъ къ верху голову, снова суютъ носы въ грязь, пока не нажрутся до пресыщенія, до того, что равнодушно смотрятъ на какую-нибудь маленькую бойкую, всю въ яркихъ крапинкахъ лягушку, прыгающую у нихъ чуть-чуть что не подъ самымъ носомъ: тогда они, совершенно успокоенные, станутъ на одной ногѣ длинными рядами на самомъ краю затоновъ, и, словно ряды неподвижныхъ солдатиковъ, устоятся въ воду, созерцая тамъ свои собственныя отраженія.

Стаи утокъ, подвернувъ свои головы подъ крылья, плотно прижавшись другъ къ другу, дремлютъ на поверхности лужъ, и не видно воды подъ этою живою массою, испещренною золотисто-зелеными и ярко бѣлыми пятнами.

Поднимая тысячи брызгъ, взмахивая громадными бѣлыми крыльями, вытянувъ тонкія, красивыя шеи, взлетаютъ величавые лебеди и, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ шаговъ, стелясь надъ самыми зарослями, задѣвая камни въ своемъ могучемъ размахѣ, съ шумомъ опускаются на воды сосѣдняго затона. И долго еще надъ водою носится плескъ и гулъ, словно, неподалеку, дружно работаютъ невидимыя водяныя мельницы.

Привольно было-бы охотнику бродить по этимъ заповѣднымъ болотамъ, подергиваться къ этимъ стаямъ, ненапуганнымъ еще ружейными выстрѣлами, но только прежде надо изучить тѣ немногія, узкія, словно протянутыя жердочки, тропинки, которыя, пожалуй, еще могутъ выдержать незначительную тяжесть одинокаго охотника. Случайно сплетшіеся корни и стебли осоки, рѣдкаго тальника и камыша образо-

вали эти опасные предательскіе пути, и горе тому, чья нога сорвется съ подобной тропинки. Горе тому, кто, обманувшись кажущейся прочностью сосѣдней кочки, прыгнетъ на нее, рассчитывая съ нея прыгнуть на другую, тамъ на третью и, такимъ образомъ, мало по малу, пробраться вонъ въ тому водному пространству, что свѣтлою чертою серебрится севозъ дальнія камышевыя заросли. Невѣрно ступившая нога уходитъ все глубже и глубже, ее словно засасываетъ какая-то странная подземная сила; бьется и барахтается неосторожный, хватаясь за окружающіе его стебли, эти стебли остаются у него въ рукахъ, вырванные съ корнями, быстрое движеніе разбиваетъ еще болѣе жидкую, бездонную грязь, и счастливъ, тысячу разъ счастливъ тотъ, кому удастся снова выкарабкаться на прежнюю тропу, и уже ни за-что не рѣшится онъ во второй разъ повторить такой, до нельзя рискованной попытки.

Случалось, что верблюды, испуганный волкомъ, неожиданно завывшимъ за тѣми барханами, охваченный паническимъ ужасомъ, забѣжитъ въ эти трясины. Долго бьется и пронзительно, чуть не на всю степь реветъ отъ страха несчастное животное, сисясь выбраться изъ этой засасывающей топи, и чѣмъ сильнѣе бьется оно, тѣмъ быстрѣе погружается въ илистую массу, пока она совершенно не поглотитъ и это горбатое туловище и эту, искаженную ужасомъ мохнатую голову, которая, вытянувшись на длинной шеѣ, до послѣдняго мгновенія держится на предательской поверхности. А прійди кто черезъ часъ взглянуть на это мѣсто страшной борьбы за жизнь и что онъ увидитъ? ту-же, слегка изрытую топъ, тѣ-же кочки, мохнатая, неподвижная, тотъ-же камышь, колеблющійся отъ вѣтра, и нивакихъ признаковъ томительной, страшной катастрофы, — и недоумѣваетъ прискакавшій на помощь киргизъ, что-же это ревлѣло такъ, вотъ тутъ, словно какъ на этомъ самомъ мѣстѣ?...

Сколько джигитовъ потеряли уже своихъ коней на этихъ болотахъ; и эти безчисленные птичьи стаи словно знаютъ, какія непроходимыя преграды отдѣляютъ ихъ отъ человѣка, и спокойно смотрятъ онѣ вдаль на этихъ немногихъ всадниковъ, что ярко красными точками мелькаютъ по окраинамъ, между рѣдкихъ, полувывженныхъ зарослей.

Временемъ осенняго перелета киргизы, страстные любители соколиной охоты, пользуются для того, чтобы попытать удачу своихъ ученыхъ, притравленныхъ птицъ, поразнообразить хотя немного свой столъ, замѣнивъ дичью вѣчно одну и ту-же конину, да баранину.

И вотъ, сегодня, мирза Кадргуль собирался, чуть не всѣмъ ауломъ, на охоту съ соколами и выѣзжалъ для того на соляныя озера. Предполагали уѣхать верстъ за сорокъ отъ мѣста стоянки, а потому мирза Кадргуль, разчитывая не одинъ день позабавиться этой охотой, велѣлъ перевезти на мѣсто охоты нѣсколько запасныхъ кибитокъ, съ которыми и возились женщины, сворачивая кошмы, увязывая въ пучки ребра телѣги (боковыя рѣшетки) и остальное дерево и навьючивая все это на верблюдовъ, еще наканунѣ приведенныхъ изъ степи.

Всѣхъ всадниковъ собралось человѣкъ около тридцати. Это было почти все населеніе просторно разбросаннаго аула. Всѣ выѣхали на своихъ лучшихъ лошадяхъ, одѣтые въ новые цвѣтные халаты. Лица у всѣхъ смотрѣли какъ-то весело, празднично. Оружія съ собою не забирали много, — что, молъ, оно только даромъ за спиною болтаться будетъ, однако шапку на всякій случай и неизбѣжные ножи захватили съ собою. Только одинъ мирза Юсупъ, который даже изъ кибитки не выходилъ никогда иначе, какъ-будто онъ на войну собирался, былъ и теперь вооруженъ отъ головы до самыхъ пятокъ; за спиною у него было ружье его диковинное, что по два раза сразу стрѣляетъ, а пистолеты съ нимъ были такіе, что какъ начнутъ стрѣлять, то и счета нѣтъ тѣмъ выстрѣламъ, а самъ мирза Юсупъ въ это время только пальцемъ пошевеливаетъ.

Борзые собаки подняли вой, глядя на собирающихся всадниковъ, и путались между лошадьми, съ веселымъ, заиграющимъ лаемъ, прыгая чуть не на сѣдла къ своимъ хозяевамъ.

Ученныя птицы сидѣли на плечахъ джигитовъ или на крашенныхъ палкахъ, прилаженныхъ за плечами въ родѣ коромысла; соколы, беркуты и маленькіе охотничьи ястребки чуть слышно гремѣли металлическими бубенчиками, привязанными къ ихъ мохнатымъ лапкамъ. Всѣ они были на привязяхъ, отъ которыхъ освобождались только по волѣ джигита, завидящаго подходящую добычу.

У самой ставки мирзы Кадргула, красивый рыжий жеребецъ рылъ ногою землю отъ нетерпѣнія и, зажавъ уши, злобно косился на толпу, грызя желѣзные удила своей разукрашенной уздечки. Батоговъ его оглаживалъ и внимательно осматривалъ сѣдловку, стараясь не пропустить чего-нибудь такого, за что могло-бы достаться отъ хозяина его спинѣ или затылку. Однако, все обошлось благополучно.

Мирза Кадргулъ вышелъ, степенно оглянулся по сторонамъ, оправилъ поясъ, увѣшенный безчисленными кошельками, подтянулъ штаны, не торопясь влѣзъ на сѣдло и сталъ разбирать поданные ему поводья.

Всадникъ за всадникомъ, маленькими группами, а чаще просто по-одиночкѣ, стали выбираться джигиты изъ аула. Солнце только-что еще взошло, въ воздухъ было прохладно, и застоявшіеся кони горячились.

Мало-по-малу, всѣ всадники скрылись изъ вида, и аулъ опустѣлъ, только близъ ставки мирзы Кадргула возилась краснощекая Наръ-Беби, довьючивая съ работниками послѣдняго верблюда.

Черезъ полчаса, небольшой караванъ съ тремя женщинами и четырьмя работниками, позванивая колокольчиками и погремушками, потянулся изъ аула вслѣдъ за уѣхавшими джигитами. Уздечки у всѣхъ верблюдовъ были украшены ярко-красными шерстяными султанчиками, которые торчали какъ разъ между ушей животныхъ. Это означало, что верблюды были не какого-нибудь простого киргиза, а принадлежали самому мирзѣ Кадргулу.

Въ этомъ караванѣ, въ числѣ четырехъ работниковъ, находился Батоговъ, котораго краснощекая Наръ-Беби выбрала себѣ сама на подмогу при разстановкѣ и уборкѣ вибитокъ.

Караванъ шелъ въ такомъ порядкѣ: на переднемъ верблюдѣ ѣхалъ работникъ, сидя на горбахъ, между двухъ громадныхъ свертковъ вибиточныхъ кошемъ. На второмъ верблюдѣ сѣдло было совсѣмъ особеннаго устройства; оно было въ видѣ четырехугольной, плоской корзинки, на углахъ которой под-

нимались аршина на полтора пучки камыша, а на верхушкахъ этихъ пучковъ прилажены были султаны изъ конскаго волоса и красной шерсти. Въ этой корзинѣ сидѣла одна изъ женъ мирзы Кадргула; рядомъ ѣхала верхомъ на лошади другая женщина; за ними шли два верблюда, на которыхъ были навьючены телѣга и крыши кибитокъ; пучки крашенныхъ прутьевъ странно топорщились и гремѣли при каждомъ шагѣ животныхъ. На этихъ-же верблюдахъ были прилажены два большихъ, закопченныхъ котла и шерстяной мѣшокъ съ рисомъ и прочей провизіей. За верблюдами, нѣсколько поотставъ, шель пѣшкомъ Батоговъ, онъ только одинъ былъ пѣшій, между тѣмъ какъ остальные работники гарцовали верхомъ, держась по близости каравана. Батоговъ велъ въ поводу четвертаго приземистаго, мохнатаго двугорбаго верблюда, почти бѣлаго, покрытаго цвѣтнымъ ковромъ и украшеннаго большимъ, глухо-звонящимъ колоколомъ. На верблюдѣ этомъ сидѣла Наръ-Беби, просто верхомъ, широко раздвинувъ свои ноги и раскачивая на ходу всѣмъ своимъ жирнымъ туловищемъ. Однообразная, колеблющаяся походка верблюда, казалось, усыпляла ее; она сильно сопѣла носомъ, прихрапывала, только прищуренные, черезчуръ уже маслянные глаза ея какъ-то странно посматривали на молодеватую фигуру шагающаго передъ нею Батогова.

Онъ былъ въ однихъ только кожаныхъ шароварахъ, безъ рубашки, и его мускулистое, здоровое тѣло, несмотря на сильный загаръ и слой грязи, все-таки рѣзко отдѣлялось своею относительною бѣлизною отъ темно-бронзовой, словно дубленой кожи прочихъ работниковъ.

Вдругъ Батоговъ почувствовалъ, что объ его спину что-то очень легко щельнуло, словно въ него бросили чѣмъ-то... Сперва онъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, но, вотъ, спина его опять ощутила на себѣ повтореніе того-же удара, удара мягкаго, таковаго, который ясно говорилъ, что бьющая рука вовсе не желала произвести болѣзненное ощущение, а просто требовала, чтобы на нее обратили вниманіе.

Батоговъ быстро обернулся. Широкій ротъ Наръ-Беби какъ-то особенно выразительно улыбался; она смотрѣла въ даль, немного отвернувшись въ сторону, и вытирала пальцами что-то подъ носомъ.

— Ишь ты, подумалъ Батоговъ, — никакъ заигрываетъ...

Онъ пошелъ немного тише, такъ что очутился не впереди верблюда, а рядомъ, у самаго плеча животнаго, которое вовсе не требовало, чтобы его тащили за поводъ, и бойко шло впередъ, пошепывая отъ скуки своими отвислыми пѣнящимися губами.

Маневръ Батогова, вѣроятно, очень понравился Наръ-Беби, потому что онъ тотчасъ-же почувствовалъ, какъ острый носокъ краснаго сафьяннаго сапога уперся ему слегка въ плечо, а потомъ началъ легонько, по кошачьи щекотать ему шею.

Батоговъ опять обернулся. Наръ-Беби быстро отдернула ногу, ослабилась, растегнула воротъ своей рубахи и внимательно занялась какою-то охотой у себя за пазухой. Скоро она такъ увлеклась этой ловлей, что, казалось, вовсе не замѣчала, какъ, мало по малу, у ней обнажалась грудь, и ея красная кумачная рубаха сползла уже съ одного плеча, скользя по ожирѣлымъ, потнымъ формамъ степной красавицы.

Батоговъ искоса взглянулъ и отвернулся. Черезъ секунду онъ снова почувствовалъ на своей шеѣ прикосновеніе сапога.

— А что, подумалъ онъ, — развѣ, и въ самомъ дѣлѣ, попробовать завести интригу, благо сама напрашивается, — и онъ, приноровившись, ловко поймалъ рукою эту шаловливую ногу и слегка притиснулъ ее.

Наръ-Беби тихо засмѣялась и произнесла въ полголоса:

— Эге! да ты знаешь, съ чего начинать нужно? (поговорка, равносильная нашей: „гдѣ раки зимуютъ“)...

— Тоже вѣдь не маленькій, отвѣчалъ Батоговъ также тихо и шагнулъ немного впередъ. Ему показалось, что одинъ изъ работниковъ, кривой Каримка, проѣзжая мимо, какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на нихъ своимъ одиночимъ глазомъ. Это былъ тотъ самый работникъ, который уже не разъ схватывался съ Батоговымъ, и схватки эти всегда для него невыгодно кончались; разъ даже, чуть не дошло у нихъ до ножей, то есть, правильнѣе сказать, — до ножа, такъ какъ ножъ-то былъ у одного Каримки, и Батоговъ только тѣмъ и избавился отъ своего противника, что успѣлъ сбить его съ ногъ ударомъ тяжелой конской попоны, а тутъ подоспѣлъ кто-то изъ джигитовъ и рознялъ драчуновъ, отвѣсивъ каждому изъ нихъ по нѣсколько ударовъ нагайкою. Батоговъ

молча выдержалъ побои и принялся, чуть не въ десятый разъ, чистить и холить рыжаго жеребца, а кривой Каримка кричалъ и вылъ чуть не на весь аулъ, и клялся Аллахомъ и всѣми пророками, что когда-нибудь просто соннаго придушить эту проклятую русскую собаку!

Каримка поглядѣлъ и проѣхалъ мимо; еще разъ обернулся совсѣмъ неожиданно, но Батоговъ зорко слѣдилъ за всѣми движеніями своего подозрительнаго врага, и потому вовремя принялъ мѣры осторожности.

— Ну, опять иди ближе, произнесла Наръ-Беби.

— Это хорошо, подумалъ Батоговъ:—рѣже голодать прійдется; другой разъ, все лишній кусокъ перепадетъ, а мнѣ этимъ брезгать не приходится.

Вдали, на небольшомъ возвышенномъ барханѣ, чуть виднѣлась группа всадниковъ; еще дальше, въ степи мелькали нѣсколько отдѣльно двигающихся точекъ. То были джигиты изъ аула мирзы Кадргула. Оригинальная охота съ соколами, эта воздушная травля птицъ птицами-же, началась на потѣху разгулявшимся джигитамъ.

Караванъ остановился. Выбрали мѣсто, гдѣ песокъ былъ немного посырѣе и не такъ крутило пыль прихотливымъ вѣтромъ, и принялись ставить кибитки.

Наръ-Беби сама возилась съ работниками, опытною рукою обтягивая рѣшетки широкой тесмою и волосяными арканами, и когда накидывали верхнюю кошму, то красавица, словно нечаянно, очутилась около самаго Батогова и шепнула ему скороговоркою:

— Ты, слушай, какъ стемнѣетъ совсѣмъ, сюда прійди; я тебѣ въ эту дыру мяса просуну, а ты и ѣшь потихоньку. Она показала ему на прорѣху въ кошмѣ, приходившуюся какъ разъ у самаго низа кибитки...

— Вотъ и начало высоваго покровительства, подумалъ Батоговъ. — Все-таки не кто-нибудь, а сама жена мирзы Кадргула!

Подскавало человѣка три джигитовъ, у каждаго на сѣдлахъ висѣли въ торокахъ по десятку разноколиберныхъ утокъ. у одного даже висѣлъ прихваченный за шею, большой сѣрый гусь и чуть не по самой землѣ волочился своимъ полутора-аршиннымъ крыломъ, переломленнымъ во время паденія на землю.

Птицу сдали на руки Наръ-Беби, она тутъ была полной хозяйкой, за отсутствіемъ старой Хаззаватъ, оставшейся въ аулѣ. Кибитки установили, котлы поставили на таганы, стряпня началась, и работникамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ сѣсть на корточки и спокойно дожидаться вечера, любясь, какъ вдали охотятся чуть замѣтные всадники. Таеъ и сдѣлали.

IV.

Соволиная охота.

— А вонъ нашъ мирза ѣдетъ, говорилъ одинъ изъ работниковъ, глядя вдаль по направленію озеръ.

— Гдѣ ты его видишь? спрашивалъ другой.

— Да вонъ тамъ. Смотри, какъ-разъ между кустомъ и тѣмъ джигитомъ, что съ лошади слѣзъ.

— А, вижу. Можетъ, онъ, а можетъ, и другой кто. Далеко.

— Онъ.

— Смотри, смотри, какъ погнали! Ай-ай-ай! ухъ!

Работникъ привскочилъ на мѣстѣ, заметался, словно онъ самъ гналъ вмѣстѣ съ джигитами, и громко загикалъ. Другой работникъ свистнулъ, а Каримка произнесъ, съ презрѣніемъ глядя на Батогова:

— Видываль-ли ты тамъ, у васъ, что-нибудь лучше?

— Стоитъ дрянъ такую смотрѣть! сказалъ Батоговъ и даже сплюнулъ.

Каримка схватилъ какой-то комоеъ и швырнулъ имъ въ русскаго.

— Ну, ты—тише: опять то-же будетъ; лучше не лѣзь! сказалъ Батоговъ и отодвинулся подальше.

— А вонъ мирза Юсупъ полемъ прямо пошелъ. Экъ дуется!

— Эге! да это они волка выгнали; смотри, какъ пошли! Воцъ онъ, вонъ!.. Удираетъ, чортовъ сынъ!

— Ой, уйдетъ!.. пропалъ... вонъ опять пошелъ... насѣдаютъ, насѣдаютъ!.. Прорѣзали!

— Берутъ, берутъ... Эхъ, кабы намъ туда-же!

— И что только за лошадь у этого Юсупа: просто самъ шайтанъ въ ней сидитъ!

— Да въ ней, и правда, чортъ сидитъ, да, можетъ, еще и не одинъ... Ты слышалъ, небойсь, какъ Юсупъ говорилъ, что онъ ее изъ-подъ русскаго батыря взялъ?

— Ну, такъ что-же?

— А то, что ежели у нихъ только въ рукахъ побываетъ — ну, и готово.

— Ну, а этотъ тоже? — Работникъ понизилъ голосъ и показалъ на Батогова.

— А ты думалъ — нѣтъ?

— То-то я замѣтилъ, что какъ онъ подойдетъ къ юсуповымъ лошадямъ, сейчасъ тѣ ржать начинаютъ, особенно этотъ гнѣдой, бѣлоногий.

— А я такъ думаю, вставилъ Каримка, — какъ-бы тутъ совсѣмъ особеннаго чорта не было... Я еще кое-что замѣтилъ...

Работники начали о чемъ-то шептаться между собою. Батоговъ попытался-было вслушаться, да нѣтъ: очень ужъ тихо говорили. Только во время разговора Каримка раза два посмотрѣлъ туда, гдѣ краснощекая Наръ-Бѣби, растеревъ на ладоняхъ какую-то бѣлую мазь, умащивала ея свои и безъ того жирныя косы.

— Ну, а Юсупъ? спросилъ одинъ изъ шептавшихъ уже громко.

— Да что Юсупъ, отвѣчалъ кривой Каримка; — живетъ у насъ съ самаго похода въ Нуратынъ-Тау, а кто онъ — развѣ кто-нибудь знаетъ, что-ли?

— Эхъ, ѣсть что-то хочется!

Отъ котловъ потянуло варевомъ, и эта аппетитная струя раздражала голодные желудки работниковъ.

— А солнце-то уже низко, замѣтилъ кто-то.

— Скоро кончутъ: вонъ четверо уже сюда ѣдутъ никакъ. Эвъ лошадей-то замылили!

— Эй вы тамъ: иди кто-нибудь сюда! раздался звонкій голосъ одной изъ женщинъ.

— Ну, иди, слышишь...

— Иди самъ — не меня зовутъ!

— Что-же ты, собака? обратился Каримка къ Батогову, — слышишь, марджа зоветь.

Батоговъ поднялся.

На усталыхъ, еле двигающихъ ногами, покрытыхъ пѣною лошадахъ начали мало-по-малу сѣзжаться джигиты къ кибиткамъ, по близости которыхъ поднимались столбы дыма отъ огней, разложенныхъ подъ котлами, и густой паръ валъль клубами отъ самыхъ котловъ, особенно когда Наръ-Беби приподнимала крышку, чтобы поворожить тамъ деревянную лопаткою.

Кто проваживалъ лошадей, кто уже разсѣдывалъ ихъ, отцѣпивъ отъ задней луки изрядныя вязанки съ дичью. Шумнѣй и шумнѣй становилось около кибитокъ, по мѣрѣ того, какъ прибывали охотники. Лица у всѣхъ были потныя, разгорѣвшіяся; говорили всѣ разомъ, говорили громко, хрипло смѣялись, припоминая различные эпизоды дня. Даже самъ мирза Кадргуль громко кричалъ на всю стоянку, что кабы не эта проклятая топь, то на волка-бы онъ насѣлъ много прежде, чѣмъ поспѣлъ къ нему Юсупъ на своемъ блонго-гомъ. А Юсупъ посмѣивался надъ мирзой, приговаривая: „ладно, топь — для всякаго топь, а васкыръ (волкъ) — вотъ онъ!“ И джигитъ принялся отвязывать небольшого степного волка, подвѣшеннаго подъ сѣдломъ за заднія ноги. Тоцій, невылинявшій какъ слѣдуетъ, словно оципаннй, этотъ волкъ былъ очень похожъ на загнанную, забитую собаку; однако, все-таки за нимъ надо было погоняться, на немъ можно было выказать свою прыть и считался онъ все-таки лучшимъ трофеемъ дня; травля за нимъ была самымъ веселымъ эпизодомъ охоты.

Скоро все устроилось; лошадей убрали и поставили на приколы, и джигиты усѣлись ужинать отдѣльными кружками, по близости кибитокъ. Самое многолюдное и оживленное общество собралось около мирзы Кадргула и Юсупа. Батоговъ неподалеку вытиралъ кускомъ войлока и скребницей засохшій потъ и пыль на золотистой шерсти рыжаго жеребца.

— Это еще что за охота! говорилъ мирза Юсупъ. — Нѣтъ, вотъ я вамъ расскажу, какъ мы втроемъ въ кураминскихъ камышахъ на джиль-барса охотились.

— Втроемъ? кто да кто? спросилъ мирза Кадргуль.

— Двое нашихъ было да одинъ русскій казакъ — хорошій тоже охотникъ.

— Вы верхомъ были?

— Пѣшіе. Вырыли мы яму, засѣли туда, сверху камышемъ закрылись и сидимъ.

— А вѣдь страшно было, я думаю? замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Чего страшно? — Юсупъ пріосанился, — намъ ничего не было страшно; а вотъ русскій — тотъ немного трусилъ.

— Ну, еще-бы!

— Около насъ, тутъ сейчасъ, шагахъ не больше какъ въ десяти, продолжалъ рассказчикъ, — лошадь дохлая лежала: вчера еще ее джубль-барсъ зарѣзалъ да не доѣлъ. Мы и думали, что придетъ доѣдать нынче. Вотъ сидимъ; слышимъ — заревѣлъ.

— Ой-ой! и близко?

— Тутъ вотъ сейчасъ, какъ этотъ котель. Мы ждемъ. Слышимъ, реветъ еще — другой.

— Цссъ! даже слушать — страхъ беретъ...

— Ничего! слышимъ, опять реветъ — третій...

„Вотъ разоврался!“ думаетъ про себя Батоговъ. Онъ слышалъ весь разговоръ и боялся проронить слово, потому что Юсупъ сказалъ ему сегодня рано утромъ мимоходомъ: „вечеромъ, можетъ, я говорить что буду, а ты слушай“. Ну, теперь Батоговъ и слушалъ, догадываясь, что это какой-нибудь новый способъ, изобрѣтенный его джигитомъ, чтобы сообщить Батогову что-нибудь для него интересное.

— Русскій дрожить и трясется, будто его ледяная болѣзнь бьетъ; мы — ничего; думаемъ: какъ-разъ по одному на брата. Поднялся по камышамъ трескъ — ну цѣлый табунъ гонять да и только!

— Да вѣдь они больше тихо ходятъ?.. усумнился мирза Кадргуль.

— На этотъ разъ шумѣли. Глядимъ, одинъ вылѣзъ. Зубы — вотъ! — Юсупъ показалъ на рукѣ чуть не по локоть; — глаза — вотъ!.. Рассказчикъ хотѣлъ-было кивнуть на котель, да одумался и сложилъ кольцомъ пальцы. — Рыло какое — ухъ!.. Смотримъ, другой вышелъ, за нимъ — третій... оставились всѣ три да какъ заревутъ!..

— Я-бы непременно удралъ!

— Давай стрѣлять, говоритъ мнѣ потихоньку казакъ. Я говорю: погоди, неравно испугаемъ ихъ, они и уйдутъ — тогда ищи!

— Испугаешь!.. — мирза Кадргуль расхохотался и толкнулъ въ бокъ кулакомъ рассказчика. — Я думаю, у самихъ душа изъ халата выскочила!

— Ничего-таки не выскочила! Вотъ звѣри подошли къ лошади, понюхали и принялись ее жрать. Ну, думаю, пора... какъ грохнемъ! — всѣ три и повалились.

— Сразу?

— Сразу. Да это что, а слушай дальше. Вылѣзли мы изъ ямы въ нимъ, посмотримъ... и теперь точно что струсили, да и было отчего... сидятъ три бабы: одна баба черная, другая рыжая, а третья совсѣмъ бѣлая, сѣдая такая; сидятъ и животы чешуть...

— Вотъ тебѣ и разъ! слышались отдѣльные возгласы. — Это вмѣсто джунль-барсовъ-то?

— Да, вмѣсто. Мы это опять всѣ трое въ яму.

— Чего такъ?

— Страшно стало. Глядимъ, гдѣ-же бабы? Нѣту бабъ, а вмѣсто нихъ-то сидятъ на падали три большихъ вороны; глаза у нихъ совсѣмъ какъ уголья; сидятъ и докрякиваютъ носами конскія кости... Мы потихоньку, потихоньку, задомъ да задомъ, ползкомъ да ползкомъ, и такъ-то мы вплоть до самой рѣпки, безъ малаго четыре „чакрымъ“ (версты), пролѣзли. Да, вотъ какая дьявольская сторона стала! заключилъ Юсупъ и полѣзъ рукою въ блюдо съ бараниной.

— Все отъ русскихъ, заявилъ мирза Кадргуль и полѣзъ въ блюдо съ другой стороны. Нѣсколько рукъ послѣдовало ихъ примѣру.

— А-то разъ поѣхали мы рыбу ловить оволо Чиназа... началъ опять Юсупъ.

— Погоди, послѣ расскажешь, остановилъ его Кадргуль, — а-то тебя начать слушать — ѣсть перестануть.

Замолчали всѣ и началось усиленное пожирание всего, что стояло передъ джигитами; челюсти звучно грызли попадавшіеся хрящи и кости, губы и языки громко, на всю степь, всхлипывали, всасывали и подсмакивали, дыханье переводилось тяжело и какъ-то наскоро, и съ грязныхъ, лоснящихся пальцевъ капало на кожаные шаровары горячее сало.

Джигиты, должно быть, очень проголодались, да и было отчего.

— А въ какихъ бабъ джунль-барсы оборотились, — въ рус-

свихъ или въ нашихъ? спросилъ вдругъ одинъ изъ джигитовъ, вытирая носъ и губы полою халата.

— А не разглядѣли, какъ слѣдуетъ.

— Должно быть, въ русскихъ.

— Должно быть. Вѣдь онъ всѣ немного съ дьявольщиной. Года три назадъ, наши привезли двухъ; такъ одна изъ нихъ бѣлая была такая, что, все равно, какъ-будто ее изъ соли сдѣлали, а волосы у ней были въ одну масть съ твоимъ жеребцомъ, говорилъ джигитъ, обращаясь къ мирзѣ Кадргулу.— Такъ помнишь, какъ она Курбанъ-бѣй обомла, бывало, не ѣсть, ни пьеть, только сидитъ около нея, да руками держится.

— Совсѣмъ пропаль человекъ, произнесъ мирза Кадргулъ.

— Да и пропаль-бы, если-бы бабы его не догадались придушить русскую... ну, и прошло.

— Да вѣдь ее не душили, а, говорятъ, дали съѣсть чего-то.

— Давали и ѣсть, да не беретъ, ну они и того.

— Тамъ еще одна, кажется, есть, началъ Юсупъ и закашлялся, отвернувшись въ ту сторону, гдѣ Батоговъ все еще теръ рыжаго жеребца.

— То другая, ту изъ Кара-кумъ привезли.

— Я знаю, изъ Кара-кумъ, мнѣ вчера, тамъ, у нихъ въ аулѣ говорили. Видѣлъ я ее какъ-то, ну, и разспросилъ...

Батоговъ весь сосредоточился въ слухъ, только рука его, почти машинально, медленно проводила по глянцовитой, атласной шеѣ лошади.

— Привезли ихъ тогда двухъ, говорилъ Юсупъ, и когда прокашлялся, то голосъ его сталъ гораздо громче.

— Да, двухъ; съ нею еще одного человекъ привезли, тощаго такого, — и странное дѣло, въ ту пору заѣзжалъ къ намъ одинъ изъ казалинскихъ киргизъ, хорошо такъ по-русски зналъ; началъ говорить, ни тотъ его не понимаетъ, ни онъ ничего не разбереть.

Рука Батогова дрогнула, онъ наклонился немного; онъ съ большимъ вниманіемъ рассматривалъ ту маленькую трещину на копытѣ, что шла промежъ двухъ гвоздей; онъ даже пальцемъ ее слегка потрогалъ.

— А говорили наши, что ихъ трое въ арбѣ сидѣло, да одинъ барахтался очень,—его и того...

— Какъ-же, голову его привезли; она дорогою хотъ и попортилась немного, да узнать можно было, что не русскій, а джюгутъ (еврей). Въ Бухарѣ я много такихъ видалъ.

— Ну, а тотъ, что живымъ привезли?

— Тотъ здохъ, на другой-же недѣлѣ и здохъ.

— Да вѣдь это когда было?

— Вотъ уже три года, пожалуй, я-же говорилъ.

— Да вѣдь это ту, что задушили, ну, а та, что въ аулѣ?

— Все тогда-же, только съ разныхъ мѣстъ.

— А ужъ очень плоха стала, говорилъ Юсупъ, — я вчера видѣлъ; ну, совсѣмъ помирать: ходитъ будто не на своихъ ногахъ, а ее еще работать заставляютъ.

— А то что-же съ ней дѣлать?.. Выкупа за нее и тогда не было, а теперь кому она нужна?

— Была прежде хорошая баба, да слишкомъ уже на нее налегли, ну она и хирѣть начала.

Наръ-Беби въ эту минуту шла отъ вогла къ кибиткѣ. Ей пришлось проходить какъ-разъ мимо Батогова. „Что это онъ дѣлаетъ?“ подумала она и остановилась. Очень уже ее озадачило то, что она увидѣла.

Батоговъ стоялъ, упершись лбомъ въ плечо рызаго жеребца; одна рука его уцѣпилась судорожно за гриву, словно онъ собирался вскочить на коня, другая—висѣла прямо внизъ; изъ этой руки выскользнула и скребница, и войлокъ, все это лежало на землѣ. Колѣна у Батогова тряслись и подгибались.

— Эй! Ты что это? спросила Наръ-Беби.

Батоговъ словно не слышалъ этого вопроса.

— Да ну, засвучаль, что-ли? крикнула она громко.

— Что тамъ еще? спросилъ мирза Кадргулъ и приподнялся.

Юсупъ быстро подошелъ къ Батогову и тронулъ его за плечо. Рыжій жеребецъ дрогнулъ и подался въ бокъ. Батоговъ упалъ. Нѣсколько джигитовъ встали и подошли тоже. Они окружили лежавшаго.

— Что такое съ нимъ сдѣлалось? произнесъ Юсупъ и нагнулся. Батоговъ приподнялся, посмотрѣлъ вокругъ себя какимъ-то мутнымъ, неопредѣленнымъ взглядомъ и снова легъ ничкомъ, подложивъ подъ лицо свои руки.

— Ауру... (боленъ) произнесъ мирза Кадргулъ.—Оставьте его; въ утру отлежится.

— А какъ славно жеребца твоего вычистилъ, замѣтилъ одинъ джигитъ и потрепалъ по шеѣ рыжаго.

— Хорошо около коней ходить, сказалъ мирза Кадргуль и пошелъ въ вибитку.

Около *больного* стоялъ Юсупъ и, какъ кажется, немного опалѣлъ.

Батоговъ былъ въ однихъ шароварахъ, и его голая спина какъ-то странно вздрагивала. Юсупъ взялъ попону и накрылъ его. Наръ-Беби осторожно подходила съ какой-то чашкою. Ей, видимо, хотѣлось подойти, но не хватало рѣшимости.

Неподалеку лежалъ Каримва и еще одинъ изъ работниковъ.

— Ну, что, видѣлъ? спросилъ онъ,—не моя правда?

— Да что?

— Юсупъ, вонъ, накрываетъ его, видѣлъ?

— Ну, видѣлъ.

— То-то... Я уже и не то еще замѣтилъ...

Работникъ громко зѣвнулъ, потянулъ себѣ на голову рваный полосатый халатъ и свернулся клубкомъ. Каримва тоже прилегъ, но съ расчетомъ, такъ, чтобы не проронить ни одного движенія Батогова и его Юсупа, все еще стоявшаго надъ нимъ въ недоумѣннн.

Послѣднее зарево вечерней зари быстро погасало; темнота сгущалась все болѣе и болѣе. Тамъ и сямъ слышалось звучное храпѣннн спящихъ.

Вдругъ Батоговъ приподнялся, опять сѣлъ, провелъ рукою по глазамъ и тяжело вздохнулъ.

— Тюра... началъ чуть слышно Юсупъ.

— Вотъ она судьба, проговорилъ Батоговъ, задумался и опустилъ голову на колѣна.

V.

«А Каримва все знаетъ».

Къ разсвѣту, Батоговъ дѣйствительно *отлежался*, какъ предсказывалъ мирза Кадргуль.

Правда, онъ былъ какъ-будто не по себѣ, ходилъ, пону-

ривъ голову, ѣлъ мало, совсѣмъ нехотя, отказался даже отъ того куска мяса, что просунула ему въ прорѣху вибиточной кошмы краснощекая Наръ-Беби. Лицо у него было осунувшееся, блѣдное, но руки его работали хорошо, по прежнему, даже какъ-будто лучше, и кони мирзы Кадргула были вычищены такъ-же блистательно, какъ и наканунѣ.

Начью маленькая бѣда случилась, то-есть, оно смотря для кого, для какого-нибудь бѣдняка и очень большая, а для богатаго мирзы, конечно, бездѣлица.

Двухъ верблюдовъ укусили змѣи. Этихъ гадинъ много водится по близости соляныхъ болотъ. Маленькія онѣ такія, сверху сѣрыя, темно-зеленоватыя, какъ лежитъ въ илу,—ее и не замѣтишь, а чуть перевернется, или свернется кольцомъ, такъ и блеснетъ въ глаза красноватымъ, словно обложеннымъ мѣдью брюшкомъ; ползаютъ онѣ страхъ какъ шибко, прячутся при самомъ легкомъ, сколько-нибудь подозрительномъ шумѣ, а укусятъ ежели, особенно въ жаркую пору,—бѣда; если только во-время не захватишь, — то и конецъ. Такъ и теперь. Одинъ верблюдъ, помоложе, уже совсѣмъ издыхалъ; плашмя лежалъ на боку, вытянулъ ноги и только сопѣлъ своимъ надорваннымъ носомъ; другой еще держался на ногахъ, могъ даже идти потихоньку, только все смотрѣлъ налѣво, потому-что за правую щекою у него вздулась опухоль, чуть не съ арбузъ величиною, и мало-по-малу душила несчастное животное.

— Оба околѣютъ, рѣшилъ старый мулла Ашикъ. Онъ былъ знахарь по этой части, и приговоръ его остался безъ всякаго опроверженія.

Черезъ день хотѣли назадъ идти, а сегодня думали еще порыскать немного: а пока, чтобы не тратить времени, посланы были одинъ джигитъ и два работника за новыми верблюдами для подъема кибитокъ и прочаго скарба.

Изъ работниковъ поѣхали: Батоговъ и Каримка. Хотя Наръ-Беби и успѣла шепнуть Батогову: „не ѣзди,—оставайся“, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и пошелъ сдѣлать себѣ старую хромую лошадь. Ему все еще боялись давать хорошую. „А ну, какъ уйдетъ, думали они,—а на плохой много не разкачешься по степи“.

— Ишь, собачій сынъ, подумала красавица, улучила еще

удобную минуту и опять шепнула: „не Ъзди-же, говорятъ тебѣ“. И опять не получила отвѣта.

Въ головѣ у Батогова плотно засѣла какая-то дума, такая дума, что ее не могла даже выбить оттуда сама краснощечная Наръ-Беби, какъ-бы ни выставляла на показъ свои полновѣсныя формы.

Даже Юсупъ замѣтилъ это обстоятельство и, передавая Батогову арканъ, сказалъ ему:

— Гляди, тюра, не надури чего такого, чего намъ вдвоемъ не распутать.

— Небось, не надурить, сказалъ, словно какъ про себя, невѣсть откуда вывернувшійся Каримка.

Юсупъ вздрогнулъ, вытаращилъ глаза и за ножъ даже ухватился. Батоговъ тоже изумленно посмотрѣлъ на Каримку, который, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлся на лошадь, и проговорилъ:

— А, такъ ты и взаправду попалъ на слѣдъ;—ловокъ парень. Ну что-же дѣлать, самъ виноватъ.

— Ъдемъ, что-ли?! крикнулъ джигитъ, и всѣ трое пошли перебоемъ, такъ-называемой волчьей рысцою, придерживаясь окраинъ солонцовыхъ болотъ.

Впереди ѣхалъ джигитъ, за нимъ ковылялъ Батоговъ, сзади всѣхъ Каримка, ухмыляясь, посвистывая и напѣвая себѣ что-то подъ-нось.

— Погоди, запоешь иначе, думалъ Батоговъ. Онъ чувствовалъ на себѣ взгляды Каримки и ему было какъ-то неловко, словно за спину заползла какая-то гадина и скользитъ своимъ холоднымъ тѣломъ, какъ-разъ между его лопатками.

Уже далеко сзади остались кибитки. Слѣва разстилалась волнистая степь, справа, сквозь камыши, тянулись свѣтлыя полосы болотинъ, проглядывали кое-гдѣ лужи, заржавѣвшія, покрытыя сѣро-краснымъ, вонючимъ налетомъ. Мѣстами серебрилась соль, словно почва подернута была утреннимъ морозомъ. Гдѣ было совсѣмъ твердо и копыта коней звякали на ходу, гдѣ-же попадались мѣста помягче, и лошади проваливались выше колѣнъ и вязли. Инстинктивно храпѣли кони, почуявъ подъ собою невѣрную почву, и, фыркая, рвались или впередъ, или-же стремительно выдались въ бокъ, на болѣе надежную дорогу.

Джигитъ ѣхалъ молча, все сдерживая своего горячаго коня;

повременамъ онъ оглядывался и останавливался совсѣмъ: лошади работниковъ не могли поспѣвать за его сѣро-пѣгимъ и безпрестанно отставали.

Батоговъ утѣнулся глазами въ ошипанную гриву своей клячи и, казалось, дремалъ, а Каримка всю дорогу пѣль-импровизировалъ какія-то пѣсни то громче, то тише, то впутывая въ слова пѣсни понуканія своей лошади.

А Батоговъ не дремалъ, онъ думалъ. Ему было о чемъ думать.

— Ну, случилось все такъ, какъ и случилось... Средства въ рукахъ... А чьи они? Надо было разузнать, все сообразить... Не всѣ, вѣдь, убиты; одинъ только, и то потому, что *ужь очень барастался*... (Батоговъ припомнилъ это выраженіе). А жена, а нѣмецъ механикъ?.. скажешь, не зналъ?.. Нѣтъ, зналъ. Ты самъ еще *тогда* сказалъ объ этомъ... Гдѣ же они, эти жена и нѣмецъ?.. Въ степи увезли, въ неволю... Ну, а какъ ихъ можно было опять оттуда вытянуть?.. Денегъ послать, сторговаться... Вся процедура выкуповъ подобныхъ извѣстна, она вовсе незамысловата; есть даже люди, только и занимающіеся этимъ посредничествомъ, и ты этихъ людей знавалъ. Твой-же пріятель Мурза-бай могъ это для тебя устроить.

— А Каримка все знаетъ... пѣль сзади него сиповатый, ненавистный голось.

— Не предполагаешь-ли ты, другъ мой, что теперь ужь поздно поправить дѣло?.. Для нѣмца-механика оно точно, что поздновато; ну, а для той, что просо толегла, для той, *на которую поналегли очень,—она и захирѣла?*..

Батоговъ почувствовалъ, что если-бы подъ нимъ была не эта заморская кляча, а его Орликъ, онъ такъ-бы и рванулся туда, къ горамъ, за которыми бѣгаютъ русскія рубахи, туда, гдѣ есть *у кого* взять деньги, и гдѣ можно было-бы отыскать пріятеля Мурза-бая... Но пождь несчастнымъ невольникомъ была жалкая лошадевка, которая давно уже разучилась скакать, которая теперь даже спотынулась и чуть не упала отъ одного только порывистаго, конвульсивнаго движенія Батогова.

— Вотъ ты бѣжать собираешься. Юсупка твой все дѣло уже подготовилъ; онъ самъ говорилъ тебѣ объ этомъ. Ну, а у той нѣтъ Юсупки; кто подготовлялъ той хоть что-ни

будь? Развѣ у той нѣтъ, какъ у тебя, завѣтной мечты, нѣтъ томительнаго желанія, хотя на минуту, хотя передъ смертью, почувствовать себя свободно, чтобы испустить духъ не подъ плетью скуластой дикарки, а видѣть вокругъ себя сочувственныя, родныя лица...

— А Каримва все знаетъ...

— Самъ на себя погибель навлекаешь, тихо произнесъ Батоговъ и обернулся къ пѣвцу.

Даже Каримва вздрогнулъ и немного струсилъ, такіе страшныя, блуждающіе глаза были у Батогова.

— Три года тяжелаго рабства!.. Господи! Вѣдь я три мѣсяца только, и то одна надежда поддерживала; безъ этой надежды, можетъ быть, давно уже... А она? Ее что поддерживало?..

— Гей! Гей! завопилъ передній джигитъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ и сорвалъ сразу, во весь карьеръ перелетѣлъ черезъ высочій кустъ камыша и понесся по степи.

Что-то маленькое юркнуло впереди, спряталось, опять показалось, и, словно шарикъ, покатилося близко, передъ самою лошадыю джигита.

— Куянь, куянь! (заяцъ) кричалъ Каримва и заерзалъ на сѣдлѣ.

Близко, вотъ-вотъ, наскочилъ сѣро-пѣгій на удирающаго зайца; были мгновенія, что издали казалось, будто лошадь топтала передними ногами бѣглеца; но это только казалось. Нѣсколько разъ джигитъ высоко взмахивалъ плетью, быстро нагибался, словно валился съ сѣдла, но ударъ приходился просто по землѣ, поднималъ пыль, срѣзывалъ сухую степную колючку; а заяцъ, невредимый, заложивъ уши на спину, дралъ впереди, раззадоривая горячаго, въ это мгновеніе все забывшаго на свѣтѣ, охотника.

Все дальше и дальше уносился джигитъ въ своей лихой скачкѣ. Уже чуть виднѣется въ дали его верблюжій халатъ, уже ничего не видно, кромѣ пыли...

— Ну что-же, ѣдемъ, что-ли, чего дожидаться? сказалъ Батоговъ.

— Нѣтъ, Каримва одинъ съ тобою не поѣдетъ, проговорилъ работникъ и попятилъ немного свою лошадь.

— Что, поросенокъ, струсилъ?

— Ну, ну, смотри, у меня ножъ есть.

— А мнѣ наплевать на тебя и съ ножомъ твоимъ, произнесъ Батоговъ и поѣхалъ.

Каримка постоялъ, подумалъ немного и поѣхалъ осторожно сзади.

Нѣсколько времени оба ѣхали молча; даже Каримка оставилъ свою пѣсню съ припѣвомъ: „А Каримка все знаетъ“. Батоговъ опять задумался.

— Развѣ захватить и ее съ собою. Гм?..

Несмотря на свое возбужденное состояніе, Батоговъ тотчасъ-же сообразилъ всю нелѣпость этой идеи. Успѣхъ побѣга и для нихъ былъ еще сомнителенъ. Вѣдь шутка-ли, нѣсколько сотъ верстъ бесплодной степи отдѣляетъ ихъ отъ ближайшаго русскаго поста; сколько случайностей, и случайностей такихъ, что не могъ предвидѣть даже опытный Юсупъ, могло имъ встрѣтиться на этомъ продолжительномъ, тяжеломъ пути. Если *дѣло* и могло еще удасться имъ двоимъ, то, взявъ на себя такую обузу, какъ больная женщина, которую еще прежде надо было увезти изъ ея аула, они навѣрное потерпѣли-бы полнѣйшее крушеніе еще въ самомъ началѣ *дѣла*, и тогда... Тогда уже конецъ. Тогда остается только зарѣзаться...

Опять затаивъ старую пѣсню ѣхавшій сзади работникъ, опять окончилъ ее тою-же фразою, но на этотъ разъ съ добавленіемъ...

— А Каримка все знаетъ... знаетъ, знаетъ... А сегодня будетъ знать и мирза Кадргуль...

— Дьяволъ, чего ты отъ меня хочешь? крикнулъ внѣ себя Батоговъ и круто повернулъ свою лошаденку. Каримка метнулся назадъ.

Дорога шла узкою тропою; справа и слѣва тянулись трясины. Всадники думали выгадать путь и взяли на-прямивъ.

Лошади только шагомъ могли идти по этой зыбкой, предательской тропѣ.

— Я тебя задую, какъ козленка! кричалъ Батоговъ. Онъ соскочилъ съ лошади и бѣгомъ ринулся на оторопѣвшаго Каримву.

— Оставь, что ты?.. Оставь!..

Лошадь подъ Каримвою заторопилась, оборвалась задомъ и засѣла.

— Попался...

Каримка шарилъ руками у пояса: онъ искалъ рукоятку ножа. Онъ задыхался и хрипѣлъ: могучія руки тянули его съ сѣдла за воротникъ халата.

— Оставь, оставь!.. Собака... Ост...

Вдругъ лошадь подъ нимъ рванулась сильно, неожиданно. Воротникъ остался въ рукахъ у Батогова. Еще разъ рванулся конь и уже по самое брюхо ввалился въ засасывающую, бездонную тину. Сильнѣй и сильнѣй барахталась бѣдная лошадь и все дальше и дальше отбивалась отъ тропы, затягивая съ собою и своего всадника. Уже и спины не видно. Дико фыркаютъ кровавыя ноздри; глаза на выкатѣ... Только голова видна.

Дико, пронзительно завылъ Каримка и протянулъ руки по направленію къ Батогову.

А тотъ стоялъ шагахъ въ четырехъ на тропинкѣ и медленно распутывалъ намотанный у пояса арканъ.

Еще нѣсколько мгновеній и этого страшнаго, исковерканнаго ужасомъ лица, этихъ рукъ, протянутыхъ за помощью, не будетъ видно.

У кого просилъ помощи Каримка?

Батоговъ взмахнулъ арканомъ.

— А Каримка все знаетъ, но только мирза Кадргуль знать ничего не будетъ, сказалъ Батоговъ и началъ опять потихоньку сворачивать въ кольцо спасительную веревку.

Лошадь Батогова стояла спокойно, словно ничего необыкновеннаго не происходило передъ ея глазами. Она скусывала метелки съ ближайшихъ камышевыхъ стеблей, осторожно вытягивая шею.

Батоговъ сѣлъ и оглянулся.

Темно-бурая, развороченная масса медленно шевелилась все тише и тише; таеъ успокоивается пѣна на котлѣ, въ которомъ перестаетъ кипѣніе. На поверхности вздувались и лопались зеленоватые пузыри. Зацѣпившись наискось, висѣла на какомъ-то тычкѣ остроконечная войлочная шапка.

Больше ничего не было видно на поверхности.

Батоговъ глубоко и тяжело вздохнулъ.

— Своя рубашка ближе въ тѣлу, произнесъ онъ и поѣхалъ потихоньку.

Никакъ ауль какой-то впереди?.. Вонъ, дымъ столбомъ

поднимается изъ лощины; вонъ, словно, чернѣетъ вибиточный верхъ. Вонъ и еще видно что-то... Да, это камышевая изгородь. Совсѣмъ въ лощинѣ сидитъ притаившійся аулъ, но Батоговъ узналъ эти изгороди, эти кибитки. Онъ узналъ аулъ Курбанъ-бія.

У него сердце сжалось.

Вонъ что-то мелькнуло въ кустахъ... Человѣкъ никакъ; да, это женщина. Она сидитъ; около нея лежатъ двѣ вязанки камыша. Лица ея не видно: она сидитъ сюда спиною.

Батоговъ подвѣзжалъ все ближе и ближе. Аулъ былъ еще довольно далеко. Кругомъ не видно было, кромѣ ихъ, ни одного человѣка. Женщина, должно быть, услышала топотъ лошади. Она обернулась.

Батоговъ не соскочилъ: онъ свалился съ лошади.

Тотъ-же изумленный, запуганный взглядъ большихъ темныхъ глазъ встрѣтилъ Батогова.

— Здравствуй, сказалъ онъ, и больше не могъ произнести ни одного слова.

— Ты тоже *оттуда*, произнесла она и шагнула немного впередъ.—Ты русскій?

Руки женщины протянулись впередъ, задрожали и опустились снова въ изнеможеніи. Она покачнулась и не то упала, не то сѣла на вязанки.

Неподалеку, въ кустахъ заревѣлъ ишакъ. Женщина вздрогнула и заметалась... Батоговъ подошелъ совсѣмъ близко...

— Отойди... ну... зачѣмъ...

Боязливо, съ какою-то странной дрожью, смотрѣла она на него, и эти глаза диво бѣгали по сторонамъ, словно боялись появленія, вотъ оттуда, изъ-за кустовъ, чего-то уже очень страшнаго...

— Какъ зовутъ тебя?..

— Отойди... Стунай...

Она отодвинулась еще дальше, потомъ хотѣла встать, потянула за собою вязанку... Она, словно щитомъ, пыталась закрыться этимъ плохо связаннымъ, ползущимъ и топырившимся снопомъ.

Она вдругъ начала хныкать...

— Неужели! подумалъ Батоговъ; и вдругъ почувствовалъ, что по его лицу скользитъ что-то мокрое, глаза застилаетъ словно туманомъ. Онъ вдругъ зарыдалъ, бросился впередъ,

охватилъ то, что прежде всего попало ему въ руки и повалился на землю.

Онъ обнималъ, прижималъ къ своему мокрому лицу и цѣловалъ ногу, худую, судорожно дрыгающую, покрытую изрытыми, гноящимися струпьями.

Оглушительный, визгливый хохотъ раздался словно надъ самымъ ухомъ. Батоговъ вскочилъ, оглянулся.

Толстая, безобразная, хотя и молодая еще, киргизка стояла шагахъ въ трехъ отъ нихъ, подперла животъ обѣими руками и хохотала до изступленія; другая, такая-же, просто каталась по землѣ, и смѣхъ ея обратился уже во что-то очень похожее на собачье вытье, прерываемое обрывистымъ лаемъ.

Батоговъ ринулся на нихъ съ поднятыми кулаками. Должно быть, онъ былъ страшенъ, потому что хохотъ обѣихъ женщинъ обратился въ ужасающій визгъ, и онѣ пустились бѣжать въ аулу, путаясь въ своихъ полуспустившихся шароварахъ, волоча за собою размотавшіеся тюрбаны...

— Рахиль... Рахиль... говорила шопотомъ невольница и прикладывала руку къ впалой груди.

Батоговъ обнялъ ее и, нагнувшись почти къ самому уху, покойно, твердо, ударяя на каждое слово, произнесъ:

— Недалеке, какъ черезъ двѣ луны, жди оттуда (онъ указалъ на сѣверъ) придетъ къ тебѣ избавленіе...

Никакой замѣтной перемены не произвела эта фраза на лицѣ несчастной. Испугъ смѣнился покорной, немножко идиотической улыбкой, но это произошло еще прежде; глаза смотрѣли блуждающимъ взглядомъ по тому направленію, которое Батоговъ указалъ рукою. Только руки вѣрше уцѣпились за его шею и потянули къ себѣ, а тонкія губы начали складываться въ поцѣлуй, и словно обожгли лобъ Батогова своимъ прикосновеніемъ.

Нѣсколько голосовъ грубыхъ, бойко и суетливо говорящихъ приближались со стороны аула. Между ними слышались и голоса женщинъ. Батоговъ не безъ усилія отцѣпилъ отъ своей шеи руки бѣдной невольницы, взялъ лошадь свою за поводъ и быстро сталъ удаляться.

Отойдя шаговъ на двѣсти, онъ остановился, его здѣсь не могли видѣть за густою растительностью, а онъ видѣлъ то, что ему было нужно.

Человѣкъ пять киргизъ подошли къ несчастной Рахили и стали искать кого-то по сторонамъ.

— Онъ чуть не убилъ меня! визжала вдали одна изъ женщинъ.

Киргизы постояли, посмѣялись, плюнули и пошли. Одинъ изъ нихъ далъ ни съ того, ни съ сего, звонкаго подзатыльника самой толстой киргизкѣ, а потомъ тотчасъ-же повторилъ свой подшлепникъ, и всѣ пошли обратно къ аулу, и смѣхъ ихъ, и говоръ, мало-по-малу, затихли вдали, а другой звукъ, грустный, слабый, какъ шелестъ вѣтра въ камышахъ, пронесся и дрогнулъ въ воздухѣ...

Это пѣла Рахиль, опять сидя на своихъ снопахъ.

Батоговъ пошелъ къ своему аулу, ведя въ поводу лошадь. Далеко отошелъ онъ отъ того мѣста, гдѣ встрѣтилъ Рахиль, развѣ выстрѣлъ пушки могъ-бы долетѣть до него на этомъ разстояніи, а между тѣмъ онъ ясно, отчетливо слышалъ каждый звукъ ея голоса, каждую ноту ея печальной пѣсни.

Эти звуки его преслѣдовали.

VI.

Не одинъ Каримка все знаетъ.

Вотъ уже третій день какъ мирза Кадргуль съ джигитами ушелъ на промыселъ къ персидской границѣ. Юсупъ, конечно, поѣхалъ съ нимъ. Батогова потому только не взяли, что онъ заболѣлъ очень передъ самымъ походомъ. Каримку не взяли потому, что не могли его отыскать.

Въ аулѣ осталось не болѣе десяти человѣкъ джигитовъ, остались все бабы, работники, и надъ всѣмъ этимъ головою сталъ мулла Ашикъ, которому уже не подъ силу приходились труды и лишения походной жизни: лѣта брали свое, и спина столетилѣтняго старика частенько напоминала своему хозяину о будущемъ раѣ съ сорока восемью гуріями, особеннымъ кумысомъ и небесной бараниной, такого необыкновеннаго вкуса, что одинъ изъ мѣстныхъ святыхъ, Бѣлый Чабанъ-Ата, могила котораго находится на высотахъ его имени у Самарканда, во время своего перваго завтрака въ раю, не замѣтилъ, какъ вмѣстѣ съ сочной бараньей лопаткой про-

глотивъ всѣ свои десять пальцевъ и половину собственнаго языка.

И такъ, старый разбойникъ Ашикъ остался царить надъ всѣмъ ауломъ. Батоговъ попалъ пока подъ его полнѣйшее господство и съ начала не замѣчалъ никакой перемѣны въ своемъ положеніи: все было одно и то-же, не хуже, не лучше; только вмѣсто золотистаго жеребца прежняго хозяина пришлось чистить вороного аргамака теперешняго владыки и еще двухъ сивыхъ мериновъ иноходцевъ.

Батоговъ волновался и метался по аулу, какъ тигръ въ клеткѣ звѣринца. Онъ работалъ за десятерыхъ, ѣлъ мало, почти не спалъ. Онъ чувствовалъ, что приближается минута, такая минута,— „либо панъ, либо пропалъ“.

Дѣло дѣлать пора приспѣла.

Юсупъ, уходя въ походъ, имѣлъ возможность только, ясно и опредѣленно сообщить ему весь планъ задуманнаго побѣга,— планъ, который поразилъ Батогова своею обдуманностью и подготовкой. Сомнѣніе въ успѣхѣ быстро испарялось въ воспаленныхъ мозгахъ Батогова, имъ овладѣло мучительное, лихорадочное нетерпѣніе.

Подозрительный глазъ кривого Каримки, все знавшаго, не могъ больше ничего видѣть. Но плѣнникъ попалъ „изъ огня да въ полымя“, съ него не спускала глазъ другая личность, и это было похуже наблюдательности озлобленнаго, мстительнаго работника.

За Батоговымъ и день, и ночь смотрѣли два ревнивыхъ, любящихъ глаза.

За Батоговымъ слѣдила Наръ-Беби; и онъ это чувствовалъ, онъ этого боялся. Боялся болѣе, чѣмъ десяти кривыхъ Каримокъ.

Вчера вечеромъ Наръ-Беби доила кобылъ; кобылы этихъ подогнали не очень близко къ кибиткамъ; стояли онѣ въ загонѣ, въ самомъ дальнемъ, совсѣмъ почти въ лоцинѣ.

Бабы доили кобылы по очереди, Батоговъ стоялъ да наблюдалъ, чтобы кобылы вели себя смирно, отгонялъ въ задній уголъ тѣхъ, которыхъ уже выпростили, и подгонялъ къ женщинамъ другихъ, еще нетронутыхъ. Всѣмъ бабамъ пришлось по ровну работы; и всѣ онѣ уже подоили и собирались нести молоко въ кибиткамъ; только Наръ-Беби что-то запоз-

дала и ей пришлось остаться одной додаивать чалую кобылу съ лысиной во всю голову.

— Ты и не думай!.. Наръ-Беби приподнялась и оглянулась кругомъ, бѣгло обшаривъ своими вороватыми, черными глазами всѣ уголки загороди.

— Чего не думать? спросилъ Батоговъ, опершись на длинную жердь съ крюкомъ, которою обыкновенно вооружены всѣ степные пастухи.

— Самъ знаешь чего.

— Не знаю.

— Поди сюда.

Въ свою очередь, Батоговъ осмотрѣлся кругомъ, заглянулъ даже черезъ изгородь и подошелъ къ женщинѣ.

Наръ-Беби обвила его руками, оглянулась еще разъ, прижалась къ нему лицомъ и проговорила, словно прошитѣла:

— Ты отъ меня не уйдешь... слышишь? Всѣхъ джигитовъ проведешь, стараго осла Ашика проведешь; а меня — нѣтъ. Ну, такъ-ты и не думай...

— Куда мнѣ уходить? равнодушно говорилъ Батоговъ, а самъ подумалъ:— „эхъ, отчего мы не на болотѣ“...

— Тс... идетъ кто-то...

Батоговъ высвободился изъ сжимавшихъ его объятій. Впрочемъ, это была фальшивая тревога.

— Не уйдешь... не уйдешь... не уйдешь...

Наръ-Беби принялась гладить руками по головѣ Батогова.

— Да куда?..

— Куда тебя Юсупъ твой поведетъ... я все знаю.

Батогову стало страшно... Онъ, вѣроятно, вздрогнулъ, потому что Наръ-Беби тотчасъ-же сказала:

— А, испугался!.. Ты Каримку зачѣмъ убилъ?

Она пристально посмотрѣла ему въ лицо. Батоговъ чувствовалъ, что эта женщина дѣйствительно все знаетъ.

— Я его не убивалъ—мнѣ зачѣмъ?.. шепталъ Батоговъ, а самъ думалъ:—развѣ и эту тоже...

— Меня не убьешь, говорила Наръ-Беби; она точно читала всѣ мысли своего любовника.

— Колдунья—одно слово, подумалъ Батоговъ.—Надо хитрить.

— Мнѣ хорошо, — тебѣ хорошо, говорила Наръ-Беби,

Она сидѣла на опрокинутомъ разбитомъ котлѣ, а онъ стоялъ около.

— Я все знаю, а никто этого знать не будетъ. Будетъ мнѣ дурно, — тогда и другіе все знать будутъ... Да я тебя еще прежде сама зарѣжу...

— Ужъ будто и зарѣжешь?.. Батоговъ улыбнулся.

— Горло перегрызу зубами...

— Гм, ну коли такъ, коли ты все знаешь, прервалъ ее Батоговъ;—такъ я тебѣ скажу... Думалъ я точно уйти, а теперь отъ тебя куда я пойду: мнѣ и здѣсь хорошо.

— Ну, смотри...

Она быстро вскочила; ей почудилось, что кто-то идетъ за изгородью... Прислушалась, — никого.

— Смотри-же... томно говорила Наръ-Беби.

— И зачѣмъ это она такъ саломъ этимъ вонючимъ намазалась, ворчалъ Батоговъ.

Человѣка три вонныхъ подѣзжали къ загону. Батоговъ посвисталъ, щелкнулъ длиннымъ кнудомъ и совершенно скрылся въ этой массѣ пестрыхъ вонскихъ туловищей, устремившихся къ выходу. Наръ-Беби занялась перевязываніемъ кожаннаго мѣха съ молокомъ, чтобы удобнѣе было взвалить его на спину.

— Эвѣя темныя ночи начинаются, говорилъ одинъ изъ всадниковъ.

— Время къ тому идетъ, резонно замѣтилъ другой.

— Вчера ѣхалъ изъ Могуна. То есть — ничего не вижу; хоть совсѣмъ глаза закрывай, хоть паяль ихъ, что есть мочи, все одно будетъ.

— Холодать стало очень.

— Особенно къ утру... Бѣда!..

— Хоть-бы украсть ее что-ли, а то не продаешь да и шабашь.

— Это сѣрую, что ли?

— Сѣрую. Надняхъ на скачѣ былъ. Вижу, словно идетъ, махъ совсѣмъ сайгачій. Продай, говорю... Что дашь? Двѣсти вокановъ или на мѣну пойду... А этого хочешь? говорить Курбанъ.—Не продамъ, самому по сердцу. Такъ и отѣхалъ я отъ него ни съ чѣмъ.

— Чтожь, украсть недолго...

— Теперь хорошо: темно.

— Къ Ахмету, за его шестую дочь калымъ пригнали.

Покуда овецъ только, а лошадей общали на той недѣлѣ.
— А дѣвка совсѣмъ не важная, я видѣлъ.

Всадники проѣхали дальше. Говоръ ихъ затихалъ въ сгу-
щавшейся темнотѣ.

Ночь наступила темная, холодная. Въ аулѣ тамъ и сямъ
поднималось высокое пламя отъ костровъ.

— Вѣдь это послѣдняя ночь! Господи, помоги мнѣ! (онъ
упалъ на колѣна). Если не для меня, то хотя для *той*. Не
дай ей умереть здѣсь. Доведи хотя разъ еще взглянуть ей
на волю...

Что-то зашуршало и такъ близко, почти у самаго колѣна
молящагося. Батоговъ отпрянулъ. Какая-то искорка мигнула
во мракѣ, мигнула, исчезла, мигнула ближе и послышалось
знакомое шипѣнiе.

Батоговъ едва успѣлъ отскочить и взмахнуть палкою. На
пескѣ чуть виднѣлось быстро извивавшееся, черве-образное
тѣло мѣдвянки.

— Вотъ-бы во время ужалила, провлятая! нечего сказать,
кстати...

У него закопошилась суевѣрная мысль: добро или зло пред-
вѣщаетъ гадина.

Батоговъ улыбнулся.

— Неси молоко за мною...

Передъ нимъ выросла округленная фигура Наръ-Беби. Она
не могла уйти одна: она не рѣшалась оставить Батогова.

— А я думалъ, что ты уже въ аулѣ, произнесъ онъ,
взваливая на плечи мѣхъ.

— Иди за мною, отвѣчала ему Наръ-Беби и пошла впе-
реди, переваливаясь на ходу и поглядывая черезъ плечо на
идущаго за нею работника.

Эхъ, дубинушка, ухни...

Эхъ, зеленая, сама поидеть!..

затянулъ Батоговъ, шагая слѣдомъ и поглядывая на яркую
точку полярной звѣзды,—точку, которая въ эти темныя, не-
проглядныя ночи должна будетъ служить имъ единственнымъ
путеводителемъ.

Батогову казалось, что эта звѣзда сегодня особенно ярко
свѣтитъ, за этимъ манящимъ свѣтомъ не видно остальныхъ
свѣтилъ, не видно даже поднявшейся довольно высоко семи-
звѣздной большой медвѣдицы.

Въ аулѣ какъ-то особенно жалостливо, уныло выли проголодавшіяся собаки и пронзительно ревъѣлъ испуганный кѣмъ-то ишаекъ, уставившись глазами на огонь ближайшаго костра.

VII.

Побѣгъ.

— Ну, мой-то плоховать, говорилъ про себя Батоговъ разсматривая при свѣтѣ костра остатки своего верблюжьяго халата. Почти до послѣдней степени возможности носилъ этотъ халатъ его хозяинъ, наконецъ, бросилъ: и рукава обтрепались, и полы висѣли зубцами, и заплатъ на немъ было больше, чѣмъ цѣлыхъ мѣстъ; сала изъ него можно было-бы вытопить добрую чашку, и несло отъ этого халата чуть не за десять сажень. Батоговъ и надѣвать его не рѣшался, предпочиталъ ходить въ однихъ шароварахъ, пока было тепло, а теперь настали холода, да къ тому-же въ дорогу не мѣшало привести свой костюмъ хотя въ какой-нибудь порядоekъ.

А Батоговъ собирался въ дорогу, и, по его соображеніямъ, отправляться въ эту дорогу предстояло сегодня ночью.

— Вотъ мирза Кадргуль вернется, онъ тебѣ новый дастъ къ зимѣ-то, сказалъ кто-то, сидящій по другую сторону костра. Густой дымъ, поднявшійся отъ новаго пучка сырого камняша, подброшеннаго на огонь, закрывалъ говорившаго.

— А то не дастъ, отвѣчалъ Батоговъ—Въ этомъ не проживешь...

— У Каримки хорошій былъ, крѣпкій...

Батоговъ сталъ присматриваться къ говорившему.

— Да, новый, крѣпкій; да пропалъ куда-то онъ, вмѣстѣ съ халатомъ, говорилъ тотъ-же голосъ.

Батоговъ нагнулся, на сколько позволялъ дымъ; онъ разсмотрѣлъ маленькаго, чернаго, словно закопченнаго, киргиза, сидѣвшаго на корточкахъ и грѣвшаго надъ огнемъ свои пальцы.

— Нѣтъ, этотъ, вѣжется, спроста говорить, подумалъ Батоговъ... Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему вездѣ, во всякомъ словѣ чудились намеки.

Наръ-Беби подлила масла въ огонь своею сценою въ заго-

родни, и этой сцены было достаточно, для того, чтобы ему со всѣхъ сторонъ казались блестящiе, дышащiе ревностью глаза женщины, уставившіеся на него изъ темноты. Онъ даже обернулся быстро, неожиданно даже для самого себя.

Какая-то искорка блеснула далеко, тамъ у самой лоцины. Собаки усилили вой...

— Волки, должно быть, замѣтилъ черномазый.

— Волки, согласился съ нимъ Батоговъ и похолодѣлъ весь, несмотря на близость огня. Онъ зналъ, что это за волки... „Вонъ та звѣзда тамъ будетъ“ говорилъ ему его Юсупъ, когда сообщалъ подробности.

Батоговъ взглянулъ наверхъ... Та звѣзда была тамъ.

А народъ въ аулѣ какъ нарочно не укладывался на покой, Батогову казалось, что это все дѣлается для того, чтобы помѣшать его побѣгу, ему казалось, что всѣ знаютъ, всѣ его стерегутъ, что вниманіе всякаго устремлено именно на тотъ, чуть замѣтный, свѣтлый треугольникъ, образовавшійся между двухъ скатовъ лоцины, въ то самое мѣсто, гдѣ только что блеснулъ свѣтъ, куда повернули свои острия морды, развывшіеся на весь аулъ собаки.

— Давай на мой мѣняться, приставалъ къ нему все тотъ же киргизъ и протягивалъ какую-то полосатую ветошь.

— Отстань...

— Я не много возьму придачи; ты смотри, мой совсѣмъ новый...

Подошло еще два джигита и сѣли рядомъ съ Батоговымъ.

— Что-то спать не хочется, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Цѣлый день дрыхли и безъ того, произнесъ другой, и оба взглянули на Батогова.

— Это невыносимо... чуть не вслухъ простоналъ Батоговъ. Онъ всталъ.

— Сиди!.. его ухватили за шаровары.

— Оставь!.. пусти.

— Да ну, куда тебѣ спѣшить?

Двѣ руки сразу посадили, почти повалили его на землю.

— Все кончено, подумалъ несчастный.

Оба киргиза засмѣялись.

— За полночь переходить—смотри.

Глаза Батогова тоже устремились невольнo къ верху.

Та звезда переходила уже съ того мѣста.

Сердце несчастнаго стучало такъ сильно, что могли-бы и другіе слышать эти учащенные, глухіе удары, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Батогову; голова его горѣла, а между тѣмъ всего его трясло какъ въ лихорадкѣ... Развѣ силу пустить въ ходъ, мелькнуло у него въ головѣ... Все равно пропадать... А можетъ быть... Онъ рванулся.

Его никто не держалъ, на него только смотрѣли.

— Да что ты, опять заболѣлъ? спросилъ у него джигитъ...

— Ну, куда идешь? погоди, еще спать рано.

— Ты намъ сказку расскажи...

— Помнишь ту, что прошлый разъ не досказалъ... про царя съ длинною бородою...

— А можетъ и вправду они ничего не знаютъ, подумалъ Батоговъ и началъ успокаиваться.

— Да ну, рассказывай...

— Ахъ, чтобъ ихъ провлятыхъ... въ крюкъ свело! эва развылись...

Теперь уже вытье собакъ стало дѣйствительно невыносимо, оно, мало по малу, переходило въ яростный лай. Рыжий, тощій песь, лежавшій неподалеку рванулся съ мѣста, взвизгнулъ и понесся въ темноту.

— А ну ихъ къ самому дьяволу! что-же сказку-то?

— Ну, во время, думалъ Батоговъ.

Человѣкъ пять быстро прошли мимо костра. Они шли за собаками, шли прямо къ лоцинѣ.

— Такъ вотъ стали чесать царю бороду, началъ Батоговъ дрожащимъ, задыхающимся голосомъ.

— Постой, ты не съ того началъ, прервалъ его одинъ изъ слушателей.

— Ну, не мѣшай, онъ знаетъ.

— Принесли большой, золотой гребень...

— Загороди горятъ! пронесся крикъ по аулу.

Въ противоположной сторонѣ вдругъ взвилось красное пламя. Огненные языки словно живымъ кольцомъ охватили огороженные камышемъ пространства. Запертые тамъ жеребята зашатались, ошеломленные, вытаращивъ глаза, поднявъ къверху свои короткіе хвостыки...

Все вкнулось туда.

Рѣзкій свистъ послышался съ другой стороны. Батоговъ понялъ все. Онъ хотѣлъ бѣжать.—ноги словно приросли къ землѣ; хотѣлъ крикнуть,—звукъ пропадалъ еще въ горлѣ, не вырываясь на свободу.

— Да время уходитъ, Господи!.. что-же это со мною?..

Новый свистъ пронесся въ воздухѣ...

Вдругъ въ него вцѣпились и крѣпко охватили его корпусъ женскія руки...

— А... ты уходитъ!.. завизжала Наръ-Беби и повисла на немъ, чуть не поваливъ его на землю этимъ порывистымъ движеніемъ.

Сознаніе воротилось къ Батогову. Новая опасность воскресила въ немъ всѣ его силы.

Руки, сжимавшія его съ такою силою, мгновенно разомкнулись, и Наръ-Беби тяжело, почти безъ стона, не то упала, не то присѣла на песокъ и тихо запрокинулась навзничь. Страшный ударъ кулака Батогова пришелся какъ разъ по ея виску.

Бѣгомъ, не разбирая препятствій, кинулся Батоговъ къ лошадѣ, ему подъ ноги подвернулась какая-то собака; онъ упалъ. Со стороны горѣвшихъ загоновъ доносились крики. Тонкія, камышевыя загороди сгорѣли быстро... и все погрузилось снова въ глубокой мракъ; даже костры почти потухли, потому что, въ минуту тревоги, некому было подбладывать топливо. Разбѣжавшіеся жеребята шныряли и путались между вибитками. Передъ Батоговымъ стояли двѣ совершенно осѣдланныя лошади и фыркали, косясь на аульную тревогу. На одной сидѣлъ всадникъ, другая, свободная, безъ привязи, съ закинутыми на сѣдло поводьями, била копытомъ сырой песокъ, вытянула свою красивую шею и втягивала дрожащими ноздрями пропитанный дымомъ и туманомъ ночной воздухъ.

— Садись, тюра, время терять нечего, говорилъ Юсупъ торопливымъ, радостнымъ и вмѣстѣ тревожнымъ полушопотомъ.

— Орликъ—мой Орликъ!.. всхлипывалъ Батоговъ, садясь поспѣшно на лошадь. Онъ не въ силахъ былъ удержать душившихъ его рыданій.—Господи! я думалъ было, что уже все пропало. Юсупъ,—родной мой!.. Наръ-Беби, — я убилъ ее... кажется... пожаръ помогъ... сказку говорилъ... Юсупъ, да ты слушай!.. Вѣдь та звѣзда... помнишь, въ аулѣ? я

видѣлъ—она съ ума сошла... Дошли вы до границы, а?—да говори-же... Вѣдь это воля... свобода!..

Юсупъ на всемъ скаку снялъ съ себя верхній халатъ и навинулъ его на голыя, дрожащія плечи Батогова.

Они неслись во всю прыть своихъ лошадей...

Далеко сзади чуть мерцали аульные огни, шумъ и голоса замерли вдали; давно уже отстала преслѣдовавшая ихъ сначала собачья стая.

Передъ ними разстился необозримый мракъ ночи. Этотъ мракъ словно проглатывалъ бѣглецовъ; казалось, по воздуху неслись кони въ своей отчаянной скачкѣ. Въ отуманенныхъ слезами глазахъ Батогова мерцала только одна *та* звѣзда.

А въ эту минуту въ аулъ Курбанъ-бидъ на *ту-же* звѣзду пристально смотрѣли еще два глаза. Томительный вопросъ видѣнъ былъ въ этомъ полуугасавшемъ взорѣ, словно отъ *этой* звѣзды ждали роковой вѣсти, способной или воскресить вновь, или-же доканать совсѣмъ эти слабые остатки жизненной силы.

VIII.

На привалѣ.

— Однако, теперь уже можно и потихоньку ѣхать, говорилъ Юсупъ, задерживая лошадь.

Они уже часа два скакали, предоставивъ лошадямъ самимъ розыскивать себѣ удобную дорогу. Юсупъ только берегъ главное направленіе. Нѣсколько разъ вѣрный джигитъ долженъ былъ нагибаться и придерживать за поводъ горячившаго Орлика. Батогову казалось все, что они слишкомъ тихо ѣдутъ, слишкомъ медленно удаляются отъ ненавистнаго аула. По временамъ ему чудились: топотъ сзади, приближающіеся крики и свистъ; лай собакъ все еще звенѣлъ у него въ ушахъ... и онъ, все сильнѣй и сильнѣй, сжималъ ногами взмыленные бока лошади, оглядываясь назадъ и прислушиваясь къ этимъ страшнымъ звукамъ... Разъ даже ему показалось, что его схватили и тащатъ съ сѣдла... Голосъ Наръ-Беби шепталъ: „нѣтъ, не уйдешь... куда?..“

— Да ну, тюра, не бойся, говорилъ Юсупъ, почти

вплотную прижавшись къ Батогову. Онъ словно понималъ, что творится на душѣ бѣглеца.

— Они гонятся... намъ не уйти... вотъ они!.. шепталъ Батоговъ...

— Да никто не гонится... Имъ не до насъ теперь... У нихъ такой переполохъ... Вѣдь это я запалилъ имъ загороди... Они, можетъ быть, и не хватятся тебя сегодня ночью...

— Не хватятся;—нѣтъ, уже хватились... Тамъ, у самаго кюстра...

Батоговъ живо представлялъ себѣ, какъ озадачатся всѣ, найдя у самаго огня Наръ-Беби безъ всякаго признака жизни.

— Экъ я ее свиснулъ, думалъ онъ и самъ чувствовалъ, какъ подъ его кулакомъ хрустнули, подаваясь, височные хрящи несчастной.

— Мы уже версты двадцать ушли... надо побережь лошадей, говорилъ джигитъ. — Въ такую темь они и гнаться не стануть. Почему имъ знать куда? ни слѣда не видно, ничего... Да и кому гнаться за нами? лучшіе кони съ мирзой Кадргуломъ, да и тѣмъ далеко до нашихъ. Вотъ золотистый, такъ тотъ былъ-бы хорошъ, да я ему, на всякій случай, ноги попортилъ.

Предусмотрительность Юсупа выказывалась въ полномъ блескѣ.

На всемъ скаку обѣ лошади шарахнулись въ сторону. Это было такъ неожиданно, что даже такіе вѣдоки, какъ наши бѣглецы, чуть не вылетѣли изъ сѣделъ.

— А чортъ-бы васъ дралъ, крикнулъ Батоговъ.

Кравнулъ и Юсупъ, уцѣпившись обѣими руками за гриву.

Нѣсколько шакалокъ, взвизгивая по собачьи и огрызаясь, теребили какую-то темную массу, должно быть околѣвшаго верблюда; они разсыпались врозь, поджавъ хвосты, при видѣ двухъ всадниковъ, неожиданно налетѣвшихъ изъ мрака на ихъ пирушку.

— Ну, мы на хорошей дорогѣ, произнесъ Юсупъ, разглядѣвшій въ чемъ дѣло. — Это караванный путь къ Митану. Намъ теперь все правой стороны держаться надо.

Они поѣхали крупнымъ, степнымъ шагомъ. Лошади потряхивали головами и отфыркивались. Шутя пронеслись они это

пространство, и казалось, по одному знаку всадниковъ, готовы были снова проскакать столько-же.

Несмотря на сильный холодъ осенней ночи, Батоговъ былъ весь въ поту, и его начинала мучить нестерпимая жажда.

— Съ тобой есть вода? спросилъ онъ Юсупа.

— Еще чего захотѣль?... ухмыльнулся джигитъ.

— Пить хочу... такъ и горитъ внутри, говорилъ Батоговъ.

— Погоритъ, перестанетъ...

Юсупъ относился теперь къ своему „тюра“ гораздо фамильярнѣе, чѣмъ до плѣна... Прежняя рабская, немного собачья покорность и подобострастіе исчезли;—все это замѣнилось другимъ, болѣе хорошимъ чувствомъ. Дикарь инстинктивно чувствовалъ, что теперь они оба „тюра“, оба джигиты... Теперь они только товарищи... И если-бы въ настоящую минуту Батоговъ далъ ему по уху, какъ прежде, за дурно сваренный глинтвейнъ, то, навѣрно, Юсупъ отвѣтилъ-бы тѣмъ-же.

— Ну, потерпи немного, потерпи... Къ утру мы будемъ у ключей; тамъ есть вода, хорошая вода есть; я двѣ недѣли тому назадъ былъ, видѣлъ; а народу тамъ нѣтъ; всѣ ушли къ озерамъ... я и это знаю. Я все знаю: кто куда отбывалъ, когда гдѣ будетъ,—все знаю. Я вѣдь за этимъ и ѣздилъ, помнишь тогда. Это я дорогу искалъ настоящую, такую дорогу, чтобы, кромѣ насъ, никого людей на ней не было бы въ эту пору...

— Сзади бояться нечего, говорилъ джигитъ, съ оживленіемъ передавая Батогову свои соображенія. — За нами, что за вѣтромъ, не угонятся. А вотъ, чтобы насъ не перехватили на пути, вотъ тогда бѣда была-бы совсѣмъ. Особенно я одного мѣста боюсь; тамъ меня немножко замѣтили... Юсупъ почесалъ у себя надъ бровью, какъ будто у него заболѣлъ, при этомъ воспоминаніи, старый шрамъ, что привезъ джигитъ изъ своей поѣздки.

— А лихой ты парень, произнесъ Батоговъ и потрепалъ Юсупа по затылку.

— Эге, засмѣялся Юсупъ. — Вотъ, погоди, пріѣдемъ къ вамъ на Дарью... Тамъ въ походъ вмѣстѣ пойдемъ. Ты смотри, Юсупкѣ крестъ попроси у генерала, такой бѣлый, что Атамвукѣ дали. Юсупка его на халатѣ носить будетъ; и

„мендаль“ съ птицею на красной лентѣ, непременно чтобы, слышишь!..

У Юсупа начинали заигрывать честолюбивые замыслы.

— Стой!..

— Тихе,—слушай!..

— Тс!.. да будетъ надъ нами милость Аллаха.

Близко, казалось, что не болѣе, какъ въ пятидесяти саженьяхъ, проходилъ отрядъ юнницы. Многочисленные копыта дробно стучали по твердому грунту степи; кусты колючки шелестѣли, путаясь между ногами. Но какъ ни напрягали свои испуганные глаза Юсупъ съ Батоговымъ, они рѣшительно ничего не могли видѣть въ этой непроницаемой темнотѣ.

— Только-бы наши не заржали, шепнулъ Батоговъ на ухо товарищу.

— Оглаживай, говорилъ ему также тихо Юсупъ.

• Орликъ фыркнулъ. Батоговъ похолодѣлъ.

Громкій хохотъ Юсупа покрылъ собою глухой топотъ быстро удалявшихся многочисленныхъ ногъ мнимаго отряда.

— Сайгаки!.. хохоталъ Юсупъ,—что, небось, струсилъ?.. и онъ раскачивался въ сѣдлѣ, ухватившись подъ бока руками.

— Я уже думалъ, что совсѣмъ пропали, говорилъ Батоговъ, едва переводя духъ.

— Небось, не пропадемъ, живы будемъ. Четырехъ дней не пройдетъ,—съ своими увидимся.

Еще не совсѣмъ хорошо разсвѣло, какъ Юсупъ, внимательно приглядываясь къ самымъ ничтожнымъ предметамъ, попадавшимся на пути, остановилъ свою лошадь и сказалъ:

— Ну, теперь мы можемъ и отдохнуть. Мы въ самой лощинѣ, у ключей...

— Вода гдѣ?.. спрашивалъ Батоговъ.

— Сейчасъ и воду отыщемъ;—тутъ она близко: немного только порыть и готово.

Батоговъ слѣзъ съ лошади. Онъ былъ безъ обуви, и его

босыя ноги сразу ощутили холодную сырость влажнаго песка, на днѣ лощины.

— А знаешь, сообщилъ Юсупъ.—Мы въ одну ночь слишкомъ восемь ташей сдѣлали (около шестидесяти версть).

— Гоняйся за нами кто хочетъ! здѣсь мы весь день простоимъ, если что не помѣшаетъ; а въ ночи опять въ походъ. Ну, давай убирать коней.

Лошадей не разсѣдывали, только немного ослабили подпруги и вынули удила; ноздри, глаза, даже уши были тщательно протерты концемъ шерстяного пояса. Юсупъ досталъ изъ мѣшка приколы и привязалъ лошадей, спутавъ ихъ предварительно поводьями; это, обыкновенно, дѣлается, такимъ образомъ: поводья одной лошади перекидываются за сѣдло другой. Затѣмъ оба путешественника принялись разрывать песокъ, пуская въ ходъ ножи, а чаще руки.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса довольно легкой работы, песокъ сталъ таеъ влаженъ, что, когда его сжимали между ладонями, то грязная вода струйками сбѣгала между пальцами. Тогда работа была приостановлена: надо было имѣть терпѣніе дожидаться пока вода накопится въ этой воронкообразной ямѣ и отстоится на столько, чтобы быть годной къ употребленію.

Свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось небо, и ясно вырѣзывались кустарники колючки и между ними какіе-то угловатые черные камни, разбросанные по гребнямъ сѣатовъ лощины. Лощина эта шла извилиной, точно русло когда-то протекавшей рѣки; рыхлый, влажный темнокрасный песокъ покрывалъ ея дно и сквозь этотъ песокъ, словно щетина, пробивались красноватые стебельки степной осоки (ранга).

Юсупъ развязалъ свой куржумъ и досталъ оттуда кунганъ, мѣшочекъ съ чаемъ, цѣлую баранью лопатку, не то вареную, не то пареную, не то просто сырую, по виду разобрать было довольно трудно, и принялся устраивать завтракъ.

— Тутъ если мы и огонь разведемъ (говорилъ онъ Батогову), такой маленький, таеъ насъ никто не увидить. Набери-во сухой колючки, вонъ тамъ по окраинамъ. Да смотри не опейся... Ты немного, съ разу-то...

Послѣднее замѣчаніе было произнесено по поводу того обстоятельства, что Батоговъ, припавъ на животъ у самаго

врая вырытаго родника, почти не отрывалъ рта отъ его поверхности...

Не болѣе какъ черезъ четверть часа маленькій кунганчикъ закипалъ, поставленный къ самому огню, и мирза Юсупъ взвѣшивалъ у себя на рукѣ отсыпанную изъ мѣшечка порцію зеленого бухарскаго чая.

Батогову сильно хотѣлось спать, да и самъ Юсупъ раза два вкюнулъ носомъ.

Принялись завтракать.

— Теперь вотъ что, говорилъ джигитъ, навязывая лошадямъ торбы съ ячменемъ.—Я полѣзу туда на верхъ, а ты спи. Съ того гребня далеко видно, и ежели что замѣчу... Да ну, ложись-же...

И онъ полѣзъ на верхъ, гдѣ, выставивъ свою голову между двухъ большихъ камней, принялся, лежа на брюхѣ, наблюдать окрестности.

Цѣлый день просидѣли бѣглецы въ своей лощинѣ, по очереди вылѣзая на сторожку. Повуда одинъ спалъ, другой сидѣлъ, да поглядывалъ. Съ высоты гребня далеко видно было кругомъ, и всякая опасность могла-бы быть замѣчена во время.

Для Юсупа время не тянулось, вѣроятно, слишкомъ долго: онъ все находилъ себѣ какую-нибудь работу: то у лошадей что-то возится, то во выкояхъ копается, то оружіе сотый разъ сальною тряпкою смазываетъ... Все время онъ говорилъ что-то и напѣвалъ. Нельзя было разобрать, съ кѣмъ онъ разговариваетъ: съ Батоговымъ-ли, съ лошадями-ли, тае-ли просто, самъ съ собою... и ни на одну секунду эта живая, впечатлительная, полудивная натура не могла успокоиться.

Для его русскаго товарища день казался безконечнымъ, и онъ нѣсколько разъ говорилъ:

— Э, да кой дьяволъ насъ увидить? гнать и гнать поскорѣе...

А Юсупъ на это всякій разъ отвѣчалъ:

— Лучше одинъ день пропадетъ задаромъ, чѣмъ наши головы. А ужъ если попадемся, то наврядъ отвергнемся.

Облачка пыли тамъ и сямъ носились по горизонту. Затаявъ дыханіе, присматривались бѣглецы къ этимъ клубамъ.

— Сайгаки! говорилъ Юсупъ,—а можетъ быть, кулани.

— Тюрьмены! произносилъ, стиснувъ зубы, Батоговъ и

припадалъ къ самой землѣ, плотно-плотно, словно хотѣлъ втискаться въ нее своимъ тѣломъ.

— А что, не моя правда? тихо смѣялся Юсупъ.—Смотри, вонъ *они* къ барханамъ подрали—вонъ, отсталъ одинъ... А вонъ еще пара..

— Эхъ! то есть, кажется, одинъ-бы десятерыхъ уложилъ, если-бъ пришлось схватиться...

При одной мысли о погонѣ и возможности схватки, Батоговъ чувствовалъ, какъ конвульсивно сжимались мускулы, ногти сжатыхъ въ кулаки пальцевъ впивались въ горячія ладони, глаза горѣли лихорадочнымъ жаромъ... Силы удвоивались.

— Я только одного боюсь, сообщалъ Юсупъ:—тамъ на Заравшанѣ не ладно. Если русскіе погонять Назаръ-кула, то онъ, пожалуй, на нашу дорогу отойдетъ... да вотъ и Садыкъ съ своими оборванцами въ той сторонѣ шатается.

— Ну, теперь уже больше на Аллаха налегать нужно, заявлялъ Батоговъ.

— Не безъ него, законически отвѣчалъ Юсупъ и что-то соображалъ, розыскивая у себя по швамъ халата бѣлыхъ паразитовъ.

— Я къ тому больше рѣчь веду, началъ опять Юсупъ,— что это все-бы еще поль-бѣды...

— Это попасться-то?

— Нѣтъ, какъ-бы мы попались?—Ты, смотри, тебя обрили вотъ, голова твоя совсѣмъ голая, какъ волѣно. Ну, и къ рождѣ твоей надо долго приглядываться, чтобы узнать, что ты за птица, подумаютъ:—такіе-же шатуны, какъ и они... Ну и обойдется...

— Такъ что-жъ, тебѣ страшно, что на нашей дорогѣ они бродятъ?

— Человѣкъ такой есть тамъ.

— Какой.

— Нехорошій... Онъ то, пожалуй, и хорошій человѣкъ, да для насъ съ тобой нехорошій. Ты его знаешь.

— Кто такой?

— Да помнишь, тотъ сѣдой, высокій такой, въ прежней шайкѣ что былъ?..

— Не помню.

— Сафаромъ его звать.

— А... сказочникъ. Да ты какъ-же съ нимъ встрѣтился...

— Привель Аллаха... Онъ сперва не узналъ меня, да Орликъ твой выдалъ, эдакая лошадь примѣтная!..

— Ну, что-же вышло изъ того?...

— Схватились немного... Я то не затрогиваль. Мнѣ-бы только удрать... Ну, а они насѣдаютъ... Да хорошо, что я не слѣзалъ съ лошади, а то пропаль-бы. Сафаръ-то ореть во все горло: бери его!.. Они ко мнѣ!.. Повозились немного... я, кажется, кого-то стукнулъ... и меня тоже зацѣпили... ну... а потомъ я ушелъ...

— Это все въ тотъ разъ, когда изъ аула отлучался?..

— Въ тотъ самый... Какъ вѣдь боялся, чтобы не выслѣдили!..

Обѣ лошади давно уже безпокоились и нетерпѣливо рыли ногами землю, особенно замѣтно волновался Орликъ.

— Что съ ними? произнесъ Батоговъ, поднимаясь на ноги.—Онѣ что-то чуютъ?..

— Непогоду чуютъ, я уже давно за ними замѣчаю, отвѣчалъ Юсупъ.—Да, вонъ, гляди, какая туча съ востока поднимается. Да и холодомъ какъ потянуло. Смотри, какъ разъ буранъ разыграется.

— А не пора-ли намъ собираться, время-то къ ночи.

— А это!..

Юсупъ показаль рукою на небо, которое все темнѣло и темнѣло, и въ этой медленно, неудержимо надвигающейся темнотѣ, словно пороховыя облака, неслись и стлались низко по землѣ пыльные вихри. Какой-то стройный, свистящій шумъ доносился до самой лощины, и сѣвозъ верблюжьи халаты прохватывали рѣзкія струи холоднаго вѣтра.

— Съ градомъ идетъ. Теперь намъ и думать нельзя выходить изъ лощины, сказалъ Юсупъ.

— Къ конямъ ближе держаться надо... Смотри, смотри!

Оба путника обратили невольно свое вниманіе на узкій спускъ въ лощину, въ одной изъ боковыхъ промоинъ. Тамъ, робко переступая, показалось животное, ну совсѣмъ маленькая лошадка, съ торчащими, немного длинноватыми ушами, съ большою, испуганною, глупою головою, вся дрожащая отъ страха при видѣ людей, но, вѣрно, то, отчего спасалось животное, было страшнѣй того, что встрѣтило оно въ спасительной лощинѣ.

За передовымъ куланомъ показалаея еще такая-же озадаченная голова, тамъ еще и еще, и все небольшое стадо, штукъ восемь не больше, сбившись въ кучу, не рѣшаяея двинуться впередъ, сгруппировалось у спуска.

— Бѣдовый буранъ будетъ, шепталъ Юсупъ.—Уже коли эти головастые прячутся, значить, дѣло худо!..

Двѣ-три крупныя градины звонко щелкнули о песокъ, высоко подпрыгнули и зарекошетировали по дну лоцины. Глухой, дробный грохотъ слышался все ближе и ближе, сплошная, бѣловатая стѣна, охвативъ поль-горизонта, по мѣрѣ своего приближенія, росла все выше и выше. Высоко надъ головою кружились два большихъ степныхъ орла. Сильныя птицы учащенно размахивали своими могучими крыльями: онѣ боролись съ силою вѣтра, онѣ хотѣли подняться выше, вырваться изъ этого вихря, но, кажется, и имъ не подъ силу была эта борьба, раза два онѣ, словно подстрѣленные, перевортывались, мелькая бѣловатыми животами, и, уступая воздушному теченію неслись словно распластанныя, рваныя тряпки, до новой попытки пробиться сквозь градовыя тучи.

Быстро бѣгло дно лоцины, покрываяея прыгающими по всевозможнымъ направлениамъ градинами. Орликъ и сѣрый повернулись задомъ къ вѣтру, согнули свои спины, защищенныя выюками, и опустили до самыхъ копытъ свои головы... Бѣдныя животныя вздрагивали и даже брыкались, когда какая-нибудь градина, чуть не съ орѣхъ величиною, больно щелкала по непокрытому крупу. Батоговъ и Юсупъ сворчались и покрыли свои головы халатами.

Въ пяти шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть.

— Теперь если у кого атара въ степи, говорилъ Юсупъ, пожимая подъ халатомъ плечами,—сколько овецъ перебьетъ...

— Что-же, эдакъ мы всю ночь просидимъ изъ-за этого проклятаго бурана, ворчалъ Батоговъ;—а тамъ опять утро, опять свѣтло,—опять сидѣть придется въ этой берлогѣ.

— Противъ Аллаха не пойдешь! вздохнулъ Юсупъ.

— Ну, совсѣмъ ноевъ ковчегъ. Гляди!..

Двѣ ушастыя мордочки мелькнули близко-близко, сквозь бѣловатую мглу, взвизгнули и попятились. Юсупъ гикнулъ, морды спрятались.

Орликъ дико храпнулъ и поддалъ задомъ... Кованыя ноги ударили въ какое-то живое тѣло; къ завываніемъ градовой

мятели прибавилось другое, почти схожее унылое вытье. Юсупъ и Батоговъ подползли вплотную къ лошадямъ и намотали на руки поводья.

— Все надежнѣе будетъ, произнесъ Батоговъ и дрожаль всѣмъ тѣломъ. Рѣзкій холодъ усиливался, зубы выбивали дробь, руки, особенно ноги коченѣли.

— Еще счастье, что мы не въ открытой степи, сообщалъ Юсупъ.—А то-бы совсѣмъ смерть.

— Эхъ, коли-бы хоть глоточекъ водки!.. вздыхалъ Батоговъ.—Давненько я ее не пробоваль.

— Погоди, приѣдемъ, я тебѣ опять ту красную штуку сварю, что у Саидъ-Азима, помнишь, пили, утѣшалъ его Юсупъ.

— Сдохнемъ десять разъ, прежде чѣмъ доѣдемъ...

Батоговымъ начало овладѣвать уныніе.

— Ну, великъ Аллахъ и пророкъ! проносить, кажется... Виднѣе немного стало.

Оба они высунули свои носы изъ подъ халатовъ и начали присматриваться.

Очертанія гребней начали слегка вырисоваться. Батогову показалось, что высоко мелькнули сквозь разраженные тучи свѣтлыя точки.

— Звѣзды, еще ночь! крикнулъ онъ.

Ему вдругъ стало ужасно весело... Онъ пустился въ прыжки: онъ хотѣлъ согрѣться этимъ быстрымъ движеніемъ. Юсупъ смотрѣлъ, смотрѣлъ и тоже заработалъ ногами. Лошади подняли головы и со вниманіемъ смотрѣли на плясуну.

— Ну, теперь въ путь, перевелъ духъ Батоговъ и сталъ подтягивать подруги.

Они сѣли на прозябшихъ коней и тронулись.

IX.

Въ шайкахъ Назара.

Весь кишлакъ (деревня) состоялъ не болѣе, какъ изъ десяти савель. Крыши у всѣхъ этихъ савель были разломаны и чернѣли обугленные балки, торча изъ-за закоптѣлыхъ, приземистыхъ стѣнъ. Запасы корма и топлива были сожжены, и тамъ,

гдѣ прежде возвышались скирды клеверныхъ сноповъ, лежали груды бѣловатой золы, и каждый легкій порывъ вѣтра разрывалъ эту золу и разносилъ ее по узкой, единственной улицѣ кишлака, засыпалъ ею лужи почернѣлой, запекшейся крови, тонкимъ слоемъ покрывалъ искаженные, позеленѣвшія лица мертвецовъ, тамъ и сямъ лежавшихъ въ самыхъ неестественныхъ, отвратительныхъ позахъ.

Десятка два воронъ и пара черныхъ, какъ уголь, грачей перелетали съ мѣста на мѣсто: клювы у этихъ хищниковъ были широко раскрыты, они лѣниво взмахивали крыльями, дышали они тяжело, малѣйшее движеніе ихъ тяготило: ужь очень они наѣлись...

Эти птицы да еще рыжая съ черными пятнами кошка, на мгновеніе выглянувшая изъ-подъ разбитаго сундука, были единственными живыми существами во всемъ кишлакѣ.

Дорога, проходящая черезъ это селеніе, шла изъ бокового скалистаго ущелья, спускалась внизъ и, обогнувъ маленькій, заплесневѣлый прудокъ, надъ которымъ свѣсилась оголенные вѣтви тальника, шла дальше, теряясь между холмистыми пригорками. За эту волнообразною грядою начиналась заравшанская долина — густонаселенная, плодородная полоса, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Заравшана, Акъ-Дарьи и Нуруная.

Горное эхо принесло съ собою звукъ, весьма похожій на человѣческой голось. Большая, жирная ворона, долбившая носомъ гладко-обритый затылокъ старика, ничкомъ лежащаго у самаго входа въ крайнюю саклю, приподняла голову, нагнула ее нѣсколько на бокъ, прислушалась и бочкомъ отпрыгнула немного въ сторону.

Звукъ повторился. Теперь ясно слышно, что это говоритъ человѣкъ; другой ему отвѣчаетъ; вотъ засмѣялись оба... Щелкаютъ подковы по каменистой дорогѣ. Всадники ѣдутъ, вонь, по той лощинѣ; ихъ не видно пока за гранитнымъ откосомъ, а ѣдутъ они очень близко.

Съ шумомъ поднялась вся воронья стая, отлетѣла въ сторону и разлѣлась на сучьяхъ стараго, высохшаго карагача, жадно поглядывая на оставленную добычу.

Надъ гребнемъ откоса мелькнулъ сперва конецъ ружья, потомъ красный верхъ киргизскаго малахая.

— Вонъ оно какъ! говоритъ одинъ всадникъ, шагомъ подъѣзжая въ савлямъ.

— Это Назаръ-Кулки слѣды, отвѣчаетъ другой. — Теперь берегись! Вотъ онъ всегда такъ: пойдетъ съ русскими воевать, на *блмыхъ рубахъ* только издали посмотритъ, а по киплавамъ пакоститъ.

— Вчера ночью мы слышали, помнишь?

— Это пальбу-то?

— Ну-да. Это здѣсь было.

— Нѣтъ, то русскія ружья были, а ты смотри, гдѣ ихъ слѣды? Русскіе всегда съ своими повозками ходятъ: кованый слѣдъ сразу видѣнъ, а онъ гдѣ?

— Можетъ, безъ повозокъ были?

— Да ужь тамъ все равно; надо намъ теперь ухъ-какъ поглядывать; если-бы у насъ вмѣсто одной пары глазъ по десяти было, такъ и-то всѣмъ достало-бы вволю работы.

— А слушай-ка, Юсупъ: кони наши вѣдь того...

— Да, притомились.

— Орликъ сегодня утромъ шестой разъ споткнулся.

— Да мы дальше не поѣдемъ сегодня; развѣ что ночь скажетъ, а пока надо переждать. Ты чего ищешь?

— Все пожгли, проклятые: хоть-бы одинъ снопъ оставили!

— Погоди, я по савлямъ пошарю — можетъ, ячменя найду, а-то вѣдь бѣда: наши кони, шутка-ли, вотъ ужь второй день только сухую колючку гложутъ.

— Эхъ, Орликъ, Орликъ! говорилъ Батоговъ, слѣзая съ лошади и поглаживая ее; — подвело тебѣ бока, сердечному! Ну, потерпи, другъ, и для насъ съ тобою настанутъ красивые деньки. А что, обратился онъ къ Юсупу, — отсюда до Катакургана сколько верстъ, примѣрно, будетъ?

— Коли-бъ ѣхать прямо, безъ опаски, то на свѣжихъ коняхъ сегодня еще много до ночи поспѣть можно.

„Такъ близко! подумалъ Батоговъ и у него сердце жалось отъ нетерпѣнія. — Такъ близко! Вѣдь тамъ русскіе, тамъ...“

Странное чувство вдругъ охватило Батогова: ему стало какъ-будто жалко того, что осталось сзади. Ему захотѣлось еще хотя немного отдалить ту минуту, когда онъ увидитъ желтосѣрую насыпь катакурганской цитадели и торчащую на ней фигуру часового въ русскомъ кепи съ назатыльникомъ.

— Эй, эй! кричалъ Юсупъ, высовываясь изъ отверстія въ крышѣ одной изъ савель.

— Эй! отозвался Батоговъ.

— А я корму нашель и себѣ, и конямъ.

— Тащи!

— Иди, помогай: вапъ (мѣшокъ) такой тяжелый! хватай за конецъ, вотъ такъ!

Закинувъ поводья на шею лошади, Батоговъ взобрался по выдающимся камнямъ на стѣну сакли, ухватился обѣими руками за край мѣшка и потащилъ. Юсупъ поддавалъ снизу. Острые края камней прорвали полосатую ткань вапа, и по стѣнѣ побѣжала широкая, желтоватая струя ячменныхъ зеренъ.

— Держи прорѣху! кричалъ Юсупъ.

— Ничего: съ насъ хватить! говорилъ Батоговъ, сваливая мѣшокъ на землю.

Глухо стукнулъ тяжелый вапъ, и вслѣдъ за этимъ стукомъ послышался другой, болѣе легкій, отдаленный стукъ. Юсупъ пригнулся и сталъ прислушиваться. Батоговъ быстро соскочилъ со стѣны.

— Опять... шепталъ Юсупъ.

— Да, это стрѣляютъ — ясно... вонъ опять...

— Это недалеко... Бацъ! — это пушка...

— Нѣтъ, та глуше. Смотри на лошадей.

Орликъ, какъ добрая боевая лошадь, не оставался равнодушнымъ къ этимъ далекимъ, чуть слышнымъ выстрѣламъ, несмотря на крайнюю усталость и голодь: онъ наострилъ уши, высоко поднялъ голову и подобрался.

— Намъ пова здѣсь, на виду, торчать не приходится, говорилъ джигитъ:—заберемся-ка хоть на этотъ дворъ. Въ случаѣ бѣды, вонъ тою дорогою опять въ ущелье уйдемъ. Видишь, видишь?

Батоговъ еще прежде увидѣлъ то, на что указалъ Юсупъ. Обѣ лошади были торопливо уведены за стѣнки разграбленнаго дворика и поставлены въ темный уголокъ полуразвалившейся сакли. Хозяева ихъ приютились въ разсѣлинѣ стѣны, взобравшись на остовъ арбы съ обгорѣлыми колесами. Юсупъ ползкомъ выбрался-таки на улицу, подползъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ разорванный вапъ и сталъ поспѣшно нагребать ячмень въ полы своего халата. Затѣмъ, нагруженный кор-

момъ для своихъ проголодавшихся коней, онъ отретировался обратно, говоря:

— А мы все-таки свое дѣло дѣлать будемъ. Давай-ка торбы.

— Гляди, сколько ихъ на той горѣ высыпало, сообщалъ Батоговъ, приложивъ руку ко лбу въ видѣ козырька.

— Назарка, Назарка: это его красные! шепталъ Юсупъ. — Вонъ и пѣшіе видны.

На одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ пригорковъ, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ трехъ отъ кишлака, показалась сперва маленькая, черная точка. Въ этой точкѣ опытный глазъ наблюдателя сейчасъ-же узналъ всадника, — мало того, всадника, вооруженнаго длинною пикою. Рядомъ съ этою точкою черезъ нѣсколько секундъ показалась еще другая точка, тамъ еще и еще... Вся кучка тихонько спустилась съ прежняго пригорка и взобралась на другой. Маленькій клубочекъ бѣлаго дыма вспыхнулъ надъ этою группою, и много спустя въ воздухѣ что-то слегка треснуло. На сосѣднихъ вурганахъ тоже показались отдѣльные всадники.

— Вотъ такъ и въ прошлый разъ: я чуть-чуть не наткнулся.

— Здѣсь-же?

— Нѣтъ; въ тотъ разъ я такъ далеко не забирался.

— Сюда двигаются... А это слышишь? Это пушка.

— Тамъ, вонъ за тѣми вурганами, увѣренно говорилъ Юсупъ, — русскіе стоятъ. Я ужь это вижу по Назаркинымъ уловкамъ. Какъ хитритъ, какъ хитритъ! Вонъ онъ въ обходъ идти собирается. А нашихъ, должно быть, мало.

— Какихъ это *нашихъ*? — Батоговъ искоса взглянулъ на своего товарища.

— Какихъ нашихъ! — конечно, русскихъ; а ты думалъ, я про эту орду?..

Юсупъ презрительно взглянулъ на конную толпу, въ которой уже можно было разсмотрѣть значки и бѣлые тюрбаны наѣздниковъ.

— Да, нашихъ, должно быть, немного. — Юсупъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „нашихъ“: не придирайся, молъ. — Я это думаю потому, что *ты* больно храбрится.

Нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ толпы и рысью пошли къ кишлаку... Маневрируя, мало-по-малу, вся непрі-

тельская партія подвигалась къ деревнѣ, и не трудно было догадаться, что черезъ десять минутъ отступленіе будетъ невозможно.

— Ну, намъ пора.

— Эхъ, пора! вздохнулъ Батоговъ и сталъ взнудывать Орлика, жевавшего ячмень съ такимъ усердіемъ, что бѣловатая пѣна выступила у него за щеками и во всѣ стороны летѣли мокрыя зерна, когда лошадь порывисто рылась мордою въ обильно-засыпанномъ кормѣ.

— Мы выведемъ лошадей вонъ въ тотъ проломъ, такъ и проберемся опять въ лощину за саклями, сообщалъ Юсупъ свои планы.

— Насъ не успѣютъ и замѣтить, говорилъ онъ, торопливо пробираясь вдоль стѣны съ своимъ сѣрымъ.

Дѣйствительно, времени терять было нельзя: уже слышны были голоса скакавшихъ джигитовъ. Одинъ голосъ кричалъ громче всѣхъ, и Батоговъ слышалъ даже слова: „они пушки съ собою привезли, эти собаки!“

— Такъ вотъ она причина отступленія, да еще такого поспѣшнаго! подумалъ Батоговъ, рысцою выбираясь по задворкамъ разграбленнаго кишлака и прижимаясь къ самой шеѣ Орлика тамъ, гдѣ въ промежуткѣ между двухъ сакель открывалась узкая щель, въ которую видна была даль, часть холма, мелькавшія конныя фигуры и сухія вѣтви тальника, росшаго надъ прудкомъ. Они выбрались изъ деревни и пустились удирать по той самой лощинѣ, по которой пріѣхали. Они совершенно скрылись за первымъ поворотомъ. Ихъ никто не замѣтилъ.

Юсупъ ѣхалъ впереди, Батоговъ за нимъ. Они скакали: имъ надо было, какъ можно скорѣе, добраться до какой-нибудь боковой вѣтви горнаго прохода, въ которую они могли бы свернуть. Юсупъ хорошо зналъ одну, совершенно удобную для него лазейку и не унывалъ, онъ даже напѣвалъ на скаку: „нѣтъ, Назаръ-Кулка насъ не поймаешь!“ Вдругъ онъ сталъ какъ вкопанный: Орликъ чуть не наткнулся на крупъ передней лошади.

— Что ты?.. испуганно спросилъ Батоговъ.

Юсупъ повернулся къ нему лицомъ. Его смуглая кожа не могла поблѣднѣть, но за то все лицо его сдѣлалось какое-то оливковое, ротъ широко раскрылся, и глаза суетливо забѣгали,

какъ у волка, которому уже некуда дѣться отъ насѣвшей на него со всѣхъ сторонъ собачьей стаи.

— Что ты? повторилъ Батоговъ свой вопросъ.

— Тамъ, тамъ... джигитъ указалъ рукою впередъ.—Люди ѣдутъ, чужіе люди!..

Справа и слѣва поднимались крутые обрывистые скаты, развѣ коза могла-бы еще лѣпиться по этимъ, почти отвѣснымъ крутизнамъ. Джигитъ глазами мѣрилъ эти высоты, онъ, словно, думалъ кинуться къ нимъ; онъ даже лошадь свою собралъ поводомъ и поднялъ плеть.

По ущелью ясно слышался топотъ конскихъ ногъ. Не одинъ, не два всадника ѣхали имъ на встрѣчу. Все ущелье стонало отъ приближавшейся конной массы.

— Ну, бѣда... произнесъ Батоговъ и подумалъ: значить, не судьба, это, что называется, ни взадъ, ни впередъ.

Тупое ожесточеніе овладѣло всѣмъ его существомъ... Онъ вынулъ шашку изъ ноженъ и судорожно, словно хотѣлъ раздавить желѣзо, стиснулъ ея рукоятку.

— Назадъ, скорѣе назадъ! крикнулъ Юсупъ, повернулъ своего сѣраго и, проскользнувъ мимо Батогова, понесся обратно къ кишлаку.

Нисколько не раздумывая: зачѣмъ, куда? привыкли довѣряться находчивости своего испытаннаго джигита, Батоговъ поскакалъ въ ту-же сторону.

Вся деревня была наполнена всадниками, когда наши бѣглецы выскакали изъ лощины. Тотчасъ-же они поѣхали шагомъ; Юсупъ принялъ совершенно покойный видъ, Батоговъ подражалъ ему во всемъ.

— А онъ что-то затѣваетъ, думалъ онъ,—поглядимъ...

Юсупъ перегнулся нѣсколько на бокъ, принялъ самую небрежную позу, вольно помахивалъ нагайкою и затянулъ во все горло пѣсню:

„А было у меня четыре жены,
Одна другой жирѣе...“

Появленіе двухъ всадниковъ не произвело никакого волненія между барантачами Назаръ-Кула. Одинъ изъ нихъ, тотъ, что пойлъ лошадь у прудка, сказалъ что-то своему сосѣду и указалъ на Юсупа.

— Э-эй! здравствуйте! крикнулъ Юсупъ и, спокойно подѣхавъ къ водѣ, слѣзъ съ лошади.

- Вы откуда? спросилъ конный въ полосатомъ халатѣ.
- Съ разныхъ сторонъ... Теперь съ тѣми.
- Съ кѣмъ, съ тѣми?
- А что сзади ѣдутъ.

Къ Батогову подошли двое пѣшихъ и стали около, молча, въ упоръ глядя то на него, то на его лошадь, то на его оружіе.

— Вы чего уставились, пошли къ чорту! окрысился на нихъ Батоговъ.

— Ишь ты, какой сердитый. Ты чьего роду?

— Эй, Назаръ-Куль, мулла гдѣ?.. громко спросилъ Юсупъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ Батогова.

— Всѣ тамъ, гдѣ красный бунчукъ видѣнъ, вонъ на курганѣ.

— Русскихъ много?

— Развѣ ихъ когда бываетъ много.

— Они зачѣмъ пришли сюда?..

— Зачѣмъ? мы вотъ у нихъ по всѣмъ вишкавамъ хераджные сборы *) пожгли, что съ собою не могли взять, а Кулдашъ пеншамбинскій въ Каттакурганъ далъ знать.

— Не въ Каттакурганъ, а въ самый Самаркандъ, Абрамъ-тюра... самому, перебилъ другой.

— Ну, не ври, въ Самаркандъ не успѣлъ-бы, да и русскіе вонъ откуда пришли...

— Давно?.. Юсупъ спрашивалъ, а самъ все поглядывалъ по сторонамъ; онъ, казалось, отыскивалъ кого-то въ этой толпѣ всадниковъ, окружавшей ихъ все плотнѣе и плотнѣе. Взгляды эти были сначала тревожны, было мгновеніе, что хитрый джигитъ совсѣмъ было струсилъ, но потомъ оправился и понемногу успокоился окончательно. Батоговъ все время усердно, сосредоточенно копался у себя во вьючной сумкѣ, а потомъ слѣзъ и принялся тщательно отчищать подковы Орлика.

Скоро вниманіе всѣхъ было обращено на большую конную вереницу, выдвигавшуюся изъ ущелья. Въ этой новой толпѣ всадниковъ преимущественно видѣлись верблюжьи халаты и киргизскіе малахаи, между тѣмъ, какъ въ шайкахъ Назаръ-Кула преобладалъ красный цвѣтъ.

*) Десятый процентъ произведеніями полей и садовъ.

Садмъ съ своими оборванцами, какъ выражался на привалѣ Юсупъ, шелъ на подмогу муллѣ Назаръ-Кулу.

— Поѣзжай за мною, шепнулъ Юсупъ Батогову.—Сафара здѣсь нѣтъ, Аллахъ не повернулся къ намъ затылкомъ...

„А у меня было четыре жены...“

— Смотри, пѣвунъ какой! крикнулъ ему вслѣдъ джигитъ, у котораго половина лица скрыта была подъ грязною перевязкою и жидкая бородка совсѣмъ скленлась отъ запекшейся крови. — Тамъ берегись, русскія пчелы летаютъ; попадетъ, такъ про жирныхъ женъ пѣть перестанешь!

— Только-бы намъ теперь увидать русскихъ, а то-бы мы знали, что дѣлать, говорилъ Юсупъ.

Вся волнообразная мѣстность была усѣяна небольшими конными партіями; по всѣмъ направленіямъ шныряли одиночки. Верблюжьи халаты, мало по малу, смѣшивались съ красными. Всадники растягивались вправо и влѣво, концы этой живой цѣпи загибались: они хотѣли охватить со всѣхъ сторонъ что-то невидимое

Не больше какъ съ версту, совсѣмъ внизу, примыкая къ давно-сжатому клеверному полю, виднѣлось нѣсколько сакель, надъ плоскими крышами торчали два или три тополя, подъ однимъ изъ деревьевъ поднимался черный дымокъ и мигало небольшое пламя, одинокая фигурка торчала на самой высокой крышѣ, казалось даже, что то не былъ человекъ, а просто бѣлѣлъ колъ, вбитый для чего-то въ земляную крышу. Больше ничего не было видно.

А между тѣмъ глаза всѣхъ этихъ наѣздниковъ волновались, перебѣгая съ кургана на курганъ, были устремлены на этотъ маленькій кишлакъ. Тамъ и сямъ вспыхивающіе выстрѣлы фитильныхъ мулкутовъ направлялись именно на тотъ колъ, что неподвижно торчалъ на крышѣ; а когда тонкая, ослабѣвающая струйка черного дыма вдругъ густѣла и поднималась даже выше того опаленнаго тополя, что происходило каждый разъ, когда невидимыя руки подкидывали на огонь новую вязанку, то почти каждый изъ наѣздниковъ вскрикивалъ: эх! и тотчасъ-же бодрилъ свою лошаденку ударомъ нагайки.

Въ томъ страшномъ кишлакѣ, такъ поглотившемъ общее вниманіе тысячи наѣздниковъ, стоялъ отрядъ „аъ-бульмакъ“; стоялъ уже съ самага утра; теперь онъ варилъ себѣ похлеб-

ку, искрошивъ въ необъятный котель цѣлаго, благо не купного, барана; а часовой на крышѣ, прожевывая кусокъ черствой туземной лепешки своимъ усатымъ ртомъ, заломивъ кверху козырекъ своего кепи, равнодушно поглядывалъ на тѣ барханы, что пестрѣли на солнцѣ тысячами двигающихся точекъ.

Была минута, когда наѣзники слишкомъ уже близко добрались къ кишлаку; передніе, тѣ, что хотѣли перескочнуть арыкъ, огибавшій клеверное поле, видѣли что-то ярко-зеленое, блеснувшее между двухъ сакель, замѣтили даже одну бѣлую рубашку, отбѣжавшую немного въ сторону и присѣвшую зачѣмъ-то на корточкахъ, — другіе-же всадники, которые не рисковали такъ близко подбираться къ русскимъ, видѣли только большой клубъ дыма, вспыхнувшій какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояло *зеленое*, и въ разсыпную пархнулись внизъ по откосамъ кургана.

Съ ревомъ и воемъ пронизало ядро морозный воздухъ, щелкнулось о гранитный гребень одного изъ бархановъ, высоко подпрыгнуло и поскакало дальше, рикошетируя между всполошившимися наѣзниками.

Около самаго Орлика ударилось русское ядро; сѣрый, испуганный трескомъ разлетѣвшихся кремнистыхъ осколковъ, взвился на дыбы и брыкнулъ задомъ; подпруга лопнула, Юсупъ грохнулся вмѣстѣ съ сѣдломъ на землю.

— Господи! крикнулъ Батоговъ; ему показалось, что Юсупъ убитъ,—этого еще не доставало.

— А, дьяволъ тебя побери! кряхтѣлъ джигитъ, поднимаясь на ноги.

Въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ, наѣзникъ, въ красномъ халатѣ, громко стоналъ, силясь выбраться изъ подъ убитой лошади. Сѣрый отбѣжалъ и храпѣлъ, поднявъ хвостъ трубою; Батоговъ поѣхалъ его ловить; Юсупъ, хромя и ругаясь, тащилъ волокомъ свое сѣдло.

Жалобно гикая, неслась большая конная толпа въ объѣздъ на пеншамбинскую дорогу; Назаръ-Куль пытался отрѣзать русскимъ путь къ отступленію. Въ кишлакѣ, занятомъ русскимъ отрядомъ, замѣчено было особенное движеніе. Повозка, запряженная паромъ, выѣхала изъ-за крайней сакли и остановилась; показалось небольшое стадо коровъ и барановъ; это стадо было окружено пѣшими, которые, закинувъ шту-

цера за плечи, помахивали длинными жердями. Нѣсколько конныхъ выѣхали на чистое мѣсто; дребезжа колесами выдвинулось орудіе, за орудіемъ, въ разсыпную, десятка четыре бѣлыхъ рубахъ, съ мѣшками на спинахъ, съ цвѣтными значками, воткнутыми въ дула ружей.

Красивый бородачъ, на ворономъ аргамакѣ, галопомъ скакалъ, окруженный наѣздниками. Онъ горячился и громко ругался. Онъ видѣлъ, что русскихъ мало, видѣлъ, что они уходятъ...

— Вотъ уже третьи сутки я такъ вожусь съ ними! кричалъ онъ. — Вѣтеръ растрепалъ концы его бѣлой чалмы, и они, словно крылья, трепались вокругъ его энергическаго, немного цыганскаго лица.

— Что мнѣ одному, что-ли, на нихъ броситься?.. Трусые, бабы!.. Отъ каждой русской пули бѣгутъ, какъ куры отъ ястреба...

— Кто это? спросилъ Батоговъ.

— Самъ Назаръ... говорилъ Юсупъ, пересѣдывая сѣраго.

— Къ ночи всѣхъ на ахъ-дарьинскій бродъ сбивай; мы еще прежде *нихъ* туда поспѣемъ! кричалъ Назаръ старику въ кольчужной шапкѣ.

Юсупъ вдругъ присѣлъ и совершенно спрятался за лошадь.

— Отвернись, ради самого Аллаха, шепнулъ онъ Батогову.

Тотъ не понималъ, что дѣлается съ его джигитомъ; онъ видѣлъ только, что случилось что-то важное, сильно озадачившее Юсупа.

А тутъ на бѣду Орликъ, звонко, какъ мѣдная труба, заржалъ вслѣдъ кавалькадѣ; лошадь, казалось, убитая, лежавшая до сихъ поръ неподвижно, вздрогнувъ, вскочила разомъ на ноги, вытянулась какъ струна и тяжело рухнула на бокъ. Топотъ коней и ржанье Орлика пробудили въ смертельно-раненомъ конѣ послѣднюю жизненную искру.

— Вотъ гдѣ пришлось еще разъ увидѣться, говорилъ старикъ, подѣвжая ближе.

— Аллахъ знаетъ, гдѣ люди должны сходиться, отвѣчалъ угрюмо Юсупъ. — Онъ знаетъ на чью бѣду сошлись мы: на мою или на твою.

— Я и тебя узналъ, говорилъ старикъ, присматриваясь къ Батогову.

— Чего не узнать; вмѣстѣ чай, сколько дней маялись, отвѣчалъ Батоговъ.

— Что-же, теперь къ мулла Назару перешли, или съ Садыковцами?

— Тамъ какъ прійдется.

— Къ тѣмъ пробираетесь?.. старикъ кивнулъ на русскій отрядъ, медленно подвигавшійся по пеншамбинской дорогѣ.

Юсупъ подѣхалъ вплотную къ старику.

— Слушай, мулла Сафаръ, сказалъ онъ ему твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ.—Тебѣ жить немного осталось; не дѣлай-же ты подъ конецъ дурного дѣла... Онъ—Юсупъ показалъ на Батогова—стоитъ не на твоей дорогѣ... Понялъ?

Сафаръ оглянулся кругомъ. Только они трое стояли на склонѣ кургана, кругомъ близко никого не было видно... Русскіе отошли далеко, мирза Назаръ Кулъ спѣшилъ стороною обойти маленькій отрядъ бѣлыхъ рубахъ; Садыковцы жались въ другую сторону: ихъ больше тянуло къ вишнякамъ, что на правомъ берегу Акъ-Дарьи: тамъ, по крайней мѣрѣ, можно было еще пограбить.

— Гм, ихъ двое, я одинъ, подумалъ Сафаръ и сообразилъ вѣрно.

— Ну, прощайте, я вамъ не врагъ; пошли Аллахъ здоровья вамъ и конямъ вашимъ...

— Тоже и тебѣ, произнесъ Юсупъ.

— Хитритъ старый сказочникъ, подумалъ Батоговъ, замѣтивъ лукавый взглядъ, брошенный на него изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей Сафара.

Звеня кольчугою, поскакалъ старикъ къ значкамъ Назаръ Кула.

— Не хорошо, сказалъ Юсупъ.

— Скоро стемнѣетъ, тогда будемъ знать, что дѣлать нужно, произнесъ Батоговъ.

Нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ толпы, въ которой прискакалъ Сафаръ, и поѣхали назадъ, разѣзжаясь въ право и вълѣво; они ѣхали сами по себѣ, у нихъ не было определенной цѣли, всадники ѣхали шагомъ, не спѣша.

— Смотри, это насъ ловятъ, произнесъ Юсупъ.

— Ну, вотъ, усумнился Батоговъ.

— Насъ ловятъ. Вонъ Сафаръ отѣхалъ въ сторону, остановился, сюда смотреть.

— Чтожь—удирать, пока время.

— Погоди; они не спѣшать,—мы тоже... Теперь намъ надо къ прежнему кишлаку держаться.

Они повернули лошадей. Всадники, по знаку Сафара, погнали своихъ быстрѣе. Темнѣло. Ясное небо стало заволакивать жидкими тучами; востеръ, оставленный русскими, разгорался сильнѣе и сильнѣе, огонь побѣждалъ по сухимъ сучьямъ дерева, и надъ кишлакомъ росло красное зарево.

Юсупъ съ Батоговымъ пошли крупною рысью; разстояніе между ними и преслѣдователями было довольно значительно, да къ тому-же послѣдніе еще не рѣшались вполне выяснитъ своихъ намѣреній; а темнѣло быстро, уже дальняя линія холмовъ слилась съ горизонтомъ, туманъ поднимался по низкимъ мѣстамъ, и, словно громадный фавель, пылалъ вдали стволъ смолистаго тополя.

— Теперь гайда во всю прыть! крикнулъ Юсупъ.

-- Пускай! крикнулъ Батоговъ и пригнулся къ шеѣ Орлива.

Они понеслись. Нѣсколько голосовъ уныло загивали сзади.

— Слышишь, погнали, собаки; ну погоди-жь ты, старый шайтанъ, ты мнѣ еще попадешься...

На минуту продолговатый курганъ совершенно скрылъ бѣглецовъ. Они круто повернули вправо.

Преслѣдовавшіе ихъ всадники видѣли, гдѣ пропали оба джигита, они стали стягивать кругъ. Черезъ нѣсколько минутъ курганъ былъ окруженъ; опустились внизъ.—Гей! гей! перекликались въ темнотѣ голоса.—Гей! гей! отзывались имъ другіе... Пристально всматривался Сафаръ въ темноту, каждый камень казался ему всадникомъ, въ воѣ вѣтра слышался ему насмѣшливый голосъ Юсупа.

— Поймали, что-ли? подѣхалъ къ нему джигитъ.

— Ну, что?.. подѣхали съ другой стороны двое.

— Надо было сразу, а то долго очень хитрили, замѣтилъ съ досадою высокій всадникъ, чуть рисующійся во мракѣ.

— Нечистое дѣло, глубокомысленно произнесъ Сафаръ и махнулъ рукою.

Всадники съѣхались, мало по малу, въ вучу.

— Это не джигитъ былъ, говорилъ Сафаръ торжественнымъ голосомъ.—Тотъ, другой,—былъ русскій, это правда, я его хорошо знаю; а съ нимъ былъ самъ шайтанъ, я даже

видѣлъ огонь на томъ мѣстѣ, гдѣ они подѣ землю ушли. Да бережетъ насъ пророкъ отъ темной силы!..

Наѣздники благоговѣнно слушали старика и вздрагивали каждый разъ, когда вѣтеръ доносилъ изъ горъ заунывную ноту. Имъ всѣмъ грезилась теперь чертовщина.

Чуть тлѣющіе уголья кухоннаго костра, расположеннаго на самомъ берегу Акъ-Дарьи, распространяли вокругъ себя слабый красноватый свѣтъ.—Черный закопченный котель, втиснутый въ наскоро вырытую яму, нависъ надъ этою грудю золы и угля, и по его раскаленнымъ бокамъ, шина, сползала грязная пѣна. Кругомъ была непроницаемая темнота, только по близости огня можно было рассмотреть кое-какіе предметы: ближе всего виднѣлись подошвы массивныхъ, подкованныхъ солдатскихъ сапогъ, за ними неясно рисовались бедро и часть спины спящаго солдата, съ головою завернувшася въ свою шинель; рядомъ видны были только лобъ и рука другого солдата; бѣлая косматая собака положила свою морду на щеку спавшаго и дрыгала ногами во снѣ, глухо взвизгивая по временамъ. Немного подалеже блестяла шина телѣжнаго колеса, тамъ слышно было, какъ фыркали и ворочались мордами въ соломѣ ротныя лошади; чуть чуть, словно иголки, сверкали штыки ближайшихъ ружейныхъ козелъ, и мелькала тряпка ротнаго значка, хлопавшаго отъ вѣтра по своему тонкому древу.

Съ шумомъ и брызгами пѣнилась Акъ-Дарья, пробираясь по своему каменистому руслу, и сквозь этотъ шумъ неясно слышались храпъ и бредъ спавшихъ, чьи-то тяжелые вздохи, жалобный стонъ раненаго солдата, разметавшагося на телѣгѣ въ горячечномъ бреду, и тихій говоръ молодого солдата, рассказывавшаго сосѣду что-то про свою деревню.

— Ты, слышь, у насъ церковь-то стояла на горѣ...

— Минны-мученика-то?

— Нѣтъ, Минны въ Корбовѣ-селѣ, а наша Егорья-то, бишь, Козьмы и Деміяна.

— Ну?..

— Попъ-то и говоритъ: Вы-бы, православные...

— Братцы, стонетъ раненый, — водицы-бы мнѣ ковпигъ; такъ-то все нутро палить.

— Помретъ, шепчетъ на ухо тотъ, что про него разсказывалъ.

— Можетъ, и отдохнетъ...

— Фетисовъ, тотъ, фёршалъ сказывалъ, уже померъ.

— Вы бы меня братцы къ самой рѣкѣ положили, мечется раненый, — то-есть всю-бы вылакалъ... Охъ, батюшки, ой, смерть моя пришла... слышишь, дядя, тамъ у меня ладонка... въ жилетѣ рубь зашить...

— Ершовъ, буди смѣну въ цѣпь, мычить въ просоньи кто-то, приподнявшись на локтѣ.

— Потому, какъ на новый престолъ ризу требуется...

— Это попъ-то говорить?

— Ну да.

— Ротный сказывалъ: выступать еще до свѣту будемъ.

— Чего спѣшить: поспѣемъ...

— Ему лучше знать.—Цыцъ, куций! что-то онъ, братцы, нынче чуетъ что-то,—словно не доброе.

— А что?

— Возится все очень; опять блохъ что напускалъ мнѣ подъ шинель.

— Это къ морозу...

— Эй, скажи Андрей Ионычу, кричить ротный конюхъ съ телѣги,—Богдановъ кончился, ужъ не дышитъ.

— А Назарка нынче что-то больно шибко напиралъ. Особливо съ четвертаго часу.

— Это когда къ нему подмога пришла...

— Ну, завыли!..

Дѣйствительно, нѣсколько ротныхъ собакъ повскочили изъ подъ телѣги и громко завыли... Далеко, въ цѣпи часовыхъ поднялся яростный непрерывный лай... Нѣсколько голосовъ кричали что-то: одни близко, — такъ, что можно было слышать слова оклика, другіе голоса чуть слышно отвѣчали... Стукнулъ отдѣльный выстрѣлъ, и лай собакъ затихъ на одно мгновеніе... чтобъ сейчасъ-же разразиться съ новою силою... По отсырѣлой барабанной кожѣ глухо зарокотала дробь тревоги.

Сонный отрядъ суетливо поднимался на ноги.

X.

Смерть Юсупа.

Маневръ Юсупа, сбившій съ толку преслѣдователей, былъ болѣе, чѣмъ простъ, только темнота помогла имъ въ бѣгствѣ. Днемъ положеніе ихъ было-бы безвыходно: къ горамъ имъ нельзя было уйти,—тамъ рыскали Садывовцы; скакать прямо въ отступающему русскому отряду было-бы чистымъ безуміемъ: большинство Назарь-куловыхъ джигитовъ, благодаря Сафару, знали уже, что за птицы затесались въ ихъ шайки. Дѣло было-бы совсѣмъ дрянъ, если-бы не стемнѣло и не затуманилось между буграми.

— Никто какъ Богъ, шепталъ Юсупъ.

— Опять ва-банезъ со входящими, бравировалъ Батоговъ.

Оба всадника, выбравшись изъ лощинки, видѣли, какъ скакали по кургану джигиты муллы Сафара. То обстоятельство, что они такъ скоро прекратили дальнѣйшіе розыски, очень озадачило Юсупа и его товарища.

— Вонъ они въ вучу сбились, стоятъ.

— Ничего не вижу.

— Да вонъ чернѣютъ, смотри между ушей лошади, видишь?

— Ну,—то, кажись, пригорокъ.

— Назадъ поѣхали.

— А мы что стоимъ?

— Погоди. Въ случаѣ чего, намъ, пожалуй, придется лошадей бросить, пѣшихъ-то насъ не увидятъ въ такую темь, а къ утру мы, можетъ, доберемся къ русскимъ.

— Только-бы намъ за Акъ-Дарью перебраться.

— И чего жгутъ задаромъ, смотри.

Надъ оставленными киплавами поднимался густой красный дымъ и по вѣтру летѣли огненные хлопья.

Всадники пробирались шагомъ, держась одного направленія, далеко впереди слышался шумъ, похожій на плескъ водяной мельницы.

— Вотъ теперъ холода настанутъ, говорилъ Юсупъ,—прійдутъ люди въ свои сакли:—крыши нѣтъ, корму нѣтъ, барановъ угнали, ѣсть нечего.

— Да кому прійти? чай почти всѣ перебиты.

— Ну не всѣ. Да, прогнѣвался на нихъ пророкъ. Русскіе бьютъ ихъ за то, что Назаркѣ служатъ, Назарка бьетъ,—что къ русскимъ льнуть. Куда тутъ вьнешься?

— На то, братецъ ты мой, война. Это что бѣлѣтъ?—Ба-тоговъ указаль на какую-ту бѣловатую, дымчатую массу, чуть виднѣвшуюся вдали.

— Скоро очень что-то,—а, кажется, Агъ-Дарья.

Раза два они перебирались вбродъ черезъ отдѣльные, ручьи, пересѣкли вспаханное поле, съ торчащими стеблями прошлогодней джугары (родъ проса). Наткнулись на глиняный заборъ, отыскали лазейку, перебрались. Въ сторонѣ поднимались высокія стѣны какого-то двора, за запертыми воротами глухо лаяла собака.

— Мы теперь совсѣмъ спустились въ долину, говорилъ Юсупъ,—мы идемъ какъ разъ на перерѣзъ русскимъ, если они будутъ на Дарьѣ ночевать. Э, да вонъ и огни *наши*, видишь?

— Ты ничего не слышишь?

— Словно топочуть.

Два парныхъ часовыхъ стали приглядываться къ темнотѣ.

— Смотри, какъ-бы поганая орда не подобралась. Валетка, молчи!

— Науськай собакъ, вонъ, на тѣ кусты, словно въ той сторонѣ что-то...

Послышалось злое рычаніе.

— Вотъ, лѣто-сь, такъ же къ Морозову въ цѣпи подобрались:—и не слыхаль, какъ голову отрѣзали.

— Ну, не пугай—и такъ страшно. Солдаты вскинулъ ружье и взвелъ курокъ.

— Погоди, не пали: можетъ, это такъ.

— А, что его ждатель-то?

Разомъ, съ яростнымъ лаемъ, ринулись нѣсколько собакъ, до этой минуты совершенно невидимыхъ, и понеслись какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ солдаты услышали подозрительный шумъ. Теперь ясно было видно, какъ двѣ конныя фигуры метнулись въ сторону.

— А, чортъ-бы васъ дралъ! донеслось изъ темноты.

Фраза эта была произнесена по русски.

— Никакъ *наши*, что за лѣшій! засуетился часовой.—Постой, не пали;—кто идетъ?

Блеснулъ выстрѣлъ и освѣтилъ испуганное, безусое лицо молодого солдата, на удалую пустившаго свою пулю.

Человѣкъ пять солдатъ, лежавшихъ въ сторонѣ, въ такъ называемомъ секретѣ, бросились бѣгомъ къ кустамъ, поднялась возня. Въ шумѣ свалки слышны были стонъ и русская ругань; голосъ Батогова, хриплый, взбѣшенный, кричалъ:

— Да что вы, дьяволы (слѣдовала характерная русская фраза), говорить вамъ свои.—Да ну, не душите!—А, ты вязать!

— Навались на нихъ сразу, командоваль запыхавшійся голосъ.

— Я вотъ тебѣ навалюсь; къ начальнику ведите.

Весь бивуакъ поднялся и сталъ въ ружье.

Было солнечное, морозное утро, лужицы по колеямъ пеншамбинской дороги затянуло тонкою коркою льда; колеса повозокъ звенѣли по кремнистому грунту, и солдаты, потирая на ходу руки, бойко шли въ тактъ маршевой пѣсни.

Батоговъ ѣхалъ верхомъ на своемъ Орликѣ; онъ былъ еще въ томъ-же верблюжемъ халатѣ, въ которомъ бѣжалъ изъ аула, только на головѣ его надѣта была теперь круглая офицерская фуражка, и изъ подъ нея виднѣлась полоса краснаго бумажнаго платка, которымъ обернуть былъ лобъ всадника; кромѣ этой раны, рука Батогова была перевязана полотенцемъ выше локтя, и, судя по блѣдности его, можно было судить о томъ, что эти поврежденія были довольно значительны. Все это были слѣды ночной схватки въ цѣпи, которую бѣглецы должны были „выдержать по печальному недоразумѣнiю“, какъ выразился въ своемъ донесенiи начальникъ отряда, толстенькiй капитанъ, степенно раскачивающiйся въ покойномъ сѣдлѣ, рядомъ съ Батоговымъ. Около нихъ ѣхали верхомъ еще два офицера и горнистъ, на выпряженной изъ повозки хромоi лошади. На походныхъ носилкахъ, два здоровыхъ, коренастыхъ пѣхотинца несли тѣло, завернутое въ нѣсколько солдатскихъ шинелей: изъ подъ сѣраго сукна виднѣлись красныя лоскуты туземнаго халата и худощавая смуглая рука, безжизненно свисшая съ края носилокъ. Когда солдаты сбивались съ ноги и носилки сотрясались отъ невѣрнаго шага несущихъ, то ближайшiе могли

слышать слабый стонъ и жалобный, тихій лепетъ раненаго. Фельдшеръ-жидокъ шель спотыкаясь рядомъ съ носилками, грызя въ зубахъ окурокъ папироски и роясь на-ходу въ кожаной сумкѣ съ медикаментами. На верху большой ротной телѣги, поперегъ мѣшковъ съ провіантомъ, лежало нѣсколько тѣлъ, прикрученныхъ веревками къ грядкамъ повозки.

Съ жалобнымъ мычаніемъ, вытягивая шеи и бодаясь на ходу другъ съ другомъ, шло нѣсколько штукъ рогатаго скота; между быками семенили ножками десятка два козловъ и барановъ; далѣе тянулись привязанные другъ къ другу вьючные верблюды, подъ присмотромъ конныхъ казаковъ и черномазаго пѣхотинца, унтеръ-офицера, забравшагося на самую вершину вьюка передняго верблюда.

Всадники муллы Назаръ-Кула отстали отъ отряда и чуть виднѣлись далеко назади, изрѣдка пуская, вслѣдъ удаляющимся русскимъ, безвредныя, недолетающія и половины разстоянія пульки.

Пеншамбинскій минаретъ и зубчатая стѣна цитадели поднимались изъ массы окрестныхъ садовъ, по мѣрѣ приближенія отряда. Отрядъ остановился для привала, въ виду предмѣстій селенія.

— Плохъ? произнесъ Батоговъ, слѣзая съ лошади и подойдя къ носилкамъ, положеннымъ въ тѣни отъ повозки.

Жидокъ фельдшеръ взглянулъ на него и немного струсиль; онъ заморгаль рѣсницами и принялся скатывать поспѣшно свѣжій бинтъ.

Глаза Батогова словно уперлись въ бѣднаго жидка, въ нихъ не было замѣтно ни грусти, ни злобы, въ нихъ даже не было жизни. Тускые, неподвижныя,—они были страшны.

— Да, голубчикъ, ну что тутъ, да перестань, говорилъ толстенькій капитанъ, трогая Батогова за плечо.

— А! отозвался тотъ и даже не обернулся.

— Никитва пуншу сварилъ. Вотъ сейчасъ.

— Да онъ даже не дышетъ! я ничего не слышу.

Батоговъ быстро сбросилъ шинели съ тѣла Юсупа, нагнулъ низко, низко къ самымъ носилкамъ и приложился ухомъ къ какой-то массѣ рванаго бѣлья, забрызганнаго, залитаго кровью и еще чѣмъ-то зелено-желтымъ, сильно вонявшемъ на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.—Темно-желтое ли-

по умирающаго какъ-то странно съезжилось, ротъ искривился, и сухія, горячія губы чуть замѣтно вздрагивали.

— Юсупъ, Юсупъ! громко говорилъ Батоговъ и сильно трясъ за плечи своего друга.

— Тамъ у меня уже приготовлено, бормоталъ капитанъ. — Вонъ, видишь, самоварчикъ дымится.

— Да возьмите его силою, говорилъ другой офицеръ, подходя къ носилкамъ,—видите, человекъ совсѣмъ опалѣлъ.

— Да, поди—возьми, огрызался капитанъ.

— Юсупъ, да ну, вставай, вѣдь ты крѣпокъ, тебя самъ чортъ не сломитъ. Юсупъ! Батоговъ припалъ на колѣни и схватилъ руками носилки.

— Отходить, степенно, съ нѣкоторою торжественностью произнесъ жидокъ фельдшеръ и вдругъ повалился на землю и откатился на нѣсколько шаговъ, къ самымъ колесамъ ротной повозки.

— Отходить?! зарычалъ Батоговъ, готовясь повторить свою могучую затрещину.

— Голубчикъ, можетъ, я тебѣ сюда принесу чаю? ухаживалъ толстенный капитанъ,—Никитка!

Грязныя тряпки всѣ разомъ вздрогнули, зашевелились, вытянулись и замерли, стиснутые зубы закрипѣли.

— Готово, произнесъ Батоговъ и поднялся на ноги.

А въ сторонѣ, присѣвши на корточкахъ около небольшого огонька, на которомъ прилажены были маленькіе походные котелки, расположилась кучка солдатъ. Заваренный на завтракъ вирпичный чай давно уже кипѣлъ и бѣжалъ по краямъ, потому что общее вниманіе болѣе было обращено на сцену у носилокъ, чѣмъ на котелки. Всѣ говорили шопотомъ, сдержанно; нѣкоторые даже крестились, приподнимая кепи съ назатыльниками.

— Кто-же его зналъ! вздохнулъ угреватый унтеръ-офицеръ и потрогалъ пальцемъ то мѣсто на подошвѣ сапога, гдѣ совсѣмъ отстала заскорузлая подметка и видѣлись грязныя онучи.

— Извѣстно, согласился рыжий, весноватый солдатъ, ратирая на ладони табачные корешки.

— Теперь ежели сразу: Куцый, Валетка, опять Кудлай—песъ здоровенный, Налетъ, Полкашка, твоя Венерка...

— Врешь, моя Венерка спала на кухнѣ...

- На кухнѣ?!.. А задъ у ней кто отшибъ?.. На кухнѣ!..
- А пуще всѣхъ Колпигъ, такъ звѣремъ и рветъ...
- Какъ тутъ сообразить—терять и шабашъ.
- А тутъ Петровъ съ дуру ахнулъ; говорю: постой, не пали, а онъ— „баць“!..
- Фершалъ сказывалъ: въ самое пузо, на четверть пониже ложечки, въ это самое мѣсто.
- Ну, и шабашъ.
- Оторопѣлъ я больно, братцы; мнѣ, вѣдь, въ первой, слезливо оправдывался Петровъ, совсѣмъ еще рекрутъ, съ немного глуповатымъ, почти дѣтскимъ лицомъ и худою, плоскою, недоразвитою грудью.
- Оторопѣлъ!! упрекнулъ его угреватый унтеръ-офицеръ.
- А силенъ-же онъ братцы, началъ рыжій.
- Кто? этотъ-то? солдатъ взглянулъ на Батогова.
- Нда. Меня, это, такъ тряханулъ,—думалъ, смерть пришла.
- А Миронова какъ шваркнулъ.
- Бей подъемъ!... запѣлъ теноромъ толстенькій капитанъ, выглядывая изъ подъ какой-то холстины, съ недопитымъ ставаномъ въ рукахъ.

ХІ.

Первый караванъ.

На большомъ дворѣ, примыкавшемъ къ дачамъ Перловича, работа, что называется, кипѣла. Штукъ восемьдесятъ верблюдовъ, все больше одnogорбыхъ наровъ, съ темно-коричневою, гладко остриженною шерстью, крѣпкихъ и выносливыхъ, бродили на свободѣ или-же валялись группами, держась къ той сторонѣ, куда достигали теплые лучи осенняго солнца; чelовѣкъ десять киргизовъ прихлебывали и присматривали около котла; два прикащика изъ русскихъ, въ полу-туземныхъ, полугостиннодворскихъ костюмахъ, ставили масляною краскою клейма и мѣтки на объемистыхъ тюкахъ, расположенныхъ правильными рядами, связанныхъ попарно и приготовленныхъ къ нагрузкѣ. Сартъ, въ лисьемъ халатѣ и въ бѣлой громадной чалмѣ, отмѣчалъ на лоскуткахъ прозрачной бумаги мѣ-

стнаго производства какія-то караули и горячо спорилъ съ однимъ изъ приващиковъ; однимъ словомъ, всё что-нибудь да дѣлали.

Дѣла Перловича шли очень хорошо. Онъ теперь отправлялъ въ Коканъ свой караванъ, и верблюды были его собственные, не наемные, такъ что онъ нисколько не становился въ зависимость отъ лѣни и недобросовѣстности кочевниковъ.

Хозяинъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа; онъ давно уже чувствовалъ себя очень хорошо морально, а слѣдовательно и физически.

Онъ сидѣлъ въ комнатѣ, красиво обставленной въ полу-азіятскомъ, полу-европейскомъ вкусѣ. Тутъ-же находились: Захо, Федоровъ, ждали Хмурова, да онъ почему-то не пріѣхалъ. Еще человекъ пять гостей собрались къ Перловичу побесѣдовать. Все общество завтракало.

Завтракъ былъ болѣе, чѣмъ обильный, завтракъ былъ парадный. Весь столъ былъ заставленъ различными европейскими консервами: жестянки съ омарами, баночки съ страсбургскимъ пирогомъ, трюфели, разная привозная рыба, все вещи весьма дорогія, особенно принимая въ расчетъ возвышеніе цѣнъ отъ дальности провоза. Горячій глинтвейнъ и шампанское дополняли столъ, и большинство собесѣдниковъ было навеселѣ.

— А вѣдь пошелъ въ гору, подмигивалъ глазами на хозяина Захо, отведя зачѣмъ-то въ сторону одного изъ гостей, во фракъ и военныхъ панталонахъ съ краснымъ кантикомъ.

— Расторговался, согласился фракъ и добавилъ вздохнувъ:

— Что-же, людямъ счастье...

— Не одно счастье, тутъ безъ сноровки тоже не обойдешься.

— Опять капиталъ—сила.

— А у Хмурова нѣтъ развѣ этой силы, а все врозь идетъ.

— У того больше для вида—опять-же „эти широкія цѣли“, помнишь рѣчь у Глуповскаго за обѣдомъ.

— Это когда о шелководствѣ говорить собирались?

Капитанъ съ бѣлыми погонами и академическимъ эксельбантомъ, услышавъ слово: шелководство, всталъ со стула и, прожевывая кусокъ какой-то красной рыбы, подошелъ къ говорящимъ.

— Я еще разъ повторю, началъ онъ, что пока не установятся правильныя сношенія...

— Это что тамъ на дворѣ шумятъ такъ? перебилъ капитанскую рѣчь голосъ за столомъ...

Перловичъ, который сидѣлъ у камина съ мѣстнымъ богачемъ, сартомъ Саидъ-Азимомъ, поднялъ голову.

— Вьютъ начали, сообщилъ Захо, нагибаясь надъ огномъ.

— Ну-съ, господа, произнесъ Перловичъ.—Вы меня извините, я пойду распоряжаться... я скоро вернусь... Надѣюсь, вы не будете стѣсняться...

— Э, помилуйте...

— Что за церемоніи.

— Я назначилъ въ четыре часа выступленіе моего каравана, теперь три. Ровно черезъ часъ мы поднимемъ бокалы.— Въ голосъ Перловича чувствовалась какая-то необыкновенная торжественность.—Мы поднимемъ бокалы съ пожеланіемъ успѣха первому русскому каравану...

— Ну, занесъ!.. послышался чей-то голосъ.

Перловичъ остановился...

— Нѣтъ, это я про другое, смутился прервавшій хозяйскую рѣчь, вытирая усы салфеткою.

— А тамъ, къ тому времени соберутся остальные, перемѣнили тонъ Перловичъ. — Хмуровъ вотъ подъѣдетъ, генераль собирался...

Перловичъ кончилъ свою рѣчь пригласительнымъ жестомъ, — кушайте молъ пова, и вышелъ изъ комнаты.

— Этого гуся кормятъ сначала все грецкими орѣхами, объяснялъ капитанъ, держа въ рукахъ банку.

— Пойдемъ слушать, Дрянеть исторію страсбургскаго пирога рассказываетъ.

— Я-бы этого и ѣсть не сталъ, сплюнулъ на сторону Саидъ-Азимъ, косясь на банку.

— А что-же... Вашъ пловъ лучше; что-ли?

— На вѣждаго гуся нужно орѣховъ столько, сколько вѣсить самъ гусь, пояснялъ Дрянеть.

— Каковъ гусь, бивнулъ толстый чайный торговецъ, прѣхавшій прямо изъ Кяхты для своихъ операцій по торговлѣ.— Ну, а это изъ чего готовится?—Онъ подвинулъ къ капитану ящикъ съ сардинами.

— Какой случай былъ вчера въ клубѣ, началъ фракъ. — Вы слышали?

— Это въ читальной? — знаю: газеты всё, чортъ знаетъ зачѣмъ, растаскали...

— Вовсе нѣтъ. — Подходить этотъ, какъ бишь его, ну да... онъ...

— Все равно, — дальше.

— Подходить къ мадамъ Красноперовой и говорить: позвольте на одинъ туръ; та, знаете, барыня такая полная, въ сокахъ...

— Особа съ вѣсомъ.

— Встаетъ это она со стула, а на стулѣ...

— Я и по англійски, и по нѣмецки, и по итальянски веду свои мемуары, рассказывалъ капитанъ Дрянеть, — я даже написалъ по арабски трактатъ о значеніи шелководства, какъ орудія... или, правильнѣе сказать, ступени въ разливѣ цивилизующихъ началъ.

— Для кого-же это вы писали по арабски-то? спрашивалъ Захо, недоувѣрчиво улыбаясь.

— Еще во время экспедиціи моей, перескочилъ капитанъ, пропуская мимо ушей вопросъ Захо.

— Это про какую экспедицію вы изволите говорить?

— А про мой походъ или, правильнѣе сказать, военно-ученую экскурсію на переваль „Объ-Офъ-Аллахъ-бу“, помните мою реляцію, она еще надѣлала такого шума?

— Да, толковали не мало...

Пронзительный ревъ верблюдовъ на дворѣ давалъ знать, что ихъ, уже навьюченныхъ окончательно, начали поднимать на ноги, — разнокалиберные бубенчики звенѣли, голосъ Перловича кричалъ: — Тутъ и оставаться пока; тронутся по моему знаку...

— Хлопочетъ, чтобы все съ эффектомъ, замѣтилъ кяхтинскій купецъ.

— Съ большимъ расчетомъ дѣйствуетъ. Вы думаете, онъ спроста? онъ и этотъ завтракъ съ расчетомъ устроилъ, подѣлдутъ все люди нужные... ну тосты пойдутъ...

— Шампанскаго не мало выйдетъ.

— То-то не мало... Этотъ не Хмуровъ, этотъ зря трагитися не станетъ...

За стѣною сада послышался стукъ экипажныхъ колесъ и топотъ верховыхъ. Шелестя шлейфами по желто-краснымъ, сухимъ листьямъ, густо усѣявшимъ садовую дорожку шли двѣ дамы, ихъ сопровождали интендантскій чиновникъ, докторъ, что былъ секундантомъ у Брилло, и еще человекъ три въ военныхъ мундирахъ.

— Сѣзжаются, замѣтилъ господинъ во фракѣ.

— А Хмурова все нѣтъ, вдохнулъ кяхтинскій купецъ.

Сайдъ-Азимъ овинулъ любопытнымъ взглядомъ обѣихъ дамъ и приложилъ свои руки къ желудку, въ знакъ самаго глубокаго уваженія.

Генераль подъѣхалъ съ другого двора верхомъ, въ сопровожденіи казаковъ и адъютанта. Перловичъ встрѣтилъ его на нижней ступенькѣ крыльца и, съ чувствомъ самой глубокой признательности, пожалъ обѣими руками генеральскую перчатку.

— Я былъ въ отчаяніи... я думалъ... съ особенной нѣжностью въ голосѣ говорилъ хозяинъ.

— Кажется, я не опоздалъ.

— Прошу пожаловать.

Генераль тяжело шагалъ со ступеньки на ступеньку, согнувшись словно подъ тяжелою ношею (онъ былъ въ эполетахъ), Перловичъ бочкомъ, шагая черезъ двѣ ступеньки, слегка поддерживалъ генеральскій локоть и кивалъ головою на дверь, давая этимъ понять, что не мѣшало-бы распахнуть ее на обѣ половинки. Невидимыя руки тотчасъ-же исполнили его сигналы. Всѣ гости стояли на ногахъ, на всѣхъ лицахъ сіяла улыбка, тѣ, которые были въ партикулярныхъ востюмахъ, держались одною рукою за спинки своихъ стульевъ, съ нѣкоторою независимостью въ позахъ,—всѣ-же военные держали руки по швамъ и почтительно согнулись въ поясицахъ. Сартъ Сайдъ-Азимъ и другой туземецъ, жирный Шарофей, только что появившійся изъ сада,—одновременно произнесли: „хощъ“ и взялись за желудки.

— Благодарю, произнесъ генераль и добавилъ: — холодновато.

— Утромъ морозъ большой былъ, ваше превосходительство, успѣшилъ донести капитанъ Дрянеть.

— Вотъ и осень на дворѣ, вдохнулъ купецъ изъ Кяхты.

— Въ видахъ чисто гигиеническихъ... началъ докторъ, но его прервалъ купецъ изъ Кяхты, сообщивъ, что ему доставлены новые чай отличнаго качества.

— Если позволите, генераль, начала одна изъ дамъ и протянула свою руку въ свѣтло-зеленой перчаткѣ. Она замѣтила, что генераль вытащилъ изъ кармана большой портсигаръ изъ желтой кожи.

— Въ видахъ чисто гигиеническихъ... еще разъ попытался докторъ.

— А зачѣмъ, слушай, протискался жирный Шарофей къ самому креслу, на которомъ возсѣдалъ генераль.—Зачѣмъ такъ дѣлать?.. Русскій купецъ не платитъ, сартовскій купецъ платитъ... русскій куп...?

— Всѣ, всѣ платить будутъ... засмѣялся генераль и потрещалъ Шарофея по животу.

— Русскій купецъ...

Капитанъ Дрянеть, проскользнувъ какъ-то очень ловко подъ локтемъ сарта, оттѣснилъ его этимъ движеніемъ и прервалъ протестъ.

— Новыя машины приспособлены мною для размотки шелва, ваше превосходительство, — я объ этомъ пишу трактатъ на ит...

— Въ видахъ чисто гигиеническихъ...

— Это вы насчетъ чего? обратился къ доктору генераль.

— Это я насчетъ пользы теплыхъ набрюшниковъ въ войскахъ. Предохраняя отъ простуды, они вмѣстѣ съ тѣмъ...

Генераль подвинулъ къ себѣ жестянку съ омаромъ.

Перловичъ ходилъ озабоченно, поглядывалъ въ окна, выходилъ куда-то совсѣмъ на нѣсколько минутъ, смотрѣлъ на часы и вообще высказывалъ нетерпѣніе.

— Я думаю теперь пора?.. шепнулъ онъ кому-то.

— А Хмуровъ?

Перловичъ пожалъ плечами, выражая этимъ, что, молъ, какже дожидаться одного, когда самъ... и т. д. Капитанъ два вынималъ изъ обшлага рувава какую-то бумагу, заглядывалъ въ нее и откашливался. Захо считалъ стаканы на столѣ и соображалъ:—всѣмъ-ли хватить. Голосъ въ сосѣдней комнатѣ говорилъ:—погоди, веревоеъ не подрѣзай, открути только проволоку.

— Милостивые государи... началъ Дрянеть, посмотрѣлъ кругомъ, остановился, вспыхнулъ до ушей и сталъ откашливаться.

Другой офицеръ, въ уланскомъ мундирѣ, насторожилъ уши, даже приподнялся со стула и, по всѣмъ признакамъ, приготовился возражать.

— Погоди, Дербентьевъ, не перебивай, шепталъ ему купецъ изъ Кяхты.—Вѣдь уже такъ условились: сперва его рѣчь, онъ кивнулъ на Дрянета,—потомъ твоя...

Въ комнатѣ настала мертвая тишина. Одна изъ дамъ почему-то фыркнула, другая заскрипѣла вилокъ по тарелкѣ, тыкая въ маринованный грибокъ; а грибокъ былъ такой скользкій и никакъ не поддавался ея усиліямъ; генералъ помогъ.

— Милостивые государи... повторилъ Дрянеть.

— Стань на стулъ, шепнулъ кто-то сзади.

Ораторъ было полѣзъ.

— Не надо, сказалъ генералъ и сталъ чего-то искать подъ столомъ ногою.

Та дама, которая не могла справиться съ грибокъ, подвинулась и слегка дотронулась носкомъ своего башмака до генеральскаго сапога.

— Благодарю, шопотомъ произнесъ генералъ.

— Въ настоящее время, когда...

— Какое избитое начало, язвительно, нагнувшись къ сосѣду, тихо говорилъ Дербентьевъ.

— Умственные силы цивилизованнаго запада двинулись на дальній востокъ...

— Получивъ двойные прогоны... вставлялъ Дербентьевъ.

— Нельзя не видѣть въ этомъ новомъ потоѣ блистательнаго репоста, которымъ отвѣтилъ нашъ вѣкъ тому удару, который былъ нанесенъ изъ Азіи, въ далекомъ прошломъ...

— Ничего не понимаю... шепталъ генералъ.

— Не трудно понять, продолжалъ ораторъ,—что я намекаю на то время, когда движеніе необразованныхъ, варварскихъ племенъ, вышедшихъ изъ центральной Азіи, пользуясь одной только физической силою, шаржировало, или, правильнѣе сказать, атаковало зародыши европейской цивилизаціи... Прошли года...

— Прикажете наливать... распорядился Перловичъ.

— И вотъ мы видимъ новое явленіе, явленіе отрадное. Европа отплатила Азіи прошлое зло,—но отплатила какъ? пославъ отъ себя потокъ умственныхъ силъ—взамѣнъ грубыхъ физическихъ...

Генераль зѣвнулъ, Перловичъ почесалъ затылокъ, кое-кто передернули плечами, Дербентьевъ говорилъ въ полголоса:— что, я развѣ не предупреждалъ.

— Наука, искусство, торговля, воодушевлялся капитанъ, обращаясь при словѣ „торговля“ къ Перловичу, купцу изъ Кяхты и господину во фракѣ... Ораторъ искалъ глазами Захо, но тотъ стоялъ къ нему спиною и набивалъ табакомъ носъ.—Все явилось къ услугамъ народа дикаго, невышедшаго еще изъ ребяческаго состоянія...

Ораторъ замолчалъ и сталъ отыскивать что-то въ своей бумагѣ, вынутой изъ обшлага... Этою паузою воспользовался Дербентьевъ, онъ поспѣшилъ встать.

— Позвольте, это я сейчасъ...

— Торговые обороты наши... справился съ рукописью Дрянеть...

— Торговые обороты наши, перебилъ Дербентьевъ,—благодаря просвѣщенному вниманію и распорядительности начальства...

— Я буду имѣть съ вами дѣло послѣ... холодно произнесъ капитанъ, обращаясь къ новому оратору, и отошелъ отъ стола.

— Обороты наши, благодаря вышесказаннымъ обстоятельствамъ, разрослись до невѣроятныхъ, скажу болѣе, колоссальныхъ размѣровъ; предѣлы областей, занятыхъ нашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, стали тѣсны...

— Ураа!! послышалось съ другого конца стола.

— Несвоевременно, господа, замѣтилъ Дербентьевъ;—а наши смѣлые предприниматели...

Перловичъ выдвинулся впередъ.

— Простираютъ свои руки даже за эти предѣлы... Туда, въ Коканъ, помимо посредства туземныхъ купцовъ...

Нѣсколько глазъ съ презрѣніемъ покосились на Саидъ-Азима, а тотъ, ничего не понимая, покойно выгребалъ пальцами сардины изъ жестянки.

— И вотъ собранъ и снаряженъ большой караванъ, онъ здѣсь, его всѣ видѣли, вы можете даже слышать эти дикіе звуки...

Дѣйствительно, верблюды на дворѣ ревѣли почти непрерывно и на всѣ лады гудѣли бубенчики. Въ дверяхъ показались оба прикащика, назначенные сопровождать караванъ. Это были здоровые ребята съ красными, полу-пьяными лицами, вооруженные съ ногъ до головы, больше для эффекта, и съ ременными нагайками черезъ плечо.

— Здорово ребята! сказалъ имъ генераль.

— Наше вамъ-съ... галантерейно поклонился одинъ изъ прикащиковъ.

— Караванъ этотъ собранъ средствами и усиліями блестящаго представителя нашей торговли...

— Разноси, распорядился Перловичъ.

— Вотъ онъ!—Дербентьевъ съ жаромъ указалъ на Перловича.

— Я такъ тронуть... эта честь... бормоталъ хозяинъ.

— Благодарю, съ достоинствомъ произнесъ генераль.—Вы этого вполнѣ заслуживаете.

— Ваше превосходительство!..

— Урра! урра, ревѣли всѣ остальные; только Дрянеть, подойдя къ окну и уставившись въ стекло, репетировалъ: неумѣніе диспутировать, доходящее до наглости, служить признакомъ умственного убожества...

— Качать!.. кричалъ купецъ изъ Кяхты.—Ребята берись! командовалъ онъ вооруженнымъ прикащикамъ.—Тѣ приступили тотчасъ-же.

— Это честь...

Перловичъ болтнулъ ногами въ воздухъ.

— Музыкантовъ! кричалъ Захо.

Скрытые въ саду трубачи грянули тушъ.

Вытягиваясь въ одну линію, степенно двинулись навьюченные верблюды и потянулись мимо оконъ къ воротамъ... Всѣ бросились къ окнамъ.

Проталкиваясь сквозь толпу, вошелъ Хмуровъ. По его лицу видно было, что онъ имѣетъ сообщить нѣчто весьма пріятное.

— Наконецъ-то! послашались голоса.

— *Mieux tard que jamais*... выгнулась всѣмъ корпусомъ одна изъ дамъ.

— Ну, новость! протянулъ Хмуровъ, разводя руками.

— Что? что такое?!

— Да не томите, пѣли дамы.

— Однако, что-же, въ самомъ дѣлѣ? нетерпѣливо спросилъ генераль.

— Батоговъ...

— Ну?!

— Здѣсь, вернулся... я его самъ видѣлъ.

— Урра!.. загремѣло въ комнатѣ.

Послышался странный стукъ и дребезгъ посуды на столѣ, словно на полъ упало тяжелое тѣло.

Перловичъ лежалъ ничкомъ, безъ всякаго признака жизни.

Извѣстiе это было для него уже слишкомъ неожиданно.

ХП.

Сигары Перловича.

Ночь была ненастная, холодная; моврый снѣгъ пополамъ съ дождемъ билъ въ стекла, въ щеляхъ оконныхъ рамъ вылъ осенній вѣтеръ, и глухо шумѣли, сплетаясь между собою, оголенные вѣтви деревьевъ.

Все живое пряталось подъ крыши, и ближе жались къ огню туземцы, загородивъ досками широкіе входы своихъ савель. Въ непроницаемой темнотѣ чуть-чуть мигали вдали окна европейскаго квартала, и кое-гдѣ двигались свѣтлыя точки бумажныхъ фонарей, съ помощью которыхъ пытались пробраться неподалеку кое-кто изъ нелюбящихъ сидѣть дома. Вонъ тамъ внизу, не разберешь гдѣ, чуть движется свѣтлый кружокъ, вонъ онъ остановился, пригнулся къ самой землѣ... никакъ канава... вонъ тронулся онъ немного вправо, опять пріостановился: въ сжатомъ пространствѣ освѣщенной мглы протянулись, словно олени рога, сухія вѣтви, забѣлѣлся уголь забора, опять все исчезло во мракѣ, а съ другой стороны топорщатся кое-какъ связанные перилы мостика... Туда двинулся фонарь; помигалъ еще нѣсколько секундъ и пропалъ за какою-то темною массою, не то крышею, не то кустами, не то...

Ярко пылаютъ сухія яблоневыя дрова въ просторномъ бѣ-

ломъ каминѣ; вся печь разукрашена въ мѣстномъ вкусѣ, и красный свѣтъ, отражаясь отъ большого зеркала, играетъ по золоченымъ выступамъ рѣзныхъ украшеній. Назыбая нога съ нѣгою утопаеъ въ тепломъ мягкомъ коврѣ, въ продрогшій желудокъ, глотокъ за глоткомъ, пробирается горячій, ароматическій пуншъ...

— И ты не повѣришь, что я благословляю судьбу, пославшую мнѣ это тяжелое испытаніе, говоритъ Батоговъ и нагибается къ самому камину, чтобы поправить развалившіяся полѣнья...

— Вотъ, на, щипцы, говоритъ Перловичъ и смотритъ внизъ, на хитрые причудливые разводы персидскаго ковра.

— Не попадись я къ этимъ чертямъ, могъ-ли я ее встрѣтить... ну, могъ-ли?..

— Конечно! глубоко вздохнулъ Перловичъ.

— Съ той минуты я рвался на волю... я спѣшилъ сюда. Вѣдь есть еще время, ее можно спасти...

— Ее должно спасти! серьезно говоритъ Перловичъ и быстро взглядываетъ изъ подлобья на гостя.

Батоговъ всталъ, потянулся и принялся ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ; каждый разъ, проходя мимо стола, на которомъ стоялъ чайный приборъ, онъ останавливался и прихлебывалъ изъ стакана. Перловичъ полулежалъ на низенькомъ диванѣ и сосредоточенно чистилъ ножичкомъ ногти. А вѣтеръ все унылѣе и унылѣе напѣвалъ свою тоскливую пѣсню, и со стукомъ вздрагивали оконныя ставни подъ его ударами...

— Блѣдная, худая, ну, кожа да кости, изнуренная до послѣдней возможности, она казалась живымъ трупомъ... Если бы ты только могъ ее видѣть...

— Это ужасно, ровнымъ голосомъ говорилъ Перловичъ и тѣмъ-же тономъ добавилъ: — ромъ вонъ въ томъ графинѣ, вонъ, съ рѣзной пробкою.

— Это? Батоговъ подлилъ въ стаканъ.

Перловичъ кивнулъ головою и сталъ рыться въ ящикѣ съ сигарами.

— Но эта послѣдняя встрѣча, помнишь, я рассказывалъ, въ камышахъ... Да, я тогда видѣлъ, что ей немного жить осталось; она скоро умретъ...

— Можетъ быть, она и умерла?

— Нѣтъ, этого быть не можетъ.

— Да почему-же? Вотъ прошло уже около мѣсяца, судя по твоему разсказу и при той ужасной обстановкѣ...

— Нѣтъ, ты этого не говори, не говори, мнѣ кажется, я убѣжденъ въ этомъ, у меня есть какое-то предчувствіе, что я еще увижу ее. Надо только поспѣшить...

— Да, терять времени нельзя, во всякомъ случаѣ.

— У меня уже весь планъ составленъ... вотъ видишь: мы пошлемъ деньги черезъ Мурза-Бая, я съ нимъ говорилъ объ этомъ и онъ берется...

Перловичъ наклонился, въ свою очередь, къ самому камину. Если-бы кто-нибудь могъ изъ этого раскаленнаго, пышущаго жерла взглянуть въ его лицо, то онъ навѣрное-бы отвернулся, такъ оно было некрасиво.

— Что такое, ты нездоровъ? остановился на полусловѣ Батоговъ.

— Я... нѣтъ, ничего, я слушаю... Ты говоришь: въ камышахъ...

— Пять тысячъ, говоритъ Мурза-Бай, и онъ положительно берется это устроить... Онъ сдѣлаетъ такъ: во-первыхъ, поѣдетъ самъ, деньги-же отнюдь не повезетъ съ собою, а возьметъ только задатокъ...

— Пять тысячъ?.. произноситъ Перловичъ, не то спрашиваетъ, не то подтверждаетъ только.

— Да, пять. Потому, конечно, мы должны обезпечить ее. Плечи Перловича слегка вздрогнули.

— Вѣдь, согласишься самъ, все *это принадлежитъ ей*. Ну, положимъ, всего ей не нужно; она даже знать не должна объ этихъ деньгахъ.

— Она знать объ этомъ не будетъ...

— Что ты?.. или это ты отъ огня такой желтый?

— Отъ огня... такъ кажется...

— Въ четырнадцать дней Мурза-Бай берется туда доѣхать; столько-же назадъ, ну да тамъ нѣсколько дней. Я говорю, пройдетъ не больше, какъ мѣсяць. Сегодня второе число?

— Одинадцатое. Что ты не куришь?

— Господи! я готовъ, кажется, самъ туда ѣхать!

— А за тебя тогда сколько понадобится — тоже пять тысячъ или больше? произнесъ Перловичъ, улынувшись.

— Эъ тебя подергиваетъ!.. замѣтилъ Батоговъ.

Дѣйствительно, улыбка Перловича была болѣе похожа на болѣзненное подергиваніе.

— Ха, ха! жаль денегъ стало!.. похлопалъ его по плечу Батоговъ.—Ничего, раскошеливайся: вѣдь у тебя, братъ, все еще много останется.

— Ты считалъ?

— Чего считать — караваны какіе отправляешь! самъ видѣлъ, какъ къ тебѣ ѣхалъ. Да, опять, Хмуровъ говорилъ... Это у тебя какія сигары?

— Эти? — это дрянъ, не стоить... Перловичъ отодвинулъ ящикъ. — Вотъ, если хочешь?

— Благодарю.

Батоговъ взялъ изъ рукъ хозяина сигару, которую тотъ все время вертѣлъ у себя въ рукахъ.

— Недурна по виду.—Онъ сталъ закуривать.—Что-то сыровата...

— Лежалая...

Батоговъ затыкнулся раза два и потянулъ носомъ дымъ...

— Что это?..

Перловичъ всталъ и вышелъ, притворивъ за собою дверь.

— Что-то пахнетъ макомъ... проговорилъ про себя Батоговъ, легъ на диванъ и сталъ курить...

Комната, гдѣ сидѣли друзья, освѣщалась только однимъ каминомъ; повуда ярко горѣли дрова, было свѣтло; теперь же мало-по-малу прогорали сухія полѣнья и съ трескомъ обваливались красные уголья, покрываясь темнымъ налетомъ пепла. Все темнѣе и темнѣе становилось кругомъ, только на яркой поверхности самовара, на окраинахъ стакановъ, на металлическихъ головкахъ пробокъ играли красноватые блески. Синеватый дымъ застилалъ зеркало, чуть слышно чикали гдѣ-то часы.

Батоговъ лежалъ навзничъ и курилъ....

Ему хорошо, тепло; онъ чувствуетъ, какъ медленно перебирается, будто капля за каплею, кровь въ его жилахъ; вотъ подходитъ къ вискамъ, толкнулась тамъ и въ ухахъ зазвенѣла мелодичными переливами... „Это ромъ дѣйствуетъ: отвыкъ за *это* время, ну, и разобрало“. Попробовалъ слегка отдѣлать голову отъ подушки—нельзя: тяжела слишкомъ стала, словно приросла къ изголовью. Безжизненно свисла на полъ рука, и чуть-чуть перебираютъ пальцы волнистую шерсть

тигровой шкуры, разостланной передъ диваномъ... А кто-то подползъ подъ диванъ, приподнимаетъ его своею спиною, слегка раскачиваетъ... Колеблется каминъ, ныряя въ облакахъ дыма, виваетъ изъ-за шкафа голова глинянаго, эмалированнаго китайскаго божка... Словно поверхность поспѣвающей нивы, колеблемая вѣтромъ, заходили въ-перебой пестрые узоры ковра... Все въ движеніи...

Чуть пріотворилась дверь, высунулось оттуда желтое лицо, потянуло посомъ накуранный воздухъ и спряталось...

Что это какъ жарко стало? свѣтло какъ! А, это солнце восходить. Медленно ползеть изъ-за туманной дали огненный шаръ, и отъ него бѣгутъ по темному небу, развертываясь шире и шире, свѣтлыя полосы... Вѣтеръ гудитъ въ камышахъ и плещутся гдѣ-то волны... Храпитъ конь, склонивши къ водѣ свою голову... Гей! гей! чуть доносится съ того берега..... „Стой, бери!.. вотъ онъ!..“ слышны торопливые голоса... бѣгутъ! вусты трещать отъ движенія какого-то тяжелаго тѣла... Выстрѣлъ! все застало дымомъ... Острые когти впиваются въ голыя плечи... душитъ .. Два глаза-угля свергнули у самаго лица... руба ищетъ ножа,.. вотъ онъ, вотъ его шаршавыя ножны, вотъ ваемва бирюзовая, вотъ ремень, украшенный кистью... ручка, гдѣ ручка?.. Пальцы не хотятъ отыскать того, что нужно... А скоро будетъ поздно... еще мгновеніе... да помогите-же, помогите!..

Еще разъ медленно пріотворилась дверь и опять показалось то-же лицо... Перловичъ шагнулъ впередъ и на цыпочкахъ, неслышно подошелъ къ дивану... Онъ наклонился... Глаза Баѳогова были закрыты и онъ тихо стоналъ, вздрагивая ноздрями... Маленькій окурокъ сигары лежалъ на полу и дымился. Перловичъ поднялъ его, раздулъ и поднесъ къ носу спящаго... Минуты три онъ находился въ такомъ положеніи; наконецъ, бросилъ окурокъ въ каминъ, пошатнулся, взялся за голову и неровными шагами выбрался изъ комнаты. Онъ даже въ дверь не попалъ сразу: толкнулся къ письменному столу, чуть не опрокинулъ стоявшую на немъ лампу и, ощупывая вдоль стѣны руками, нашель-таки ручку пріотворенной двери.

На дворѣ зашлепали по жидкой грязи конскія ноги, рысью подбѣжавшія къ крыльцу. Ключъ въ дверяхъ два раза щелкнулъ и слышно было, какъ его совсѣмъ вытащили изъ замка.

— Ну, братъ, погода! говоритъ гость, отряхивая отъ снѣга свою мѣховую шапку.

— Такъ поздно?..

— Да... Дѣло такое важное... Просто едва доѣхалъ: темно, какъ у арабовъ... я уже и поводья бросилъ; думаю, ну ты, сивый, отыскивай самъ дорогу, какъ знаешь, а я, братъ, ничего не разберу... Сверху, снизу, съ боковъ, отовсюду клещетъ; грязице по брюхо... У Хмурова былъ: крыши промокли, съ потолоковъ леть, полна зала воды, тазы подставляютъ... у этой, какъ бишь ея, тоже течетъ... Да дай хоть воды, что-ли, прости...

— А, сейчасъ... я велю... садись тутъ...

— Да что ты растерялся; на себя не похожъ? .

— Я сейчасъ распоряджусь, вотъ сюда садись.

— Въ сапоги налилось... А, ушелъ...

Перловичъ вышелъ изъ комнаты и оставилъ гостя одного. Тотъ сбросилъ съ себя намокшую шинель, перекинулъ ее черезъ спинку стула и сталъ мѣрять комнату изъ угла въ уголь, потирая ооченѣвшія руки. Походилъ, походилъ, подошелъ къ двери, задернутой тяжелымъ ковромъ, приподнял коверъ, потрогалъ ручку: заперта.

— Ну, вотъ вино, произнесъ Перловичъ, входя съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ; — онъ вдругъ остановился на порогѣ, замѣтивъ, что тотъ наклонился къ замку завѣшанной двери.

— А что ты, братъ, тамъ не сидишь? гость указалъ на запертую комнату. — Тамъ у тебя лучше: каминъ и все такое...

— Все равно, тамъ теперь заставлено все... Ну, въ чемъ же дѣло?

— Какое?

— Въ такую пору пріѣхалъ, что-нибудь важное; иначе...

— А да, да, гость налилъ стаканъ и залпомъ выпилъ.— Эхъ, если-бы самоварчикъ!

Перловичъ стиснулъ рукою мундштукъ пенковой трубки, та хруснула.

— Раздавилъ? жаль, произнесъ гость, замѣтивъ движеніе хозяина. — Вотъ видишь-ли, пріѣзжаетъ ко мнѣ Хмуровъ и говоритъ... исторія эта немножко длинновата, я, впрочемъ, буду тебѣ ее немного сокращать...

У Перловича захватило дыханіе: ему послышался шумъ въ сосѣдней комнатѣ...

Совсѣмъ разсвѣло, и въ той комнатѣ, которая была за-
ставлена, потому только было темно, что севозъ войлочныхъ
ставни, которыми были закрыты окна, не могъ проникать
грязноватый свѣтъ сѣраго, ненастнаго дня. Когда Перловичъ
взошелъ въ комнату и ставни были сняты, то онъ увидѣлъ
Батогова, лежащаго совершенно неподвижно, на спинѣ, съ
отертыми, тусклыми глазами, съ окоченѣвшими пальцами,
стиснутыми около горла: должно быть, онъ хотѣлъ разорвать
душившій его воротъ рубахи.

Перловичъ наклонился къ лежавшему, положилъ руку ему
на лобъ и тотчасъ-же отдернулъ ее отъ непріятнаго ощуще-
нія холодной, лоснящейся массы.

Долго стоялъ онъ надъ тѣломъ, потомъ подошелъ къ ок-
намъ, съ трудомъ отворилъ одно изъ нихъ, и въ комнату
пахнуло сыростью.

Перловичъ подошелъ къ столу и сѣлъ писать. Холодный
вѣтеръ, врываясь въ открытое окно, пронизывалъ его на-
сквозь, и дрожащая рука судорожно прыгала по бумагѣ...

ХІІІ.

«Хотя, впрочемъ, сомнѣваюсь».

Сидя еще въ комнатѣ, съ стаканомъ утренняго чая въ ру-
кахъ, докторъ зѣвалъ во весь ротъ и провѣрялъ счеты пре-
феранса, сохранившіеся еще на зеленомъ, порыжѣломъ сукнѣ
раскрытаго ломбернаго стола. Докторъ еще не умывался и
на его бавенбардахъ присохли кое-какіе остатки вечерней
подзакуски.

— А надулъ, мерзавецъ, надулъ!..

Докторъ наклонился надъ сукномъ.

— Вотъ и тутъ приписалъ лишнее къ висту, а тутъ вотъ
стеръ... Ну, жулики... Ты чего?..

— Верховой отъ Перловича приѣхалъ; гналъ шибко, индо
калитку у насъ свернулъ колѣнкомъ, докладывалъ деньщикъ,
высунувшись изъ-за двери.

— Ну, чего тамъ?

— Письмо привезь.

— А, давай...

Докторъ взялъ письмо, посмотрѣлъ на печать, поковырялъ ее пальцемъ, посмотрѣлъ на свѣтъ и сталъ исскать на столѣ перочиннаго ножичка.

— Подай очки... не тамъ, въ брюкахъ поищи, ну?!

Докторъ пересѣлъ къ окну поближе, подрѣзалъ письмо, развернулъ его и началъ читать.

— На цѣломъ листѣ набаталъ, сообщилъ онъ и добавилъ:— эка нацарапалъ, должно быть, съ перепоею руки ходили.

По мѣрѣ чтенія, лицо доктора принимало все болѣе и болѣе серьезное выраженіе, и губы многозначительно сжимались.

— Да-съ, вонъ оно какъ, понимаемъ, произнесъ докторъ, окончивъ чтеніе и громко крикнулъ:— умываться давай, лошадь сѣдлать!..

— Случай подходящий... и можно рассчитывать... Н-да... человекъ со средствами... положимъ, не безъ подозрѣнія... соображалъ докторъ, намыливая руки.

Письмо, полученное докторомъ, было слѣдующаго содержания:

„Любезнѣйшій и уважаемый докторъ!

„У меня въ домѣ случилось большое несчастье, такъ сильно меня поразившее, что съ большимъ трудомъ и тяжелымъ чувствомъ принимаюсь за это письмо.

„Нашъ общій знакомый и хорошій мой пріятель, скажу болѣе, другъ, Батоговъ, пріѣхалъ ко мнѣ еще вчера вечеромъ и, послѣ дружески проведеннаго вечера, остался ночевать у меня въ угловой комнатѣ.

„Прійдя на другой день, то-есть сегодня утромъ, къ нему, я засталъ его безъ всякихъ признаковъ жизни. По нѣкоторымъ даннымъ, я смѣю предполагать, что онъ отравился опиумомъ, который курилъ даже при мнѣ вечеромъ, несмотря на мои совѣты бросить...

„Можетъ быть, есть еще надежда спасти его, хотя, впрочемъ, сомнѣваюсь...

„Пріѣзжайте какъ можно скорѣе—жду.

„Весь вашъ Ф. Перловичъ.“

— „Хотя, впрочемъ, сомнѣваюсь“... цитировалъ докторъ окончаніе письма, сядя на свою лонгаль.

Прошло дня три. По шоссированной улицѣ, мимо мѣстнаго клуба, подвигалась подъ звуки похороннаго марша пестрая процессія: священникъ въ новыхъ золотыхъ ризахъ, поддерживая полы шелковаго подрясника, шелъ по краю дороги, гдѣ посуше, безпрестанно обходя кучи запаснаго шоссейнаго камня. Человѣкъ десять, безъ шапоуь и въ мундирахъ, поверхъ которыхъ, на всякій случай, накинута были шинели, несли большой гробъ, покрытый парчевымъ покровомъ.

Перловичъ съ Хмуровымъ придерживали гробъ спереди; первый шелъ молча, потупивъ глаза въ землю, и поминутно прикладывалъ платокъ къ глазамъ; второй подтягивалъ басомъ хору солдатъ-пѣвчихъ.

На балконъ клубной залы вышли человѣкъ пять, завтракавшихъ до этой минуты и оставившихъ свои приборы при звукахъ барабановъ.

— Ну-съ, государи мои, вотъ и покончили нашъ авантюристъ свое существованіе! говорилъ интендантскій чиновникъ, присаживаясь на перила.

— А дѣло нечисто... замѣтилъ стрѣлокъ, вытирая ротъ салфеткой.

— Чего нечисто? — вздоръ: все акуратно обработано.

— Однако вы говорите: „обработано“...

— Говорю; и добавлю, что пока не найдется личности, заинтересованной...

— Чѣмъ?

— Да хоть-бы удаленіемъ *его* съ мѣста дѣйствія, такъ-сказать, сокращеніемъ сего барина до нуля, дѣло будетъ находиться въ томъ-же положеніи, какъ и теперь, то-есть будетъ почивать въ архивѣ, преданное волѣ божіей.

— Господа! оттуда всѣ на дачу Перловича, на поминальный обѣдъ! вѣжалъ на балконъ молодой офицерикъ, отдѣлившійся отъ процессіи.

— Царство ему небесное! вздохнулъ интендантскій чиновникъ. — Что-же котлетку съ горошкомъ? крикнулъ онъ пробѣгавшему лакею.

— Сію минуточку-съ.

— То-то—„сію минуточку-съ“: цѣлый часъ заказано. Свины!

Бой барабановъ затихалъ вдали, когда процессія завернула за уголъ ближайшей улицы.

— Краснаго въ уголь и по желтому карамболь! возглашалъ голосъ изъ бильярдной...

XIV.

Почему перестала Рахиль смотрѣть на сѣверъ.

Киргизы Гайнула и Гассанъ гнали большое стадо овецъ по зарослямъ близъ ауловъ Курбанъ-Бія. Оба пастуха ѣхали верхомъ, и сколько ни поднимались на стременахъ, пытаясь разглядѣть переднихъ барановъ, все не удавалось имъ замѣтить сквозь камышъ вожаковъ стада,—такое оно было большое. Тальникъ и камышъ трещали кругомъ, и глухо топотали по замерзлой землѣ тысячи копытчатыхъ ножекъ.—Гей гей! кричалъ Гайнула.—Гей гей! отзывался ему съ другого конца Гассанъ, и громко хлопали длинные кнуты, сбивая высохшія вершинки кустарниковъ.

Сплошными волнами двигалась эта атара (стадо) и, казалось, негдѣ было больше просунуть кулака между плотно прижавшимися на ходу другъ къ другу, курчавыми, живыми тѣлами барановъ.

Къ вечеру становилось дѣло и аулы дымились въ синѣющей лощинѣ.

Въ одномъ только мѣстѣ, далеко еще впереди, раздѣлялись на двое живыя волны, огибая какое-то, словно волшебное, пространство, и снова смыкались вплотную, мало по малу подвигаясь впередъ.

— Что тамъ за диковина? думалъ Гайнула, и началъ всматриваться.

— А тамъ что-нибудь да есть, думалъ Гассанъ и даже руку приложилъ къ глазамъ, чтобы разглядѣть получше.

Обоимъ имъ хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло, и оба они повернули лошадей въ ту сторону. Ближе и ближе сѣзжались они, врѣзываясь въ самую гущу атары и, наконецъ, сѣхались вмѣстѣ.

Сѣхались какъ разъ оволо того диковиннаго мѣста и переглянулись.

— Видишь что? сказалъ Гайнула и сплюнулъ.

— Дохлятина, произнесъ Гассанъ и, засунувъ руку подъ малахай, сталъ чесать всею пятернею свой бритый затылокъ.

— И какъ это ея до сихъ поръ волки не сѣбли?

— Не нашли, должно быть.

— А вороны трогали, видишь?

— Воронамъ сверху виднѣй.

Гассанъ посребъ себѣ еще затылокъ и поѣхаль дальше. То, что видѣли киргизы-пастухи, то, что такъ пугало овецъ и заставляло ихъ бросаться въ стороны,—была Рахиль.

Она все время ждала избавленія... Она слѣпо повѣрила тому полуголому, косматому человѣку, который заговорилъ съ нею по русски, который указаль ей на сѣверъ, откуда должна была прійти вѣсть о свободѣ.

Рахиль ждала этой вѣсти и не спускала глазъ съ завѣтной стороны; она, во время своей послѣдней болѣзни, все выглядывала, по временамъ, изъ подъ кошмы, подъ которую заползла грѣться отъ нестерпимаго, смертельнаго озноба. Рахиль не выползала уже болѣе сама изъ подъ этой грязной, закопченной, населенной мириадами вшей кошмы.

Ее вытащили оттуда, когда трупная вонь дала знать о томъ, что для нея уже все кончилось. Ее оттащили подальше отъ аула, въ самыя заросли, и бросили. Бросили случайно, конечно, такъ, что полураскрытые, мертвые глаза несчастной обращены были опять на сѣверъ.

И долго-бы еще смотрѣла въ одну сторону бѣдная Рахиль, да вороны, замѣтивъ межъ черными кочками бѣлѣющее тѣло умершей, слетѣлись, сѣли поближе, поглядѣли на право и на лѣво, подскочили еще ближе, совсѣмъ ободрились и, прыгая по худымъ бокамъ Рахили, принялись за похоронную трапезу.

Птицы начали съ глазъ, и черезъ минуту, подъ нависшими выступами бровей, чернѣли двѣ зіяющія дырки.

Рахиль перестала смотрѣть на сѣверъ.

Н. Каравинъ.

Съ личностью Перловича читатель встрѣтится еще въ другомъ романѣ «Погоня за паживой». Этотъ второй романъ будетъ связанъ съ романомъ «На далекихъ окраинахъ», составляя какъ-бы продолженіе цѣлаго ряда романическихъ картинъ, задачей которыхъ служатъ описаніе природы и быта среднеазиатскихъ народовъ, характеризуетъ, главнымъ образомъ, разнообразныя столкновенія туземцевъ съ совершенно чуждымъ и новымъ для нихъ наплывомъ русскаго элемента.

Отъ ред.

ГИТАРИСТКА.

Въ младенчествѣ росла я сиротою.
Не знала никогда я родины своей.
Блуждала всюду я веселою, живою,
Какъ пташка вольная, среди чужихъ полей.
Улыбкою я каждого встрѣчала
И скудный хлѣбъ я пѣсней добывала!

Я нищая, но съ доброю душою.
Смѣетесь вы надъ рубищемъ моимъ?
Его въ грязи влачу я за собою,
Но въ день воскресный расстаюсь я съ нимъ.
Тогда цвѣтокъ въ косѣ благоухаетъ
И стройный станъ мнѣ лента обвиваетъ.

Я, можетъ быть, мечтала-бы о мужѣ,
Когда-бъ могла узнать свои года,—
Старушка разъ сказала мнѣ къ тому-же,
Что счастье и приданое всегда
Блондинкѣ или брюнеткѣ смуглолицей—
Въ шестнадцать лѣтъ легко достать въ столицѣ!

Но какъ-то мнѣ цыганка говорила,
Черты руки изслѣдовавъ моей:
Судьба тебя для счастья сохранила—
Повѣрь—нѣтъ участи завиднѣе твоей!
Вѣдь быть тебѣ, по смыслу этихъ лнпій,
Царевною—или даже *герцогиней!*

Что думать мнѣ объ этомъ предсказаньѣ?..
Когда царицею я сдѣлаюсь большою,
Куда свое я дѣну достоянье?
Ахъ, никогда не буду я скупой!..
О, еслибъ поскорѣй царевною я стала—
Я-бъ каждой дѣвушкѣ—гитару покупала.

В. И. Славянской.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЪ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

КНИГА VI.

Вдова и жена.

LIV.

Въ то самое утро, когда м-ръ Рафль уѣхалъ изъ Стоп-Корта, Доротея вернулась въ Ловикъ. Три мѣсяца прогостила она въ Фрешитѣ, но, наконецъ, ей надоѣло сидѣть по цѣлымъ часамъ надъ ребенкомъ Целіи и любоваться имъ; сидѣть-же въ одной съ нимъ комнатѣ и не обращать на него вниманія — значило серьезно разсердить Целію.

Целія находила превосходнымъ, что у Доротеи нѣтъ своихъ дѣтей и что ея вдовство совпало съ рожденіемъ маленькаго Артура.

— Додо такой человѣкъ, что не интересуется ничѣмъ своимъ, говорила Целія мужу. — Да, наконецъ, если-бы у нея и родился ребенокъ, онъ не могъ-бы быть такимъ прелестнымъ, какъ Артуръ. Не могъ-бы, Джемсъ?

— Конечно, если-бы онъ былъ похожъ на Казобона, отвѣчалъ сэръ Джемсъ уклончиво. У него было свое собственное мнѣніе насчетъ изумительныхъ качествъ его первенца.

— Да, могло-бы и такъ случиться! Это истинная милость Божія, что Додо овдовѣла. Она можетъ любить нашего ребенка, какъ своего собственнаго.

Поэтому, когда Целія узнала, что Доротея собирается вернуться въ Ловикъ, она сильно вознегодовала.

— Ну что ты будешь дѣлать въ Ловикѣ, Додо? принялась она убѣждать сестру. — Ты сама говорила, что все тамъ такъ чисто и въ такомъ порядкѣ, что тамъ тебѣ не о чемъ заботиться и ты навѣрное соскучишься, а здѣсь ты можешь расхаживать съ м-ромъ Гартомъ въ Типтонѣ по всѣмъ заднимъ дворамъ. Дядюшка уѣхалъ, и Гартъ все будетъ дѣлать по-твоему. Джемсъ также всегда исполняетъ всѣ твои желанія.

— Я буду часто прѣзжать къ вамъ и мнѣ легче будетъ замѣтить, какъ растетъ твой сынокъ, отвѣчала Доротея.

— Ты никогда не увидишь, какъ я его купаю, а это самое интересное.

Она надулась; ей казалось, что нужно имѣть слишкомъ черствое сердце, чтобы уѣхать отъ малютки безъ крайней необходимости.

— Милая кисанька, я нарочно для этого прѣйду какъ-нибудь на ночь, но теперь мнѣ хочется пожить одной у себя дома. Мнѣ нужно поближе познакомиться съ Фэрбротерами и поговорить съ м-ромъ Фэрбротеромъ о томъ, что можно сдѣлать для Мидльмарча.

Доротея не чувствовала болѣе нравственной необходимости переламывать свою волю. Ее тянуло въ Ловикъ и она не считала себя обязанной давать кому-бы то ни было отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но всѣ были недовольны ея отъѣздомъ. Сэръ Джемсъ до того огорчился, что даже предлагалъ переѣхать всѣмъ лучше на нѣсколько мѣсяцевъ въ Чельтенгамъ; отвергнуть такое предложеніе ему казалось рѣшительно невозможнымъ.

Вдовствующая леди Читамъ только-что вернулась изъ Лондона, куда ѣздила повидаться съ дочерью, и настаивала на томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, м-съ Виго была выписана въ компаньонки къ Доротеѣ: она находила, что молодой вдовѣ въ высшей степени неприлично жить одной въ Ловикѣ.

— Вы сойдете съ ума однѣ въ этомъ домѣ, моя милая, убѣждала Доротею м-съ Кадвалдеръ въ интимномъ разговорѣ. —

Вамъ будутъ чудиться привидѣнія. Намъ и безъ того трудно содержать свои мозги въ порядкѣ и называть всякую вещь такъ, какъ всѣ ее называютъ. Для младшихъ сыновей и женщинъ, немѣющихся состоянія, сойти съ ума даже расчетливо: по крайней мѣрѣ, ихъ пристроить куда-нибудь. Но вамъ-то не для чего сходиться съ ума. Вамъ надобѣдаетъ наша добрая старушка, но вѣдь вы станете невыносимы и для себя, и для окружающихъ, если будете постоянно разыгрывать роль королевы въ трагедіи и смотрѣть на все съ возвышенной точки зрѣнія. Запершись въ вашей ловицкой библіотекѣ, вы, пожалуй, вообразите, что можете повелѣвать стихіями; вамъ непремѣнно нужно искать общества людей, которые-бы не повѣрили вамъ, если-бы вы вздумали ихъ въ этомъ убѣждать. Это самое отрезвляющее лекарство.

— Мнѣ нерѣдко случалось называть нѣкоторыя вещи не тѣми именами, какъ звали ихъ окружавшіе меня люди, отвѣчала Доротея гордо.

— Но, вѣроятно, вы убѣждались потомъ, что были неправы, — это уже доказательство здраваго ума.

Доротея замѣтила шпильку, но она ее нисколько не уколола.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — я и до сихъ поръ убѣждена, что люди во многомъ ошибаются, и что вовсе не нужно быть сумасшедшимъ, чтобы дойти до такого убѣжденія; большинству людей обыкновенно приходится отказываться отъ своего мнѣнія.

М-съ Кадваладеръ не сказала ни слова болѣе, но при первомъ удобномъ случаѣ заговорила о Доротеѣ съ мужемъ.

— Всего-бы лучше, говорила она, — выдать ее поскорѣе за мужъ, если-бы только можно было ввести ее въ подходящее общество. Читамы ни за что не согласятся на это. Но, по-моему, ей необходимъ мужъ. Если-бы мы не были такъ бѣдны, я пригласила-бы къ намъ лорда Тритона. Онъ современемъ будетъ маркизомъ, а изъ нея выйдетъ отличная маркиза: она еще похорошѣла съ тѣхъ поръ, какъ ходитъ въ траурѣ.

— Милая Элеонора, оставь бѣдняжку въ покоѣ. Подобныя мѣры никогда ни къ чему не ведутъ, отвѣчалъ добродушный ректоръ.

— Какъ ни къ чему не ведутъ? А позволъ узнать, какъ-же устраиваются браки, какъ не посредствомъ сближенія мужчины съ женщиною? Стыдно ея дядюшкѣ, что онъ, какъ нарочно, те-

перъ уѣхалъ и бросилъ Грэнджъ. Непремѣнно нужно было-бы приглашать подходящихъ жениховъ въ Фрешитъ и Грэнджъ. А едва-ли найдется для нея болѣе подходящая партія, какъ лордъ Тритонъ: онъ постоянно строитъ сумасбродные планы о томъ, какъ-бы осчастливить все человѣчество. Онъ приходится какъ-разъ кодъ-стать м-съ Казобонъ.

— Предоставь м-съ Казобонъ самой выбрать, кого она пожелаетъ, Элеонора.

— Брунда! вы, умники, всегда болтаете чушь! Изъ кого-же ей выбирать? Женщина обыкновенно выходитъ замужъ за перваго, котораго ей удастся поймать — вотъ и весь выборъ. Запомни хорошенько мои слова, Гемфри. Если родственники м-съ Казобонъ не позаботятся пристроить ее, дѣло кончится хуже, чѣмъ съ Казобонъ.

— Пожалуйста, Элеонора, не затрогивай этого предмета! Это больное мѣсто сэра Джемса. Ему будетъ въ высшей степени непріятно, если ты безъ всякой нужды заговоришь съ нимъ объ этомъ.

— Я никогда объ этомъ не говорю. Целія сама рассказала мнѣ всю исторію съ завѣщаніемъ, отъ начала до конца; я не просила ее рассказывать.

— Ну да, я знаю, но они хотятъ замать эту исторію; молодой человѣкъ, какъ я слышалъ, уѣзжаетъ отсюда.

М-съ Кадваладеръ промолчала и только три раза многозначительно мотнула головой; въ темныхъ глазахъ ея свѣтилась насмѣшка.

Доротея настояла на своемъ, несмотря на всѣ просьбы и увѣщанія, и въ концѣ іюня ставни Ловикъ-Манора растворились, и солнце заглянуло въ бібліотеку, освѣтивъ ряды черновыхъ матеріаловъ для сочиненія покойнаго Казобона, какъ освѣщало какую-нибудь поляну, усѣянную камнями, безмолвными памятниками забытой вѣры. Доротея обошла всѣ комнаты и перелопачивала въ умѣ всѣ полтора года своей замужней жизни; ей казалось, что мысленно она говоритъ съ мужемъ и онъ ее слушаетъ. Придя въ бібліотеку, она не успокоилась, пока не разложила матеріалы по порядку, какъ онъ самъ-бы сдѣлалъ, если-бы былъ живъ. Она переносила на покойнаго то состраданіе, которое было стимуломъ всѣхъ ея поступковъ при его жизни. Подъ

вліяніемъ какого-то суевѣрнаго чувства, она взяла „Синоптическую таблицу въ руководство м-съ Казобонъ“, положила ее въ конвертъ, запечатала и подписала на внутренней сторонѣ конверта: „Я не могла воспользоваться ею. Неужели вы не видите теперь, что я не могла подчинить свою душу вашей, заставить себя бесполезно трудиться надъ тѣмъ, во что я не вѣрю“,—и положила конвертъ въ свой письменный столъ. Но въ этомъ добровольномъ затворничествѣ, среди воспоминаній о прошломъ, въ душѣ Доротеи росло все сильнѣе и сильнѣе желаніе, послужившее главнымъ мотивомъ ея приѣзда въ Ловикъ, — желаніе повидаться съ Вилемъ Владиславомъ. Она не предвидѣла ничего хорошаго отъ этого свиданія, сознавая всю свою безпомощность; руки ея были связаны, она была лишена возможности улучшить его неблестательную участь, но ее влекло къ нему неудержимой силой. Доротея не лгала, когда говорила, что желаетъ ближе познакомиться съ Фэрбротерами и переговорить съ новымъ ректоромъ, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, помнила очень хорошо, что ей говорилъ Лейдгать о Вилѣ Владиславѣ и маленькой миссъ Нобль, и рассчитывала, что Виль будетъ продолжать посѣщать семейство Фэрбротеровъ въ Ловикѣ. Въ первое-же воскресенье, еще не входя въ церковь, она уже представляла его себѣ на томъ-же мѣстѣ, на которомъ видѣла въ послѣдній разъ, одного на священнической скамьѣ; но когда она вошла, скамья оказалась пустою.

На недѣлѣ она нѣсколько разъ бывала въ гостяхъ у семейства ректора, но ни разу ей не удавалось услышать ни слова о Вилѣ, а между тѣмъ м-съ Фэрбротеръ говорила, казалось, обо всѣхъ и обо всемъ.

— Вѣроятно, нѣкоторые изъ мидльмарчскихъ слушателей проповѣдей м-ра Фэрбротера станутъ приходить слушать его и въ Ловикъ, какъ вы думаете? спросила ее Доротея, презирая самую себя за такіе подходы.

— Конечно, стануть, если они умны, м-съ Казобонъ, отвѣчала старушка.—Я вижу, что вы умѣете цѣнить проповѣди моего сына. Дѣдъ его съ моей стороны былъ великолѣпный священникъ, а отецъ служилъ по адвокатурѣ, но это ему не мѣшало быть человекомъ примѣрной честности; оттого-то мы и остались бѣдняками. Говорятъ, что фортуна женщина и потому ка-

призна; но если она женщина, то, во всякомъ случаѣ, добрая женщина, и часто отпускаетъ свои блага по заслугамъ, какъ, напримѣръ, вамъ, м-съ Казобонъ.

И м-съ Фэрбротеръ снова углубилась въ свое вязанье, вполне довольная своимъ краснорѣчьемъ. Но, къ сожалѣнiю, оно не удовлетворило Доротею, ей не того было нужно. Бѣдняжка, она даже не знала, въ Мидльмарчѣ-ли еще Виль, а спросить было не у кого, кромѣ Лейдгата. Но для того, чтобы повидаться съ Лейдгатомъ, нужно было или послать за нимъ, или съѣздить къ нему. Ей приходило на мысль, что, можетъ быть, Владиславъ, узнавъ о странной принискѣ къ завѣщанiю м-ра Казобона, рѣшилъ, что лучше имъ не видаться. Но „я хочу его видѣть“ побѣждало всякiя соображенiя. И свиданiе, дѣйствительно, состоялось, но свиданiе чисто официальное, совсѣмъ не такое, какого ждала Доротея.

Разъ утромъ, часовъ въ 11, Доротея сидѣла у себя въ будуарѣ, передъ нею лежалъ планъ ея владѣнiй и другiя бумаги, по которымъ она хотѣла сообразить въ точности цифру своихъ доходовъ и выяснитъ себѣ положенiе своихъ дѣлъ. Она еще не принималась за работу, а сидѣла сложа руки на колѣняхъ и задумчиво смотрѣла въ окно. Вдовiй чепецъ, обрамлявшiй ея лицо, и платье сильно молодили ее, тѣмъ болѣе, что румянецъ снова вернулся на ея щеки, а глаза свѣтились какою-то дѣтскою искренностью.

Появленiе Тантрицъ съ докладомъ, что пришелъ м-ръ Владиславъ и проситъ позволенiя войти, вывело ее изъ ея мечтательнаго полузабытiя.

— Я сейчасъ выйду, сказала она, быстро вставая, — проводите его въ гостиную.

Гостиная была самая нейтральная комната въ ея домѣ, съ ней связывалось менѣе всего супружескихъ воспоминанiй.

Вилю не долго пришлось ждать свиданiя съ Доротеей. Но встрѣча ихъ далеко не походила на ту первую встрѣчу въ Римѣ, когда Виль былъ такъ смущенъ, а Доротея совершенно спокойна. На этотъ разъ Виль чувствовалъ себя безконечно несчастнымъ, но совершенно владѣлъ собою; Доротея-же, напротивъ, была въ такомъ волненiи, что даже не могла его скрыть. Уже подходя къ двери, она почувствовала, какъ тяжела будетъ эта встрѣча, ко-

торой она такъ страстно желала; когда-же Виль подошелъ къ ней, лицо ея покрылось густою краской. Оба долго молчали. Она протянула ему руку, и затѣмъ они сѣли у окна другъ противъ друга. Виллю сдѣлалось крайне неловко; перемигнувъ въ обращеніи Доротей съ нимъ онъ не могъ объяснить себѣ однимъ ея вдовствомъ; другихъ-же поводовъ къ этой перемигнѣ онъ не зналъ и остановился на мысли, что ея родственники возстановили ее противъ него, заронивъ въ ней подозрѣніе на счетъ чистоты его намѣреній.

— Надѣюсь, что вы не сочтете мой приходъ дерзостью, началъ онъ, наконецъ,—я не могъ уѣхать отсюда, не простившись съ вами.

— Дерзостью? Полноте. Мнѣ было-бы очень больно, если-бы вы не захотѣли повидаться со мной.—(въ тонѣ Доротей зазвучала ея привычная искренность).—Вы скоро уѣзжаете?

— Да, скоро. Думаю ѣхать въ Лондонъ и заняться адвокатурою, говорить, она подготавливаетъ ко всякой общественной дѣятельности. Скоро откроется широкое поле для этой дѣятельности, и я намѣренъ посвятить себя ей. Бывали примѣры, что люди безъ связей и денегъ приобрѣтали себѣ почетное положеніе.

— И это дѣлало имъ тѣмъ болѣе чести, подхватила Доротея съ жаромъ.—У васъ такія блестящія способности. Дядюшка говорилъ мнѣ, какъ хорошо вы говорите рѣчи, какъ ясно излагаете свои мысли. Вы возстааете противъ всякой несправедливости. Я этому такъ рада. Когда мы познакомились въ Римѣ, я думала, что васъ интересуетъ только поэзія и искусство, только то, что украшаетъ жизнь людей обеспеченныхъ. Теперь я вижу, что вы сочувствуете всему человѣчеству.

Смущеніе Доротей пропало, она снова была прежней Доротеей и глядѣла Виллю прямо въ глаза съ выраженіемъ самого задумчиваго довѣрія.

— Такъ вы одобряете мое намѣреніе уѣхать отсюда на долго и не возвращаться, пока я не составлю себѣ имени? сказалъ Виль, стараясь примирить свою непреклонную гордость съ страстнымъ желаніемъ добиться отъ Доротей выраженія теплаго чувства.

Доротея не сразу отвѣтила; она отвернулась отъ него и гля-

дѣла въ окно, на кусты розъ, которыя столько разъ зацвѣтутъ и отцвѣтутъ безъ него. Это было, можетъ быть, нѣсколько безтактно, но Доротея забыла въ эту минуту о приличіи, она думала только о печальной необходимости разстаться съ Вилемъ. Съ первыхъ-же словъ его, ей показалось, что она все поняла; ему извѣстны послѣднія распоряженія м-ра Казобона, и они были для него такимъ-же ударомъ, какъ для нея. Онъ никогда не питалъ къ ней ничего кромѣ дружбы, никогда не имѣлъ въ мысляхъ ничего, что-бы оправдывало оскорбленіе, нанесенное ей мужемъ ихъ взаимнымъ чувствомъ; эту дружбу онъ сохранилъ и до сихъ поръ. Подавивъ тяжелый вздохъ, Доротея отвѣтила, наконецъ, спокойнымъ голосомъ, слегка дрогнувшимъ на послѣднихъ словахъ:

— Да, вы хорошо сдѣлаете. Мнѣ будетъ очень пріятно услышать, что ваши достоинства признаны, наконецъ. Но будьте терпѣливы. Можетъ быть, вамъ придется долго ждать.

Виль рѣшительно не понималъ послѣ, какъ онъ не упалъ къ ея ногамъ, когда она произнесла это „*допо*“ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ. Его удержалъ, по всей вѣроятности, ея глубой трауръ.

— Я ничего не буду знать о васъ, а вы забудете обо мнѣ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Я васъ никогда не забуду. Я никогда не забываю своихъ знакомыхъ. У меня ихъ никогда не было много, да вѣроятно, и не будетъ. А въ Ловикѣ у меня довольно мѣста для воспоминаній, не правда-ли?

Она улыбнулась.

— Боже мой! вскричалъ Виль страстно и, вскочивъ со стула, отошелъ къ мраморному столу и прислонился къ нему. Кровь бросилась ему въ лицо; глядя на него, можно было подумать, что онъ сердится. Ему казалось, что онъ и Доротея превращаются, мало по малу, въ мраморныя статуи, тогда какъ сердца ихъ бьются горячимъ чувствомъ. Но положеніе было безвыходное. Онъ считалъ унижительнымъ для себя окончить это свиданіе признаніемъ въ любви, которое могло быть перетолковано въ желаніе получить ея состояніе. Къ тому-же онъ боялся и впечатлѣнія, которое произведетъ такое признаніе на Доротею.

Она глядѣла на него въ смущеніи, думая, что онъ обидѣлся

чѣмъ нибудь въ ея словахъ. И тутъ-же ей пришло въ голову, что онъ, вѣроятно, нуждается въ деньгахъ, и что она не въ состояніи помочь ему. Если-бы дядя былъ здѣсь, можно было-бы устроить это какъ-нибудь черезъ него. И подъ вліяніемъ мысли, что Виль нуждается въ деньгахъ, тогда какъ она несправедливо пользуется его частью, она сказала:

— Не хотите-ли вы взять вотъ этотъ великолѣпный миниатюръ вашей бабушки. Съ моей стороны было-бы не хорошо удерживать его, если вы желаете имѣть его. Онъ замѣчательно похожъ на васъ.

— Вы слишкомъ добры, отвѣчалъ Виль раздраженнымъ тономъ.— Нѣтъ, онъ мнѣ не нуженъ. Таскать съ собою свой собственный портретъ ни мало не утѣшительно. Утѣшительно было-бы, если-бы другіе пожелали его имѣть.

— Я думала, что вамъ дорога память о ней... я думала... Доротея приостановилась на минуту, она вспомнила, что не кстати затрогивать исторію тетюшки Джуліи, и затѣмъ докончила: — я думала, что вамъ пріятно будетъ имѣть этотъ портретъ, какъ семейное воспоминаніе.

— А на что оно мнѣ, когда у меня нѣтъ ничего другого? Человѣкъ, у котораго за плечами одна котомка, носитъ свои воспоминанія въ головѣ.

Виль говорилъ раздраженнымъ тономъ: его вывело изъ терпѣнія, что въ такую минуту ему предлагаютъ портретъ бабушки. Но Доротея увидѣла въ его словахъ оскорбительный для себя намекъ. Она встала и сказала гордо, съ легкимъ отбѣнкомъ негодованія:

— Не имѣя ничего, вы счастливѣе меня, м-ръ Владиславъ.

Тонъ, которымъ она произнесла эти слова, показывавшій, что она считаетъ свиданіе конченнымъ, изумилъ Виля. Онъ подошелъ къ ней; глаза ихъ встрѣтились; оба глядѣли другъ на друга съ серьезнымъ недоумѣніемъ. Вилю никогда и въ умъ не приходило, что онъ имѣетъ какія-либо права на наслѣдство, доставшееся Доротеѣ, и потому онъ рѣшительно не могъ понять, что происходило въ ея душѣ въ эту минуту.

— До сихъ поръ я не чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что ничего не имѣлъ, сказалъ онъ, наконецъ,—но бѣдность

хуже чуми, когда она разлучаетъ насъ съ тѣмъ, что намъ всего дороже.

Эти слова затронули чувствительную струну въ сердцѣ Доротеи; гнѣвъ ея протнлъ, и она отвѣчала грустнымъ, сочувственнымъ тономъ:

— У всякаго свое горе. Два года тому назадъ я этого не понимала,—не понимала, что горе можетъ явиться такъ неожиданно, связать насъ по рукамъ и по ногамъ и заставить молчать, когда мы хотѣли-бы говорить. Я относилась нѣсколько презрительно къ женщинамъ за то, что онѣ не умѣютъ сами создать себѣ подходящую обстановку и приносить какую-нибудь пользу. Я очень любила поступать такъ, какъ я хочу, но теперь почти отказалась отъ этого, докончила она улыбаясь.

— Я никогда не откажусь отъ права поступать такъ, какъ я хочу, но мнѣ очень рѣдко удается это, отвѣчалъ Виль.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, борясь съ самыми противуположными чувствами: ему хотѣлось добиться несомнѣннаго доказательства ея любви и въ то-же время онъ боялся положенія, въ которое поставитъ его такое доказательство.

Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ: „Сэръ Джемсъ Читамъ въ библіотекѣ, сударыня.“

— Попросите сэра Джемса сюда, сказала Доротея.

Виль и она почувствовали, какъ будто по нимъ пробѣжала одна и та-же электрическая искра; въ обоихъ заговорило гордое желаніе идти на переکورъ мнѣнію свѣта, и они ждали прихода сэра Джемса, не глядя другъ на друга.

Пожавъ Доротеѣ руку, сэръ Джемсъ слегка кивнулъ головою Владиславу, который отвѣтилъ такимъ-же кивкомъ, потомъ подошелъ къ Доротеѣ и сказалъ:

— Позвольте проститься съ вами, м-съ Казобонъ, по всей вѣроятности, надолго.

Доротея протянула ему руку и дружески попрощалась съ нимъ. Сознаніе, что сэръ Джемсъ не цѣнитъ Вилия и грубо обошелся съ нимъ, пробудило въ ней рѣшимость и чувство собственного достоинства: смущеніе ея совершенно исчезло, и когда Виль вышелъ, она такъ спокойно обратилась къ сэру Джемсу съ вопросомъ: „Ну, что Целія?“, что онъ принужденъ былъ подавить свою досаду и держать себя такъ, какъ будто ничего неприя-

наго для него не произошло. Впрочемъ, иначе онъ и не могъ поступить. Ему было такъ неприятно даже мысленно сопоставить рядомъ Доротею и Владислава, какъ людей, любящихъ другъ друга, что онъ не хотѣлъ выдавать своею досадою, что возможность такой комбинаціи приходила ему въ голову. Если-бы его спросили, почему это было-бы ему такъ неприятно, онъ, вѣроятно, въ первую минуту не нашелся-бы ничего сказать, кромя: „поми-луйте, *такой* человекъ, какъ этотъ Владиславъ...“ Подумавъ, онъ, конечно, сказалъ-бы, что приписка м-ра Казобона къ завѣщанію, налагающая на Доротею какъ-бы наказаніе въ томъ случаѣ, если-бъ она рѣшилась на бракъ съ Вилемъ, дѣлаетъ всякія сношенія между ними неприличными. Негодованіе его было тѣмъ сильнѣе, что онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права виѣшиваться.

Но, самъ того не подозрѣвая, онъ былъ силою въ эту минуту. Войдя въ комнату, онъ явился воплощеніемъ тѣхъ мотивовъ, которые заставляли Вилю держаться въ сторонѣ отъ Доротен.

ГЛАВА LV.

Говорятъ, что молодость—время надеждъ, но это, можетъ быть, справедливо только въ томъ смыслѣ, что люди старыя обыкновенно возлагаютъ надежды на молодость; сама-же молодость не особенно вѣрить въ надежду; каждый кризисъ кажется ей окончательнымъ, каждая разлука вѣчною.

Доротеѣ, еще непережившей того періода, когда, послѣ потога слезъ, глаза остаются по прежнему чистыми и ясными, казалось, что она простилась съ Вилемъ Владиславомъ навсегда. Онъ уѣзжалъ на неизвѣстное число лѣтъ и вернется, можетъ быть, совсѣмъ другимъ человекомъ. Она и не подозрѣвала того, что происходило въ немъ, ей и въ голову не приходило, что онъ уѣхалъ потому, что гордости его была невыносима мысль прослать нищимъ авантюристомъ, добивающимся руки богатой вдовы; она-же думала, что онъ, точно также, какъ и она, счелъ приписку къ завѣщанію м-ра Казобона грубымъ и жестокимъ запретомъ, наложеннымъ на ихъ взаимную симпатію. Счастливые часы, которые они проводили въ разговорахъ о томъ, чѣмъ изъ мѣстныхъ жителей никто не интересовался, пролетѣли навсегда,

сдѣлались достояніемъ прошлаго. Поэтому она безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти вспоминала о нихъ. Она сняла со стѣны портретъ бабушки и долго пристально вглядывалась въ него; черты женщины, которую такъ жестоко осудили, отождествлялись въ ея представленіи съ чертами внука, котораго такъ горячо защищали противъ людской несправедливости ея сердце и разсудокъ. Она нѣжно гладила портретъ и прикладывала его къ щекамъ, какъ будто желая вознаградить этою ласкою тѣхъ, кого онъ ей напоминалъ, за вынесенныя ими обиды. Она не понимала, что чувство, заговорившее въ ней, была любовь, она чувствовала только, что что-то оборвалось въ ея жизни и въ ней проявилось неудержимое стремленіе къ живой дѣятельности.

Разъ она отправилась въ Фрешитъ съ тѣмъ, чтобы переночевать тамъ и присутствовать при купаньи ребенка; къ обѣду пріѣхала туда и м-съ Кадваладеръ, такъ какъ ректоръ отправился на рыбную ловлю. День стоялъ сильно жаркій, такой жаркій, что Целія, одѣтой въ бѣлое кисейное платье, безъ всякой куафюры на головѣ, стало жаль бѣдную Додо, которой, конечно, было невыносимо душно въ ея траурномъ платьѣ и чепцѣ.

— Милая Додо, сними ты чепчикъ, обратилась она къ сестрѣ. — Тебѣ должно быть просто невыносимо въ твоемъ костюмѣ.

— Я уже привыкла къ чепчику, какъ улитка къ раковинѣ, отвѣчала Доротея улыбаясь, — мнѣ какъ-то неловко и холодно безъ него.

— Нѣтъ, я не могу тебя видѣть въ немъ; намъ всѣмъ дѣлается отъ него жарко, вскричала Целія, отбрасывая вѣрвь, которыми она обмахивалась, и, подойдя къ сестрѣ, безцеремонно развязала ея чепецъ и бросила его на стулъ. Сэръ Джемсъ вошелъ въ эту минуту въ комнату. „Наконецъ-то“, произнесъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ, глядя на красивые, темно-каштановые волосы Доротеи, освобожденные отъ старушечьей куафюры.

— Это я ее заставила, Джемсъ, вскричала Целія. — Додо не зачѣмъ соблюдать такой строгій трауръ; она не будетъ больше носить этого чепца въ своемъ семейномъ кружкѣ.

— Милая Целія, замѣтила леди Читамъ, — жена должна носить трауръ по мужѣ, по крайней мѣрѣ, годъ.

— Ну, не всегда, она можетъ выйти замужъ ранѣе, вмѣшалась м-съ Кадваладеръ, которая не прочь была немножко по-

сердить свою добрую пріятельницу вдовствующую леди. Сэръ Джемсу сдѣлалось неловко и онъ нагнулся, заигрывая съ мальтійской собакой Целіи.

— Это исключенія, отвѣтила леди Читамъ строгимъ голо-
сомъ.—Въ нашемъ кругу только одна м-съ Биворъ скомпро-
метировала себя такимъ образомъ и очень огорчила этимъ лор-
да Гринзеля. Она была несчастлива съ первымъ мужемъ, и по-
тому всё были особенно удивлены ея вторичнымъ бракомъ. Но
за то она была и жестоко наказана. Говорить, что капитанъ
Биворъ таскалъ ее за волосы, грозилъ заряженными пистолетами.

— Ну, это просто неудачный выборъ! возразилъ м-съ Рад-
валадеръ, на которую нашло особенно задорное настроеніе.—При
такомъ выборѣ бракъ окажется всегда несчастнымъ, будь онъ
первымъ или вторымъ. Первенство плохая рекомендація для
мужа, если у него нѣтъ никакой другой. По мнѣ хорошій вто-
рой мужъ лучше перваго, который ни то, ни се.

— Моя милая, вы болтаете просто зря, остановила ее леди
Читамъ.—Я увѣрена, что вы ни за что не вышли-бы такъ скоро
замужъ, если-бы нашъ добрый ректоръ скончался.

— О, я не дамъ никакихъ зароконъ; тутъ могутъ дѣйстви-
вать экономическія соображенія. Вторичный бракъ не воспре-
щенъ закономъ, я полагаю, въ протѣвномъ случаѣ намъ все
равно было-бы быть что индусами, что христіанами. Конечно, если
женщина дѣлаетъ неудачный выборъ, то она должна покориться
послѣдствіямъ его; женщина, которая дѣлаетъ такой выборъ
дважды, не заслуживаетъ сожалѣнія. Но если ей представляется
случай выйти замужъ за человѣка хорошей фамиліи, красиваго,
то чѣмъ скорѣе она воспользуется этимъ случаемъ, тѣмъ лучше.

— Я нахожу, что тема для разговора очень неудачно вы-
брана, вмѣшался сэръ Джемсъ съ неудовольствіемъ,—и предла-
гаю переимѣнить ее.

— Если вы предлагаете это ради меня, сэръ Джемсъ, ска-
зала Доротея, рѣшившись воспользоваться этимъ случаемъ, что-
бы оградить себя на будущее время отъ всякихъ попытокъ сва-
товства,—то я должна вамъ сказать, что вопросъ о вторич-
номъ бракѣ для меня совершенно безразличенъ. Слушать объ
этомъ для меня все равно, что слушать о женщинахъ, которыя
охотятся за лисицами: можетъ-ли это нравиться или нѣтъ, я

все равно не послѣдую ихъ примѣру. Предоставьте м-съ Кадваладеръ распространяться на эту тему, если она ее интересуется.

— Моя милая, м-съ Казобонъ, обратилась къ ней леди Читамъ величественно,—надѣюсь, что вы не приняли за намекъ на себя то, что я говорила о м-съ Биворъ. Мнѣ просто пришелъ въ голову этотъ примѣръ. Она падчерица лорда Гринзеля: онъ женился второй разъ на м-съ Твердой. Тутъ не могло быть намека на васъ.

— Ну, конечно, поддакнула Целія;—никто не выбиралъ этой темы для разговора, онъ завязался изъ за чепчика Додо. М-съ Кадваладеръ совершенно права. Нельзя-же выходить замужъ во вдовьемъ чепцѣ, Джемсъ.

— Оставьте, моя милая, заговорила м-съ Кадваладеръ,—я не стану продолжать непріятный разговоръ. Я не укажу даже на Дидону и Зенобію. Только о чемъ-же мы будемъ говорить?

Вечеромъ, когда сестры остались однѣ, Целія сказала Доротеѣ.

— Право, Додо, безъ чепчика ты стала больше походить на саму себя. Ты и говорила такъ, какъ говорила прежде, когда что-нибудь тебѣ было непріятно. Я не могла только разобратъ на кого ты разсердилась: на Джемса или на м-съ Кадваладеръ.

— Ни на него, ни на нее. Джемсъ вмѣшался изъ деликатности ко мнѣ, но онъ ошибся, вообразивъ себѣ, что я придаю какое-нибудь значеніе словамъ м-съ Кадваладеръ. Я-бы могла придать имъ значеніе только въ такомъ случаѣ, если-бы законъ обязывалъ меня выйти замужъ за человѣка хорошей фамилии и красиваго, по ея или по чьей-бы то ни было рекомендаціи.

— Ну, мнѣ кажется, Додо, что ужь если тебѣ идти второй разъ замужъ, такъ, конечно, за человѣка хорошей фамилии и красиваго.

— Не бойся, किसानка, у меня совсѣмъ другіе планы на будущее. Я не выйду второй разъ замужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ—ни за кого. Даже если-бы ты встрѣтила какое-нибудь чудо?

Доротея отрицательно покачала головой.

— Ни за кого. У меня великолѣпные планы. Мнѣ-бы хотѣлось имѣть землю. Я-бы воздѣлала ее, завела на ней маленькую

колонию, гдѣ-бы всѣ работали и каждый добросовѣстно исполнялъ свою работу. Я-бы всѣхъ знала, была всѣмъ другомъ. Я намѣрена посовѣтоваться съ м-ромъ Гартомъ: отъ него я могу узнать почти обо всемъ, что мнѣ нужно.

— Ну, если у тебя есть въ головѣ какой-нибудь планъ, такъ ты будешь счастлива, Додо, можетъ быть, и маленькій Артуръ полюбитъ планы, когда вырастетъ, и тогда онъ станетъ тебѣ помогать.

Въ ту-же ночь Целія передала мужу, что Доротея рѣшилась не выходить вторично замужъ, что она опять по старому принимается за „всевозможные планы.“ Сэръ Джемсъ ничего не отвѣтилъ на это. Онъ чувствовалъ глубокую антипатію ко вторичнымъ бракамъ женщинъ и находилъ, что рѣшеніе Доротеи остаться одинокой вполне соотвѣтствуетъ тому мнѣнію, которое онъ составилъ себѣ объ ея нравственной личности.

ГЛАВА LVI.

Высокое мнѣніе Доротеи о познаніяхъ Калэба Гарта, зародившееся въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она услышала, что онъ одобряетъ планъ ея коттэджей, возрасло во время прогулокъ, которыя она предпринимала съ нимъ и съ сэромъ Джемсомъ, когда гостила въ Фрешитѣ. Калэбъ въ свою очередь восхищался ею и говорилъ женѣ, что у м-съ Казобонъ такая дѣловая голова, что хоть-бы и не женщинѣ въ пору.

— Чудо что такое! говорилъ онъ.—Она недавно высказала мысль, которая мнѣ самому приходила въ голову, когда я былъ молодъ. М-ръ Гартъ, сказала она мнѣ, мнѣ было-бы пріятно на старости лѣтъ вспоминать, что я улучшила извѣстную часть почвы и выстроила много хорошихъ коттэджей, потому что это дѣло само по себѣ полезное, да и люди отъ него дѣлаются лучше. Это были ея буквальныя слова. Вотъ какъ она смотритъ на вещи.

— Надѣюсь, что она не терлетъ при этомъ своей женственности, сказала м-съ Гартъ, подозрѣвавшая, что м-съ Казобонъ недостаточно проникнута принципомъ подчиненности женщины.

— Какъ-же можно. Ты-бы заслушалась ее, Сузанна. Она го-

ворить такъ просто и при этомъ такимъ музыкальнымъ голосомъ.

Немудрено, что при такихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ между ними, Доротея предложила м-ру Гарту устроить какое-нибудь предпріятіе, пустивъ въ ходъ ея три фермы и многочисленныя строенія, принадлежавшія Ловикъ Менору. Онъ не заставилъ себя просить дважды. Въ это время только что начинали строиться желѣзныя дороги. Проектировалась линія желѣзной дороги черезъ ловикскій приходъ и Калэбъ Гартъ принялъ участіе въ борьбѣ за существованіе зарождающейся системы желѣзно-дорожныхъ путей,—борьбѣ, рѣшившей судьбу двухъ дорогихъ ему лицъ.

Постройка подводныхъ желѣзныхъ дорогъ сопряжена съ громадными трудностями, но представляетъ, по крайней мѣрѣ, то важное удобство, что морское дно не раздѣлено между тысячью землевладѣльцевъ, требующихъ удовлетворенія за наносимый имъ матеріальный и нравственный ущербъ. Въ Мидльмарчѣ желѣзныя дороги были такимъ-же животрепещущимъ вопросомъ, какъ билъ о реформѣ и грозившая холера; самыя рѣшительныя мнѣнія по этому предмету высказывались женщинами и землевладѣльцами. Женщины, и молодыя и старыя, единодушно признавали ѣзду посредствомъ пара опаснымъ и самонадѣяннымъ нововведеніемъ и заявляли, что ни за что въ мірѣ не сядутъ въ вагонъ; землевладѣльцы-же, начиная отъ м-ра Соломона Фетерстона и кончая лордомъ Меддливатомъ, несмотря на все разнообразіе выставившихся ими аргументовъ, сходились въ одно: что если уже продавать землю врагу рода человѣческаго или компаніи, поставленной въ необходимость купить ее, то нужно съ нихъ брать какъ можно дороже за разрѣшеніе избить родъ человѣческій.

Однако люди менѣе сообразительные, въ родѣ м-ра Соломона и м-съ Уоль, не скоро пришли къ этому заключенію; умъ ихъ былъ слишкомъ пораженъ перспективою перерѣзки большого луга на части, а громадные барыши казались чѣмъ-то слишкомъ далекимъ и невѣроятнымъ.

— Коровы стануть выкидывать, братецъ, говорила м-съ Уоль плачевнымъ голосомъ,—если желѣзная дорога пойдетъ мимо насъ, да и кобыла также. Безчеловѣчно такъ губить вдовье имущество, а законъ молчитъ. Кто имъ помѣшаетъ рѣзать на право и на лѣво? Вѣдь они очень хорошо знаютъ, что я въ драку не полѣзу.

— Лучше всего ни слова не говорить, а подослать когонибудь сировадять ихъ хорошенько, когда они придуть сюда распахивать, да вымѣрять, рѣшилъ Соломонъ.—Около Брикмига ихъ проучили. Если-бы вывести все на чистую воду такъ оказалось бы, что они врутъ, что имъ непремѣнно надо прокладывать дорогу здѣсь. Пусть себѣ рѣжутъ землю въ другомъ приходѣ. И не повѣрю я никогда, чтобы стали вознаграждать за то, что толпа негодяевъ перемнетъ ваше поле. Гдѣ онъ—карманъ-то у компаніи?

— Братецъ Питеръ, прости ему Господи, нажилъ себѣ деньги отъ компаніи. Ну, да это была компанія для добыванія марганца, а не для постройки желѣзныхъ дорогъ, которыя разрываютъ вашу землю въ клочки.

— Вотъ что, Джени, сказалъ м-ръ Соломонъ, полизая голось,—чѣмъ болѣе препятствій мы имъ поставимъ поперекъ дороги, тѣмъ дороже они намъ заплатятъ, если имъ непремѣнно нужно проложить дорогу.

И м-ръ Соломонъ принялся дѣйствовать согласно высказанному имъ мнѣнію, стараясь самымъ дипломатическимъ образомъ возбудить подозрѣніе въ окрестныхъ жителяхъ. Около него жило нѣсколько крестьянъ въ разбросанныхъ коттеджахъ, и находилась деревушка, подъ названіемъ Фрикъ, съ водяной мельницей и каменоломнями.

Не имѣя яснаго представленія о томъ, что такое желѣзныя дороги, населеніе Фрика относилось къ нимъ враждебно; жители этого темнаго уголка не отличались привычкой восхищаться всякою новинкою, напротивъ, они относились недружелюбно ко всякому нововведенію, заподозрѣвая, что оно придумано ко вреду бѣднаго люда. Даже слухи о реформѣ не возбудили никакихъ радужныхъ надеждъ во Фрикѣ, такъ какъ съ ними не связывалось опредѣленныхъ обѣщаній, въ родѣ того, что трактирщикъ „Гиръ и Вѣсовъ“ станеть раздавать пиво даромъ, или что трое сосѣднихъ фермеровъ возвысятъ заработную плату на зиму. А безъ такихъ опредѣленныхъ посулъ осязательныхъ благъ, билъ о реформѣ представлялся жителямъ Фрика чѣмъ-то въ родѣ выкрикиваній разнощиковъ, не внушающихъ никому довѣрія. Вообще населеніе Фрика отличалось не столько фанатизмомъ, сколько подозрительностью.

Такая почва представлялась какъ нельзя болѣе благопріятною для замысловъ м-ра Соломона Фетэрстона. Онъ былъ инспекторомъ дорогъ и по должности своей часто заѣзжалъ на своей лѣнливой лошади во Фрикъ и устанавливался передъ рабочими, разбивавшими камни, съ такимъ глубокомысленнымъ выраженіемъ лица, что никому и въ умъ-бы не пришло, что онъ остановился безъ всякой опредѣленной цѣли, просто потому, что лошадь стала. Простоявъ долго на одномъ мѣстѣ, онъ, наконецъ, приподнималъ голову, устремлялъ глаза въ даль, встряхивалъ уздечку, и ударялъ лошадь хлыстомъ, и она лѣнливо начинала снова переступать съ ноги на ногу. Часовая стрѣлка могла-бы похвастать быстротою въ сравненіи съ ѣздою м-ра Соломона. Онъ безпрестанно останавливался поболтать, то съ тѣмъ, то съ другимъ рабочимъ, занятымъ какимъ-нибудь исправленіемъ дороги, и съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивалъ по десяти разъ одно и то-же. Но въ одинъ прекрасный день онъ завязалъ разговоръ съ извозчикомъ Гиравомъ Фордомъ съ тѣмъ, чтобы самому сообщить ему новость. Онъ спросилъ у Гирана, не видаль-ли тотъ людей съ палками и различными инструментами, которые появились здѣсь въ окрестности; они выдаютъ себя за строителей желѣзной дороги, но Богъ ихъ знаетъ, кто они такіе и зачѣмъ пришли. Они сами говорятъ, что изрѣжутъ на клочки ловиескій приходъ.

— Тогда и возить нечего будетъ, встревожился Гиравъ за свою фуру и лошадь.

— Понятно, поддакнулъ м-ръ Соломонъ.—И такая великолѣпная земля пропадетъ за даромъ! Я говорю, пусть себѣ отправляются въ Типтонъ. Богъ знаетъ, что у нихъ на умѣ. Они говорятъ, что хлопочуть для торговли, но, на самомъ дѣлѣ, просто хотятъ совсѣмъ разворить бѣдный сельскій людъ.

— Должно быть, они изъ Лондона, смекнулъ Гиравъ, которому Лондонъ смутно представлялся центромъ, отъ котораго идетъ всякое зло на сельское населеніе.

— Разумѣется, подѣ Брассингомъ народъ ихъ проучилъ, какъ я слышалъ, переломалъ ихъ инструменты и прогналъ, такъ что они уже не сунуть туда носъ въ другой разъ.

— Вотъ это хорошо, одобрилъ Гиравъ, видимо, озабоченный.

— До меня это, конечно, не касается, продолжалъ м-ръ Соломонъ.—Но поговариваютъ, что здѣшній приходъ отжилъ свои

красные дни, не даромъ его хотѣть исполосовать желѣзными дорогами; крупная торговля поглотить мелкую; придется распродавать лошадей и припрятывать хлысты.

— Ну ужъ вѣтъ, когда на это пойдетъ, такъ я прежде изломаю хлысты объ ихъ головы, вскричалъ Гирамъ.

М-ръ Соломонъ встряхнулъ уздечку, и лошадь его поплелась далѣе.

Крапива принимается безъ всякаго ухода. Толки о томъ, что желѣзныя дороги разворять страну, поднялись не только въ „Гиряхъ и Вѣсахъ“, но и на сѣнокосѣ, гдѣ въ эту пору собралось много рабочихъ рукъ.

Разъ, скорѣ послѣ того, какъ Мэри Гартъ призналась м-ру Фербротару въ своихъ чувствахъ къ Фрѣду Винци, отецъ ея отправился на ферму Юдреля, по дорогѣ въ Джикъ, чтобы вымѣрять и произвести оцѣнку одного пустопорожняго мѣста, принадлежавшаго къ Ловикъ-Манору. Калѣбъ намѣренъ былъ продать эту землю весьма выгодно для Доротеи; онъ поставилъ себѣ за правило брать какъ можно болѣе барышей съ желѣзнодорожныхъ компаній. Оставивъ свою одноколку у Юдреля, онъ отправился съ своимъ помощникомъ и землемѣрною цѣпью вымѣрять землю; по дорогѣ ему попались на встрѣчу нѣсколько агентовъ компаній, устанавливавшихъ свои инструменты. Онъ поболталъ съ ними, замѣтилъ, что они скоро дойдутъ до того мѣста, гдѣ онъ будетъ мѣрять и прошелъ своей дорогой. День былъ sereneйшій; съ утра шелъ дождь, но къ двѣнадцати часамъ начало проясняться, и воздухъ былъ наполненъ благоуханіями.

Онъ показался-бы еще благоуханнѣе Фрѣду Винци, ѣхавшему вдоль полей верхомъ, если-бы ему не приходилось въ эту минуту ломать себѣ голову въ тщетныхъ усиліяхъ придумать, что ему дѣлать съ собою. Съ одной стороны отецъ былъ вполне увѣренъ, что онъ поступитъ въ духовное званіе, съ другой — Мэри грозила, что откажется отъ него, если онъ туда поступитъ; съ третьей, наконецъ, дѣловой міръ не чувствовалъ, повидимому, ни малѣйшей потребности въ молодомъ джентельменѣ безъ капитала и подготовки къ какому-бы то ни было труду. Положеніе Фрѣда было тѣмъ тяжелѣе, что отецъ, довольный его покорностью, былъ съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ и въ это самое утро послалъ его съ пріятнымъ порученіемъ осмотрѣть продававшихся борзыхъ.

Если-бы даже онъ и выбралъ себѣ какое-нибудь занятіе, то все-таки впереди ему предстояло тяжелое объясненіе съ отцомъ. Но дѣло въ томъ, что онъ даже не могъ выбрать себѣ никакого подходящаго занятія. Да и въ самомъ дѣлѣ, условія были уже черезъ-чуръ невыполнимы; нужно было занятіе, которое было-бы и джентельменское, и прибыльное и, вдобавокъ, не требовало никакихъ спеціальныхъ знаній. Чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить эту задачу, Фрэдъ сталъ раздумывать, не проѣхать-ли ему въ Ловикъ къ Мэри, но въ эту минуту вниманіе его привлекъ какой-то шумъ. Онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышался этотъ шумъ, и увидалъ влѣво на самомъ концѣ поля шесть или семь человекъ въ блузахъ, которые наступали съ вилами въ рукахъ на четырехъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ; Калэбъ Гартъ и помощникъ его спѣшили по полю на выручку ихъ. Пока Фрэдъ нашелъ ворота и успѣлъ доскакать до мѣста происшествія, блузники уже обратили въ бѣгство желѣзно-дорожниковъ, а помощникъ Калэба Гарта, семнадцатилѣтній мальчикъ, схватившій, по приказанію Калэба, инструменты, лежалъ сбитый съ ногъ, повидимому, безъ чувствъ. Желѣзно-дорожники оказались очень легки на ногу, и Фрэдъ прикрылъ ихъ отступленіе, перерѣзавъ дорогу блузникамъ.

— Что вы дѣлаете, негодяи, закричалъ онъ, преслѣдуя рабочихъ, пустившихся въ разсыпную, и размахивая направо и налево своимъ хлыстомъ.—Я на васъ всѣхъ покажу въ судѣ подь присягой. Вы убили мальчика. Васъ всѣхъ повѣсятъ.

Припомнивъ впоследствии свои слова, Фрэдъ хохоталъ отъ души.

Загнавъ рабочихъ на ихъ покось, Фрэдъ приостановилъ лошадь.

Гиравъ Фордъ, почувствовавъ себя въ безопасности, обернулъ голову и прокричалъ:

— Ахъ, вы трусишка. Сойдите-ка съ лошади, юный джентльменъ, такъ я помирюсь съ вами. Вы боитесь сойти съ лошади и бросить хлысть. Я-бы васъ забилъ до полусмерти.

— Подождите, я сейчасъ къ вамъ приду и готовъ помириться силами съ каждымъ изъ васъ по-очереди, отвѣчалъ Фрэдъ, гордившійся своимъ искусствомъ въ боесѣ; но прежде онъ проѣхалъ къ Калэбу, хлопотавшему около мальчика, который все еще лежалъ на землѣ.

У него оказалась вывихнутой нога, но никакихъ другихъ поврежденій не было. Фрэдъ посадилъ его на свою лошадь, чтобы онъ проѣхалъ къ Юдрелю, гдѣ ему могло быть оказано пособіе.

— Какъ я радъ, что подоспѣлъ такъ во время, м-ръ Гартъ, сказалъ Фрэдъ, когда Томъ уѣхалъ. — Дѣло могло-бы разн-гратъся, пожалуй, плохо, если-бы не подоспѣла кавалерія.

— Да, да, счастливо, отвѣчалъ Калэбъ разсѣянно, устремляя глаза на то мѣсто, гдѣ работалъ до свалки.—Чортъ возьми, вотъ что значитъ имѣть дѣло съ болванами, я не могу работать сегодня, нужно, чтобы кто-нибудь помогаль мнѣ натягивать цѣпь. Впрочемъ.....

Онъ шелъ къ мѣсту своей работы, раздосадованный и какъ будто позабывъ о присутствіи Фрэда, но вдругъ обернулся и спросилъ съ живостью:

— Вы заняты чѣмъ-нибудь сегодня, молодой человѣкъ?

— Ничѣмъ особеннымъ, м-ръ Гартъ. Я съ удовольствіемъ помогу вамъ, если съумѣю? поспѣшилъ объявить Фрэдъ, зная, что угодить этимъ Мэри.

— Да вѣдь вамъ, пожалуй, жарко станетъ, вы устанете?

— Нисколько. Я только схожу помѣриться силами вонъ съ тѣмъ парнемъ, онъ вызывалъ меня на драку. Я его проучу. Это займетъ не болѣе пяти минутъ.

— Глупости! сказалъ Калэбъ повелительнымъ тономъ. — Я самъ пойду, поговорю съ нимъ. Это все отъ ихъ невѣжества. Кто-нибудь навралъ имъ Богъ знаетъ чего.

— Я пойду съ вами.

— Нѣтъ, оставайтесь, гдѣ стоите, вы еще слишкомъ горячи. Я обойдусь и безъ васъ.

Калэбъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія; онъ не понималъ, что такое страхъ, и боялся только двухъ вещей: оскорбить кого-нибудь и быть поставленнымъ въ необходимость произнести рѣчь. Но въ эту минуту онъ чувствовалъ, что обязанъ сдѣлать надъ собою усиліе и обратиться къ рабочимъ съ маленькою рѣчью. Въ теоріи онъ держался очень строгихъ взглядовъ на обязанности рабочихъ, но на практикѣ относился къ нимъ крайне снисходительно. Рабочіе стояли, сбившись въ кучку, когда онъ подошелъ къ нимъ съ своимъ обыкновеннымъ привѣтливимъ видомъ, и сердито взглянули на него.

— Что это значить, братцы? началъ онъ отрывисто, по своему обыкновенію. — Что это вы выдумали? Кто-нибудь навралъ вамъ чепухи. Вы думаете, что эти люди затѣваютъ что-нибудь недоброе.

— Да, отвѣтило нѣсколько голосовъ неохотно.

— Пустяки! Чистѣйшій вздоръ! Они осматриваютъ, гдѣ имъ проложить желѣзную дорогу. Помѣшать постройкѣ желѣзной дороги вы не можете; хотите вы, не хотите, ее все-таки проведутъ. А станете вы мѣшать, себѣ-же только надѣлаете непріятностей. Законъ дозволилъ имъ прокладывать дорогу здѣсь, землевладѣлецъ не имѣетъ ничего противъ, а если вы задумаете воспротивиться, то вамъ придется познакомиться съ констэблемъ, съ судьей, съ кандалами и съ мидльмарчской тюрьмой. Вамъ и теперь, пожалуй, не миновать ее, если кто-нибудь донесетъ на васъ.

Калѣбъ остановился на минуту; самый искусный ораторъ не могъ-бы остановиться болѣе кстати и нарисовать болѣе удачную картину.

— Вы, конечно, не думали, что поступаете дурно. Кто-нибудь насказалъ вамъ, что желѣзная дорога вещь вредная. Это выдумка. Она можетъ принести въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вредъ, да вѣдь и солнце иногда бываетъ вредно; но вообще желѣзныя дороги вещь хорошая.

— Да, для богачей, которые наживаютъ ими деньги, перебилъ его старшій Тимоти Куперъ, спокойно переворачивавшій свое сѣно, въ то время, какъ остальные рабочіе нападали на агентовъ,—я много видѣлъ на своемъ вѣку, и войну, и миръ, и каналы, и стараго короля Георга, и регента, и новаго короля Георга, и короля съ новымъ именованьемъ, а все бѣдному люду живетъ по старому. На что ему каналы? Они не подвезутъ ему ни хлѣба, ни мяса, ни денегъ. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ прорыли, стало еще хуже. То-же будетъ и съ желѣзными дорогами. Но мѣшаться въ это дѣло не слѣдуетъ, я имъ это уже объяснялъ. Свѣтъ принадлежитъ не намъ. А вы тянете къ важнымъ барамъ, м-ръ Гартъ, вотъ что.

Тимоти былъ рабочій стараго закала: онъ носилъ накопленные имъ гроши въ сапогѣ, жилъ въ уединенномъ коттеджѣ и ни во что не вѣрилъ. Калѣбъ смутился, какъ смущается чело-

вѣвъ, когда невѣжественные слушатели возражаютъ ему несомнѣнною истиною, не сознаною, но прочувствованною ими, и разбиваютъ въ прахъ его красивые доводы относительно общей пользы, которая имъ лично не приноситъ ничего. У Калэба не было подъ рукой готоваго софизма, чтобы заставить замолчать своего опонента, и онъ отвѣтилъ просто:

— Какъ-бы вы дурно ни думали обо мнѣ, Тимоти, это сюда не отнесется. Бѣднымъ людямъ, дѣйствительно, не сладко живетъ на свѣтѣ; но зачѣмъ-же дѣлать то, отчего имъ станетъ еще хуже. Положимъ, скотина тяжело навьючена, но легче-ли ей будетъ оттого, что она сброситъ свою ношу въ канаву, когда часть этой ноши должна была идти ей-же на пропитаніе.

— Мы только хотѣли пошутить ихъ для шутки, сталъ оправдываться Гирамъ, сообразившій, что дѣло можетъ разыграться плохо. — Только всего и было.

— Такъ общайте мнѣ, что вы не станете больше беспокоить ихъ, и я похлопочу, чтобы они на васъ не жались.

— Я не беспокоилъ, мнѣ нечего и общаться, сказалъ Тимоти.

— Ну, а другіе? Поскорѣе, мнѣ некогда, говорите, оставите вы ихъ въ покоѣ безъ констэбля?

— Оставимъ, пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ, отвѣчали рабочіе, и Калэбъ поспѣшилъ вернуться къ Фрэду, ждавшему его у воротъ.

Они принялись за работу; Фрэдъ помогаль усердно. Ему было какъ-то особенно весело на душѣ, и онъ съ удовольствіемъ шагаль по влажной землѣ, пачкавшей его измятые лѣтніе брюки. Весело ему было не столько потому, что онъ такъ удачно прекратилъ свалку и теперь помогаль отцу Мэри, сколько потому, что эти внѣшнія событія натолкнули его на мысль о занятіи, представлявшемъ много заманчивыхъ сторонъ. Они работали молча, общиваясь только самыми необходимыми фразами. Когда-же, наконецъ, работа была окончена и они возвращались домой, м-ръ Гартъ заговорилъ:

— Не нужно быть бакалавромъ, чтобы дѣлать эту работу, Фрэдъ, не правда-ли?

— Для меня было-бы лучше, если-бы я научился ей прежде, чѣмъ вздумалъ сдѣлаться бакалавромъ, отвѣчалъ Фрэдъ, и затѣмъ, помолчавъ съ минутой, спросилъ нерѣшительно:

— Какъ вы думаете, м-ръ Гартъ, я уже слишкомъ старъ, чтобы выучиться вашей профессіи, или нѣтъ?

— У меня профессія очень разнообразная, мой милый, отвѣчалъ м-ръ Гартъ, улыбаясь.— Большею части того, что я знаю, я научился на практикѣ: этому нельзя научиться въ теоріи, по книжному. Но вы еще молоды, ваше время не ушло.

Послѣднія слова Калэбъ произнесъ нерѣшительно. Онъ думалъ, что Фрэдъ рѣшился поступить въ духовное званіе.

— Такъ вы думаете, что изъ меня могло-бы выйти что-нибудь путное, если-бы я приложилъ всѣ свои старанія? спросилъ Фрэдъ съ живостью.

— Все зависитъ отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ Калэбъ, склонивъ голову нѣсколько на сторону и понижая голосъ, какъ человѣкъ, намѣревающійся сообщить какую-нибудь религіозную истину. — Во-первыхъ, вы должны любить вашу работу, а не думать только о томъ, какъ-бы поскорѣе сбыть ее съ рукъ. Во-вторыхъ, вы не должны стыдиться вашей работы, не должны думать, что для васъ было-бы почетнѣе заниматься чѣмъ-нибудь другимъ. Вы должны гордиться вашей работою, стараться научиться исполнять ее какъ можно лучше, а не говорить по-стоинно: вотъ если-бы я могъ дѣлать то-то и то-то, работа у меня шла-бы успѣшно. Чѣмъ-бы человѣкъ ни занимался, будь онъ первымъ министромъ, мечи онъ скирды соломы, я не дамъ за него ни гроша, если онъ не исполняетъ добросовѣстно дѣла, за которое взялся.

— Если я сдѣлаюсь священникомъ, я не буду въ состояніи добросовѣстно исполнять своего дѣла.

— Такъ не дѣлайтесь имъ, а то вы никогда не будете спокойны. А если будете спокойны, такъ значить вы никуда не годный человѣкъ.

— Мери говоритъ почти то-же самое, сказалъ Фрэдъ, красивѣя: — вы, конечно, знаете, что я чувствую къ Мэри, м-ръ Гартъ, и надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за то, что я никогда никого такъ не любилъ и не люблю, какъ ее.

Выраженіе лица Калэба, видимо, смягчилось, но онъ покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Если вы хотите взять на свою отвѣтственность счастье Мэри, Фрэдъ, то дѣло оказывается еще серьезнѣе.

— Я знаю, м-ръ Гартъ, заговорилъ Фрэдъ съ жаромъ. — Для нея я готовъ на все. Она говоритъ, что ни за что не пойдетъ за меня замужъ, если я сдѣлаюсь священникомъ, а безъ нея я буду самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Если-бы я только могъ найти себѣ какое-нибудь занятіе, какую-нибудь работу, на которую я способенъ, я-бы сталъ работать, какъ волъ, вы-бы остались мною довольны. Мнѣ-бы очень хотѣлось найти себѣ какое-нибудь занятіе по части сельскаго хозяйства, я кое-что смекаю въ обработкѣ земли и въ скотоводствѣ. Вы знаете, я одно время надѣялся, что у меня будетъ своя собственная земля. По этой части мнѣ очень легко будетъ набраться необходимыхъ свѣдѣній, особенно подъ вашими руководствомъ.

— Не увлекайтесь такъ, мой милый, остановилъ его Калэбъ, передъ глазами котораго проносился въ эту минуту образъ Су-санны. — Вы уже говорили объ этомъ съ отцомъ?

— Нѣтъ еще; но я ему скажу. Мнѣ только хочется прежде пріискать себѣ какое-нибудь занятіе. Мнѣ очень неприятно, что я долженъ огорчить отца, но, мнѣ кажется, что въ двадцать четыре года человѣкъ имѣетъ право жить своимъ умомъ. Не могъ-же я предвидѣть въ пятнадцать лѣтъ, на что окажусь годнымъ теперь, и что мнѣ слѣдуетъ воспитываться иначе, чѣмъ меня воспитывали.

— Но, послушайте, Фрэдъ, увѣрены-ли вы, что Мэри любитъ васъ, что она согласится пойти за васъ замужъ?

— Я просилъ м-ра Фэрбротэра переговорить съ ней объ этомъ, — мнѣ она запретила касаться этого предмета; — онъ мнѣ передалъ, что я могу надѣяться, если выберу себѣ какую-нибудь профессію, только не священническую. Я чувствую, м-ръ Гартъ, что съ моей стороны непростительно беспокоить васъ и навязываться Мэри, не сдѣлавъ ничего для своего обезпеченія. Я не имѣю на это никакого права, я уже безъ того вашъ неплатный должникъ, моего долга вамъ мнѣ не выплатить никакими деньгами.

— Нѣтъ, мой другъ, вы имѣете право, отвѣчалъ Калэбъ съ чувствомъ. — Молодые люди имѣтъ всегда право на помощь старшихъ. Я самъ былъ молодъ и принужденъ былъ работать безъ всякой помощи, а помощь была-бы мнѣ тогда очень кстати. Я

подумаю. Приходите ко мнѣ завтра въ контору въ 9 часовъ. Не забудьте, въ контору.

М-ръ Гартъ никогда ничего серьезнаго не предпринималъ, не посовѣтывавшись съ женой, но, нужно сознаться, что на этотъ разъ, онъ уже по дорогѣ домой, рѣшилъ, что ему дѣлать.

— Оно вышло такъ, какъ я думалъ, Сусанна, говорилъ Калэбъ жещѣ, оставшись вечеромъ вдвоемъ съ нею. Онъ только-что рассказалъ ей о томъ, какъ Фрэдъ помогалъ ему въ работѣ, но умолчалъ о дальнѣйшемъ. — Дѣти полюбили другъ друга, я говорю про Фрэда и Мэри.

М-съ Гартъ опустила работу на колѣни и устремила на мужа свои пронизательные глаза съ выраженіемъ живѣйшаго безпокойства.

— Когда мы окончили работу, Фрэдъ мнѣ во всемъ сознался. Онъ ни за что не хочетъ идти въ священники. Мэри говоритъ, что не выйдетъ за него замужъ, если онъ сдѣлается священникомъ; онъ хочетъ работать подъ моимъ руководствомъ. Я рѣшился взять его къ себѣ и сдѣлать изъ него человѣка.

— Калэбъ! вскричала м-съ Гартъ тономъ покорнаго изумленія.

— Это будетъ хорошее дѣло. Мнѣ придется повозиться съ нимъ, но я увѣренъ, что добьюсь своего. Онъ любитъ Мэри, а серьезная любовь къ хорошей женщинѣ великая вещь, она преобразовываетъ человѣка.

— Мэри говорила съ тобою объ этомъ? спросила м-съ Гартъ, слегка обиженная тѣмъ, что ей приходится узнать о такомъ дѣлѣ отъ мужа.

— Ни слова. Разъ только спрашивалъ я ее о Фрэдѣ; она отвѣтила мнѣ, что ни за что не выйдетъ замужъ за человѣка празднаго, думающаго только о самомъ себѣ. Никакого другого разговора о Фрэдѣ у насъ еще не было. Но Фрэдъ посылалъ къ ней м-ра Фэрбротера, такъ какъ ему самому она запретила говорить съ ней о такихъ вещахъ, и м-ръ Фэрбротеръ передалъ ему, что она его любитъ, но не желаетъ, чтобы онъ сдѣлался священникомъ. Фрэдъ серьезно полюбилъ Мэри, я это вижу, и это заставляетъ меня смотрѣть на него совѣмъ другими глазами. Впрочемъ, онъ всегда намъ нравился, Сусанна.

— Мнѣ жалко Мэри.

— Жалко?

— Да, Калэбъ, она могла-бы выйти замужъ за человѣка, который стоитъ двадцати Фредовъ Винци.

— Какъ такъ? изумился Калэбъ.

— Я убѣждена, что м-ръ Фэрбротеръ чувствуетъ къ ней расположеніе и намѣренъ былъ сдѣлать ей предложеніе, но, конечно, послѣ того, какъ Фредъ послалъ его хлопотать за себя, объ этомъ нечего и думать.

Калэбъ помолчалъ съ минуту, уставившись въ полъ, и потомъ сказалъ:

— Это было-бы честью и счастьемъ для меня, Сусанна, и я-бы радовался за тебя. Я чувствую, что ты выше той среды, въ которой живешь. Но вѣдь ты вышла-же за меня замужъ, хотя я былъ простымъ работникомъ.

— Я вышла замужъ за лучшаго и умнѣйшаго изъ людей, которыхъ только знала.

— Ну, и другимъ, можетъ быть, казалось, что ты могла сдѣлать лучшую партію. Но для меня это было-бы ужъ очень скверно. Вотъ почему я такъ сочувствую Фреду. Въ сущности онъ мальчикъ хорошій и способный, нужно только направить его на настоящую дорогу. А главное, онъ любитъ Мэри, и, судя по его словамъ, она дала ему косвенное общаніе. Я чувствую, что душа этого молодого человѣка въ моихъ рукахъ, и постараюсь сдѣлать изъ него что-нибудь дѣльное. Это мой долгъ, Сусанна.

М-съ Гартъ была женщина не слезливая, но, по окончаніи рѣчи мужа, крупная слеза покатила по ея щекамъ. Она быстро вытерла ее и сказала:

— Многие-ли сочли-бы своимъ долгомъ навязывать себѣ на шею новыя обузы, Калэбъ!

— А что мнѣ за дѣло до того, что сдѣлали-бы другіе. Я поступаю, какъ мнѣ велитъ мой внутренній голосъ, и я надѣюсь, Сусанна, что ты мнѣ поможешь уладить все, какъ можно лучше для нашей дорогой Мэри.

Онъ устремилъ на жену взглядъ, въ которомъ выражалась тревожная просьба. Она встала и поцѣловала его, говоря:

— Господь да благословитъ тебя, Калэбъ, ты добрый отецъ.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, чтобы вышла-

катся на единѣ. Она была убѣждена, что поведеніе ея мужа будетъ перетолковано въ дурную сторону и, какъ женщина практическая, не вѣрила, чтобы изъ Фрэда могло выйти что-нибудь путное.

Когда на слѣдующее утро Фрэдъ пришелъ въ контору, его ждало испытаніе, къ которому онъ никакъ не готовился.

— Ну, Фрэдъ, сказалъ ему Калэбъ,—я васъ пристрою по письменной части. Я самъ много пишу, но не могу управиться со всѣмъ; вы научитесь сводить счеты и замѣните мнѣ клерка. Сильны вы въ письмѣ и въ арифметикѣ?

У Фрэда защемило сердце; такая работа ему и въ умъ не приходила, но онъ пришелъ съ твердою рѣшимостью работать и не захотѣлъ отступать назадъ.

— Арифметика мнѣ всегда легко давалась, м-ръ Гартъ. А какъ я пишу вы, вѣроятно, знаете.

— Посмотримъ, сказалъ Калэбъ, взялъ перо, осмотрѣлъ его тщательно, помакнулъ въ чернила и подаль Фрэду вмѣстѣ съ листомъ разграфленной бумаги.—Перепишите-ка мнѣ строки двѣ этого счета.

Въ обществѣ существовало въ то время мнѣніе, что джентельмену унизительно писать четкимъ почеркомъ, какъ какому-нибудь клерку. Фрэдъ переписалъ такимъ джентльменскимъ почеркомъ, который-бы сдѣлалъ честь любому виконту или епископу: гласныя всѣ были на одинъ манеръ, согласныя отличались только крючками вверхъ и внизъ, штрихи расплывались, буквы прыгали во всѣ стороны—словомъ, если-бы вы не знали ранѣе, о чемъ идетъ рѣчь, вы ни за что-бы не разобрали написаннаго. Калэбъ хмурился все болѣе и болѣе, пока Фрэдъ писалъ, когда-же онъ кончилъ и протянулъ ему листокъ, м-ръ Гартъ съ сердцемъ ударилъ по бумагѣ кулакомъ. Дурно выполненная работа всегда выводила его изъ себя.

— Чортъ знаетъ что такое! вскричалъ онъ.—Хороша страна, нечего сказать! образованіе человѣка стоитъ сотни и сотни фунтовъ и вотъ къ чему оно приводитъ.

Онъ взглянулъ на несчастнаго переписчика.

— Такой почеркъ мнѣ рѣшительно не годится, Фрэдъ.

— Что-же мнѣ дѣлать, м-ръ Гартъ? спросилъ Фрэдъ, сильно

пріунывшій и отъ такого недестнаго отзыва объ его письмѣ, и отъ мысли, что его ставятъ на одну доску съ какиѣмъ-нибудь клеркомъ.

— Что дѣлать? Выучиться писать четко и прямо. Къ чему-же писать, если никто не состояніи разобрать, что мы пишемъ? горячился Калэбъ.—Мало, что-ли, дѣла у людей, что мы ихъ станемъ затруднять нашими каракульками? Но наши школы объ этомъ и не думаютъ. Я потерялъ-бы богъ знаетъ сколько времени, разбирая письма, которыя мнѣ иногда присылаютъ, если-бы Сусанна не брала на себя этотъ трудъ. Возмутительно!

И Калэбъ швырнулъ прочь несчастный листокъ. Если-бы какой-нибудь посторонній посѣтитель зашелъ въ эту минуту въ контору, онъ подумалъ-бы, что какая-нибудь драма разыгрывается между этимъ негодующимъ дѣловымъ человѣкомъ и этимъ юношей съ аристократическою наружностью, раскраснѣвшимся и кусавшимъ себѣ губы отъ обиды. М-ръ Гартъ встрѣтилъ Фрэда такъ ласково, что въ душѣ его зародились самыя радужныя надежды, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе. Трудно сказать, чѣмъ-бы кончилось свиданіе, если-бы Фрэдъ не рѣшилъ заранѣе, что отправится въ Ловикъ къ Мэри сказать ей, что нашелъ себѣ работу у ея отца.

— Мнѣ очень прискорбно, пробормоталъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ.

Но м-ръ Гартъ уже уходился.

— Ну что-же дѣлать, Фрэдъ, заговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ тономъ.—Научиться писать всякій можетъ. Я выучился самоучкой, вамъ стоитъ только присѣсть, работайте и день и ночь, если одного дня мало. Мы будемъ терпѣливы, мой милый. Колумъ будетъ вести книги, пока вы выучитесь. А теперь мнѣ нужно идти, закончилъ онъ, вставая.—Передайте вашему отцу, что мы договорились съ вами. Когда вы будете умѣть писать, мнѣ не зачѣмъ будетъ держать Колума, я положу вамъ 80 фунтовъ на первый годъ, потомъ прибавлю.

Фрэдъ отправился прямо изъ конторы м-ра Гарта въ товарный складъ отца, чувствуя, что чѣмъ серьезнѣе онъ объяснится съ отцомъ, тѣмъ скорѣе тотъ пойметъ, что его рѣшеніе принято окончательно, а для серьезныхъ объясненій самое удобное время

было то, которое отецъ проводилъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ при товарномъ складѣ.

Фрэдъ пристунилъ къ объясненію прямо, изложилъ въ короткихъ словахъ, что онъ сдѣлалъ и чѣмъ рѣшилъ заниматься, и выразилъ искреннее сожалѣніе, что чувствуетъ себя рѣшительно неспособнымъ исполнить желаніе отца.

М-ръ Винци выслушалъ его съ глубокимъ изумленіемъ и молча, что служило у него признакомъ сильнаго душевнаго потрясенія. Дѣла его въ это утро шли дурно, и нахмуренное лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе, пока сынъ говорилъ. Когда Фрэдъ замолчалъ, м-ръ Винци положилъ свои книги въ ящикъ и съ шумомъ повернулъ ключъ въ замкѣ, потомъ взглянулъ пристально на сына и сказалъ:

— Такъ вы, наконецъ, избрали себѣ карьеру, сэръ?

— Да, отецъ.

— Отлично, я вамъ не препятствую. Вы пренебрегли полученнымъ вами образованіемъ и опустили внизъ, тогда какъ я далъ вамъ средство подняться вверхъ. Я болѣе не скажу ни слова.

— Мнѣ очень прискорбно, отецъ, что мы расходимся во взглядахъ. Мнѣ кажется, что я могу оставаться точно такимъ-же джентельменомъ, занимаясь профессіей, которую я избралъ, какимъ-бы я былъ, сдѣлавшись священникомъ. Но я очень вамъ благодаренъ за все, что вы сдѣлали для меня.

— Отлично. Я не скажу болѣе ни слова. Я умываю руки. Надѣюсь только, что если у васъ будетъ когда-нибудь сынъ, то онъ лучше заплатитъ вамъ за ваши заботы о немъ.

Слова эти укололи Фрэда какъ пожемъ въ сердце.

— Надѣюсь, что вы мнѣ позволите жить у васъ, сэръ, сказалъ онъ, вставая.— Жалованья, которое я буду получать, хватить на то, чтобы платить за столъ.

— Убирайтесь къ чорту, съ вашимъ столомъ! вскричалъ м-ръ Винци, выходя изъ себя при мысли, что сынъ станетъ платить ему за кусокъ хлѣба за его обѣдомъ.— Конечно, мать пожелаетъ, чтобы вы остались жить съ нами. Но я не стану держать для васъ лошади, и вы будете одѣваться на свой счетъ. Вѣроятно, вы износите въ годъ меньше платья, когда вамъ самимъ придется платить за него.

Фрэдъ все еще переминался на мѣстѣ, ему не хотѣлось уйти отъ отца такъ. Наконецъ, онъ рѣшился и сказалъ:

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ позать вамъ руку, отецъ, и простите меня за огорченіе, которое я вамъ причинилъ.

М-ръ Винци бросилъ, не вставая, быстрый взглядъ на сына и протянулъ ему руку, пробормотавъ торопливо:

— Да, да, ни слова болѣе объ этомъ.

Объясненіе съ матерью было гораздо длиннѣе; она была безутѣшна. Рѣшеніе Фрэда доказывало ей несомнѣннымъ образомъ то, о чемъ ея мужъ, можетъ быть, и не думалъ вовсе, что Фрэдъ женится на Мэри Гартъ, что ея жизнь будетъ отнынѣ отравлена вторженіемъ въ ея семейный кругъ этихъ Гартовъ съ ихъ плебейскими замашками, и что ея любимецъ, красавицу, аристократическою наружностью котораго она такъ гордилась, усвоить себѣ ихъ полное пренебреженіе къ внѣшности и къ костюму. Ей казалось, что Гарты составили заговоръ съ цѣлью завлечь ея неопѣннаго Фрэда, но она не рѣшилась настаивать на этомъ мнѣніи, потому что при первомъ намекѣ Фрэдъ такъ вспыхнулъ, что она испугалась. Она была женщина слишкомъ мягкаго характера, чтобы сердиться, но она чувствовала, что счастье ея разбито, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней всплакивала всякій разъ, какъ взглядывала на Фрэда. Ей тѣмъ труднѣе было вернуться къ своему нормальному настроенію, что Фрэдъ предупредилъ ее, чтобы она не касалась этого вопроса съ отцемъ, который разрѣшилъ ему поступать такъ, какъ онъ желаетъ, и простилъ ему. Если-бы мужъ ея сердился на Фрэда, она-бы стала защищать своего любимца. Наконецъ, на четвертый день м-ръ Винци сказалъ ей:

— Ну, полно, Люси, моя дорогая, не убивайся такъ. Ты всегда баловала мальчика, продолжай баловать и теперь.

— Ничто меня никогда такъ не огорчало, Винци, отвѣчала жена, и подбородокъ ея задрожалъ, а грудь заволновалась,—ничто, кромя его болѣзни.

— Ну полно! Отъ дѣтей всегда приходится терпѣть горе. Не тоскуй, а то мнѣ будетъ еще тяжелѣе.

— Я не буду больше, отвѣчала м-съ Винци, тронутая этою просьбою и встряхивая головой, какъ птица встряхиваетъ свои помятыя крылья.

— И чего такъ убиваться изъ-за него, сказалъ м-ръ Винци полудушливымъ тономъ,—или ты за Фрадомъ забыла Розамунду?

— Да, бѣдняжка. Мнѣ было очень жаль ее, что она выкинула; но, слава Богу, она теперь поправилась.

— Выкинула, это вздоръ! Но Лейдгаты неглижируютъ практикой и входятъ въ долги, какъ говорятъ. Я увѣренъ, что Розамунда на этихъ дняхъ придетъ ко мнѣ съ какой-нибудь трогательной исторіей. Но они не получаютъ отъ меня ни гроша. Пусть его родня помогаетъ ему. Я всегда былъ противъ этого брака. Но объ этомъ говорить, только слова даромъ терять. Позвони, чтобы подали лимоновъ, и не будь больше такой грустной, Люси. Завтра я свожу тебя и Луизу въ Риверстонъ.

ГЛАВА LVII.

Собравшись къ Мэри, Фрадъ Винци зашелъ сперва по дорогѣ къ м-съ Гартъ, чтобы посмотрѣть, какъ она приметъ его, въ виду тѣхъ новыхъ отношеній, которыя установились между ними.

Онъ нашелъ всю семью, неисключая кошекъ и собакъ, въ саду подъ огромной яблонью. Этотъ день былъ праздникомъ для м-съ Гартъ, къ ней пріѣхалъ на каникулы ея старшій сынъ, ея гордость и радость,—ея Кристи, который мечталъ сдѣлаться современемъ титоромъ и изучить всѣ литературы на свѣтѣ, и служилъ какъ-бы воплощеннымъ уворомъ бѣдному Фреду въ глазахъ своей образованной матери. Самому Кристи, большелобому, широкоплечему, и дѣла не было до отвращенія Фреда отъ наукъ, ему хотѣлось только одного: поскорѣе дорости до него. Онъ лежалъ на травѣ возлѣ стула матери; Джимъ, развалившись по другую сторону, читалъ вслухъ Айвенго; онъ дошелъ въ эту минуту до сцены на турнирѣ, но ему сильно мѣшала Бэнъ, притавившій лукъ и стрѣлы и пристававшій ко всѣмъ съ просьбою посмотрѣть, какъ онъ мѣтко пускаетъ стрѣлы; маленькая Летти, губы и передникъ которой обличали, какое дѣятельное участие она принимала въ сборѣ вишень, возвышавшихся пурпуровою грудой на чайномъ столѣ, сидѣла на травѣ и, широко раскрывъ глазенки, слушала чтеніе.

Приходъ Фрэда Винци положилъ конецъ чтенію. Когда, усѣвшись на скамейкѣ, онъ сказалъ, что идетъ въ ловикскій пасторатъ, Бэнъ, отбросившій лубъ и вознвшійся съ котелкомъ, подбѣжалъ къ нему и закричалъ: „Возьми меня.“

— И меня, запросила Лэтти.

— Гдѣ тебѣ поспѣть за мной и Фредомъ, ты отстанешь, сказалъ Бэнъ.

— Не отстану. Мама, скажи, что и я также пойду, обратилась къ матери Лэтти, жизнь которой отравляла постоянная борьба съ братьями за равноправность.

— Я остаусь съ Кристи, объявилъ Джимъ тономъ, ясно свидѣтельствовавшимъ о томъ, насколько онъ умнѣе этихъ двухъ дурачковъ.

Лэтти приложила руку ко лбу и въ нерѣшимости посмотривала на братьевъ.

— Пойдемте всѣ къ Мэри, предложилъ Кристи, потягиваясь.

— Нѣтъ, дружочекъ, нечего намъ идти туда такой оравой; къ тому-же отецъ скоро вернется. Пусть Фредъ идетъ одинъ. Онъ скажетъ Мэри, что ты пріѣхалъ, и она завтра-же вернется къ намъ. Дѣти, продолжала м-съ Гартъ, помолчавъ съ минуту, — не вѣшайте такъ на вашего пріятели, и безъ того жарко. Поважните-ка лучше брату своихъ кроликовъ.

Кристи понялъ намекъ и тотчасъ-же увелъ дѣтей. Фредъ догадался, что м-съ Гартъ желаетъ доставить ему случай поговорить съ нею наединѣ, если онъ желаетъ, но онъ не нашелся сказать ничего кромѣ:

— Какъ вы, я думаю, рады пріѣзду Кристи.

— Да, онъ пріѣхалъ раньше, чѣмъ я ожидала. Онъ пріѣхалъ съ девяти часовымъ дилижансомъ, только что отецъ ушелъ. Я съ такимъ нетерпѣніемъ жду Калэба, чтобы онъ послушалъ, какіе громадныя успѣхи сдѣлалъ Кристи. За послѣдній годъ онъ самъ платилъ за себя, давая уроки, но это ему не мѣшало прилежно заниматься самому. Онъ надѣется скоро получить мѣсто гувернера въ частномъ домѣ и уѣхать за границу.

— Онъ славный малый, сказалъ Фредъ, которому непріятно рѣзали слухъ эти материнскія похвалы, — и никогда не будетъ никому обузой.

И, помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Я боюсь, что вы смотрите на меня, какъ на обузу м-ру Гарту.

— Каязбъ любить обузы; онъ изъ тѣхъ людей, которые всегда дѣлають болѣе, чѣмъ ихъ просятъ, отвѣчала м-съ Гартъ.

— Я знаю, что вы очень невысокаго мнѣнія обо мнѣ, м-съ Гартъ, и вы имѣете на это полное право. Я поступилъ самымъ сввернымъ образомъ относительно васъ. Но если уже во мнѣ не отчаялись такіе люди, какъ м-ръ Гартъ и м-ръ Фэрбротэръ, то я не вижу, почему мнѣ самому отчаяваться въ себѣ.

— Еще-бы, молодой человѣкъ, которому жертвуютъ собою двое такихъ людей, совершилъ-бы преступленіе, если-бы самъ распустился и обратилъ ихъ жертву въ ничто.

Фрэда нѣсколько покорило отъ такой пилюли, но онъ сдержался и отвѣтилъ только:

— Надѣюсь, что со мной этого не случится, м-съ Гартъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ подана надежда получить руку Мэри. М-ръ Гартъ уже говорилъ вамъ объ этомъ? Васъ это, конечно, не удивило? прибавилъ онъ наивно намекая на свою любовь, которая казалась ему слишкомъ очевидною.

— Не удивило, что Мэри подала вамъ надежду? отвѣчала м-съ Гартъ, желая дать почувствовать Фрэду, что родные Мэри не могли желать подобной развязки, какъ это, вѣроятно, предполагали Винци.—Нѣтъ, признаюсь, я была удивлена.

— Она ни разу не подала мнѣ ни малѣйшей надежды, когда я самъ говорилъ съ нею, поспѣшилъ Фрэдъ оправдать Мэри.— Но когда я попросилъ м-ра Фэрбротэра поговорить за меня, она разрѣшила ему передать мнѣ, что я могу надѣяться.

Это было уже слишкомъ даже для самообладанія м-съ Гартъ; ее взорвала мысль, что легкомысленный малокососъ будетъ наслаждаться счастьемъ, вырваннымъ имъ изъ рукъ людей, болѣе серьезныхъ, болѣе достойныхъ, что онъ будетъ лакомиться соловьемъ, самъ того не подозрѣвая, а семейство его вообразить, пожалуй, что Гарты гонялись за нимъ, какъ за невидалью. Раздраженіе ея было тѣмъ сильнѣе, что въ присутствіи мужа она должна была подавлять его. Примѣрныя жены обыкновенно отыскивають себѣ козловъ очищенія на сторонѣ. Она отвѣтила рѣзко:

— Вы сдѣлали большую ошибку, Фрэдъ, обратившись къ м-ру Фэрбротэру съ просьбою поговорить за васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

И Фрэдъ вспыхнулъ. Онъ перепугался не на шутку, но рѣшительно не понималъ, на что намекала м-съ Гартъ, и добавилъ оправдывающимся тономъ:

— М-ръ Фэрбротеръ всегда былъ такъ расположенъ къ намъ; я зналъ, что Мэри выслушаетъ его серьезно, и онъ согласился безъ малѣйшаго затрудненія.

— Молодые люди обыкновенно слѣпы ко всему, кромѣ собственныхъ желаній, и никогда не думаютъ о томъ, какъ дорого обходится иногда другимъ удовлетвореніе этихъ желаній.

Высказавъ такую непреложную истину, м-съ Гартъ принялась съ самымъ суровымъ видомъ распутывать свою шерсть.

— Рѣшительно не могу понять, что тутъ могло быть непріятнаго для м-ра Фэрбротера, недоумѣвалъ Фрэдъ, въ умѣ котораго начали уже, однако, зарождаться смутныя догадки.

— Совершенно вѣрю, вы не можете, отвѣчала м-съ Гартъ, отчеканивая каждое слово.

Фрэдъ въ сильномъ смущеніи уставился въ даль и задумался. Вдругъ онъ быстро обернулся и сказалъ почти рѣзко:

— Вы хотите сказать, м-съ Гартъ, что м-ръ Фэрбротеръ влюбленъ въ Мэри?

— А если-бы и такъ, Фрэдъ? я думаю, что васъ это можетъ удивить менѣе, чѣмъ кого-нибудь другого, отвѣчала м-съ Гартъ, опуская свое вязанье и складывая руки, что всегда служило въ ней признакомъ особеннаго волненія. Дѣйствительно, въ ней боролись въ эту минуту два противоположныхъ чувства. Она рада была, что прочила немножко Фрэда, и въ то-же время чувствовала, что зашла слишкомъ далеко. Фрэдъ взялъ палку и шляпу и быстро всталъ.

— Такъ вы полагаете, что я стою поперекъ дороги ему и Мэри? спросилъ онъ тономъ, требовавшимъ отвѣта.

М-съ Гартъ не сразу нашлась, что отвѣтить. Она была поставлена въ самое непріятное положеніе; отъ нея требовали, чтобы она высказала то, что думаетъ, а она знала, что высказывать этого не слѣдуетъ. Она сознавала, что проболталась, и это сознание было невыносимо для ея самолюбія.

Фрэдъ окончательно добилъ ее, прибавивъ:

— М-ру Гарту было, повидимому, пріятно, что Мэри полюбила меня, онъ, вѣроятно, ничего не зналъ объ этомъ.

Ничто не могло быть для м-съ Гартъ ужаснѣе мысли, что мужъ останется недоволенъ ею. Чтобы предупредить возможные послѣдствія своей болтовни, она сказала:

— Я говорила только такъ, по догадкѣ. Не думаю, чтобы Мэри что-нибудь знала объ этомъ.

Но она все еще не рѣшалась попросить его прямо, чтобы то, что она ему говорила, осталось между ними; это казалось ей черезъ-чуръ унижительнымъ. А пока она колебалась, ихъ tête-à-tête былъ неожиданно нарушенъ. Бэнъ прибѣжалъ къ нимъ, въ сопровожденіи своей собаченки, и увидавъ, что котенокъ стянулъ чулокъ матери за свѣсившуюся нитку, громко закричалъ отъ удовольствія и захопалъ въ ладоши, собака залаяла, перепуганный котенокъ вспрыгнулъ на столъ, опрокинулъ горшокъ съ молокомъ и соскочилъ, увлекая за собою половину вишень; Бэнъ подхватилъ чулокъ и надѣлъ ему на голову, что окончательно свело его съ ума; подоспѣвшая Лэтти громко стала жаловаться матери на такую жестокость брата. М-съ Гартъ пришлось вмѣшаться, подошли другія дѣти и о разговорѣ на единѣ нечего было и думать болѣе. Фрэдъ тотчасъ-же собрался уходить; м-съ Гартъ, желая хоть сколько-нибудь загладить свою вину, ласково пожала ему руку на прощанье и проговорила:

— Да благословить васъ Богъ.

Она чувствовала, что поступила не многимъ лучше тѣхъ неразумныхъ женщинъ, которыя сперва наболтаютъ зря, а потомъ упрасиваютъ позабыть то, что онѣ сказали, и никому объ этомъ не говорить. Она не попросила и потому теперь, въ предупрежденіе возможныхъ послѣдствій, рѣшилась сама ранѣе повиниться во всемъ Калэбу, представивъ ему при этомъ, что такого рода сообщеніе должно было подѣйствовать благотворно на Фрэда Винци.

Оно подѣйствовало, если не благотворно, то, во всякомъ случаѣ, сильно. Для легкомысленнаго, самонадѣяннаго Фрэда было жестокимъ ударомъ услышать, что если-бы онъ не стоялъ поперекъ дороги Мэри, она могла-бы сдѣлать отличную партію. Онъ мысленно ругалъ себя олухомъ, за то, что обратился къ содѣйствію м-ра Фэрбротэра. Но ревность скоро пересилила всѣ

другія чувства. Несмотря на полную увѣренность въ благородствѣ м-ра Фэрбротэра, несмотря и на то, что сказала ему Мэри, Фрэдъ чувствовалъ, что у него есть соперникъ, и это чувство было тѣмъ мучительнѣе, что онъ ни за что не согласился-бы уступить Мэри кому-бы то ни было, даже для ея собственнаго блага и готовъ былъ вызвать весь свѣтъ на борьбу за нее. Къ сожалѣнію, борьба съ м-ромъ Фэрбротэромъ могла быть чисто нравственная, а не физическая, что было-бы болѣе съ руки Фрэду. Ему ни разу не пришло на умъ, что м-съ Гартъ могла ошибаться относительно чувствъ м-ра Фэрбротэра, но онъ сомнѣвался, чтобы она сказала правду относительно Мэри. Мэри послѣднее время гостила въ пасторатѣ и мать не могла знать, что происходило въ ея душѣ.

На душѣ у Фрэда не стало легче, когда, придя въ пасторатъ, онъ засталъ Мэри веселою, въ обществѣ трехъ родственницъ Фэрбротэра. Онѣ вели о чемъ-то очень оживленный разговоръ, который прекратился, едва онъ вошелъ. Мэри была занята перепиской ярлыковъ для цѣлой груды пустыхъ ящичковъ. М-ра Фэрбротэра не было дома; дамы его ничего не знали объ отношеніяхъ Фрэда къ Мэри. Конечно, думалъ Фрэдъ, ни одной изъ нихъ и въ умъ не придетъ предложить прогуляться по саду, и мнѣ не удастся поговорить съ Мэри наединѣ. Онъ сообщил ей сперва о пріѣздѣ Кристи, а потомъ о томъ, что нанялся работать у ея отца; ей, видимо, было очень пріятно это послѣднее извѣстіе и, проговоривъ торопливо: „какъ я рада,“ она нагнула голову надъ своимъ письмомъ, чтобы скрыть отъ всѣхъ свое лицо. Но м-съ Фэрбротэръ не могла молча пропустить ея замѣчанія.

— Васъ, конечно, милая миссъ Гартъ, радуетъ не то, что молодой человѣкъ отказывается посвятить себя духовному званію, для котораго былъ воспитанъ, вы хотѣли только сказать, что такъ какъ онъ рѣшился не поступать въ священники, то вы рады, что онъ нашелъ себѣ занятія у такого превосходнаго человѣка, какъ вашъ батюшка.

— Нѣтъ, м-съ Фэрбротэръ, я рада и тому, и другому, отвѣчала Мэри, искусно скрывая непокорную слезу.— У меня совсѣмъ мірской умъ. Мнѣ никогда не нравился ни одинъ священникъ, за исключеніемъ викфильдскаго викарія и м-ра Фэрбротэра.

— Почему-же это, моя милая? Вы всегда здраво судите о вещахъ и потому такое мнѣніе меня очень удивляетъ. Я не говорю о духовныхъ лицахъ, проповѣдующихъ новое ученіе. Но почему-же вамъ не нравятся наши священники?

— Почему? переспросила Мэри, и шаловливая улыбка показалась на ея губахъ,—да мнѣ не нравятся ихъ галстуки.

— Какъ, и галстухъ Камдена? спросила миссъ Винифрэдъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, успокоила ее Мэри.—Мнѣ потому не нравятся священническіе галстуки, что они надѣты на священниковъ.

— Какъ страшно! произнесла миссъ Нобль, чувствуя, что ея умъ не въ силахъ разрѣшить этой загадки.

— Вы шутите, моя милая. Нужно имѣть болѣе основательныя причины, чтобы такъ неуважительно отзываться о такомъ почтенномъ сословіи, замѣтила м-съ Фэрбротэръ величественно.

— Миссъ Гартъ такъ строго относится ко всѣмъ людямъ, что ей трудно угодить, замѣтилъ Фрэдъ.

— Въ самомъ дѣлѣ; ну, я рада что она дѣлаетъ исключеніе, по крайней мѣрѣ, для моего сына.

Раздраженный тонъ Фрэда поразилъ Мэри, но въ эту минуту вошелъ м-ръ Фэрбротэръ и ему тотчасъ-же рассказали о томъ, что Фрэдъ получилъ мѣсто у м-ра Гарта. Выслушавъ это извѣстіе, онъ сказалъ довольнымъ тономъ: „Вотъ это хорошо“, потомъ сталъ разсматривать ярлыки Мэри и хвалить ея почеркъ. Фрэдъ мучила ревность. Для него не оставалось сомнѣній, чѣмъ дѣло кончится, такъ какъ Мэри явно ставила м-ра Фэрбротэра выше кого-бы то ни было, а его родственницы, очевидно, старались, чтобы дѣло между ними сладилось. Онъ былъ убѣжденъ, что ему не дадутъ поговорить съ Мэри съ глазу на глазъ, какъ вдругъ м-ръ Фэрбротэръ сказалъ.

— Фрэдъ, помогите-ка мнѣ отнести эти ящики въ кабинетъ, вы еще не видали моего великолѣпнаго новаго кабинета. Не пойдете-ли и вы съ нами, миссъ Гартъ? Я вамъ покажу громаднаго паука, котораго нашелъ сегодня утромъ.

Мэри сразу поняла викарія. Съ того достопамятнаго вечера, когда они имѣли объясненіе по поводу Фрэда, викарій ни разу не измѣнилъ своего привычнаго, ровнаго, ласковаго обращенія съ нею, и подозрѣніе, закравшееся на минуту въ ея душу, совершен-

но исчезло. У нея былъ умъ нѣсколько скептическій, особенно же недовѣрчиво относилась она къ вещамъ, льстившимъ ея тщеславію. Какъ она думала, такъ и случилось. Похваставъ передъ Фредомъ убранствомъ своего кабинета и показавъ Мэри паука, м-ръ Фэрбротэръ сказалъ:

— Подождите здѣсь минутку. Я принесу картину, которую бы мнѣ хотѣлось повѣсить здѣсь; вы потрудитесь повѣсить ее, Фредъ, благо вы выше меня. Я сейчасъ вернусь.

Онъ вышелъ.

— Что-бы я ни дѣлалъ теперь, Мэри, сказалъ тотчасъ-же Фредъ, — это ни къ чему не поведетъ. Вы все равно выйдете замужъ за Фэрбротэра.

— Что это значить, Фредъ? вскричала Мэри съ негодованіемъ, вся вспыхнувъ.

— Неужели вы съ вашею проникательностью ничего не видите?

— Я вижу только, Фредъ, что вы поступаете очень скверно относительно м-ра Фэрбротэра, который такъ горячо говорилъ за васъ. И съ чего вамъ пришла въ голову такая мысль?

Несмотря на всю свою досаду, Фредъ сообразилъ, что если Мэри дѣйствительно ничего не подозреваетъ, то лучше будетъ не передавать ей того, что говорила м-съ Гартъ.

— Да вѣдь это совершенно естественно, отвѣчалъ онъ.—Вы видите ежедневно съ человѣкомъ, который превосходитъ меня во всѣхъ отношеніяхъ и котораго вы сами ставите выше всѣхъ; какіе-же я тутъ могу имѣть шансы?

— Какъ вы благодарны, Фредъ. Мнѣ очень жаль, что я не сказала м-ру Фэрбротэру, что вовсе не интересуюсь вами.

— Нѣтъ, я не благодаренъ. Если-бы только не это, я-бы былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Я все сказалъ вашему отцу, и онъ былъ очень добръ ко мнѣ; онъ обошелся со мной, какъ съ сыномъ. У меня-бы хватило силы воли приняться за работу, и за переписку, и за все, если-бы не это.

— Что такое это?

— Если-бы не эта страшная увѣренность, что м-ръ Фэрбротэръ вытѣснитъ меня.

Мэри чуть не расхохоталась ему въ лицо.

— Фредъ, сказала она, стараясь заглянуть ему въ глаза,

которые онъ сердито отворачиваль, — вы забавны до пельзя. Если-бы вы не были такъ очаровательно наивны, я-бы, право, поддавалась искушенію пококетничать съ вами, и заставить васъ думать, что у меня есть другой вздыхатель, кромѣ васъ.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, любите меня больше всѣхъ, Мэри? спросилъ Фрэдъ, обращая на нее глаза, полные любви, и стараясь поймать ее руку.

— Въ эту минуту я васъ нисколько не люблю, отвѣчала Мэри, отступая и закладывая руки за спину. — Я говорю только, что никогда никто не ухаживаль за мной, кромѣ васъ, а это плохой аргументъ въ пользу того, что когда-нибудь умный человекъ заинтересуется мною, закончила она, смѣясь.

— Скажите мнѣ только, что вы никогда и не подумаете о немъ.

— Послушайте, Фрэдъ, не смѣйте никогда болѣе говорить со мной объ этомъ. — Я рѣшительно не понимаю, чему приписать — глупости или подлости, — что вы не видите, что м-ръ Фербротеръ оставилъ насъ однихъ нарочно, чтобы дать намъ возможность поговорить другъ съ другомъ наединѣ. Мнѣ очень жаль, что вы не въ состояніи оцѣнить такой деликатности.

М-ръ Фербротеръ вернулся въ эту минуту съ картиной и прекратилъ дальнѣйшія объясненія. Фрэдъ пошелъ назадъ въ гостиную все еще мучимый ревностью, но значительно успокоенный словами и обращеніемъ Мэри. На Мэри этотъ разговоръ произвелъ болѣе тяжелое впечатлѣніе. Она невольно была принуждена взглянуть совершенно другими глазами на м-ра Фербротера и на свои отношенія къ нему. Ей казалось, что она наноситъ ему оскорбленіе предпочтеніемъ, которое оказываетъ Фреду, а такое чувство всегда опасно, когда къ нему примѣшивается уваженіе и признательность. При такомъ положеніи дѣлъ она съ радостью ухватилась за предлогъ вернуться домой, ей не хотѣлось ни за что на свѣтѣ измѣнять Фреду. Она такъ давно любила его, такъ сжилась съ этою любовью, что мысль о возможности новой привязанности казалась ей недостойной ее.

Фрэдъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ, онъ долженъ сохранить, по крайней мѣрѣ, эту, говорила она самой себѣ. Въ головѣ ея мелькали правда порою мысли о томъ, что она могла-бы приобрести почетное положеніе, могла-бы приобрести вѣсъ и

вліяніе въ обществѣ, отсутствіе которыхъ иногда такъ больно отъзвались въ ея душѣ. Но какъ ни заманчивы были эти мысли, ей было достаточно представить себѣ Фрэда брошеннымъ, тоскующимъ по ней, чтобы отогнать ихъ прочь.

ГЛАВА LVIII.

Въ то время, когда м-ръ Винци высказывалъ предположеніе, что скоро Розамунда придетъ просить у него денегъ, самой Розамундѣ и въ умъ не приходило ничего подобнаго. До сихъ поръ ей ни разу еще не приходилось терпѣть нужду въ деньгахъ, несмотря на то, что они жили на широкую ногу. Вышитыя рубашечки и чепчики, которые она наготовила для своего ребенка, оказались пока ненужными, потому что она выгнула. Несчастные роды произошли оттого, что ей непремѣнно захотѣлось покататься верхомъ, и она поставила на своемъ, несмотря на всѣ убѣжденія мужа.

Желаніе покататься верхомъ возбудилъ въ ней прїѣздъ капитана Лейдгата, третьяго сына баронета, котораго Тертія терпѣть не могъ, какъ пустого фата, неумѣвшаго сказать ни одного дѣльнаго слова. Лейдгаты проклиналъ себя внутренно за то, что навлекъ на себя это посѣщеніе, согласившись сдѣлать послѣ свадьбы визитъ дядѣ, и не скрывалъ своей досады отъ Розамунды, которой это было крайне непріятно, такъ какъ для нея посѣщеніе капитана Лейдгата служило источникомъ живѣйшаго наслажденія. Она гордилась присутствіемъ въ своемъ домѣ сына баронета, воображая, что всѣ окружающіе проникнуты величіемъ этого факта; представляя своимъ гостямъ капитана Лейдгата, она была увѣрена, что званіе его производитъ на нихъ такое-же впечатлѣніе, какъ ароматъ какого-нибудь душистаго цвѣтка.

Непривлекательныя стороны положенія жены доктора, даже и хорошей фамиліи, сгладились въ ея представленіи теперь, когда ея бракъ возмывалъ ее не только нравственно, но и матеріально надъ уровнемъ мидльмарчскаго общества; будущее, сулившее постоянныя сношенія съ Квалингхамомъ и въ отдаленной перспективѣ блестящую карьеру для Тертія, рисовалось ей самыми радужными красками. Къ довершенію ея благополучія, замужня

сестра капитана, м-съ Менганъ, вѣроятно, по настояніямъ брата, по дорогѣ въ Лондонъ заѣхала къ ней съ своей горничной и прогостила два дня.

У капитана Лейдгата былъ низкій лобъ и орлиный носъ, наклоненный нѣсколько на сторону; болѣе плебейскую фizioномію такія черты лица безобразили-бы; но въ капитанѣ онѣ соединялись съ воинственной осанкой и усами, придававшими ему видъ вполне аристократическій. Какъ представитель высшаго круга, онъ презиралъ мѣщанскія приличія и относился весьма критически къ женской красотѣ. Розамунда восхищалась имъ, и онъ любезно снисходилъ до ухаживанья за ней. Пребываніе въ домѣ доктора ему, повидимому, очень нравилось, можетъ быть, отчасти потому, что онъ заподозривалъ, что его кузену сильно хочется избавиться отъ его присутствія. Лейдгатъ, впрочемъ, тщательно скрывалъ свою антипатію, — онъ скорѣе согласился-бы лишиться себя жизни, говоря гиперболически, чѣмъ нарушить правила гостепріимства. Но онъ постоянно дѣлалъ видъ, что не слышитъ того, что говоритъ его гость, и предоставлялъ Розамундѣ поддерживать разговоръ. Чуждый всякой ревности, онъ предпочиталъ оставлять молодого вертопраха наединѣ съ своей женой, чтобы только избавиться отъ необходимости занимать его.

— Тебѣ-бы слѣдовало побольше разговаривать съ капитаномъ за обѣдомъ, Тертій, сказала ему Розамунда разъ вечеромъ, когда аристократическій гость отправился въ Ломфордъ навѣстить своихъ знакомыхъ офицеровъ. — Ты такъ разсѣянъ при немъ, всегда глядишь ему черезъ голову, никогда не смотришь на него прямо.

— Милая Роза, надѣюсь, что ты не потребуешь, чтобы я занималъ такого глупаго фата, отвѣчалъ Лейдгатъ рѣзко. — Если онъ проломитъ себѣ голову, мнѣ будетъ интересно посмотреть ее, но глядѣть на нее такъ я не намѣренъ.

— Не понимаю, почему ты съ такимъ презрѣніемъ отзывается постоянно о своемъ кузенѣ, замѣтила Розамунда серьезнымъ, слегка презрительнымъ тономъ, не оставляя работы.

— Спроси у Владислава, какъ онъ смотритъ на твоего капитана. Онъ совсѣмъ почти пересталъ бывать у насъ съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ пріѣхалъ этотъ гость.

Розамунда совершенно иначе объясняла себѣ нерасположеніе

Владислава къ капитану. Она думала, что въ немъ говоритъ ревность, и это льстило ея самолюбію.

— Мало-ли, что не нравится людямъ эксцентрическимъ, отвѣчала она;—на мой взглядъ, капитанъ Лейдгатъ истинный джентльменъ, и мнѣ кажется, что уже изъ уваженія къ сэру Годвину, тебѣ не слѣдовало-бы обращаться съ нимъ пренебрежительно.

— Да чѣмъ-же пренебрежительно я съ нимъ обращаюсь; для него всегда накрытъ приборъ за нашимъ столомъ; его ни въ чемъ не стѣсняють, а въ моемъ обществѣ онъ вовсе и не нуждается.

— Все-же тебѣ слѣдовало-бы быть повнимательнѣе къ нему. Можетъ быть, онъ не фениксъ ума, въ томъ смыслѣ, какой ты придаешь этому слову; но вѣдь у него и профессія другая; во всякомъ случаѣ, тебѣ не мѣшало-бы говорить съ нимъ иногда о предметахъ, его интересующихъ. Мнѣ бываетъ очень пріятно разговаривать съ нимъ; онъ очень хорошій человекъ.

— Говоря проше, Розы, ты-бы хотѣла, чтобы я немножко походилъ на него, спросилъ Лейдгатъ съ горькою улыбкою.

Вопросъ этотъ показывалъ, какъ далеко былъ Лейдгатъ отъ той поры, когда онъ видѣлъ въ Розамундѣ Винци идеаль женщины, способной искренно увлекаться умомъ и дарованіями. Онъ понималъ, что есть женщины, которымъ дарованія въ мужчинѣ нравятся чисто съ внѣшней стороны, какъ орденъ въ петличкѣ или громкій титулъ передъ именемъ.

Розамунда съ своей стороны поняла, что есть глупость невыносимая, какъ глупость Нэда Плаймдэля, и есть глупость привлекательная, когда она является надушенная, съ аристократическимъ лоскомъ въ образѣ какого-нибудь капитана Лейдгата. Розамундѣ глупость послѣдняго сорта такъ нравилась, что она даже усвоила себѣ нѣкоторые изъ оборотовъ рѣчи своего изящнаго кузена.

Розамунда была всегда охотница до верховой ѣзды, тѣмъ болѣе захотѣлось ей кататься теперь, когда капитанъ Лейдгатъ, привезшій съ собой двухъ лошадей, предложилъ ей свою сѣрую лошадь, ручаясь за то, что она смирна и привыкла ходить подъ дамскимъ сѣдломъ, такъ какъ онъ купилъ ее для своей сестры. Розамунда поѣхала кататься, въ первый разъ не сказавшись мужу, и вернулась домой ранѣе его. Но катанье сошло такъ благопо-

лучно и она чувствовала себя послѣ него такъ хорошо, что сообщила мужу о томъ, что ѣздила, вполне увѣренная, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ этого удовольствія.

Но Лейдгать былъ не только оскорбленъ, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что она рискнула поѣхать на незнакомой лошади, не посоветовавшись даже съ нимъ. Выразивъ свое изумленіе громкими восклицаніями, онъ пожелчалъ съ минуту и потомъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ.

— Слава Богу, что ты вернулась цѣла и невредима. Но ты не поѣдешь больше, Розв. Если-бы даже ты поѣхала на самой смирной, самой послушной лошади, все-таки можетъ случиться несчастье. Ты очень хорошо знаешь, почему я настоялъ, чтобы ты не ѣздила на нашей рыжей.

— Отъ несчастнаго случая не уберешься и въ комнатахъ, Тертій.

— Не говори глупостей, мой другъ. Я полагаю, что въ такомъ дѣлѣ я могу быть лучшимъ судьей. Достаточно, что я сказалъ, и ты не поѣдешь болѣе.

Розамунда поправляла свою прическу передъ обѣдомъ; лицо ея, отражавшееся въ зеркалѣ, не измѣнило своего миловиднаго выраженія. Лейдгать ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и теперь остановился передъ нею, какъ будто ожидая ея отвѣта.

— Пожалуйста, подколи мнѣ косы, попросила его Розамунда. Лейдгать часто подкалывалъ ихъ и прежде, онъ былъ необыкновенно ловокъ на эти вещи. Подбравъ мягкія косы подъ гребенку, онъ естественно долженъ былъ поцѣловать бѣлоснѣжную шею, открывшуюся передъ нимъ во всей своей изящной прелести. Но онъ это дѣлалъ такъ часто, что поцѣлуй на этотъ разъ вышелъ совершенно машинальный. Онъ все еще сердился.

— Я скажу капитану, что съ его стороны было очень глупо предлагать тебѣ лошадь, сказалъ онъ, направляясь къ двери.

— Пожалуйста, не дѣлай этого, Тертій. Ты этимъ выставишь меня совершеннымъ ребенкомъ. Предоставь мнѣ объяснить съ нимъ по этому поводу самой.

Въ словахъ ея была своя доля правды.

— Хорошо, отвѣчалъ Лейдгать сердито и вышелъ изъ комнаты, не добившись отъ Розамунды объясненія не ѣздить болѣе

верхомъ. Она твердо рѣшилась не давать этого обѣщанія. Розамунда отличалась непобѣдимымъ упорствомъ, но не любила тратить силъ на бесполезную борьбу. Стоило ей захотѣть чего-нибудь и она тотчасъ-же пускала въ ходъ всю свою изобрѣтательность. Ей хотѣлось снова покататься на сѣрой лошади и въ первый-же разъ, какъ мужъ ушелъ изъ дому, она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы снова поѣхать съ капитаномъ.

Но лошадь ея испугалась треска дерева, которое рубили у самой опушки лѣса, и, въ свою очередь, такъ сильно напугала Розамунду, что, приѣхавъ домой, она выкинула... Лейдгать не могъ, конечно, въ это время сердиться на нее, онъ перенесъ весь свой гнѣвъ на капитана, который поспѣшилъ обратиться домой.

Всякій разъ, какъ заходила рѣчь объ этой несчастной поѣздкѣ, Розамунда очень кротко, но очень рѣшительно заявляла, что катанье верхомъ совершенно не причемъ въ ея болѣзни, что если-бы она сидѣла дома, съ ней-бы случилось то-же самое, что она уже и ранѣе чувствовала боли. Лейдгать восклицалъ только: „Бѣдняжка моя, бѣдняжка!“ но втайнѣ дивился изумительному упорству этого кроткаго созданія. Онъ убѣждался все болѣе и болѣе въ своемъ безсиліи надъ Розамундой. Никогда ни въ какомъ практическомъ дѣлѣ она не обращалась за совѣтами къ нему. Во всякой бездѣлицѣ, точно такъ-же, какъ и въ вещахъ болѣе серьезныхъ, она поступала, какъ ей хотѣлось, никогда не сообразуясь съ его желаніями. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ убѣжденъ, что она любитъ его; ему и въ умѣ не приходило, чтобы у нея могло охладиться ея чувство къ нему. Самъ онъ говорилъ себѣ, что любить ее все такъ-же, какъ любилъ прежде, что можетъ помириться съ ея недостатками. Но онъ сознавалъ, что въ жизнь его входятъ какіе-то новые, не-пріятные элементы; въ душу его закрадывалось смутное чувство недовольства.

Розамунда скоро поправилась и, казалось, еще болѣе похорошѣла. Она ѣздила всякій день кататься въ отповскомъ фэтонѣ и тѣшила себя надеждою, что ее пригласятъ погостить въ Квалингхамъ. Она знала, что составитъ лучшее украшеніе квалингхамской гостиной, но не принимала во вниманіе того, что какъ-бы ясно не сознавала мужская половина семьи этотъ фактъ, женская ни за что не позволитъ ей затмить себя.

Успокоенный на счетъ ея здоровья, Лейдгать снова впалъ въ то мрачное настроеніе, которое Розамунда называла дурнымъ расположеніемъ духа. Это настроеніе было вызвано причиною, которую онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ отъ Розамунды, изъ опасенія разстроить ее. Онъ вошелъ въ долги и чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ затягивается все глубже и глубже въ это болото, которое манитъ къ себѣ неосторожныхъ прохожихъ заманчивою зеленью и цвѣтами. Человѣкъ быстро погружается въ него по самое горло, и тогда какіе-бы широкіе планы ни были у него въ головѣ, онъ вынужденъ на время разстаться съ ними и употребить всѣ свои усилія на то, чтобы выкарабкаться.

Полтора года тому назадъ Лейдгать былъ бѣденъ, но никогда не нуждался въ займахъ для покрытія своихъ скромныхъ расходовъ. Теперь-же не только въ его карманѣ былъ дефицитъ, но онъ самъ находился въ непріятномъ положеніи человѣка, накупившаго массу совершенно бесполезныхъ вещей, за которыя онъ не въ состояніи заплатить, а платежа настойчиво требуютъ.

Какъ это случилось—угадать не трудно. Когда человѣкъ, обзаводясь своимъ хозяйствомъ и собираясь жениться, тратитъ на свое обзаведеніе 400 или 500 фунтовъ болѣе, чѣмъ у него имѣется наличнаго капитала, когда къ концу года оказывается что издержки по хозяйству простираются до 1000 ф., а дохода съ практики, приносившіе въ прежніе годы фунтовъ до 800, упали до 500 ф. и то еще не заплаченныхъ, а только имѣющихся въ виду, то, волей или не волей, этотъ человѣкъ запутывается въ долги. Правда, жизнь въ то время, особенно въ провинціи, стояла дешево. Но Розамунда, привыкшая съ дѣтства къ жизни на широкую ногу, воображала, что хозяйничать значитъ просто приказывать, чтобы все закупалось самое лучшее, а Лейдгать держался того мнѣнія, что ужъ если дѣлать что-нибудь, такъ нужно дѣлать прилично. Розамунда любила принимать гостей и Лейдгать не препятствовалъ ей въ этомъ, такъ какъ жизнь на открытую ногу могла способствовать увеличенію практики, а принимая гостей, нужно было дѣлать имъ и приличное угощеніе. Лейдгать воображалъ, что онъ нѣсколько не занимается своимъ туалетомъ; но ему казалось необходимымъ имѣть нѣсколько паръ платья.

Лейдгать, какъ мы уже сказали, не зналъ до сихъ поръ, что такое долгъ, и новость его положенія бѣсила его. Онъ выходилъ изъ себя при мысли, что обстоятельства, идущія такъ грубо въ разрѣзъ со всѣми его планами и стремленіями, осмѣливаются становиться ему поперегъ дороги, и стремятся захватить его въ свои тиски. Его тревожили не одни только сдѣланные уже имъ долги. Онъ видѣлъ, что въ его настоящемъ положеніи ему придется постоянно дѣлать новые и новые долги. Два брауншвейгскіе купца, у которыхъ онъ набралъ въ кредитъ вещей для своего обзаведенія, безпрестанно присылали ему письма съ непріятными напоминаніями. Легко себѣ представить, какъ это дѣйствовало на Лейдгата, гордость котораго не выносила мысли обратиться къ кому-нибудь съ просьбою о помощи. Онъ никогда не рассчитывалъ получить что-нибудь отъ м-ра Винци и только самая настоятельная крайность могла заставить его обратиться къ нему за пособіемъ, тѣмъ болѣе, что до него доходили слухи, что дѣла самого м-ра Винци далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Обратиться за помощью къ своей роднѣ казалось для Лейдгата пыткой. А между тѣмъ у него не было ни денегъ, ни надеждъ на какія-нибудь полученія. Практика приносила ему съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе.

Понятно поэтому, что Лейдгать становился все мрачнѣе и мрачнѣе и теперь, когда Розамунда совершенно оправилась, онъ рѣшился не откладывать долѣе неизбежнаго объясненія тѣмъ болѣе, что скрывать отъ нея долѣе ихъ положеніе сдѣлалось невозможнымъ. Для успокоенія своихъ кредиторовъ онъ рѣшился заложить свою движимость золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеру, которому былъ долженъ до 400 ф. ст. М-ръ Доверъ, такъ звали этого мастера, соглашался за это принять на себя уплату долга обойщику за извѣстные проценты и кромѣ того въ видахъ сокращенія долга ему лично, взять обратно часть серебра и тѣ изъ вещей, которыя не попортились отъ употребленія. Подъ этими вещами онъ деликатно подразумевалъ драгоценные камни и въ особенности великолѣпные аметисты, стоившіе 30 ф., которые Лейдгать подарилъ своей невѣстѣ въ день свадьбы.

Въ ту минуту, когда Лейдгать дѣлалъ этотъ подарокъ представить какіе-нибудь лишніе 30 ф. къ счету, который и безъ

того былъ великъ, прибавить за украшеніе, которое такъ шло къ Розамундѣ, казалось ему совершенно безразлично. Вѣдь это, это была такая бездѣлица! Но въ настоящую критическую минуту Лейдгату невольно приходило на мысль, какъ хорошо было бы возвратить эти аметисты м-ру Доверу обратно, хотя-бы онъ ни за что не рѣшился предложить этого Розамундѣ. Тѣмъ не менѣе, уяснивъ себѣ свое положеніе, онъ пришелъ къ убѣжденію, что дѣйствовать необходимо, и, на возвратномъ пути изъ Брасинга, запасался необходимою твердостью, чтобы приступить къ объясненіямъ съ Розамундой.

Онъ вернулся домой вечеромъ совершенно несчастнымъ человекомъ. Онъ не хотѣлъ сознаться даже самому себѣ, что сдѣлалъ страшную ошибку, женившись на Розамундѣ, но это сознание невольно закрадывалась въ его душу. Проходя по коридору въ гостиную, онъ услышалъ игру на фортепьяно и пѣніе. Вѣроятно, у нихъ сидѣлъ Владиславъ. Прошло уже нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Владиславъ простился съ Доротеей, но все еще оставался въ Мидльмарчѣ. Лейдгату не имѣлъ ничего противъ посѣщеній Владислава вообще, но въ настоящую минуту его разсердило, что у нихъ гости. Когда онъ отворилъ дверь, играющіе подняли на него глаза, но продолжали пѣть. Это еще болѣе раздосадовало Лейдгата; у него на душѣ было такъ невыносимо тяжело, а его встрѣчаютъ пѣніемъ. Онъ нахмурился и сердито опустилса въ кресло.

Въ оправданіе Вилю и Розамундѣ слѣдуетъ сказать, что они допѣвали послѣдніе такты и, кончивъ, тотчасъ-же обратились къ нему.

— Какъ поживаетъ, Лейдгату? спросилъ Виль, протягивая ему руку.

Лейдгату отвѣчалъ молчаливымъ пожатіемъ.

— Обѣдалъ ты, Тертій? Я тебя ждала гораздо раньше, сказала Розамунда, уже замѣтившая, что мужъ ея страшно не въ духѣ, и сѣла на свое обыкновенное мѣсто.

— Обѣдалъ. Я-бы по просилъ чаю, отвѣтилъ Лейдгату отрывисто, пристально глядя себѣ на ноги.

Виль былъ очень сообразителенъ. Онъ сейчасъ-же взялся за шляпу со словами: „я ухожу.“

— Сейчасъ подадутъ чай, куда вы, оставайтесь, просила Розамунда.

— Нѣтъ, Лейдгату что-то не по себѣ, отвѣчалъ Виль, повидавшій Лейдгата гораздо лучше, чѣмъ Розамунда, и нисколько не обидѣвшійся его обращеніемъ: мало-ли какія у него могли быть непріятности.

— Тѣмъ болѣе вы должны остаться, настаивала Розамунда съ живымъ тономъ.—Онъ весь вечеръ не скажетъ со мною ни слова.

— Ошибаешься, Розамунда, вдругъ вмѣшался въ разговоръ Лейдгать.—Мнѣ нужно поговорить съ тобою объ очень серьезномъ дѣлѣ.

Такое вступленіе было неожиданностью для самого Лейдгата, но Розамунда взбѣсила его своимъ равнодушіемъ.

— Видите! сказалъ Виль.—Да мнѣ къ тому-же нужно идти на митингъ по поводу устройства школы для механиковъ. Прощайте.

И онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Розамунда, не глядя на мужа, встала и сѣла къ чайному столу. Она находила, что Лейдгать просто нестерпимъ. Лейдгать слѣдилъ за нею глазами въ то время, какъ она заваривала чай. Она пристально глядѣла на чайникъ, ни одна черта въ лицѣ ея не измѣнилась, но фигура выражала безмолвный протестъ противъ людей съ непріятными манерами. Онъ забылъ на минуту о предстоящемъ объясненіи, его крайне удивляла ея безчувственность. Ему припомнилась Лора и онъ подумалъ: Убила-ли-бы меня *эта* за то, что я ей надоѣлъ—да, рѣшилъ онъ,—всѣ женщины на одинъ покрой. Но въ эту минуту въ памяти его возникъ образъ Доротей, какой онъ видѣлъ ее у изголовья мужа. Въ ухахъ его зазвучала ея страстная мольба, указать ей, что дѣлать, чтобы облегчить положеніе человѣка, ради котораго она подавляла въ себѣ всѣ чувства, всѣ стремленія подъ вліяніемъ живого состраданія: Посоветуйте мнѣ, скажите, что дѣлать, онъ всю жизнь свою работалъ и положилъ на эту работу всѣ свои силы. Его ни что другое не интересуется и меня также, слышалось ему. Его пробудилъ изъ этого ползабытья серебристый голосокъ Розамунды.

— Вотъ тебѣ чай, Тертій, сказала она, ставя стаканъ на маленькій столикъ передъ нимъ, и вернулась на свое прежнее

мѣсто, не подаривъ его ни однимъ взглядомъ. Лейдгать черезъ чуръ опрометчиво обвинилъ ее въ безчувственности; напротивъ, она была очень чувствительна на свой ладъ и обладала способностью очень долго сохранять извѣстныя впечатлѣнія. Въ настоящую минуту она была обижена и раздосадована. Но она никогда не хмурилась и не возвышала голоса; по ея глубокому убѣжденію она всегда держала себя вполне безукоризненно. Никогда мужъ и жена не были такъ далеки другъ отъ друга, какъ въ настоящую минуту. Но тѣмъ настоятельнѣе чувствовалъ Лейдгать необходимость немедленнаго объясненія. Однако онъ подождать, пока прислуга убрала чай, зажгла свѣчи и удалилась. Досада его тѣмъ временемъ успѣла уже улечься и въ сердцѣ заговорила любовь къ женѣ, которой онъ долженъ былъ причинить такое жестокое огорченіе.

— Милая Роза, брось свою работу и сядь возлѣ меня, заговорилъ онъ ласково, отталкивая столикъ и подвигая ей стулъ.

Розамунда тотчасъ-же подошла къ нему. Свѣтлое кисейное платье граціозно обрисовало ея маленькую, полненькую фигуру; она сѣла возлѣ него, положивъ руку на ручку кресла, и въ первый разъ взглянула на него. Она была такъ хороша въ эту минуту, что Лейдгату невольно вспомнилось прошлое, первое время ихъ любви.

— Дорогая моя! сказалъ онъ голосомъ, звучавшимъ любовью, ласково кладя свою руку на ея руку.

Розамунда также находилась еще подъ вліяніемъ этого недавняго прошлаго; мужъ былъ для нея еще отчасти тѣмъ Лейдгатомъ, любви котораго она такъ добивалась. Она тихонько отвела ему волосы ото лба и положила свою руку въ его руку, она мысленно простила ему.

— Я долженъ сказать тебѣ очень непріятную вещь, Роза; она касается насъ обоихъ. Ты, вѣроятно, уже замѣтила, что я сильно стѣсненъ въ денежномъ отношеніи.

Лейдгать остановился; Розамунда отвернула голову и разглядывала какую-то вазу на каминѣ.

— Я не могъ заплатить за все наше обзаведеніе наличными деньгами, многое пришлось покупать въ кредитъ, и послѣ того было много расходовъ. Такъ, что теперь у меня образовался въ Брасингѣ долгъ въ 350 ф., по которому необходимо произвести

уплату. Кромѣ того мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутываемся въ долгахъ, потому что миѣ платятъ очень не акуратно. Я скрывалъ это отъ тебя пока ты была больна, но теперь намъ нужно вмѣстѣ обсудить, что дѣлать; ты должна помочь миѣ.

— Чѣмъ-же я-то могу помочь, Тертіи? спросила Розамунда такимъ безучастнымъ тономъ, что Лейдгата обдало холодомъ. Сердце его сжалось глубокою тоскою и онъ отвѣчалъ тономъ чловѣка, принуждающаго себя выполнить тяжелую обязанность.

— Я долженъ былъ сказать тебѣ объ этомъ, потому что миѣ приходится заложить нашу движимость и лицо, которому я ее закладываю, придетъ составить ей опись.

Яркая краска покрыла щеки Розамунды.

— Ты не просилъ денегъ у папа? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ.

— Такъ я попрошу! вскричала она, освобождая свои руки изъ рукъ Лейдгата и вставая.

— Нѣтъ, Роза, заговорилъ Лейдгатъ рѣшительнымъ тономъ.— Уже поздно. Завтра-же будетъ произведена опись. Эта только простая закладная, въ обезпеченіе долга, сдѣлака чисто временная. Я запрещаю тебѣ говорить объ этомъ твоему отцу, прибавилъ онъ повелительнымъ тономъ.—Я самъ скажу, когда найду нужнымъ.

Онъ чувствовалъ, что говорить грубо, но ему пришло на память упорство Розамунды. Его тонъ окончательно сразилъ ее; она не любила плакать, но тутъ губы ея задрожали и слезы выступили на глаза. Лейдгатъ былъ слишкомъ разстроенъ въ эту минуту, чтобы понять, какъ тяжело было вынести постигшее неожиданное испытаніе молодой женщины, которую до сихъ поръ и жизнь и всѣ окружающіе сильно баловали; но ея слезы поразили его въ самое сердце. Розамунда однако скоро овладѣла собой и вытерла слезы, продолжая по прежнему глядѣть на каминъ.

— Не огорчайся такъ, голубчикъ, сказалъ Лейдгатъ, глядя на нее. Она отошла отъ него и потому объясненіе становилось еще тяжелѣе, но онъ чувствовалъ, что долженъ высказать все.

— Мы должны покориться необходимости, продолжалъ онъ.— Я одинъ виноватъ во всемъ; я долженъ былъ подумать ранѣе

что не могу жить на такую ногу. Но противъ меня сильно предубѣждены и потому моя практика идетъ плохо. Я надѣюсь, что со временемъ приобрѣту къ себѣ довѣріе, но пока мы должны пережвѣнить образъ жизни. Заложивъ движимость, я выгадаю время, чтобы оглядѣться; а ты у меня такая умница, что если только примешься экономничать, такъ меня-же будешь учить бережливости. Я былъ черезъ чуръ легкомысленъ, но, дорогая моя, приди, сядь ко мнѣ и прости меня.

Послѣднія слова онъ произнесъ умоляющимъ тономъ. Розамунда подошла и сѣла опять возлѣ него. Упреки, которыми онъ осматривалъ себя самого, подали ей надежду, что онъ слушаетъ ея совѣтовъ.

— Развѣ нельзя отложить описи? спросила она.

— Нельзя, отвѣтилъ Лейдгатъ рѣзко.

— Если мы уѣдемъ изъ Мидльмарча, то намъ придется распродать свою движимость, вѣдь это-же все равно.

— Да, но мы не уѣзжаемъ изъ Мидльмарча.

— А право, Тертій, мнѣ кажется, намъ лучше-бы уѣхать. Отчего-бы намъ не переселиться въ Лондонъ? Или куда-нибудь поблизости къ Дуртону, гдѣ знаютъ твою родину.

— Мы нигуда не можемъ уѣхать безъ денегъ, Розамунда.

— Твои родные не оставятъ тебя въ такой крайности. Ты можешь объяснить это противнымъ купцамъ и они, конечно, согласятся подождать.

— Ты третишь совершенно по напрасну слова, Розамунда. Въ дѣлажъ, въ которыхъ ты ничего не смыслишь, ты должна подчиняться моему взгляду. Я принялъ известное рѣшеніе и оно должно быть приведено въ исполненіе. У родныхъ я никогда ничего не намѣренъ просить.

Розамунда упорно молчала. Она думала въ эту минуту, что если-бы знала, какъ Лейдгатъ станетъ поступать съ нею, то никогда не вышла-бы за него замужъ.

— Намъ нечего теперь терять время на бесполезныя препирательства, дружочекъ, продолжалъ Лейдгатъ, снова смягчая тонъ.— Намъ нужно еще поговорить о нѣкоторыхъ частностяхъ. Доверь согласенъ взять назадъ часть серебра и драгоценныхъ вещей. Право, онъ еще очень порядочный человѣкъ.

— Такъ что-же, у насъ теперь не будетъ ни вилокъ, ни ложекъ.

— Избави Богъ! Но видишь-ли, вотъ счетъ Довера. Онъ вынулъ счетъ и развернулъ его.—Я отмѣтилъ въ немъ нѣсколько вещей; если мы ихъ возвратимъ, то долгъ нашъ сократится на 30 ф. ст. и даже болѣе. Драгоценныхъ вещей я не касался.

Лейдгату было очень тяжело затронуть этотъ предметъ; онъ не въ силахъ былъ предложить Розамундѣ вернуть назадъ его-же подарки, но считалъ своею обязанностью сообщить ей о предложеніи Довера, рассчитывая, что ея внутренній инстинктъ подскажетъ ей, что дѣлать.

— Мнѣ совершенно незачѣмъ просматривать этотъ счетъ, Тертія, отвѣтила Розамунда спокойно.—Ты можешь вернуть, что тебѣ угодно.

Она даже не взглянула на счетъ и Лейдгата, покраснѣвъ до корней волосъ, опустилъ его обратно къ себѣ на колѣни. Розамунда встала и вышла изъ комнаты, оставивъ Лейдгата въ совершенномъ недоумѣніи. Неужели она не вернется? Повидимому, она вовсе не желала отождествлять себя съ нимъ, смотрѣла на него, какъ на существо совершенно особой породы, интересы котораго были противоположны ея интересамъ. Онъ злобно покачалъ головой и засунулъ руки въ карманы. Ну что-же, у него еще остается наука, остаются великія цѣли, для которыхъ стоитъ жить. Но въ эту минуту дверь открылась и Розамунда вошла снова въ комнату. Она принесла сафьянный футляръ со аметистами и изящную карзиночку, наполненную футлярами различныхъ форматовъ и, положивъ ихъ на стулъ возлѣ Лейдгата, сказала:

— Вотъ всѣ драгоценныя вещи, которыя я получила отъ тебя въ подарокъ. Возврати тѣ изъ нихъ, которыя найдешь нужнымъ, и серебро также. Ты, конечно, не потребуешь, чтобы я осталась завтра дома. Я поѣду къ папа.

— Когда-же вы вернетесь? спросилъ онъ съ горечью.

— Да завтра-же вечеромъ. Я ничего не скажу мамѣ.

Розамунда была убѣждена, что поступала совершенно безукоризненно, и сѣла за свой рабочій столикъ. Лейдгата посидѣлъ молча нѣсколько минутъ и, наконецъ, произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Роза, неужели ты меня оставишь одного при первомъ испытаніи?

— Нѣтъ, разумѣется. Я сдѣлаю все, что обязана сдѣлать.

— Неудобно оставить описъ на прислугу. А мнѣ нужно завтра рано выйти. Я понимаю, что ты находишь унизительнымъ для себя принимать участіе въ этой денежной сдѣлкѣ. Но, Розамунда, мнѣ кажется, что уже изъ одной гордости лучше, чтобы мы устроили это дѣло сами, чтобы прислуга знала о немъ какъ можно менѣе; какъ моя жена, ты должна принять на себя долю моего униженія, если только это униженіе.

Розамунда не сразу отвѣтила, но, наконецъ, сказала:

— Хорошо, я останусь дома.

— Я не дотронусь до твоихъ драгоценныхъ вещей, Роза. Убери ихъ. Но я составляю списокъ столоваго серебра, которое мы можемъ возвратить; его можно сейчасъ-же уложить и отправить.

— *Этого* не скроешь отъ прислуги, замѣтила Розамунда съ легкимъ отгѣнкомъ сарказма.

— Ну, что-же дѣлать, нужно покориться печальной необходимости.—Гдѣ это чернила?

Розамунда подала чернильницу и хотѣла отойти прочь, но Лейдгать обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

— Постарайся быть бодръ, голубчикъ. Я надѣюсь, что намъ не долго придется разсчитывать каждую копейку. Поцѣлуй меня.

Она отвѣтила на его горячій поцѣлуй, чуть чуть прикоснувшись губами къ его губамъ. Такимъ образомъ, домашній миръ былъ, повидимому, восстановленъ. Но Лейдгать съ ужасомъ думалъ о нескончаемыхъ сценахъ, которыя поведетъ за собою необходимость сократить расходы и совершенно измѣнить образъ жизни.

ГЛАВА LIX.

Люди часто разносятъ новости безсознательно, какъ пчелы цвѣточную пыль, не подозрѣвая о послѣдствіяхъ, которыя могутъ повлечь сообщеніе этихъ новостей. Такъ случилось, между прочимъ, и съ Фрадомъ Винци. При немъ въ ловикскомъ пас-

торатъ дамы затѣяли весьма оживленный разговоръ по поводу странной приписки къ завѣщанію Казобона, о которой ихъ горничная узнала отъ Тантрицъ. Оказалось, что м-ръ Фэрбротеръ зналъ объ этомъ ранѣе и миссъ Винифредъ нашла, что Камденъ въ высшей степени странный человѣкъ, никогда не сообщить никакихъ интересныхъ новостей. Мэри Гартъ замѣтила ей на это, что, можетъ быть, въ умѣ м-ра Фэрбротера приписка къ завѣщанію смѣшалась съ образомъ жизни пауковъ, о которомъ миссъ Винифредъ никогда не хотѣла слушать. М-съ Фэрбротеръ припомнила по этому поводу, что выдала разъ Владислава въ Ловигѣ, и миссъ Нобль издала сострадательное мяузанье.

Фредъ почти вовсе не зналъ ни Владиславовъ, ни Казобоновъ и потому новость эта нисколько его не заинтересовала, онъ даже позабылъ о ней. Но разъ, зайдя къ Розамундѣ по порученію матери, онъ встрѣтился въ дверяхъ съ уходящимъ отъ нея Вилемъ. У Фреда и Розамунды было мало общихъ интересовъ и потому Фредъ говорилъ по преимуществу о предметахъ, по его мнѣнію, совершенно безразличныхъ. Такъ, между прочимъ, по поводу встрѣчи своей съ Владиславомъ, онъ сообщалъ сестрѣ о томъ, что слышалъ въ пасторатѣ.

Лейдгаты, подобно Фэрбротеру, зналъ гораздо болѣе, чѣмъ говорилъ. Въ своихъ догадкахъ онъ заходилъ даже далѣе дѣйствительности. Онъ воображалъ, что Виль и Доротея страстно любятъ другъ друга, и считалъ это дѣло слишкомъ серьезнымъ для сплетенъ. Онъ помнилъ, какъ разсердился разъ Виль, когда онъ упомянулъ о м-сѣ Казобонъ, и сталъ очень остороженъ на этотъ счетъ. Эти догадки и то, что ему было извѣстно о завѣщаніи, заставили его относиться съ особенной мягкостью и терпимостью къ Вилю; онъ понималъ очень хорошо, что удерживало Виля въ Мидльмарчѣ послѣ того, какъ онъ рѣшилъ уѣхать. Лейдгату ни разу не пришло на мысль поговорить объ этомъ съ женой, къ тому-же онъ и не довѣрялъ ея скромности, и въ этомъ отношеніи былъ совершенно правъ, хотя ему и въ голову не приходило, какія заблужденія могутъ заставить ее откровенничать съ Вилемъ. Когда она передала ему, что ей сообщилъ Фредъ, Лейдгаты сказалъ ей:

— Смотри, Розы, не намеки объ этомъ какъ-нибудь Влади-

славу. Онъ приметъ это за оскорбленіе себѣ и вспылитъ на тебя. Это чрезвычайно непріятная исторія.

Розамунда отвернулась отъ него и стала приглаживать себѣ волосы съ видомъ самаго невозмутимаго равнодушія.

Но въ первый-же разъ, какъ Виль зашелъ къ нимъ въ отсутствіе Лейдгата, она стала дразнить его тѣмъ, что онъ все откладываетъ свою поѣздку въ Лондонъ.

— Я очень хорошо знаю, почему вы не ѣдете. У меня есть маленькая птичка, которая мнѣ все рассказываетъ, говорила она кокетливо. — Васъ притягиваетъ здѣсь магнитъ.

— Безъ сомнѣнія. Кому-же лучше это знать, какъ не вамъ, слюбезничаль Виль, внутренно начиная уже бѣситься.

— Романъ, право, хоть куда: ревнивый м-ръ Казобонъ предвидѣлъ, что м-съ Казобонъ ни за кого такъ не захочетъ выйти замужъ, какъ за извѣстнаго джентльмена, который также ни на комъ не захочетъ жениться, кромѣ нея; — м-ръ Казобонъ предвидѣлъ это и рѣшился воспрепятствовать браку, лишивъ ее наслѣдства въ случаѣ, если она выйдетъ замужъ за этого джентльмена и затѣмъ... и затѣмъ... и затѣмъ... о я не сомнѣваюсь, что исторія окончится самымъ романтическимъ образомъ.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ Виль, страшно мѣнясь въ лицѣ. — Ради Бога, не шутите, объясните мнѣ, что это значить.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, ничего не знаете? спросила Розамунда, бросая шутливый тонъ и довольная тѣмъ, что можетъ сообщить такую важную новость.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ нетерпѣливо.

— Вы не знаете, что м-ръ Казобонъ оговорилъ въ своемъ завѣщаніи, что если м-съ Казобонъ выйдетъ за васъ замужъ, то она лишается наслѣдства.

— А вы это почему знаете?

— Фредъ слышалъ объ этомъ отъ Фэбротеровъ.

Виль вскочилъ со стула и схватился за шляпу.

— Я увѣрена, что вы ей дороже наслѣдства.

— Прошу васъ ни слова болѣе объ этомъ, сказалъ Виль глухимъ голосомъ. — Это грубое оскорбленіе ей и мнѣ.

Онъ снова сѣлъ, какъ-будто не понимая, что дѣлается вокругъ него.

— Вотъ вы и разсердились на меня. За что-же вы на меня-то злитесь? Вы должны быть, напротивъ, благодарны мнѣ, что я вамъ сказала объ этомъ.

— Я вамъ и благодаренъ, отвѣчалъ Виль отрывисто, какъ-будто во снѣ.

— Надѣюсь скоро услышать о свадьбѣ, продолжала Розамунда шутливымъ тономъ.

— Никогда! Никогда не услышите вы о свадьбѣ.

Съ этими словами Виль всталъ, протянулъ руку Розамундѣ и ушелъ, все еще какъ-будто во снѣ.

Розамунда встала съ своего мѣста и подошла къ окну. Ее томила скука, которая обыкновенно вызываетъ въ женщинахъ пошлую ревность, неизбѣжную никакихъ серьезныхъ основаній и вытекающую не изъ дѣйствительной страсти, а изъ эгоизма. „Ну, ради чего жить?“ думалось ей: изъ Квилингхама не было ни слуху, ни духу, а тутъ того и гляди вернется домой Тертій и станетъ упрекать ее за то, что она много тратитъ. Она уже потихоньку ослушалась его и обращалась къ отцу съ просьбою помочь имъ, но тотъ отвѣтилъ: „я самъ скоро буду нуждаться въ помощи“.

(Продолженіе будетъ.)

НѢМЕЦКІЕ ЭМИГРАНТЫ.

(Изъ Фрейлиграта.)

Исполненъ скорби и тревоги,
Я все смотрю по цѣлымъ днямъ,
Какъ вы, въ поту, свой скорбъ убогій
Несете спѣшно къ кораблямъ.

Мужчины, сгорбившись сурово,
Въ корзинахъ тащутъ хлѣбъ съ трудомъ;
Онъ сдѣланъ изъ зерна родного,
Онъ сохъ на очагѣ родномъ.

Шварцвальдки съ косами густыми,
Смуглянки стройныя, толпой
Горшки и кружки вслѣдъ за ними
Уносятъ бережно съ собой.

Не разъ тѣ кружки наполняли
Ручьи родные водой,
И смолки все въ странѣ печали—
Онѣ напомнить край родной.

Имъ суждено покрасоваться
На полкахъ дальнихъ очаговъ
И свѣжей влагой наполняться
Для темнокожихъ пришлецовъ.

Къ нимъ впроклезъ прильнетъ губами,
Уставъ среди лѣсовъ глухихъ;
Но не блеснетъ въ нихъ передъ вами
Сокъ виноградниковъ родныхъ.

Зачѣмъ бѣжать вамъ добровольно?
Здѣсь есть и хлѣбъ и виноградъ,

Здѣсь темный лѣсъ шумитъ привольно,
Рога пастушья здѣсь гремятъ.

Въ дали отъ родины такъ живо
Припомнятъ бѣдные умы
Ея желтѣющія нивы
И виноградные холмы.
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
Заблещутъ ярко въ вашихъ снахъ
И, какъ священное преданье,
Запечатлѣются въ сердцахъ,

Но якорь поднять!—Всемогущій,
Храни ихъ, старцевъ и дѣтей,
Пошли имъ миръ на вѣкъ грядущій
И жатву тучную съ полей.

А. Михайловъ.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ Шпильгагена.

XX.

Въ игровой комнатѣ хорошенькую Рику задержали долѣе, чѣмъ этого ей хотѣлось. Пасторъ исправлялъ должность виночерпія уже весьма нетвердой рукой и при томъ считалъ умѣстнымъ сопровождать свою обязанность безконечными и несовѣмъ складными тирадами. Тѣмъ не менѣе господа за игорнымъ столомъ угощались самымъ усерднымъ манеромъ и поминутно требовали стаканъ за стаканомъ, такъ что Рика, наскучивъ этой безконечной бѣготней взадъ и впередъ, перенесла безъ дальнихъ церемоній столъ съ напитками по сосѣдству къ зеленому полю и этимъ дала возможность услужливому пастору не только наливать стабаны, но и самолично разносить ихъ почтеннѣйшей публикѣ. Сама-же Рика поглазѣла немного на игру, перегнувшись чрезъ стулъ господина Редебаса, а потомъ тихонько юркнула изъ комнаты. Ей очень хотѣлось продолжать разговоръ съ Готтгольдомъ.

Молодой художникъ, смиренный такой, ласковый, хорошенькій,—приглянулся ей уже съ самаго начала, и если она такъ усердно вошла въ тайно-полицейскую роль, навязанную ей Брандовымъ, то не столько изъ нѣжности къ своему господину, сколько изъ ревливой досады на госпожу, которой она не хотѣла уступить хорошенькаго гостя. Уже полученный отъ него утромъ подарокъ не могъ не тронуть ея чувствительнаго сердца, а ласковое обхожденіе Готтгольда окончательно ее обезоружило. Разумѣется, все это дѣлалось ради доброй барыни. Впрочемъ, легкому сердечку Рики

вовсе не казалось невозможнымъ согласить одно съ другимъ; пусть-бы только Готтгольдъ былъ съ нею какъ можно ласковѣе, любезнѣе,—она рѣшилась поработать и для него, тѣмъ болѣе, что вѣдь она могла только выиграть, если... хорошенькій гость увезетъ съ собою барыню....

Вѣда только въ томъ, что она уже не нашла Готтгольда на прежнемъ мѣстѣ—у наружной двери дома. Ну, да и продолжать тамъ бесѣду было очень неудобно. Каждую минуту можетъ ктонибудь врасплохъ застать. Въ передней тоже было не безопасно. Ужъ не ушелъ-ли онъ въ столовую?... Нѣтъ, тамъ его нигдѣ не видно. Заглядываетъ въ садъ—тамъ только шуршать, отряхиваясь, деревья. Куда-жъ это онъ дѣвался? Да гдѣ ему быть, какъ не въ своей комнатѣ, на верху,—должно быть, вещи забытыя розыскиваетъ.... Что-жъ, при этомъ пособить ему можно,—вѣдь онъ, бѣдненькій, въ потемкахъ ничего тамъ не разберетъ....

Хорошенькая Рика лукаво вздохнула, и мигомъ, кошачьими, неслышными шагами, взбѣжала по лѣстницѣ—въ комнату верхней надстройки, гдѣ ночевалъ прежде Готтгольдъ. Остановилась у двери, приложила руки къ разгорѣвшимся щекамъ, къ жарко заколыхавшейся груди, потомъ тихонько постучалась и, не дожидаясь никакого приглашенія, отворила дверь, замирая сердцемъ. Нѣтъ, оно, глупое, стучало по напрасну, щечки разгорѣлись тоже безъ нужды—комната была пуста. Она подходитъ къ окошку и въ ту-же минуту опять назадъ: тотъ, кого она искала, былъ тамъ, въ маленькомъ садикѣ,—медленно, осторожно куда-то пробирался подъ окнами, изъ которыхъ слабый, мерцающій свѣтъ падалъ на дремавшія деревья. И вдругъ скрылся куда-то, — ну, разужьется, дверью дѣтской комнаты къ ней,—куда-же больше?.. Вишь, штука какая,—кто могъ-бы ожидать этого отъ такихъ тихихъ да праведныхъ.... небось, сами уиѣли все на чистоту обдѣлать.... Нѣтъ, уже это—мое почтеніе!... Послѣ этого можетъ и вправду такъ случиться, какъ онъ уже говорилъ раза два.... какъ только, говорить, жена съ другимъ убѣжить, такъ, говорить, въ ту-же минуту и женюсь на тебѣ.... А все надо будетъ доложить ему... пусть ихъ захватить, голубчиковъ....

— Что такое, еще случилось?!.. горланилъ Гаясъ Редебасъ,

когда Брандовъ, окончивъ партію, всталъ изъ-за стола, второпяхъ извиняясь передъ гостями.

— Сію-же минутоу назадъ буду, успокоивалъ Брандовъ.

— Да, пожалуй, и мы передохнемъ, рѣшилъ Гансъ Редебасъ, — насторъ, налей-ка, братъ, чару!...

Брандовъ вышелъ изъ-за стола съ большою неохотою. Онъ опять выигралъ довольно крупный кушъ, и картежное суетвѣріе нашептывало ему, что теперь-то поворачивать фортуны спиной не годится. Но Рика подала ему, надъ черной головой Редебаса, таинственный знакъ, — вѣрно, случилось что-нибудь особенное.

Онъ вышелъ за дѣвушкой въ переднюю, оттуда въ комнату по лѣвую руку. Рика знакомъ убѣждала его, чтобы онъ переступалъ какъ можно тише. Подходятъ, наконецъ, къ узенькой двери, которая вела въ спальню Цециліи. Внизу, сквозь щель, пробивалась полоска блѣднаго свѣта.

Дѣвушка осторожно прислонилась къ стѣнѣ, у порога, и приложила ухо къ двери.

Брандовъ также весь обратился въ слухъ, нагнувшись впередъ. Можно было слышать только, что кто-то говоритъ, но что именно и кто говоритъ — ничего нельзя было разобрать. Да и къ чему это? Съ кѣмъ другимъ она могла бесѣдовать, какъ не съ нимъ?!.. И о чемъ другомъ они могли толковать между собою, какъ не о томъ, что должно быть тайною для другихъ?... Вотъ свѣтлая полоска обозначилась еще ярче — очевидно, они вошли въ спальню. Ревность, ядовитая злоба душили Брандова. Не ворваться-ли туда?... не задавить-ли обоихъ собственными руками.... и потомъ ихъ обнявшіяся тѣла предать общественному позору, оплеванію?!... Только Готтгольдъ не былъ прежнимъ слабенькимъ мальчуганомъ.... Исходъ борьбы съ нимъ, — одинъ на одинъ, — былъ, во всякомъ случаѣ, весьма сомнителенъ и притомъ.... ему, Брандову, вѣдь за это заплатили.... Позоръ, слѣдовательно, оставался на немъ одномъ.... и теперь уже поздно.... Лай собаки, заставившій его, вмѣстѣ съ своею помощницею, отскочить отъ двери, безъ сомнѣнія, предупредилъ также и влюбленную парочку.... въ комнатѣ онъ, навѣрное, уже никого не найдетъ.... Ну, да какого лѣшаго еще нужно: будто и такъ онъ не слышалъ совершенно достаточно....

— Что-жъ теперь-то? спросила Рика, когда они тихонько прошли назадъ и опять остановились въ передней.

— Ступай туда, къ нимъ, и скажи, что я сейчасъ приду, приказаль Брандовъ какимъ-то особенно зловѣщимъ тономъ.

— Ну, не такой-же онъ, какъ вы!... сказала Рика голосомъ самаго глубокаго убѣжденія и невольно поморщилась при этомъ. Она почти раскаявалась въ томъ, что сдѣлала.

Брандовъ презрительно захохоталъ.

— Ступай-же, говорятъ тебѣ! подтвердилъ онъ, сердито при-топнувъ ногою.

Дѣвушка ушла. Брандовъ вышелъ въ открытую наружную дверь и зорко сталъ приглядываться къ темнотѣ въ стихшемъ, просторномъ дворѣ. Дождь хлеснулъ ему въ лицо и вмѣстѣ съ дождемъ пахнуло ароматомъ родимаго княстера. Вблизи него, слѣва, передъ каменной скамьею свѣтилась огненная точка и чей-то хриплый голосъ окликнулъ:

— Таеъ какъ-же, запрягать, что-ли, будемъ?

Это былъ тотъ самый союзникъ, котораго онъ таеъ зорко вездѣ высматривалъ. Въ темной, грязной душѣ Брандова давно уже составился планъ подленькаго мщенія, и на этого-то человѣка онъ рассчитывалъ навязать роль исполнителя, тѣмъ болѣе, что именно онъ—какъ Брандовъ теперь представлялъ себѣ—и забросилъ въ его душу первый зародышъ этой благородной мести. Надо было, значить, довести дѣло до конца.

— Врядъ-ли онъ теперь захочетъ ѣхать.... дурной погодой, пожалуй, отговорится....

— Да другіе должны-же по домамъ!...

— Ну, и они тоже часто на ночь здѣсь оставались....

— Выпроводить ихъ по добру, по здорову....

Брандовъ на минуту призадумался.

— Если выиграю у нихъ еще двѣ-три сотни, сами уберутся, проворчалъ онъ,—но ему-то ты, гляди, приищи постель помягче...

— Таваю, чтобъ нырнулъ, да не вынырнулъ, хе, хе, хе.... засмѣялся Генрихъ.

Въ непроглядной душѣ Брандова вдругъ прояснилось, — точно ярко-красная, кровавая молнія загорѣлась на ночномъ небѣ. Именно этого слова онъ и ждалъ отъ вѣрнаго слуги, это-то ему и нужно было!...

— Бери, требуй за это, чего душа пожелает! проговорилъ онъ еще болѣе глухимъ голосомъ, чуть не задыхаясь отъ табачнаго дыма, пахнушаго на него изъ трубки Генриха.

— Ну, за смерть, ваша милость, у насъ не торгуются.... вотъ и за прежнюю штуку съ Браунлоккомъ я тоже заработалъ пять лудировъ.... хоть-бы половину получилъ до сихъ поръ....

— Да возьми, возьми, голубчикъ, съ живостью сказала Брандовъ, зашаривъ въ карманахъ, набитыхъ недавнимъ выигрышемъ, и отдавая ему, — сколько могъ захватить рукою.

— Да что говорить, баринъ-то вы все-таки добрый, одно слово, — добрый! ухмыльнулся Генрихъ, жадно сжимая деньги въ корявой рукѣ.

— То-ли еще будетъ, обдѣлай только!... заигрывалъ съ нимъ Брандовъ.

— Если не придете сейчасъ-же къ нимъ, то господа развѣхаться хотятъ! докладывала второпяхъ прибѣжавшая Рика. Она забыла притворить дверь игорной комнаты, и оттуда доносился сильный басъ господина Редебаса: „Брандовъ, эй Брандовъ, сюда!“ Потомъ грудной хохотъ послышался, и кто-то затянулъ весьма скрипучимъ голосомъ: „всѣ домой, всѣ домой, а я домой не пойдууу....“

— Ладно, всѣхъ выпровожу, други милые!... тихонько захихикалъ Брандовъ; — останься-ка здѣсь, Генрихъ....

— Ничего, время терпите, ваша милость.

Брандовъ вернулся въ игорную комнату.

— Однако, господа, господа.... вы ведете себя уже черезъ чуръ безцеремонно.... вѣроятно, полагая, что на это даетъ вамъ право случайное отсутствіе дамъ въ нашемъ обществѣ, но.... но.... язвительно заговорилъ Брандовъ, когда гости, съ поднятыми стаканами, встрѣтили его оглушительнымъ гамомъ, къ которому Густавъ фон-Плюггенъ присоединялъ свое картавое урррра...

— Какъ случайное, чортъ возьми! кричалъ Гансъ Редебасъ; — вовсе, братъ, не случайное.... ты сегодня знатныя аферы обдѣлываешь и слѣдовательно....

— Для чего-же другого у тебя и жена-то?... ввернулъ Отто фон-Плюггенъ.

— Господа, господа, я объясненія требую!... не на шутку

взбѣялся Брандовъ,—извините меня, я не потерплю, ни за что не потерплю, чтобы....

Но вдругъ голосъ его оборвался. Яростно повернувшись къ Отто фон-Плюгену, онъ увидѣлъ подлѣ него—Готтгольда, вѣроятно, вошедшаго въ комнату вслѣдъ за нимъ и слышавшаго все отъ слова до слова. Распространяться на эту тему въ его присутствіи было рѣшительно невозможно. Брандовъ сдѣлалъ надъ собой неслыханное усиліе, — подавляя ядовитую ненависть, закипѣвшую въ его сердцѣ, при видѣ этого человѣка, и даже обратился къ нему съ необыкновенной любезностью:

— Ахъ, да вотъ, наконецъ, и ты?... Скажи, Бога ради, куда ты отъ насъ прячешься?... Ну, и отлично сдѣлалъ, что пришелъ... теперь мы можемъ покончить съ игрою... страшно надоѣла....

— Надоѣла,—каковъ артистъ, скажите, пожалуйста, а!! кричалъ Гансъ Редebasъ: — забралъ съ насъ шестьсотъ талеровъ или около того, да и на попятный.... Это еще что за музыка, а?... Нѣтъ, милый, такъ не годится, честное слово....

— Кажется, всѣмъ вамъ былъ данъ реваншъ, такъ какъ-же вы смѣете!.. перекрикивалъ его Брандовъ, прикинувшись задѣтымъ за живое.

— Да послушайте, Брандовъ, вѣшался ассесоръ,—нельзя-же такъ придираться къ каждому слову.... Редebasъ вовсе не хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь обидное.... Ему просто желательно играть долѣе и—говоря совершенно откровенно—я не знаю, что-бы мы могли придумать лучше этого....

— Ну, если вы такъ полагаете, господинъ ассесоръ.... кажется, вѣдь и вы тоже въ выигрышѣ?...

— Бездѣлица какая-нибудь, — два-три талера, нѣсколько сконфузился ассесоръ.

— То и я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ этого, продолжалъ Брандовъ; — мнѣ казалось только, что мы могли-бы забастовать ради нашего пріятеля Готтгольда.... онъ, какъ вы знаете, не играетъ и до сихъ поръ все куда-то дезертируетъ изъ нашей компаніи.... то есть опять таки не столько ради него, сколько ради насъ самихъ, потому что мы въ немъ теряемъ несравненно больше, чѣмъ онъ въ насъ....

— Пожалуйста, господа, на мой счетъ нисколько не безпокойтесь и не стѣсняйтесь!.. отозвался Готтгольдъ.

— Такъ за столъ, господа, ради всей дьявольской команды! приглашалъ Гансъ Редебасъ, вооружаясь колодой картъ.— Только позвольте ужъ мнѣ банкъ держать, не безпокойтесь, найдется и у насъ лишняя копейка....

Онъ вынулъ лѣвой рукой изъ лежавшаго предъ нимъ бумажника кучу банковыхъ билетовъ и небрежно скомкалъ ихъ въ рукѣ; — только смотри у меня, Брандовъ, понтировать благопристойно.... а вамъ, господа, кажется, этого не зачѣмъ напоминать...

— Весьма и весьма прискорбно, но что съ ними подѣлаешь... надѣюсь, ты на это не сердишься, а?.. шепнулъ Брандовъ Готтгольду, и затѣмъ усѣлся къ игорному столу, на свое прежнее мѣсто. Готтгольдъ отошелъ назадъ, не особенно любезно отмахнувшись рукою, и волей-неволей вынужденъ былъ принять приглашеніе пастора, сидѣвшаго въ углу кожанаго дивана и указавшаго ему мѣсто въ другомъ углу. Когда Готтгольдъ усѣлся, достойный пасторъ немного придвинулся къ нему, не безъ нѣкоторыхъ усилий, и залебезилъ уже начинавшимъ путаться языкомъ:

— Да, да, любезнѣйшій другъ, въ грѣшномъ мірѣ мы живемъ, то-есть ужъ въ такомъ, я тебѣ скажу, грѣшномъ, что... но... и строгимъ черезчуръ быть тоже не годится, честное слово... Самъ посуди, работаютъ цѣлую недѣлю, какъ волы... то-есть, по крайней мѣрѣ, поселянъ своихъ заставляютъ работать... а въ воскресенье нельзя работать, ни... ни... подъ страхомъ огромнаго штрафа... Мы еще недавно... передъ началомъ жатвы... получили отъ ландрата предписаніе... строжайшее предписаніе... Что-же прикажешь дѣлать въ эти безконечные, воскресные часы... Праздность есть мать всѣхъ пороковъ, это всѣмъ извѣстно... Картишки, да пиво, да смазливенькая Рика... стаканъ, потомъ другой, потомъ третій, ну... что-жъ ты, голубчикъ, не выпьешь, а?.. Совершенно напрасно дѣлаешь, ей-богу, напрасно... потому—это я самъ пуншъ заваривалъ... по рецепту опытнаго хозяина, достойнѣйшаго графа Церникова... Когда еще я кандидатомъ былъ, болѣе трехъ сотъ бутылей имъ сфабриковалъ, честное слово... ну, и такъ наострился, что теперь съ закрытыми глазами могу, и выйдетъ первѣйшаго сорта, честное слово...

Послѣднія слова онъ долепеталъ уже совершенно неразборчиво. Отяжелѣвшая голова повисла впередъ, нижняя часть лица утонула въ складкахъ развязавшагося бѣлаго галстука, — и въ этомъ

интересномъ видѣ пасторъ всѣмъ тѣломъ отвалился въ уголь дивана.

На душѣ у Готтгольда стало невыразимо гадко.

Изъ этого господина вышло только то, чего можно было ожидать еще съ его ранней молодости. Маска ханжества была сорвана усердными возліаніями—и, вотъ, передъ нимъ тупая, наглая образина университетскаго гуляки и бурша, хорошо извѣстнаго Готтгольду. Да иначе вѣдь и быть не могло. Но этотъ жалкій паяцъ былъ вѣдь преемникомъ его отца, эта ощипанная сова сидѣла на мѣстѣ орла, вѣчно стремившагося къ чистотѣ и блеску солнца; этой каррикатурѣ, этой воплощенной пародіи на все порядочное въ человѣчествѣ было позволено звенѣть своими шутовскими побрякушками съ того амвона, откуда гласъ вопіющаго когда-то призывалъ людей къ нравственному облагороженію, очищенію,—вотъ что показалось Готтгольду почти личнымъ, глубокимъ оскорбленіемъ... И между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ какъ-разъ на своемъ мѣстѣ. Стадо было совершенно достойно своего пастыря. Всѣ были одного поля ягоды—точно-бы всѣхъ ихъ, цѣльной картиною, въ самыхъ яркихъ краскахъ и чертахъ набросала рука великаго художника!.. Здѣсь въ углу дивана—охмѣлѣвшій, мотавшій головою попъ, тамъ—багровыя, иснитыя фізіономіи картежниковъ, далѣе — соблазнительная, скоромная субретка, разносившая бойцамъ ставаны горячаго пунша то съ похотливой улыбкой, то съ клубничной остротою, то кокетливо ударяя того или другого по рукѣ, старающейся ухватить ее за пухлую руку — настоящая богиня этого храма разврата и грязи... И все это заносилось клубами густого, удушливаго табачнаго дыма, безпрестанно курившагося изъ всѣхъ ртовъ и грязныхъ, красноватыхъ кругами собиравшагося около нагорѣвшихъ свѣчекъ... И все это была не картина, а самая наглая, голая, пошлая дѣйствительность... И она... она осуждена жить подъ этой позорной крышей, этотъ оглушительный содомъ отдавался въ ея тихой комнатѣ, и сегодня — не въ послѣдній разъ!.. И подумать, что всѣ эти благородные негодяи, что этотъ грубый плебей, съ его корявыми руками и тупыми остротами, — что все это здѣсь составляетъ заурочное человѣческое общество... Когда-же вырвется она изъ этой компаніи плотоядныхъ фавновъ и сатировъ, что другое оцѣнется ей здѣсь, кромѣ сиротства и одиночества, лязгащаго ее

холодными, ядовитыми змѣиными глазами?.. Вонъ они—эти проклятые глаза: только-что отвернулись отъ картъ и украдкою быстро покосились на него изъ-подлобья... Каково-то выносить ихъ ея кроткимъ, милымъ, добрымъ глазамъ!..

Готтгольдъ уже не видѣлъ играющихъ. Ему представилась она,—въ одинокой дѣтской, возлѣ игрушекъ ея ребенка,—и въ этой трогательной задушевности, въ этихъ мягко и нѣжно обозначенныхъ чертахъ было еще такъ много чистаго, дѣвственнаго... Онъ видѣлъ, какъ грустное лицо слегка зарумянилось радостью, какъ оно опять помертвѣло отъ страха и мучительной тревоги,—онъ снова пережилъ всю сцену, которая и теперь представлялась ему одной мечтою,—потомъ задумался далѣе... задумался о будущемъ, которое, такъ или иначе, должно быть завоевано,—о будущемъ, полномъ свѣта, счастья, поэзіи...

Какъ долго просидѣлъ онъ въ этомъ раздумьи — Готтгольдъ самъ не могъ-бы сказать. Шумъ возлѣ игорнаго стола заставилъ его очнуться. Между тѣмъ, казалось, произошло что-то особенно серьезное. За столомъ сидѣли только Брандовъ и Гансъ Редебасъ,—всѣ прочіе встали съ мѣстъ и уткнули внизъ любопытныя лица, не исключая Рики, которая, сильно заинтересовавшись игрою, забыла ударить ассесора по рукѣ, схватившей ее за талию.

— Что-же, будемъ еще ставить? кричалъ Редебасъ.

— Буду.

— Гмъ, еще тысячу... значить, пять будетъ...

— Ну да, ну да, чортъ побери!!..

Настала мертвая тишина. Готтгольдъ слышалъ только шумъ картъ, бросаемыхъ Редебасомъ. Потомъ опять страшный гамъ поднялся, какъ прежде, когда онъ былъ такъ внезапно разбуженъ отъ своихъ мечтаний. На этотъ разъ публика раскричалась такъ громко, что даже пьяный пасторъ, пошатываясь, выползъ изъ своего угла. Готтгольдъ подошелъ къ столу. Первый взглядъ его упалъ на лицо Брандова,—оно было смертельно блѣдно. Тонкія губы плотно сжались, въ змѣиныхъ, ехидныхъ глазахъ сверкало даже что-то въ родѣ гадкой улыбки, когда онъ закричалъ, повернувшись къ подошедшему Готтгольду:

— Ну, братъ, знатно меня пощипали, ну, да... будетъ и на нашей улицѣ праздникъ...

— Только не сегодня! крикнулъ Редебасъ, положивъ карты

на столъ и записывая выигрышъ въ своемъ бумажникѣ:—на сегодня—слуга покорный!..

— Это еще что такое?.. удивился Брандовъ.

— А то, что я играть больше не хочу, громко захохоталъ Редебасъ, закрывъ бумажникъ и еле приподнимаясь съ мѣста.

— Я полагаю, что проигравшій имѣеть право прекратить игру, а не выигравшій...

— А если выигравшій боится затрудненій на счетъ получки... нѣтъ, слуга покорный!..

— Я требую объясненія! кричалъ Брандовъ, отталкивая столъ въ сторону.

— Да послушай, Брандовъ, перестань, что съ тобою!! уговаривали, перебивая другъ друга, Отто и Густавъ фон-Плюггены.

— Вы опять, что-ли, союзъ заключили? поддразнивалъ Брандовъ съ презрительнымъ смѣхомъ; потомъ продолжалъ, грозно подступивъ къ Редебасу:

— Объясненія требую... сію-же минуту!..

Великанъ отступилъ на одинъ шагъ.

— Ого, страшный какой!.. кричалъ онъ, — изволь, изволь, душа моя!..

— Ну, перестаньте-же, любезнѣйшій Брандовъ!.. успокоивалъ его ассесоръ.

— Прошу васъ не мѣшаться, господинъ ассесоръ, замѣтилъ Брандовъ, отталкивая его въ сторону,—я знаю, что дѣлаю...

— И я тоже! кричалъ Редебасъ, отворяя настѣжь окно; потому онъ загорланилъ во всю свою медвѣжью глотку: „Августъ, запрягать!..“

Послѣдовала страшная сумятица. Всѣ заговорили разомъ, другъ друга не слушая, такъ-что Готтгольдъ съ трудомъ могъ подхватить то или другое слово. Больше всѣхъ свирѣпствовалъ Гансъ Редебасъ, но, какъ казалось, столько-же отъ страху, какъ и отъ бѣшенства, тогда какъ Брандовъ, сравнительно, держалъ себя еще спокойно и всѣми силами старался отдѣлать всюду мѣшавшагося ассесора отъ трехъ другихъ, въ которыхъ присталъ теперь и пасторъ. У пастора, видимо, языкъ чесался произнести длинный-предлинный спичъ, и онъ уже раза два за него принимался, но далѣе воззванія: „мой возлюбленные друзья!“—дѣло у него рѣшительно не шло.

Три экипажа, уже давно запряженные терпѣливыми кучерами, подѣхали, наконецъ, къ дому. Споръ перешелъ изъ комнаты въ переднюю, изъ передней за наружную дверь, даже за дверцы подкатившихъ каретъ.

— Посмотримъ, голубчикъ, посмотримъ! безпрестанно выкрикивалъ Гансъ Редebasъ.—Эй ты, пасторъ, залѣзь уже?.. ну, такъ ѣдемъ-же, ѣдемъ ко всѣмъ чертямъ!.. А мы еще посмотримъ, пріятель!! заревѣлъ онъ еще разъ изъ дверцы, когда дюжія датскія лошади тяжело тронулись съ мѣста и мѣрной рысью побѣжали къ сѣверному выѣзду, откуда кратчайшая, но въ темнотѣ почти непроѣзжая дорога вела къ Далицу.

Между тѣмъ повздорили между собою и два милые братца—Отто и Густавъ фон-Плюггены. Въ экипажѣ Густава фонарей не было, и потому онъ объявилъ, что лучше добратся домой въ объѣздъ, тогда какъ Отто, захватившій съ собою фонари, хотѣлъ ѣхать слѣдомъ за Редebasомъ. Густавъ ладилъ сегодня съ своимъ братомъ ужь черезчуръ долго, и потому принялъ его противорѣчіе за явную и тяжкую обиду. У него на лбу, говорить, нѣтъ никакихъ стоговъ сѣна, чтобы ихъ можно было зажечь въ темнотѣ, а разнести себѣ черепъ о пни въ лѣсу—нѣтъ ни малѣйшей охоты. Ну, такъ пусть посвѣтитъ соломой въ своей глупой головѣ, да и ѣдетъ домой съ этой иллюминаціей, возражалъ Отто...

Такъ они и разѣхались—одинъ вправо, другой влѣво.

— Экій дуракъ набитый! покачалъ головою Брандовъ, провожая глазами экипажъ Густава фон-Плюггена.

— Одинъ-то проѣдетъ, а другой оплошаетъ, пожалуй...

— Ну, ты вѣдь мастеръ своего дѣла...

— Мало-ли что... а противъ несчастія все-таки не уберешься...

— Такъ, значить, ты сдѣлаешь это, а?..

— Да вамъ самимъ какъ-будто не хочется...

Брандовъ медлилъ отвѣтомъ; дѣло представлялось ему сначала гораздо легче.

Впрочемъ, къ чему-же сразу шею свернуть, можно-бы только руки, да ноги искалѣчить...

Онъ робко заглянулъ въ окошко. Свѣтъ падалъ прямо на красивое, серьезное лицо Готтгольда. Брандовъ заскрежеталъ зуба-

ми. „Нѣтъ, нѣтъ, этого будетъ мало... жизнь у него надо отнять, всю жизнь цѣликомъ!.. Подлый соблазнитель ничего другого и не стоитъ... и притомъ, гдѣ-же тутъ преступленіе?.. Мало-ли съ кѣмъ не можетъ случиться несчастія!..“

Вдругъ его всего какъ-будто передернуло какою-то внезапной мыслью. Объ этомъ онъ прежде вовсе не подумалъ. Затѣявъ споръ съ другими игроками, Брандовъ удачно помѣшалъ всей компаніи заночевать у него или, по крайней мѣрѣ, засидѣться до разсвѣта, что случалось довольно часто. Этой уловкой онъ отнял у Готтгольда всякій благовидный предлогъ также оставаться въ его домѣ, если-бы у него было это намѣреніе, въ чемъ Брандовъ, послѣ подслушиванья у двери, былъ твердо убѣжденъ. Нарочно удаляя ассесора отъ вмѣшательства въ споръ, онъ не допустилъ его ухвѣть съ другими,—въ приглашеніяхъ, конечно, недостатка не было,—такъ-какъ въ этомъ случаѣ жертва выскользнула-бы у него изъ рукъ; Готтгольдъ едва-ли согласи-ся-бы остаться одинъ, безъ ассесора. Но теперь... какимъ образомъ раздѣлить ихъ обоихъ?.. Останься здѣсь ассесоръ,—а онъ, вѣжеться, и не думалъ объ отъѣздѣ,—остался-бы также и Готтгольдъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ удобный къ тому предлогъ, а если выпроводить ассесора...

И опять окинулъ онъ ихъ обоихъ зловѣщимъ взглядомъ изъ-подлобья. Они стояли все на томъ-же мѣстѣ,—ассесоръ объяснялъ что-то Готтгольду, усердно жестикулируя. Готтгольдъ, судя по его гримасѣ и движеніямъ, повидимому, слушалъ ассесора безъ особеннаго удовольствія.

— Я привезъ ихъ сюда, такъ и отвезти ужъ тоже обоихъ приходится! замѣтилъ Генрихъ Шель, придавливая пальцемъ золу въ своей трубкѣ.

Обоихъ!.. Одного — съ величайшимъ удовольствіемъ, но что сдѣлалъ ему другой?!.. Вотъ ужъ именно воды не замутишь... Да еще черезъ него переданы также десять тысячъ талеровъ...

— Деньги—вещь хорошая, философски замѣтилъ Генрихъ, вытряхивая свою трубку,—жалко ихъ станеть, какъ въ болотѣ несчастье приключится... А все нужно-же экипажъ приготовить... да не лучше-ли заложить кобыль Юхена Кюта... нашихъ гнѣдыхъ, право, жалко...

Онъ ушелъ медленными шагами. Долго провожалъ Брандовъ

глазами его черную, малорослую фигуру, — хотѣлъ было назадъ позвать, сказать, чтобъ не запрягалъ, но изъ горла его вырвалась какая-то глухая, гадкая хрипота. Словно въ тяжеломъ чадѣ онъ весь зашатался, когда сошелъ съ мѣста, и долженъ былъ прислониться къ старой липѣ, въ густыхъ вѣтвяхъ которой зашуршала сильная, порывистая вѣтеръ. Дождь опять началъ падать и хлесталъ ему въ горячее лицо, тогда какъ дрожь и ознобъ пробирали его по всему тѣлу.

Что это, однако, за шумъ?.. А, это Генрихъ выкатываетъ экипажъ изъ сарая... Еще есть, значить, время!.. Но онъ ни передъ кѣмъ не проговорился ни полсловечкомъ!.. И если съ Генрихомъ приключится ночью несчастье на дорогѣ, — въ чемъ-же онъ, Брандовъ, тутъ виноватъ?!..

Готтгольдъ и ассесоръ оставались въ комнатѣ. Ассесоръ старался пространно доказать Готтгольду, что Брандовъ былъ совершенно правъ, когда настаивалъ, чтобы игра продолжалась, но неправъ былъ только тѣмъ, что высказалъ это желаніе такимъ требовательнымъ тономъ. Не слѣдовало ему все-таки забывать, что онъ — хозяинъ, и потому долженъ снисходительно относиться даже къ капризамъ гостей.

Послѣднюю часть своей длинной-предлинной тирады ассесоръ произнесъ тономъ поученія, — отчасти обратясь уже къ вошедшему въ комнату Брандову, забывшему подойти къ напиткамъ и опорожнить до дна два стакана.

— Дѣйствительно, мнѣ пришлось вдоволь пройтись на счетъ снисходительности, и остается только поблагодарить васъ, господинъ ассесоръ, что вы до настоящей минуты продолжаете изощрять во мнѣ эту добродѣтель...

Тонъ этихъ словъ и дерзкіе жесты, съ какими Брандовъ подступилъ къ ассесору, были до того странны и обидны, что несчастный ассесоръ сразу отрезвѣлъ и глупо выпучилъ глаза на свирѣпаго Брандова, который шагнулъ еще ближе впередъ и шепнулъ ошоропѣвшему гостю:

— Позвольте васъ спросить, милостивый государь, какъ прикажете мнѣ относиться къ гостямъ, которые позволяютъ себѣ такъ безцеремонно охуждать поведеніе хозяина, въ присутствіи прислуги?..

Онъ указалъ на Рибу, подъ надзоромъ которой другая слу-

жанка и грумъ Фрицъ убирали со стола стаканы и подметали валявшіеся по полу черепки.

Ассесоръ весь вспыхнулъ.

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините, нѣтъ... горячился онъ, — вы, господинъ Брандовъ, были такъ любезны, что и для обратнаго пути предложили мнѣ экипажъ... Очень сожалѣю, что я не воспользовался приглашеніемъ вашихъ другихъ гостей, и теперь долженъ просить васъ отправить меня обратно... Надѣюсь, мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Готтгольдомъ?..

— Да, я полагаю, что Брандовъ противъ этого ничего не имѣетъ...

— Сдѣлайте одолженіе, господа... и затѣмъ имѣю честь кланяться!..

Они разстались съ холодной вѣжливостью. Нѣсколько минутъ спустя тотъ-же легкій голштинскій экипажъ, въ которомъ оба они пріѣхали сюда, пробирался по ухабистой плотинѣ—среди непроглядной, завывающей ночи.

На козлахъ сидѣлъ Генрихъ Шель.

XXI.

Было, можетъ быть, уже около десяти часовъ. Луна давно должна была подняться надъ горизонтомъ, такъ какъ лѣто стояло тогда въ срединѣ,—а между тѣмъ кругомъ залегла такая густая темнота, какъ въ безлунную, осеннюю ночь. Осеннимъ холодомъ вѣялъ вѣтеръ надъ чисто-убранными пажитями, осеннимъ холодомъ хлесталъ дождь въ лицо обонимъ спутникамъ, падая болѣе и болѣе чистыми каплями.

— Вы бы застегнулись плотнѣе, посовѣтовалъ Готтгольдъ своему товарищу, спокойно ѣздившему взадъ и впередъ на своемъ мѣстѣ;—вышли-то, кажется, разгорячившись...

— Да потому, что цѣлый вечеръ былъ застегнуть, отозвался ассесоръ,—то-есть буквально зашнурованъ... съ этими проклятыми десятью тысячами, вотъ тутъ—въ боковомъ карманѣ... А ужъ какъ тѣсно на душѣ было — и не спрашивайте... Не можете-ли хоть вы, любезный другъ, сколько-нибудь объяснить мнѣ загадочное поведеніе Брандова?.. Вѣдь онъ чуть въ шею меня не вы-

толкать, стуломъ дверь заставилъ... И за что, смѣю спросить?! Просто уму непостижимо? Цѣлый-то вечеръ были, кажется, душа въ душу... все обстояло между нами совершенно благополучно... И еще послѣ того, какъ отсчиталъ до копеечки эдакую огромную сумму, что, говоря откровенно, еще болѣе сбиваетъ меня съ толку... Отъ Вольнова, говорить, досталъ денегъ... Стало быть, Вольновъ меня одурачилъ; а?... Но ради чего-же, зачѣмъ?.. То-есть, ей-богу, все это для меня такъ-же темно, какъ и здѣсь въ каретѣ... пальцевъ своихъ не видишь!!

— А мѣсяць, ужь съ часъ будетъ, какъ взошелъ... замѣтилъ Генрихъ Шель.

— Вѣрно, поэтому ты и фонарей не догадался прицѣпить, а?..

— Да вотъ господинъ фон-Плюггенъ тоже безъ фонарей поѣхалъ...

— Ужь не полагаешь-ли ты, пріятель, что твоя трубка будетъ достаточно свѣтить, а?..

— Зачѣмъ тутъ курить, — обождемъ маленько...

— Точно, что обождать лучше... нельзя сказать, чтобъ твой кнастеръ былъ особенно пріятенъ для моего обонянія...

— По одежкѣ, сударь, протягиваютъ ножки, проворчалъ Генрихъ Шель, вытрухивая изъ трубки тлѣющія искры, развѣваемые въ темнотѣ вѣтромъ. Онъ спряталъ трубку за пазуху.

— Не этотъ-ли самый паренъ привезъ насъ сюда?.. тихонько спросилъ ассесоръ.

— Именно онъ, отвѣчалъ Готтгольдъ, — и я бы посоветовалъ вамъ соблюдать съ нимъ ту-же осторожность, какую мы сочли нужною, когда сюда ѣхали.

Но ассесоръ не былъ расположенъ послѣдовать совѣту Готтгольда. Сцена съ Брандовымъ отрезвила его на короткое время, но на холодномъ ночномъ воздухѣ, со свистомъ врывавшемся въ щели экипажа, хмѣль разобралъ его еще сильнѣе. Ассесоръ принялся ругать Брандова: постоянно, говорить, стоялъ за него горою передъ владѣльцами имѣнія... еслибъ не онъ, ассесоръ, то Брандова еще въ прошломъ году выпроводили-бы на всѣ четыре стороны, — а онъ, вмѣсто благодарности, вотъ какую затѣялъ съ нимъ скандальную исторію. Но теперь, говорить, конецъ всей дружбѣ между нами, — пусть поищетъ себѣ другихъ заступниковъ. А прибрать его въ рукавъ и теперь не

поздно. Аренду такъ или иначе приходится возобновлять. Положимъ, Брандовъ заплатилъ, но можно-ли слишкомъ довѣрять человѣку, который, находясь въ такомъ критическомъ положеніи, не побоялся еще сдѣлать карточный долгъ въ пять тысячъ талеровъ?!.. Стоитъ только выставить это на видъ конторѣ имѣнія— и Брандовъ погибъ... Ужь не думаетъ-ли Брандовъ гарантировать контору своимъ знаменитымъ Браунлоккомъ... Эхъ, въ самомъ дѣлѣ, разнесился съ своимъ Браунлоккомъ—во всѣ стороны бѣднаго суетъ!.. До окончательной побѣды еще далеко... и теперь на скачкахъ стало построже... Еще въ прошломъ году молодого Клебеница,—а вѣдь онъ, какъ-бы то ни было, обладатель маіората,— да, такъ и его даже не допустили къ состязанію... только за то, что онъ заплатилъ какой-то долгъ по картамъ двадцатью четырьмя часами позже срока... Редебасъ получилъ отъ Брандова пять тысячъ векселями... ну, а еще вилами писано, будутъ-ли они лежать чистоганчиномъ въ его конторкѣ до двѣнадцати часовъ завтрашняго числа...

Напрасно Готтгольдъ старался остановить говорливаго ассесора; ему было поэтому несовсѣмъ непріятно, когда спутникъ его, пробормотавъ еще что-то ни къ селу, ни къ городу, отвалилъ въ уголь охмѣлѣвшую голову и, казалось, готовился задать знатную высылку. Готтгольдъ прикрылъ ему колѣни своимъ одѣяломъ, поднялъ воротникъ шинели и весь отдался своимъ размышленіямъ, угрюмо вглядываясь въ ночную темноту. Поведеніе Брандова показалось ему совершенно непонятнымъ. Что побудило его такъ дерзко обойтись съ ассесоромъ,—съ человѣкомъ, расположеніемъ котораго онъ имѣлъ всѣ причины дорожить?! Тоже подъ хмѣлкомъ былъ?! Однако, хмѣль этотъ потомъ какъ рукой сняло... во всякомъ случаѣ, какъ-то сразу онъ преобразился въ ненависть, прикрывшуюся маской холодной вѣжливости... Или, можетъ быть, все это былъ... камешекъ въ его огородъ, а? Что если, въ самомъ дѣлѣ, Брандову ужъ такъ захотѣлось выпроводить изъ дому своего недруга, что онъ даже рѣшился пожертвовать для этого дружескими связями съ весьма нужнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ? Это было, конечно, такъ просто по-человѣчески и такъ мало согласовалось съ холодной расчетливостью этого барина, что... но если здѣсь не было ни пьяной забывчивости, парывающей на

скандалъ, ни ненависти, невольно выступившей наружу, — такъ что-же это, наконецъ, такое было?..

А если это было, въ самомъ дѣлѣ, ненависть, которая ищетъ удовлетворенія во что-бы ни стало?!.. Если ненависть эта мѣтила на столько-же на нее, какъ и на него... или, можетъ быть, даже на нее больше?!.. Вѣрно, негодяй хотѣлъ всѣхъ выгнать, всѣхъ... чтобъ дать вольный исходъ своей звѣрской, подлой ненависти, потѣшить себя долго сдерживаемой местию... что, если?!..

Готтгольдъ дико подскочилъ на своемъ мѣстѣ, громко простоналъ и опять отвалился назадъ, мысленно обругавъ свою фантазію, создававшую такіе ужасы. Что могло быть невѣроятнѣе всего этого?!.. Вѣдь онъ вчера умѣлъ сломить гордость своей благородной жены, — какими средствами, про то Богъ одинъ вѣдаетъ, — но дѣло въ томъ, что онъ былъ сверху, онъ торжествовалъ — чего же ему еще?!.. Допуская даже, что онъ остался не совсѣмъ довольнымъ, — вѣдь ему, великому алхимику, былъ извѣстенъ секретъ, какъ и откуда доставать деньги, золото дѣлать... А какъ скоро понадобится ему это искусство — показалъ нынѣшній вечеръ. Будто вода остается между пальцами?.. Будто деньги залежатся въ карманѣ картежника?.. Да, второй братецъ Бославъ вѣрно угадалъ, совершенно вѣрно.

Но чѣмъ болѣе Готтгольдъ старался убѣдить себя въ невѣроятности, физической невозможности всѣхъ этихъ ужасовъ, тѣмъ болѣе они его мучили, кололи ему глаза... Вотъ онъ видитъ... какъ Брандовъ крадется въ ея комнату, какъ онъ тихо, тихо отворяетъ дверь и — къ ея постели... Господи милосердый, что это, что это?!.. Да, кто-то назвалъ его по имени, но такимъ пронзительнымъ, такимъ нечеловѣческимъ крикомъ...

Нѣтъ, это была опять игра его встревоженнаго воображенія. Вѣрно, сову какую-нибудь занесло бурей въ чистое поле, и вотъ она, въ своемъ неслышномъ полетѣ, пронеслась у него надъ головой, сама испугалась и вскрикнула. Ну, да, конечно, это или что-нибудь подобное...

Конечно, конечно... а между тѣмъ воображеніе продолжало свою жестокую игру также неотвязчиво. Буря-ли глухо завоетъ надъ голой степью, зашелестятъ-ли низкіе кусты о бокъ дороги, колесали, съ трудомъ поворачиваясь въ ухабахъ, скрипнуть какъ-нибудь громче или храпнуть умаявшаяся лошадь, — фантазія живо подхва-

тывается эти глухіе звуки и передѣлываетъ ихъ въ страшные слова и стоны... и чудится Готтгольду, точно это степные призраки воютъ и стонутъ вокругъ него, шныгая по мокрымъ холмамъ, между которыми чуть просвѣчиваютъ сѣроватяя каменные глыбы, или убѣгая куда-то въ непроглядную тьму, вѣющую холодомъ и сыростью съ далекой-далекой трясинны...

Дорога давно уже поднималась вверхъ и, по соображеніямъ Готтгольда, имъ пора уже было взобраться на вершину покатаго спуска. Вдругъ лошади сильно захрапѣли и остановились.

— Что тамъ еще такое? спросилъ Готтгольдъ.

Генрихъ Шель отвѣчалъ только парочку громко щелкнувшихъ ударовъ бича; лошади пошли впередъ, но, сдѣлавъ шага два, опять остановились, храпя и фыркая еще пугливѣе, и съ силою пятясь на экипажъ, нѣсколько откатившійся внизъ по отлогости.

— Ну, да и влячи анафемскія!.. ругнулся Генрихъ Шель, но уже не съ своего мѣста, а съ правой стороны экипажа.

— Да что тамъ такое, наконецъ?! закричалъ Готтгольдъ, высунуваясь наружу...

— Ничего, помилуйте, успокоивалъ Генрихъ. — лошади немного заупрямились... сидите себѣ спокойно, ваша милость. Эй вы—ну, одры проклятыя—ну!.. Ничего, я сейчасъ справлюсь... сидите, ваша милость... вотъ мы сію минуту наверхъ векарабаемся... Ну, ну, а тутъ еще бичъ оборвался... о, будь ты проклятъ!.. Генрихъ, до сихъ поръ, какъ полумумный, хлеставшій лошадей, вдругъ куда-то скрылся. Несчастныя лошади въ ужасѣ рванулись еще раза два впередъ... и вдругъ экипажъ сталъ наклоняться на лѣвую сторону.—ниже, ниже... Быстрѣй молнія въ Готтгольдѣ рождается мысль, что если экипажъ опрокинется въ этомъ мѣстѣ, то они кубаремъ полетятъ футовъ на шестьдесятъ внизъ по спуску—въ страшное болото... Онъ взялся уже за дверцы, чтобы спрыгнуть на право, — но не хочется оставить погибать товарища. А тотъ разлегся безчувственной колодой и не пошевельнется. Готтгольдъ схватываетъ его обѣими руками, заноситъ ногу изъ экипажа. Но... уже поздно!.. Раздается глухой трескъ, шлепанье, стукъ,—точно-бы земля растворилась настезь, чтобъ сразу поглотить экипажъ, лошадей и людей. Въ ухахъ проносится рѣзущій, пронзительный свистъ вѣтра, шумъ,—потомъ чудовищный толчекъ, экипажъ летитъ стремглавъ, дверцы хлопаютъ, колеса вертятся,—

потомъ опять страшный ударъ, трескъ, грохотъ, плескъ и... конецъ всѣмъ ужасамъ!!..

XXXII.

Большая, съ комфортомъ убранная гостиная, смежная съ конторой, слабо освѣщена двумя великолѣпными лампами—на столѣ передъ диваномъ и на консолѣ зеркала, въ глубинѣ комнаты. Въ гостиной сидятъ: Оттилія Вольновъ и Альма Зелліенъ. Оттилія занята какимъ-то изящнымъ узоромъ, тогда какъ Альма, скрестивъ на груди тоненькія руки, небрежно покоится въ углу дивана. Возлѣ дамъ, на стулѣ съ высокими ножками, была уставлена картина Готтгольда, изображавшая Долланъ. Картина была обращена къ свѣту, и Альма, отъ времени до времени, останавливала на ней одинъ изъ своихъ томныхъ, мечтательныхъ взглядовъ. Дамы ожидали возвращенія ассесора съ его спутникомъ; Альма готовила Готтгольду пріятный сюрпризъ, —хотѣла показать ему, какъ живо она интересуется его картиной, которая, по ея просьбѣ, была снята со стѣны и, также въ угоду ей, до сихъ поръ оставалась на стулѣ.

— Только какъ-бы она не соскользнула... нечаянно можетъ на полъ упасть! замѣтила Оттилія, и притомъ я вовсе не такъ твердо увѣрена, что они пріѣдутъ сегодня...

— Я, право, не знаю, что общаго между пріѣздомъ этихъ господъ и моимъ художественнымъ удовольствіемъ, поморщилась Альма, заслоняя глаза рукою и съ еще большимъ интересомъ, какъ казалось, вглядываясь въ картину:—въ самомъ дѣлѣ, какъ живо обозначены здѣсь, на переднемъ планѣ, эти буквенныя деревья... какъ легко глазъ переходитъ далѣе, ко второму плану, сладко, спокойно отдыхаетъ здѣсь и потомъ... потомъ весело выбирается по этому бугру или... уплываетъ въ эту сияющую даль моря... прелесть!!..

Оттилія засмѣялась.

— Ты, конечно, все это перескажешь ему самому, да?..

— Почему-же и не такъ?.. подтвердила Альма: — всякому должно воздавать по заслугамъ...

— Особенно, если этотъ „всякій“ такой-же хорошенькій молодой человѣкъ, какъ Готтгольдъ...

— Гмъ, я и пяти минутъ сегодня не пробыла съ нимъ... не приглядывалась...

— Ну, и этого совершенно достаточно для такой гениальной цѣнительницы... А признайся, Альма, ты просто-таки очарована и... можетъ быть, не такъ строго будешь судить теперь о бѣдненькой Цециліи, если... если она имѣла несчастье подумать, что этотъ юноша вовсе не противень,—правда, вѣдь?..

— Видишь-ли, я привыкла относиться къ этимъ вещамъ весьма строго, продекларировала Альма, — да, другъ мой, очень строго, какъ ты ни старайся съѣсть меня своими насмѣшливыми глазами... Впрочемъ, откровенно признаться, мнѣ рѣшительно все равно, что твоя бѣдненькая Цецилія думаетъ и чего не думаетъ... Не хотѣлось-бы мнѣ только окончательно потерять вѣру въ хорошій вкусъ мужчинъ, а это... это неизбежно, если этому господину, въ самомъ дѣлѣ, приглянулась твоя бѣдненькая Цецилія...

— Послушай, однако, душечка Альма...

— Нѣтъ, ужъ лучше ты, душка Оттилія, позволи относительнаго этого предмета оставаться при своемъ... А вотъ расскажи-ка мнѣ... Послѣ того, какъ я лично съ нимъ познакомилась, это интересуетъ меня гораздо болѣе... да, такъ не знаешь-ли ты чего-нибудь изъ его жизни?.. Мой Гуго увѣряетъ, что онъ почти милліонеръ... Въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ богатъ? И какими путями разбогатѣлъ? Если вѣрить Гуго,—тутъ цѣлая исторія, весьма таинственнаго характера... впрочемъ, это онъ обыкновенно говоритъ, когда самъ ничего не знаетъ... Что тутъ за таинственности?..

— Никакихъ, увѣряю тебя, отозвалась Оттилія,—правда, нѣсколько печальная исторія,—вотъ и все... Когда Эмиль рассказывалъ мнѣ ее не такъ давно,—а прежде-то у насъ и рѣчи объ этомъ никогда не было,—я... даже расплакалась...

Оттилія отерла темныя рѣсницы, на которыя опять навертывались слезы.

— Весьма, весьма любопытно! улыбнулась Альма,—какимъ это образомъ можетъ быть печальна исторія, финаль которой—полумилліонная радость!!

— Ну, положимъ, столько не наберется, замѣтила Оттилія,—и вообще, мой дружокъ, подробностей отъ меня не требуй... мой

Эмиль, въ своемъ разсказѣ, былъ тоже... какъ-бы выразиться,— ну, очень скромнень, что-ли, ради тѣхъ соображеній, на которыя я намекала тебѣ сегодня утромъ,—ну, и я тоже, по тѣмъ-же соображеніямъ, боялась прискучить ему разспросами... Какъ хочешь, мой другъ, а старыя сердечныя царапинки надо уважать и подавать видъ, будто считаешь ихъ за глубокія язвы...

— Что, что такое? Что за царапинки?!. удивилась Альма.

Оттилія засмѣялась.

— Да это, видишь, я такъ называю воспоминанія нашихъ почтенныхъ супруговъ объ ихъ прежнихъ любовныхъ интрижкахъ,— надо видѣть, съ какою забавною сентиментальностью они скрываютъ свои старинныя вздохи и, такъ сказать, прячуть ихъ подъ сюртуками, чтобъ не испугать насъ блескомъ того, чего ужъ не воротншь, ха, ха, ха... Мы, конечно, женщины добрыя, хорошія, но... куда-же намъ тягаться съ тѣми поэтическими героинями?! Ужъ мы по этой части, разумѣется...

— Извини, дружокъ Оттилія, но ты, кажется, хотѣла разсказать, какимъ образомъ Готтгольдъ пріобрѣлъ такое огромное состояніе...

— Одно съ другимъ, милая моя, находится въ самой тѣсной связи, отозвалась Оттилія:—сердечная царапинка... то есть прежняя зазнобушка моего добраго Эмиля и маменька Готтгольда— одна и та-же особа... Можетъ быть, и, въ самомъ дѣлѣ, я веду всѣ свои разсказы съ конца, какъ увѣряетъ Эмиль, ха, ха, ха! Ну, теперь, въ видѣ исключенія, будемъ говорить съ начала,— съ чего-бы, однако, ухитриться?..

— Напримѣръ, разсказывай, кто именно была эта барыня.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... ты, душечка, отличный суфлеръ... Да, такъ кто она была, сказать тебѣ?.. Единственная дочь хорошихъ родителей... отецъ ея былъ богатый купецъ въ Штеттинѣ... по имени Регинальдъ Ленцъ, а мать... ну, я ужъ не помню, какъ мать-то звали... Но вѣрно то, что она была предобрѣйшей души существо и нѣжно любила своего мужа... даже черезъ чуръ нѣжно, можетъ быть... Весьма можетъ статься также, мужъ этотъ былъ молодецъ изъ молодцовъ, потому всѣ въ одинъ голосъ называли его „коротенькимъ Ленцомъ.“ Только избалованъ былъ ужъ очень, какъ и всѣ господа этого разбора... Женившись, онъ продолжалъ свою прежнюю безалаберную жизнь, это

само собою разумѣется. Да къ этому еще могли случиться какія-нибудь двѣ-три неудачныя спекуляціи,—однимъ словомъ, спустя два года, господинъ Ленцъ прогорѣлъ или, по крайней мѣрѣ, былъ весьма близокъ къ банкротству, и въ книгахъ у него было не такъ какъ-бы слѣдовало... Не желая пережить позора... я тебѣ говорю, ужасно даже представить себѣ все это... онъ весело прощается съ женою... можетъ быть, говорить, хоть на охотѣ голова отдохнетъ отъ всѣхъ этихъ глупѣйшихъ счетовъ... а къ вечеру его, бѣдненькаго приносятъ съ размозженнымъ черепомъ... можетъ-ли быть что-нибудь ужаснѣе, а!..

— Ну, дальше, дальше, проговорила Альма.

— Дальше тоже было нисколько не лучше. Молодая жена, конечно, ни мало не подозрѣвала его отчаяннаго положенія, а то едва-ли отпустила-бы отъ себя въ такую минуту... И вдругъ передъ нею трупъ мужа,—несчастная уже ничего не помнила, началась сильная горячка—у ней подъ сердцемъ бился уже второй ребенокъ,—дня черезъ два ея не стало!!.

— Какая неосторожность! замѣтила Альма.

— Маленькая Марія, когда ей окончилось пять лѣтъ...

— Фи, северное имя! поморщилась Альма.

— Я не нахожу... и во всякомъ случаѣ, если вѣрить Эмилю, дѣвочка съ этимъ именемъ была далеко не дурнушка. Говоря совершенно откровенно, я думаю, что здѣсь онъ нисколько не преувеличиваетъ и что изъ дѣвочки съ теченіемъ времени вышла очаровательная дѣвушка, которой не стоило большого труда вскружить голову бѣдному двадцатилѣтнему юношѣ, какимъ былъ тогда мой Эмиль. И не только ему одному, но и всѣмъ, безъ исключенія, молодымъ людямъ въ той конторѣ. Ахъ, да, вотъ чуть было не позабыла сказать тебѣ, что бѣдненькая сиротка пріютилась въ домѣ своего дяди—родного брата несчастнаго отца. Это былъ человекъ необыкновенно крутой, уродъ собой, страшный формалистъ, но за то опытный дѣлецъ, вышедшій изъ старой школы, какъ отзывается объ немъ мой Эмиль.—Эмиль, надо тебѣ сказать, дослужился тогда уже до старшаго конторщика.—Жена была, какъ говорятъ, настоящая пара для своего муженька—не уступала ему ни въ безобразіи, ни въ крутости нрава, и ты можешь, конечно, легко догадаться, что бѣдной дѣвушкѣ жилось въ этомъ домѣ не очень сладко.

— Несмотря на воздыхателей?!

— Даже несмотря на нихъ... Отъ отца она наслѣдовала нѣсколько надменный характеръ... отецъ ея тоже постоянно любилъ въ гору лѣзть...

— Можетъ быть, и сама-то она хорошенько не знала, чего ей хотѣлось...

— И то можетъ быть.—Во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ увивавшихся за нею молодыхъ людей не удостоился ея вниманія, развѣ одинъ Эмиль немножко... но онъ увѣряетъ, что это потому только, что онъ былъ единственный еврей въ той конторѣ и, слѣдовательно, его такъ сказать, въ счетъ не принимали... ты знаешь, можетъ быть, что лѣтъ тридцать тому назадъ положеніе евреевъ было еще нѣсколько хуже и обиднѣе, чѣмъ теперь, хотя, можетъ быть, и теперь оно не Богъ знаетъ насколько поправилось... Но наиболѣе холодно очаровательная Марія отнеслась къ тому, кто по своей внѣшней обстановкѣ могъ питать самыя смѣлыя надежды, то есть къ своему кузену Эдуарду, единственному сыну ея дяди. Это былъ необыкновенно смиренный, робкій молодой человѣкъ, влюбившійся въ нее безъ памяти. Эмиль говорить, что онъ до сихъ поръ не можетъ безъ слезъ вспомнить, какъ бѣдненькій Эдуардъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, приходилъ повѣрять ему свое сердечное горе... но не въ пышныхъ фразахъ и жалобахъ... это было не по его части... а эдакъ смирененько, тихо, покорно...

— Охъ, ужъ не люблю я этихъ смирененькихъ мужчинъ, вернула Альма.

— Да, они рѣдко бываютъ въ выигрышѣ, какъ и показали примѣръ бѣднаго Эдуарда. Впрочемъ, Марія приглянулась и людямъ другого разбора, далеко не такимъ смирененькимъ и покорнымъ... Тутъ были и офицеры, и бароны, и графы... всякіе были. Однимъ словомъ, это была диковинка цѣлаго города, идолъ всей молодежи... но на всѣхъ-то глядѣла она, гордо, свысока... словно солнце красное на скучный туманъ...

— Гмъ, опять въ поэзію ударились, попрекнула Альма.

— Это сравненіе Эмиля, а онъ всегда дѣлается изъ рукъ вонъ поэтиченъ, какъ только заговорить о ней... нашедшей, наконецъ, своего суженаго...

— Деревенскаго пастора, ха, ха, ха!.. Поэтично, нечего сказать!! *Tant de bruit pour une omelette...* засмѣялась Альма.

— Позволь, мой другъ, онъ былъ вовсе не яичница, а положительно необыкновенный человѣкъ, такъ-же точно сводившій съ ума всѣхъ женщинъ, какъ она всѣхъ мужчинъ... И не однихъ только женщинъ; очень много мужчинъ,—и притомъ не изъ самыхъ дюжинныхъ—чуть не на рукахъ его носили,—между прочимъ, и мой Эмиль: съ тѣхъ поръ, какъ онъ окрестился передъ нашей свадьбой, его нога не была ни въ какой церкви, а тогда онъ,—замѣть себѣ, еще еврей,—каждое воскресенье ходилъ къ утренней службѣ послушать молодого проповѣдника или кандидата въ проповѣдники, — такъ, кажется, это называется... Весь городъ, буквально весь, собирался на проповѣди. Довольно просторная церковь не могла вмѣстить все это многолюдство: цѣлыя толпы стояли въ дверяхъ, даже за дверьми, чтобъ только взглянуть на него хоть однимъ глазкомъ... Ну, однимъ словомъ, суженымъ оказался молодой пасторъ... Какъ ужъ они между собою познакомились—не умѣю тебѣ сказать... да это вовсе не важно. Свидѣлись и полюбились,—все это было у нихъ сразу. Родные невѣсты, вещь понятная, сами рады были сбыть ее изъ дому, ради своего сына Эдуарда, и съ перваго-же слова дали свое согласіе, несмотря на то, что въ рамминскомъ приходѣ, куда его назначили пасторомъ, можно было самымъ удобнымъ образомъ околѣть съ голоду... Такъ вотъ они и выѣхали изъ Штетина,—сюда, въ Рамминъ, потомъ...

— Довольно, перебила Альма,—исторія кончена... и кончается она такъ-же, какъ и всѣ подобныя исторія, начинающіяся такими пышными предисловіями,—кончается жалкой будничной прозой... Я, однако, все-таки не вижу отсюда, какимъ образомъ Готтгольдъ пріобрѣлъ свой полу-милльонъ...

— Да кто тебѣ говорить о полмилльонѣ?! улыбнулась Оттилія, — всего-то на все около сотни тысячъ талеровъ, по счету Эмиля... И отъ кого другого онъ могъ получить ихъ, какъ не отъ добраго Эдуарда, который во всю жизнь не хотѣлъ жениться, несмотря на то, что могъ-бы составить блестящую партію, какъ богатый наслѣдникъ... Нѣтъ, онъ остался до гроба вѣренъ своему первому юношескому чувству; передъ смертью назначилъ свое огромное имущество для благотворительныхъ цѣлей, а что оста-

валось сверхъ того—завѣщалъ сыну своей кузины, какъ своему ближайшему наслѣднику...

— Гмъ, да, сюрпризъ вышелъ, должно быть, очень пріятный... замѣтила Альма.

— Еще-бы не пріятный, хотя... хотя я все-таки продолжаю думать, что деньги не приносятъ счастья... Ну, разумѣется, теперь онъ человѣкъ богатый, по крайней мѣрѣ, обеспеченный. Но какая для него, лично для него, изъ того отрада?.. Почти никакой. Въ контору Эмиля, еще передъ нашей свадьбой положены его деньги,—съ тѣхъ поръ, благодареніе Богу, Эмиль не нуждается въ чужой помощи,—десять тысячъ, кажется, или около того... и Готтгольдъ какъ будто совсѣмъ про нихъ забылъ... Есть у него и еще капиталъ, въ штеттинской конторѣ... дѣла-то ведутся подъ старой фирмой, да деньги тамъ не въ благонадежномъ мѣстѣ... Но Готтгольдъ даже процентовъ не беретъ,—развѣ захочетъ помочь какому-нибудь неимущему художнику... или поощрить юные таланты,—стипендію, что-ли, выдать въ академіи или дать на проѣздъ въ Италію, словомъ, для чего-нибудь въ этомъ родѣ. А ему самому не нужно, своими силами онъ можетъ заработать весьма легко, сколько захочетъ... и притомъ это такой вполне хорошій человѣкъ, что помочь другому для него обратилось въ потребность... Конечно, это имѣетъ свою худую сторону...

— Какимъ образомъ?..

— Да почему-бы ему не жениться? За невѣстами, кажется, дѣло-бы не стало, а ему уже двадцать восемь лѣтъ!.. Я серьезно побаиваюсь, что и онъ останется на всю жизнь холостякомъ, какъ его дядя въ Штеттинѣ... и по тѣмъ-же причинамъ!.. Для кого онъ бережетъ деньги—я почти угадываю... Мы слышали уже сегодня утромъ, въ какомъ отвратительномъ положеніи находится Брандовъ... и Готтгольдъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, хорошо поступаетъ... Отъ отца и матери бѣдненькой Гретхенъ едва-ли что-нибудь останется...

— Полно, сумасшедшій онъ, что-ли?! сдвинула плечами Альма.

— Тоже говорили когда-то и о добромъ Эдуардѣ Ленцѣ. А знаешь-ли, что я думаю... только ты, смотри, не проговорись передъ своимъ мужемъ... я думаю, что сегодня часть денегъ Готтгольда перешла въ руки Брандова...

— Не мужъ-ли сказалъ тебѣ это?..

— Тогда-бъ я знала положительно. Нѣтъ, мой Эмиль не таковъ,—не проговорится... ты, значить, его очень плохо знаешь... Нѣтъ, это только моя догадка, но я увѣрена, она завтра же подтвердится, когда наши пріѣдутъ обратно...

— Однако, я сказала имъ при отъѣздѣ, что непремѣнно жду ихъ сегодня вечеромъ! замѣтила Альма, взглянувъ сквозь пальцы на картину и репетируя про себя фразу, которою она хотѣла встрѣтить Готтгольда.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, вотъ и они! обрадовалась Оттилія, когда въ комнатѣ громко раздался звонокъ.

— Впрочемъ, можетъ быть, это твой мужъ возвращается изъ клуба...

— Нѣтъ, онъ такъ не звонитъ, объяснила Оттилія,—да и походка тоже не его...

Проговоривъ второпяхъ „войдите!“ Оттилія сама подошла къ двери, въ которую снаружи уже начали стучаться. Альма отодвинулась въ уголь дивана, нѣсколько откинувъ назадъ голову и стараясь сложить на груди бѣлыя руки какъ можно апетитнѣе,— какъ вдругъ тихій крикъ Оттиліи заставилъ ее перемѣнить эту позу.

— Господинъ Брандовъ!!

— Извините, сударыня... прошу извинить меня, mesdames, если я, за отсутствіемъ слуги, позволяю себѣ войти безъ доклада... Надѣюсь, вы не откажете пріютить меня на нѣсколько минутъ и поможете сыграть маленькую шутку съ нашими почтеннѣйшими друзьями...

Брандовъ поклонился. Оттилія глядѣла на него съ изумленіемъ, даже перепугалась не на шутку. Г. Брандовъ вовсе не былъ похожъ на веселаго забавника, желающаго сыграть съ кѣмъ-нибудь шутку. Лицо его было блѣдно, какъ будто страшно вытянулось, длинные русые усы были въ безпорядкѣ взъерошены, костюмъ—наполовину принятый въ гостиныхъ, на половину—дорожный, и все это до самыхъ плечъ страшно заляпано грязью. И въ такомъ миломъ видѣ, въ такое позднее время — ни съ сего, ни съ того явиться въ посторонній домъ, да еще въ такой, гдѣ съ нимъ, уже нѣсколько лѣтъ прекратили почти всякое знакомство!! Для всего этого у Оттиліи подыскалось только одно объясненіе:

— Не случилось-ли несчастья какого-нибудь? вскрикнула она.

— Полноте, какое тамъ несчастье! ухмыльнулся Брандовъ, — то есть если хотите... Я имѣлъ несчастье поступить съ моими друзьями нѣсколько неловко... сгоряча, знаете, mesdames... Я человѣкъ, надо вамъ сказать, mesdames, очень бывалый, но... къ несчастьямъ этого рода все-таки не привыкъ, и потому мнѣ стало такъ совѣстно, такъ совѣстно, что я рѣшился загладить свою вину хотя въ собственныхъ глазахъ, потому что друзья мои, безъ сомнѣнія, еще дорогой, простили мнѣ мою неловкость, великодушно простили...

— Вѣдь они сегодня-же пріѣдутъ, да?... Ну, видите, развѣ я не отгадала!.. заважничала Альма.

— Конечно, конечно, сударыня... вотъ сію-же минуту здѣсь будутъ... то есть, самое большее—въ двадцать минутъ... счетомъ въ двадцать минутъ... Когда они выѣхали изъ Доллана, десятый часъ былъ въ исходѣ... безъ десяти минутъ было... а теперь ровно половина одинадцатаго... Погода-то, правда, незавидная, но съ моими лихими ковами, да съ такимъ кучеромъ, какъ мой Генрихъ, всего часъ какой-нибудь понадобится... такъ что чрезъ двадцать минутъ, mesdames, вы сами услышите, какъ подѣдетъ экипажъ...

Брандовъ вынулъ часы и не сводилъ съ нихъ глазъ во все время, пока дѣлалъ свои вычисления.

— А какъ-же вы сами? спросила Альма.

— Я-то самъ, сударыня... Мнѣ было такъ совѣстно, что я расстался съ ними такъ неделикатно... а когда въ Долланѣ было десять часовъ, я полетѣлъ во весь духъ, и двадцать пять минутъ спустя поставилъ своего скакуна въ конюшнѣ здѣшняго отеля, то есть употребилъ для этого времени въ пять разъ больше, чѣмъ сколько нужно было, чтобы придти изъ гостинницы сюда...

— О Господи, въ двадцать пять минутъ проѣхать такое расстояние, для какого другимъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, часъ!! удивилась Альма.

— Извините, сударыня, я не могъ ѣхать тою-же дорогою, которую выбрали мои друзья, то есть чрезъ долланскій спускъ... а иначе и сюрпризъ былъ-бы невозможенъ... Нѣтъ, я пустился на Нейенгофъ, Манкеницъ, Фашвицъ и такъ далѣе... Г. Вольнову, я полагаю, извѣстенъ этотъ путь... Я назвалъ только половину...

но дорога убійственная... какъ я замѣчаю по своему платью... прошу тысячу извиненій, mesdames...

— Ахъ, какъ мнѣ нравится это удалое наѣздничество! вздохнула Альма, томно блеснувъ глазками,—садитесь-ка, Брандовъ, сюда, ко мнѣ... вотъ здѣсь... Вопросъ объ аппетитномъ сложеніи ручекъ для встрѣчи Готтгольда былъ совершенно забытъ. Альма протянула руку, задѣла за спинку стула—картина соскользнула и упала на полъ. Оттилія взвизгнула; замѣтивъ это, Брандовъ подскочилъ, чтобы поднять картину, но чуть взглянулъ на нее, какъ въ ту-же минуту опять выпустилъ ее изъ рукъ съ глухимъ крикомъ...

— Ахъ, бѣдная моя картина! пропищала Оттилія.

— Не нахожу словъ для извиненій!.. сконфузился Брандовъ, — нѣтъ, знаете, какъ проскачешь съ полторы мили въ двадцать пять минутъ, все-таки отзовется...

Дѣйствительно, поднявъ въ другой разъ картину, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и даже, казалось, едва держался на ногахъ. Оттилія замѣтила это и, наконецъ, попросила его присѣсть.

— Не позволите-ли сначала отставить въ сторону картину? спросилъ Брандовъ.

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ-же!.. замѣтила Альма; — я оторваться просто не могу, а для васъ, другъ мой, она должна быть вдвойнѣ интересна. Вы только взгляните, какъ мастерски обозначены эти буквенныя деревья на переднемъ планѣ, какъ легко глазъ переходитъ далѣе ко второму плану и, сладко отдохнувъ здѣсь, упрявляеть далѣе—въ эту синюю, свѣжую даль моря или... или отраднo останавливается на этой стемнѣвшей отлогости...

— О да, совершенно вѣрно, совершенно вѣрно! поддакнулъ Брандовъ, даже не взглянувъ на картину, стоящую теперь противъ него довольно близко;—это Долланъ, кажется?

— Кажется, кажется?! засмѣялась Оттилія, — что это съ вами, г. Брандовъ,—вѣдь вы, если не ошибаюсь, сами желали купить эту картину... помните, когда я съ вашей женой стояла передъ этимъ произведеніемъ и потомъ вы подошли къ намъ, помните?..

— Какъ-же, какъ-же-съ!!.. отозвался Брандовъ.

— Готова пари держать, что наши господа теперь на этой стемнѣвшей отлогости! ввернула Альма.

— Конечно, надо полагать... смѣшался Брандовъ.

— Едва-ли! возразила Оттилія, — или... или съ ними несчастье какое-нибудь тамъ случилось, чего намъ все-таки не хочется думать.

— Нѣтъ, сохрани Боже, зачѣмъ-же?.. заговорилъ Брандовъ.

— Однако, вы, какъ-будто, взволнованы, г. Брандовъ... позвольте предложить вамъ прохладительнаго! сказала Оттилія, потянувъ звонокъ и потомъ вставъ съ мѣста, чтобы отдать приказанія вошедшей служанкѣ. Въ то-же мгновеніе Альма наклонилась впередъ и шепнула, придерживая руку Брандова:

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно видѣть васъ, мой милый другъ!.. Скажите, что у васъ тамъ вышло съ Гуго?.. Мнѣ кажется, лучше-бы вамъ ладить между собою... въ нашихъ общихъ интересахъ...

Брандовъ взялъ маленькую, бѣленькую ручку и украдкою поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Конечно, конечно, прелестная подруга, проговорилъ Брандовъ, — собственно поэтому я и здѣсь, но... все это пустяки... кажется, я былъ чѣмъ-то разсерженъ, не помню, право, чѣмъ... ахъ, сударыня, къ чему вы беспокоитесь... виномъ потчуете... впрочемъ, если вы ужъ непремѣнно хотите... только, сдѣлайте одолженіе, не хлопчите изъ-за меня...

Онъ обернулся къ Оттиліи, тогда какъ Альма, надувъ губки, опять отвалилась въ уголь дивана. Брандовъ былъ сегодня просто на себя не похожъ — холодный какой-то, разсѣянный. Альма порѣшила жестоко наказать его, когда пріѣдетъ Готтгольдъ, а чтобы усугубить наказаніе, впродолженіи этихъ немногихъ минутъ, быть еще гораздо любезнѣе и плѣнительнѣе.

Но минуты проходили, стѣнные часы отсчитали одиннадцать ударовъ, — пробило, наконецъ, и половину двѣнадцатаго. Уже часъ прошелъ, съ тѣхъ поръ, какъ Брандовъ былъ здѣсь, а между тѣмъ шума колесъ нигдѣ не было слышно; только на уютной площадкѣ, передъ домою, шелестѣли высокіе тополи, и дождь по временамъ довольно громко постукивалъ въ оконныя стекла, когда въ разговорѣ наступала пауза, а это становилось тѣмъ чаще, чѣмъ далѣе уходило время. Оттилія, вопреки своему обыкновенію, почти не принимала участія въ разговорѣ, Альма великодушной улыбкой позволяла забавлять себя, а Брандовъ сегодня вечеромъ далеко не былъ похожъ на веселаго кавалера, какимъ онъ вездѣ

считался. Въ томъ безпокойствѣ, нетерпѣннн, съ какими онъ отъ одного предмета перескакивалъ къ другому, было что-то лихорадочное, смѣхъ отзывался непріятной принужденностью. То долго сидитъ угрюмый, уставивъ глаза на картину и забывая, какъ будто, что разговоръ давно уже истощился, то вдругъ хватится, какъ прищипоренный, и понесетъ что-то безтолковое — какинь-то неестественнымъ, громкимъ голосомъ, каждый разъ пугавшимъ Оттилію своею натянутостью и рѣзкостью.

Тревога Оттиліи возрастала съ минуты на минуту. Уже раза два она вскакивала съ мѣста, подходила къ окну и, приподнявъ стору, вглядывалась въ ночную темноту, казавшуюся, при слабомъ отблескѣ двух-трехъ тусклыхъ фонарей, еще тяжелѣе и непроницаемѣе...

— Это, однако, начинаетъ не шутя меня безпокоить, проговорила Оттилія, отойдя отъ окна и повернувшись лицомъ въ комнату.

— Въ самомъ дѣлѣ, странно немножко... проговорилъ Брандовъ:— теперь безъ десяти двѣнадцать... они уже съ часъ тому назадъ должны-бы пріѣхать...

— И моего мужа тоже нѣтъ, сдвинула плечами Оттилія.

— Чего ты безпокоишься; онъ, вѣрно, очень пріятно время проводитъ! сморщилась Альма, — а вы ужь и отеланяться хотите, другъ мой?..

— Да, надо узнать... что это значитъ! отозвался Брандовъ, второпяхъ поднимаясь и взявшись за шляпу.

— Ужь будто вы еще разъ рѣшитесь скакать на конѣ, когда зги не видно!! испугалась Альма.

— Ахъ, послушай, душка Альма! остановила ее Оттилія.

Брандовъ уже хотѣлъ выйти изъ комнаты, когда послышался звонокъ у наружной двери дома, и въ конторѣ послышались чьи-то тяжелые шаги. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ г. Волльновъ.

Оттилія поспѣшила къ нему на встрѣчу и въ немногихъ словахъ рассказала, какъ сложились обстоятельства. Г. Волльновъ поклонился позднему гостю съ холодной вѣжливостью. Безпокоиться, впрочемъ, говорить, нѣтъ никакихъ причинъ, если г. Брандовъ совершенно спокоенъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ спокоенъ! пропищала Оттилія.

— Едва-ли, замѣтилъ Волльновъ; — иначе г. Брандовъ давнымъ давно уже уѣхалъ-бы...

— Видите-ли, я безпокоюсь и небезпокоюсь... усмѣхнулся Брандовъ:—ночь, дѣйствительно, очень темна, и дорога мѣстами не совсѣмъ удобна... Но мой Генрихъ Шель—мастеръ своего дѣла... и притомъ,—ахъ, да, вотъ именно теперъ только объ этомъ вспомнилъ,—Густавъ фон-Плюггенъ поѣхалъ той-же дорогою и всего нѣсколькими минутами передъ нашими запоздалыми друзьями...

— Изъ чего вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь изъ выѣхавшихъ не могло приключиться какой-нибудь непріятности... или, пожалуй, съ тѣмъ и съ другимъ экипажемъ... вмѣшался Волльновъ, — замѣтите, впрочемъ, mesdames, я именно говорю о непріятности какой-нибудь, а не о несчастьи... Но и съ непріятностями въ такую ночь, — ну, колесо, что-ли, подломится,—тоже шутить не слѣдуетъ... Во всякомъ случаѣ, я того мнѣнія, что нужно выѣхать къ нашимъ запоздавшимъ господамъ на встрѣчу. Если вы позволите, г. Брандовъ, я съ удовольствіемъ готовъ провожать васъ...

— Отчего-же... помилуйте... да только я вѣдь верхомъ, отвѣчалъ Брандовъ.

— Такъ возьмите экипажъ въ отелѣ... Если съ ними, въ самомъ дѣлѣ, приключилось что-нибудь нехорошее, экипажъ пригодится какъ разъ кстати.

Альмѣ показалось крайне неделикатнымъ со стороны кавалеровъ оставлять дамъ въ подобную минуту, тогда какъ Оттилія сама повязала шарфъ своему мужу и отъ всей доброй души поцѣловала его, шепнувъ на ухо: „да какой-же ты у меня, Эмиль, славный, хорошій!..“

Волльнову хотѣлось, чтобы дамы оставались въ той-же комнатѣ.

— Я почти убѣжденъ, что ихъ постигло несчастье! проговорилъ Волльновъ, когда дверь за ними затворилась, — да и вы, кажется, думаете то-же самое, не правда-ли?..

— Нисколько, помилуйте!!.. растерялся Брандовъ, — то есть, если хотите, я ровно ничего не знаю... не знаю, что и подумать обо всемъ этомъ...

— Я тоже теряю голову! какъ-то отрывисто замѣтилъ Волльновъ, ставя свѣчку возлѣ наружной двери дома и отодвигая за собой.

Свѣтъ ярко упалъ на дверь, и, когда Вольновъ отворилъ ее, холодная, непроглядная ночь подула имъ въ лицо... Вдругъ поодаль, на черномъ, заднемъ планѣ, чуть-чуть обозначилась какая-то фигура. Даже Вольновъ, вообще незнакомый ни съ какими ночными страхами, невольно вздрогнулъ, тогда какъ Брандовъ, шедшій позади, пугливо отшатнулся назадъ, глухо вскрикнувъ. Казалось, будто призракъ этотъ вынырнулъ изъ глубины земли... На немъ не было сухой нитки; съ ногъ до головы онъ былъ заляпанъ глиной, выпачканъ приставшимъ къ платью пескомъ, тогда какъ на блѣдномъ лицѣ, рѣзко отбѣненномъ густою бородой и шляпой съ широкими полями, обозначался узкій кровавый слѣдъ, проходившій отъ виска чрезъ щеку и придававшій этому лицу какое-то невыразимо страшное выраженіе.

— Скажите, Христа ради, Готтгольдъ, что это съ вами?! вскричалъ Вольновъ, протягивая къ нему обѣ руки и почти насильно вводя въ переднюю.

— Гдѣ дамы ваши? тихо спросилъ Готтгольдъ.

Вольновъ указалъ на гостиную.

— Такъ пусть они никого не ждутъ... Зеліенъ лежитъ въ отелѣ... мы только-что сдѣлали ему перевязку... До сихъ поръ еще въ себя не пришелъ. Лаутербахъ сильно сомнѣвается, чтобы это прошло для него благополучно. Я думалъ, что все-таки лучше самому принести это извѣстіе... А ты здѣсь, Брандовъ, какими судьбами?..

Брандовъ уже успѣлъ собраться съ духомъ. И нужно-же ему было напрасно тревогу бить!! Гмъ, живучъ, какъ кошка, подлець! подумалось ему,—ну, а другой... да что ему за дѣло до другого!..

— Помилуй, голубчикъ, я жду васъ здѣсь ужъ битыхъ два часа! дружески вскрикнулъ Брандовъ,—да какимъ образомъ все это могло случиться... Ахъ, надо поглядѣть на него!.. Ты, разумѣется, здѣсь останешься, и вы, г. Вольновъ, тоже,—да?..

И, не дожидаясь отвѣта, Брандовъ бросился вонъ изъ комнаты и скрылся въ темнотѣ.

Когда онъ обернулся спиной, Вольновъ лукаво подмигнулъ глазами, однако, не сказалъ того, что невольно наворачивалось ему на языкъ.

— Ну, а вы какъ, бѣдный, бѣдный Готтгольдъ? проговорилъ онъ.

— Да вотъ, какъ видите, еще славу Богу! улыбнулся Готтгольдъ;—однако, что-то впереди еще будетъ?.. Какъ намъ разсказать объ этомъ женѣ Зелліена?!

— Да, мнѣ тоже сначала хотѣлось бы видѣть его самого. Я сказалъ, что ѣду къ вамъ на встрѣчу, и, слѣдовательно, барыни обождать могутъ.

— Такъ идемте-же!

Они вышли изъ дому. Вольновъ предложилъ Готтгольду свою руку.

— Сдѣлайте одолженіе, упритесь потверже... не бойтесь! попросилъ Вольновъ,—да старайтесь говорить поменьше...

— Еще одно только обстоятельство. При Зелліенѣ было десять тысячъ талеровъ,—они потеряны. Мы замѣтили это уже въ ту минуту, когда разорвали на немъ скюртукъ...

— Странно... какимъ чудомъ они могли затеряться, если вы должны были скюртукъ рвать?!

Готтгольдъ ничего не отвѣчалъ. Его одолѣвала слабость, которую онъ, дорогою, раза два съ трудомъ превозмогъ. Теперь-то онъ и, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ всю тяжестью налечь на руку Вольнова.

Не безъ значительныхъ усилій добрались они, наконецъ, до гостиницы, гдѣ все уже было на ногахъ и въ страшной суматохѣ. Но Брандова и слѣдъ простылъ. Узнавъ о пропажѣ денегъ, онъ, по словамъ хозяина, въ ту-же минуту приказалъ осѣдлатъ коня, ускакалъ, даже не видѣвшись съ г. ассесоромъ. Что-жь, говорить, здѣсь онъ уже не въ состояніи ничего поправить, а деньги безъ него едва-ли найдутся...

— Гмъ, едва-ли найдутся они и при немъ! проворчалъ Вольновъ.

Ассесоръ оставался все въ томъ-же положеніи.

— Если онъ не очнется скоро, врядъ-ли намъ удастся поставить его на ноги! таково было мнѣніе доктора Лаутербаха.

Но скоро у доктора было два пациента, Готтгольдъ свалился безъ чувствъ у постели Зелліена.

— Ну, не я-ли говорилъ! замѣтилъ докторъ;—это его знаетъ, какимъ онъ чудомъ до сихъ поръ держался... Эдакая отвратительная случайность...

— Гмъ, если это еще случайность!! проворчалъ Вольновъ.

ГЛАВА XXIII.

Для Волльнова и его жены потянулись безпокойные дни и ночи. Несмотря на сильно пострадавшаго при паденіи ассесора, его все-таки оказалось возможнымъ перенести въ домъ къ Волльнову, гдѣ ему, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ было лучше, тогда какъ Готтгольда, отдѣлавшагося, сравнительно съ ассесоромъ, еще довольно благополучно, пришлось оставить въ гостиницѣ. Долго пролежалъ онъ въ сильной горячкѣ, по цѣлымъ часамъ былъ въ безпамятствѣ и сильно бредилъ. Докторъ Лаутербахъ съ весьма серьезнымъ видомъ покачалъ головою и заговорилъ что-то о сотрясеніи головного мозга и о внутреннемъ поврежденіи: въ первомъ, говорить, нѣтъ ничего невозможнаго, а второе почти на вѣрняка утверждать можно. Г. Волльновъ былъ въ страшной тревогѣ и все свое досужее, въ обрѣзъ остававшееся время проводилъ у изголовья больного.

— Положеніе ассесора, слава Богу, опредѣлилось къ лучшему, соображалъ Волльновъ: — у него переломлено лѣвое бедро и вывихнута правая рука. Но рука уже вправлена въ суставъ совершенно благополучно, а переломленная кость забинтована въ хорошей гипсовой повязкѣ, — за ассесора-то я нисколько не боюсь.... вы, барыня, сами съумѣете сдѣлать его прежнимъ бравымъ молодцомъ.... А вотъ на счетъ Готтгольда этого нельзя сказать. Мы все еще не знаемъ, чего намъ ждать, и потому я при немъ необходимъ.

Оттилія замѣтила, что онъ уже вѣчно привыкъ считать себя необходимостью тамъ, гдѣ находится его Готтгольдъ... Впрочемъ, она и не думаетъ порицать это маленькое пристрастье уже по тому одному, что сама его раздѣляетъ: ей такъ и кажется, что Готтгольдъ ея милый, родной сынъ....

Господинъ Волльновъ не могъ не улыбнуться при этомъ дико-винномъ замѣчаніи, и та-же, какъ будто немножко грустная улыбка пробѣжала пугливо по его серьезному лицу, когда онъ сидѣлъ у постели больного и приглаживалъ ему съ горячаго лица мягкія роскошныя вудри. Это прекрасное, открытое лицо, то смертельно блѣдное, то загоравшееся горячечнымъ жаромъ, Волльновъ угрюмо сравнивалъ съ другимъ лицомъ, которое когда-то, когда-то....

казалось ему типомъ и идеаломъ всякой человѣческой красоты и воспоминанія о которомъ онъ такъ свято сохранилъ въ своей вѣрной, любящей душѣ.

Но тяжко и неловко дѣлалось у него на сердцѣ, когда, въ эти долгіе, тихіе часы, лукаво подкрадывалось къ нему это воспоминаніе. Онъ старался убѣжать отъ него далеко-далеко, потому что оно, воспоминаніе это, какъ будто грозило отнять у него бодрость и твердость, подломить тотъ прочный фундаментъ, на которомъ онъ построилъ свой домъ, свою семью и долженъ былъ оставаться на немъ, если не хотѣлъ сдѣлать себя самого и того, что ему было ввѣрено судьбою, — игрушкою бесплоднаго фантазирования. Нѣтъ, нѣтъ! думалось Вольнову, — не одно божество творить такъ, что послѣ остается сказать только, что все — „добро зѣло“.... Почему и человѣку не сказать этого про себя, если онъ не измѣнилъ своему мужеству, своей нравственной силѣ — сохранить, поддержать то, что было сдѣлано имъ-же самимъ.... Онъ самъ выбралъ себѣ такую судьбу, а не другую: худо-ли, хорошо-ли онъ выбралъ — не все-ли равно? Дѣло было сдѣлано, безъ возврата сдѣлано и, слѣдовательно, тутъ и толковать не о чемъ. Если-же и есть господа, которые, и послѣ окончательной житейской развязки, все еще хотятъ что-то рѣшать да перерѣшивать, — то будто-же они — лучшіе люди?!...

Но вотъ передъ нимъ — больной юноша. По лѣтамъ онъ могъ-бы быть его сыномъ и, можетъ быть, если-бы.... нѣтъ, нѣтъ къ чему это, зачѣмъ?... Онъ просто любитъ его за то, что Готтгольдъ былъ такъ чистъ и честенъ, любитъ его, какъ можетъ любить человѣкъ только своего младшаго брата — человѣка, случайно вышедшаго на тотъ страшный скользкій путь, который онъ самъ когда-то облилъ своимъ кровавымъ потомъ. Для этого юноши еще ничто не было рѣшено окончательно. И неужели судьба не жалится надъ нимъ, не пошлетъ ему такой развязки, чтобы сердце не истекло своей благороднѣйшей кровью, прежде чѣмъ достаточно остынетъ для того, чтобы послушаться совѣтовъ опытности?... О, какъ горячо Вольновъ желалъ ему того счастья, отъ котораго онъ самъ долженъ былъ отказаться!... О полномъ счастьи, разумѣется, не могло быть уже и рѣчи — слишкомъ много нехорошаго оставалось позади, и это многое бросило-бы свою тяжелую тѣнь на самое свѣтлое будущее.... А между тѣмъ, можетъ быть,

именно только такое счастье и было-бы для него дорого.... вѣдь подобныя натуры на проломъ идутъ, не умѣютъ пятиться передъ горькою долею или мириться съ нею.... Отецъ и мать стали жертвами этой страшной, горячей полноты чувства, неумѣющаго идти ни въ какую сдѣлку съ безпощадной жизнію; — теперь... теперь очередь дошла до сына.... Да, въ этой судьбѣ, дѣйствительно, есть что-то упорное, наслѣдственное.... Только и разница большая есть въ обоихъ случаяхъ: тогда во всей драмѣ не участвовало одно въ высшей степени важное обстоятельство; и то, что, по мнѣнію Волльнова, во всякомъ другомъ случаѣ было-бы оскорбленіемъ человѣческаго общества, теперь обращалось въ дѣло чести, защиты слабаго, даже въ дѣло необходимости, хотя въ глазахъ Волльнова оно всегда было и оставалось крайне грустною необходимостью.

Разумѣется, все это были одни предположенія, и должны были оставаться въ этомъ видѣ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока жертвы.... случайности на болотистомъ спускѣ были не въ состояніи сказать, что они сами знали и какія наблюденія сдѣлали прежде и послѣ. Показаніямъ ассесора нельзя было придавать большого значенія, такъ какъ изъ того немногаго, что было сообщено Готтгольдомъ въ первый вечеръ, оказывалось достаточно яснымъ, что голова ассесора была не совѣтъ въ порядкѣ.

Очнувшись отъ горячечнаго бреда и придя въ себя, ассесоръ самъ упорно утверждалъ, что онъ знать ничего не знаетъ и, вѣроятно, крѣпко спалъ вплоть до той самой минуты, когда случилось несчастье.

Но ужъ Готтгольдъ, какъ художникъ, одаренный самыми тонкими органами наблюденія, непременно долженъ былъ слышать и видѣть все, что дѣлалось вокругъ него, — онъ-то навѣрное дастъ матеріалъ, которымъ опытный и свѣдущій слѣдователь сумеетъ воспользоваться.

Къ сожалѣнію, не такимъ зарекомендовалъ себя слѣдственный судья въ ближнемъ главномъ городѣ острова — юстиціи совѣтникъ фон-Паденигъ, которому поручено было разбирать приключившееся на долланскомъ спускѣ дѣло. Г. фон-Паденигъ не видѣлъ въ этомъ случаѣ ничего необыкновеннаго. Что на опасныхъ мѣстахъ могутъ опрокидываться экипажи и затериваться кошель-

ки, бумажники и тому подобное — всякій, говорить, долженъ съ этимъ согласиться.

Съ другой стороны, всѣмъ извѣстно, что такія мѣста попадаются и на долланской землѣ, — по крайней мѣрѣ, это извѣстно ему, господину фон-Цаденигу, слышавшему исторію о двухъ родственникахъ Венгофъ, — розыгравшюся отчасти на долланскихъ поляхъ. А ужъ про эту исторію, говорить, долженъ знать всякій, кто, подобно ему, происходитъ изъ стариннаго рода на островѣ.

Вотъ, напримѣръ, Брандовы — такъ тѣ не стариннаго рода, и если они приобрѣли было во владѣніе помѣстье Далицъ, то, надо сознаться, не совсѣмъ похвальнымъ образомъ. Но теперь Далицъ отъ нихъ отошелъ, и преслѣдовать Карла Брандова за неисправность долланскихъ дорогъ уже никакъ не приходится, такъ какъ прежніе владѣльцы, господа Венгофъ, проживавшіе здѣсь втеченіи четырехъ поколѣній, никогда не подвергались за это никакимъ придирамъ. Да и, въ концѣ концовъ, это значило-бы дѣлать не-пріятности не столько Брандову, сколько собственному зятю господина фон-Цаденига — ландрату фон-Свантевиту, на которомъ, въ послѣдней инстанціи, лежитъ отвѣтственность за исправность общинныхъ и проселочныхъ дорогъ. Само-собою разумѣется, такое лицо, какъ господинъ Волльновъ, заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія и вниманія. Поэтому, если ужъ ему непремѣнно желательно, чтобы дѣло было разслѣдовано на мѣстѣ, то онъ, фон-Цаденигъ, немедленно командируетъ туда своего чиновника — фон-Палена, даже, если угодно, дастъ ему жандарма — это всегда дѣлаетъ всю процедуру какъ-то официальнѣе и торжественнѣе. И затѣмъ господинъ Волльновъ навѣрное будетъ считать себя удовлетвореннымъ....

Волльновъ, дѣйствительно, остался доволенъ, потому что добился отъ безпечнаго, впрочемъ, вполне честнаго и добраго старика, чего только можно было отъ него добиться, и затѣмъ вернулся обратно въ Прору. У воротъ отеля повстрѣчалъ Брандова — прискакалъ и сегодня, какъ во всѣ прежніе дни, лично освѣдомиться о состояніи больныхъ.

— Ну, слава Богу, все, кажется, обстоитъ благополучно! закричалъ онъ навстрѣчу Волльнову: — вотъ уже съ часъ будетъ какъ онъ совершенно пришелъ въ себя.... Я-то, разумѣется, по

боялся надѣдать ему.... лучше, знаете, удалить отъ него малѣйшее волненіе.... Только съ Лаутербахомъ поговорилъ, — бѣдняга страшно приунылъ.... Воспаленія въ мозгу, говорить, ожидалъ, а тутъ вдругъ пустякомъ, говорить, все кончится.... досадно!.... Зелліену то-же значительно лучше. Стало быть, сегодня я могу вернуться домой съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ было въ послѣдніе дни.... А ужъ жена-то моя обрадуется какъ!... Завтра, можетъ быть, и ее привезу съ собою.... Позволеніемъ вашей почтеннѣйшей супруги уже заручился.... Итакъ, до свиданія, добрѣйшій господинъ Вольновъ, до завтра!....

— Знатный конь у него, рыжій меринъ! одобрительно отозвался кто-то изъ прислуги, провожая галопирующаго всадника глазами, — а все противъ того коня, что въ воскресеніе былъ подъ нимъ, ничего не стоитъ.... тотъ ужъ, правду сказать, важный конь!!....

Вольновъ также не сводилъ глазъ съ ловкаго всадника, такъ-удобно сидѣвшаго въ сѣдлѣ.

— Если онъ такой крупный негодяй, какимъ я его считаю, то тягаться съ нимъ, во всякомъ случаѣ, будетъ не легко.... Да и Готтгольду не надо дать ничего замѣтить,—это только взволнуетъ его безъ всякой надобности.... Гмъ! да, надо сначала стать на твердую, надежную почву.... однѣми глупыми формальностями его не запугаешь.... Нѣтъ, чтобъ поймать эдакого мерзавца, надо приготовить петлю потоньше и похитрѣе....

Когда Вольновъ вошелъ къ больному, Готтгольдъ протянулъ ему блѣдную, но уже совершенно спокойную и не лихорадочную руку.

— Пощупайте сами, кажется, хорошо! сказала онъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте этимъ сердечнымъ пожатіемъ поблагодарить за всю вашу доброту и благородную дружбу. Не настолько лишился я сознанія, чтобы, по временамъ, освобождаясь отъ дикихъ, горячечныхъ фантазій, мучившихъ меня, не замѣчать вашего добраго лица... и все съ тѣмъ-же прекраснымъ, теплымъ выраженіемъ, которое я навсегда сохранию въ памяти съ благодарностью, какъ-бы долго ни пришлось мнѣ прожить на свѣтѣ....

Голосъ Готтгольда дрожалъ и въ глазахъ набѣжала слезинка.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не отъ слабости, не отъ болѣзни! будто оправдывался онъ, — надо-же правду сказать: я нахожусь теперь

подъ вліяніемъ совершенно новаго для меня чувства. Мнѣ такъ рѣдко приходилось благодарить людей за дружбу и участіе.... Для другихъ съ именемъ матери соединяется память о самой чистой, безкорыстной, на все готовой любви, а моя мать умерла очень рано, и я ее почти не помню.... Между отцомъ и мною пролегла цѣлая пропасть.... и вотъ уже десять лѣтъ таскаюсь я по бѣлу свѣту.... и связей, и знакомствъ у меня бездна.... людей, называющихъ себя моими друзьями, не перечесть, а между тѣмъ вотъ тутъ, въ душѣ, всегда чувствовалъ я себя одинокимъ; человѣческимъ, неподдѣльнымъ участіемъ я избалованъ не былъ... и что-же?... Уже въ такую перезрѣлую пору жизни судьба посылаетъ мнѣ друга, истиннаго друга въ совершенно постороннемъ человѣкѣ.... вѣдь я увидѣлъ васъ въ первый разъ всего нѣсколько дней тому назадъ и до сихъ-поръ между нами не было никакихъ другихъ отношеній, кромѣ самыхъ будничныхъ, дѣловыхъ....

На серьезномъ, смугломъ лицѣ банкира отразилось что-то крайне грустное, когда, послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ заговорилъ какимъ-то особенно мягкимъ, тихимъ и глубокимъ голосомъ:

— А если... если мы видѣлись теперь съ вами не первый разъ въ жизни? Если я держалъ васъ на рукахъ, когда вамъ пошелъ только четвертый или пятый годъ отъ роду?... Если мое участіе къ вамъ рождается не изъ нашихъ дѣловыхъ отношеній, а изъ гораздо болѣе глубокаго, ранняго источника и находится въ связи со всѣмъ, что составляетъ поэзію и въ себѣ самомъ затаенную отраду моей жизни.... гмъ, что вы на это скажете, мой другъ?...

— Вы были знакомы съ моей матерью? спросилъ Готтгольдъ: — да, да, вы должны были знать ее....

— Да, я зналъ ее и.... любилъ ее, потому что знать и любить ее въ то время для меня было одно и то-же.... и даже въ настоящую минуту мнѣ кажется, что одно также тѣсно принадлежитъ къ другому, какъ свѣтъ и теплота....

— И моя мать васъ любила.... Вы скажите это смѣло, открыто.... разрешите эту странную загадку, до сихъ поръ затемняющую для меня отношенія между моими родителями....

Волыновъ грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, проговорилъ онъ, — до этого было далеко.... и если въ одну минуту, дѣйствительно, какъ будто на это было похоже, то.... то постоянною, хотя и грустною отрадою всей моей жизни

будеть то, что я не поддался этому обманчивому самообольщенію и не потерялъ изъ виду того тяжелаго, труднаго пути, который указали мнѣ долгъ и честь...

— Вы, однако, не разрѣшаете загадку, но дѣлаете ее еще непрогляднѣе, замѣтилъ Готтгольдъ.

— Что прикажете дѣлать, для меня самого очень многое въ этой драмѣ осталось загадочнымъ! отозвался Волльновъ, проводя рукою по глазамъ;—одно только я понимаю совершенно ясно: если такой даровитый человѣкъ, какъ вашъ отецъ, страстно проникнутый такими высокими цѣлями и стремленіями, могъ возбудить къ себѣ горячее чувство въ вашей матери — также весьма крупной, благородной натурѣ,—то естественнѣе этого едва-ли что-нибудь могло быть... Повѣрьте мнѣ, другъ мой, если когда-нибудь была возможна въ дѣйствительности та любовь, которую вы недавно изображали мнѣ такими яркими красками, то такова именно была любовь, сблизившая эти двѣ прекрасныя, избранныя природы. Это были два чистые свѣточа, стремившіеся слиться одинъ съ другимъ. Кто былъ свидѣтелемъ этого гармоническаго, свѣтлаго сближенія, тотъ могъ только сказать, отступивъ назадъ съ благоговѣніемъ: да вѣдь иначе и быть не могло... Это слова моего бѣднаго, дорогаго Эдуарда. Для нея они были смертнымъ приговоромъ. То-же сказалъ и я, — сердце рвалось у меня при этомъ на части. Но я жить хотѣлъ... и, въ концѣ концовъ, милый другъ мой, на свѣтѣ со всѣмъ сживаешься, хотя въ началѣ жизнь-то и кажется настоящей каторгой...

Волльновъ замолчалъ, чувствуя, что въ этомъ волненіи онъ немного можетъ сказать далѣе. Потомъ продолжалъ, нѣсколько оправившись:

— Я еще и самъ до сихъ поръ не знаю, хорошо-ли съ моей стороны заговаривать съ вами на эту тему. Но было-бы, конечно, еще хуже... Я погрѣшилъ-бы противъ памяти вашихъ родителей, противъ васъ, мой другъ, противъ самого себя, если-бы не сообщилъ вамъ теперъ все, хотъ-бы это все сводилось къ весьма немногимъ, но чрезвычайно яркимъ, значительнымъ чертамъ, указывающимъ на все печальное непостоянство нашей капризной житейской доли...

„Молодые супруги переѣхали въ наши мѣста. Нѣсколько лѣтъ спустя, — дѣла нашего торговаго дома загнали меня куда-то въ

окрестности, — свидѣлся я съ ними опять... свидѣлся совершенно случайно, потому что если-бы отъ меня зависѣло, то я, разумѣется, бѣжалъ-бы какъ можно далѣе отъ этой встрѣчи, которая для меня могла быть только очень горестною. Проѣздомъ чрезъ Рамминъ, и какъ разъ передъ пасторскимъ доможь, колесо у меня сломалось... Да при паденіи посчастливилось еще свихнуть руку, такъ что я, волей-неволей, долженъ былъ принять радушное приглашеніе вашихъ родителей и загостилъ у нихъ на нѣсколько недѣль. Вы меня, разумѣется, совѣмъ не помните. Но я еще не забылъ курчаваго, востроглазаго мальчика, бѣгавшаго по саду между цвѣтниками и, къ своему счастью, нимало непонимавшаго, отчего это его молодая, прелестная мамаша, сидѣвшая тутъ-же, поодаль, такъ задумчиво и пристально заглядывается куда-то въ поле и будто совѣмъ перестаетъ слѣдить за милымъ шалуномъ...

„Но для нея не было цвѣтовъ вокругъ, не было солнца. Тяжелая темнота охватывала ее со всѣхъ сторонъ, непроглядно темно было въ ея молодомъ, горячемъ сердцѣ... Не лучше было и на сердцѣ ея мужа, къ которому когда-то ее привязывало самое страстное, безавѣтное чувство... Скажу болѣе: я твердо убѣжденъ, что они не переставали любить другъ друга, также страстно въ ту минуту даже, когда думали, что въ сердца ихъ стала прокрадываться уже холодная, взаимная ненависть... Послушайте, мой другъ, я не хочу ничего вамъ проповѣдывать, не хочу возобновлять нашего недавняго спора. Но когда мнѣ приходится коснуться подобной раны въ другомъ, какъ не сказать ему: о, другъ мой, братъ мой, и здѣсь, въ этомъ сердцѣ, когда-то, болѣла та-же рана, и здѣсь кипѣло капризное, несговорчивое чувство, нежелающее удовлетвориться тѣмъ, что ему дано, вырабатывать жизнь изъ возможнаго, и вѣчно улетающее куда-то за несбыточными идеалами, въ сферу естественнаго и практическаго... Оба они были люди вполнѣ прекрасные; каждый представлялъ такъ много задачъ хорошаго будущаго... и что-же?.. Имъ этого многого оказалось мало. Они искали одинъ въ другомъ безусловнаго совершенства. Она хотѣла видѣть въ немъ не только нравственнаго, свѣтлаго человѣка, какимъ полюбила его въ началѣ, — нѣтъ... онъ долженъ былъ обладать всѣмъ, что только можетъ нравиться въ мужчинѣ молодой, страстной дѣвушкѣ. А онъ требовалъ отъ нея, кромѣ всѣхъ соблазновъ, которыми такъ щедро одарила ее при-

рода, — еще какого-то высшего, мистического блеска, безъ котораго вся земная красота была ничтожна въ глазахъ идеалиста-проповѣдника... И вотъ, вмѣсто того, чтобы стараться согласить неизбѣжныя различія, поладить между собою взаимными уступками и уваженіемъ другъ къ другу, — всякій изъ нихъ старался идти своею особою дорогою, упорно имѣя въ виду только свой отличительный характеръ... Онъ хотѣлъ заставить ее на все глядѣть не прямо и бойко, а какъ-бы посредствомъ туманнаго зеркала, она же стала увѣрять, что зеркало говоритъ ей только, что она молода и прелестна, какъ и весь божій свѣтъ, что-бы ни говорили всевозможные святоши и лицемеры... И такимъ-то образомъ, въ тишинѣ пасторскаго дома маленькой деревушки, гдѣ-то на бѣдномъ островѣ, тогда еще болѣе отрѣзанномъ отъ дѣятельной чело-вѣческой жизни, чѣмъ теперь, — затянулась эта странная, упорная борьба... Свѣтъ людской, конечно, говоритъ въ подобномъ случаѣ: если оба несчастные истекли подъ конецъ кровью въ этой борьбѣ... кто-жъ тутъ виноватъ? Вольно имъ было не разойтись окончательно, всякій своимъ особымъ жизненнымъ путемъ!!.. Нѣтъ, знаете, не такъ я думалъ. Эти два существа, соображалъ я, — уже не могутъ одинъ для другого затеряться безслѣдно, за-быть другъ друга... хоть-бы цѣлый міръ сталъ между ними. И если-бы какойнибудь сумасшедшій вздумалъ помогать имъ въ рѣшительномъ разрывѣ, то, подобно имъ, отравилъ-бы себѣ всю жизнь... То-же сказалъ я ей самой, когда она не могла или не хотѣла скрыть предо мною своего горя... Я говорилъ ей то, что считалъ долгомъ порядочнаго человѣка, — говорилъ съ задушевною, но твердой настойчивостью... можетъ быть... можетъ быть, заглушная... не говорю, голосъ моего собственнаго убѣжденія, но... плачь своего сердца, грозившаго вырваться изъ наболѣвшей груди въ эту памятную для меня минуту... Теперь только узналъ я, что былъ для прелестной дѣвушки гораздо ближе, чѣмъ могъ когда-нибудь надѣяться... узналъ въ отрывистыхъ, безсвязныхъ словахъ... въ намекахъ, тревожными искрами пробивавшихся изъ горячаго, страстнаго сердца... Могу-ли я сказать, что огонь этотъ не охватилъ всей моей души, могу-ли увѣрять, что мнѣ легко было ему противиться?! Да, другъ мой, я боролся до кроваваго поту... какъ праотецъ Израиля въ чудесную ночь, и, подобно ему, въ концѣ

борьбы могъ промолвить только: „Я не пушу тебя, пока ты не осѣнишь меня своимъ благословеніемъ“!...

„Не говорю уже о себѣ, но развѣ не было святымъ благословеніемъ уже то, что слова мои заронили хотя зерно мира и тихой отрады въ душу этой несчастной молодой женщины?.. Она успѣла какъ-бы остыть, въ себя заглянуть, вспомнить то счастье, какое вначалѣ послала ей судьба, успѣла задаться вопросомъ: неужели нельзя опять вернуть былого, если она сама этого захочетъ?.. Какъ теперь вижу тотъ взглядъ, съ которымъ она, прощаясь, подала мнѣ руку,—глубокій, полный души и грусти взглядъ, но въ немъ уже заблестѣлъ лучъ надежды... Какъ теперь слышу ея звучный, мягкій голосъ, произнесшій слова, бывшія для меня лучшею наградою за все, что я сдѣлалъ, что выстрадалъ: „благодарю васъ, другъ мой“!...

— И что-же, что вышло изъ всего этого?!.. грустно улыбнулся Готтгольдъ;—умѣли-ли вы примирить мою мать съ ея судьбою?.. Разъ какъ-то отецъ оттолкнулъ меня, отъ себя въ сильномъ раздраженіи. Что-же значили его слова, едва выговоренныя дрожавшими отъ злости, блѣдными губами: „весь въ мамашу уродился?!“ Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, я уважаю вашу житейскую мудрость, но думаю, что мудрымъ надо родиться, а выучиться этому невозможно!..

— Особенно въ одинъ урокъ! проговорилъ Вольновъ съ дружеской серьезностью,—хотя онъ и продолжался очень долго, даже слишкомъ долго, если принять во вниманіе слабыя силы ученика...

Готтгольдъ сталъ возражать: силы его, говорить, уже настолько окрѣпли, что онъ еще очень долго можетъ съ нимъ бесѣдовать, такъ-какъ предметъ этотъ полонъ для него самого живого, даже лихорадочнаго интереса.

— Именно поэтому и перестанемъ говорить объ этомъ! улыбнулся Вольновъ,—и если вы, въ самомъ дѣлѣ, чувствуете себя достаточно сильнымъ, то отвѣчайте мнѣ на два-три вопроса, касающіеся вашего приключенія въ дорогѣ... Говоря откровенно, я буду спрашивать васъ отчасти по порученію высшаго начальства. Покрайней мѣрѣ, фон-Цаденигъ полагаетъ, что безъ вашихъ показаній нельзя сдѣлать и шагу далѣе въ этомъ неприятномъ разбирательствѣ, и потому онъ проситъ меня, въ нѣкоторомъ смыслѣ, занести ваши слова въ протоколъ...

Готтгольдъ поглядѣлъ на него изумленными глазами.

— Въ чемъ дѣло, скажите, пожалуйста?..

— Дѣло въ томъ, во первыхъ, возразилъ Вольновъ,—что при этомъ горестномъ случаѣ деньги пропали и что нужно постараться, на сколько это возможно, розыскать ихъ...

— Ахъ, да... бѣдняга Зеллиенъ... Вы не повѣрите, какъ мнѣ жаль его! покачалъ головою Готтгольдъ, — однако, я не совсѣмъ понимаю, какииъ образомъ ваши вопросы могутъ послужить къ розысканію пропажи...

— А вотъ погодите, посмотримъ. Вы навѣрное можете сказать, что Зеллиенъ имѣлъ деньги при себѣ, когда вы выѣхали изъ Доллана?..

— Конечно, это я знаю самымъ положительнымъ образомъ. Ни мало не подозрѣвая, что деньгами этими прислужился именно я, Зеллиенъ, съ самымъ неподдѣльнымъ удивленіемъ, сообщалъ мнѣ, во время послѣобѣденной прогулки, что Брандовъ заплатилъ ему сполна... и при этомъ Зеллиенъ показывалъ мнѣ денежный пакетъ, вынуть его изъ бокового кармана своего сюртука. Въ этомъ-же карманѣ деньги оставались при немъ и впродолженіи всего вечера,—признаюсь вамъ, къ немалому моему безповойству, такъ какъ я боялся, что Зеллиенъ не выдержитъ, присосѣдится къ игрѣ и рискнетъ большимъ кушемъ... Къ счастью, однако, онъ остался въ выигрышѣ...

— Ага, значитъ тамъ картежъ былъ?.. Кто-же проигралъ?..

— Брандовъ.

— Много?

— Если не ошибаюсь, Редебасу проигралъ пять тысячъ талеровъ... у одного Редебаса, видите-ли, хватило мужества до конца рѣзаться съ эдакимъ азартнымъ противникомъ...

— Но денегъ, разумѣется, онъ не заплатилъ сейчасъ-же?..

— Разумѣется, не заплатилъ. Собственно изъ-за этого у нихъ и поднялся споръ, окончившійся тѣмъ, что гости не на шутку озлились и разѣхались по домамъ...

— А вы сами въ этотъ споръ вмѣшались?

— И не думалъ. Зеллиенъ, можетъ быть, и сказалъ что нибудь... по крайней мѣрѣ, Брандовъ счелъ себя вправѣ наговорить намъ такихъ неделикатныхъ вещей, которыя волей-неволей выгнали и насъ изъ дому...

— Такъ васъ выгнали... то есть этими неделикатностями, да? Отлично, отлично! подхватилъ Вольновъ такимъ тономъ, точно онъ и, въ самомъ дѣлѣ, заносилъ слова эти въ протоколъ.— Ну-съ, а дорогою у Зелліена все время деньги были при себѣ?..

— Да, я руками ошупалъ пакетъ, когда застегивалъ на немъ пальто... вѣдь онъ охмѣлѣлъ-таки порядкомъ...

— И пальто все еще было застегнуто на немъ, когда Лаутербахъ хотѣлъ сдѣлать ему повязку, — это вы сами говорили недавно. Лаутербахъ, съ своей стороны, подтверждаетъ это обстоятельство. А въ кузницѣ вы не пробовали разстегнуть пальто и снять платье?

— Нѣтъ, не пробовалъ, то есть... старый Пребровъ хотѣлъ было... но Зелліенъ вдругъ на одну минуту пришелъ въ себя и такъ трогательно сталъ просить, чтобы его оставили въ покоѣ, что мы перестали его тормошить, только когда Пребровы—отецъ и сынъ—приготовили повозку, мы подостлали подъ него сѣна и соломы, чтобы ему было помягче лежать...

— А деньги все при немъ находились... вы не ошупывали?.. Готтгольдъ на минуту задумался.

— Въ томъ-то и штука, что денегъ при немъ уже тогда не было. Теперь я припоминаю себѣ, что мы ошупывали ему грудь,— сначала старикъ хозяинъ, потомъ и я,— такъ какъ Зелліенъ жаловался на мучительную боль въ лѣвомъ боку, подъ нижними ребрами. Пакетъ, разумѣется, попался-бы мнѣ подъ пальцы, если-бы... Да, какъ хотите, это довольно странно...

— Гмъ, еще-бы не странно! проверчалъ Вольновъ,— нельзя же подумать, чтобы ихъ вынули у него изъ кармана Пребровы, отецъ съ сыномъ, когда перенесли его отъ мѣста несчастнаго приключенія въ кузницу... Они—люди вполнѣ честные...

— Ну, еще-бы, это положительно невозможно! сдвинулъ плечами Готтгольдъ.

— Но, съ другой стороны, также физически невозможно, чтобы они выпали у него изъ кармана во время паденія, — замѣтите, изъ кармана застегнутаго сюртука, поверхъ котораго было надѣто также плотно застегнутое пальто...

— А между тѣмъ другого ничего предполагать нельзя...

— Гмъ, да, такъ кажется... Но позвольте, сдѣлайте еще шага два назадъ. Вамъ, вы говорите, невольно представилось,

будто Брандовъ выгоняетъ васъ изъ дому. Не показалось-ли вамъ это очень страннымъ?..

— Да и нѣтъ.

— Допустимъ, что ваше *нѣтъ* относится къ извѣстнымъ отношеніямъ между вами и Брандовымъ, а утвердительный отвѣтъ намекаетъ на то, что Брандовъ долженъ былъ-бы дорожить дружескимъ расположеніемъ ассессора... Дѣйствительно, это меня самого просто съ толку сбиваетъ... и еще въ такую ночь... когда буря, дождь и мгла кругомъ, какъ это въ „Король Лиръ“ говорится... Витолкать за порогъ, дать экипажъ безъ фонарей, да выпроводить на такую дорогу, гдѣ и днемъ сломать себѣ шею весьма удобно...

— Все это совершенно справедливо и резонно, грустно улыбнулся Готтгольдъ; — я все-таки не понимаю, впрочемъ, какимъ образомъ фактъ неделикатности Брандова, — въ которой онъ такъ совершенно раскаявался въ тотъ-же вечеръ, — поможетъ вамъ розыскать пропавшія деньги...

— Гмъ, да, совсѣмъ въ инквизиторы не гожусь! понурилъ голову Волльновъ, въ раздумьи проводя рукою по глазамъ, — ну, такъ оставимте пока въ сторонѣ господина и обратимся къ слугѣ. Не тотъ-ли самый паренъ везъ васъ назадъ, который и утромъ съ вами ѣхалъ...

— Тотъ самый. Знаменитый берейторъ Брандова, при случаѣ, какъ вы видите, кучеръ, также управляющій, — правая рука, однимъ словомъ...

— Гмъ, да, да, правая рука! подхватилъ Волльновъ, — совершенно вѣрно замѣчено... правая рука... что, впрочемъ, еще не значитъ особенно чистая. И знаете, этотъ золотой человѣкъ, какъ кажется, на все способенъ, не изъ щекотливыхъ... По крайней мѣрѣ, на меня онъ произвелъ такое впечатлѣніе. А вы что скажете объ этомъ гусѣ?..

— Презамѣчательная особа, признаюсь вамъ... то есть такая замѣчательная, что если хоть разъ его видѣлъ, едва-ли когда-нибудь забудешь... Онъ, надо вамъ сказать, уже давно врѣзался мнѣ въ память. Черепъ эдакій четырехугольный, съ плоскимъ, назадъ откошеннымъ лбомъ... ну, совершенно какъ у дикой кошки, — даже зеленые косые глаза напоминаютъ хищную кошачью породу, тогда какъ широкія плечи, плотная, приземистая фигура, съ

науклюжими, наружу вывороченными ногами, скорѣе дѣлають его звѣремъ собачьей группы... вотъ и вѣрность то-же собачья... Я думаю, что за своего господина онъ готовъ въ огонь и въ воду.

— Такъ, такъ... въ огонь и въ воду... вотъ что значить глядѣть глазами художника, отлично-съ!.. одобрилъ Волльновъ; — помилуйте, рука руку моетъ... Такъ, стало быть, въ ту ночь у васъ на козлахъ сидѣлъ этотъ интересный звѣрь, преданный Калибанъ, да?.. Отлично-съ... ну, вы выѣхали, что-же дальше было?..

— Говоря откровенно, я сталъ соображать обо всемъ, что происходило вокругъ меня, уже передъ самой катастрофой. Но помню хорошо, что мы съ трудомъ стали лѣзть вверхъ по отлогости, вѣроятно, сильный вѣтеръ былъ прямо противъ насъ. Генрихъ Шель не изъ мягкосердыхъ, — давай свирѣпо хлестать несчастныхъ лошадей, а лошади, вѣроятно, предчувствуя свою судьбу, остановились, и ни съ мѣста... Генрихъ Шель спрыгиваетъ съ козель...

— Отлично, отлично!.. будто обрадовался Волльновъ, — спрыгиваетъ съ козель... и такъ кстати это пришлось... удивительно кстати, — потому что сейчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ вы летите куврыкомъ, въ тотъ-же моментъ, да?..

— Должно быть, навѣрное не знаю...

— Ну, ну, положимъ чрезъ два момента... вѣдь въ противномъ случаѣ вѣрный Калибанъ тоже долженъ былъ-бы совершить этотъ увеселительный вояжъ вмѣстѣ съ вами... Самый полетъ внизъ вы недавно изволили мнѣ изображать... насколько могли собрать въ памяти его отдѣльные моменты, и надо удивляться, какъ далеко можетъ сохраниться наблюдательная способность художника... такъ сказать, до самаго порога смерти... Но интересно знать, какъ долго продолжался этотъ ужасный моментъ, въ который вы были такъ близки къ иному міру?..

— Едва-ли я сумѣю вамъ на это отвѣтить. Потеря сознания застигла меня быстро, незамѣтно, безъ борьбы, даже безъ всякаго перехода... вотъ точъ въ точъ какъ вѣка закрываетъ усталый глазъ... Очнулся я тоже безъ всякаго перехода, — лежу лицомъ вверхъ и созерцаю глубокомысленно, какъ мѣсяцъ пробирается между рѣдѣвшими подъ нимъ бурными облаками. Наконецъ, онъ весь вынырнулъ изъ-за облаковъ, и въ ту-же минуту я совершенно ясно представилъ себѣ свое положеніе, точно-бы кто-

нибудь сказалъ мнѣ, гдѣ я и что со мною. Я лежалъ на половинѣ высоты отлогости, на небольшомъ твердомъ уступѣ, тогда какъ все прочее скатывалось по спуску до края болота и лежало тамъ такую безобразную кучею, что я уже не могъ отличать одного предмета отъ другого. Впрочемъ, это оттого, можетъ быть, что я опять впалъ въ состояніе не то, что безсознательности, а какой-то туманной галлюцинаціи. Вдругъ мнѣ представился — и надо вамъ сказать, съ самой обманчивой живостью, — всадникъ какой-то, пронесшійся мимо меня почти неувидимымъ вихремъ... какъ можетъ именно представиться только въ бреду или галлюцинаціи. Всадникъ этотъ промчался, будто-бы, черезъ болото, по направленію на Нейенгофъ... И какъ настоящій призрачный наѣздникъ, сидѣлъ, низко нагнувшись надъ длинной, тонкой шеей своего быстраго, какъ молнія, скакуна... На головѣ у него была высокая шляпа. Вы только представьте себѣ призракъ въ высокой шляпѣ... неправда-ли это забавно?..

— Еще-бы не забавно... настоящая комедія!.. замѣтилъ Волльновъ, вставъ съ мѣста и подходя къ окну, чтобы скрыть отъ Готтгольда свою сильную тревогу. Припомнилось ему, какъ расхваливалъ трактирный слуга того коня, на которомъ въ ту ночь прискакалъ Брандовъ... Призрачный наѣздникъ скакалъ по дорогѣ въ Нейенгофъ, но Брандовъ пріѣхалъ тою-же дорогою! На Брандовѣ въ ту ночь, по непостижимой случайности, также была высокая шляпа, и шляпа эта вся была запачкана грязью!..

Волльновъ опять обернулся къ Готтгольду.

— А какъ вы полагаете, могъ-ли-бы кто-нибудь... то есть настоящій, живой человѣкъ, а не фантастическій призракъ, пронестись черезъ это самое болото, на примѣръ, на изумительно быстро, легконогомъ конѣ... какъ вы думаете?

— Да зачѣмъ это вамъ? съ удивленіемъ спросилъ Готтгольдъ.

— Гмъ, такъ себѣ... Брандовъ, видите-ли, рассказывалъ, что у него лошадь какая-то... отличнѣйшей породы... вырвалась изъ рукъ, хотѣла перебѣжать черезъ болото и... утонула...

— Вотъ вамъ и самое очевидное доказательство, что это невозможно...

— Конечно, конечно, поддакнулъ Волльновъ; — ну, теперь вамъ положительно нуженъ отдыхъ. Лаутербахъ, пожалуй, сер-

даться будетъ. Черезъ два часа я еще вернусь сюда, а до тѣхъ поръ покорнѣйше прошу васъ спать, непремѣнно спать.

Эти два часа Волльновъ провелъ въ такомъ нетерпѣннн, въ такой сильной тревогѣ, къ какой, по своему характеру, даже не считалъ себя способнымъ. Онъ поджидалъ посланнаго для разслѣдованія дѣла чиновника, общавшаго заѣхать къ нему на обратномъ пути изъ Доллана въ Прору и сообщить результатъ своихъ справокъ. Слѣдователь, дѣйствительно, прїѣхалъ, но безъ жандарма, котораго командировалъ съ нимъ начальникъ для большей официальной важности.

— Странная, очень странная исторія! рассказывалъ господинъ фон-Паленъ:—вы знаете, что я ѣздилъ туда собственно для того, чтобъ допросить того парня, что везъ вашихъ знакомыхъ въ ту ночь... Генриха Шееля, кажется... По крайней мѣрѣ, онъ вѣдь былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ... представьте-же себѣ, что этотъ кучеръ...

— Исчезъ, словно сквозь землю провалился...

— А вы почему знаете?

— Такъ, догадываюсь только. Ну, дальше, дальше!

— Да, онъ, дѣйствительно, скрылся, продолжалъ господинъ фон-Паленъ, — несмотря на то, что за полчаса до нашего прїѣзда его многіе видѣли въ деревнѣ, между прочимъ и господинъ Брандовъ, незадолго предъ тѣмъ вернувшійся домой. А кучера до сихъ поръ и слѣдовъ нѣтъ. Господинъ Брандовъ былъ такъ любезенъ, что разослалъ людей во всѣ стороны, — расторопныхъ людей, которые, по словамъ самого господина Брандова, — и они должны были-бы его отыскать, если-бы...

— Если-бы кучеръ хотѣлъ, чтобъ его отыскали...

— Совершенно вѣрно... Однако, посудите сами, не глупъ-ли этотъ парень, вздумавшій дать тягу!.. Вѣдь, собственно говоря, онъ тутъ если и виноватъ, то только тѣмъ, что по своему глупому разуму запрегъ въ экипажъ самыхъ плохихъ лошадей, когда въ конюшнѣ можно было взять лучшихъ... Отъ этого-то, по мнѣнію Брандова, и произошло все несчастье... Если-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, вздумалъ бѣжать... Я оставилъ тамъ Рютербуша съ порученіемъ немедленно схватить его за шиворотъ, если онъ гдѣнибудь покажется... Да, такъ если ему захотѣлось удрать отъ насъ, то дѣло это становится серьезнѣе... Тутъ невольно придешь къ по-

дозрѣнію, что онъ какъ нибудь нашелъ деньги или даже вынулъ ихъ изъ кармана ассессора, во время обморока,—и вотъ, чувствуя за собою этотъ грѣхъ, обратился въ бѣгство, чуть завидѣлъ насъ..... а тамъ, за деревнею можно обозрѣвать мѣстность на далекое разстояніе... Брандова это, какъ будто, страшно поразило: скорѣе, говоритъ, всякаго другого онъ заподозритъ въ подобномъ преступленіи, чѣмъ Генриха. Уже при отцѣ его, говоритъ, Генрихъ пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ, да и у него всегда отличался самою похвальною вѣрностью и честностью. Брандовъ, конечно, соглашался, что это—весьма загадочная исторія и что, въ концѣ концовъ, на свѣтѣ все возможно.... поэтому нельзя также не допустить возможности, что бѣдный деревенскій парень поддался сильному искушенію сразу разбогатѣть и.... рѣшился!..

— Негодай всегда поддается искушенію сдѣлать что-нибудь скверное, хоть-бы онъ и бѣденъ не былъ!.. проворчалъ Волльновъ.

— Такъ вы полагаете, что онъ укралъ деньги? съ живостью спросилъ слѣдователь.

— Во всемъ этомъ дѣлѣ, извините, я не имѣю ни роли, ни мнѣнія, увертливо отговорился Волльновъ, но при этомъ глаза его подмигнули съ такимъ лукавымъ выраженіемъ, которое, какъ будто, намекало на то, что обо всей этой исторіи у него уже составилось свое мнѣніе, совершенно твердое и опредѣленное.

XXIV.

Какъ только позволило состояніе здоровья, Готтгольдъ перѣхалъ изъ Проры въ Зундинъ, хотя Оттилія и увѣряла, что воздухъ въ Прорѣ несравненно лучше для выздоравливающихъ, что онъ можетъ точно также здѣсь окончить свою картину, какъ и тамъ. Она даже совершенно отказывалась отъ такого лестнаго подарка, если только дорогой гость согласился-бы остаться. Но мужъ ея былъ совершенно другого мнѣнія.

— Хочетъ ѣхать и Богъ съ нимъ, задерживать не надо, толковалъ онъ ей,—а иначе пришлось-бы взять на себя отвѣтственность за все, что съ нимъ случится, если онъ останется. А этого,

признаюсь тебѣ, мнѣ вовсе не хочется. Я отъ души желаю этому молодому человѣку всего, всего хорошаго, желаю ему полного счастья, какого онъ заслуживаетъ, но не думаю, чтобы онъ могъ достигъ его этими путемъ. Не ожидай, однако, чтобы я стала развивать тебѣ въ сотнй разъ свои мнѣнія о бракѣ. Я готовъ сдѣлать даже всевозможныя уступки, лишь-бы Готтгольду отъ этого сколько-нибудь было легче. Но въ томъ-то и штука, что толку изъ этого не выйдетъ никакого... Единственное средство сломить препятствія до того не хорошо и не желательно, что самъ Готтгольдъ, насколько я его знаю, не рѣшится имъ воспользоваться, если-бы дѣло и зашло у нихъ такъ далеко... Ну, а теперь, пока до того еще не дошло...

— Мнѣ вовсе не хочется ломать голову надъ этими загадками! улыбулась Оттилія, — позволю себѣ одинъ только вопросъ, но прошу на него прямого и добросовѣстнаго отвѣта: это средство извѣстно Готтгольду?

— Ужь, конечно, я ему не указывалъ, но, очень вѣроятно, онъ самъ догадается... человѣкъ понятливый!...

Оттилія, разумѣется, была не совсѣмъ довольна этими тайственными разъясненіями, тѣмъ не менѣе и она не могла сомнѣваться, что Готтгольдъ самъ хотѣлъ ухъать и что его не оставили-бы никакія просьбы и убѣжденія ея мужа.

Готтгольдъ выхъалъ съ какою-то странною торопливостью, точно хотѣлъ, чего бы то ни стоило, прорваться чрезъ замыкавшій его заколдованный кругъ. Въ самомъ дѣлѣ, не находился-ли онъ подъ какимъ-то страннымъ, магическимъ обаяньемъ съ той самой минуты, какъ ступилъ ногою на родной островъ и, не узнавъ товарища дѣтскихъ лѣтъ, Іохена Преброва, прохъалъ вмѣстѣ съ нимъ по роднымъ полямъ!.. Добрый, славный Іохенъ Пребровъ!... Ужь онъ-то вовсе не былъ похожъ на посланника боговъ, а между тѣмъ, въ эти послѣдніе дни съ нимъ начался цѣлый рядъ диковинныхъ происшествій, то отворявшихъ Готтгольду свѣтлую область поэзіи и небо, то заставлявшихъ его невыносимо страдать и содрогаться. То нектаръ и амброзія въ божественномъ сосудѣ, то желчь и уксусъ на деревь!..

„Я была-бы несчастнѣйшимъ существомъ, если-бы ты не понималъ меня!“ сказала она недавно, и слова эти до сихъ поръ отдавались у него въ ухахъ, — слова и тонъ отчаянья, какимъ они

были произнесены... словно изъ глубины бездны, въ которую она должна была упасть неизбѣжно, если-бы онъ не умѣлъ понять ее... Непониманіе значило-бы сомнѣнне, недовѣріе, а недовѣріе и роковой проигрышъ въ подобную минуту были-бы одно и то-же!...

Да, но понялъ-ли онъ ее?!

Разъ какъ-то Готтгольдъ внезапно пробуждается среди глубокой затиши ночи и вдругъ въ душѣ его, со всею яркою неожиданностью, обозначилась такая мысль: одно, только одно было для нея невозможно, было выше ея силъ—уйти изъ этого дома, оставляя въ немъ своего ребенка... въ когтяхъ этого звѣря. И вотъ это-то одно сдѣлало ее послушной, безгласной рабою негодяя... А онъ, когда это ему понадобится, могъ-бы выгнать ее, выгнать-бы, если-бъ... обвинилъ-бы ее въ нарушеніи святости брака, развода сталь-бы требовать... и развѣ она, гордая, благородная, устыдится суда, устыдится людей и не признается, что лежала въ объятіяхъ своего единственнаго друга и добраго человѣка?!.. Стоить захотѣть ему и ее заклеить незаслуженнымъ пятномъ супружеской невѣрности, бракъ будетъ расторгнуть, и ребенка отнять у виновной стороны и отгадутъ праведной, обиженной?!.. И завтра, какъ опозоренную, оплеванную, ограбленную развратницу, ее швырнуть въ объятія любимаго человѣка, если... если онъ лишится способности понимать ее...

Нѣтъ, нѣтъ, теперь онъ оцѣнилъ, онъ понялъ ее... Но что же она должна была выстрадать, какъ еще страдать осуждена, бѣдная, бѣдная!..

И неужели такъ и дальше будетъ, неужели всему этому такъ и слѣдуетъ ему! Никогда!.. Теперь, когда онъ проникъ въ подлое лубавство своего противника, теперь этому противнику уже не выиграть!.. Однако, этотъ господинъ мирился съ своимъ страшнымъ стыдомъ и, зная, что жена его сердцемъ принадлежала другому, продавалъ этотъ стыдъ за деньги—что-же другое не могло быть для него продажно?.. Но если онъ всѣмъ могъ торговать хладнокровно—честью, женою, ребенкомъ—почему-бы ему было не продать все сразу?.. Вѣдь онъ хорошо зналъ, что ему заплатятъ отличную, красную цѣну, заплатятъ столько, насколько хватитъ ресурсовъ покупателя. Или, можетъ быть, онъ думалъ: нѣтъ, лучше продать все поштучно, въ раздробную, — за товаръ, какими манеромъ, пожалуй, можно будетъ взять и дороже...

Или, можетъ быть, и для него было нѣчто такое, чего испугалась даже его грязная душонка, переломить себя не могла... Пустое! Ужь не была-ли скорѣе его ненависть къ противнику еще сильнѣе волчьей жадности и алчности? Можетъ быть также, для такого отъявленнаго негодяя всего этого было мало... изъ любви къ искусству онъ хотѣлъ еще искалѣчить, изуродовать свои жертвы, чтобы имѣть наслажденіе разразиться своимъ звѣринимъ хохотомъ!!..

Съ нею это, конечно, станется, но спрашивается, какъ долго картежникъ и мотъ будетъ предаваться этому невинному наслажденію? И не схватить-ли его за горло необходимость продать свой товаръ гуртомъ,—можетъ быть, не сегодня—завтра?... Вѣдь покупателю стоитъ только обождать немного, запастись терпѣніемъ и... деньгами.

И вдругъ матеріальные ресурсы, на которые Готтгольдъ прежде рукою махнулъ, приобрѣли въ его глазахъ чрезвычайную, почти роковую важность. Тяжело и жутко было ему подумать, что большую часть своего денежнаго имущества онъ повѣрилъ людямъ далеко неблагонадежнымъ. По крайней мѣрѣ, Волльновъ, какъ только они стали вести между собою переписку,—совѣтовалъ ему быть осторожнѣе съ штетинскою банкирскою конторою,—сначала только далекими намеками, а потомъ и въ совершенно ясныхъ, недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Но Готтгольдъ, по своему обычному равнодушію къ благамъ міра сего, или изъ уваженія къ имени завѣщателя, оставшемуся въ фирмѣ конторы,—пропустилъ мимо ушей дружеское предостереженіе. Въ послѣднее время Волльновъ счелъ своею обязанностью заговорить особенно рѣзко и настойчиво объ этомъ дѣлѣ и посовѣтовать ему забрать свои влады, пока еще до бѣды не дошло. Зундинскій банкиръ, дисконтировавшій векселя Волльнова, подтвердилъ его показанія Готтгольду и предложилъ свои услуги, но съ тѣмъ, чтобы онъ не отълаживалъ дѣла въ долгій ящикъ.

Готтгольдъ, дѣйствительно, хотѣлъ за это взяться, но.. нужно было сначала навѣстить своего пансіонера, молодого художника Бруггберга: бѣдный Бруггбергъ былъ при смерти, и обязанности друга и добраго товарища заставили Готтгольда забыть все остальное. Потомъ недѣли двѣ-три онъ былъ совершенно разстроенъ и не могъ ни на что рѣшиться. Но теперь медлить было незачѣмъ:

Готтгольдъ энергичеески принялся хлопотать... когда было уже поздно!...

Приходить къ банкиру, — тотъ встрѣчаетъ его съ странно вытянутой физиономіей. Только-что было получено изъ Штеттина извѣстіе: фирма Ленцъ и компанія обанкротилась... самымъ злымъ и скандальнымъ образомъ: кредиторамъ не могли предложить даже пяти процентовъ вмѣсто погибшихъ капиталовъ!!..

— Весьма и весьма прискорбно! сморщился господинъ Натансонъ, — я самъ теряю кое-какую бездѣлицу, если только можно потерять то, о чемъ давно уже и думать пересталъ... Но ваша потеря, насколько я васъ понялъ, посерьезнѣе: у васъ тамъ было пятьдесятъ тысячъ талеровъ, вѣжеся?...

Еще незадолго передъ тѣмъ Готтгольдъ безопасно махнулъ-бы рукою на этотъ кризисъ и пошелъ-бы, куда ему нужно. Но теперь это его ошеломило, точно громовымъ ударомъ. Благодаря этой потерѣ и недавнему займу у Волльнова, капиталъ его сократился до четвертой части, да и эта часть, въ строгомъ смыслѣ, ему уже не принадлежала. Распоряжаться ею свободно онъ не считалъ себя вправѣ, если не хотѣлъ нарушить принятыя на себя обязательства. Здѣсь бѣдный юный художникъ, довѣрившись его дружескому участію, построилъ всю свою жизненную программу, тамъ умершій товарищъ оставилъ жену и дѣтей, и Готтгольдъ обязался оградить ихъ отъ голода и нищеты. Что-же оставалось собственно ему, когда онъ выполнить эти обязательства, какъ этого требовали отъ него честь, да еще неуснувшая, живая совесть! Ничего, ровно ничего... за исключеніемъ того, что дастъ работа. Положимъ, для него этого было достаточно, даже болѣе чѣмъ достаточно, ну, а что скажетъ волчья жадность знаменитаго картежника и гуляки?!.. Ужь онъ-то завтраками не удовлетворится, на разсрочкѣ не помирится, — нѣтъ, не изъ такихъ!!...

И вотъ, теряясь, путаясь въ мысляхъ, Готтгольдъ раздумывалъ объ этой страшной преградѣ, которую не могли сломить ни его безсильное раздраженіе, ни отчаянье... Въ чемъ можно было ее обвинить, кромѣ того, что молодость, страстность, открытая довѣрчивость ввели ее въ ослѣпленіе и отдали въ руки негодяя?... И если, послѣ долгихъ лѣтъ невыносимой и никому невѣдомой пытки, она вдругъ вздохнула надеждой при видѣ друга своей дѣтской жизни и, въ естественномъ порывѣ искать спасенія, хо-

тѣла скрыться въ его добрыхъ, какъ-бы родныхъ объятіяхъ, то... въ чемъ тутъ такое ужасное преступленіе?!.. А, между тѣмъ, теперь она была виновной стороной, теперь этотъ отвѣщенный негодяй, опираясь на свои права, могъ безнаказанно мучить, убивать ее!!..

Негодование, ненависть, любовь—все это вмѣстѣ мучило душу бѣднаго Готтгольда и не давало никакого исхода. Правда, невольно овладѣвала имъ мысль, что вѣдь можно-же пріискать средство... обвинить передъ всѣмъ божьимъ свѣтомъ того, кто, на самомъ дѣлѣ, былъ виноватъ и грязень.

Но какъ доказать подобную виновность?

Готтгольдъ испугался самъ себя, когда въ головѣ его блеснула мысль о возможности подобрать подходящіа доказательства. Неужели махнуть рукою на свою честь, на честь Цециліи и разоблачить разные грязенькіе секреты... ночныя прогулки по лѣстницамъ долланскаго дома, въ комнату аппетитной субретки!!.. Нѣтъ, это слишкомъ гадко и грязно!.. Но чтобы подобная гаденькая, истасканная личность рѣшилась выступить изъ темныхъ лазеекъ порока на открытую дорогу преступленія—Готтгольду казалось это совершенно невѣроятнымъ. Слишкомъ многое говорило противъ подобнаго предположенія. Во-первыхъ, Готтгольдъ не допускалъ въ такомъ подломъ трусѣ хотя-бы ничтожной доли мужества, которое все-таки необходимо для преступленія. И притомъ Вольтновъ намекнулъ-бы на это хотя однимъ словомъ, высказалъ-бы свое подозрѣніе: вѣдь онъ съ такимъ жаромъ ухватился за это дѣло,—вѣроятно, изъ участія къ ассессору, можетъ быть, также изъ собственного любопытства и желанія разоблачить темную загадку. Во всякомъ случаѣ, онъ нападалъ на малѣйшій слѣдокъ, которымъ можно было-бы розыскать пропавшіа деньги. Да и статочное-ли дѣло, чтобы Брандовъ, будь онъ замѣшанъ въ этомъ воровствѣ прямо или косвенно, — такъ спокойно пожималъ руку обокраденнаго, такъ безопасно хохоталъ съ нимъ и его супругой, какъ это самъ Готтгольдъ видѣлъ еще недавно?.. Вѣдь это просто психологическая невозможность. Конечно, непріятный случай былъ порѣшенъ конторою монастырской вотчины самымъ благопріятнымъ для ассессора образомъ. Въ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ отца Альмы, было постановлено, что ассессоръ тутъ ничѣмъ не виноватъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ повѣреннаго

конторы, не только имѣлъ право, но даже былъ обязанъ взять деньги, привлекать-же его къ отвѣтственности за то, что съ нимъ случилось во время паденія съ долланскаго спуска или послѣ того, — было-бы совершенно незаконно. Поэтому въ конторѣ порѣшили просто внести десять тысячъ талеровъ въ книгу убытковъ и на этомъ покончить.

— Если-бы вы даже, милостивые государи, взяли назадъ распоряженіе о розысканіи и арестѣ Генриха Шеля, прибавилъ тестъ Зелліена, — то я-бы, право, ничего не имѣлъ противъ этого. Его вы теперь и днемъ съ огнемъ не разыщете и только безъ всякой пользы напоминаете вѣчно публикѣ объ этой глупѣйшей исторіи, о которой лучше было-бы уже замолчать какъ ради нашихъ общихъ интересовъ, такъ и изъ участія къ моему зятю....

Брандовъ безцеремонно расхохотался, когда Зелліенъ рассказывалъ ему о послѣднемъ засѣданіи въ монастырской вотчинной конторѣ. Но потомъ гость сейчасъ-же сталъ откланиваться — нужно, говорить, поспѣть еще въ комитетъ скачекъ, на конференцію — одиннадцатую втеченіи двухъ недѣль! Ужь, право, говорить, и надежду потерялъ выбраться когда-нибудь изъ города. Но тутъ ничего не подѣлаешь. Для него весьма важно, чтобы было отмѣнено рѣшеніе объ отводѣ подъ скачки болотистаго мѣста. Его Браунлокка вчера благополучно привели вмѣстѣ съ прочими лошадьми, — спору нѣтъ, конь хорошій, настоящій *steep-chase*, но именно при его тяжелыхъ, исполинскихъ прыжкахъ ему нужна твердая почва. Поступать противъ него, Брандова, такимъ образомъ — просто нечестно и недобросовѣстно. Вотъ даже и молодой князь Прора замѣтилъ, что это — „*indigne*“... А все-таки проигрыша, говорить, платить не намѣренъ... скорѣе по шею завязну въ болотѣ...

— Вотъ герой, настоящій герой! вздохнула Альма Зелліенъ, томно поведя глазами, когда Брандовъ еще не успѣлъ затворить за собою дверь.

— Вотъ дуракъ, такъ ужь настоящій дуракъ! рѣшилъ Готтгольдъ, пробираясь вскорѣ послѣ того къ себѣ домой по мокрымъ, послѣ дождя, улицамъ; — и дуракъ, и все-таки подлець... словомъ, нимало не способенъ ни на что, сколько-нибудь похожее на мужество порядочнаго человѣка...

На квартирѣ Готтгольдъ застаётъ письмо, распечатываетъ и

узнаеть хорошо знакомый ему, твердый, красивый почеркъ Волльнова.

Письмо было довольно длинное; Готтгольдъ подумалъ сначала, что оно и теперь трактовало о штеттинскомъ дѣлѣ, такъ какъ въ послѣднее время это былъ сюжетъ ихъ корреспонденціи. Онъ, однако, ошибся. Глаза у него искрились дикимъ огнемъ, когда онъ, оставаясь на ногахъ, съ судорожной торопливостью прочитывалъ исписанный листъ. Прочитавъ письмо, онъ бросился на стулъ, но потомъ вдругъ вскочилъ съ живостью, будто рѣшившись на что-то окончательно. Готтгольдъ опрометью бросается изъ дому и спѣшитъ туда, гдѣ комитетъ скачекъ держалъ свои засѣданія. Тамъ узнаеть, что господинъ Брандовъ сильно повздорилъ съ однимъ изъ членовъ комитета и куда-то выбрался. Готтгольдъ ѣдетъ въ ту гостинницу, гдѣ, какъ ему было извѣстно, Брандовъ обыкновенно останавливался. На этотъ разъ господинъ Брандовъ не удостоилъ гостинницу своимъ посѣщеніемъ, — должно быть заѣхалъ въ отель „Золотаго Льва“. Но „Золотой Левъ“ ничего не слыхалъ про господина Брандова и послалъ Готтгольда къ „Бѣлому Быку“. Изъ „Бѣлаго Быка“ господинъ Брандовъ выѣхалъ... съ четверть часа, пожалуй, будетъ, объяснялъ кто-то изъ старшихъ въ заведеніи, — и должно быть, домой выѣхалъ, по крайней мѣрѣ, велѣлъ снести свои вещи на пароходъ.

Слѣдующій пароходъ отправляется черезъ полчаса. Готтгольдъ могъ еще успѣть вернуться домой и уложить кое-какія вещи въ маленькій чемоданчикъ.

— Можетъ быть, я вернусь черезъ нѣсколько дней, крикнулъ онъ своей хозяйкѣ и потомъ прибавилъ мысленно: „а можетъ быть, и совсѣмъ не вернусь!...“

(Продолженіе будетъ.)

О Д И Н О К І Е О Г Н И .

Изъ городскихъ идиллій М. Гартмана.

(Посв. А. П. Ф—вой.)

Во тьмѣ, по улицамъ блуждая
И видя въ окнахъ слабый свѣтъ,
Творящимъ думамъ отдается
Невольно истинный поэтъ.

Въ сіяньи свѣчекъ одинокихъ,
Едва мерцающихъ въ потьмахъ,
Таятся чудные рассказы
Объ изстрадавшихся сердцахъ.

Ихъ поздній блескъ напоминаетъ,
Какъ и блудящіе огни,
Про жизнь, загубленную рано,
Про рано порванные дни.

Вотъ огонекъ, подъ самой крышей
Онъ тускло брежжетъ въ вышинѣ,—
Такъ взоры дѣвушки тускнѣютъ
Отъ слезъ, пролитыхъ въ тишинѣ.

Я вижу: преклонивъ колѣни,
Она молилась, чтобы вновь.
Окончивъ день работы спѣшной,
Ночь провести среди трудовъ.

Бѣдняжка шьетъ нарядъ невѣстѣ,—
Той снится сонъ любви живой,
А ей на заработокъ купятъ,
Быть можетъ, саванъ гробовой.

Скорѣ прочь! Звѣздой яркой
Еще огонь блеститъ въ потьмахъ,

Онъ отдалился, будто хочетъ
Отъ смертныхъ скрыться въ небесахъ.

Жизнь неизвѣстнаго поэта
Тамъ мчится мирно, какъ ручей;
Доволенъ онъ своимъ созданьемъ
И одобреньями друзей.

Счастливицу снятся годы славы,
Любовь, восторги—чудный сонъ!
Онъ гордъ и смѣлъ въ виду побѣды,—
Но что-то послѣ скажетъ онъ?

Еще огонь—какъ свѣтъ лампы,
Горящей въ храмѣ по ночамъ,
Сквозь стору плотныя въ окошкѣ
Едва замѣтенъ онъ глазамъ.

Здѣсь есть больной... Зари румяной
Онъ ждетъ съ тревогою въ глазахъ
И, можетъ быть, онъ хочетъ встрѣтить
Ее не здѣсь, а въ небесахъ.

Бой однозвучный раздается,—
Онъ тихо стонетъ: „полночь бьетъ!“
И вспоминаетъ пѣсню няни:
„Что всѣхъ болящихъ Богъ спасетъ.“

Но дальше, въ радостнымъ картинамъ!
Вотъ этотъ чудный, пышный домъ;
Какъ лучезарное видѣнье,
Живетъ душа святая въ немъ.

Тамъ сквозь пунцовыя завѣсы,
Какъ молодого утра свѣтъ,
Какъ дня безоблачнаго вѣстникъ,
Свѣча отрадный шлетъ привѣтъ.

И въ этихъ мраморныхъ палатахъ,
Среди картинъ, каріатидъ,
Въ отрадномъ мирѣ и покоѣ
Ихъ фея добрая царить.

Она не спитъ въ часы ночные,
Когда лишь скорбь мѣшаетъ спать,

И эту скорбь вполнѣ узнала
Она, заботливая мать.

Передъ больнымъ своимъ ребенкомъ,
Въ тоскѣ мучительной своей,
Она забыла пиръ веселый,
Гдѣ все соскучилось по ней.

И роскошь бальнаго наряда,
И ароматъ цвѣтовъ живыхъ
Ничтожны кажутся въ сравненіи
Съ богатствомъ чувствъ ея святыхъ.

Не складки бѣлаго атласа
Ей украшенье, а любовь
И миллионъ благословеній
Спасенныхъ ею бѣдняковъ.

Ея ребенокъ на лекарство
Глядитъ, готовясь зарыдать,—
Но вотъ плѣнительную сказку
Ему придумываетъ мать:

„Когда-то на востокѣ
Ребенокъ царскій жилъ;
Какъ сказочный царевичъ,
Онъ былъ и добръ, и милъ.

„Отецъ его былъ сильнымъ
Восточныхъ странъ царемъ,
Имѣлъ сады и замки
На берегу морскомъ.

„Но онъ не зналъ покоя
И радости не зналъ:
Хорошенькій царевичъ,
Сынокъ его, хворалъ.

„И вотъ узнала тѣтя,
Одна изъ добрыхъ фей,
Что царь-отецъ скучаетъ,
Что мать не спитъ ночей.

„Къ царевичу на помощь
Спѣшитъ она скорѣй,

Въ цвѣточной колесницѣ,
На парѣ голубей.

„Поспѣшно облетаетъ
Постель его кругомъ,
Съ плѣнительною пѣснью,
Съ таинственнымъ жезломъ.

„Тогда сквозь поле внезапно
Пробилися кусты,
И сладкимъ ароматомъ
Повѣяли цвѣты.

„И сокъ цвѣтовъ душистыхъ
Напиткомъ сладкимъ сталъ,
И пилъ его царевичъ
И больше не хворалъ.

„И изъ героевъ славныхъ
Онъ самымъ сильнымъ былъ,
И западъ отдаленный
Востоку покорилъ.

„И этотъ чай душистый
Съ тѣхъ поръ больнымъ даютъ;
И фея горько плачетъ,
Когда его не пьютъ.“

Смѣясь, ребенокъ полусонный
За чашкой тянется рукою
И образъ феи благосклонной
Онъ ясно видитъ предъ собою:

Она, съ невольными слезами,
Съ улыбкой матери святою,
Къ нему прижалася устами...
Дай Богъ ей вѣчно быть такою!..

А. ■.

„З О В Е Т Ъ“...

(Записки Семена Долгаго.)

(ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.)

Х.

По правдѣ сказать, и вчера, и сегодня у меня было очень вѣрное предчувствіе, что наше предпріятіе, относительно Александры Яковлевны, окончится полной неудачей. Я боялся, что она не рѣшится принять наши надежныя, преданныя руки, которыя мы ей протягивали отъ чистаго сердца. Я съ минуты на минуту ожидалъ услышать отъ нея роковой отвѣтъ, что она „уже не та“. Я не ожидалъ, наконецъ, чтобы она захотѣла повести почти открытую войну противъ своего мужа, который, конечно, далеко не дружескими глазами смотритъ на наше вторженіе въ его семейное святилище. И за то какъ я радъ, — я больше всѣхъ радъ, что мое предчувствіе оказалось нисколько не умнѣе многихъ другихъ предчувствій! Я весело подбросилъ на воздухъ свою шапку, когда мы вышли сегодня изъ квартиры Покоевыхъ; я видѣлъ на морозѣ самыя беззаботныя трели и рулады; я попробовалъ, наконецъ, прокатиться по льду, вылощенному школьниками подлѣ мостковъ.

— Что съ тобой, Семень?..

— Что съ вами дѣлается, мой рыцарь свѣта? спросили, наконецъ, меня и Елизаръ, и Вѣра Николаевна.

— Что со мной дѣлается? почти съ негодованіемъ повторилъ я. — О, вы, холодные, бездушные люди! Мы обрѣли сегодня за-

блудшую овцу, которую давно уже считали погибшей. Мы нашли нынѣ стараго друга, съ которымъ надолго были разлучены судьбою. Мы приобрѣли отнынѣ славнаго, дѣльнаго помощника — и вы все-таки спрашиваете, что со мной? По моему мнѣнію, мы имѣемъ полное право задать на радостяхъ даже нѣкоторый пирь...

Они смѣялись надо мной, эти бездушные люди, но, я знаю, и у нихъ на сердцѣ было тоже легко, былъ тоже праздникъ, ибо вѣстину расторгены нами оковы нѣвоей плѣнницы, вѣстину посрамленъ нѣкій злой духъ въ образѣ моего „стараго, добраго друга“. Да, пока побѣда! И да украсится побѣднымъ вѣнкомъ нѣжное чело Вѣры Николаевны!

Тепло и просто заговорила она съ Александрой Яковлевной, немало изумленной появленіемъ прекрасной гостьи, которую она ждала, основываясь на нашихъ словахъ, *когда-нибудь, на дняхъ*, а вовсе не сегодня. Заговорила Вѣра Николаевна о своемъ пріютѣ... Разказала она въ общихъ чертахъ всю свою жизнь, конечно, не совсѣмъ пустую, но, во всякомъ случаѣ, тепличную, кабинетную, проведенную за книгами и искусствами. Съ глубокой грустью посмѣялась она надъ своими благими, но неумѣлыми стремленіями и порывами.

— Право, я люблю ихъ, моихъ дѣвочекъ, жаловалась она. — Но говорить съ ними — я сама чувствую, что не умѣю... Обращаться съ ними — сама вижу, что не скоро еще научусь.

И видѣлъ я, что съ большимъ участіемъ слушала ее наша хозяйка. Видѣлъ я, что все свѣтлѣе и ласковѣе становились ея печальные глаза, что чаще и чаще мелькаетъ хорошая, добрая улыбка на ея блѣдныхъ губахъ. А когда Вѣра Николаевна приступила затѣмъ къ характеристикѣ своихъ дѣвочекъ, когда она выставила на видъ ихъ маленькіе продѣлки, слабости и недостатки, — когда она со смѣхомъ привела, наконецъ, образчикъ тѣхъ длинныхъ, длинныхъ рѣчей, съ какими обращалась прежде къ своимъ воспитанницамъ, приглашая ихъ обратиться на путь истинный, — тогда... свершилось чудо, — тогда всплеснула Александра Яковлевна своими худыми, тонкими руками и засмѣялась славнымъ, задушевнымъ, серебристымъ смѣхомъ. Разомъ посвѣтлѣли и повеселѣли мрачныя комнаты, конечно, давно, давно уже неслыхавшія такого смѣха. Разомъ унеслись куда-то мои недобрыйя предчувствія; мигомъ исчезли и глубокія морщины съ моего

лба, и худо скрытое беспокойство, омрачавшее лицо Елизара. Мы дружно „поддержали“ Вѣру Николаевну. Мы на перебой выводили на свѣтъ божій ея безпрестанныя педагогическія затрудненія и недоразумѣнія, — мы весело подтрунивали надъ частыми, горькими слезами, которыя она проливала, созерцая свою „неумѣлость“, мы безбожно преувеличивали ея отчаяніе, когда она усматривала, что Аня нисколько ее не уважаетъ, а крошечная Дуня, напротивъ, положительно боится ее. И свершилось чудо, я повторяю: воскресъ мертвецъ! Раза два Александра Яковлевна весело апплодировала „неуважающей“ Аниѣ; раза два она подносила платокъ къ глазамъ, чтобы отереть наворачнувшіяся отъ смѣха слезы и лучше всякой музыки звучалъ для меня ея пылкій, славный, задумевный смѣхъ.

— О, дѣти, дѣти! Что это за милны обезьяны! восклицала она.

Хорошая музыка! Ебенуло, я думаю, отъ нея нечистое сердце Валерьяна Петровича, котораго Господь Богъ послалъ домой какъ разъ въ эту самую минуту. Комично и скверно было его вытянувшееся, недоумѣвающее лицо, когда онъ остановился въ дверяхъ, спустилъ на носъ свои запотѣвшіе отъ мороза очки и поверхъ ихъ вращалъ изподлѣбья своими непріятными глазами. Да, это Елизаръ, твой лучший другъ! мыслимо рекомендовалъ я ему, когда его глаза упали на Елизара, преспокойно стоявшаго, прислонившись къ печкѣ. Это я, Семень Кулевъ, вытянувшій до половины комнаты свои длинныя ноги и тоже дружески тебя привѣтствующій! А это—Вѣра Лаврская, та Вѣра Лаврская, которую ты радъ-бы видѣть каждый день и каждую минуту, но только отнюдь не подлѣ твоей жены... Она сама!

Ни „ба!“ ни „какими судьбами!“ ни „вась-ли я вижу!“ ни какого-либо другого восклицанія, столь обыкновеннаго въ подобныхъ непріятныхъ случаяхъ, — ничего, ничего не смогъ сказать этотъ, очевидно, ни о чемъ непредупрежденный и совершенно растерявшійся бѣдняга. Не говоря ни слова, пожалъ онъ всѣмъ руки, молча сѣлъ въ кресло, молча-же вытеръ свои очки и уже тогда нерѣшительно спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?..

— А въ томъ дѣло, весело, но замѣтно насмѣшливо отзывался Елизаръ,—въ томъ дѣло,—ни больше, ни меньше, что мы собираемся похитить вашу жену.

— По-хи-тить! ядовито повторилъ Покоевъ. — Развѣ я ее держу подъ замкомъ?

— А правда-ли, — говорятъ, что вы очень ревнивы? быстро спросила Вѣра Николаевна.

— А правда-ли, — говорятъ, что вы не любите, чтобы ваша жена выходила изъ дома? поддержалъ я.

— А правда-ли, — будто вы ее строго наказываете, если она все-таки выйдетъ куда-нибудь? продолжалъ Елизаръ.

— О, ужась, ужась, ужась! весело воскликнула Вѣра Николаевна. — Вы, который всегда стояли за свободу женщинъ? Вы, который такъ горячо проповѣдывали, что женщина не только равна мужчинѣ, но даже выше его! Вы, непримиримый врагъ всякаго насилія, — защитникъ угнетенныхъ... слабыхъ...

— Бѣдныхъ! закончилъ Елизаръ при дружномъ взрывѣ смѣха, въ которомъ не принимала участія только Александра Яковлевна, пристально и горько смотрѣвшая на своего мужа, будто спрашивая — какъ онъ чувствуетъ себя при этой злой „шуткѣ“?

Скверно, скверно чувствовалъ себя Валерьянъ Петровичъ! Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ; пробовалъ улыбаться и комически почесывать свой затылокъ, то злобно кусалъ губы, не отрывая глазъ отъ сигарки, которую свертывалъ своими дрожащими и красными отъ мороза пальцами. Онъ счелъ, наконецъ, за самое лучшее — принять участіе въ общемъ смѣхѣ, но хохотъ его вышелъ до такой степени грубъ, злобенъ, дикъ, что за нимъ разомъ наступило молчаніе.

Да, онъ попался наконецъ. Когда мы приступили затѣмъ къ краткому объясненію того дѣла, ради котораго очутились въ гостяхъ у него, нашего добраго, стараго пріятеля, — тогда онъ самъ ясно, я полагаю, почувствовалъ, что совѣмъ попался и что мы дѣйствительно намѣрены похитить его жену. Сойдется она, конечно, въ самую скоромъ времени съ Вѣрой Николаевной и, можетъ быть, повѣдаетъ ей скорбную исторію своей семейной жизни. Будетъ Александра Яковлевна чуть не каждый день встрѣчаться съ Елизаромъ и со иной... Опять воскреснетъ между нами старая дружба... Совѣмъ, совѣмъ попался! Вало представлялъ онъ свои немудрыя возраженія. Удивлялся онъ, какъ это Вѣра Николаевна не можетъ одна управиться „съ этими дѣвчонками“. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобы такое нехитрое, по его мнѣнію, дѣло было ей

не по силамъ. Утверждалъ онъ, что все это чистѣйшая филантропія, которой онъ никакъ не можетъ сочувствовать. Убѣжденъ онъ былъ, наконецъ, что его жена окончательно погубить свое слабое здоровье, если приметъ наше предложеніе.

— Ну... не знаю, сухо сказалъ на это Елизаръ. — Любимое дѣло, другая обстановка... другой, такъ сказать, воздухъ...

— Никогда не наполненный такими облаками табачнаго дыма, какъ здѣсь, прервала его Вѣра Николаевна, вставая. — Право, это все прекрасныя вещи, Валерьянъ Петровичъ. Разцвѣтутъ опять розы на щекахъ вашей жены, будетъ она веселая, сильная и вообще вы совѣмъ ея не узнаете... До свиданья...

Но Валерьяну Петровичу, какъ видно, вовсе не улыбалась эта пріятная перспектива перерожденія его жены. Сумрачно поднялся онъ со своего кресла, холодно пожалъ онъ наши руки и стоялъ въ отдаленіи все время, пока мы разбирали свои шубы и одѣвались.

— Надѣюсь, что мы будемъ добрыми друзьями, сказала Вѣра Николаевна, обращаясь къ Александрѣ Яковлевнѣ.

— Миѣ сдается, что такъ, отъ души отвѣчала она.

— Нельзя-ли и старымъ друзьямъ надѣяться на новую, лучшую дружбу? спросилъ Елизаръ.

Она хорошимъ, теплымъ взглядомъ взглянула на насъ обоихъ, потомъ медленно приподняла обѣ руки и крѣпко опустила ихъ на наши распростертыя ладони.

— И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ готовъ Семень Кулевъ положить за васъ свою душу! торжественно провозгласилъ я.

— Аминь, заключила Вѣра Николаевна.

А Покоевъ, какъ столбъ, стоялъ въ дверяхъ прихожей, заложивъ обѣ руки въ рукава, и очень, очень пристально смотрѣлъ на наши калоши.

Да, попался! Могъ онъ, сколько ему было угодно, бѣгать по комнатѣ, вдыхать, ломать руки и ссрешетать зубами. Могъ онъ, если это доставляло ему отраду, произносить длинные, яростные монологи противъ нѣкоторыхъ „и-ді-о-товъ“ съ ихъ „дур-рацекими выдумками“. Могъ онъ клясться всѣми своими святынями, которыхъ у него не очень много, — что „выбросить насъ изъ окна“, если мы еще разъ „сунемъ носъ“ въ его квартиру. Могъ онъ даже сдѣлать нѣкоторую попытку произвести своей женѣ до-

прось насчетъ того, когда это она успѣла „наклеуничать“ намъ на него? Онъ все могъ, все могъ, — но, только... Теперь, когда въ хорошихъ глазахъ Александры Яковлевны опять блеснулъ гордый, юношескій огонекъ, — теперь, когда она думаетъ уже не о смерти, а о жизни и дѣятельности, — теперь пропало дѣло моего бѣднаго Валерьяна Петровича.

Гордо, холодно посмотреть она на него. Тихо, сухо отвѣтитъ она, что ей нѣтъ пока охоты выставлять передъ кѣмъ-бы то ни было такую грязь. Рѣзко прибавитъ она, что если онъ не желаетъ видѣть ея друзей, — то это дѣло можно устроить болѣе *благоразумнымъ образомъ*.

И повѣситъ Валерьянъ Петровичъ свою горячую, трусливую голову, и затаитъ онъ до болѣе благоприятнаго случая всю злобу, въ немъ накипѣвшую.

XI.

„Это воплощенная флегма“, говорятъ одни, внимательно осмотрѣвши добраго, страннаго Евгенія Николаевича Дѣдова. „Это маска“, рѣшительно произносятъ другіе. „Это крѣпкій сонъ“, сказала однажды Елизаръ, и я раздѣляю его мнѣніе. Не лишено ума и юмора широкое, блѣдное лицо этого честнаго чудака; мелькаетъ часто чувство въ его голубыхъ глазахъ, но спитъ тотъ юморъ, спитъ то чувство, сладко зѣваетъ тотъ заспавшійся умъ, и неизмѣнно сонной, вялой, неподвижной является красивая фizioномія Евгенія Николаевича. Широки и бѣлы его руки, изъ которыхъ одна непременно покоится за жилетомъ, а другая держитъ сигару или папиросу. Неохотно перемѣняетъ онъ разъ принятое положеніе. Лѣниво тянутся изъ его рта струйки дыма. Однообразно звучитъ его голосъ, одинаковымъ тономъ вѣщающій, какъ о томъ, что ему, Дѣдову, жизнь до тошноты надоѣла, такъ и о томъ, что у него платокъ украли. Аккуратно и добросовѣстно учительствуетъ онъ въ нашей школѣ, не увлекаясь ни самъ ею, не увлекая ни учениковъ своимъ краснорѣчіемъ, но сухо, ясно, просто передаетъ имъ свои основательныя познанія. Таковъ онъ.

Стояли передъ нами двѣ бутылки мадеры; плавали надъ нашими головами облака табачнаго дыма, и мирно, дружелюбно текла

наша бесѣда. Разсказывалъ онъ мнѣ, что вотъ уже два-три дня какъ Покоевъ ночуетъ и обѣдаетъ у поручика Плясунова, считывая, вѣроятно, тронуть этимъ способомъ окаменѣвшее сердце своей жены. Съ разстановкой пересчитывалъ онъ, какими тяжелыми именами называетъ Валерьянъ Петровичъ меня и Елизара. Припоминали мы чуть не всю прошлую жизнь Покоева, разбирали его жалкія рѣчи о свободѣ, о трудѣ, о меньшихъ братьяхъ, много билетничали, говорили затѣмъ объ охотѣ, о собакахъ, ружьяхъ...

Но вотъ пробилъ часъ ночи, и вскорѣ затѣмъ вошелъ въ нашу комнату Елизаръ, только-что окончившій свои, можно сказать, полупочинныя занятія съ Игнашей Хрящевымъ. Онъ налилъ себѣ немного вина, закурилъ сигару и прилегъ на диванъ.

— Однако, вы устали, замѣтилъ наблюдательный Дѣдовъ.

— Усталъ, тихо отвѣчалъ Елизаръ.

— У васъ лицо выходца съ того свѣта, тѣмъ-же тономъ продолжалъ Евгений Николаевичъ, прихлебывая свою мадеру: — губы у васъ совсѣмъ бѣлыя, глаза красноваты, а около нихъ вотъ такіе темные круги...

Елизаръ ничего не возражалъ.

— Покоевъ уподобляетъ васъ честолюбивому Авессалому, сыну Давидову, который, т. е. Авессаломъ, выходилъ за ворота и льстиво заговаривалъ съ каждымъ прохожимъ.

— Ну, онъ не скажетъ, чтобы *ему* я льстилъ, замѣтилъ Елизаръ.

— Отчего-же не сказать? спокойно возразилъ Дѣдовъ. — Все можно...

— Да, вы правы, горько засмѣялся Елизаръ. — Онъ можетъ даже и не то говорить обо мнѣ. Онъ можетъ утверждать, что я забилъ и вогналъ въ гробъ мою покойницу Варю... Что я люблю загребать жаръ чужими руками... Что подъ видомъ общественныхъ дѣлъ я ловко, нагло обираю людей въ свою собственную пользу... Что я безсовѣстно обираю вотъ его, Семена, обираю Вѣру Николаевну, эксплуатирую васъ также... Вотъ что онъ говорить...

— Да, онъ это говорилъ, процѣдилъ Дѣдовъ.

— Я знаю, продолжалъ Елизаръ. — Я не скажу, чтобы былъ совершенно равнодушенъ къ этой грязной клеветѣ, — нѣтъ: мнѣ больно, хотя, конечно, далеко не до такой степени, въ какой жо-

лалось-бы Покоеву. Сознаюсь, мнѣ больно это... Но еще больнѣе для меня вотъ что. Меня смущаетъ тотъ печальный кругъ, въ который мы вступили. Приобрѣли мы въ Александрѣ Яковлевнѣ хорошаго, вѣрнаго друга, но изъ-за нея нажили себѣ немало враговъ, потому что Покоевъ не одинъ: онъ ведетъ за собою цѣлую толпу себѣ подобныхъ... Друга-же нашли мы и въ Игнашѣ, но послушайте за то, что говорятъ о насъ его братья, посмотрите, какую травлю устраиваютъ они противъ насъ.

Тусклою блѣдностью покрыто было его лицо, всегда смѣлое, гордое, рѣшительное, но на этотъ разъ крайне утомленное. Холодно и мрачно смотрѣли на насъ его потухшіе глаза. Да, онъ усталъ, наконецъ, этотъ неутомимый, желѣзный человѣкъ, работавшій по двадцати часовъ въ сутки. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на свои собственныя истощившіяся силы. Онъ съ недоумѣніемъ обидывалъ насъ своимъ холоднымъ взглядомъ и, можетъ быть, думалъ про себя, что оставь онъ свое дѣло, сложи свои уставшія руки—и все заглохнетъ, все погибнетъ; заростетъ травой уже проторенная дорога... Будетъ Семенъ Кулевъ неразлучно бесѣдовать съ дорогою ему бутылкою; будетъ Вѣра Николаевна упиваться музыкой и мечтаніями о лучшемъ будущемъ; будетъ этотъ сонный Дѣдовъ задавать свои холостыя пирушки и стрѣлять отъ скуки зайцевъ. Не останется на своемъ посту никого, ибо одинъ, одинъ Елизаръ несетъ на своихъ плечахъ все дѣло. Совершенно одинокъ онъ!

— И неужели я совсѣмъ ничего не могу дѣлать путнаго? неожиданно спросилъ Дѣдовъ, какъ будто-бы и его посѣтили тѣ же самыя невеселыя мысли, что осаждали меня.

— Кто-же это говорить? спросилъ Елизаръ.

— Ну, что, напримѣръ?..

Елизаръ пожалъ плечами.

— Да, я знаю, что вы не любите подобныхъ странныхъ вопросовъ, согласился Евгений Николаевичъ, кивнувъ головою.— Но штука въ томъ, что я самъ никогда не выберу себѣ какого-нибудь подходящаго занятія, — это вѣрно. Если-же-бы вы, напримѣръ, послали меня куда-нибудь или, такъ сказать, приказали-бы мнѣ сдѣлать то или другое, то я... охотно выполнилъ-бы... что могу...

Елизаръ молчалъ.

— И выполнилъ-бы добросовѣстно, прибавилъ Дѣдовъ, отряхивая пальцами вино съ своего жилета.

— Можетъ быть, вы организуете другую школу? спросилъ, наконецъ, Елизаръ.

Евгеній Николаевичъ обстоятельно подумалъ и затѣмъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.

— Ну... что-жъ еще? можетъ быть, вы могли-бы писать для народа небольшія брошюры?.. О земледѣліи, напримѣръ?.. По исторіи?..

— Неужели я и этого не могу?.. Нѣтъ, это я попробую, непременно попробую, задумчиво рассуждалъ вслухъ Евгеній Николаевичъ, пощипывая свою жиденькую русую бородку, и вдругъ, круто, обратился къ Елизару съ предложеніемъ, что онъ, Дѣдовъ, можетъ давать стипендію Игнатію Хрящеву, если тотъ рѣшился поступить въ университетъ или куда-бы то ни было и будетъ, само собой разумѣется, нуждаться въ средствахъ.

Съ немалымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него Елизаръ и затѣмъ не безъ улыбки освѣдомился, что, можетъ быть, и еще что нибудь возьметъ на себя Евгеній Николаевичъ?

— Все, что могу, отвѣчалъ Дѣдовъ, переложивъ, наконецъ, одну ногу на другую.— Пожалуйста, только распоряжайтесь мною, какъ вамъ будетъ угодно... Приказывайте мнѣ, посылайте меня, потому что, право, мнѣ рѣшительно все равно... Я умѣю молчать, какъ какая нибудь могила; я могу безъ сна проводить по двѣ или даже по три ночи; я иногда даже втягиваюсь въ то дѣло, за которое взялся не по своей волѣ...

Глубокое уваженіе къ Елизару просвѣчивало сквозь флегму этого чудака. Даже нѣкоторая горячность послышалась въ его рѣчи, когда онъ принялся затѣмъ доказывать Елизару, что ему непремѣнно слѣдовало-бы отдохнуть, развлечься, бросить хоть на недѣлю всякія дѣла и отправиться, напримѣръ, на охоту.

— Да... да... нужно будетъ, разсѣянно соглашался Елизаръ.

XII.

— Да... да... нужно отдохнуть, совершенно серьезно говорилъ онъ вчера... нѣтъ, сегодня, въ третьемъ часу утра, а въ семь

уже засвѣтился огонекъ въ его комнатѣ и слышалъ я въ про-
сонкахъ запахъ его утренней гитары. Въ десять онъ отправился
въ гимназію, вечеромъ занимался въ нашей школѣ, потомъ при-
шелъ Игнаша, а въ антрактахъ Елизарь...

— Ахъ, вы здѣсь!.. А я искалъ, искалъ васъ! многозначи-
тельно воскликнулъ онъ, придя домой во время послѣобѣденнаго
антракта и увидѣвъ у меня юнаго, добраго доктора С., недавно
пріѣхавшаго въ нашъ городъ.

— Чѣмъ я могу служить вамъ? спросилъ С.

— Мнѣ—вѣтъ; но, можетъ быть, я могу послужить вамъ много,
много, невесело смѣясь отвѣчалъ Елизарь.—Хотите-ли вы имѣть
обширную, громадную, постоянную практику?

Яркимъ румянцемъ смущенія покрылись при этомъ щеки на-
шего гостя, въ недоумѣніи смотрѣвшаго на Елизара.

— Хотите-ли вы, чтобы многочисленныя пациенты не давали
вамъ покоя ни днемъ, ни ночью,—чтобы дверь вашей квартиры
никогда не запиралась, а прихожая всегда была полна народа?
Хотите-ли вы, чтобы черезъ какой-нибудь мѣсяцъ ваше имя было
извѣстно всѣмъ, — отъ перваго богача до послѣдняго уличнаго
мальчишки? Хотите вы? Я все вамъ дамъ...

— Но... занюхнулся юный докторъ.

— Я все вамъ дамъ, перебилъ его Елизарь.—Дамъ вамъ славу,
практику, нѣкоторыя неоцѣнимыя сокровища, которыя недоступны
для многихъ, многихъ богачей... Я дамъ вамъ вѣрныхъ, предан-
ныхъ друзей, которые никогда не измѣнятъ вамъ... Я дамъ вамъ
много счастливыхъ минутъ, которыя навсегда освѣтятъ вашу,
только-что начинающуюся житейскую дорогу... Хотите вы?..
Идемте...

И мы пришли.

Тихо, тихо капала съ оттаивающаго окна вода на бѣлый
полъ. Тускло мерцала на столѣ сальная свѣча, слабо освѣщая
лубочныя картинки на стѣнахъ и скудную обстановку бѣдной,
чистенькой комнаты. Лежалъ въ бреду одинъ изъ лучшихъ на-
шихъ учениковъ, угрюмый, длинный, худощавый кровельщикъ...
забылъ его фамилію. Еле-еле волочила ноги молодая, блѣдная
и насилу говорившая жена его, до которой тоже добиралась го-
рячка... А тамъ, около окна, покоился на широкой доскѣ по-
слѣднимъ, вѣчнымъ сномъ длинно-кудрый, красивый мальчуганъ.

Гладко лежали его бѣлыя, какъ ленъ, волосы, крестомъ сложились на груди его загорѣлая, дѣтскія руки и грустно, страшно грустно смотрѣло его широкое, исхудавшее лице.

— Прощай, мой Вася... бѣдный! тихо вымолвилъ надъ нимъ Елизаръ, и дрогнувъ его голосъ, дрогнули губы.

Рыданія матери и бредъ отца... и мертвый маленькій другъ, которому часто приносилъ Елизаръ гостинцы, часто рассказывалъ импровизированныя сказки... Вотъ картины, въ которыхъ очерпаетъ онъ новыя силы, вотъ антракты, въ которыхъ онъ, можетъ быть, видитъ „отдыхъ“.

ХІІІ.

Правъ былъ Елизаръ, когда говорилъ, что Покоевъ ведетъ за собою цѣлую толпу себѣ подобныхъ. Правъ, надѣюсь, и я, изрекая, что жизнь весьма, весьма проста, когда раскрывается ея механизмъ. Одно колесо цѣпляется за другое, это въ свою очередь приводитъ въ движеніе третье; зависть плотно уцѣпляется за глупость, глупость, съ своей стороны, заставляетъ работать пошлость, пошлость, въ свой чередъ, толкаетъ мелкую злобу—и въ результатѣ получается... непременно какая-нибудь мерзость.

Давно уже началъ я замѣчать нѣчто странное въ отношеніяхъ ко мнѣ моего стараго знакомаго и даже пріятеля Алянова, изъза котораго я чуть-было не поссорился нѣкогда съ Елизаромъ. Аляновъ прежде всего прекращаетъ свои посѣщенія моей обители; Аляновъ, далѣе, съ видимой неохотой вступаетъ со мной въ разговоръ при нашихъ случайныхъ встрѣчахъ; Аляновъ, наконецъ, начинаетъ выказывать нѣкоторое поползновеніе уязвить меня — правда, тупымъ оружіемъ.

— А вы, говорятъ, сдѣлались совсѣмъ демагогомъ? насмѣшливо спросилъ онъ меня недавно въ клубѣ, и, кажется, еще больше возмѣлъ противъ меня злобы, когда я громко расхохотался на всю залу и дружески предложилъ ему „лучше пройтись со мною въ буфетъ“.

А недавно мнѣ начало бросаться въ глаза также и то обстоятельство, что Аляновъ обращаетъ какое-то особенное вниманіе на Вѣру Николаевну. Онъ безпрестанно приглашаетъ ее танцо-

вать съ нимъ; онъ слишкомъ часто обращаетъ на нее свое пенснэ, которое почти никогда не выпускаетъ изъ рукъ; онъ слишкомъ явно, наконецъ, перешептывается по поводу ея съ своими друзьями и приближенными.

И вотъ сегодня, ровно въ одиннадцать часовъ ночи, я увидѣлъ, наконецъ, то грязное, фальшивое, ржавое колесо, которое заправляло движеніями Алянова. Сегодня я носомъ къ носу столкнулся на улицѣ съ Валерьяномъ Петровичемъ, съ пѣсенкой выходящимъ изъ квартиры Алянова.

— А, ба! Какъ поживаетъ нашъ милѣйшій Аляновъ? весело воскликнулъ я, загоротивъ Покоеву дорогу.

Онъ неохотно пробормоталъ нѣчто въ родѣ того, что „былъ по дѣлу“, приподнял затѣмъ шапку и проскользнулъ своей дорогой, шмыгая резиновыми калошами.

Вылъ по дѣлу! Но я самъ отнюдь не думалъ, чтобы ему не было ни малѣйшаго дѣла до Алянова. Было, правда, время, когда Покоевъ называлъ этого господина „крѣпостникомъ“, „магнатомъ“, „раздушеннымъ кулакомъ“, но у Валерьяна Петровича весьма слаба память, тѣмъ болѣе, что съ того времени не мало уже утекло всякой воды. Нынѣ они многое могутъ сообщить другъ другу объ Елизарѣ, весьма интересующемъ ихъ обоихъ, ибо Аляновъ не забылъ, я полагаю, что „этотъ Сильверстовъ“ осмѣлился нѣкогда, вмѣсто отвѣта, повернуться къ нему спиною. Нынѣ они имѣютъ хорошее основаніе протянуть другъ другу руки, и злоба, плотно соединившаяся съ наглостью, дружно поведутъ дѣло къ одной общей цѣли.

XIV.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Пусть предстанетъ передо мной весь нашъ городъ, и обитатели его съ клятвами, въ одинъ голосъ, будутъ увѣрять меня, что я ошибаюсь, я все-таки буду стоять на своемъ и повторять: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вся эта исторія, случившаяся сегодня въ клубѣ, дѣло рукъ Покоева. Такъ важно потребовалъ онъ „еще двѣ бутылки“ въ тотъ самый моментъ, когда я растворилъ дверь въ буфетъ, такъ краснорѣчиво было молчаніе, воцарившееся въ его кружкѣ при моемъ появленіи, что, право, не

могло и быть какого-либо сомнѣнія ни въ томъ, что разговоръ шелъ непременно о насъ, ни въ томъ, кто именно предсѣдательствовалъ среди этихъ Плясуновыхъ, Аляновыхъ и другихъ. Не говорю я, чтобы эта исторія была предначертана Покоевымъ заранее. Не спорю я, что ему, быть можетъ, вовсе не того хотѣлось, что вышло на самомъ дѣлѣ. Не утверждаю я, чтобы онъ съ умысломъ подпайвалъ всю эту компанію, хотя, конечно, и въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Но я скажу, всегда скажу, что если-бы не нашептывалъ онъ Алянору свои подстрекающія рѣчи, если-бы не настраивалъ онъ извѣстнымъ образомъ своихъ недалекихъ пріятелей, тогда, безъ всякаго сомнѣнія, ничего и не было-бы.

— Добрый вечеръ! холодно сказалъ я, кивнувъ головою этой компаніи, и сейчасъ-же ушелъ играть въ карты.

Доброй и пріятной бесѣды! мысленно пожелалъ я имъ, усаживаясь опять за зеленое поле. Можете вы, сколько вамъ угодно, перемывать наши кости, которыя не сдѣлаются отъ этого ни бѣлѣе, ни чернѣе. Можете вы, сколько хотите, измѣрять насъ своими врачными и враждебными взглядами, ибо ни мало не смутятся отъ этого наши сердца и нисколько не покраснѣютъ наши лица.

— Семь въ червяхъ! провозгласилъ я затѣмъ уже совершенно благодушно.

Но я совершенно упустилъ изъ виду нѣкоторое обстоятельство. Я совсѣмъ забылъ въ это время, что Вѣра Николаевна тоже собиралась пріѣхать сегодня въ клубъ. И сильно-же оекнуло мое сердце, когда, по окончаніи пудьки, я вышелъ въ залу и увидѣлъ, что она здѣсь, что Аляновъ уже сидитъ подлѣ нея и, вытянувъ далеко впередъ ноги, почти лежа въ своемъ креслѣ, съ наглой, гадкой улыбкой нашептываетъ ей что-то. Поспѣшно направился я къ нимъ, когда замѣтилъ зловѣщую блѣдность, которую внезапно покрылось лицо Вѣры Николаевны. Но было уже поздно... Только-что сдѣлавъ я нѣсколько шаговъ, въ торопяхъ оборвавши платье какой-то бѣдняжкѣ дамѣ, какъ Вѣра Николаевна порывисто отшатнулась отъ своего собесѣдника, рѣзко сказала ему какое-то вѣское слово и пошла на встрѣчу къ своему маленькому тринадцати-лѣтнему племяннику, то-же спѣшившему къ ней и мрачно, комично-грозно посматривавшему своими сверкающими глазами на Аянова. Славный мальчишка, этотъ Сережа! Онъ умѣетъ крѣпко привязываться къ своимъ друзьямъ, для которыхъ

всегда готовъ на всевозможныя жертвы; онъ умѣеть откровенно, прямо обращаться съ своими врагами, презирая всякія дѣйствія изъ-за угла или въ мутной водѣ, и я сильно вѣрую, что изъ него будетъ прокъ.

— Пожалуйста, мой другъ... Сережа... проводи меня домой, обратилась къ нему Вѣра Николаевна, лихорадочно обмахиваясь своимъ вѣеромъ. Высоко поднималась ея грудь; блѣдно было ея лицо; гордымъ, негодующимъ взглядомъ посматривала она на при-молкшую, шептавшуюся, смотрѣвшую на нее сотнею глазъ публику, — но ясно было видно, что еще какая-нибудь минута, еще какое-нибудь лишнее слово, и разрыдается истерическими рыданіями — эта столь гордая, столь, повидимому, владѣющая собой женщина, на которую, конечно, многіе, многіе залюбовались въ это время.

— Ради Бога, не вздумайте затѣвать какую-нибудь исторію, обратилась она, уже одѣваясь, ко мнѣ и Елизару, явившемуся, наконецъ, изъ отдаленной клубской бібліотеки. — Мы квиты съ этимъ господиномъ... Онъ вздумалъ обращаться со мной, какъ съ женщиной... не моего поведенія, а я сказала ему, что онъ негодай.... Вы оба сдѣлали-бы мнѣ большое удовольствіе, если-бы тоже взяли свои шубы и всѣ вмѣстѣ пошли къ намъ... Пожалуйста...

Но Елизаръ рѣшительно потрясъ головой. Онъ съ-видимой неохотой отвѣчалъ, что ему необходимо нужно „переговорить съ однимъ господиномъ.“

— Съ Аляновымъ, горько пояснила Вѣра Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Елизаръ, но такимъ двусмысленнымъ тономъ, что его отрицаніе можно было съ одинаковымъ правомъ отнести, какъ къ тому, что онъ не съ Аляновымъ намѣренъ переговорить, такъ и къ тому, что онъ только не пойдетъ отсюда.

Не торопясь возвратился онъ въ большую залу и окинулъ ее своимъ мрачнымъ взглядомъ. Неторопливой-же поступью направился онъ затѣмъ въ буфетъ, гдѣ мы и нашли Алянова, окруженнаго цѣлой толпой его друзей и пріятелей. „Что такое ты ей сказалъ?... Что тамъ у васъ вышло?... Что тебѣ она сказала?...“ приставали они къ нему со всѣхъ сторонъ. Но другіе, какъ видно, уговаривали его отправиться домой и даже всучили ему въ руку шляпу. Нерѣшительно и какъ будто съ тоскливостью въ своемъ поблѣвшемъ лицѣ стоялъ онъ, опираясь рукою на

столь, и еще больше поблѣднѣлъ, увидѣвъ передъ собой вошедшаго Елизара.

— А! вы ѣхать собираетесь, засмѣялся Елизаръ, взглянувъ на шляпу, замѣтно задрожавшую въ рукѣ Алянова, и... раздалась пощечина.

— Вы знаете—за что! съ убійственною холодною пояснилъ Елизаръ, какъ будто-бы отсчитывая Алянову слѣдующія ему деньги.

Жаловѣ, жаловѣ былъ въ эту минуту Аляновъ! Шляпа выпала изъ его руки и повалилась по паркету; бѣлье рубашки стало его лицо, и не отъ вина, я полагаю, зашатался онъ, когда сдѣлалъ было, наконецъ, немного придя въ себя, шага два, три по направленію къ Елизару, закуривавшему папиросу. Но бѣднягу окружили и почти насильно увели его друзья, между которыми, конечно, не доставало только Покоева. О, Покоевъ, Покоевъ! много потеряешь ты въ глазахъ даже этихъ невзыскательныхъ людей, когда они припомнятъ потомъ, что ты поспѣшилъ удалиться прочь въ самую критическую минуту! Они не легко простятъ и забудутъ тебѣ это постыдное бѣгство!

Вскорѣ потомъ, должно быть, проводивъ Алянова домой и получивъ отъ него нѣкоторыя инструкціи,—начали опять собираться его пріатели: Они очень важно прохаживались по-двое и по-трое изъ угла въ уголь, очень таинственно переговаривались между собою и крайне мрачно посматривали на насъ,—преспокойно курившихъ папиросы и передававшихъ происшедшую исторію Дѣдову, только-что пріѣхавшему въ клубъ.

— Надѣюсь, вы не рассчитываете, что эта исторія такъ на этомъ и кончится? торжественно началъ, наконецъ, переговоры Плясуновъ, въ такой-же степени заимствующій свой умственный блескъ отъ Покоева, въ какой луна обязана своимъ свѣтомъ солнцу.

— Вы это *мнѣ* говорите? съ крайне обиднымъ удивленіемъ спросилъ Елизаръ, осмотрѣвъ его съ головы до ногъ.— Или вы думаете, что мнѣ слѣдовало-бы дать Алянову и еще нѣсколько пощечинъ.

— До свиданья, обратился онъ затѣмъ къ Дѣдову, и мы вышли изъ комнаты среди самаго глубокаго молчанія, какое только можетъ воцариться среди толпы людей, совершенно растерявшихся отъ какого-нибудь необычнаго событія.

И какъ я радъ былъ, какъ свободно я вздохнулъ, когда захопнулась, наконецъ, за нами дверь клуба и засіяли надъ нашими головами кроткія, чистыя звѣзды, міриадами мерцавшія и покачивавшія своими золотыми вѣнцами на чудномъ ясномъ небѣ! Съ какою нѣмою и комическою благодарностью возвелъ я къ этимъ мирнымъ звѣздамъ свои очи, когда узналъ отъ Елизара, что у него таилось страстное желаніе объявить во всеуслышаніе „тѣмъ господамъ“, что они всѣ пошлые трусы, ибо, какъ видно, нисколько не возмущены поступкомъ Алянова! Нѣтъ, нѣтъ!.. У меня есть настолько физической силы, чтобы иной разъ бороться ради забавы съ двумя, тремя здоровыми молодцами разомъ; я съ спокойнымъ сердцемъ ставалъ не разъ лицомъ къ лицу съ медвѣдемъ, илѣя противъ него только не особенно мудреную рогатину, но все это нисколько не илѣшаетъ мнѣ быть мирнымъ, самымъ мирнымъ человѣкомъ. Скверное впечатлѣніе произвело на меня уже и то небольшое, что случилось въ сегодняшній вечеръ... Болѣзненно настроены мои нервы; скучно мнѣ, не спится мнѣ и, какъ нежданное, скрипучее колесо, вертятся въ моей усталой головѣ нелѣпыя фантазіи, картины и предчувствія.

XV.

Я отчасти предвидѣлъ то, что рассказывалъ намъ сегодня Дѣдовъ, оставшійся въ клубѣ до самаго разѣзда. Я предчувствовалъ, что пощечина, данная Алянову, послужитъ какъ-бы боевымъ сигналомъ, по которому многіе, многіе другіе ожесточенные бойцы ринутся на Елизара. Я ждалъ этого, но никогда не думалъ, чтобы бойцы эти оказались до такой степени многочисленны и чтобы нападеніе было такъ единодушно, сильно, яростно. Сильно, должно полагать, накипѣло въ сердцахъ этихъ добрыхъ людей; до краевъ, какъ видно, наполнена была чаша ихъ терпѣнія, если такой маленькой капли было совершенно достаточно, чтобы переполнилась эта обширная чаша и излила такіе бурные, ревущіе потоки!

— Это были волны морскія! говорилъ Дѣдовъ, сейчасъ-же впрочемъ прибавившій, что онъ никогда не видалъ моря и имѣетъ очень неопредѣленное понятіе о шумѣ его волнъ.

Да, волны; волны злобы, волны желчи, волны грязи!.. И во сто кратъ лучше сдѣлалъ-бы ты Елизаръ, если-бы навязалъ се-

бѣ на шею тяжелый жерновъ и бросился-бы въ пучину морскую, — ибо пылъ заговорили противъ тебя даже безсловесныя твари и вознегодовали самыя камни. Лучше, лучше, — ибо совращаешь ты юношей съ истиннаго пути, какъ всѣмъ жаловался сокрушенный Лука Хрящевъ, переходя отъ группы къ группѣ и всюду повѣствуя о своемъ погибшемъ братѣ, котораго изловилъ ты въ свои гибельныя сѣти... Лучше, лучше, — ибо недовѣряетъ тебѣ господинъ Х., произнесшій во время ужина двѣ рѣчи, направленные противъ твоей школы; — ибо какъ изъ подъ земли возставали противъ тебя и громили тебя, и подозрѣвали тебя чуть не въ злодѣянiяхъ многія темныя личности, которыхъ не разъ уже вызывалъ ты къ суду, по просьбѣ обманутыхъ и обсчитанныхъ ими... Сомнѣвались эти темныя личности, чтобы для тебя было что нибудь святое; глубоко возмущали ихъ твои неопредѣленные отношенiя къ Вѣрѣ Николаевнѣ. О, правда правда! Никогда еще, я полагаю, не произносилось такъ часто всеу твое доброе имя, какъ во время этого ужина!

— Нѣтъ, не безъ грустной гордости произнесъ Елизаръ, выслушавъ эту часть повѣствованiя Дѣдова. — Никогда я не смѣлъ думать, чтобы моя особа могла быть предметомъ такого горячаго и общаго вниманiя!

Но разглядились морщины, бороздившiя наши суровыя лица, освѣтились улыбками наши сумрачныя взгляды, когда возсталъ передъ нами въ разсказѣ Евгенiя Николаевича образъ этого милаго, славнаго Хроменко, — серьезнаго, почтеннаго, всѣми уважаемаго и довольно богатаго отставнаго генерала Хроменко. Проходилъ, казалось, передъ моими очами этотъ красивый, бодрый старикъ — своими широкими, мѣрными, неторопливыми шагами, склонивъ немного внизъ свою умную голову и широко размахивая единственною правою рукою, такъ какъ вмѣсто лѣвой висѣлъ у него только пустой рукавъ, постоянно пришпиленный къ борту скюртука. Видѣлъ я, казалось, передъ собою его открытое, рыцарское, блѣдное лицо, на которое сильно наложили свою грустную печать и страданiя отъ старыхъ ранъ, полученныхъ имъ на поляхъ битвъ, и страданiя отъ ранъ сердечныхъ, какими богата, говорятъ, была и есть его ничѣмъ незапятнанная жизнь.

— Вы хотите знать мое мнѣнiе? сказалъ онъ, отеревъ салфеткой свои длинныя, русые, серебристыя усы, и пристально по-

смотрявъ на Плясунова, которому пришла недобрая фантазія обратиться къ молчаливому Хроменко съ своими обвиненіями Елизара въ трусости.—Ну, прекрасно, тѣмъ болѣе, что у меня самого уже не хватаетъ силъ молчать и терпѣть...

Тише, тише становился говоръ, когда всѣми уважаемый старикъ повелъ свою рѣчь и, наконецъ, наступило почти совершенное молчаніе.

— Я слышалъ около себя слишкомъ много выраженій негодованія и презрѣнія, говорилъ Хроменко;—не печально то, что это негодованіе и презрѣніе обращаются вовсе не противъ того, кто ихъ заслужилъ. Не противъ того, кто здѣсь, на нашихъ глазахъ, въ нашемъ обществѣ, позволилъ себѣ оскорбить женщину, а противъ того, кто заступился за нее. А! Вы говорите, что этотъ Аляновъ пьянь былъ? Да? Но развѣ здѣсь кабаки,—здѣсь, куда мы приходимъ съ нашими женами и дочерьми? Развѣ можно какъ-нибудь иначе, если не съ негодованіемъ, отнести къ тому обстоятельству, что сюда могутъ приходять пьяные негодяи и никто не позаботится ихъ вывести, пока они не оскорбятъ жены, невѣсты, дочери кого-нибудь изъ насъ?

— Вы обвиняете господина Селиверстова въ трусости; если и васъ понялъ? Нѣтъ, молодой человѣкъ, я думаю, что мое слово будетъ крѣпче вашего въ этомъ вопросѣ. По моему убѣжденію, никто не можетъ назвать трусомъ такого человѣка, который десятки разъ рисковалъ своею собственною жизнью, чтобы спасти отъ смерти какого-нибудь несчастнаго, даже нисколько ему не дорогого, не близкаго, а почти совсѣмъ чужого... Никто, я говорю, не можетъ обвинить въ трусости подобнаго человѣка; а господинъ Селиверстовъ именно такой человѣкъ. Да!.. Или, можетъ быть, вамъ неизвѣстно это? Или, пожалуй, вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ? Ну, я желалъ-бы привести сюда изъ моей деревни стараго работника, которому господинъ Селиверстовъ спасъ однажды жизнь, причемъ только чудомъ не погибъ самъ. Я могъ-бы привести сюда одну крестьянку, дѣтей которой этотъ ненавистный вамъ человѣкъ вынесъ изъ огня во время пожара, когда уже готовъ былъ рухнуть потолокъ въ горящей избѣ. Я могъ-бы указать на сотни тѣхъ бѣдняковъ, которые обязаны ему своимъ спасеніемъ. — Такіе люди стоятъ выше нашихъ жалкихъ обвиненій ихъ въ трусости. Они не будутъ стрѣляться съ какии-нибудь

пьянымъ негодеемъ, но непремѣнно пойдутъ на встрѣчу смерти, чтобы вырвать изъ ея рукъ какого-нибудь ребенка, какую-нибудь жертву... И не одинъ честный человѣкъ не подумаетъ бросить въ нихъ грязь... Нѣтъ, нѣтъ, я не знаю лично господина Селиверстова, но глубоко его уважаю...

— Наша бѣдная, провинціальная жизнь пуста, однообразна, продолжалъ онъ среди глубочайшей тишины, — такъ что даже мнѣ, неприхотливому старику, хотѣлось-бы бѣжать куда-нибудь отъ нашей халатной и пошленькой жизни... И вотъ является человѣкъ, который хочетъ и можетъ вдохнуть жизнь въ это помертвѣвшее тѣло. Онъ устраиваетъ школы. Онъ призываетъ своимъ горячимъ словомъ нашихъ дѣтей къ труду, къ дѣятельности, къ жизни болѣе широкой... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... У меня есть два сына, и если-бы они хоть скольконибудь были похожи на этого честнаго человѣка, то я со слезами благодарилъ-бы Бога, — я былъ-бы очень счастливъ...

Дрогнувъ голосъ старика при этомъ воспоминаніи о его, какъ говорятъ, безпутныхъ, праздношатающихся, лживыхъ сыновьяхъ. Устало взглянулъ онъ на сидѣвшую рядомъ съ нимъ серьезную, пятнадцатилѣтнюю дочь, одушевленнымъ и сверкающимъ взглядомъ посматривавшую на примолкшее общество, — всталъ со своего стула, и они сейчасъ-же уѣхали.

Пусть беретъ тотъ, кому угодно, все остальное общество, присутствовавшее за этимъ ужиномъ, а я оставляю себѣ только этого милаго старика съ его дочерью. Охотно отдаю я все то, что говорили другіе, и беру себѣ только рѣчь стараго Хроменко. И пускай согнѣли, пожимали плечами и переглядывались между собою многіе, многіе другіе, слушавшіе эту рѣчь; пускай ясно увидѣли они, что ихъ — толпа, что ихъ — сила; все-таки можно, можно еще жить на бѣломъ свѣтѣ, пока попадаютъ такіа симпатичныя личности, все-таки не особенно страшень тотъ мракъ, сквозь который проблескиваютъ по временамъ такіе яркіе, свѣтлые лучи.

XVI.

Невесело стало у меня на сердцѣ и, казалось, разомъ потемнѣло и опустѣло мое жилище, когда вчера вечеромъ Елизаръ, расхаживая взадъ и впередъ изъ своей комнаты въ мою и обрат-

но, заговорилъ, наконецъ, что ему жаль, очень жаль оставить это уютное, тихое гнѣздо, что онъ успѣлъ уже привыкнуть къ той братской жизни, которою мы жили здѣсь, — но... но...

— Не желалъ-бы я, сказалъ онъ съ грустью, — чтобы Вѣра Николаевна все-таки оставалась подъ страхомъ сегодня или завтра опять подвергнуться оскорбленію со стороны какого-нибудь новаго Алянова. Не желалъ-бы я, чтобы она продолжала выносить двусмысленные взгляды, которые теперь со всѣхъ сторонъ устремлены на нее. Да я и не вижу, право, изъ-за чего она должна или нести на себѣ это непріятное бремя, или-же запереться въ своемъ домѣ, какъ въ кельѣ?.. Изъ-за чего, Семень?..

— Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ Семень. — Я отъ всей души желаю тебѣ счастья въ твоей будущей новой жизни; но, по правдѣ сказать, я не съ особенно легкимъ сердцемъ буду держать брачный вѣнецъ надъ твоею головою, — ибо мнѣ скучновато будетъ здѣсь безъ тебя...

Да, невесело будетъ, особенно въ первое время!

Мы вѣсть зашли сегодня вечеромъ къ о. Николаю, который крестилъ у насъ, вѣнчалъ Елизара съ его первой женой, а меня съ Катей, хоронилъ моего мальчугана и — кто знаетъ — можетъ быть, похоронить кого-нибудь изъ насъ, явившихся къ нему нынче такими высокими, сильными, крѣпкими молодцами. Правда, что, по его собственнымъ словамъ, ему было пятьдесятъ лѣтъ уже въ то неизмѣримо-далекое для меня время, когда онъ погружалъ насъ въ купель и, слѣдовательно, ему теперь восемьдесятъ два — восемьдесятъ три года. Правда, что бурно, говорятъ, прошла его отдаленная молодость, богатая и приключеніями, и переворотами, и неудачами, и семейными горестями. Но что до этого?.. Не сложили его могучую натуру ни годы, ни бури, ни страсти и зорко смотреть онъ до сихъ поръ своими маленькими, черными глазами, важно опираясь на высокую палку, — твердъ еще его голосъ, потрясавшій нѣкогда стѣны церковей и, — что главное, — цѣло, и живо, и чутко еще въ его старческомъ тѣлѣ доброе, юношеское сердце.

Люблю я смотрѣть на него, когда онъ сидитъ лѣтнимъ вечеромъ гдѣ-нибудь на бревнѣ, посреди своего широкаго, заросшаго муравкою двора, и слѣдитъ за игрою въ мячъ или въ бабки своихъ многочисленныхъ внучатъ, правнуковъ и ихъ уличныхъ пріа-

телей. Тихонько посмѣивается онъ въ свою сѣдую какъ лунъ бороду, глядя на выходки, хитрости и уловки этихъ „маленькихъ“ челоуѣчковъ, которые сильно поглупѣютъ, когда выростутъ большими“; безпристрастно разбираетъ онъ возникающія между ними недоразумѣнія или ссоры; а иногда и самъ возьметъ въ руки лапту и мячъ и для примѣра „дастъ свѣчку“, приводящую въ восторгъ ребятишекъ, но далеко неудовлетворяющую добраго старика:

— Нѣтъ, плохи стали у меня руки, да и глаза утомились глядѣть на свѣтъ Божій, — бывало скажетъ онъ.

Съ удовольствіемъ слушаю я его, когда онъ тихонько идетъ по улицѣ въ сопровожденіи какого-нибудь встрѣтившагося ему знакомаго ремесленника и съ участіемъ спрашиваетъ — какъ идутъ дѣла его, дороги или дешевы нынче рабочіе матеріалы; много-ли у него рабочихъ и кто именно, какъ они ведутъ себя и какъ онъ съ ними обращается? Всѣхъ и всякое дѣло, какъ кажется, знаетъ этотъ умный старикъ. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушиваютъ мастеровые его практическіе совѣты; но за то, при случаѣ, и самъ онъ умѣетъ слушать, спрашивать, откровенно отказываться отъ своего прежняго взгляда, если ему обстоятельно докажутъ, что онъ ошибается.

Низко и почтительно кланяюсь я ему, когда на третій, на четвертый день Рождества или Пасхи встрѣчаю его въ глухихъ улицахъ, переходящаго съ крестомъ изъ одной лачуги въ другую, изъ одного подвала въ слѣдующій. Знаю я, что довольно поѣздилъ онъ въ первые дни праздника по своимъ богатымъ прихожанамъ и ходитъ теперь по жилищамъ нужды и горя, — вездѣ поздравляя бѣдняковъ съ торжественными днями, всѣхъ щедро одѣлая тѣми деньгами, какія получилъ въ зажиточныхъ домахъ. Знаю я, что ни ночь, ни буря, ни вьюга, ни даже собственное нездоровье никогда не остановятъ о. Николая, когда его позовутъ въ эти-ли отдаленныя лачуги, въ богатыя-ли хоромы къ больному или умирающему. „Я свой долгъ помню“, сурово говоритъ онъ родственникамъ, если они вздумаютъ почему-либо угоривать его повременить, остаться.

Не мало онъ перечиталъ на своемъ вѣку; велитъ и до сихъ поръ своей любимицѣ-внучкѣ читать ему вслухъ газеты, какую-нибудь книгу и неподвижно, тихо сидитъ во время этого чтенія въ своемъ высокомъ кожаномъ креслѣ, изрѣдка поглаживая только

котенка, лежащаго у него на колѣняхъ; но „эта книга все лучше“, говоритъ онъ, показывая на людей, идущихъ по улицѣ, на дома, на сады...

— Такъ; это вѣрно, согласился онъ, когда Елизаръ замѣтилъ однажды, что печатныя книги должны служить только предисловіемъ къ изученію великой книги жизни.

Онъ любитъ за что-то меня; но на Елизара онъ смотритъ, какъ на роднаго сына, чему я, впрочемъ, нисколько и не удивляюсь. Ему не за что, конечно, ставить меня особенно высоко; но на Елизара онъ смотритъ даже съ какимъ-то трогательнымъ уваженіемъ. Ну что, сыночекъ? или — ну, что скажешь, дружокъ? обыкновенно обращается онъ ко мнѣ; но когда дѣло доходитъ до Елизара, о. Николай спрашиваетъ: а что скажетъ на это нашъ Елизаръ Никитичъ?

— Ну, вотъ... вотъ, встрѣтилъ онъ насъ сегодня.—Я такъ и говорилъ, что не сегодня-завтра придетъ нашъ Елизаръ Никитичъ.

— Почему вы такъ думали? не безъ удивленія спросилъ Елизаръ.

— А потому, что скоро великій постъ; вѣнчать тогда не будемъ, дружокъ, съ лукавой улыбкой отвѣтилъ проникательный старикъ. — Не удивляйся, Елизаръ Никитичъ, если я дѣйствительно прочелъ твои мысли, прибавилъ онъ потомъ уже серьезно. — Кое-что я слышалъ на дняхъ; кое-что я самъ съ грѣхомъ пополамъ съумѣю прочитать въ человѣческомъ сердцѣ... Да, въ твоемъ особенно; вѣдь не даромъ-же я написалъ когда-то даже предсказаніе твоей грядущей судьбы... въ календарѣ гдѣ-то... въ старомъ... понцу когда-нибудь...

Съ великимъ участіемъ спрашивалъ онъ Елизара объ исторіи въ клубѣ, покачивая своей сѣдой головой и задумчиво поглаживая бороду. Сильно интересовался онъ потомъ даже мельчайшими подробностями нашей школы, методомъ преподаванія, учителями, успѣхами учениковъ, которыхъ онъ почти всѣхъ зналъ лично со всѣми ихъ слабостями и добродѣтелями. Но отъ школы онъ возвратился къ тому несчастному вечеру въ клубѣ, какъ видно, сильно о его смущавшему.

— Будь добръ, будь добръ, — не падай духомъ, нѣсколько разъ повторялъ онъ, очень задумчиво склонивъ свою голову.

Да, это хорошее, теплое слово „не падай духомъ“; но сегодня, по крайней мѣрѣ, въ устахъ о. Николая, слишкомъ хорошо знающаго людей и свѣтъ, оно звучало для моихъ ушей такъ-же неприятно, какъ зловѣщее— „берегись!“ Нѣтъ, скучно, скучно!.. Опустили и приуныли на мой взглядъ эти крошечныя комнаты, заваленныя книгами; опустѣло и приуныло что-то мое сердце...

XVII.

И Елизаръ, и Вѣра Николаевна одинаково желали, чтобы свадьба ихъ была самая скромная свадьба. Они настаивали, чтобы не было никакого параднаго освященія церкви; они не дѣлали рѣшительно никакихъ приглашеній, рассчитывая провести вечеръ только въ своемъ дружескомъ кружкѣ. Не было приглашено даже пѣвчихъ, и всѣ мы думали, что свадьба пройдетъ почти совершенно незамѣченной въ городѣ, что церковь будетъ почти пуста во время вѣнчанья.. Но не то вышло на дѣлѣ.

Все гуще и гуще набирался въ церковь тотъ народъ, который считалъ Елизара „своимъ человѣкомъ“. Появился церковный сторожъ съ раздвижной лѣстницей и началъ зажигать люстру, почтительнѣйше объяснивъ мнѣ потомъ, что таково было распоряженіе о. Николая. Послышался далѣе легкій шумъ у дверей, раздались по каменному полу шаги многихъ ногъ, и явились изъ толпы передъ нашими изумленными глазами ариехрейскіе пѣвчіе, перемѣшанные съ пѣвчими изъ семинарскаго хора.

— Ну, спасибо, дружище Елизаръ, сказалъ регентъ, протягивая намъ свою широчайшую ладонь.

— За что спасибо?..

— За то спасибо, что ты не вздумалъ пригласить насъ, какъ какихъ-нибудь наемниковъ... Мы твои друзья старые, мы тебя уважаемъ, дружище, — мы сами должны были придти, — да!..

Большими глазами посмотрѣлъ на меня Елизаръ, когда пѣвчіе отправились на клиросъ, — такимъ-же взглядомъ отвѣтилъ я ему, а изъ боковыхъ дверей алтаря съ усмѣшкой поглядывалъ на насъ о. Николай и слегка покашливалъ, поглаживая свою бѣлую бороду.

Глухой, одобрительный шопотъ и говоръ пронесся по рядамъ

зрителей, когда появилась, наконецъ, Вѣра Николаевна. Понравилась, какъ видно, имъ эта скромная, немного блѣдная, симпатичная женщина, посматривавшая на нихъ такимъ свѣтлымъ, удивленнымъ взглядомъ. И когда кончилось, наконецъ, вѣнчанье, тогда тѣсно обступили молодыхъ наши ученики и фабричные, тогда со всѣхъ сторонъ протягивались къ Елизару грубыя, работающія руки и со всѣхъ сторонъ слышалось задумчивое: „дай тебѣ Богъ счастья!“ „Давай вамъ Господь любовь да совѣтъ!..“

Блѣденъ и взволнованъ былъ Елизаръ, крѣпко пожимая направо и налево протягивавшіяся къ нему руки. Замѣтно дрожалъ голосъ его, когда онъ благодарилъ всѣхъ за поздравленія и пожеланія. Счастьемъ, великимъ счастьемъ свѣтились его глаза.

Да, бывають у такихъ людей свои высокія, рѣдкія радости! бывають у такихъ людей свои незабвенныя, счастливыя минуты, которыя дѣйствительно навсегда освѣщаютъ ихъ тяжелую, трудовую жизнь!..

XVIII.

Прощай моя школа! Прощай мое дорогое дѣтище! Да, дѣтище... Какъ къ моему бѣдному, слишкомъ рано умершему, сынигѣ—успѣлъ я къ тебѣ привязаться. Какъ онъ въ свое время,—была ты для меня свѣтлой, милой звѣздочкой на темномъ и непривѣтливомъ небѣ жизни. Какъ на него прежде,—возлагалъ я на тебя большія надежды: вотъ выростеть, вотъ станетъ на свои ноги, вотъ будетъ славнымъ человѣкомъ... и, какъ онъ, умерла ты, только-что стала выражать еще нетвердымъ языкомъ свои маленькія мысли, чувства, впечатлѣнія...

Прибрали и вымыли комнату послѣ покойника; вѣхалъ туда уже новый жилецъ, развѣсившій зеркала на то самое мѣсто, гдѣ прежде висѣли скромныя, черныя доски, поставившій ломберные столы на мѣсто учебныхъ, — поставившій кресла и диваны тамъ, гдѣ прежде сидѣли каждый вечеръ честныя, грубые, бѣдныя ученики... Пустота, скука, пошлость, — вотъ имена этого новаго жильца...

Сердится на меня Елизаръ и только-что не презрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на меня, когда я поставилъ передъ

нимъ на ломберный столъ двѣ бутылки мадеры, полагая, что намъ мо жно теперь задать „нѣкоторый пиръ“.

— Ты всегда таковъ, горько сказала онъ. — Ты, какъ ребенокъ, то смѣешься, то плачешь. Какъ ребенокъ, то храбришься, то распускаешь нюни... Нѣтъ, нѣтъ, если-бы когда-нибудь случилась у меня какаля-нибудь серьезная тайна, я ни за что не рѣшился-бы повѣрить ее тебѣ...

— Хочешь? спросилъ я, сквозь слезы, поднимая стаканъ. — Хочешь, разобью — и ни капли больше съ этой минуты, ни единой капли?.. Хочешь?

— Нѣтъ, не хочу, отвѣчалъ онъ тѣмъ-же тономъ. — Зачѣмъ я буду лишать тебя этой отрады, если она у тебя единственная?

От-ра-ды! И притомъ е-дин-ственной!.. Хорошо ему, если онъ можетъ молчать, терпѣть, крѣпиться, кажется, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы изъ него стали вытягивать жилу за жилой. Но что и у него не особенно свѣтло на сердцѣ, что и передъ его глазами будущее возстаетъ въ видѣ какого-то мрачнаго привидѣнія, — это я слишкомъ хорошо вижу по его искудавшему лицу, это я слишкомъ хорошо замѣчаю изъ того, что онъ слушаетъ и не слышитъ, смотритъ и не видитъ, идетъ куда-нибудь и забываетъ — куда.

XIX.

Вонъ какъ воетъ, вонъ какъ злится вѣтеръ!.. Качаетъ онъ печальныя безлиственныя деревья, гонитъ тучи на мрачномъ небѣ, озлобленно стучится и въ запертыя ворота, и въ затворенныя ставни... А тамъ, на широко-разлившейся рѣкѣ, ему еще больше простора. Тамъ высоко вздымаются онъ грозныя валы, покрытыя бѣлой, бѣлой пѣной; тамъ властно играетъ онъ могучими волнами, далеко выкатывая ихъ на берегъ и шума тяжелыми прибрежными камнями...

Скорѣй-бы день, скорѣй-бы солнце показалось и прогнало то зловѣщее привидѣние, которое неотступно стоитъ передо мною!...

Знаю я, что „поспорить съ бурей“ — это давнишняя, любимая забава Елизара. Помню я его всегдашнее недоумѣние по поводу того, что какъ это могутъ тонуть въ такой рѣкѣ бывалые, опыт-

ные люди, если только у нихъ „весло въ рукѣ, лодка подъ ногами и сердце на своемъ мѣстѣ“; но... такая ночь, такая темень... и притомъ я, право, не знаю—на мѣстѣ-ли у него сегодня его сердце...

Весь день съ утра ни на минуту, кажется, не отдыхали его напряженные нервы. Безпрестанно приходили къ нему его старые пріятели,—мастеровые, фабричные, наши бывшіе ученики.

— Ты уѣзжаешь, говорятъ, отъ насъ?.. Ты покидаешь насъ, Елизаръ Никитичъ?.. Правда-ли? съ тоской и тревогой спрашивали эти добрые люди.

Крестилъ онъ ихъ дѣтей, широваль на ихъ именинахъ и свадьбахъ, выручалъ ихъ въ черный день и они, какъ родного брата, провожали его нынче. Приносили они къ нему сегодня своихъ дѣтей, его крестниковъ, тоже проститься; со слезами благодарили его эти суровые люди за все добро, какое онъ для нихъ дѣлалъ, сумрачно прибавляя, что „нѣтъ, такого друга у насъ уже не будетъ“. И все блѣднѣе и блѣднѣе становилось исхудавшее лицо Елизара; все яснѣе и живѣе возставали передъ нимъ всѣ тѣ годы, которые прожилъ онъ одной общей жизнью съ этими людьми, страдая ихъ страданіями и радуясь ихъ радостями.

— Нѣтъ, это становится невыносимо!.. Это невозможно!.. воскликнулъ онъ, наконецъ, возвратившись къ намъ послѣ одного изъ такихъ прощаній и бросившись въ кресло.

Около полудня онъ уѣхалъ за городъ — тоже проститься кое съ кѣмъ изъ своихъ деревенскихъ друзей, а вечеромъ пришли мы: Игнаша, Дѣдовъ, докторъ С., Александра Яковлевна, я и еще кое-кто.

Глубокая тоска, какъ тяжелый камень, должно быть, давила его, когда онъ, возвратившись наконецъ, домой, явился среди насъ. Стаканъ за стаканомъ пилъ онъ вино, казалось, неимѣвшее нынче на него ни малѣйшаго вліянія, какъ какая-нибудь колодезная вода. Долго молчалъ онъ, не слыша, я полагаю, ни одного слова изъ того, что говорилось вокругъ него и носаясь своими мыслями, вѣроятно, тамъ, среди тѣхъ людей, которые тоже, конечно, думали о немъ въ эту минуту. И когда, наконецъ, разговорился онъ, все-таки къ нимъ, къ нимъ, этимъ столь дорогимъ ему людямъ, тяготѣли всѣ его помыслы.

— Быстро пройдутъ для тебя эти четыре-пять лѣтъ студен-

ческой жизни, потому-что ты будешь, я знаю, заниматься серьезно, съ увлеченіемъ, говорилъ онъ Игнашѣ.—А потомъ сюда, на мое мѣсто... Непремѣнно сюда, потому-что эта земля, эта рѣка, эти лѣса,—это все родное тебѣ, это мать твоя, которая лелѣяла тебя въ твоемъ дѣтствѣ, и ты любишь ее... Еще потому сюда, что здѣсь у тебя, такъ сказать, уже пущены корни; здѣсь у тебя есть уже не мало друзей, знакомыхъ; здѣсь тебѣ будетъ легче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было работать, имѣть силу, вліяніе...

— Не сдержалъ-ли я своего слова, докторъ, когда обѣщаль дать вамъ практику и славу? обратился онъ, между прочимъ, къ доктору С.—Не правда-ли, что вамъ уже и теперь нѣтъ покоя отъ пациентовъ? Подождите, еще не то будетъ... Я истину вамъ говорю, что вашъ дворъ окажется впоследствии слишкомъ тѣсенъ, а прихожая слишкомъ мала, чтобы вмѣстить всѣхъ чающихъ движенія воды. Я истину вамъ говорю, что идите еще нѣсколько мѣсяцевъ по той-же дорогѣ, на которую вы уже вступили, и каждый уличный мальчишка будетъ знать ваше имя; сотни матерей будутъ ежедневно молиться за васъ; сотни вѣрныхъ, преданныхъ рукъ будутъ всегда готовы отвести отъ васъ всякую опасность... О, люди, слѣпые люди! Вѣчно-то они ходятъ вокругъ, да около настоящей дороги и никакъ не могутъ попасть на нее. Чего ждутъ ваши близорукіе собратья по профессіи?.. Припомните мое слово, что помимо тѣхъ сокровищъ, которыя я вамъ уже обѣщаль, народъ дастъ вамъ и доброе имя, и богатство...

— На что оно мнѣ! отвѣчалъ С.

— На что! Вамъ оно, можетъ быть, и не нужно, это прерѣнное золото, но оно слишкомъ, слишкомъ часто бываетъ необходимо вашимъ пациентамъ. Бываютъ случаи, когда оно для нихъ цѣлительнѣе самыхъ лучшихъ изъ вашихъ лекарствъ.... Нѣтъ, нѣтъ; слѣдуйте въ этомъ случаѣ примѣру о. Николая: не отказывайтесь отъ денегъ и передавайте ихъ тѣмъ, кого они очень часто могутъ спасти отъ смерти...

— Да, Александръ Петровичъ, говорилъ онъ любимѣйшему изъ своихъ учениковъ, оканчивающему нынче курсъ въ гимназій, — я полагаю, это дѣло рѣшеное, что вы идете въ университетъ, въ академію, куда хотите, только ни въ какомъ случаѣ не ограничиваетесь гимназіей. Это рѣшено, конечно? Но не ссорьтесь изъ-за этого съ матерью, не обижайте ее... Остерегитесь разбивать

чье-бы то ни было сердце; будьте всегда безъ пятна на совѣсти... Я по глазамъ вашей матери, когда они устремлены на васъ, какъ по книгѣ читаю, что она очень, очень любитъ васъ, не правда-ли?.. А если правда, то къ чему ссориться? Выберите когда-нибудь добрый часъ, поговорите съ нею по душѣ, именно, какъ съ человѣкомъ, который васъ любитъ и не мало для васъ сдѣлалъ, объясните ей, что ваша жизнь будетъ испорчена, ваше счастье будетъ отравлено, если вы уступите ея желанію... И тогда, я знаю, она сама благословитъ васъ... Если-же нѣтъ, если я ошибаюсь, тогда... что дѣлать, идите своей дорогой... Знанія, знанія, какъ можно больше знанія, если вы не хотите быть человѣкомъ лишнимъ, безсильнымъ, несчастнымъ!.. Я не скажу, чтобы я потратилъ даромъ свои молодые годы, нѣтъ, но вы не повѣрите, какъ все-таки часто приходится мнѣ съ болью чувствовать, что моя подготовка недостаточна, что, во многихъ случаяхъ, я совсѣмъ безсиленъ...

И всѣ мысли Елизара, о чемъ-бы онъ ни заговорилъ, точно какой неотвратимой силой, обращались къ той дѣятельности, съ которой онъ разставался, къ тому народу, который онъ покидалъ.

Онъ захотѣлъ пройтись немного со мной, когда я, наконецъ, пошелъ домой.

— Ну, а ты, Сементъ? заговорилъ онъ.—Ты что будешь безъ меня? Уныніе на тебя нападетъ? Хандра?.. Махнешь ты на все рукой?.. Опять сильно привяжешься къ своей неизмѣнной подругѣ—бутылкѣ?.. Неужели, да?..

— Не знаю, горько отвѣчалъ я.

— Грустно мнѣ подумать объ этомъ, задушевнымъ голосомъ сказалъ Елизаръ.—Если-бы ты позволилъ мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ... Не бросай ты своихъ новыхъ, темныхъ друзей; заглядывай къ нимъ почаще въ ихъ убогія, честныя жилища; можешь быть, и ты будешь почерпнуть среди этихъ людей силу, которая поможетъ тебѣ остаться такимъ хорошимъ, полезнымъ работникомъ, какимъ ты былъ послѣднее время и, право, всегда можешь быть...

Я молчалъ.

— Какъ хорошо, какъ славно! сказалъ онъ, когда свѣжій, сильный вѣтеръ промчался съ рѣки и ударилъ намъ въ лицо.—Какое-то тяжелое, шумное колесо безостановочно вертѣлось у ме-

ня въ головѣ — и такъ жарко, такъ душно въ ней. — А вотъ и она, родная! прибавилъ онъ, смотря на рѣку. — Неужели я съ ней забуду проститься?.. Она такъ часто носила меня на своихъ волнахъ, то напхтывая мнѣ ласковыя, нѣжныя рѣчи, то разговаривая со мной грозными, бурными словами. Нѣтъ, я не забуду съ тобой проститься, моя родная, не забуду!..

— Что ты хочешь дѣлать? живо спросилъ я, когда онъ подошелъ къ своимъ опрокинутымъ ботикамъ и поставилъ одинъ изъ нихъ какъ слѣдуетъ.

— Отдохнуть, Семень, отвѣчалъ онъ, — успокоиться... Не разъ и прежде, когда въ моей головѣ вертѣлось такое-же шумное, горячее колесо и меня тоска давила, я находилъ въ борьбѣ съ бурей миръ, покой, силу... Это хорошее лекарство, мой другъ...

— Но не въ такую ночь, рѣшительно возразилъ я.

— Что ночь!.. Свѣта слишкомъ достаточно...

Онъ оперся грудью и обѣими руками на весло и задумчиво поглядывалъ то на бушующую рѣку, то на мѣсяцъ, точно нырявшій въ бѣшено мчавшихся, свивавшихся и развивавшихся облакахъ...

— Свѣта довольно, повторилъ онъ. — Нѣтъ, не останавливай меня, Семень; я не ребенокъ; мнѣ полезна будетъ эта прогулка, я знаю... Прощай... мой дорогой!..

Онъ пожалъ мнѣ руку; потомъ спустилъ ботики на воду, но еще съ минуту не отчаливалъ отъ берега и, казалось, раздумывалъ о чемъ-то.

— Поѣдемъ, Семень, сказалъ онъ, наконецъ, похлопавъ рукою по скамьѣ.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ я.

— Правда; это дѣйствительно былъ-бы безразсудно: слишкомъ темно, въ раздумьѣ согласился онъ. — Ну, спокойной ночи, другъ!..

И точно вѣтромъ унесло его въ ту-же минуту... туда, во мракъ... Я долго смотрѣлъ, прислушивался, придерживая рукою шляпу и отирая брызги, летѣвшія съ рѣки — ни слѣда лодки, ничего похожего на человѣческой голосъ. Скрылся мѣсяцъ за облаками... Валы катились одинъ за другимъ на берегъ, мощно приподнимая камни и потомъ съ шумомъ опять бросая ихъ на каменистый берегъ; бѣгла пѣна...

Вонъ какъ воетъ, вонъ какъ злится все еще вѣтеръ... Скорѣй-бы день, скорѣй-бы день!..

XX.

Неужели это дѣйствительно не сонъ, тяжелый, страшный сонъ, а правда, дѣйствительность, истина?.. Неужели и въ самомъ дѣлѣ не придетъ онъ, мой другъ, мой братъ, мой дорогой братъ,—не положить на мое плечо свою честную, сильную руку и не скажетъ:

— Проснись, Семень!..

Неужели уже навсегда сложились эти могучія, работающія руки?.. Навсегда закрылись эти свѣтлыя очи?.. Никогда не раздастся уже его задушевный, сильный голосъ, — умѣвший такъ глубоко проникать въ людскія сердца и будить ихъ, согрѣвать ихъ?..

Да... какъ потухающія искры, все еще вспыхиваютъ во мнѣ на мгновеніе какія-то неопредѣленные сомнѣнія, какія-то безумныя надежды, но... все безпощаднѣе и неотразимѣе возникаетъ суровая, горькая дѣйствительность и... бессильно поникнешь головою, замолкнутъ всякія сомнѣнія и надежды...

Три дня уже, какъ его нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Нашли вчера его опрокинутую лодку, занесенную Богъ знаетъ куда... Принесли сегодня рыбаки его изломанное весло и шляпу, отысканныя ими послѣ двухдневныхъ разспросовъ и поисковъ... Приходили ко мнѣ сегодня перевозчики,—еще цѣлый день все тщетно, напрасно обыскивавшіе неводами рѣку далеко внизъ перевоза...

— Господи! тоскливо говорили они, повѣсивъ свои головы и взмахивая руками по бедрамъ.—Да если-бы мы знали, что это онъ кричалъ въ ту ночь!.. Да мы бы всѣ до единого готовы были душу свою отдать за него!.. Нѣшто мы дали-бы ему потонуть!..

Если-бъ знали, если-бъ знали!.. Нѣтъ, онъ, — тотъ, котораго уже нѣтъ теперь,—онъ никогда не справлялся, чей именно отчаянный крикъ о помощи слабо доносится до него изъ шума волнъ и воя вѣтра. Онъ никогда не утѣшалъ себя, что, можетъ быть, это такъ только кажется, что, можетъ быть, это вѣтеръ такъ странно, дико воетъ,—какъ вы говорили другъ другу,—когда долетѣлъ до васъ его послѣдній, предсмертный призывъ... И, знаю я, долго, долго, всякій разъ, когда розыграется опять вѣтеръ,

когда разбушуется опять рѣка въ темную, грозную ночь, — будетъ отвѣкаться въ вашихъ сердцахъ этотъ вопль *его*, будетъ *онъ* приходиться неслышными шагами къ вашему огню и будетъ смотрѣть на васъ своими потухшими, безжизненными, укоризненными глазами...

Потухшими... безжизненными!.. Да, потухли навѣки твои свѣтлыя, ясныя очи, — не сонъ это... Дѣйствительно, нашель ты „отдыхъ и спокойствіе“, — даже болѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыхъ искалъ въ ту ночь!.. Не смутятъ уже тебя ни оскорбленія и злоба твоихъ враговъ, ни безсиліе и равнодушіе однихъ изъ твоихъ друзей, ни страданія и печали другихъ... Все, все кончено...

XXI.

Девятый день уже, — но жизнь все еще не входитъ даже и по наружности, въ свою обычную колею. Все еще кучками толпится рабочей людъ у воротъ, на улицахъ и ведетъ тихую бесѣду о своемъ, такъ рано погибшемъ, другѣ, и покачиваетъ головами и охааетъ. Все еще не выходитъ изъ своей комнаты Вѣра Николаевна, не желающая „никого, никого“ видѣть. Все еще не клеится между его друзьями никакая бесѣда, и до сихъ поръ неудержимо льются женскія и дѣтскія слезы.

Сегодня я занимался въ школѣ Вѣры Николаевны. Все глубже и зловѣще становилась тишина между моими маленькими слушательницами; все задумчивѣе и серьезнѣе становились ихъ глаза, устремленные на меня и вотъ — закрыла ручонками свое личико одна и разразилась плачемъ, — потомъ другая, третья... Имъ стало „жалко дядю Елизара“, и онѣ плавали, болѣзненно плавали безъ конца, кажется... И видѣлъ я, потомъ уже, позднимъ вечеромъ, что сидѣли и стояли онѣ около окна и грустно смотрѣли на тихую, потемнѣвшую рѣку и, можетъ быть, просили мысленно, чтобы она отдала, возвратила имъ „дядю Елизара“... Нѣтъ, дѣти, не возвратится онъ!..

Толпами шелъ сегодня народъ на панихиду, которую непременно желалъ отслужить о. Николай. Шли гимназисты, шли крестные крестьяне, пріѣхавшіе на базаръ; шли женщины, ве-

дя дѣтей, маленькихъ друзей Елизара, которыхъ онъ любилъ, кажется, еще больше, чѣмъ своихъ большихъ друзей. Пріѣхалъ старикъ Хроменко съ дочерью; пріѣхалъ даже господинъ Х., шепнувшій мнѣ, что онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно началъ понимать и цѣнить моего покойнаго друга.

Да, я тоже нахожу, что нѣсколько поздно.

Никогда еще, мнѣ кажется, не гѣли такъ задушевно хорошо наши пѣвчіе, впрочемъ, сбившіеся одинъ разъ, когда навзрыдъ зарыдалъ среди нихъ Антоновъ, добрый, благодарный малый, часто посѣщавшій Елизара и многимъ ему обязанный. Никогда еще, мнѣ кажется, не молилась такъ горячо эта громадная толпа, наполнявшая церковь. Никогда еще, я полагаю, не производило такого общаго, потрясающаго впечатлѣнія печальное провозглашеніе „вѣчной памяти“... Конечно, не вѣчная будетъ память по тебѣ, мой Елизаръ; но когда я взглянулъ мелькомъ на эти поблѣднѣвшія, суровыя лица, когда я услышалъ этотъ гулъ, шопотъ, эти вздохи, эти сдержанныя рыданія, которыми зашумѣла церковь, — тогда мнѣ невольно подумалось, что долго, очень долго не забудется твое имя...

Сдержана, проста была рѣчь о. Николая:

„Я радъ, что этотъ древній храмъ оказался почти тѣсенъ, дабы принять въ свои стѣны всѣхъ желавшихъ почтить память того, кто уже никогда больше не появится между нами. Я радъ, что вижу здѣсь васъ, трудящіеся люди, ибо вамъ была посвящена вся недолгая жизнь покойнаго... Съ его обширными познаніями и талантами онъ могъ-бы безъ большого труда достигъ почестей, блеска, славы, — но васъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Онъ легко могъ-бы сдѣлаться богатымъ, — но ваши убогія жилища были милѣе для него всякихъ чертоговъ. Его счастье заключалось въ томъ, чтобы вы были счастливы; онъ страдалъ, когда видѣлъ ваши страданія и печали...“

„Но, дѣти, не мнѣ говорить вамъ о Елизарѣ Никитичѣ. Я хорошо зналъ его, но вы знали его еще лучше, чѣмъ я. Живъ еще передъ моими старческими очами этотъ неутомимый работникъ за всѣхъ, но живъ онъ и въ вашихъ сердцахъ. Забудутъ его, можетъ быть, другіе, но не забудете о немъ вы... Несчастіе-ли постигнетъ васъ какое, вы вспомните, что теперь уже некому выручить васъ... Посовѣтоваться-ли съ кѣмъ нибудь придется, —“

вы припомните, что нѣтъ уже вашего друга... Радость-ли какую нибудь пошлетъ вамъ Богъ, — и опять вамъ припомнится тотъ, кто дѣлилъ съ вами и радость, и горе...

Рыданія, гулъ, движенія въ толпѣ почти совсѣмъ заглушили на нѣсколько минутъ дрожащій голосъ старика.

— Погибъ въ волнахъ тотъ, кто не разъ спасалъ другихъ, закончилъ онъ. — Взяла смерть того, кто много разъ вырывалъ изъ рукъ смерти насъ и дѣтей нашихъ. Нѣтъ того, кто былъ защитникомъ и учителемъ нашимъ, но вѣрую я, что многіе изъ его учениковъ пойдутъ по его стопамъ... Вѣрую твердо...

Родная рѣка стала твоей могилой, мой другъ, мой братъ; надгробнымъ камнемъ стоятъ надъ тобою высокіе, мрачные утесы; грустныя пѣсни распѣваютъ надъ тобою звонкіе, свѣтлые ключи, сватывающіеся съ горь...

Н. Важинъ.

(Окончаніе будетъ.)

ЗАЧѢМЪ ТЫ БЬЕШЬСЯ, СЕРДЦЕ?..

Зачѣмъ ты бьешься, сердце? Или мало
Кровавыхъ ранъ тебѣ нанесено?
Чего ты ждешь? Все лучшее давно
Тебя уже на вѣки миновало!

Разбитое безжалостно людьми,
Ты снова, снова просишь ихъ участя,
И думаешь, что свѣтлый призракъ счастья
Прочнѣй кругомъ тебя царящей тьмы?

Не разъ, когда ты обливалось кровью
Подъ спрятаннымъ предательски ножомъ
Въ рукѣ, протянутой къ тебѣ врагомъ,
Съ невыразимой будто-бы любовью,—

Ты обѣщало мнѣ не биться вновь—
И никогда обѣта не сдержало;
Ты въ грудь мою по-прежнему стучало,
Не давъ отмытъ запекшуюся кровь...

О, сжался!.. Посмотри, какъ похудѣло
Мое лицо, не старое еще...
А ты все такъ-же бьешься горячо,
Все такъ-же кровь расходуетъ ты смѣло!

Кругомъ тебя такія-же сердца,
Ихъ бьются тысячи въ одно мгновенье,—
Прислушайся: неслышно ихъ биенье,
Какъ не слышать его у мертвеца.

А бились и они, какъ ты, тревожно,
Но опытъ жизни ихъ угомонилъ—
И, робкія, они остатокъ силъ
Расходуютъ съ расчетомъ, осторожно...

Учись у нихъ. Но... нѣтъ! не слѣдуй имъ,—
Терзай меня, пока не овѣмѣло:
Тебѣ могу пожертвовать я тѣло,
Согрѣтое біеніемъ твоимъ...

Да! бейся вновь, какъ прежде, горячо,
По-прежнему захлебывайся кровью.
Съ твоей горячей къ ближнему любовью
Для насъ не все потеряно еще!

Омулевскій.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ АНГЛИИ.

Х.

Такимъ образомъ, во главѣ народнаго образованія въ Англіи стоитъ правительственный комитетъ, инспектирующій школы и помогающій имъ денежными средствами; его дѣятельность довольно широка, что видно уже изъ дѣлаемыхъ имъ затратъ: съ 1839 года по 1862 годъ онъ выдалъ 6,710,862 фунт. стерл. 14 шил. 10 денье. Рядомъ съ нимъ стоитъ „департаментъ наукъ и искусствъ“ отдѣлившійся отъ него въ 1856 году. Главнымъ образомъ, послѣдній заботится о техническомъ развитіи рабочаго сословія. Имъ основанъ въ 1857 году музей, South Kensington Museum, съ большою библіотекою, книги которой касаются искусствъ и промышленности. Здѣсь-же находится школа рисованія, гравированія, лѣпныхъ работъ и рѣзбы изъ дерева, приготовляющая искусныхъ работниковъ, учителей и учительницъ и имѣвшая уже въ 1862 году до 358 учениковъ и ученицъ. Къ этой школѣ примыкають другія, разсѣянная по разнымъ городамъ, подобныя-же школы. Эти школы основываются на мѣстныхъ средствахъ, но государство помогаетъ при ихъ основаніи и изъ своихъ средствъ. Оно предлагаетъ отъ себя хорошихъ учителей и обезпечиваетъ часть ихъ содержанія, если въ данной мѣстности имѣется пять общественныхъ школъ или 500 дѣтей, желающихъ учиться рисованію; при этомъ школьные ученики народныхъ училищъ должны быть принимаемы за дешевую плату и въ недѣлю должны быть, по крайней мѣрѣ, три вечерніе класса рисованія, оплачиваемые не болѣе, какъ шестью денье съ ученика. Лучшимъ ученикамъ выдаются обыкновенныя награды, королевскія награды и національныя медали.

Сами школы за каждаго ученика, удостоеннаго высшихъ наградъ, получаютъ въ даръ предметы искусства и книги на 10 ф. стерл. Кромѣ вписингтонскаго музея департаментъ имѣетъ горную школу, зоологическій музей, шотландскій промышленный музей и т. д. Кромѣ того, очень дѣятельное участіе принимаетъ департаментъ въ постоянной педагогической выставкѣ, дающей понятіе публикѣ о лучшихъ и самыхъ дешевыхъ школьныхъ пособіяхъ.

Частныя общества имѣютъ во главѣ британское общество, стоящее, какъ и національное общество, подъ непосредственнымъ покровительствомъ королевы, вносящей въ него по 100 ф. ст. въ годъ. Оно состоитъ изъ президента, 10 почетныхъ вице-президентовъ и изъ двухъ отдѣленій: одно изъ 48 членовъ, другое изъ 17 женщинъ, ведущихъ дѣла семинаріи для учительницъ. Въ 1862 году доходы общества равнялись 16,205 ф. ст. Въ томъ-же году въ двухъ семинаріяхъ общества было 100 учениковъ и 100 ученицъ. При семинаріяхъ были образцовыя школы съ 600 учениками и 285 ученицами. Кромѣ того, общество поддерживало 1,157 школъ, разбросанныхъ по всей странѣ. Общество не измѣняетъ своимъ первоначальнымъ стремленіямъ и нерѣдко воспитываетъ иностранцевъ и иностранокъ, чтобы дать имъ средства основывать школы за границей. Общество имѣетъ большой складъ книгъ и учебныхъ пособій, издаетъ журналъ и т. д.

За этимъ обществомъ слѣдуетъ національное общество, примыкающее къ господствующей церкви. Архіепископъ, епископы, десять пэровъ—вотъ его главный составъ; этимъ лицамъ подчиненъ комитетъ изъ мелкаго духовенства и свѣтскихъ лицъ. Въ школахъ этого общества обучались 76⁰/₁₀₀ всѣхъ учащихся. Въ Лондонѣ общество содержитъ двѣ семинаріи для учителей и одну для учительницъ. Оно тоже имѣетъ громадныя склады книгъ и издаетъ журналъ. Его школы больше заботятся о догматахъ религіи, чѣмъ о чтеніи, письмѣ и арифметикѣ. Особенно сильно жалуются на школы этого общества тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ школъ и гдѣ, по неволѣ, диссентеры должны посылать своихъ дѣтей въ національныя школы для изученія догматовъ чужой религіи. При этомъ нужно замѣтить, что дѣти, несмотря на свое вѣроисповѣданіе, должны при посѣщеніи національныхъ школъ ходить въ храмы господствующей церкви. Это, конечно, очень не по душѣ диссентерамъ.

Далѣе идутъ: церковное общество образованія, основанное евангелической партией господствующей церкви; католическій комитетъ для обученія бѣдныхъ, имѣвшій въ 1858 году 743 школы съ 85,866 учениками; унслейянский школьный комитетъ, обучавшій

въ 1860 году 68,605 постоянныхъ учениковъ и 474,904 ученика въ воскресныхъ школахъ. Затѣмъ слѣдуютъ: Home and Colonial Society, London Radder School Society, Congregational Board of Education, Voluntary School Society, еврейскій комитетъ. Какъ велики выдачи этихъ обществъ, видно изъ того, что по 1859 году національное общество издержало 724,600 ф. ст. Британское—156,664 ф. ст., Home and Colonial Society—116,279 ф. ст., Congregational Board—173,677 ф. ст. и т. д.

Эти затраты довольно велики, но нельзя не пожалѣть, что онѣ дробятся между обществами и потому не могутъ приносить всей той пользы, которую принесли-бы эти капиталы, сложенные вмѣстѣ. Но религиозныя разногласія и различія во взглядахъ на образование не даютъ возможности этимъ обществамъ слиться вмѣстѣ. Это-же обстоятельство вліяетъ и на то, что народныя школы Англій выглядятъ очень различно: однѣ богаче, другія бѣднѣе; въ однѣхъ обучаютъ лучше, въ другихъ хуже. Чтобы не запутаться въ описаніи этихъ школъ, нужно раздѣлить ихъ на группы. Онѣ дѣлятся на частныя и общественныя школы, на инспектируемыя и на неинспектируемыя школы—inspected and un-inspected schools, на вспомошествоемыя и на нев вспомошествоемыя школы—assisted and unassisted schools.

Прежде всего нужно сказать, что англійскія народныя школы пользуются различными источниками доходовъ, неравномѣрно распредѣляемыми между школами. Во-первыхъ, эти источники доходовъ состоятъ изъ платы учениковъ, въ Англій народъ не любитъ бесплатныхъ школъ, считая даровое обученіе мплотынею благотворителей, и потому даже очень бѣдные люди платятъ за своихъ дѣтей въ школы; во-вторыхъ, изъ правительственной помощи; въ-третьихъ, изъ добровольныхъ приношеній; въ-четвертыхъ, изъ денегъ, вырученныхъ отъ лотерей, баловъ, концертовъ и т. д.; въ-пятыхъ, изъ денегъ старыхъ благотворительныхъ учрежденій, не касающихся непосредственно школьнаго дѣла. Но не всѣ школы могутъ разсчитывать на эти источники доходовъ, какъ мы увидимъ ниже.

Частныя школы, о которыхъ мы уже упоминали выше, улучшились въ очень незначительной степени; правда, въ виду конкуренціи, онѣ должны были понизить взимаемую съ учениковъ плату, но учителя въ нихъ не сдѣлались отъ этого лучше, а, пожалуй, стали даже хуже, и въ 1858 году только 0,47% учителей и учительницъ имѣли хотя какія-нибудь свидѣтельства въ томъ, что они способны учить дѣтей. Несмотря на это, эти школы были полны учениками; англичане настолько любятъ все частное, сво-

бодное, независимое, что нерѣдко предпочитаютъ плохую частную школу хорошей общественной; кромѣ того, въ частныя школы отдаются дѣти и тогда, когда нужно какъ-бы то ни было получить свидѣтельство въ томъ, что ребенокъ посѣщалъ школу; иногда отдаютъ въ частныя школы дѣтей и потому, что въ извѣстной мѣстности имѣются школы только той или другой секты, непринадлежащія-же къ ней люди должны, поневолѣ, отдавать дѣтей въ частныя школы. Эти и множество другихъ причинъ дѣлаютъ то, что, напримѣръ, въ 1851 году въ частныхъ школахъ въ десяти округахъ училось 35,1% всѣхъ учениковъ, въ 1859 году 33,9%. Частныя школы, конечно, могутъ разсчитывать только на одинъ источникъ доходовъ, т. е. на плату учениковъ, и потому онѣ влечать самое жалкое существованіе въ матеріальномъ отношеніи.

Общественныя школы основываются обыкновенно обществомъ богатыхъ фабрикантовъ или землевладѣльцевъ, нѣсколькими прихожанами извѣстнаго прихода. При помощи сборовъ и взносов составляется капиталъ; жертвователи избираютъ два совѣта—одинъ для управленія матеріальною частію, другой для веденія педагогической части. Затѣмъ общество этихъ благотворителей обращается за совѣтомъ и помощью къ какому-нибудь изъ названныхъ нами школьныхъ обществъ, заботящихся о народномъ образованіи. Наконецъ, обсуждается вопросъ: нужна-ли правительственная помощь или нѣтъ? Не прибѣгаютъ къ правительственной помощи, большею частію, послѣдователи Congregational Board и Voluntary Society, т. е. двухъ обществъ, которыя ради религиозныхъ взглядовъ отвергаютъ правительственное вмѣшательство въ дѣло народной школы, и послѣдователи той партіи, которая ради политическихъ соображеній не признаетъ права правительства вторгаться въ частныя дѣла. Не прибѣгали къ правительственной помощи и бѣдныя общины, потому-что онѣ не могли удовлетворить всѣхъ законныхъ требованій, которыя должно было соблюсти для полученія правительственной помощи. Но на первыхъ-же шагахъ своей дѣятельности, общества, отказывающіяся, волею или неволею, отъ правительственной помощи, встрѣчаютъ затрудненія: если послѣдователей извѣстной секты въ данномъ округѣ мало, если его жители бѣдны, то порядочной школы основать нельзя. Вся надежда въ этомъ случаѣ остается на щедрость богачей, но англійскіе богачи очень мало заботятся о народномъ образованіи и потому разсчитывать на нихъ можно очень рѣдко. Да и точно, что за дѣло постороннимъ людямъ до воспитанія дѣтей бѣдняковъ? Какъ не щедры богачи Англии въ этомъ отношеніи, это видно изъ отчета одного инспектора. Онъ говоритъ, что изъ 4,518

ф. ст. добровольныхъ приношеній на поддержку 168 школъ 1,782 ф. ст. выдавались 169 духовными лицами, т. е. каждое лицо давало по 10 ф. ст. 10 ш.; 2,127 ф. ст. давалось 399 землевладѣльцами, т. е. каждый давалъ по 5 ф. ст. 6 ш.; 200 ф. ст. давалось 217 арендаторами, т. е. каждый давалъ по 18 ш. 6 д.; 181 ф. ст. давался 102 домовладѣльцами, т. е. каждый давалъ по 15 ш. 6 д.; наконецъ, 228 ф. ст. давались 141 неизвѣстнымъ лицомъ. А между тѣмъ эти 399 землевладѣльцевъ получали ежегоднаго дохода 650,000 ф. ст., т. е. каждый получалъ среднимъ числомъ около 1,630 ф. ст. въ годъ и изъ этого-то дохода эти люди удѣляли только 5 ф. ст. 6 ш.! Вотъ она—филантропія-то англичанъ! Въ другомъ округѣ дѣла шли еще хуже: 7 землевладѣльцевъ давали 156 ф. ст. въ годъ, а 16 духовныхъ лицъ 531 ф. ст. или землевладѣльцы выплачивали 21% всей нужной на школы суммы, а духовенство 73%. Но духовенство Англіи само получаетъ главные доходы съ народа и, такимъ образомъ, оно даетъ народу извѣстный процентъ изъ денегъ, непосредственно взимаемыхъ имъ съ народа-же. „Иногда духовныя лица не прибѣгаютъ къ подпискѣ на школы, говоритъ Гэдлей,—потому, что не хотятъ передать школьное дѣло свѣтскимъ лицамъ. Иногда-же они не дѣлаютъ подписки потому, что это дѣло очень непріятное: деньги нужно выжимать, добровольно-же никто не дастъ. Большею-же частью они даютъ потому изъ своихъ денегъ, что подъ рукой совсѣмъ не живетъ богатыхъ землевладѣльцевъ, гуляющихъ въ столицѣ или за границей, и приходится оставаться безъ школы или содержать ее на свой счетъ“. „Иногда священникъ христарадничаетъ у своихъ сосѣдей и землевладѣльцевъ; если его краснорѣчіе остается безплоднымъ или производитъ ничтожное дѣйствіе, онъ вымаливаетъ деньги у своихъ родственниковъ, друзей и даже у чужихъ людей, и наконецъ уже рѣшается дополнить изъ своихъ денегъ то, чего недостаетъ для школы“. Роль его очень незавидна. Но для чего-же нужны духовенству школы? „Священникъ, говорится въ отчетѣ одной комиссіи, — болѣе всего испытываетъ на себѣ происходящее отъ невѣжества зло; между нимъ и необразованными людьми его прихода лежитъ цѣлая пропасть; они не идутъ къ нему ни за чѣмъ и не принимаютъ его, когда онъ приходитъ къ нимъ“. Говоря другими словами, священникъ лишается значительной части доходовъ. Итакъ, общественныя школы, не получающія правительственной помощи, пользуются тремя источниками доходовъ, т. е. не получаютъ правительственныхъ выдачъ и субсидій отъ старыхъ филантропическихъ учреждений.

Конечно, болѣе средствъ имѣютъ инспектируемыя правитель-

ствомъ школы, такъ-какъ онѣ пользуются всѣми источниками доходовъ и потому могутъ устронвать свои дѣла на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Нечего распространяться, какъ дурно вліяетъ на матеріальное положеніе школъ это раздробленіе капиталовъ, эта неравномѣрность распредѣленія денежныхъ суммъ. Это понятно само собою, безъ всякихъ объясненій.

XI.

Различныя англійскія народныя школы отличаются одна отъ другой уже по самой своей внѣшности. Вотъ жалкая каморка, въ которой живетъ цѣлая семья, тутъ-же толпится и шумитъ масса постороннихъ ребятешекъ,—это бѣдная частная школа, едва сводящая концы съ концами изъ скудной платы учениковъ. Здѣсь не соблюдается никакихъ гигиеническихъ правилъ, здѣсь устройствомъ школьнаго помѣщенія не руководили никакія педагогическія соображенія, здѣсь помѣщеніе такое, какое Богъ послалъ, какое позволяютъ имѣть жалкія средства содержателя школы. Здѣсь нечему учиться наблюдателю, такъ какъ здѣсь дѣло ведется самымъ первобытнымъ образомъ: выучатся дѣти чему нибудь—хорошо, не выучатся—и то не бѣда, благо походили въ школу. Вотъ довольно красивыя, но простенькія постройки, примыкающія къ капелламъ, окруженныя широкими дворами или садами,—это народныя школы различныхъ сектантовъ. Иногда онѣ помѣщаются въ самомъ зданіи капеллы, такъ, что наверху идетъ богослуженіе, а внизу идутъ классныя занятія дѣтей. Вотъ готическія постройки, похожія на стоящія съ ними рядомъ готическіе храмы и выглядящія иногда, какъ дворцы,—это народныя школы господствующей церкви. Вотъ наконецъ одноэтажныя, довольно веселенькіе дома, помѣщающіеся въ менѣ шумныхъ мѣстностяхъ, но не особенно отдаленныхъ отъ жилищъ людей; они занимаютъ не менѣ 1200 квадратныхъ ярдовъ; ихъ строятся преимущественно въ здоровыхъ мѣстностяхъ; ихъ главная комната должна быть не менѣ 12 футовъ вышины, съ хорошей вентиляціей, съ хорошимъ воздухомъ; ихъ полы не могутъ быть выложены ни камнемъ, ни кирпичемъ и на каждомъ ребенка полагается по крайней мѣрѣ 8 квадратныхъ футовъ пространства; въ этомъ-же домѣ или рядомъ находится и жилище учителя, меблированное на счетъ школы,—это образцовыя школы, вспомошествоемыя правительствомъ, построенныя по образцамъ и планамъ, рекомендованнымъ правительствомъ. Эти то послѣднія

школы и начинают господствовать все болѣе и болѣе въ Англіи. Мы коснемся ихъ устройства и укажемъ на ихъ хорошія стороны, пропуская безъ вниманія дурно устроенныя школы, такъ какъ изъ самаго подробнаго описанія послѣднихъ читатель не вынесетъ ничего. Дурному людей нечего учить: до этого они доходятъ и самоучкой.

Образцовыя народныя школы Англіи обыкновенно состоятъ изъ одной большой школьной залы въ формѣ правильнаго четырехугольника. Какъ велики бываютъ эти комнаты, видно изъ того, что въ одной народной школѣ (въ бывшей школѣ Ланкастера, въ Лондонѣ), помѣщается въ залѣ до 500 дѣтей. Вдоль длинной стѣны стоятъ скамьи ряда въ три; у противоположной стѣны находится учительская кафедра. Пространство между кафедрой и скамьями оставляется по возможности широкое, чтобы можно было свободно занимать дѣтей тѣлесными упражненіями. Зала дѣлится на три части проходами или занавѣсами, которыя можно задерживать и, такимъ образомъ, залу можно раздѣлять на три класса или соединять въ одинъ классъ. Нерѣдко рядомъ съ главной залой находится еще одна комната для младшихъ учениковъ, тогда первая носитъ названіе „школьной комнаты“, вторая „классной комнаты“. Въ классной комнатѣ устраивается иногда „школьная галлерей“, то-есть скамьи ставятся въ видѣ террасы одна за другою, одна выше другой, безъ столовъ, со спинками или безъ спинокъ. Это дѣлается тогда, когда дѣти только слушаютъ и читаютъ, но не пишутъ. Иногда въ одной и той-же школьной залѣ помѣщается всѣ три рода классовъ: классъ съ пустымъ пространствомъ, гдѣ ученики стоя занимаютъ умственнымъ счисленіемъ или пишутъ на большой доскѣ; классъ со скамьями безъ столовъ для слушанія или чтенія; наконецъ классъ со столами и скамьями для письменныхъ занятій. Переходя отъ одного положенія къ другому, занимаясь то стоя, то сидя, дѣти оживляются и это полезно дѣйствуетъ на ихъ физическій организмъ. Переходы отъ одного положенія къ другому совершаются въ военномъ порядкѣ, по командѣ учителя. Вентиляція въ школѣ, отопленіе, освѣщеніе и чистота не оставляютъ здѣсь желать ничего лучшаго. Особенно замѣчательна здѣсь чистота, впрочемъ, это и не мудрено; англичане говорятъ: *cleanliness is half godliness* или, говоря иначе, чистота половина блаженства. Отхожія мѣста по большей части устроены по новѣйшимъ системамъ и содержатся въ высшей степени опрятно. Они почти всегда находятся внѣ дома, такъ что не распространяютъ въ домѣ ни малѣйшаго запаха. При нѣкоторыхъ школахъ есть даже особенныя прачешныя, гдѣ моютъ тѣ части дѣтска-

го туалета, которыя оказываются грязными. Въ квинснотонскомъ музеѣ можно встрѣтить сотни плановъ, моделей и образцовъ народныхъ школъ, десятки разныхъ книгъ, посвященные разработкѣ этого предмета и по дѣнѣ эти книги доступны всѣмъ: такъ сочиненіе Берна (On the arrangement construction and fittings of School Houses) съ шестью планами и таблицами стоитъ около рубля. Классная мебель, большею частью, имѣетъ чугунныя ножки, что сохраняетъ много мѣста, даетъ болѣе простора ученикамъ и придаетъ мебели легкой, красивый видъ. Иногда за столами, гдѣ помѣщаются чернильницы, дѣлается углубленіе въ задней доскѣ, куда можно спускать грифельныя доски. Рядомъ съ чернильницей нерѣдко имѣется такой-же сосудъ съ водой и привязанной къ нему губкой для того, чтобы дѣти могли вытирать грифельныя доски не слюнями, не пальцами, не рукавами и не платками. Доски ящичковъ устроены такъ, что ихъ можно ставить наклоннѣе и прямѣе. Въ дѣвичьихъ школахъ при столахъ находятся особые ящики для сохраненія принадлежностей шитья и вязанья. Обыкновенно дѣти не берутъ домой досокъ, перьевъ, библий, чистыхъ тетрадей, грифелей, книгъ для чтенія, выдаваемыхъ школою и оставляемыхъ въ ней послѣ занятій. На стѣнахъ находятся часы, — которые, по выраженію одного инспектора, хороши тогда, когда они не ходятъ, — географическія карты, картины для нагляднаго обученія, историческія картины, изображенія библейскихъ сценъ. Въ національныхъ-же школахъ имѣются кромѣ того доски съ изрѣченіями и стихами, написанными цвѣтными буквами. Обыкновенно въ классѣ имѣется ящикъ съ физическими аппаратами. Всѣ эти предметы имѣются въ запасѣ школьныхъ обществъ, хотя только британское и національное общества могутъ особенно гордиться богатствомъ этихъ учебныхъ пособій и оттого ихъ школы обильнѣе снабжены этими пособіями. Какъ мы уже сказали, дробленіе матеріальныхъ средствъ сильно отзывается на народномъ образованіи въ Англіи, дѣлая распредѣленіе этихъ средствъ между школами неравномернымъ. Но матеріальное положеніе не только тѣсно связано съ нравственнымъ состояніемъ школъ; нѣтъ, оно властительно управляетъ послѣднимъ, такъ что самая бѣдная школа есть въ тоже время самая дурная школа. Вотъ почему педагогическая часть въ бѣдныхъ частныхъ школахъ никуда не годится; въ школахъ, не пользующихся правительственной помощью, она является только сносною и одинъ вспомошествованія правительствомъ школы могутъ организовать педагогическую часть согласно съ требованіями науки и здраваго смысла. Объ этихъ-то школахъ мы и должны говорить теперь. Англійскія народныя школы дѣлятся на смѣшанныя

и на такія, гдѣ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно. Уислейянцы придерживаются болѣе смѣшанныхъ школъ. Тамъ-же принято за правило основывать подобныя небольшія школы въ небольшихъ мѣстечкахъ. Большія-же школы обыкновенно дѣлятся на отдѣленія для мальчиковъ и дѣвочекъ. Обыкновенно дѣти пребываютъ въ школъ только во время классныхъ занятій и только школы филантроповъ держутъ постоянныхъ пансіонеровъ, обучающихся и ремесламъ и земледѣлію. Школы для мальчиковъ и смѣшанныя школы находятся подъ руководствомъ учителей, дѣвичьи школы и школы для малолѣтнихъ находятся въ завѣдываніи учительницъ. Обыкновенно школа состоитъ изъ трехъ классовъ, распающихся иногда на отдѣленія. Школа для малолѣтнихъ является, по большей части, какъ-бы четвертымъ классомъ. Дѣти дѣлятся на классы отнюдь не по возрасту, а по знаніямъ, такъ что ученикъ не можетъ остаться безъ образованія подъ тѣмъ глупѣйшимъ предлогомъ, что «онъ вышелъ изъ лѣтъ». Поступать въ школу можно во всякое время года, что отчасти затрудняетъ учителей, но за то даетъ возможность бѣдняку воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для отдачи ребенка въ школу. Педагоги, особенно нѣмецкіе, конечно, всегда готовы сказать, что нелѣпо принимать дѣтей во всякое время года и не ограничивать возрастъ при поступленіи ученика въ извѣстный классъ. Но эти теоретики очень плохо знаютъ жизнь и особенно жизнь народа. Потребность образованія все еще не такъ сильно сознается народомъ, чтобы онъ стремился удовлетворить ее во что-бы то ни стало. Очень часто какой-нибудь бѣднякъ въ счастливую минуту готовъ отдать своего парнишку въ школу, но пройдетъ эта минута, явится черныи день и это желаніе остываетъ;—вотъ почему нужно дать всѣ средства бѣдняку имѣть возможность во всякое время года, при первой счастливой минутѣ, отдать въ ученіе ребенка, имѣть возможность выковать желѣзо, пока оно горячо. Точно такъ-же нельзя въ народной школѣ ограничивать возрастъ учениковъ при поступленіи ихъ въ школу. Очень часто бѣдняки не могутъ обучать своихъ дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ и слава Богу, если они хоть когда нибудь пошлютъ своихъ дѣтей учиться. Это затрудняетъ педагоговъ. Конечно. Но педагоги должны подлаживаться къ жизни и обстоятельствамъ, такъ какъ жизнь и обстоятельства не могутъ, не стануть и не должны подлаживаться къ педагогамъ и ихъ требованіямъ. Педагогъ слуга общества, а не общество слуга педагога. Въ народныхъ школахъ учатся 5—6 часовъ въ день, отъ 9 до 12 и отъ 2 до 4, а лѣтомъ до 5 часовъ. Въ недѣлю пять учебныхъ дней, такъ какъ въ британскихъ

школахъ нѣтъ классовъ въ субботу, а въ національныхъ въ субботу и среду учатся только полдня. Учителя признають лучшею первую систему, такъ какъ нерѣдко ребенокъ, нужный для помощи родителямъ, удерживается въ національныхъ школахъ дома и въ среду и субботу на цѣлый день. Каникулы назначаются различно въ разныхъ мѣстахъ, смотря по мѣстнымъ нуждамъ, но продолжаютъ не долѣе 6—8 недѣль.

Чадвикъ, собравшій множество свѣденій о школахъ, настаиваетъ на томъ, чтобы ученіе въ народныхъ школахъ продолжалось только полдня, такъ какъ дѣти учатся прилежно только утромъ; послѣ обѣда дѣти становятся менѣе внимательны; невнимательность, вызываемая слишкомъ продолжительнымъ ученіемъ, входитъ мало по малу въ дурную привычку, тогда какъ при напряженномъ втеченіи немногихъ часовъ вниманіи получаютъ лучшіе результаты, чѣмъ при долгой невнимательности; это доказывается, между прочимъ, дѣвческими школами, гдѣ учатся меньше, но гдѣ познанія ученицъ не меньше познаній долгоучащихся учениковъ мужскихъ школъ; кромѣ того при такой системѣ возможна смѣна занятій, переходъ отъ умственныхъ къ ручнымъ трудамъ, что благотворно дѣйствуетъ и въ матерьяльномъ, и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніяхъ. Чадвикъ слишкомъ добросовѣстный и слишкомъ кропотливый изслѣдователь для того, чтобы говорить что-нибудь на вѣтеръ, и потому его изслѣдованія были приняты въ расчетъ, и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вводятся школы съ одними утренними классами. Если его система не вводится вдругъ во всѣхъ школахъ, то это только потому, что боятся, что народъ будетъ недовѣрчиво смотрѣть на внезапное уменьшеніе школьныхъ часовъ. Простымъ людямъ трудно объяснить, что хорошій недолгій трудъ лучше плохого долгаго труда. Но въ фабричныхъ мѣстностяхъ школы съ одними утренними классами имѣютъ полный успѣхъ даже въ глазахъ народа, такъ какъ онѣ даютъ возможность дѣтямъ зарабатывать кусокъ хлѣба. Уроки смѣняются быстро и рѣдко продолжаютъ часъ, большею-же частью они длятся полчаса, не утомляя ученика однообразіемъ. Планъ уроковъ составляется учителемъ. Передъ урокомъ и послѣ классовъ учитель читаетъ молитву или отрывокъ изъ библіи. Дѣти, по англійскому обычаю, не встаютъ, не складываютъ рукъ во время молитвы, но, говоритъ Вагнеръ, въ эти минуты они, кажется, совершенно забываютъ о своемъ тѣлѣ, положивъ головенки на руки и впившись глазами въ учителя. Учатъ въ этихъ школахъ: чтенію, счету, письму, рисованію, исторіи, географіи, грамматикѣ, пѣнію; кромѣ того занимаются чтеніемъ библіи и изученіемъ таблицъ мѣры и вѣса. Дѣвочки обучаются кромѣ того женскимъ работамъ.

Система Ланкастера, прекрасная, какъ облегченіе при обученіи большого числа учениковъ, даетъ не всегда успѣшныя результаты по невнимательности, по неумѣлости, по пристрастію мониторовъ, и потому ей на помощь явилась система „общихъ и одновременныхъ отвѣтовъ“—*simultaneous method*—изобрѣтеніе Давида Стоу изъ Глазгоу. Эта система имѣетъ тоже много слабыхъ сторонъ. По мѣткому замѣчанію одного педагога, «обучать массами можно только солдатъ, потому что имъ и дѣйствовать придется массами; ученики-же должны быть болѣе всего подготовлены къ отдѣльной, самостоятельной дѣятельности». Школа должна стремиться, чтобы единство и солидарность выражались не въ однообразіи занятій, а въ однообразіи направленія этихъ занятій, въ однообразіи цѣлей, въ однообразіи духа. Единодушіе солдатъ поддерживается маршировкой нога въ ногу; но дѣти могутъ быть единодушными, дѣлая въ одно и тоже время совершенно разныя работы. Но, къ несчастію, первоначальное школьное дѣло имѣетъ такъ мало матеріальныхъ средствъ, что и метода Ланкастера и метода Стоу должны считаться благомъ, давая возможность одному учителю обучать массу дѣтей.

Кромѣ обученія въ школахъ, дѣти должны готовить уроки дома. Имъ задаютъ дѣлать задачи, выучивать стихи, рисовать разные предметы. Чтобы не тратить времени на задаванье уроковъ, англичане придумали „карточки задачъ“. Это наклеенныя на папку листки, въ руку величиною. На нихъ начерчены задачи, стихи, молитвы, прописи, рисунки, различные вопросы. Эти карточки принаровлены ко всевозможнымъ отраслямъ первоначальнаго школьнаго обученія. Онѣ продаются по самой дешевой цѣнѣ въ книжныхъ лавкахъ, и раздаются учителями дѣтямъ на домъ. Дѣти очень бережно носятъ эти карты въ холщевыхъ сумочкахъ. Это одно изъ самыхъ практичныхъ пособій при первоначальномъ обученіи дѣтей, дающее возможность не тратить времени на задаванье уроковъ. Кромѣ того эти карточки служатъ значительнымъ подспорьемъ тѣмъ учителямъ, которые не отличаются особой изобрѣтательностью въ дѣлѣ задаванія уроковъ и задачъ. Намъ случалось встрѣчать въ нашихъ школахъ учителей, для которыхъ было истинною мукою задаванье задачъ и, просматривая ихъ задачи, мы находили ихъ крайне однообразными; скажемъ болѣе, намъ пришлось видѣть одного учителя, который какъ-то машинально писалъ постоянно почти однѣ и тѣ-же задачи, точно его рука привыкла такъ-же ставить въ извѣстномъ порядкѣ цифры, какъ она привыкла выводить одни и тѣ-же узоры подъ его подписью. Въ подобныхъ случаяхъ разобразныя карточки задачъ могли-бы быть у насъ ве-

ликимъ подспорьемъ при первоначальномъ обученіи, тѣмъ болѣе что стоять онѣ очень недорого.

Народъ понимаетъ, что въ большихъ школахъ учать лучше, и отдаетъ имъ предпочтеніе. Но къ несчастію, все тѣ-же сектарскія разногласія заставляютъ иногда строить одну маленькую школу возлѣ другой, не давая возможности соединить ихъ вмѣстѣ, такъ-какъ онѣ принадлежатъ различнымъ сектамъ. Такъ въ Леймингтонѣ, городишкѣ съ 4—500 жителей было до пяти отдѣльныхъ народныхъ школъ, принадлежавшихъ разнымъ сектамъ, и, конечно, всѣ были относительно бѣдны и плохи. Хуже всего то, что учителя находящихся рядомъ школъ не сносятся между собою ради религиозныхъ разногласій и не могутъ взаимно развивать педагогическіе взгляды другъ друга, тогда какъ здѣсь-то и должно быть полное согласіе, стремленіе дѣлиться своими опытами и наблюденіями, потому что дѣло народнаго образованія, не смотря на всю свою кажущуюся простоту и несложность, является одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Тутъ нужно руководствоваться не какими нибудь общими педагогическими приѣмами, но нужно принаравливаться къ характеру, къ потребностямъ, къ взглядамъ массы извѣстной мѣстности. То, что хорошо для одной мѣстности, никуда не годится для другой и на оборотъ. Но учителя различныхъ сектъ косятся другъ на друга и не приносятъ другъ другу взаимной помощи. Да, Ланкастеры рождаются не часто и немногіе способны не примѣшивать своихъ религиозныхъ воззрѣній къ постороннему дѣлу.

ХІІ.

Теперь мы должны коснуться вопроса: какъ преподаются тѣ или другіе предметы въ различныхъ народныхъ школахъ Англіи. Конечно, тутъ очень много разнообразія. Въ національныхъ школахъ, болѣею частію, господствуетъ исключительно религиозное образованіе, такъ что многіе даже очень набожные родители отдаютъ своихъ дѣтей въ британскія школы, желая, чтобы дѣти научились чему-нибудь общеплезному. Но если такое исключительно религиозное направленіе школъ приходится не по сердцу многимъ, то еще болѣе отпугиваетъ народъ и волиѣ свѣтское образованіе. Такъ въ 1858 году, Фоксъ и Кобденъ явились предводителями партіи свѣтскаго образованія—*Secular Education*—и устроили въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ множество школъ, гдѣ не касались религіи вовсе, предоставляя религиозное образованіе родителямъ и воскреснымъ

школамъ. Эта попытка, такъ-же какъ и попытка доктора Биркбека устроить подобныя-же школы, потерпѣла полнѣйшее фіаско, хотя планы этихъ школъ были широки и даже слишкомъ широки, такъ-какъ въ нихъ входило преподаваніе астрономіи, политической экономіи, краниологіи и т. д. Эти школы быстро опустѣли, а преподаваніе высшихъ наукъ свелось на простую наomenclатуру извѣстныхъ отраслей знанія. Конечно, этого и слѣдовало ожидать. Но не должно думать, что религиозное образованіе англійскаго народа находится большею частью въ рукахъ духовенства. Нѣтъ, этимъ дѣломъ занимаются преимущественно обыкновенные учителя. Англичане на практикѣ узнали, что ихъ духовенство, долго держа въ своихъ рукахъ народное образованіе, не обучило народъ даже на столько, чтобы онъ зналъ, кто былъ Іисусъ Христосъ. Они пришли къ убѣжденію, что ихъ духовенство выполнѣ несостоятельно въ педагогическомъ отношеніи, и потому передали религиозное образованіе почти всецѣло въ руки обыкновенныхъ учителей. Здѣсь дѣло пошло лучше, хотя Вагнеръ и замѣчаетъ, что свѣтскіе учителя болѣе придерживаются формальной стороны, т. е. заставляютъ выучивать катехизисъ, мало объясняя его, и читаютъ библію болѣе какъ исторію и географію, чѣмъ какъ кодексъ извѣстныхъ нравственныхъ понятій. Но все-же ученики выносятъ изъ ихъ уроковъ болѣе, чѣмъ они выносили изъ уроковъ прежняго духовенства Англій, такъ-какъ прежде они не знакомились ни съ ви́шней, ни съ внутренней стороною религіи.

Особенно трудно обучать въ Англій чтенію: буквы произносятся неодинаково и потому звуковая метода здѣсь непримѣнима. Вслѣдствіе этого чаще всего употребляется look-and-say method, т. е. метода, основанная на наглядномъ изученіи сочетанія разныхъ буквъ и на выговорѣ ихъ согласно этимъ сочетаніямъ. Такимъ образомъ, ученикъ сразу учитъ склады. Мелкіе отрывки, предлагаемые очень маленькимъ дѣтямъ для чтенія, рѣдко страдают, какъ у насъ, приторною моралью, но иногда можно упрекнуть англичанъ въ этомъ случаѣ за излишнее стремленіе сразу знакомить дѣтей съ фактами, фактами и фактами, какъ это дѣлалъ диккенсовскій герой изъ „Тяжелыхъ временъ“. Это стремленіе къ фактамъ очень хорошо, когда изложеніе фактовъ не страдаетъ извѣстною сухостью, отпугивающею ребенка отъ чтенія на первыхъ-же порахъ. Къ несчастію, эта сухость чаще всего сопровождается изложеніемъ этихъ фактовъ, какъ пошлость и приторность сопровождаютъ наши прописныя нравственныя изрѣченія. Изучивъ склады, дѣти читаютъ подъ руководствомъ мониторовъ и учениковъ-помощниковъ. При этомъ встрѣчается одна особенность: стоя подлѣ мониторовъ, стоя

близко отъ другихъ читающихъ въ то-же время дѣтей, дѣти приучаются читать не громко, не ясно, а полушопотомъ. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что негромкое чтеніе англичанъ отчасти зависитъ отъ физическаго строенія ихъ горла: англичане рѣдко обладаютъ басомъ, и очень часто взрослые мужчины поютъ за альтовъ. Иногда чтеніе дѣлается чисто механическимъ отчасти по винѣ мониторовъ, неумѣющихъ дѣлать своего дѣла, иногда-же по винѣ смѣняющихъ азбуку книгъ для чтенія, которыя за немногими исключеніями, сухи, проповѣдуютъ голыя нравственныя сентенціи, изобилуютъ самыми нецѣпными виршами и вообще лишутся на столько неумѣло, что наводятъ зѣвоту на дѣтей и вызываютъ только насмѣшливую улыбку у взрослыхъ. Вообще чтеніе и книги для чтенія—слабая сторона англійской народной школы. Въ азбукахъ—факты и факты, въ первоначальныхъ книжкахъ—голая мораль и та ложная религіозность, которая имѣетъ очень мало общаго съ чистыми и высокими идеями Евангелія. Обучение письму безукоризненно хорошо. Сперва дѣти пишутъ отдѣльныя части, изъ которыхъ составляются буквы, далѣе пишутся мелкія, потомъ крупныя буквы, наконецъ отдѣльныя слова и фразы. Иногда дѣти прямо начинаютъ писать перомъ, чтобы не приучиться писать слишкомъ твердо, что бываетъ при обученіи письму на грифельной доскѣ. Перья употребляются исключительно стальные, а не гусиные. Диктовкѣ начинаютъ учить, какъ только ребенокъ выучится писать. Арифметика стала преподаваться хорошо только въ послѣднее время. Пособіемъ для арифметическихъ упражненій приняты въ Англіи русскіе счеты. Но, по совѣту Лаури, счеты держатся поперегъ, чтобы ребенку былъ понятнѣе переходъ отъ нихъ къ писанью цифръ. При обыкновенномъ положеніи счетовъ, двѣ отложенныя костяжки означаютъ два, при писаніи-же двѣ палочки рядомъ означаютъ одиннадцать. При поперечномъ-же держаніи счетовъ ребенокъ получаетъ болѣе правильное понятіе о томъ, какъ надо писать цифры. Для нагляднаго изученія дробей устроена машинка въ родѣ русскихъ счетовъ съ раздѣленными кусочками дерева: на первой проволоки является цѣлое, на второй двѣ половины этого цѣлаго, на третьей три трети и т. д. Части окрашены разными красками для того, чтобы онѣ ярче бросались въ глаза. Вообще-же можно замѣтить, что ученикамъ мало объясняютъ, почему дѣлается то или другое, и учителя слишкомъ часто пишутъ задачи на доскѣ, что мало развиваетъ въ дѣтяхъ способность быстро писать подъ диктовку большія суммы. Въ народныхъ школахъ довольно подробно изучается англійская грамматика, сопровождаемая диктовкою, разборомъ

предложеній и ученіемъ наизусть прозы и стиховъ съ объясненіями заученнаго. Обученіе географіи сопровождается рисованіемъ на стѣнныхъ и гипфельныхъ доскахъ и на бумагѣ контуровъ картъ. Исторія ограничивается изученіемъ англійской и библейской исторіи; исторіи-же другихъ народовъ касаются только на столько, на сколько она связана съ исторіей Англій. Совершенно основательно всѣ жалуются на излишнее стремленіе заставлятъ дѣтей заучивать массу чиселъ и именъ, придающихъ чрезмѣрную сухость исторіи и затемняющихъ ея смыслъ. Кромѣ этихъ предметовъ, поволь и выбору учителя, преподаются въ школахъ геометрія, начала французскаго языка, бухгалтерія и естественная исторія. Объемъ этихъ предметовъ зависитъ отъ взглядовъ на нихъ и отъ соображеній и знаній учителя. Музыка и пѣніе входятъ порою въ число учебныхъ предметовъ, хотя англичане не видятъ въ этихъ предметахъ особенной пользы и даже считаютъ ихъ вредными, такъ какъ недолгое и крайне поверхностное занятіе этими предметами является простою тратою дорогого времени и не ведетъ ни къ чему, а пристальное и постоянное занятіе пѣніемъ и музыкой разстраиваетъ нервы и расслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ на характеръ. Во всякомъ случаѣ музыка и пѣніе—роскошь, а народъ такъ сильно нуждается въ самомъ существенномъ, что стыдно воровать у него дорогое время на эти если и не вполне безплодныя, то во всякомъ случаѣ не необходимыя занятія. Даже тѣ педагоги, которые считаютъ пѣніе и музыку полезными, смягчающими нравы занятіями, не могутъ покуда доказать своихъ мнѣній чисто научнымъ образомъ. Они только могутъ *полагать*, что ихъ мнѣнія справедливы. Гораздо болѣе занимаются рисованьемъ, такъ какъ рисованіе есть часть ремесленнаго и техническаго образованія. Не пренебрегаютъ также и гимнастикой, которою занимаются между переменною уроковъ. Что касается дисциплины, то она находится въ народныхъ школахъ Англій въ довольно хорошемъ положеніи. Битье дѣтей все болѣе и болѣе выводится изъ употребленія. Наказанія ограничиваются лишнею работою, оставленіемъ на лишнее время въ школахъ, дурными отмѣтками и т. п. Кромѣ того она поддерживается наградами, состоящими изъ денегъ и подарковъ. Такъ какъ учитель не является правительственнымъ чиновникомъ, а просто считается частнымъ лицомъ, то онъ долженъ заслужить любовь и уваженіе въ своемъ округѣ, прежде чѣмъ сдѣлаться авторитетною личностью. Вслѣдствіе этого учителя стараются стоять въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ народомъ и въ дружеской связи съ дѣтьми. Нерѣдко учителя въ свободное время играютъ съ дѣтьми въ крикетъ, основываютъ дѣтскіе клубы съ цѣлью игр:

въ крикетъ и являются членами этихъ клубовъ, порою назначающихъ состязанія съ другими подобными клубами. Учитель, который не съумѣетъ приобрести довѣріе родителей и дѣтей, всегда можетъ разсчитывать на полный неуспѣхъ: его значеніе зависить не отъ его званія, а отъ его личныхъ достоинствъ. Въ этомъ отношеніи англійскіе народные учителя очень сильно отличаются отъ нѣмецкихъ, такъ какъ послѣдніе являются какъ-бы представителями власти, государственными чиновниками. Намъ еще придется говорить объ этомъ, когда мы коснемся прусскаго первоначальнаго образованія.

Чтобы читатель нагляднѣе могъ видѣть, на сколько распространено въ народныхъ школахъ преподаваніе тѣхъ или другихъ предметовъ, мы представимъ таблицу, показывающую, какой процентъ изъ всѣхъ учениковъ учился въ 1858 году тому или другому предмету:

	въ общественныхъ народныхъ школахъ.	въ частныхъ народныхъ школахъ.
религін	93,3%	71,7%
чтенію	95,1	93,5
письму	78,1	43,2
арифметикѣ	69,3	33,8
шитью	75,8	73,8
другимъ женскимъ рукодѣльямъ	3,8	3,38
географіи.	39,4	20,1
анг. грамматикѣ	28,0	21,2
анг. исторіи	19,5	17,9
механикѣ.	0,6	1,29
алгебрѣ	0,8	1,35
геометріи	0,8	1,15
основаніямъ естественной исторіи	3,1	1,84
музыкѣ по нотамъ.	8,6	3,1
рисованію.	10,8	2,98

Рядомъ съ народными школами стоятъ школы рабочихъ домовъ и школы сиротъ, заведенія закрытыя и поддерживаемыя филантропами. Здѣсь иногда обучаютъ ремесламъ и земледѣлію. Но не всѣ эти школы хороши и почти всегда страдаютъ онѣ всѣми недостатками закрытыхъ заведеній, отрѣзающихъ дѣтей отъ дѣйствительной жизни и лишаящихъ личность самостоятельности, самодѣятельности и энергіи. Нѣкоторые изъ этихъ школъ были разсадниками разврата, такъ какъ дѣти жили среди погибшихъ, без-

нравственныхъ и дикихъ обитателей рабочихъ домовъ. Эти школы были предметомъ самыхъ страстныхъ нападеній со стороны англійскихъ ученыхъ, романистовъ и поэтовъ. Далѣе идутъ школы для матросскихъ и солдатскихъ дѣтей и для взрослыхъ солдатъ и матросовъ. Это казенныя школы и о нихъ нечего говорить, такъ-какъ онѣ далеко не удовлетворяютъ всѣмъ разумнымъ требованіямъ. Особенно плохи матроскія школы, находящіяся на каждомъ военномъ кораблѣ. Ими руководятъ обыкновенно жалкіе авантюристы, желающіе покататься по океану; матросы посѣщаютъ ихъ неаккуратно; капитаны-же кораблей, большею частью, убѣждены, что матросамъ вредно быть грамотными, такъ-какъ грамотность отнимаетъ энергію и мужество (sic!). При такомъ почти общераспространенномъ во флотѣ взглядѣ на это дѣло, конечно, трудно ждать успѣховъ отъ матросскихъ школъ.

Гораздо лучше идутъ дѣла ремесленного образованія и вечернихъ классовъ для взрослыхъ.

XIII.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, докторъ Биркбекъ, занимающій мѣсто профессора естественныхъ наукъ, часто сходилъ съ рабочими-жестянниками, которымъ онъ заказывалъ различныя вещи. Онъ близко познакомился съ этими людьми и увидалъ, что имъ недостаетъ нужныхъ знаній. Тогда ему пришла въ голову мысль устроить вечерніе классы для этихъ людей. Онъ разослалъ циркуляры по фабрикамъ Глазгоу, приглашая работниковъ посѣщать его классы. На первый-же урокъ явилось семьдесятъ-пять работниковъ, которые согласились платить 20 фр. въ годъ. Они остались довольны первой лекціей, и на второй лекціи слушателей было около двухъ-сотъ, а на пятой число ихъ возрасло до пяти-сотъ. Тогда рѣшено было устроить миттингъ и сдѣлать сборъ для постройки особой залы для лекцій. На помощь Биркбеку явились профессоры живописи, архитектуры, механики, химіи и математики. Новая зала была выстроена, при ней устроилась бібліотека въ 500 томовъ, двѣнадцать работниковъ приняли на себя заведованіе ею. Нѣкоторые изъ работниковъ предложили профессорамъ быть ихъ помощниками и въ дѣлѣ преподаванія. Черезъ шесть лѣтъ это учрежденіе уже дало изумительные результаты. Тогда Биркбекъ отправился въ Лондонъ и началъ здѣсь агитировать въ пользу начатаго имъ дѣла. Въ нѣсколько лѣтъ почти во всѣхъ главныхъ городахъ Англій возникли подобныя „Mechanics Institute“. Въ 1853 году ихъ насчитывалось до 180 съ 23,000 учениками,

кромѣ того 170 подобныхъ учрежденій ограничивали свою дѣятельность устройствомъ библиотекъ безъ школъ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ подобныхъ учрежденій было не менѣе тысячи.

Въ этихъ школахъ классныя занятія, большею частью, происходили по вечерамъ и почти никогда не бывають бесплатными, такъ какъ англійскій народъ не любитъ бесплатныхъ школъ. „Народъ не цѣнитъ бесплатнаго обученія, писалъ въ 1859 г. Вельдгрэвъ, онъ охотно платитъ за *хорошее* обученіе. Моя вечерняя школа посѣщалась сильнѣе и правильнѣе и съ большимъ успѣхомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я назначилъ плату съ учениковъ. Недѣли двѣ тому назадъ я закрылъ школу на два вечера въ видѣ наказанія за то, что ученики шумятъ при выходѣ изъ класса: наказаніе показалось очень тяжелымъ и принесло желанные плоды».

Крайне интересно, какъ дорожатъ эти бѣдняки образованіемъ, для котораго они приносятъ матеріальныя жертвы. Въ отчетахъ правительственной комиссіи мы встрѣчаемъ на этотъ счетъ нѣсколько характеристичныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, экзаменаторъ Виндеръ, сидя въ речдэльской вечерней школѣ, хотѣлъ кончить экзамень, когда пробили часы. „Продолжай, продолжай! крикнули ему работники. — Намъ за наши деньги тѣмъ больше, тѣмъ лучше!» Другой инспекторъ рассказываетъ слѣдующее о вечерней школѣ въ Бристолѣ: «покуда я разговаривалъ съ учителемъ, оторвавъ его на нѣсколько времени отъ его занятій, я услышалъ какой-то смутный говоръ, смѣшанный съ слабыми свистками. Учитель сказалъ мнѣ: «Понимаете-ли вы, что это значить?» Я отвѣчалъ отрицательно и онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. «Видите-ли, замѣтилъ онъ, — эти люди приходятъ учиться. Они платятъ за это и не любятъ, когда у нихъ отнимають часть ихъ законнаго права на пользованіе уроками втеченіи извѣстнаго времени». Учитель поспѣшилъ вернуться къ занятіямъ и въ одно мгновеніе въ классѣ водворилась тишина. Далѣе въ тѣхъ-же правительственныхъ отчетахъ пишутъ: «Мы съ удивленіемъ глядѣли на этихъ широкоплечихъ мужчинъ. Какъ чисто были вымыты, какъ опрятно выглядѣли ихъ блузы! Эти люди должны были иногда убить часъ времени, чтобы дойти до школы, но это ихъ не удерживало; у каждаго была своя причина стремиться къ ученю. Болѣе-же всего подталкивала ихъ къ ученю надежда добиться мѣста старшаго машиниста.»

Какъ подспорье этимъ школамъ и вечернимъ классамъ являются публичныя лекціи такихъ профессоровъ, какъ Тиндаль, и приготовительныя занятія частныхъ лицъ съ безграмотными работниками. Послѣднимъ дѣломъ занимаются нерѣдко цѣлыя семей-

ства, имѣющія достаточно времени, чтобы удѣлить рабочимъ часть или два на урокъ, за который берется 3—4 пенса въ недѣлю. Подобныхъ школъ въ 1851 году было 1,545 съ 40 тысячами учениковъ и 12 тысячами ученицъ. И съ каждымъ годомъ все шире и шире разрастается это дѣло и особенно сильно въ послѣднее время заботятся о техническомъ образованіи рабочихъ, такъ-какъ всѣмъ стало ясно, что одного первоначальнаго образованія крайне недостаточно для рабочаго, что эманципация рабочаго можетъ совершиться вполне только тогда, когда онъ явится хорошимъ техникомъ и перестанетъ считаться просто «рукой», т. е. чѣмъ-то въ родѣ бессмысленнаго колеса въ громадной машинѣ, называемой фабрикою, заводомъ. Чѣмъ разностороннѣе будетъ его техническое образованіе, тѣмъ болѣе будетъ онъ человѣкомъ и тѣмъ менѣе будетъ онъ машиной. Это сознаютъ и сами работники. Такъ одинъ французскій работникъ пишетъ по возвращеніи изъ С. Франциско: «Я никакъ не думалъ, что буду способенъ работать во всѣхъ ремеслахъ, которыми занимался въ Калифорніи. Я былъ твердо убѣжденъ, что я ни на что не годенъ, кромѣ работы въ типографіяхъ... Разъ попалъ въ этотъ міръ искателей приключеній, которые перемѣняютъ свои занятія чаще, чѣмъ свои рубашки, я дѣлалъ то-же, что и другіе. Когда работа въ рудникахъ оказалась недостаточно прибыльной, я ее бросилъ и переселился въ городъ, гдѣ былъ поочередно типографщикомъ, кровельщикомъ, свинцовыхъ дѣлъ мастеромъ и т. д. Вслѣдствіе этого опыта, показавшаго мнѣ, что я годенъ на всякую работу, я чувствую себя теперь меньше моллюскомъ и больше человѣкомъ». При разностороннемъ техническомъ образованіи, для пробужденія этого сознанія рабочему не нужно будетъ проходить черезъ подобный тяжелый опытъ.

Но развитіе и расширеніе народнаго образованія обусловливается массою учителей и потому Англія сильно обратила вниманіе на учительскія семинаріи. Уже въ декабрѣ 1862 года число учениковъ въ семинаріяхъ, вспомошествоваемыхъ правительствомъ, равнялось 2,255, въ этомъ числѣ было 1,134 мужчинъ и 1,112 дѣвушекъ. До 2,095 человѣкъ были королевскими стипендіатами. Расходы этихъ семинарій простирались до 100,931 ф. ст. Среднимъ числомъ на каждого ученика шло 45 ф. ст. въ годъ. Учебные предметы учительскихъ семинарій слѣдующіе: англійскій языкъ, арифметика съ бухгалтеріей, алгебра, географія, исторія, педагогика, естественныя науки, механика, геометрія, англійская литература, рисованье, начала латинскаго языка и законъ Божій. Кромѣ того, желающіе могутъ обучаться французскому, нѣмецко-

му и греческому языкамъ. Дѣвушекъ обучаютъ шитью и хозяйству. Семинаристы имѣютъ отдѣльныя комнаты для спанья. При семинаріяхъ находятся обширныя бібліотеки и физическіе и естественно-научные кабинеты. Дисциплина въ семинаріяхъ довольно строга, но за то семинаристы могутъ не бояться полицейскаго надзора со стороны начальства. «Это одна изъ самыхъ лучшихъ сторонъ англійскихъ семинарій», говоритъ Вагнеръ. При такомъ сравнительно обширномъ образованіи, даваемомъ семинаріями, конечно, учителя стануть служить только въ томъ случаѣ, если школа будетъ хорошо оплачивать ихъ трудъ. И въ этомъ отношеніи Англія стоитъ на довольно высокой ступени развитія. По отчету правительственной комиссіи въ 1858 году 3,659 учителей получали среднимъ числомъ по 94 ф. ст. въ годъ. Кромѣ того, 2,102 изъ нихъ получали квартирныя деньги. Высшіе оклады равнялись 122 ф. ст. въ годъ, а низшіе 78½ ф. ст. Доходы же учителей, неимѣвшихъ дипломовъ, равнялись среднимъ числомъ 62 ф. ст. Выдержавшія экзаменъ учительницы получали среднимъ числомъ по 62½ ф. ст. въ годъ, а неимѣющія свидѣтельствъ по 35 ф. ст. Какъ видите, эти жалованья уже далеко превышаютъ оклады, которые обыкновенно встрѣчаются въ мірѣ сельскихъ учителей. Но, конечно, и эти оклады заставляютъ желать еще многого, особенно для учительницъ, которыя получаютъ меньше учителей, хотя ихъ потребности такъ-же велики, какъ и потребности учителей.

XIV.

Такова система первоначальнаго образованія въ Англіи.

Она имѣетъ и свои свѣтлыя, и свои темныя стороны.

Съ одной стороны она достигаетъ того, что ни одна изъ парламентскихъ партій какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ, достигнувъ преобладающаго вліянія, не можетъ дать направленія «всему» народному образованію въ ту сторону, въ которую выгодно направить его этой партіи. Такимъ образомъ, народное образованіе не можетъ сдѣлаться орудіемъ или игрушкою въ рукахъ какой-нибудь одной временно-господствующей партіи. Съ другой стороны, оставаясь почти исключительно въ рукахъ частныхъ лицъ, народное образованіе зависитъ слишкомъ сильно оттого, насколько эти лица считаютъ необходимымъ заботиться о народномъ образованіи. Взгляды-же на плоды народнаго образованія вообще весьма различны: одни говорятъ, что образованіе поселяетъ только недовольство въ умахъ массы, другіе говорятъ, что образованіе не

представляетъ никакихъ выгодъ этой массѣ, третьи говорятъ, что образованіе народа, всегда далеко неполное, только даетъ народу возможность легче мошенничать, четвертые говорятъ, что даже религиозное образованіе служитъ къ тому, чтобы масса вкривь и вкось толковала о религіи, и только немногіе люди вполне ясно сознаютъ, что народное образованіе необходимо. Это обстоятельство часто заставляетъ бояться за дѣло народнаго образованія, когда оно находится почти исключительно въ частныхъ рукахъ. Еще болѣе нужно бояться за его участь потому, что народъ не имѣетъ ни средствъ, ни особеннаго желанія устраивать школы безъ чужой помощи; богатые-же личности, погруженные въ биржевую игру, въ промышленную и торговую дѣятельность, въ дѣла наживы, рѣдко заботятся о томъ, что не приноситъ имъ осязательной, непосредственной и скорой выгоды. Вслѣдствіе этихъ-то соображеній и такая система народнаго образованія, какъ англійская, и такая, какъ французская, всегда имѣли и имѣютъ за себя и сторонниковъ, и противниковъ изъ одного и того-же лагеря. Докторъ Биркбекъ и Брумъ (мы, конечно, говоримъ о Брумѣ во дни его прогрессивной дѣятельности) стояли за народное образованіе, но Биркбекъ отрещивался отъ правительственнаго вмѣшательства, а Брумъ стоялъ за это вмѣшательство: одинъ боялся, что господствующія парламентскія партіи сдѣлаютъ изъ образованія народа новое орудіе для своей защиты, другой боялся, что народное образованіе, предоставленное частной инициативѣ, будетъ вѣчно влечить то жалкое существованіе, которое влечилось имъ до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія. То-же различіе во взглядахъ встрѣчаемъ мы у двухъ писателей, глубоко уважающихъ другъ друга, раздѣляющихъ одни и тѣ-же убѣжденія по другимъ вопросамъ, — мы говоримъ о Надѣ и Луи-Бланѣ. Первый стоитъ за идеи Биркбека, второй за идеи Брума.

Кто-же изъ нихъ правъ? И та и другая партія, стоя на почвѣ отвлеченныхъ разсужденій, имѣетъ за себя множество вѣсскихъ аргументовъ. Но эти отвлеченныя разсужденія ни къ чему не ведутъ, когда дѣло касается практическаго разрѣшенія вопроса въ той или другой странѣ. Было-бы смѣшно предоставить народное образованіе исключительно обществу гдѣ-нибудь въ Турціи, гдѣ общество не привыкло къ самодѣятельности, гдѣ оно не видитъ никакой необходимости въ народномъ образованіи, гдѣ самъ народъ не требуетъ этого образованія. Тутъ уже вопросъ сводился-бы не на то, какое направленіе можетъ принять народное образованіе, попавъ исключительно въ руки правительства, а на то, получить ли не получить народъ обра-

зование безъ вмѣшательства правительства и выгодно-ли народу вовсе остаться въ невѣжествѣ или получить образованіе въ известномъ направленіи. Въ этомъ случаѣ, конечно, пришлось-бы рѣшить, что лучше хоть какое-нибудь образованіе, чѣмъ полное невѣжество, такъ какъ невѣжественныхъ людей еще легче направлять въ известную сторону. Къ чему поведетъ даже самое тенденціозное образованіе въ концѣ-концовъ—это ясно: къ истинѣ. Алхимія и астрологія распространяли множество самыхъ ложныхъ понятій, но въ концѣ-концовъ онѣ привели къ химіи и астрономіи. Но если-бы спросить, что лучше: правительственное образованіе или образованіе въ рукахъ общества въ Сѣверо-американскихъ штатахъ, — то, конечно, на этотъ вопросъ пришлось-бы отвѣчать, ни на минуту не задумываясь. Тамъ иначе нельзя себѣ и представить образованія, какъ въ рукахъ общества. Но кто-же правъ: Надѣ или Лун-Бланъ, Биркбекъ или Брумъ, говоря о той или другой системѣ народнаго образованія по отношенію къ Англіи? Въ настоящемъ случаѣ они ошибаются всѣ, впадая въ крайности. Англія уже испытала, что значить исключительно частное народное образованіе: оно существовало множество лѣтъ и дало результаты, равнявшіеся нулю. Но если-бы англійское правительство захватило исключительно въ свои руки дѣло народнаго образованія, то это дѣло явилось-бы просто орудіемъ въ рукахъ тори или виговъ, господствующей церкви или диссентеровъ и повело-бы къ самымъ гибельнымъ результатамъ: съ одной стороны случайная политическая партія, захвативъ въ свои руки народъ, подавила-бы свободу его мнѣній, сдѣлала-бы его слугою своихъ интересовъ; съ другой стороны, религіозная партія стала-бы насловать вѣрованія народа и заставляла-бы приверженцевъ противныхъ ей сектъ или гибнуть въ невѣжествѣ, или измѣнять свои религіозныя убѣжденія. Вотъ почему, быть можетъ, нельзя было-бы придумать никакой другой лучшей системы для англійскаго народнаго образованія, какъ та система, которая господствуетъ въ Англіи теперь. Англійскій народъ не настолько забитъ, порабощенъ и безсиленъ, чтобы общество рискнуло безнаказанно лишитъ его всякаго образованія; въ то-же время этотъ народъ не настолько самостоятеленъ, не настолько силенъ, чтобы общество поспѣшило принести для его образованія всевозможныя жертвы. Вотъ почему нельзя бояться, что общество оставитъ англійскій народъ совсѣмъ безъ образованія, и нельзя сказать, что общество дастъ настолько средствъ для народнаго образованія, чтобы обойтись безъ правительственной помощи и правительственнаго контроля.

Англичане — народъ торговый и промышленный. Конкуренція у

нихъ на первомъ планѣ. Въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ мы мелькомъ указали выше, конкуренція играла тоже не малую роль. Белль и Ланкастеръ, британское и національное общество, члены епископальной церкви и диссентеры—это конкуренты. Каждая изъ этихъ партій старалась лучше устроить свои школы, чтобы привлечь въ нихъ массу и пріобрѣсти большую силу. Первые попытки правительства взять въ свои руки дѣло народнаго образованія дали также толчекъ этому дѣлу, напомнивъ обществу, что дѣло народнаго образованія рано или поздно можетъ быть вырвано изъ рукъ общества, если послѣднее не поспѣшитъ уладить это дѣло хотя настолько, чтобы не возстановить противъ себя народъ: возстановить-же народъ правительственнымъ партіямъ было-бы очень легко, если-бы этотъ народъ по-прежнему оставлялся обществомъ вовсе безъ образованія и если-бы до него все чаще и чаще стали доходить слухи, что правительство хочетъ его образовать, но что этому противится парламентъ. Въ то-же время всѣ партіи очень хорошо сознавали, что, попавъ въ руки правительства, народное образованіе будетъ обращено противъ многихъ изъ нихъ. Явился и еще одинъ мотивъ: народъ пріобрѣталъ все больше и больше политическихъ правъ, народъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе и становилось все болѣе и болѣе небезопаснымъ постоянно имѣть за спиною дикую орду грубыхъ силъ, готовыхъ во всякую минуту обрушиться на общественное зданіе, какъ обрушивались эти массы на машины безъ всякаго пониманія результатовъ отъ своихъ дѣйствій. Нужно было такъ или иначе сдѣлать эту массу болѣе осмысленною. Порабощенный дикарь смиряется подъ бичемъ, свободный дикарь сдѣлается безопасенъ для прогресса только тогда, когда его превратятъ въ цивилизованнаго человѣка.

Итакъ, конкуренція, боязнь за правительственное вліяніе на умы народа, сознание невозможности оставлять долѣе невѣжественною эту сильную численностью и раздраженную массу — вотъ главные мотивы, заставившіе англичанъ серьезнѣе заняться дѣломъ народнаго образованія. Конечно, рядомъ съ этимъ дѣйствовали, хотя и не столько сильно, и другіе мотивы: такъ страсть къ благотворительности, мечты о прекращеніи пьянства, разврата и вообще преступленій посредствомъ народнаго обученія, глубокая любовь къ страждущему человѣчеству и широкое пониманіе того, что образованіе должно быть принадлежностью всѣхъ, — все это имѣло мѣсто при развитіи дѣла народнаго образованія въ Англіи.

Прибавьте, что рядомъ съ силою побудительныхъ мотивовъ шла практичность англичанъ, привычка ихъ къ самодѣятельности,

и вы поймете, почему дѣло народнаго образованія, несмотря ни на какія враждебныя вліянія старой аристократіи, разжившейся буржуазіи, интриги англиканскаго духовенства, могло сдѣлать все-таки довольно значительные успѣхи. Оно организовалось очень оригинально: тутъ рядомъ дѣйствуютъ школы диссентеровъ и епископальнаго духовенства, вечерніе и воскресные классы, училища для матросовъ и солдатъ и училища рабочихъ домовъ, частныя школы, непускающія инспекторовъ, и школы, поддерживаемыя правительствомъ, рисовальныя и промышленныя учебныя заведенія; все это сотни, тысячи радіусовъ идущихъ къ одному центру—къ развитію народа и, можетъ быть, въ этой разносторонности есть свои выгоды, такъ какъ народъ можетъ выбирать школу, можетъ не останавливаться на одной ланкастерской школѣ, можетъ пополнить свѣденія, полученныя въ ней, воскресной школой, школой рисованія и промышленности, вечерними классами для взрослыхъ, наконецъ, лекціями лучшихъ ученыхъ, читающихъ для народа.

А. Михайловъ.

Б А Н К И Р Ъ.

(Изъ «Рейнскаго поэта».)

Весь свѣтъ вертится колесомъ,
Богатство осью служить,—
Мой кошелекъ—вся сила въ немъ—
Всю голь обезоружить.
Иду я,—гнутся всѣ кругомъ:
Я деньгами владѣю!
Весь міръ земной
Своей казной
Я подкупить сумѣю!

Жена все бредитъ про князей,
Про графовъ, про дворянство...
Я радъ обчистить ихъ, ей-ей,
Во мнѣ нѣтъ вовсе чванства.
Они же шею все сальнѣй
Гнутъ предъ мощной моею:
Весь міръ земной
Своей казной
Я подкупить сумѣю!

Сынъ о политикѣ кричить,
Война его пугаетъ:
Дуракъ! Парламентъ говорить,
А мой сундукъ рѣшаетъ:
Запру его и просидитъ
Герой съ женой своею.
Весь міръ земной
Своей казной
Я подкупить сумѣю!

Дочь цѣнитъ умъ, талантъ и трудъ,
Высокихъ душъ стремленья...
Все это сволочь! продадутъ
Они мнѣ убѣжденья:
Имъ глотку устрицы заткнуть,
Вино зальетъ идею.
Весь мѣръ земной
Своей казной
Я подкупить съумѣю!

. . . . .

А. Ш.

ЮРОВАЯ.

(ЯРМАРОЧНЫЯ СЦЕНЫ).

Вбравшееся въ умъ Романа Васильевича сомнѣніе въ законности установленной крестьянами таксы на рыбу не покидало его. Выбравъ первую-же свободную минуту, онъ пошелъ къ писарю съ намѣреніемъ вывѣдать его мнѣніе, но, не подавая вида о настоящей цѣли своего посѣщенія, издалека, стороной, между разговоромъ, коснулся этого вопроса, намекнувъ и на то обстоятельство, что „какъ-де, есть-ли что въ законѣ касательно этихъ бунтовъ и точно-ли казна потерпитъ отъ этого ущербъ!“ И Борисъ Федоровичъ, заранее уже подготовленный дальновиднымъ Петромъ Матвѣевичемъ, съ первыхъ-же словъ сказалъ ему:— „есть“! и что „стачки, устанавливаемыя скопомъ, воспрещены“ „и если они не примутъ своевременныхъ мѣръ противъ нее, то дѣло можетъ принять для нихъ весьма непріятный оборотъ“, и, въ подтвержденіе своихъ словъ, вычиталъ ему тѣ статьи закона, гдѣ говорилось о стачкахъ и о возмущеніяхъ, производимыхъ скопомъ. Романъ Васильевичъ, недоувѣрявшій Петру Матвѣевичу, не ожидалъ подобнаго извѣстія. Но передъ такимъ авторитетнымъ аргументомъ, какой привелъ ему Борисъ Федоровичъ, онъ растерялся, упалъ духомъ, и, по обыкновенію, посѣтовалъ и на свою долю, и на общество, избравшее его головой.

Результатомъ происшедшаго между ними совѣщанія о принятіи предохранительныхъ мѣръ было то, что на другой-же день въ волости назначили сходку, на которую повѣстили всѣхъ крестьянъ-рыбопромышленниковъ. Самые бѣдные, въ родѣ Кульба, Вялаго и Кондратія Савельича, не оповѣщались, всѣ знали, что

они придуть и безъ повѣстки потолкаться въ толпѣ, послушать, о чемъ говорятъ болѣе зажиточные и потомъ поднять вверхъ правую руку, утверждая этимъ принятымъ въ быту ихъ жестомъ то мнѣніе, которое установитъ меньшинство ихъ. Въ этой бѣдной, забитой жизни капиталъ играетъ еще большую роль. чѣмъ гдѣ-либо, подавляя всякую правдивую мысль, если она родилась въ умѣ бѣдняка, одѣтаго въ оборванный полушубокъ и такіе-же бродни.

Несвязно, запинаясь на каждомъ словѣ, произнесъ вступительную рѣчь Романъ Васильевичъ, объясняя собравшемуся обществу незаконность составленной ими таксы. Всѣ внимательно слушали его, тѣсясь за рѣшеткой, отдѣлявшей волостное присутствіе отъ остального пространства, предназначеннаго для сходокъ. Внимательно слушалъ его и Борисъ Федоровичъ, стоя, по обыкновенію, съ подвязанной щекой у стола, покрытаго чернымъ сукномъ и заваленнаго бумагами и пакетами. Никто въ толпѣ во время его рѣчи не шелохнулся, и каждое слово его отчетливо доносились до ушей стоявшихъ даже у порога. Скрестивъ на груди руки, слушалъ его и Иванъ Николаевичъ, выдвинувшійся впереди всѣхъ, при началѣ ея.

— Ты о чемъ это говорилъ-то, не во гнѣвъ тебѣ, спрошу я?... произнесъ онъ, когда Романъ Васильевичъ замолчалъ и отиралъ полою новаго суконнаго зипуна вспотѣвшій лобъ и ладони у рукавъ.—Я, признаться, слушалъ, слушалъ, да што-то въ толкъ не взялъ?

— Народъ-то вотъ не надоть мутить, Иванъ Николаичъ! съ сердцемъ отвѣтилъ онъ,—вотъ я къ чему!

— Такъ тебѣ-бы такъ и сказать, короче-бы дѣло! а кто-жъ ихъ мутить?

— На міру-то про тебя говорятъ!

— По твоему выходитъ, у всего-то крешонаго міра и разуму своего нѣтъ, а? съ ироніей спросилъ онъ.

— Міръ-то нашъ, Иванъ Николаичъ, што скворя. ¹⁾ Все болѣ съ чужого голоса поеть. Ужъ не тебѣ-бы и пытатъ объ этомъ, ты самъ пытаный! Ты вотъ и теперь первый загово-

¹⁾ Скворецъ.

рилъ, а всё молчать, стало быть оно и касяюще тебя!.. Ты, Иванъ Николаичъ, къ слову сказать, помутиль, помутиль мѣрскимъ-то разумомъ, да и въ сторону, а мы въ отвѣтъ!

— Въ чемъ-же отвѣтъ-то твой будетъ, нуко?

— Въ попущеніи бунта!

— Бунта-а-а! съ удивленіемъ произнесъ онъ.

— Въ такцѣ вашей, да въ казенномъ ушшербѣ...

— Гора-то какая выросла и глазомъ не окинешь, а? Заварили-же мы, братцы, кашу волостнымъ на расхлебу, съ ироніей обратился онъ къ обществу, все время молча слушавшему ихъ.— При какомъ-же тутъ дѣлѣ казна-то? снова спросилъ онъ.

— Ушшербнетъ.

— Отчего-бы это казнѣ-то ушшербнуть, отвѣтъ-ко? Кажись, сама деньги-то дѣлаетъ.

— Иванъ Николаичъ, ты взялся говорить, такъ словами-то не играй, здѣсь власть, сходъ! серьезно замѣтилъ ему писарь.—Здѣсь слово-то говори съ оглядкой!

— А тебѣ-бы, Борисъ Федорычъ, на мой умъ подвязать языкъ надоть, а не ланиту. Ты меня-то не учи! Я самъ порядковъ-то знаю! Ты не болѣ, какъ наемникъ нашъ, твое вотъ дѣло писать, что голова тебѣ прикажетъ, да общество. А свое-то слово въ мѣрскую рѣчь бросать не доводится. Аль языкъ-то тебѣ Петръ Матвѣичъ наточилъ, а? Нутко, скажи намъ, кому это онъ въ волосъ, по задворьямъ-то хоронясь, узелъ вчера несъ, што доброй бабѣ и на коромысло не зацѣпить, а?

Борисъ Федоровичъ покраснѣлъ и, отвернувшись въ сторону, закашлялся и поправилъ повязку.

— А-а-а! Видишь, сладкіе-жъ гостинцы-то, и перхоть взяла, съ юморомъ замѣтилъ Иванъ Николаевичъ.

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Доѣхаль... то-ись... и мужикъ-же... а-ахъ ты, братецъ! раздались въ ней одобрительные отзвѣвы.

— Иванъ Николаичъ, ты ужь былъ въ науѣ! вступился Романъ Васильичъ, покачивая головой.

— Былъ, Романъ Васильичъ, былъ... освѣтился! тѣмъ-же тономъ отвѣтилъ онъ.

— Што, птица, за рѣшотчатыми окнами сидѣлъ?

— Сидѣлъ, Романъ Васильичъ, сидѣлъ, да тамъ и правду-

то щебетать научился! А корить-то этимъ при обществѣ нечего, не за воровство сидѣлъ, што свѣча предъ Богомъ... По-омни... всѣ мы подъ Богомъ... отъ тюрьмы, да отъ сумы...

— Не корю я тебя, дру-у-угъ, прервалъ онъ, — а грѣхъ-бы, говорю, другихъ-то совать въ эти палаты...

— Кого-жь я сую-то, а?

— И общественниковъ, и насъ...

— О-о-о! А я ужъ испужался, думалъ, не Бориса-ли Федорыча; такъ онъ, Романъ Васильичъ, и безъ чужой помощи своимъ умомъ до этихъ-то палатъ доживетъ. Гостинцы-то на ѣду вкусны, да отрыжка-то съ нихъ о-о-ой... худая живеть! А ѣсть, ѣсть, да и придетъ часъ отрыгнуть! А ты-бы, Романъ Васильичъ, послушалъ моего стараго ума, лучше-бъ было, коли за общество стоялъ. Съ нами тебѣ жить-то доведется, о-ой, съ нами! Скажи-ко ты мнѣ, чѣмъ я подъ иго-то подвожу, а?

— Не ты-ль на такцію общество-то подбилъ, а?

— Я! я! Такъ это и есть иго-то... бунтъ-то?

— Бунтъ!

— Если я, въ примѣру, слѣпому дорогу покажу — и бунтовщикъ, а? Да гдѣ-же про это писано?

— Въ законѣ!

— Неужъ въ законѣ не велѣно, штобы мужикъ по своей цѣнѣ свое кровное добро продавалъ а?

— По своей-то цѣнѣ, повторилъ Романъ Васильичъ и, задумавшись, почесалъ въ затылкѣ. — Не велѣно! утвердительно, наконецъ, отвѣтилъ онъ. — Не велѣно! снова повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ. — Положенъе такое: такціямъ запретъ, а колыми того, говорить, скопомъ!

— Ско-опомъ! это што-жь за слово?

— Слово... самое... въ законѣ прописанное... законное слово! пояснилъ онъ.

— А-а! Такъ по закону-то такъ надоть, значить: если рыба мнѣ стоитъ два съ полтиной пудъ, то я и долженъ отдать ему по его цѣнѣ, а не по моей!

— Не то ты говоришь, Иванъ Николаичъ, прервалъ писарь, все время молчавшій послѣ происшедшей съ нимъ сцены. — Поймите, обратился онъ къ обществу, избѣгая провинцательнаго взгляда Ивана Николаича, — законъ не воспрещаетъ

продавать свое добро по какой хошь цѣнѣ, а воспрещаетъ только такціи... самовольныя стачки скопомъ, въ примѣру будучи сказать, какъ вы установили обществомъ, если отъ нихъ предвидится казнѣ ушшербъ. Во-отъ что законъ-то гласить, поняли-ль?

— Ты растолкуй, какой казнѣ-то ушшербъ отъ нашихъ цѣнъ? спросилъ его Иванъ Николаичъ.

— И какъ ты это въ толкъ не возьмешь спросить: „собрали-ль мы подать-то“? узоризненно качая головой, виѣшался Романъ Васильичъ.

— Не мое дѣло казенный сундукъ считать. Ты голова, ты и блюди!

— Ты-бы спросилъ, много-ль мы собрали-то ея. Мы и первой-то половины не очистили, а второй-то и не начинали; такъ это казнѣ не ушшербъ?

— Ушшербъ!

— А собрать-то ее когда-же, а?

— Поторгуетъ міръ на юровой, справится и очиститъ грѣхи... Пожди! не вдругъ..!

— То-то не поторгуетъ!.. Въ лонскіе-то годы помнишь. Торговцы до ярмонки грузили возы рыбой, да отправляли. Мы до ярмонки-то бывало сборныя книги очищали, а новѣ это продалъ ее, рыбу-то, окромя наѣзжихъ крестьянъ, а? Принесъ-ли изъ нашихъ-то юрьевцевъ кто въ подать-то хоша копѣйку, а? а вѣдь ужъ завтра ярмонка... Къ вечеру, гляди, ужъ торговцы-то въ обратный путь соберутся. Вы такцію-то установили, а не спросили того, кто купить по ней. Въ самыя што ни есть неуровные года хрушная-то рыба свыше девяти гривенъ, да рубля съ пятакомъ не поднималась, а вы два съ полтиной заломили, а? И думаешь, купятъ...

— Купятъ! спокойно и твердо отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

— А кто купить-то... Смотри, вѣдь ужъ наѣзжіе-то крестьяне всю рыбу продали; купцы-то ужъ наторговались! Такъ это-жъ купить ее у нашихъ-то?

— Гуртовщикъ тотъ-же, Петръ Матвѣичъ, а для ча онъ по твоему, когда ужъ все мелшники-то скупили ее у наѣзжихъ,

наторговались до сыта, а онъ не скупаль... И дононѣ все сидить, да ждать, а?

— Ну, а не купить, закапризится, поставитъ на своемъ, а? Тогда кому ее продашь, а? Да онъ, слыхъ есть, и торговать-то ей болѣе не хочетъ!

— Купить! небось... отвѣтилъ Иванъ Николаичъ, неизмѣнная тона,— купи-и-итъ! Теперя-то онъ съ непривычки ломается, говоритъ, что торговать ей не хочетъ, мужичьихъ повлоновъ ждать, а увидитъ, што неподдается, и купитъ, и пять рублей положъ за пудъ, и за пять купитъ! Неужъ ты думаешь, онъ на ярмонку ѣхаль на грошъ продать, да на два въ долгъ отпустить, а? Нѣ-ѣтъ, ему рыба надоть, рыба-а!.. За рыбой онъ ѣдетъ, а ярманки-то хоша-бы и вѣкъ для него не бывало. Гдѣ онъ возьметъ ее теперя, опричь насъ, а? Съ обскихъ промышленовъ, што-ль? нѣ-ѣтъ, тамъ купцы-то тысячники плаваютъ, почише его, да коли онъ и купилъ какія крохи, то ужъ израсходоваль въ постъ-то, тутъ масляная надъ головой, да съизнова постъ, расходъ на рыбу-то, успѣвай повертываться, а ему не поторговать-то, и хлѣба не видать, тоже ѣсть хочетъ, а гдѣ, говорю, онъ возьметъ-то ее теперя, опричь насъ, а? Ну-ко? Торговать ей не хочетъ болѣе... хе... слушай ты его, онъ и не то ишо скажетъ! Коли-бъ онъ ей торговать не хотѣлъ, не надоть была ему рыба, такъ для чего-бы онъ это меня-то къ себѣ призываль, да улычалъ всякими дарами, штобы я цѣну сбиль, а не съ его-ли голоса и ты говоришь о бунтѣ, да казенномъ ушшербѣ, а-а-а? А это ты какъ полагаешь, не казенный ушшербъ, што мы-то съ дурности своей въ лонскіе-то годы што ни есть хрушкую-то рыбу по семи, да по восьми гривенъ пудъ отдавали ему, а онъ торговаль ей по три съ полтиной, да по четыре съ гривнами пудъ, а? Ну-ко, сколь лихвы-то, тряхни-ко ерихметикой-то? Казенный-то ушшербъ теперя, на мой умъ, будетъ, коли мы ему по старымъ-то цѣнамъ отдадимъ, да-а! Разведи-ко умомъ-то, вѣдь мы казенные люди-то. Казнѣ-то избытошнѣе, коли мужики-то въ прохладѣ живутъ, не жуютъ хлѣба, слезой поливаючи. Вотъ какъ мы энтой-то цѣны попридержимся, такъ гляди-ко, чего будетъ?... Бѣдность не будетъ голодать, казенна-то недоимка не станетъ расти по ней, какъ грибы отъ дождя, тысячами! И тебѣ-то безъ горя, ты не будешь ее за казенну-то

подать въ заработки отправлять въ конецъ-то зорить ее. Бѣдность-то выправится, да сама уплотитъ ее безъ слезъ! А коли мы поддадимся, то ему—и ушше-е-ербъ казнѣ, не соберешь ее, подати-то, и будетъ богатому-то раззоръ, а бѣдности-то одни ужъ слезы... только ему нажива! На-а-ажива ему, Романъ Васильичъ, не наши-то труды! На него-то онъ и брюхо растить. Возьме-е-еть... и послѣднее возьметъ, какъ у Кулька, да у Вялаго и спасибо не скажетъ. Вотъ ты за што Кулька-то да Вялаго въ раззоренье-то отдалъ, а? А голова-а! Намъ-бы долженъ защиту дать, а ты вонъ какой распорядокъ-то сдѣлалъ; Грѣ-ѣ-хъ тебѣ, Романъ Васильичъ, грѣ-ѣ-хъ.

Романъ Васильевичъ покраснѣлъ и, съ смущеніемъ разведя руками, хлопнулъ ими по бедрамъ.

— А-а-ахъ! произнесъ онъ, качая головой,—не другъ ты мнѣ, не другъ, Иванъ Николаичъ.

— Не та дружья рука, Романъ Васильичъ, что только гладить, а та, што и бьетъ, подчасъ на міру-то говорятъ! отвѣтилъ онъ.—А рѣбу-то онъ все-таки купить у насъ безъ ушшерба казнѣ, не сумняйся! заключилъ онъ.

Изъ толпы во все время рѣчи его не возвысился ни одинъ голосъ; изрѣдка только среди невозмутимой тишины проносился легкій шопоть или вздохъ, и затѣмъ снова все замирало. Романъ Васильевичъ задумался и, наконецъ, покачавъ головой, съ тревогой въ голосѣ, произнесъ:

— А какъ не купить, заламается... Тогда-то какъ?

— А нѣшто въ городъ-то самимъ везти пути заказаны, а?

— Это за триста-то версть... харчиться, да убыточиться! раздался вдругъ голосъ.—Да ишо кому ее продашь тамъ? Тому-же Петру Матвѣеву.

И Романъ Васильевичъ, и Иванъ Николаевичъ оглянулись въ ту сторону, откуда послышался возвысившійся голосъ, пробѣжавшій въ толпѣ электрической искрой. Толпа вышла изъ пасивнаго состоянія, точно разбуженная имъ, и заволыхалась.

— Спросилъ-бы, на чемъ ишо другой повезетъ-то, заговорилъ сѣдой, приземистый старикъ.—У меня вонъ одна лошадь, да и та ишо по осени копытомъ въ колесо угодила, да все сорвала. И вези-и-и.

— Сятымъ-то, Парфень Митричъ, и въ городъ путь.

— И-а... Тощему-то брюху только всякая дорога длинна!

— Ты дѣло говорилъ, Романъ Васильевичъ, среди общаго безпорядочнаго говора крикнуть высокій, сутоловатый крестьянинъ въ оленьей дахѣ, постепенно проталкиваясь изъ толпы къ рѣшеткѣ.—Завтра ярмонка, а спроси, есть-ли у кого изъ крещенонаго міра грошъ за душой... а вѣдь мы и живемъ только отъ ярмонки до ярмонки; у насъ одинъ разъ въ году урожай-то на деньги. Гляди-ко, инше-то до нитки обносились, у другой обуви безъ подошвъ, а нашто ихъ купить-то. А хоша-бъ подушную то-перя... Да што толковать! заключилъ онъ, махнувъ рукой, — не путную кашу заварили... А въ городъ-то везти—ну-ко, испробуй съ пустымъ-то карманомъ триста верстъ отиѣрать, за одинъ кормъ лошадямъ душу заложить... да у кого испр кони-то есть. А тамъ-то жди, когда ее по фунтамъ-то продашь! А гуртомъ-то кому? тому-же Петру Матвѣеву, а ужъ коли онъ здѣсь на своемъ стоитъ, такъ ужъ тамъ, гляди-ко, насолить-то!

— Э-э... семи бабамъ подолами не выгрести! прервалъ его голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— А-а-ах-ха-ха-а! загомонила толпа.—И ей-богу вѣрно... Семи бабамъ... ну, и сло-о-ово!

— Вѣрно... а-а-ахъ какъ вѣрно. Ты, Иванъ Николаичъ, съ фортуной мужикъ, усиленно возвысивъ голосъ, крикнулъ ему щедедушный старикъ, барахтаясь въ толпѣ.—И голова мужикъ!

— И мужикъ да ума-то...

— Ума ло-о-охань!

— И за міръ онъ, братцы, стоитъ, и, ей-богу.

— Сосенка!.. Взъщи его Господи!

— А-а-хъ, Иванъ Николаичъ, какъ ты насъ объѣхалъ, ну-у-у, поддѣлъ не причъ купца. Пошли тѣ Господи фортуны, послушали тебя на свою шею! чуть не въ голосъ укоряла его раскодившаяся толпа.

— Да дай тебѣ Господи, Романъ Васильевичъ, вѣку и тебѣ, Борисъ Федоричъ, — то-ись пошли вамъ Господи за науку вашу,—за мірское радѣнье. И продадимъ мы рыбку съ вашего слова по благословенію!

И слился этотъ говоръ въ общій гулъ, въ которомъ терялась всякая нить хотя какой-нибудь мысли. Иногда еще ухо

могло уловить рѣзко проносившіяся отдѣльныя слова: „харчи“, „убытки“, „пошли Господи“, „копыто“ и т. п.

Романъ Васильевичъ зардѣлся яркимъ румянцемъ отъ сыпавшихся на него похвалъ и благословеній, и въ самодовольномъ смущеніи растерялся, не зная, куда смотрѣть, что говорить. Но Иванъ Николаевичъ замѣтно поблѣднѣлъ. Среди посыпавшихся градомъ укоровъ, онъ не проронилъ въ свое оправданіе ни одного слова и только съ грустною задумчивостью смотрѣлъ на волнующую толпу.

— И правду ты, Романъ Васильевичъ, сказалъ, произнесъ, наконецъ, онъ, качая головой,—пра-авду: общество наше, што сквора! Прости, што пообидѣлъ тебя, хотѣлъ съ дураками пиво варить, да сколь не вали въ него хмѣлю, оно все солодить, а въ солодѣломъ и проку нѣтъ!

И, повернувшись, онъ медленно сталъ пробираться въ толпѣ къ дверямъ и вышелъ незамѣченнымъ въ разгарѣ бушевавшихъ толковъ.

— Пошто-же вы это не выдержали, въ отпоръ-то пошли, а? спросилъ Петръ Матвѣичъ, пришедшихъ къ нему въ тотъ-же день крестьянъ съ предложеніемъ купить у нихъ рыбу. — А я-то было порадовался за васъ; пушшай, думалъ, поторгуютъ, поправятся, своимъ умомъ поживутъ!

— Пожили своимъ-то умомъ, будетъ, на-агрѣлись! отвѣтилъ ему Парфень Митричъ, тотъ самый сѣдой старикъ, у котораго еще по осени лошадь попала копытомъ въ колесо.

— Скоро-же надоѣло вамъ, нечего сказать, съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Умомъ-то жить надоть, штобъ въ карманѣ было, а карманъ пусть, такъ не поживе-ешь! Брюхо-то, заставитъ по чужой пискудѣ плясать.

— Нешто вы голодны, на брюхо-то жалитесь, а? спросилъ онъ.

— Сыти-бы были, не шли-бы къ тебѣ съ поклономъ! Плакать-то, да кланяться, Петръ Матвѣичъ, никому не сладко, слезы гонять! говорилъ Парфень Митричъ, стоя, впереди всѣхъ.

— Рыба первѣющая по губерніи, а все мало, все голодны все плачетесь, наро-одъ-же вы!

— Жирна рыба-то, не по нашему рту!

— Приѣлась? Ну оно точно, осетрина-то отбиваетъ! съ про- нѣй отвѣтилъ онъ, барабана пальцами по столу.

— И не пробовали!

— А-а!.. такъ вы испробуйте и поглянется, чѣмъ безъ пути на голодь-то жалитесь. Вонъ Иванъ Николаевъ, и видать му- жикъ съ умо-омъ. „Я, говоритъ, самъ съѣмъ“ и гляди, въ тѣло войдетъ! И вамъ-бы, по моему...

— А-а штобъ ему пусто! пронеслось вмѣсто отвѣта въ тол- пѣ.—Ты и не поминай намъ объ немъ, осерчаемъ!

— За што-бъ это?

— Подѣлъ онъ насъ, а-а-ахъ! всплеснувъ руками, отвѣтилъ ему Парфень Митричъ.— Не причъ тата!

— Иванъ-то Николаевъ? съ притворнымъ удивленіемъ, спро- силъ Петръ Матвѣичъ.— Да чѣмъ-же, мужикъ-то онъ ровно об- стоятельный, а?

— Неужъ ты не слыхалъ?

— Въ первой! неизмѣняя себя, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Чудно, какъ это ты не слыхалъ? съ недоувѣріемъ спро- силъ Парфень Митричъ, пристально посмотрѣвъ на него.— На- говориль-то онъ намъ много, да безъ пути, началъ онъ; — не продавай, говоритъ, своей рыбы ни по чему Петру Матвѣеву, установь свою цѣну, а на его улещенія души не клади. При- деть, говоритъ, самъ придетъ и склонитъ выю!

— Я-то это? прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Ты... ты намъ-то будто, мужикамъ!

— Гляди-жь!.. Хе... А вы и послушали?

— Послушали! Опрічь насъ ему рыбы-то, говоритъ, негдѣ взять, продолжалъ онъ, — и придетъ, придетъ, говоритъ, и по- клонится. И куды это дѣвался у насъ на ту пору умъ-то, а-а-ахъ ты, братецъ мой, а? Не диво-ль! Ну, и не продавали, стояли на своемъ. И торговали ее у насъ—упорствовали и до- стояли, другъ мой, што у иного таперь, вмѣсто прибыли-то, сле- зы! Вотъ онъ чего подѣлалъ съ нами, провалиться-бъ ему!

— И не слыхивалъ! прервалъ его Петръ Матвѣичъ. — Оно точно, я зналъ, што вы цѣны-то подняли и стоите на нихъ,

да полагаль, што вы сами это въ задоръ вошли, а штеба Иванъ Николаевъ васъ подбилъ на меня, и 'слуху не доходило! Такъ вы все это время и ждали моихъ поклоновъ, а?

— И ждали!

— Не-е-е-зналь, други, а то зашощь-бы, поклонился-бы, и, ей-богу. Што-жъ, шея-бъ не сломалась, съ ироніей произнесъ онъ.— Экое горе-то, а?

— Дождались-бы не того исшо на свою голову, снова превралъ его Парфенъ Митричъ, — да пошли Богъ въку головѣ да писарю, въ разумъ-то ввели, а то-бы, голубъ, сѣлъ намъ Иванъ-то Николаевичъ на шею, о-о, сѣлъ-бы! Твердить одно: безпримѣнно купить, и пять рублей, говоритъ, положъ,—и за пять купить.

— А што, други, въ правду-то сказать, онъ, пожалуй, и вѣрно говорилъ вамъ, началъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго раздумья.—Гдѣ-бы мнѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, купить ее, а? Если-бы, какъ въ лонскіе года, рыба-то мнѣ понадобилась?.. Вѣдь негдѣ! Я вамъ и говорю-то это теперь на тотъ случай, што меня ужъ это дѣло не касающе. Мнѣ не покупать ея, рыбы-то, я и торговать болѣе не хочу ей и заѣхаль-то будто счета свести!

Крестьяне, въ свою очередь, съ недоумѣніемъ выслушали его, не понимая цѣли, къ которой клонились его слова.

— Не въ руку она мнѣ што-то пошла и-и Богъ съ ней! Бумажнымъ товаромъ позаймусь, продолжалъ, между-тѣмъ, Петръ Матвѣичъ, съ раздумьемъ барабана пальцами по столу. — А вамъ-бы, на мой умъ, право, не торопиться продавать-то ее постоять-бы исшо за свои-то цѣны. Придетъ исшо—не я, такъ другой, кто ни на есть, и поклонится, можетъ, тогда и помянете Ивана-то Николаевича, а и ждать-то много-ль? Завтра ярмонка, къ вечеру, гляди, и въ обратній будутъ собираться.

— Обожди, легко это говорить-то, Петръ Матвѣичъ! вступился сутуловатый крестьянинъ, первый поднявшій въ волости голосъ за Ивана Николаевича.— Неужъ мы, по своему-то, не сжѣкаемъ-же, што Иванъ-то Николаичъ, и правъ, пожалуй, да вѣдь нужда, другъ! Ждать-то тогда ладно, когда въ карманѣ не свербитъ, а вѣдь завтра ярмонка, а мы ей живемъ, въ нее-то и подушную заплотимъ, и обуешься, и одѣнешься, и всякаго за-

пасу прикупишь! Гляди-ко обутики-то!—И, поднявъ ногу, онъ показалъ ему прорванный бродень.—А вѣдь ихъ купить надоть, а на чего купишь-то? Спроси, есть-ли у кого въ міру-то хоша мѣдный грошъ за душой, а? И продашь, продашь за дешево ее, только купи-и, нужда-то не терпять! Иной ужъ слезми отъ нее обливается, а у иного, што ись и хлѣба-то нѣтъ, какъ у меня вотъ, а семья, семья, сизый... Всѣ пить, ѣсь хотятъ! И у хлѣба сидимъ, не погрѣвимъ Бога, да хлѣбъ-то энтотъ не по насъ, неужъ ты дунашь, и мы-бы не поѣли рыбки-то? Поѣли-бъ и какъ-бы ишо поѣли. Отъ сладкаго-то куса никто ротъ не отворотить, да вотъ ты съѣшь-ко ее, испробуй, такъ чѣмъ подушную-то справишь? чѣмъ по домашности дыръ-то заткнешь? А много дыръ-то, о-охъ, много! Успѣвай только конопатить! Иной-бы и въ городъ чего свезъ, нашлось-бы, по домашности-то, да куды повезешь-то? Триста-то верстъ отцѣрять на одной-то животинкѣ—нагрѣешь ноги, и безъ пути нагрѣешь-то ихъ; што и выручишь, все на прокормъ тебѣ да лошадушкѣ уйдетъ, а домой-то сизнова приѣдешь ни съ чѣмъ и проѣздишь-то не мало время, а кто робить безъ тебя дома-то будетъ? А вѣдь домашность тоже не ждетъ, иное время часъ дорогъ. Вотъ и суди мужичье-то дѣло. А ты лучше помоги намъ, купи-и, вѣгъ за тебя богомольщики-то? заключилъ онъ.

— И радъ-бы, Ермилъ Василичъ, помочь, вѣрю я вамъ! отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—да, вишь, торговать-то рыбой не хочу болѣ, въ донскіе-то годы, самъ знашь, за мной дѣло не стояло, пе-е-ервой былъ покупатель-то!

— И, напасть! прервалъ его Парфенъ Митричъ, всхлопнувъ руками по бедрамъ. — Да нѣ-ѣтъ, это ты балуешь, пужаешь только насъ, што не покупаешь рыбы-то, а?—И онъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства въ лицѣ.

— Не маенкой я, Парфенъ Митричъ, въ темную-то играть! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.—Да што рази опричь меня некому продать-то ее, а-а? спросилъ онъ.

— Было-бы кому, и не докучали!

— Эвонъ сколь народу наѣхало, да некому, а-а-ахъ ты съдой статуи!

— Не ахтительный народъ-то!

— О-о! Чѣмъ-же? народъ все съ деньгой!

— Въ карманахъ-то не шарили, можетъ, и съ деньгой, да мелощники.

— На сваль-то не берутъ?

— Про свою препорцію купили, одно и поють!

— Ну, это горе! отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ.

— Всплачешь!

— Помочь-то вамъ чѣмъ-бы, это какъ на грѣхъ ровно я и денегъ-то съ собой не захватилъ, говорилъ онъ, задумчиво глядя въ уголъ;—право грѣхъ, да у Силантія-то Макарыча вы были? спросилъ онъ.

— Были, не обошли!

— А-а-а! Онъ-то чего-же говорить?

— Накупился!

— Успѣлъ!.. Ну да кудакъ мужикъ, своего не упустить. А вы къ Терентію Силину сходите, можетъ, онъ!

— Сходи-во 'поди! въ за-ашей посулил!

— А-а-ахъ-ха-ха-а! Да онъ ровно тихій мужикъ-то?

— Всѣ они тихіе... Ходи, говорить, около, а за порогъ ни-ни. Потому, говорить, ты ломался, такъ таперя я поломаюсь! Моя льгота!

— Э-эхъ, хе, хе! Ну-у!.. А вы къ Проконію Истомину сбѣгайте, онъ мужикъ денежный, и дѣла у него нонѣ съ рыбой форсисто идутъ, купить.

Парфенъ Митричъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукой и, отвернувшись въ сторону, почесалъ въ затылкѣ.

— Неужъ и у него были? насмѣшливо спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— И-и какъ то-исъ экихъ людей земля носить, а-ахъ ты, братецъ мой! вмѣсто отвѣта произнесъ Парфенъ Митричъ, всплеснувъ руками.

— И у него выходили?

— Выходили! повторилъ онъ, мотнувъ головой,—въ патреть мнѣ плюнулъ, слышь, да поднялъ съ полу ошметокъ валицій. На, утрись, говорить... Слыхалъ ты экое поруганье, а? спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ, даже не дослушавъ его, закатился веселымъ, порывистымъ смѣхомъ.—Ай-ай... дѣло-то ваше, а? спросилъ онъ, когда смѣхъ его стихъ.

— Пожалуй, што своимъ-то умомъ и худо жить, а? спросилъ онъ.

— Убытошно, а-а-ахъ какъ убытошно! отвѣтилъ Парфень Митричь.

— Къ кому болѣ и натолкнуть-то васъ, не знаю, подождите: ужъ вечеромъ-то завтра я въ обратній поѣду, тавъ поговорю кому ни на есть въ городѣ, можетъ, и възмутятъ охотники и прїѣдутъ свупать-то ее.

— У-утѣшилъ!.. И Парфень Митричь всхлонулъ руками по бедрамъ.

Въ толпѣ пробѣжалъ тяжелый вздохъ.

— Пораззорись ты, купи ее, вѣдь ты балуешь, што денегъ-то у тебя нѣтъ, вступился Ермилъ Васильичъ.— Не ломайся!

— О васъ-же радѣю, а ты мнѣ экое слово выворотилъ, а? произнесъ Петръ Матвѣичъ тономъ, внезапно измѣнившимся изъ шутливаго въ суровый, безчувственный.

— Съ горя-то не услышишь, какъ и слово-то обронишь, прости, коли въ обиду! извинился онъ.

— А кто горю-то причиненъ, ну-ко?

— Не вспоминай, а-ахъ, будь оно...

— Не възлюбилось... ха-ха-а... За то своимъ умомъ пожили, а?

— Пожили, штобъ его...

— И чать это вы, ума-то понабрались, возмечтали, а-а? прерзительно прервалъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не смѣйся хошь ты-то, ну-у...

— Я-я то-исъ ни-ни... Я говорю только, любопытно-бы, какъ это возмечтавши-то вы были? То-исъ тапера, къ примѣру, сидить-бы это мужикъ, къ слову говоря, въ рваныхъ бродняхъ, на полусубкѣ швы лямкомъ строчены, и вдругъ-бы это торгующій, ну хоша-бы я, не далеко ходить, въ лисей-бы шубѣ, боберъ на шapkѣ, денегъ въ карманахъ, што омуля по веснѣ, и мужику-то-бы это въ ноги. А-а-ахъ ха-ха-ха-а-й.

И, отклонившись къ стѣнѣ, Петръ Матвѣичъ разразился не-удержимымъ хохотомъ; взрывы его до того были сильны, что порою походили на истерическое рыданіе.

Крестьяне стояли молча, понутивъ головы.

— Ну што-жъ, приполъ я кланяться-то вамъ, а? спросилъ онъ, отирая съ глазъ слезы, набѣжавшія отъ нервнаго хохота.

— Мужичью-то работу кланяться никто на свою спину не возьметъ, Петръ Матвѣичъ! тоскливо отвѣтилъ ему Ермилъ Васильичъ.

— А-а, таперя и смиренія накиннули, на другой голосъ за-пѣли, да вѣдь вы-же давѣ говорили, што поклоновъ моихъ ждали, а? Што-жъ, это кому вью-то склонить пришелъ, а-а? И мужики вы, мужики! съ разстановкой началъ онъ, презрительно качая головой.— Съ чего вы энто умъ-то показывать вздумали, а? Да нѣшто мужичье это дѣло умомъ-то жить? и почише-то васъ кто, такъ голова отъ энтакой фантазіи прѣветъ, а то мужики, а?.. Чье дѣло въ назмѣ рыться, робить безъ устани, што-бы кормить преизвышенныхъ фортуной? Умомъ захотѣли жить, а-а-ахъ ха-ха-ха-а! И передъ кѣмъ-же вы вздумали умъ-то показывать, ломаться-то, а? Ты вотъ нищъ, ни-ищъ, чѣмъ ты и выглядишь, такъ истертаго гроша никто не дастъ, а я-то кто, а-а?.. Тыщникъ... Пойми слово-то: ты-ыщникъ! На твоей головѣ волосъ столько нѣтъ, сколь у меня капиталу, да пошелъ-бы я кланяться вамъ, а-а-ахъ ха-ха-ха-а? О-о-охъ тошнехонько! проговорилъ онъ, схватившись за лѣвый бокъ.— Ну што-жъ вы таперя съ рыбой-то вашей будете дѣлать, а? началъ онъ, отдохнувъ отъ схватывавшихъ его коликъ.— Самимъ ѣсть — брюхо, говоришь, не привышно, неравно тѣло нагуляешь, а волосные лоземъ сдеруть... за подать. Продать некому, ну и-и штожъ ты, а-а? Должонъ ее обратно въ воду кинуть?

И, подбочинившись, Петръ Матвѣичъ впился въ нихъ нахально-насмѣшливымъ взглядомъ.

— Грѣ-ѣхъ-бы тебѣ надъ бѣдностью-то нашей глумить, Петръ Матвѣичъ! со вздохомъ, покачавъ головой, отвѣтилъ ему Ермилъ Васильевичъ.

— Надъ бѣдностью-то и глуми. Богатый-то за все самъ себѣ господинъ, его никто не тронетъ! Ты вотъ наживи-ко капиталу, такъ и тебѣ всякій за твой умъ честь отдастъ и ты будешь вразумлять... Поколь кто бѣденъ, такъ его вводи въ чувство-то, въ покорность-то, въ покорность-то въ эту!

— Поворились ужъ, плачемъ! Чѣмъ ругать-то, ты-бъ слезы-то

наши уте-ерь! отвѣтилъ ему Парфень Митричъ, въ голосѣ котораго, дѣйствительно, слышались слезы.

— Плакующимъ-то всѣмъ не утрешь — много ихъ на бѣломъ свѣтѣ слоняется!

— Ну, горше-то мужаина...

— И это слыхивали! прервалъ его Петръ Матвѣичъ. — А ты поновѣй чего ни на есть скажи, куда вотъ ты, къ примѣру, съ рыбой-то?

— Къ тебѣ одно пристанище!

— А-а... стал... быть, спѣсь-то повылѣзла, вспомнили, какъ и у Петра Матвѣева дверь отворяется, а раньше-то вы и плевать на нее не хотѣли, што-жъ я теперь должонъ съ вами-то сдѣлать, а?

— Облагодѣтельствуй!

— По писанію, стало-быть, добромъ за зло, а?.. Кланяйся вотъ въ ноги и облагодѣтельствую. Мнѣ вотъ и не надоть, вашу-то рыбу, а снизойду и куплю!

— А-а-а-ахъ, братецъ, снизойди... Сдѣлл-милость!

— Я нешто съ тобой изъ одной утробы-то? строго спросилъ онъ обмолвившагося Парфена Митрича.

— Къ слову, не погнѣвись!

— Ты оглядывай свое-то слово. Я съ тобой вотъ што ись и на одну-то половницу не стану! Ты кто есть?

— Хрестьянинъ!

— А я купецъ, гильдію ношу... почетъ... такъ могу-ль я съ тобой равняться-то? я вотъ и разговариваю-то единственно по добротѣ!

— Пошли тебѣ, Господи!

— Погляжу, какъ вы укротились духомъ. Кланяйтесь-ко!

И онъ горделиво посмотрѣлъ на нихъ, вытянувъ впередъ ноги.

— Поклонимся, братцы, што-жъ? обратился Ермилъ Васильевичъ къ остальнымъ стоявшимъ за нимъ крестьянамъ. — Снисходить, къ нашей-то нуждѣ, пошли ему Господи.

Всѣ молча замялись съ ноги на ногу, кое-кто почесалъ въ затылкѣ, а у иного непроизвольно выражался тяжелый вздохъ.

— А ты какъ рыбку-то у насъ, по какой цѣвѣ возьмешь? неожиданно спросилъ его Парфень Митричъ.

— Ты допрежь себѣ снисхожденье-то вымолви, а не объ этомъ

разговаривай, твоей-то рыбы мнѣ и не надоть, я испно объ энтотъ подумаю, купить, аль вѣтъ, слыхалъ-ли?

— Ты ужъ сдѣлл-милость, не обидь.

— Энто ужъ мое дѣло, подумаю!

— Будь по Божьи, другъ. Я и спросиль-то болѣ штобъ, значить, за одинъ поклонъ обстоять!

— А-а, дважды-то не хошь?

— Прикажешь, и дважды поклонисься, ничего не подѣлаешь! И низко тебѣ это вланяться-то?

— По щиколку! ¹⁾.

— Поклонисься и по щиколку, ничего не подѣлаешь, какъ-бы про-себя, съ раздумьемъ произнесъ Парфень Митричь.—А-ахъ, Иванъ Николаичъ уготовилъ яго, а все-бы о цѣнѣ-то, другъ! промолвилъ онъ.—Ну да ужъ поклонимся, братцы, поклонимся! произнесъ онъ обратившись къ толпѣ, такъ-же какъ и Ермилъ.

Ни одинъ земной владыка такъ горделиво не принялъ-бы отдаваемыхъ ему почестей, какъ принялъ ихъ Петръ Матвѣичъ отъ унижающихся бѣдняковъ.

— Поняли-ль теперь мою-то науку, а? строго спросилъ ихъ Петръ Матвѣичъ послѣ окончанія поклоновъ.

Всѣ замаялись и молча робко посматривали другъ на друга.

— Какъ-же я теперь должонъ торговаться-то съ вами, вѣдь вы тапера во-о гдѣ сидите у меня всѣ? произнесъ онъ, показавъ имъ сжатый кулакъ.—Захочу я—и сыти будете, не захочу—и будете помнить, каково съ Петромъ Матвѣичемъ шутки шутить! Три гривны съ пуда на сваль, а-а?—И, весь избоченившись, онъ прищурилъ глаза и, медленно отбивая тактъ ногой, смотрѣлъ, какое впечатлѣнне произвела на нихъ рѣчь его.

— Не пужай хошь для Бога-то! отвѣтилъ ему Парфень Митричь, заискивающимъ взглядомъ смотря на него.

— А не пужаю, если и отдашь?

— Отдашь, а-ахъ и розворишься, да отдашь! согласился онъ.

— Почувствовали тапера, што я такое.

— Пожалуй, што почувствовали, а-ахъ штобъ ему... эфтому Ивану Николаеву. Ну-у, будемъ помнить, почувствовали! снова повторилъ онъ.

¹⁾ Ступня ноги.

— И помни, я вотъ и раззорить тебя могу, а не зорю... душа есть... я вотъ тебѣ полтину дам; снисхожденье-ли?

— Снисхожденье, дай тебѣ Господи, а все-бы, души-то во спасенье, семь гривенокъ положить-бы надоть, а?

— Рубь не хошь-ли?

— Не дашь вѣдь рубля-то, такъ только языкъ точишь, а помолились-бы, а-ахъ какъ. И денно-бы, и ношно на молитвѣ!

— Ну молитвы-то энти до другого разу запаси, а нонѣ и за полтину благодарствуй.

— И за семь-бы гривенъ помолились, и-ей богу. Мало полтины-то, сизый. Дыррь-то много, попробуй-ко затенуть-то ихъ всѣ изъ полтины, для Бога-то хоша положь семь гривенокъ...

— Каждому-то для Бога расточать, и кармана не напасемъ, а мало тебѣ—я и не навязываюсь. Отъ щедрныи Богъ ослобонилъ, ѣшь ее самъ!—И отвернувшись отъ нихъ, Петръ Матвѣичъ монотонно забарабанилъ по столу.

— Не человекъ ты, однако! всплеснувъ руками, произнесъ Парфенъ Митричъ.

— Обознался... Самый по образу и подобію...

— Не умолишь тебя никакой слезой.

— И не утруждайся... Не икона! Добръ-ли я вотъ, по вашему-то понятію? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, искоса поглядывая на нихъ.

— Взъщи тебя, Господи! Одно слово...

— Я вотъ не раззоряю, я вотъ шесть съ пятакомъ надкидываю, довольно-ли?

— Не далеко ужъ до пятачка-то, надбавь съ добродѣтели-то сжалсь! отвѣтилъ ему Парфенъ Митричъ.

— И все вы въ безчувствіи! все мало?

— Нужа, родной, а-ахъ, нужа! Нашему брату и копѣйка дорога, не токма пятакъ!

— А ко мнѣ, по твоему, пятаки-то сами въ карманъ плывутъ, а?

— Сравниль! Твое дѣло и наше! Ты купецъ, куда не шагнешь—все деньги, а наше-то дѣло: гдѣ постоишь и тутъ протаетъ!

Петръ Матвѣичъ снова отвернулся и задумчиво посмотрѣлъ въ уголь.—Надо-бы васъ поучить ишо, да ужъ стихъ-то пропелъ, увротился я! вскользь замѣтилъ онъ.

— Поучилъ, чего ишо надоть? Понюхали, чѣмъ отъ сапогъ-то пахнетъ! также замѣтилъ ему и Ермилъ Васильевичъ.

— То-то, мало, говорю, нюхали-то, надоть-бы ишо, въ обонянїи штоба было! Ну, дамъ я вамъ пятакъ, подкину, што-жъ вы-то мнѣ чѣмъ за это отплатите, а?

— Въ ноги... отъ мужика одна плата!

— А ты говоришь, пахнетъ? съ иронїей спросилъ онъ.

— Понюхашъ и вторительно... Ну-то заставить!

— И только што понюхашъ, будто болѣ и ничего, а?

— Господи! да чего-жъ тебѣ ишо надоть? Ругаль, ругаль, ишо мало, ты пожалѣй, вѣдь и мы люди! вмѣшался Парфенъ Митричъ.—И въ насъ вѣдь душа...

— А на будущій годъ вы съизнова за энти пѣсни, а? Съизнова будете умъ показывать? спросилъ онъ.

— Живы-ли ишо будемъ!

— Ну коли живъ-то будешь?

— Умъ-то показывать? переспросилъ Парфенъ Митричъ. — Нѣтъ, пожалуй, што не мужичье дѣло!

— И завсегда это памятуйте!

— Оборони Господи! И безъ ума мужику горе, а съ умомъ вдвое, особливо учителя-то...

— Не потакають, а-ахъ-ха-ха-а! Ну такъ вотъ за то, што будто я васъ уму поучилъ, дайте-во мнѣ подписку, што обязуетесь на будущій годъ продать мнѣ всю вашу рыбу по моимъ цѣнамъ, а?

— Подписку-то?—И, почесавъ въ затылкѣ, Парфенъ Митричъ вопросительно посмотрѣлъ на остальныхъ.

— А ты не обидишь? спросилъ Ермилъ Васильичъ.

— Какой стихъ найдеть!

— А-а-а! боязно... Экъ-то?

— Ты только будь въ покорствѣ, а отъ меня... окромя добра... поняли?

— О-охъ... оно... што-жъ, какъ други? обратился онъ къ остальнымъ. — И задаточку дашь? снова спросилъ онъ Петра Матвѣича.

— Снабжу!

— Пошли ему Господи, други, и-ей-богу!.. добрый онъ! говорилъ, обратившись къ толпѣ, обрадованный Ермилъ Василье-

вичъ.—Дай тебѣ Господи! отълигнулись на слова его и остальные, и на истомленныхъ, за часъ до того убитыхъ лицахъ засіяла радость.

Шедрою рукою далъ имъ Петръ Матвѣвичъ задатокъ и часть денегъ, причитающихся за скупленную на сваль рыбу до развѣса ея. И взяли они задатокъ, не думая о будущемъ, да и имъ-ли, жившимъ день за день, было думать о будущемъ?

Въ тотъ-же вечеръ Романъ Васильевичъ утвердилъ своею печатью составленное условіе между Петромъ Матвѣвичемъ и крестьянами, гдѣ были приписаны услужливымъ Борисомъ Федорычемъ непонятныя для послѣднихъ слова: „а въ случаѣ неустойки или упорства насъ, нижепоименованныхъ, воленъ онъ, Вѣжинъ, искать всѣ свои убытки съ нашего имущества, за смертью-же или неустойкою кого-либо изъ насъ, онъ воленъ искать свои убытки съ насъ, взаиморучателей.“

Когда Миронъ Игнатьичъ и Семенъ пришли изъ балагана къ вечернему чаю, Петръ Матвѣвичъ молча подаль Миرونу Игнатьевичу составленное имъ условіе.

— Учись, Семка, у дяди, поколь живъ онъ! съ улыбкой обратился Миронъ Игнатьевичъ къ Семену послѣ прочтенія условія.—Съ энтакой наукой большія палаты наживешь... бо-ольшія!

Лицо Петра Матвѣича дышало горделивымъ довольствомъ. Лучшей похвалы для него и не могло быть.

Наступилъ и день открытія ярмарки. Послѣ молебствія на площади и водосвятія раскрылись балаганы, показавъ сложенные въ нихъ богатства. На иныхъ взвились флаги, и густыя толпы народа, одѣтаго по праздничному, разсыпались по рядамъ. И какихъ только костюмовъ не мелькало въ этихъ шумно-волнующихся массахъ: и теплая безъ разрѣза малица *) съ такою-же шапкой и сапогами—остроумное изобрѣтеніе остяка,—и бѣлыя малки **), узорно вышитыя цвѣтною шерстью на спинѣ и на полахъ, и овчинные тулупы, одѣтые вверху мѣхомъ, и суконные зипуны. Матерчатые, яркихъ цвѣтовъ кацавей на женщинахъ и

*) Оленья шуба съ двойнымъ мѣхомъ снаружи и внутри.

**), Оленья шуба съ однимъ мѣхомъ внутри.

шубки, опоясанныя алыми кушаками, еще болѣе разнообразили эту, и безъ того пестрѣющую всевозможными отгѣнками картину, обливаемую яркими солнечными лучами. Неумолкаемо несшійся говоръ и хохоть, иногда покрываемый рѣзкимъ визгомъ серишки или гармоники, звонъ колокольцевъ и бубенчиковъ на лихихъ тройкахъ, заложенныхъ въ розвальни, съ гикомъ носившихся по улицамъ, хоровыя пѣсни катавшихся въ нихъ дѣвушекъ и парней, сливаясь въ одинъ общій нестройный гулъ, напоминали скорѣе прибой волнъ о прибрежныя скалы, чѣмъ человѣческую рѣчь.

У балагановъ, гдѣ шель оживленный торгъ, кипѣла разнообразная, полная наивнаго юмора жизнь, того юмора, которымъ такъ богата натура русскаго простолюдина, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтскимъ міросозерцаніемъ его и незлобивой шутливостью, сливается и логичный умъ, и трезвый опытъ, выносимый изъ многострадальной жизни. Порою въ воздухѣ быстро мелькалъ аршинъ съ наматываемымъ на него ситцемъ, но расходилась за копѣйку цѣна, и торговецъ съ ругательствомъ складывалъ снова въ кусокъ отиранный ситецъ, а покупательница, прицѣпывая орѣхи, флегматично отговаривалась на укору его: „поробъ-ко съ мое и на копѣйку оглянешься!“ У одного изъ балагановъ пожилой мужичекъ болѣе часу вытягивалъ сыромятные ремни наборной сбруи, пробуя упругость ихъ и на колѣнѣ, и зубомъ, и, все еще не убѣждаясь въ крѣпости, на всѣ увѣренія торговца приговаривалъ: „на жерновѣ, братъ, не выдержитъ!“

Изъ важдаго балагана слышался пробный звонъ колокольчиковъ, покупаемыхъ подѣ дуги, щелканье ружейныхъ замковъ, тупой звонъ кострюль, происходящій отъ стука въ днища ихъ, или тонкое дребезжаніе чайниковъ и чашекъ, выдаваемыхъ торговцами на прилавокъ въ удостовѣреніе прочности ихъ предѣ покупателями, у которыхъ разбѣгались глаза на сверкающіе передъ глазами ихъ товары. Иной и ничего не покупалъ, а все-таки тѣснился у прилавка, примѣривая на свою голову различныя шапки и шляпы, прицѣпываясь и къ сапогамъ, и къ рукавицамъ, и ко всему, на что глаза глядѣли, и, махнувъ рукой съ видомъ недовольства, отходилъ къ сосѣднему балагану, гдѣ повторялись тѣ-же сцены.

Миронъ Игнатьевичъ терпѣливо увѣрялъ молодую, довольно

красивую женщину въ прочности торгуемаго ею шерстяного платка.

— Ты, молодка, этотъ платъ-то и въ тыщи годовъ не выносишь! говорилъ онъ, пока она съ боязливою нерѣшительностью мяла его въ рукахъ, — нить-то у него во-о-лось, будь безъ сумнѣнія! Што тѣ, молодчикъ? обратился онъ къ подошедшему крестьянину, облокотившемуся на прилавокъ.

— Што, говори, покупаешь? снова повторилъ онъ.

— Я, братъ, струментъ выглядываю, да штой-то нѣтъ ровно звука! отвѣтилъ онъ, зорко оглядывая полки.

— Плотничный аль кузнечный струментъ-то? спросилъ онъ.— Не сумнайтесь, молодка, то-ись за вѣрное говорю... вещь... статья! обратился онъ къ молодицѣ.— Какой струментъ-то, спрашиваю, званіемъ-то?

— Имя-то его, подъ оно къ Богу, твердилъ, твердилъ... да провались оно...

— Мастерства-то ты какого?

— Столяръ! Избы рублю по деревнямъ-то!

— Рубанокъ?

— Сказаль... хе... Этотъ струментъ я лонского года у иродского мастера видѣлъ, не здѣшній, онъ сказывалъ! Вертить, вертить, да ахъ ты, братецъ, ну и струментъ!

— Напарь, коль вертить?

— О-о! Напарь! Этотъ струментъ... слово... имя-то вотъ, подъ оно, и твердилъ!

— Што цѣной-то? прервала его молодца, ошупавшая и тщательно осмотрѣвшая платокъ со всѣхъ сторонъ къ свѣту.

— Безъ лихвы, красавица, полтора рубля! Самую свою цѣну и, ей-богу, себѣ дороже; ужъ такъ единственно за прелесть твою!

— О-отступись, за экой-то платъ?

— Безъ износа, лебедка, по-огропъ жизни и дѣткамъ въ придачу!

— Восемь гривенъ! произнесла она.

Миронъ Игнатьевичъ молча сложилъ платокъ и, не обращая вниманія, отложилъ его въ сторону.

— Видомъ-то, говорю, каковъ струментъ-то? снова обратился онъ къ крестьянину.

— То-ись какъ-бы это тебѣ, братецъ, какъ шило, говорю

и съ такими это фигурами, а-ахъ-ты, чортъ возьми, и въ кою сторону ты имъ ни верни, все фигура, объяснилъ онъ.

— Продаешь, што-ль? прервала его молодича, все еще продолжавшая стоять въ раздумьи.

— Дешево покупаешь, только домой не носишь! отвѣтилъ онъ.—Хошь купить, вотъ тѣ рубль тридцать—последнее слово! И-и, такъ шило, говоришь?

— Шило, шило, совсѣмъ шило!

— Нѣту этого!

— И вижу, што нѣтъ; не видать, какъ ни приглядываю, а струментъ, какъ ни изловчись имъ,—все фигура!..

— А-а, фигура?

— Фигура, фигура, другъ! И выдумали-же, говорю, а? А што-бы, къ примѣру, ты за экой самоваръ съ меня спросилъ? указавъ на средняго формата самоваръ, стоявшій на окраинѣ полки, спросилъ онъ.

— Десять рублевъ!

— Цѣна-же!

— А ты какъ полагалъ?

— Ну, да оно, извѣстно, всякому свое! Струментъ-то вотъ этотъ, братецъ, а? И твердилъ званье-то его лопнуть... и... и... ужъ безъ уступочки за самоваръ-то?

— Гривну для почину!

— А-а! Ну да што говорить, одно слово вешшь. Дочку я замужь сооружаю, вотъ дѣло-то!

— За кого?

— Вдовый мужикъ-то, братецъ, и да вотъ, поди ты, не пьющій, нѣтъ энтото баловства-то за нимъ! Ну такъ бабы-то говорятъ, вишь, самоваръ надоть да перину, а я-то, признаться, болѣ за струментомъ!

— У тебя деньги-то есть-ли? выслушавъ его, неожиданно спросилъ Миронъ Игнатьевичъ.

— Деньги-то? А нашто-бы это тебѣ?

— Любопытно-бы!

— Не полагай... Мы новѣ съ деньгой!

— То-то, коли ты для одного разговору, такъ отваливай; и безъ тебя много шляюшихъ-то! И ты, молодка, тожъ не затѣ-

няла-бы свѣту, не по здраву цѣна, ну и подь въ друго мѣсто, вѣрнѣй будетъ.

Мужичокъ, сооружающій замужъ дочь, конфузливо почесавъ въ затылкѣ, безцѣльно посмотрѣлъ въ сторону.

— Сторони-ись! крикнулъ, оттолкнувъ ихъ отъ прилавка, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, въ новомъ зипунѣ, съ заломленной на затылокъ шапкой; въ лицѣ его сіяло самое веселое довольство.—Видалъ ты столько денегъ, а-а? обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу, развернувъ руку и показывая ему скобланный въ ней пучекъ ассигнацій.—Много?

— Не считалъ! отвѣчалъ онъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ-за угла быстро вывернулась молодая красивая женщина и, подхвативъ его подъ руку, съ силой оттащила отъ прилавка. Повернувшись къ Мирону Игнатьевичу, увлекаемый, среди общаго хохота сидѣльцевъ и толпившихся у балагановъ крестьянъ, только кивнулъ ему головою и крикнулъ: „знай!“

— Ай, баба! А-ахъ-ха-ха-а! Какъ она его! приснулъ сѣдой, какъ лунь, старикъ въ поношенной малѣ и, всплеснувъ руками, даже присѣлъ отъ удовольствія. — Ну-у, а што, купецъ, у васъ въ городахъ-то есть экія бабы? наивно обратился онъ къ Мирону Игнатьевичу.

— Худой-то посуды вездѣ много! отвѣтилъ тотъ.

— И, ей-Богу! А-ахъ, какъ ты вѣрно это, ну и купе-ецъ! Давай мнѣ за энто обути, утрафилъ ты мнѣ энтимъ словомъ-то.

— По зубамъ дать помягче, аль по фарсисѣй: кожанные съ подборможъ? спросилъ онъ.

— Свистунъ у меня, люби его Богъ, ноготь экой, въ палець ростеть! пояснилъ онъ.

— И съ ногтемъ ишо, а-ахъ-ты, старый! Гляди-ко!

— Съ ногтемъ! А ты какъ-бы думалъ? говорилъ онъ, ощупывая поданные ему Мирономъ Игнатьичемъ кошонныя валенки.— А жидковаты ровно? спросилъ онъ.

— Внучаты доносятъ,—не ты!

— И робять-то што ись не было, вотъ, другъ, болѣзь какая! пожаловался онъ.

— Што-жъ таеъ обштрафилса, а?

— И радѣль, сердцемъ радѣль,—не было! съ тоскою въ голосѣ отвѣтилъ онъ.

— Помочь-бы сдѣлалъ!

— А-а, на ложе-то это? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Худую-то полосу вѣдь всегда помощью венахиваютъ, и былъ-бы съ урожаемъ безъ горя, недогадался; старый, а? на-смѣшливо спросилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Строгой я... о-о!

— А-а-а!

— На эти дѣла... у меня баба въ струнѣ.

— А старый, говоришь, а?

— Не диви... хе!... старый... Ты, къ примѣру, што за обутки вотъ возьмешь, а? Мотри только, съ меня дешевле бери, старенькой св... убогой!

— Со старенькаго-то и взять надо дороже! Старому человѣку на што деньги, молодому, ну-у будто дѣвки блазнять, можно спускъ дать, а тебѣ нешто въ гробъ нести! Ну да бери ужъ за семь гривенъ, што тебя обидѣть... И безъ того Богъ убилъ!

— О-охъ, убилъ! Вѣрно! А все гривенку сбрось за Божью-то обиду, а?

— Гривенку-то эту чья рука пообидѣла, та и пошлетъ!

— Не пошлетъ!

— Угнѣвилъ, значить, свѣчу!

— На свѣчу-то и выторговываю, снизойди.

— На свѣчу-ли, мотри, старый? наровишь-то одному богу, а не поставь другому, туды вонъ, подъ ельникъ, а? спросилъ онъ.—Ну, да бери ужъ за шесть, што съ тебя!

Старикъ, вкряхтя, досталъ ситцевый кисеть, истрепанный временемъ, какъ и самъ онъ, и, вынувъ изъ него пригоршню мѣдныхъ денегъ, долго пересчитывалъ ихъ, внимательно осматривая подслѣповатыми глазами каждую монету къ свѣту.

— Всѣ! произнесъ, наконецъ, онъ, владая ихъ на прилавкѣ. — Надоть-бы вотъ ишо пятачекъ съ тебя уторговать... ну... будто на слово боекъ, владай имъ!—и, махнувъ рукой, онъ отошелъ, бережно укладывая кисеть за пазуху.

Крестьянинъ, торговавшій самоваръ, все время стоялъ за угломъ балагана, пережидая ухода старика, и едва тотъ отвернулся отъ прилавка, онъ снова подошелъ и облокотился на него.

— Болѣе гривенки уступочки съ самовара-то не будетъ, а? мягкимъ, заискивающимъ голосомъ спросилъ онъ.—Я-бы за восемь-то рублей не постоялъ!

— И я не постою, коли деньги покажешь? отвѣтилъ ему Миронъ Игнатьичъ.

— Рази первѣй разговору деньги-то важуть, а?

— Не инако... потому съ спокойной совѣстью будемъ языкъ трепать.

— Покажу, не сунлайся!

— Ну... ну... покажи?

— Заведенья-то вотъ нѣтъ, штобы на перво, значить, казать-то ихъ. Може, мы и цѣной не выговоримъ!

— Не отниму, твое при тебѣ будетъ! Сойдемся—ладно, не сойдемся—прощенья просимъ, напредки порога не обивай!

— Не хорошо это купецъ, неужь я-бы, въ примѣру, безъ денегъ пошелъ, а?

— Секундъ показать-то, долго-ль?

— Обида!

— Никакой, похвала скорѣй, ишо мужикъ и на шапкѣ заплаты, и полушубокъ дыра на дырѣ, а денежный, это похва-ла-а-а!

— Не порядокъ! тѣмъ-же обидчивымъ тономъ отвѣтилъ онъ, отодвигаясь отъ прилавка и избѣгая глазами насмѣшливаго взгляда, какимъ провожалъ его Миронъ Игнатьичъ.

Пска Миронъ Игнатьевичъ хозяйничалъ въ балаганѣ, на широкоемъ дворѣ, занимаемой Петромъ Матвѣевичемъ квартиры, подраженные для доставки рыбы возчики изъ ближнихъ къ Толбольшу деревень, складывали и упаковывали ее, подъ наблюдениемъ Семена, въ розвальни и пошевни. Болѣе десяти воевъ были готовы къ отправкѣ. И самъ Петръ Матвѣевичъ, одѣтый по дорожному, хлопоталъ на дворѣ съ Авдѣемъ около повозки, приговарываясь къ дальнѣйшему объѣзду деревень по Иртышу и Оби. Въ то время, какъ Авдѣй запрягалъ лошадей, онъ укладывалъ въ повозку дорожныя вещи, упаковывая ихъ въ сѣно.

Въ это время во дворъ вошли Кулекъ и Вялый.

— Зачѣмъ-бы пожаловали?... насмѣшливо спросилъ онъ, увидя ихъ.

— Къ твоей милости! отвѣтилъ Кулекъ, стоя передъ нимъ

безъ шапки. Въ наружности Кулька замѣтно было, что онъ похудѣлъ и какъ-будто съежился.

— Што-жь-бы это отъ моей милости требовалось?

— Снабди насъ деньжонками, снизойди, у всѣхъ людей праздникъ, только у насъ будни, будь ты по душевному! Ты-жь раззорилъ-то насъ, гляди, у всѣхъ взялъ рыбу-то по семи гривенъ, за што-жь насъ-то по шести разсчиталъ? Вѣдь рыба-то у всѣхъ одна, изъ одной рѣки-то!

— Ты старый-то долгъ весь мнѣ отдалъ? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— По твоему-то счету исхо въ недонмѣ!

— А по вашему-то, какъ, а?

— По нашему-то, весь-бы!

— Табъ ты наперво донеси мнѣ по моему счету, а потомъ ужъ я погляжу, какъ вамъ додать по вашему!... сухо отвѣтилъ онъ.

— Ро-одной, сдѣл... ты милость!

— Съ котораго боку я тѣ родной-то, а? Ро-одной, а-ахъ-ха-а! Ты помнишь-ли, какъ ругался-то надо мной, а? Аль это по родству-то? Зачѣмъ-же таперя къ человѣку, у котораго, по твоему, честь хуже бабьяго подола, влнаться-то пришелъ, а?

Вмѣсто отвѣта, Кулекъ только понурилъ голову.

— Отвѣдалъ, каково-то, а? Таперъ умоли-ко?

— Што, ничаво, што мы плачемъ-то, не молитва.

— Поешь-ли ты, плачешь-ли, мнѣ это все единственно... тѣфу! произнесъ онъ, сплюнувъ на сторону. — Семка! кривнулъ онъ, — неси-ко, подъ, подушку, да погребецъ!

Семень быстро побѣжалъ въ горницу.

— Отъ кого-жь мы плачемъ-то, отъ тебя-же! угрюмо отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Эвтакаго тирана я-бъ за версту обошелъ, а ты ко мнѣ-же идешь, а?

— И обошелъ-бы, коли-бъ не нужда!

— А-а... нужда-то только... ну табъ поголодай, испробуй, я тѣ не кормилецъ!

Въ эту минуту мимо растворенныхъ воротъ неожиданно шелъ Иванъ Николаичъ. Увида на дворѣ Петра Матвѣ Кулька, стоявшаго передъ нимъ безъ шапки, онъ остано-

— Нонѣ и въ досталь заспѣсивѣлся, ну-у и шапки не гнешь? насмѣшливо крикнулъ ему Петръ Матвѣичъ, загребая въ сѣно, въ изголовьѣ повозки, принесенный Семеномъ погребецъ.

— Не видать никого иманитыхъ-то! отвѣтилъ онъ, входя во дворъ, — а-то снялъ-бы!

— А помнится, и мнѣ снималь, а?

— За честь чесью всегда расплачиваются!

— Стало-быть, я должонъ починъ-то сдѣлать, снять-то ее, а?

— А для ча и не снять-бы? Не свыше нашего брата — што въ лисей-то шубѣ, такъ вѣдь энто, Петръ Матвѣичъ, дѣло-то переходчивое: сегодня въ шубѣ, а завтра въ той-же дерюгѣ — неузнано!

— А ты, ровно, Иванъ Николаичъ, покруглѣй выглядишь: и ей-богу, чать, рыбку почалъ? съ насмѣшкой спросилъ Петръ Матвѣичъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе своего противника.

— Пробую.

— И-и скусная, а?

— Отиѣнная: ты-бъ и языкъ сглонулъ!

— Ну, давай, давай Богъ! Проглони-ко свою посполутью — восте-ерь!

— Пригодится ко время: пошто глотать!.. я и прикусывать-то его исно не училса! совершенно спокойно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ.

— А што, къ слову спрошу, по чьимъ цѣнамъ я нонѣ рыбку-то купилъ — слыхаль, поди? спросилъ Петръ Матвѣичъ, насмѣшливо посматрѣвъ на него.

Иванъ Николаичъ молча сложилъ на груди руки. Низкаго тѣни неудовольствія не пробѣжало на открытомъ лицѣ его отъ колкаго замѣчанія Петра Матвѣича.

— И около ногъ-то моихъ чѣмъ пахнетъ, тоже, чать, сказывали тебѣ, а? снова спросилъ Петръ Матвѣичъ.

— Сказывали; а тебѣ и любо?

— А-ахъ-ха-ха-а! Съ дураковъ-то этакимъ манеромъ я и сбиваю спѣсь-то, поняль-ли? гордо осматрѣвъ его, спросилъ онъ.

— Поняль! тѣмъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. — Только растолкуй ты мнѣ, кто изъ васъ дуракомъ-то выгляди-валъ: ты-ли, какъ поклонь-то отбираль, аль мужики?

И Кулекъ, и Андѣй, и Семень, слышавшіе отвѣтъ Ивана Ни-

колаевича, примѣтили, какъ кровь прилила къ лицу Петра Матвѣича и сдузившіеся глаза его свергнули недобримъ свѣтомъ.

— Неужь тебѣ честь, што ты надъ нищими-то наломался? продолжалъ между тѣмъ Иванъ Николаичъ. — Молчаль-бы ты, купецъ, а не похвалялся! Дураками ты ихъ зовешь, да вѣдь ихъ нужда дурачить-то, а ты-бы спросилъ у добрыхъ людей, умнѣй-ли ты-нѣ!..

— Ужо дать рази гривну за дерюжный-то урокъ! отмахнувъ полу лисьей шубы и запустивъ руку въ карманъ, съ ироніей произнесъ Петръ Матвѣичъ, но замѣтно было, что въ ироніи его скорѣе проглядывало смущеніе, чѣмъ насмѣшка.

— Побереги для себя: придетъ неравно часъ и самъ за грошемъ руку протянешь — сгодится! А вотъ лучше не обидь Булька-то съ Вялымъ — вѣдь ты-жъ ихъ раззорилъ!

— Што за ходатель ты выискался, а!? крикнулъ невыдержавшій, наконецъ, Петръ Матвѣичъ. — Ты зачѣмъ ко мнѣ пришелъ, кто тебя звалъ-то?

— Я безъ зову, поглядѣть только, на сколько ты подроеть отъ мужичьихъ-то поклоновъ.

— Уйди, говорю, слышь: не мозоль моихъ глазъ!

— Опомнись: дворъ-то не твой!

— Уйди безъ грѣха! — И, плюнувъ съ сердцемъ въ сторону, Петръ Матвѣичъ выскочилъ изъ повозки, въ которой стоялъ, и спѣшно ушелъ въ горницу, но до ушей его все-таки долетѣлъ смѣхъ, какимъ проводилъ его Иванъ Николаичъ.

Послѣ полудня ярмарка достигла своего крайняго развитія. Все чаще и чаще по улицамъ села встрѣчались крестьяне съ нетвердою поступью; иной успѣлъ потерять и купленную шапку, и рукавицы. Кое-кто прилаживался и на покой у бревень, накатанныхъ у заборовъ. Съ выставою, открытыхъ на время ярмарки, давно слетѣли холщевые пологи, и самыя шесты съ прибитыми на нихъ елками повачнулись отъ напора тѣснившагося народа. Шумнѣй и разгульнѣй становилось ярмарочное веселье, бойчѣе на слово громкая рѣчь. Порой, какъ вихрь, неслась по рядамъ толпа гуляекъ, съ музыкантомъ впереди, сминая и отбрасывая въ сторону все попадающееся навстрѣчу, и рѣзкая, разноголосная пѣсня ихъ заглушала и хохотъ провожающихъ ее крестьянъ, и визгъ смятыхъ и спибленныхъ съ ногъ женщинъ. И далеко за полночь бро-

диль еще по селу разгулявшійся людъ, забывъ свое горе и нужды; во всѣхъ избахъ виднѣлись огни, со всѣхъ перекрестковъ неслись неумоляющія пѣсни.

Но съ закатомъ солнца одинъ за другимъ стали закрываться балаганы, и при свѣтѣ фонарей въ нихъ снова пошла дѣятельная упаковка товара. И въ этотъ короткій промежутокъ времени наѣзжающіе торговцы выручаютъ довольно значительныя суммы, которыя даютъ имъ возможность открывать въ послѣдствіи обширныя магазины въ городахъ и считаются „первостатейными“.

Н. Наумовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЕФІ.

С В Ъ Т Ъ.

Сумрачны шахты,
Все-же въ нихъ лампа мерцаеть;
Сумрачны ночи,
Но имъ ниспосланы звѣзды.
Вдвое мрачнѣ ихъ грудь человѣка,
Нѣтъ въ ней ни лампы, ни звѣздъ;
Только одинъ огонекъ въ ней трепещеть,
Въ прахъ превратиться готовый.
Жалкій разсудокъ! Не ты-ли
Свѣточемъ напимъ себя называешь?
Что-жь, проводи насъ впередъ хоть на шагъ!

Я не желаю сорвать покрывало
Съ прочихъ міровъ;
Я не желаю разгадывать тайны
Жизни загробной.
Я не спрошу у тебя: чѣмъ я буду?
Только отвѣть ты мнѣ: что я такое
И для чего я живу?

Только отвѣть мнѣ: родится-ль
Самъ для себя человѣкъ,
Міръ воплощая отдѣльный?
Или онъ просто звѣно
Въ цѣпи гигантской
И „человѣчествомъ“ названной нами?
Должно-ли жить намъ для личнаго счастья?
Должно-ли плакать
Съ плачущимъ міромъ?

Тысячи смертныхъ успѣли
Высосать кровь изъ собратовъ

Для достиженія собственныхъ выгодъ—
И не постигла ихъ кара.
Тысячи смертныхъ старались
Собственной кровью купить
Ближнихъ спасенье—
И не далось имъ награды.

Что-жь! Не награда важна
Тѣмъ, кто отважно
Жертвуетъ жизнью.
Нѣтъ! Онъ желаетъ полезнымъ
Быть для собрата.
Что-жь онъ полезенъ иль нѣтъ?
Вотъ въ чемъ вопросовъ вопросъ,
Выше онъ стараго „быть иль не быть“.

Точно-ль настанетъ то время,
Противъ котораго борятся злые
И за которое добрые бьются,—
Время всеобщаго счастья?
Счастье всеобщее—въ чемъ-же оно?
Развѣ не всё мы различно
Счастье свое понимаемъ?
Или покуда изъ насъ ни единый
Счастья прямого не знаетъ?
Можетъ быть, счастье наше—
Тысячи тысячъ людскихъ интересовъ—
Есть только слабый, единственный лучъ
Новаго солнца. Оно
Не поднялося на нашъ горизонтъ,
Но въ грядущемъ
Пышно засвѣтитъ на небѣ.

Если-бы это свершилось!
Если бъ у міра была эта цѣль!
Если-бы онъ неустанно
Дальше стремился, покуда
Къ ней не дошелъ-бы вполнѣ!
Но, если мы, какъ деревья,
Вѣчно должны раздвѣтать
Только затѣмъ, чтобъ увянуть;
Если мы такъ-же, какъ волны,
Бурно встаемъ, чтобъ сравниться опять;

Еслп, какъ камень, подброшенный кверху,
 Падать мы снова должны;
 Если, какъ путникъ, забравшись на скалы,
 Можемъ мы только
 Тихо спускаться съ вершины?

Что, если вѣчно придётся идти
 Въ гору и подъ гору, взадъ и впередъ?
 Ужаса полная мысль!
 Только знакомый съ тобою
 Знаетъ, какъ кровь леденѣетъ,
 Только ему и понятенъ
 Истинный холодъ...
 Да, передъ этою мыслью
 Было-бы грѣющимъ, теплымъ лучомъ
 Тѣло змѣи,
 Если-бъ она заползла къ намъ на грудь,
 Холодъ въ крови разлила-бы,
 Горло сдавила-бъ и въ горлѣ
 Сжала-бъ на вѣки дыханье.

У З Н И К Ъ.

„За тебя боролся я, отчизна,
 А враги томятъ меня въ цѣпяхъ;
 Свѣтъ, къ тебѣ я вѣчно страстно рвался,
 А теперь, какъ кротъ, сижу въ потьмахъ.“

Скоро-ль грянетъ часъ освобожденья,
 Часъ желанный,—и дождусь-ли я,
 Что опять повѣетъ свѣжій воздухъ
 И займется яркая заря?“

Такъ, живымъ заброшенный въ могилу—
 Въ склепъ тюремный, думаетъ порой
 Бѣдный узникъ, а года несутся
 Безконечной, длинной чередой.

Иль, быть можетъ, только дни, не годы
 Пронеслись въ тюрьмѣ для бѣдняка;
 Чудеса тюрьма творить умѣетъ—
 Здѣсь часы походятъ на вѣка.

Нѣтъ, не дни—года уже промчались
 Съ той поры, какъ онъ покинулъ свѣтъ,
 И отъ нихъ, мучительныхъ и долгихъ,
 На челѣ его остался слѣдъ.

И давно ужъ голову больную
 Онъ разбилъ-бы звѣньяи оковъ,
 Но надежда—спутница несчастныхъ—
 Спускала руку вновь и вновь.

Да, надежда снова быть свободнымъ!
 Пусть пол-жизни въ этой тьмѣ пройдетъ,
 Но за то другую половину
 Онъ на волѣ сладко проведетъ.

И онъ ждалъ. Разбить свой черепъ бѣдный,
 Все покончить разомъ—силы нѣтъ.
 Онъ все ждалъ, а между тѣмъ летѣла
 Вереница этихъ праздныхъ лѣтъ.

Наконецъ, промчалась эта стая
 Безпощадныхъ вороновъ,—къ нему
 Бѣлый голубь залетаетъ съ вѣстью,
 Что оставить завтра онъ тюрьму.

Чу! гремитъ въ дверяхъ замокъ тюремный..
 Упадаютъ цѣпи съ рукъ и съ ногъ..
 Онъ кричитъ, онъ падаетъ... на вѣки..
 Пережить онъ счастья не могъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Здѣсь вечеромъ равняюсь я съ царями,
 Когда лицо мнѣ золотитъ закатъ,
 И подъ его прощальными лучами
 Становится пурпурнымъ мой нарядъ.

Смотрю я въ даль съ душевною отрадой,
 Ставь подъ навѣсъ убогаго крыльца:
 Звены, домой въ пыли плетется стадо
 И небесамъ лазурнымъ нѣтъ конца.

Забывъ себя, люблюсь я картиной,
 Забывъ себя, ловлю я каждый звукъ,
 А предо мной безбрежную равнину
 Степная гладь раскинулась вокругъ.

Вотъ деревцо мелькаетъ предо мною,
 Какъ на морѣ зеленый островокъ
 И узкою и длинной полосою
 Тѣнь отъ него ложится на востокъ.

Какъ раненный, исходитъ солнце кровью
 И, какъ бойца сраженнаго весь свѣтъ
 Напутствуетъ и славой, и любовью,
 Такъ сотни звѣздъ идутъ за нимъ во слѣдъ.

Какъ тихо все, какъ полно сладкой муки!
 Кругомъ разлитъ бѣлесоватый свѣтъ,
 И, кажется, священной арфы звуки
 Изъ глубины небесной шлютъ привѣтъ.

Уносится гусей тяжелыхъ стая
 Куда-то въ даль съ ближайшаго пруда,
 Такъ и тебя покинуль, грудь больная,
 Рой дикихъ сновъ о славѣ навсегда.

Столичный шумъ, надменные расчеты
 На будущность умоляли въ тишинѣ,
 И счастливъ я, незнающій заботы,—
 Да, счастливъ я, забытый здѣсь вполне!

Пуškai съ людьми прославленными рядомъ
 Не встану я. Мнѣ нужно здѣсь одно:
 Съ клочка полей, изъ сада съ виноградомъ
 И бѣлый хлѣбъ, и красное вино.

Чтобъ бѣлая рука жены румяной
 Пшеничный хлѣбъ съ сверкающимъ виномъ
 Несла на столъ, когда свой трудъ желанный
 Окончу я и возвращусь въ свой домъ.

Когда-жъ мы съ ней вполне утратимъ силу
 И смерть смежитъ намъ старыя глаза,—
 Пусть канетъ намъ на общую могилу
 Изъ глазъ внучать сердечная слеза...

А. Михайловъ.

ПОДГОТОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

(ОТРЫВКИ.)

1. Средневековая оппозиционная мысль.

Новая Европа въ области мысли началась съ XVII-го вѣка. Но ничто не появляется въ исторіи, какъ и въ природѣ вообще, внезапно. Какъ-бы ни поразительно отличалось данное явленіе отъ другихъ, ему предшествовавшихъ, оно имѣетъ свои источники въ прошедшемъ; оно подготовлялось болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ предвѣстниковъ, которымъ не доставало лишь нѣкоторыхъ характеристическихъ чертъ, чтобы принадлежать новому тину, доставало лишь связности и послѣдовательности, чтобы образовать новый періодъ явленій. Но этотъ недостатокъ былъ тѣмъ не менѣе важнымъ и рѣшительнымъ недостаткомъ для разсматриваемыхъ явленій. Они остались не болѣе, какъ отрывочными предвѣстниками новаго міросозерцанія, и изслѣдователь, отиѣчая ихъ генетическое отношеніе къ послѣдующему, все-таки относитъ ихъ къ прежнему порядку вещей.

Точно такіе-же предвѣстники есть и у новой европейской мысли; мы замѣчаемъ ихъ въ эпоху самой мрачной и отдаленной средневековой жизни; какъ оторванныя искры отъ какого-то общаго, но скрытаго отъ насъ пламени, они мелькаютъ тамъ и тамъ въ самую глухую пору умственнаго развитія европейскихъ обществъ; въ вѣка, предшествовавшіе XVII-му столѣтію, эти предвѣстники дѣлаются для насъ болѣе ясными и конкретными. Тотъ строй, который носится предъ воображеніемъ первыхъ средневековыхъ мыслителей, какъ идеаль теоретическій и практический,

не удовлетворяетъ въ это время уже очень многихъ. Мистики и схоластики, народные пѣвцы и придворные сатирики, послѣдователи арабскихъ комментаторовъ Аристотеля и поклонники Платона, юристы и филологи, алхимики и колдуны—все, сознательно или бессознательно, переходятъ въ оппозицію противъ прежняго порядка вещей. Правда, они борются весьма неудобными орудіями, большею частію признавая тѣ-же авторитеты, противъ которыхъ составляютъ оппозицію, ссылаясь на тѣ-же источники, на которые опирались и защитники прежняго общественнаго строя. Если у иныхъ отъ времени до времени и встрѣтимъ мысль новаго времени, то отрывочно, болѣе въ видѣ догадки, и они сами въ подобныхъ случаяхъ являются какими-то уединенными предчувствителями будущаго. Отсюда ихъ неудача; оттого они принадлежатъ не новой Европѣ, а старой. Они не спокойные, твердо увѣренные въ своей правотѣ, строители новаго зданія; они волнующіеся, сомнѣвающіеся, страдающіе скептики и отрицатели. Они—люди оппозиціи, но сами хорошенъко не знаютъ, что именно имъ нужно. Они только сознаютъ, что существующее не хорошо, и мечутся, ищутъ лучшаго, каждую минуту думая, что вотъ, вотъ они попали на настоящую дорогу, вотъ, вотъ—открыли истину. Условія этого лучшаго имъ неизвѣстны, и потому они пытаются его открыть всюду. Методы изслѣдованія еще не выработаны, и потому изслѣдователи расходятся по всѣмъ направленіямъ. Конечно, при подобныхъ пріемахъ, всего вѣроятнѣе встрѣтить у одного и того-же автора, въ одномъ и томъ-же сочиненіи, чуть не на одной и той-же страницѣ, замѣчательную истину рядомъ съ самой дикой фантазіей; всего вѣроятнѣе ожидать, что неудача предпріятій будетъ общимъ правиломъ, а удача—исключеніемъ; что самые замѣчательные умы скорѣе внушатъ уваженіе по своимъ стремленіямъ, чѣмъ по результатамъ, ими достигнутымъ, что лишь иные, почти случайно, попадутъ на истинный путь и войдутъ по праву въ пантеонъ величайшихъ героевъ человѣчества. Все это такъ и было. Даже въ XVII-мъ вѣкѣ, въ ряду замѣчательнѣйшихъ двигателей человѣческой мысли, въ сочиненіи, заключающемъ одно изъ самыхъ блестящихъ завоеваній *новаго* времени, въ знаменитыхъ „Пяти книгахъ гармоніи міра“ Іоганна Кеплера находимъ чисто-фантастическія представленія о гармоніи сферъ и о таинственномъ значеніи чиселъ. Лучшіе умы тратятъ долгіе

годы на алхимическія и астрологическія розысканія. Результатъ умственной работы Роджера Бэкона, Раймунда Луллія, Парацельса, Джіордано Бруно крайне незначителенъ сравнительно съ безспорною даровитостію авторовъ. Одинъ Коперникъ во все это время дѣйствительно стоялъ въ первомъ ряду двигателей человѣчества, да еще небольшая группа математиковъ въ своей спеціальной области положила въ XVI-мъ вѣкѣ прочное основаніе будущему. Уже далеко ниже, болѣе поддерживаемые обстоятельствами, чѣмъ собственнымъ гениемъ, стоятъ гуманисты, современники Эразма и Рейхлина, анатомы школы Везалія, открыватели дальнихъ странъ, идущіе за Колумбомъ, за Васко де-Гамой, за американскими конквистадорами. Во всѣхъ прочихъ сферахъ мысли, мыслители и ученые этого періода, вообще говоря, отстаютъ весьма далеко отъ тѣхъ, которые смѣнили ихъ въ XVII-мъ вѣкѣ.

Тѣмъ не менѣе во всѣхъ упомянутыхъ сферахъ мысли не лишены интереса оппозиціонныя попытки, даже неудачныя, подготовлявшія новую мысль. Неудача попытокъ указывала послѣдователямъ, куда идти нельзя, какой путь не приведетъ къ цѣли. Между тѣмъ мысль росла, неудовольствіе противъ старой рутины, противъ вѣками накопившихся ошибокъ и заблужденій увеличивалось, и отдѣльныя струи научнаго пониманія міра и жизни пробивались наружу, сбѣгались въ болѣе замѣтныя ручейки, преодолевали мало-по-малу препятствія, чтобы, наконецъ, потечь широкою и быстрою рѣкою, которую, какъ слѣдуетъ надѣяться, не въ силахъ уже преградить и замутить всѣ реакціонныя попытки еще уцѣлѣвшей средневѣковой рутины, желающей бороться съ стремленіемъ новой мысли.

Католическій культъ, вооруженный всѣми средствами матеріальной и нравственной силы, былъ тѣмъ великимъ центромъ, изъ котораго вытекала вся жизнь средневѣковаго человѣчества и противъ котораго были направлены всѣ стремленія пробуждавшейся оппозиціи. Съ одной стороны мы видимъ католическую церковь, вождемъ всѣхъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ отпавленій средневѣковаго человѣка; съ другой — только-что возникавшая мысль подготавливала борьбу съ господствующимъ авторитетомъ католичества. И прежде чѣмъ реформаціонное движеніе нанесло ему самый чувствительный ударъ, протесты противъ него были уже довольно сильныя и постоянныя. „Любятъ

представлять средніе вѣка эпохою наивныхъ вѣрованій, говорить Лоранъ; но вѣра безъ принятія сомнѣнія есть даже не идеаль, это—утопія. Подобная утопія никогда не осуществится...“ Отсюда протесты, сопровождающіе католическую доктрину со времени ея происхожденія и которые не прекратятся, пока будутъ существовать поклонники этой доктрины. Протесты эти высказались въ средніе вѣка въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: то религиозное чувство возмущалось противу господствующей церкви; то разумъ боролся съ предразсудками; то невѣріе проявлялось въ философіи, въ литературѣ и въ нравахъ. „Средневѣковыя ереси, продолжающія Лоранъ, были гораздо радикальнѣе протестантизма; даже тѣ, которыя оставались въ предѣлахъ традиціоннаго католичества, оставляли далеко за собою робкія реформы XVI-го вѣка.“

Оппозиціонное движеніе въ средне-вѣковую эпоху проявлялось, какъ въ области практической жизни, такъ и въ области теоріи. Человѣкъ дѣйствуетъ не только подъ прямымъ вліяніемъ потребности и влеченій: онъ руководится и идеалами. Эти идеалы представляютъ ему, какова-бы *должна* была быть его жизнь, чтобы онъ самъ сознавалъ ее соотвѣтственною его личному достоинству и справедливости. Осуществленіе своего идеала невозможно для большинства, да едва-ли возможно и для какой-либо отдѣльной личности. Самые ожесточенныя общественныя схватки происходятъ во имя столкновенія различныхъ идеаловъ жизни, которыми руководятся различныя общественныя партіи. Но ясно сознанный идеаль требуетъ въ личности и въ партіи довольно значительной степени развитія и разумнаго критическаго отношенія къ явленіямъ жизни. Тамъ, гдѣ это развитіе недостаточно, всегда присутствуютъ рядомъ нѣсколько различныхъ идеаловъ, изъ которыхъ каждый представляетъ одностороннее утвержденіе какого-либо начала, правильнаго само въ себѣ, но изуродованнаго своею односторонностью. Различіе этихъ идеаловъ приводитъ ихъ въ столкновеніе, но недостатокъ критики не дозволяетъ обществу видѣть, что они несомѣстимы по своей сущности. Различныя личности, а иногда одна и та-же личность, стремятся одновременно защитить ихъ всѣхъ теоретически или воплотить практически. Конечно, это оказывается невозможнымъ. Начинаются без-

конечныя жалобы на испорченность человѣческой природы, на испорченность общества. Начинается рядъ новыхъ попытокъ осуществленія одностороннихъ идеаловъ въ ихъ исключительности. Но съ ними уже примириться не могутъ, потому что другіе односторонніе идеалы уже вошли также въ общественныя привычки. И борьба длится, внося разрывъ въ общество и въ самую мысль человѣка, пока не появится убѣжденіе, что *есть* односторонніе идеалы ложны въ своей исключительности и непримиримы въ своей односторонности; что надо отрѣчься отъ всѣхъ ихъ и поставить новый идеалъ, болѣе гуманный и всеобщій, который-бы не отрицалъ прежнихъ идеаловъ, не собиралъ ихъ какъ несогласимыя части въ невозможное цѣлое, а поглощалъ ихъ, какъ элементы, въ своемъ высшемъ единствѣ.

Предъ средневѣковымъ человѣкомъ стоялъ одинъ признанный и громко проповѣдуемый идеалъ — идеалъ католической церкви, какъ онъ опредѣлился въ его реальномъ, прагматическомъ приѣненіи. Но это былъ идеалъ преданія; онъ созданъ въ отрицаніе блестящей цивилизаціи античнаго міра, вслѣдствіе того, что идеалы этой цивилизаціи становились доступными все меньшему и меньшему числу людей. Онъ былъ искусственно поддержанъ въ продолженіи всего перваго періода среднихъ вѣковъ, потому что католическая церковь имѣла организацію, способную охранить за личностью право на развитіе нѣкоторыхъ человѣческихъ сторонъ. И все-таки, въ сущности, онъ оставался только идеаломъ преданія, торжественнымъ отрицаніемъ всѣхъ сторонъ классическаго міра. Въ этого идеала, жизнь выставляла, во имя человѣческихъ потребностей и влеченій, другіе идеалы, несравненно болѣе понятныя и близкіе средневѣковому человѣку и диаметрально противоположныя католическому идеалу. Какъ идеалы, выставленные не преданіемъ, а самою жизнію, они руководили большинствомъ дѣйствій свѣтскихъ людей, и самое духовенство, представитель и проповѣдникъ христіанскаго міросозерцанія, входило въ безпрестанныя сдѣлки съ жизненными идеалами семьянина, чувственнаго человѣка, собственника, феодала, ученаго, политическаго дѣятеля, мыслителя, художника. Отсюда выходило безпрестанное порицаніе преступности свѣтской жизни и безпрестанное нарушеніе принциповъ и практики, установленныхъ католиче-

скимъ духовенствомъ. Отсюда возникло то раздвоеніе, которое мы видимъ въ жизни средневѣковаго человѣка: съ одной стороны стремленіе католической церкви захватить подъ свое безусловное вліяніе всё сферы жизни; съ другой—отрицаніе этого вліянія и ересь. Поэтому въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ не прекращались голоса, высказывавшіе болѣе или менѣе ясное отрицаніе католическаго идеала въ его частностяхъ. Эти голоса были сначала очень уединенны, потомъ ихъ стало больше, они стали громче, и, наконецъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ они высказались уже такъ громко, что изъ частныхъ библіографическихъ явленій перешли въ явленія историческія, обусловивъ собою то, что можно назвать пробужденіемъ европейской мысли.

Нелюбовь къ католическому духовенству была весьма распространена въ средневѣковомъ обществѣ, и слѣдствіемъ ея должна была явиться неизбежно склонность къ отрицанію и ересямъ. Но ереси религіозныя лишь тогда получаютъ историческое значеніе, когда онѣ встрѣчаютъ помощь въ національномъ движеніи, въ вопросѣ политическомъ и общественномъ, затрагивающемъ практическіе интересы значительныхъ массъ. Тогда эти ереси получаютъ прочный центръ, изъ котораго уже онѣ ведутъ свою пропаганду и въ тѣ страны, гдѣ не существуетъ подобныхъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, и при своемъ распространеніи, ереси развиваются съ особеннымъ успѣхомъ тамъ, гдѣ встрѣчаютъ общественную почву, заключающую готовые элементы для своего развитія. Тутъ онѣ утверждаются и представляютъ самое сильное сопротивленіе.

Такъ было и теперь. Оппозиціонное движеніе противъ католицизма, опираясь преимущественно на практическіе вопросы, развилось въ пропаганду еретиковъ; на первый разъ оно выставило требованія чистоты нравовъ духовенства, проповѣди на народномъ языкѣ, сближенія между духовными и свѣтскими лицами; нашло себѣ опору въ національной оппозиціи славянъ противъ окрестныхъ имъ расъ и въ національной оппозиціи провансаловъ противъ преобладанія національностей, надъ которыми Провансъ господствовалъ своей литературой;—наконецъ, оппозиція выросла въ обширное движеніе, разлившееся по Европѣ, и требовавшее со стороны папъ самыхъ энергическихъ мѣръ противодѣйствія. Нельзя не убѣ-

даться, при разсмотрѣніи этого движенія, что дуалистическая теорія *катаровъ*, точно также какъ болѣе близкое къ установившемуся католичество ученіе вальдецевъ, играло здѣсь крайне-маловажную роль. Для общественныхъ движеній теоретическіе вопросы суть лишь знамена, подъ которыми идетъ ожесточенная борьба между практическими стремленіями. Лишь для весьма небольшого меньшинства борьба теоретическая получаетъ важное значеніе.

Католицизмъ не могъ провести въ жизнь средневѣкового общества своихъ практическихъ идеаловъ и вызвалъ оппозицію во имя этихъ самыхъ идеаловъ. Еще менѣе онъ могъ дать простора человѣческой мысли, которая, какъ-бы ни была она подавлена, всегда стремится къ дѣятельности и независимому разрѣшенію одолюющихъ ее сомнѣній. Оставивъ въ сторонѣ сущность своего ученія, католическое духовенство замкнулось въ одной формальной сферѣ своего развитія и довело ее до крайнихъ границъ полнѣйшаго индифферентизма къ требованіямъ человѣческой идеи. Отвергая всякую попытку реформы, всякое критическое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ, оно требовало абсолютнаго подчиненія разума мертвой буквѣ своихъ догматовъ и буллъ. Мысль, повидимому, замерла, и общество погрузилось въ какую-то бездну мрака и болѣзненной апатіи. Но подобное состояніе долго продолжаться не можетъ. За него, обыкновенно, принимаютъ часто отсутствіе всякаго душевнаго движенія, полный духовный индифферентизмъ, существующій въ неразвитой личности, задавленной житейскими заботами, и совершающей всѣ жизненныя отправленія, чуждыя этимъ заботамъ, подъ механическимъ вліяніемъ привычки. Въ подобныхъ случаяхъ обряды исполняются, надлежащія слова и дѣйствія совершаются, но все это не сопровождается никакимъ душевнымъ волненіемъ, никакою перемѣною настроенія духа; слѣдовательно, здѣсь отсутствуетъ и вѣра. Для личностей, вышедшихъ изъ такого подавленнаго состоянія, болѣею частью слова принятія на вѣру вызываютъ какую-либо дѣятельность мысли: человѣкъ при этомъ *что-либо* себѣ воображаетъ или приходитъ къ *какому-либо* заключенію. Но образы, имъ высказываемые, и выводы, имъ дѣлаемые, не суть результаты *вѣры*: это процессы мышленія, совершающіеся по законамъ, обусловленнымъ особенностями личности. При тѣхъ-же

словахъ разныя личности воображаютъ или заключаютъ иное, и степень различія обусловливается различіемъ духовнаго развитія личностей. Чѣмъ дѣятельнѣе мысль личности, въ области-ли воображенія или въ области пониманія, тѣмъ своеобразнѣе міръ образовъ и понятій, связываемый человѣкомъ съ словами, принятыми на вѣру, тѣмъ менѣе можетъ человѣкъ уступить выработанный имъ образъ или усвоенное имъ понятіе; тѣмъ тѣснѣе сживается онъ со своимъ *личнымъ* внутреннимъ убѣжденіемъ. И чѣмъ даровитѣе личность, тѣмъ мысль ея сильнѣе работаетъ, тѣмъ неизбѣжнѣе для нея критическое отношеніе къ установленному порядку, слѣдовательно, тѣмъ значительнѣе опасность сознательно-еретическаго міросозерцанія. Оно проявляется или въ прямомъ невѣріи, или въ скептическомъ индифферентизмѣ, для котораго міръ религіозныхъ представленій и понятій теряетъ всякое жизненное значеніе, или въ лицемѣрномъ употребленіи религіозныхъ мотивовъ, какъ средствъ, для достиженія жизненныхъ цѣлей не только чуждыхъ, но и противоположныхъ религіознымъ идеаламъ. Все это и уживалось вмѣстѣ въ средневѣковомъ обществѣ. И такъ какъ въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ формальная сторона вездѣ преобладаетъ надъ сущностію мысли, то средневѣковая школа должна была создать *схоластику*, т. е. требованіе школьнаго систематизированія католическаго міросозерцанія. Но это-же самое вызывало личности на дѣятельность мысли, слѣдовательно, должно было привести и къ еретическимъ толкованіямъ, и къ сомнѣнію, и къ скептицизму.

2. Эпоха пробужденія европейской мысли.

Вышеприведенное положеніе, что XIII столѣтіе можетъ служить важною эпохою въ развитіи среднихъ вѣковъ, высказываемо было не разъ, особенно въ области исторіи мысли, и въ этомъ отношеніи вліяніе введенія арабскихъ текстовъ въ обиходъ европейской эрудиціи признано почти всѣми историками съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдованія Журдена установили, что именно около начала XIII вѣка Европа ознакомилась съ важнѣйшею частью

этого матерьяла, который лишь отрывочно былъ извѣстенъ ранѣ (послѣднее преимущественно доказалъ не очень давно Прантъ). Другой историкъ, авторъ „Аверроэса“, Ренанъ говоритъ слѣдующее ¹⁾: „Введеніе арабскихъ текстовъ въ предметы изученія запада раздѣляетъ ученую и философскую исторію среднихъ вѣковъ на двѣ совершенно различныя эпохи. Въ первую — умъ человѣческой, для удовлетворенія своего любопытства, имѣетъ лишь жалкіе обломки римскихъ шеолъ, нагроможденные въ компиляціяхъ Марціана Капелла, Беды, Исидора и въ нѣкоторыхъ техническихъ трактатахъ, спасенныхъ отъ забвенія ихъ практическимъ характеромъ. Во вторую эпоху, — это опять древняя наука, которая возвращается на западъ, но на этотъ разъ въ болѣе полномъ видѣ, въ арабскихъ комментаріяхъ или въ оригинальныхъ произведеніяхъ греческой науки, которымъ римляне предпочитали сокращенія ихъ. Медицина, сначала ограниченная Целіемъ Авреліаномъ, компиляціею Гаріопонтуса, находитъ снова Гипократа и Галена. Астрономія, заключавшаяся въ нѣсколькихъ трактатахъ Гигина или Беды, въ нѣсколькихъ стихахъ Присціана, возвращается помощью Альфергана, Табетъ-бенъ-Коры, Альбумазаръ къ точности древней науки. Арифметика, ограниченная въ продолженіи столькихъ вѣковъ простыми приемами абака или счета помощью пальцевъ (indigitatio), обогащается новыми приемами. Философія получаетъ аристотелизмъ въ полномъ его составѣ, т. е. энциклопедію древнихъ наукъ“.

Прантъ точно также говоритъ ²⁾: „Нельзя достаточно обратить вниманія на то, что такъ называемое возрожденіе древности въ области философіи, математики и естествознанія совершилось преимущественно уже въ XIII вѣкѣ при посредствѣ знакомства съ Аристотелемъ и съ арабской литературой...“ „Большая разница отъ предшествовавшихъ вѣковъ заключалась уже въ томъ, что съ этихъ поръ существовала не только логика, но рядомъ съ ней, съ одинаковымъ правомъ на вниманіе, существовали еще метафизика, физика, этика и политика. Конечно, все это былъ только аристотелизмъ, и аристотелизмъ, навязанный

¹⁾ E. Renan: «Averroès», 223.

²⁾ P. Prantl; «Gesch. der Logik im Abendlande» III (1867) 1-2.

внѣшнимъ образомъ, поэтому непонятый въ своей глубинѣ, чаще совершенно непонятый и испорченный; но невольное расширение горизонта умозрѣній, вышедшее изъ занятій сочиненіями Аристотеля, имѣетъ во всякомъ случаѣ болѣе цѣны для исторіи философіи, чѣмъ весь предшествовавшій платонизмъ, бывшій до тѣхъ поръ въ ходу. И, конечно, при возрожденіи древности, способность умозрительнаго пониманія вещей потонула-бы въ тяжелой массѣ матеріала, увлекательнаго по своей новосте, или уступила-бы мѣсто бездонной платонической мистикѣ, если-бы умственная дисциплина не укоренилась такъ крѣпко въ продолженіи двухъ столѣтій путемъ чтенія Аристотеля. Поэтому мы должны во всякомъ случаѣ считать прогрессомъ притокъ аристотелевскаго и арабски-аристотелевскаго матеріала“.

Но не въ одной сферѣ школьныхъ занятій эта эпоха можетъ быть признана точкою раздѣла для среднихъ вѣковъ. Имѣя преимущественно въ виду борьбу папства и имперіи, Грегоровіусъ характеризуетъ ³⁾ XIII-ый вѣкъ слѣдующимъ образомъ: „Послѣ героической поры юности, послѣ рыцарскаго и религіознаго одушевленія XII-го столѣтія, XIII-ый вѣкъ выказываетъ болѣе зрѣлое человечество, въ его мужественной и сознательной силѣ; оно горячо борется за гражданское устройство, оно уже вкушаетъ богатую жизнь, облагороженную трудомъ, знаніемъ и искусствомъ. XIII-ое столѣтіе представляетъ высшую точку среднихъ вѣковъ, когда церковь торжествуетъ въ самомъ блестящемъ проявленіи своего могущества, и старая нѣмецкая имперія, вмѣстѣ съ Гогенштауфенами, прощается съ исторіею, чтобы дать мѣсто самостоятельнымъ національнымъ государствамъ и національной культурѣ. Имперія, въ послѣднемъ гигантскомъ напряженіи, продолжала еще при Фридрихѣ вторую борьбу за свое законное существованіе противъ двухъ стремленій времени, соединенное могущество которыхъ должно было ее сокрушить. Она боролась съ мировымъ владычествомъ церкви и папства, и послѣднее вступило въ союзъ, также какъ во второй половинѣ XII-го вѣка, съ итальянскими демократіями, которыя оружіемъ туземнаго латинскаго горожан-

³⁾ Gregorovius: «Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter», V (1865) и слѣд.

ства разрушили германскую феодальную систему, выразившуюся въ имперіи, какъ устарѣлый и чужеземный институтъ... XIII-ое столѣтіе есть время возстанія гражданъ противъ феодальнаго дворянства, ересей противъ папства“.

Впрочемъ, большинство историковъ охотнѣе видятъ въ предъидущемъ XII-мъ вѣкѣ начало второго періода среднихъ вѣковъ и для этого приводятъ многія основанія. Въ послѣдніе годы XI-го вѣка начинаются крестовые походы. Въ то-же время происходитъ первая борьба номиналистовъ съ реалистами; это эпоха Ансельма и Росцелина, Абельяра и Бернара клервуйскаго. Наконецъ, въ XII-мъ вѣкѣ развиваются тѣ роскошныя лирика и эпика, которыя характеризуютъ средніе вѣка, и составляютъ одно изъ лучшихъ наслѣдій этого періода. Какъ ни безспорно блестящи эти явленія, но едва-ли они оправдываютъ раціональную точку дѣленія средневѣковой исторіи въ началѣ XII-го вѣка.

Раціональною точкою дѣленія можетъ быть признано событіе, которымъ завершилось какое-нибудь развитіе и началось новое, но въ этомъ отношеніи *начало* крестовыхъ походовъ едва-ли можетъ имѣть особое значеніе. Оно было приложеніемъ предъдущаго взгляда на вещи къ частному, случаю, не болѣе. Продолжаясь около двухъ столѣтій, крестовые походы представляютъ сами въ себѣ различныя фазисы развитія, обнимаютъ довольно значительный періодъ и за *точку* раздѣленія приняты быть не могутъ.— Они, конечно, могутъ быть разсматриваемы, какъ завершеніе прежняго порядка, въ томъ смыслѣ, что, къ концу крестовыхъ походовъ, между прочимъ, и подъ ихъ вліяніемъ (конечно, и подъ вліяніемъ другихъ, болѣе важныхъ, обстоятельствъ) общее оппозиціонное стремленіе Европы совершенно опредѣлилось. Въ такомъ случаѣ ихъ конецъ могъ-бы считаться важнѣйшею точкою дѣленія, чѣмъ начало. Но едва-ли и въ нихъ нельзя указать эпохи перелома, послѣ которой они измѣняютъ совершенно свой характеръ. Это — взятіе Константинополя и основаніе латинской имперіи въ 1204 г. При этомъ событіи, даже для довольно близорукихъ наблюдателей, могъ совершенно исчезнуть религіозный ореолъ этихъ предпріятій, одушевлявшихъ одно время всю Европу и потребовавшихъ неизмѣримыхъ жертвъ деньгами и людьми. Характеръ похода Фридриха II нисколько не похожъ уже на характеръ похода

Барбаруссы, Ричарда и Филиппа. Одновременно почти съ походом крестоносцевъ на христіанскую имперію имѣлъ мѣсто и другой весьма характеристическій эпизодъ крестовыхъ походовъ, это походъ дѣтей 1212 или 1213 г. На этомъ, слишкомъ явно-патологическомъ явленіи, часть европейскаго общества могла съ достаточною ясностью видѣть, какъ слѣдовало понимать и взрослыхъ религіозныхъ энтузіастовъ. Поэтому вѣриѣ будетъ, и въ періодъ крестовыхъ походовъ, принять за точку раздѣленія начало XIII вѣка.

Несравненно болѣе значенія имѣеть второй упомянутый пунктъ. Споры Росцелина съ Ансельмомъ и Абеяра съ Бернаромъ не лишены важности, но едва-ли менѣе важна полемика Берстара въ предшествующемъ столѣтіи; а Іоанну-Скотту Эригену уже безспорно слѣдуетъ придать еще болѣе значенія. Затѣмъ, идя въ другую сторону, эпоха Альберта Великаго, Фомы Аквината, Роджера Бэкона, Дунса Скотта и Бонавентуры можетъ считаться въ развитіи схоластики наиболѣе характеристичною, слѣдовательно, точку дѣленія пришлось-бы передвинуть къ концу XIII вѣка. И тутъ едва-ли не вѣриѣ опереться на основное событіе, а не на его результаты. Блестящая эпоха схоластики въ концѣ XIII вѣка была *слѣдствіемъ* притока въ европейскія школы арабскихъ комментариевъ Аристотеля, — формы, полученной парижскимъ университетомъ при Филиппѣ-Августѣ, и появленія нищенствующихъ орденовъ, но всѣ эти явленія принадлежатъ началу XIII вѣка. Тогда-же въ первый разъ осужденъ на парижскомъ соборѣ Аристотель и вслѣдъ за тѣмъ онъ является признаннымъ учителемъ схоластическихъ теологовъ. Во всякомъ случаѣ, примѣръ Прантля, въ его весьма дѣльной „Исторіи логики“, на которую уже приведена ссылка, позволяетъ, въ области логики и схоластической философіи, принять дѣленіе схоластики по притоку новаго матеріала: указывая на несамостоятельность средневѣковыхъ писателей, при разнообразіи ихъ умственнаго развитія, Прантль говоритъ ⁴⁾: „Оставляя въ сторонѣ это различіе въ степени развитія, всѣ они шли лишь на помочахъ притекашаго матеріала, и это поразительно ясно уже изъ того обстоя-

⁴⁾ Prantl: «Gesch. d. Logik.» III, 2.

тельства, что во второй половинѣ среднихъ вѣковъ нѣтъ ни одного чистаго платоника, тогда какъ въ XII вѣкѣ намъ встрѣчается еще не одинъ разъ опредѣлительный платонизмъ. Авторитетъ аристотелевскаго матеріала, разомъ открытаго, дѣйствовалъ такъ сильно и такимъ подавляющимъ образомъ, что понадобился лишь авторитетъ новаго притока матеріала, чтобы раздуть снова платонизмъ въ эпоху возрожденія чрезъ флорентинскую академию“. Слѣдовательно, и здѣсь точка дѣленія въ началѣ XIII вѣка оправдывается изъ самого хода событій.

Конечно, этого нельзя сказать въ отношеніи развитія средне-вѣковой поэзіи и, съ этой *спеціальной* точки зрѣнія, раздѣленіе средне-вѣковой жизни въ началѣ XIII вѣка было-бы дѣйствительно неумѣстно. Но правильна-ли подобная точка зрѣнія? Эпика и лирика среднихъ вѣковъ могутъ-ли быть признаны *новымъ* элементомъ общества или только художественнымъ отраженіемъ созрѣвшаго и даже перезрѣвшаго стараго? Едва-ли не вѣрнѣе принять послѣднее. Впрочемъ, и тутъ есть обстоятельство, которое, можетъ быть, не лишено значенія для разсматриваемаго вопроса. Конечно, сатирическая литература имѣетъ свои образцы ранѣе, но, безспорно, она особенно развилась въ XIII вѣкѣ. Къ началу его относятся и антиклерикальныя произведенія Вальтера фон-деръ-Фогельвейде. Крестовный походъ на югъ Франціи вызываетъ желѣзныя діатрибы трубадуровъ. Въ первые годы XIII вѣка сожженъ одинъ изъ авторовъ французской редакціи поэмы Лиса и въ XIII вѣкѣ это самое характеристическое произведеніе средне-вѣковой сатиры имѣетъ самое обширное число обработокъ, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе рѣдкими. Во второй половинѣ вѣка уже появляется Рютбѣфъ, а подъ конецъ и первая часть романа Розы. Это развитіе сатиры достаточно важно, чтобы и съ этой точки зрѣнія признать за XIII вѣкомъ характеръ, нѣсколько отличный отъ предшествующихъ столѣтій.

Указанные пункты могутъ считаться важнѣйшими возраженіями противъ принятой здѣсь точки дѣленія. Устранивъ, какъ думаемъ, ихъ, мы считаемъ себя въ правѣ не останавливаться на другихъ возможныхъ возраженіяхъ и допустить, что съ XIII вѣкомъ начинается для исторіи Европы новый періодъ. Въ то самое время, какъ папство достигаетъ высшей точки своей вла-

сти, самостоятельность мысли пробуждается въ университетахъ и въ ересяхъ. Новое движеніе умовъ находитъ себѣ опору въ самомъ императорѣ. Правда, католицизмъ торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ: латинская имперія утверждается въ Константинополѣ; огромное населеніе и блестящая цивилизація южной Франціи раздавлены для поддержки католической церкви; новыя могучія орудія папства, два нищенствующіе монашескіе ордена, распространяются по всей Европѣ, занимаютъ всѣ кафедры, господствуютъ въ наукѣ и въ народной проповѣди; инквизиція строго слѣдитъ за всякимъ разномысліемъ въ религіи; схоластика выставляетъ самыхъ могучихъ представителей школьной науки, Альберта Великаго и Фома Аквината. Гогенштауфены окончательно уничтожены, послѣдній изъ нихъ гибнетъ на эшафотѣ, и самый опасный противувѣсъ значенію папы—германско-римская имперія—доведена до послѣдней степени слабости внутренними безпорядками; на французскій престолъ садится король-монахъ, англійское королевство признаетъ себя папскимъ леномъ. Но это торжество лишь кажущееся. Еретики гибнутъ въ одномъ мѣстѣ, но они возстаютъ съ новою силою въ другомъ: едва основанные францисканцы выставляютъ изъ своей среды и проповѣдниковъ „вѣчнаго евангелія“, и предвѣстника новой науки, Роджера Бэкона. Сатира трубадуровъ замолкла, но она распространяется съ новою силою среди сѣверно-французскихъ труверовъ и жонглеровъ, среди нѣмецкихъ, фламандскихъ, англійскихъ сатириковъ, въ литературѣ повѣствователей. Англійскій король признаетъ себя вассаломъ папы, но это самое вызываетъ самый громкій фактъ политической исторіи средневѣковой Англій—великую хартію. Германская имперія ослабѣваетъ, и нѣмецкіе феодалы тратятъ свои силы въ безконечныхъ междоусобіяхъ, но это выдвигаетъ впередъ новую, болѣе прочную силу,—союзы городовъ. Въ борьбу съ католическимъ закономъ, установленнымъ римской куріей, и съ правомъ сильнаго, лежащимъ въ самой сущности феодализма, вступаютъ юристы, опирающіеся на воспоминанія древняго Рима, на силу договоровъ, хартій, городскихъ учрежденій. Въ концѣ этого вѣка папство, недавно еще столь могучее, получаетъ самый сильный ударъ изъ страны, всегда наиболѣе ему вѣрной, отъ „расы

избранной“, по словамъ проповѣдниковъ XIII вѣка, отъ Франціи; еще немного лѣтъ, и начинается „вавилонское плѣненіе церкви“.

3. СРЕДНЕВѢКОВЫЕ ДУАЛИСТЫ.

Казалось-бы, что говоря объ оппозиціонномъ движеніи противъ католическаго строя, мы должны были-бы обратить особенное вниманіе на ереси, такъ сильно развившіяся къ началу XIII вѣка, что нужно было все могущество католической организаціи и вся энергія одного изъ замѣчательнѣйшихъ папъ, Иннокентія III (1198—1215), чтобы нанести ересямъ рѣшительный ударъ, отнять у нихъ политическое вліяніе въ Европѣ, и предоставить слѣдующимъ папамъ истребить окончательно ихъ приверженцевъ. Но не всегда реформаторы суть представители новаго. Весьма часто вся ихъ оппозиція заключается въ томъ, что ихъ возмущаютъ болѣзненные *проявленія* вреднаго, отживающаго начала, именно то, что доказываетъ отсутствіе въ немъ жизненности; они-же пытаются всѣми силами устранить эти проявленія и вдохнуть искуственную, временную жизнь въ то, чему жить нельзя, да и не нужно. Въ подобномъ случаѣ не слѣдуетъ смотрѣть на средневѣковый протестантизмъ, какъ на естественнаго представителя новаго времени. Какъ ни привлекателенъ онъ бываетъ своею нравственною чистотою, своимъ высокимъ самоотверженіемъ, какъ ни драматична его отчаянная борьба за право совѣсти, но историкъ не долженъ быть подкупленъ величіемъ страданія, точно такъ-же, какъ и блескомъ успѣха. Онъ долженъ въ самыхъ принципахъ ортодоксальныхъ или еретическихъ сектъ искать ихъ историческаго значенія. Поэтому мы только упомянемъ о кровавой борьбѣ противъ сектъ, которая началась съ первыхъ годовъ XIII вѣка и вѣдена была съ самою беззастѣнчивою жестокостію въ продолженіи двухъ столѣтій. Конечно, мы говоримъ лишь о *катарахъ* (чистыхъ, богомилахъ, альбигойцахъ, *bons hommes* и т. под.), которые одни могли имѣть большое вліяніе на событія, вслѣдствіе своего распространенія и живой поддержки, встрѣченной ими въ національныхъ вопросахъ современнаго имъ міра. Самую извѣстную обра-

ботку ихъ драматической исторіи читатели могутъ найти въ трудѣ Карла Шмидта ⁵⁾, котораго розысканія въ истекшія послѣ того 20 лѣтъ дополнены лишь розысканіями славянскихъ писателей, труды которыхъ освятили лучшіе славянскіе элементы движенія, но мало могли внести новаго въ результаты, полученные Шмидтомъ для періода, когда центромъ движенія сдѣлалась южная Франція.

Эта секта можетъ представить особенный интересъ русскому читателю въ томъ отношеніи, что она была первымъ *активнымъ* дѣйствіемъ славянской мысли на европейскую цивилизацію. Развившись въ славянскихъ земляхъ изъ преобразованныхъ традицій древняго дуализма, она образовала собою самый сильный центръ въ Болгаріи и Босніи, въ формѣ *богомилства*. Тамъ секта долго черпала новыя силы для борьбы на западѣ. Тамъ она продержалась всего крѣпче до самаго того времени, когда турецкое завоеваніе прекратило возможность развитія самостоятельной мысли и дѣятельности на другіе народы у южныхъ славянъ. Изъ славянскихъ странъ, въ особенности изъ Далмаціи, катаризмъ перешелъ въ Италію; разлился по ней; выслалъ проповѣдниковъ въ южную Францію, сплелся съ интересами провансальской цивилизаціи, съ ея стремленіемъ преобладать надъ европейскою мыслью въ XII вѣкѣ; получилъ тамъ весьма сильный центръ распространенія, политическую опору во владѣтеляхъ Тулузы; сталъ дѣйствовать во всей сѣверной Франціи и Фландріи; имѣлъ приверженцевъ въ Германіи и въ Италиі, даже въ Англии; раздѣлил значительную часть Европы на діоцезы для своихъ епископовъ; имѣлъ *свои* соборы, *свои* секты; смѣло выступалъ на диспуты съ католическимъ духовенствомъ и въ началѣ XIII вѣка представлялъ численно и качественно противника, весьма опаснаго для католицизма.

Главная сила распространенія ереси катаровъ заключается, какъ это обыкновенно бываетъ при успѣшной пропагандѣ, въ практической сторонѣ ученія. Тотъ идеалъ, который ставило христіан-

---

⁵⁾ C. Schmidt: «Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois» (1849).—Изъ новѣйшихъ трудовъ, см. Осокинъ: «Исторія альбигойцевъ» (Каз. 1869); «Peprat Les albigeois et l'inquisition» 1871.

ство передъ своими сектами, требовался и отъ *совершенныхъ* (perfecti) между катарами. Собственность, плотская любовь, даже жизнь между свѣтскими людьми была для нихъ смертнымъ грѣхомъ, но, послѣдовательнѣе католицизма, они признавали, что лишь совершенные и составляютъ церковь, и ихъ совершенные дѣйствительно стремились въ осуществленію своего идеала, такъ что сами враги ихъ должны были признать за ними жизнь, внушающую уваженіе, хотя и обвиняли ихъ во всякихъ тайныхъ преступленіяхъ, никѣмъ и никогда недоказанныхъ, даже ренегатами, писавшими противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Все, что возмущало современниковъ въ католическомъ духовенствѣ, было отвергнуто катарами. Ихъ обрядность была доведена до крайней простоты. Главою ихъ церкви былъ не первосвященникъ, честолюбіе и личныя страсти котораго были всемъ извѣстны, а Духъ Святой. Такииъ образомъ, идеаль католичества казался осуществленнымъ, въ то-же время, какъ все оппозиціонныя стремленія противъ него находили себѣ удовлетвореніе.

Менѣе значенія имѣла теоретическая точка зрѣнія катаровъ, но и она представляла рѣшеніе самаго важнаго для челоуѣка метафизическаго вопроса въ формѣ самой доступной неразвитому мышленію большинства. Какъ наслажденіе и страданіе суть основныя элементы психическаго сознанія, такъ добро и зло представляютъ самыя элементарныя нравственныя категоріи, и вопросъ о происхожденіи добра и зла былъ едва-ли не первый метафизическій вопросъ, представившійся челоуѣку. Самое простое, для неразвитаго ума, рѣшеніе этого вопроса, состояло въ представленіи двухъ существъ, чувствующихъ и сознательныхъ подобно челоуѣку, но изъ которыхъ одно желаетъ и можетъ всегда дѣлать лишь добро, а другое—лишь зло. Отсюда антропологическое или антропоморфическое представленіе двухъ борющихся началъ добра и зла, какъ оно проявилось во множествѣ первобытныхъ мифологій, развилось въ ученіи Авесты, боролось съ христіанствомъ въ манихейзмѣ, вошло въ самое развитіе христіанства въ сектахъ присциллианистовъ и павликианъ, даже частью въ ученіи Августина. Оно-же легло въ основаніе теоретическаго построенія катаровъ и богомиловъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что и въ сред-

невѣковомъ католицизмѣ, представленіе борьбы началъ добра и зла занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ можно-бы предполагать по общему построенію католическаго міросозерцанія.

Когда Иннокентій III вступилъ на престолъ, то борьба съ ересями заключала для католицизма вопросъ о его существованіи. Распространенію себѣ приходилось противиться *всѣми* существующими средствами. Вліаніе церкви на общество еще было достаточно велико, чтобы она нашла средства дѣйствовать, особенно, когда ей могли помочь хищническіе и кровожадные инстинкты феодальнаго общества. Одинъ путь представлялся самъ собою: крестовые походы привели къ завоеванію Константинополя; уже однажды земли виконта Безье видѣли крестоносцевъ, предводимыхъ папскимъ легатомъ и разоряющихъ земли еретиковъ; употребивъ это орудіе болѣе энергически и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, можно было надѣяться покончить съ ересью. Когда на папскомъ престолѣ находился человекъ, подобный Иннокентію, въ энергіи дѣйствій со стороны католицизма сомнѣваться нельзя.

Какъ ни многочисленны были враги католической іерархіи въ это время, но она имѣла въ своихъ рукахъ такія силы, съ которыми борьба представляла еще много трудностей. Большинству враговъ католицизмъ могъ противопоставить болѣе послѣдовательную систему, чѣмъ какая либо изъ оппозиціонныхъ системъ. Онъ имѣлъ за себя привычки массы къ формамъ католической обрядности. Феодалы грабили церкви, буржуа пѣли пародіи на клерикаловъ, но и тѣ, и другіе признавали авторитетъ папы и боялись малѣйшаго отступленія отъ предписаній и требованій католическаго духовенства. Если были лица способныя презирать отлученіе отъ церкви, какъ Рейнке-Лисъ, то это были единицы: для большей части общества личное отлученіе было пятномъ, помѣхою въ жизни, разстройствомъ въ духовномъ благосостояніи, а interdixitъ, наложенный на цѣлое общество, — общественнымъ несчастіемъ. Немногочисленное большинство состояло изъ идолопоклонниковъ, для которыхъ вся религія заключается въ привычкѣ и въ обрядѣ; пока оно не отвыкнетъ отъ обряда въ той формѣ, которую ему представляетъ извѣстная религія, до тѣхъ поръ оно слѣпо будетъ поклоняться всему, что связано съ исполненіемъ обряда, и повиноваться тѣмъ, отъ которыхъ зависитъ его исполненіе. Только

пріучая его къ другой обрядности, можно сломить силу прежней. До тѣхъ-же поръ неудовольствія, насмѣшки, даже явная борьба противъ духовенства могутъ уживаться рядомъ съ самымъ безусловнымъ повиновеніемъ ему въ данную минуту. Кромѣ катаровъ, никто изъ противниковъ католицизма не представлялъ массѣ общества средства обойтись безъ привычныхъ обрядовъ католицизма, слѣдовательно, и не оказывалъ дѣйствительнаго вліянія на массы.

Но противъ самыхъ опасныхъ враговъ католицизмъ могъ надѣяться на успѣхъ вслѣдствіе своей организаціи, которой Европа въ XIII вѣкѣ не представляла ничего равносильнаго. Национальности были враждебны между собою. Въ средѣ каждой изъ нихъ государственное единство было мифомъ. Королевская власть стрѣчала на каждомъ шагу препятствія своимъ распоряженіямъ и могла ихъ осуществить лишь силою. Междоусобныя войны между феодалами не прекращались. Вражда между сословіями становилась все сильнѣе. Люди науки были крайне малочисленны, разрознены. Университеты только-что получили свою организацію. Долговременность переписыванія сочиненій была существеннымъ препятствіемъ къ ихъ распространенію. Не было ни одного общественнаго элемента, который-бы, въ случаѣ опасности, могъ рассчитывать на энергическую и многочисленную поддержку.

Между тѣмъ католическая іерархія позволяла дѣйствовать одновременно и согласно на множествѣ пунктовъ. Энергическая личность изъ Рима могла привести въ дѣйствіе могущественныхъ епископовъ, многочисленныхъ проповѣдниковъ, вліять на государей, на феодаловъ, на буржуазію, на массы, направить въ данный центръ силы разныхъ націй и совокупить во едино ихъ разнообразныя стремленія. Даже въ томъ случаѣ, когда-бы большинство орудій не уступило вліянію, все-таки католицизмъ былъ въ состояніи концентрировать ихъ на данное дѣло въ достаточномъ числѣ и въ продолженіи достаточнаго времени, чтобы сломить всякое сопротивленіе.

Въ разсматриваемую эпоху самый опасный врагъ для католической іерархіи былъ катаризмъ. Онъ откровенно отрекся отъ католицизма, противопоставилъ его теоріи свою теорію, его обрядамъ свои обряды, его организаціи свою организацію. Черезъ нѣ-

которое время его распространение могло сдѣлаться достаточно сильнымъ для того, чтобы побѣда была сомнительна, но теперь онъ еще имѣлъ одинъ могущественный центръ на западѣ,—Лангедокъ, одну могущественную опору, — провансальскую цивилизацію. Она была вліятельна и сильна, но недостаткомъ государственной организаціи на югѣ Франціи, какъ и вездѣ, и недостатокъ рѣшимости въ князьяхъ этой страны прямо отказаться отъ католицизма и дать катаризму политическое значеніе, составляли ея внутреннюю слабость. Къ тому-же богатый югъ Франціи, охраняемый такъ долго отъ очень раззорительныхъ войнъ, составлялъ предметъ зависти для хищныхъ и раззоренныхъ сосѣдей, разохоченныхъ разсказами о богатой добычѣ, полученной ихъ соотечественниками, при разграбленіи Константинополя. Трудно было устоять этой южно-французской цивилизаціи противъ усилій папства, если-бы оно рѣшилось послѣдовательно употребить противъ нея всѣ усилія.

Иннокентій III сумѣлъ воспользоваться всѣми средствами католицизма. Онъ выждалъ время, рассчиталъ удары, взялъ въ соображеніе личный характеръ противниковъ и возможныхъ союзниковъ, писалъ всюду самые восторженные призывы королямъ, князьямъ и крестоносцамъ, давая въ то-же время самыя коварныя, холодно-рассчитанныя и подробныя инструкціи легатамъ. Ему помогла политическая неспособность Раймунда VI тулузскаго и Педро аррагонскаго. Ему послало счастье на помощь неумолимаго фанатика и искуснаго военначальника, въ лицѣ Симона Монфора. Раймундъ былъ сначала усилень до того, что самъ дѣйствовалъ противъ своихъ союзниковъ. Потомъ, послѣ кроваваго паденья Безье и Каркассонь, все обрушилось на него. Битва при Убедѣ (1213), гдѣ погибъ Педро, нанесла рѣшительный ударъ надеждамъ южной Франціи и ея самостоятельности. Латеранскій соборъ 1215 г. постановилъ лишить навсегда Раймунда его владѣній и передать ихъ Симону Монфору.

Борьба была кончена. Декретъ латеранскаго собора, фактически устанавливая права духовныхъ соборовъ низлагать свѣтскихъ владѣтелей и отдавать ихъ землю другому лицу, подписывалъ и протоколъ гибели южно-французской самостоятельной цивилизаціи, какъ оппозиціоннаго центра папскому авторитету; съ тѣмъ вмѣстѣ

кончалась и историческая роль катаровъ. Карлъ Шмидтъ, говоря о средствахъ, употребленныхъ Иннокентіемъ для доставленія торжества „началу внѣшняго единства католической церкви“, прибавляетъ ⁶⁾: „Онъ не достигъ этого торжества, такъ какъ крестовый походъ не истребилъ еретиковъ: но онъ достигъ уничтоженія самостоятельности южныхъ провинцій Франціи и надолго разрушенія ихъ благоденствія и ихъ блестящей цивилизаціи“. Оно не совсѣмъ такъ. Вопросъ шелъ совсѣмъ не о томъ, останется-ли въ Европѣ тысяча-другая еретиковъ, проповѣдующихъ дуализмъ. Противъ разрозненныхъ лицъ или даже общинъ у католицизма всегда было-бы довольно силы. Подобнаго сопротивленія Иннокентію опасаться было нечего и онъ могъ спокойно предоставить своимъ наслѣдникамъ давить ересь, гдѣ она проявится. Катаризмъ въ XIII вѣкѣ былъ дѣйствительно опасною для католицизма силою, именно потому, что онъ опирался на самостоятельную національность и на вліятельную цивилизацію, слѣдовательно, имѣлъ возможность играть историческую роль, которая могла совершенно измѣнить общественныя формы Европы. Если-бы борьба началась вѣкомъ позже или если-бы даже личности Раймунда VI тулузскаго и Педро аррагонскаго представляли болѣе энергіи, государственнаго пониманія и практической умѣлости, то нельзя вовсе ручаться, чтобы католицизмъ могъ оспорить у катаризма югъ Франціи, и даже нельзя сказать, удержалъ-ли бы сѣверъ ея свою централизующую силу и не повліяла-ли бы на исторію Европы Тулуза сильнѣе, чѣмъ Парижъ. Энергическая борьба, поднятая Иннокентіемъ противъ провансальской цивилизаціи, была однимъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ исторіи Европы, потому что сломала силу, которая могла направить эту исторію географически, этнографически и культурно совсѣмъ иначе. Только беззащитность въ употребленіи средствъ, самыхъ возмутительныхъ по своей жестокости, по своему лицемерію и по своей несправедливости, могла, при недостаткѣ въ рядахъ противниковъ энергіи, ума и мужества, доставить столь быстрое и полное торжество католицизму.

⁶⁾ Schmidt: «Histoire» I, 332.

Да, торжество его было полное. Катаризмъ сошелъ въ рядъ второстепенныхъ фактовъ исторіи. Онъ послужилъ поводомъ къ благодарнымъ заявленіямъ свободы мысли, къ энергическому отстаиванію своихъ убѣжденій со стороны преслѣдуемыхъ, къ изысканному развитію жестокости преслѣдователей, къ многочисленнымъ казнямъ. Онъ вошелъ, какъ эпизодъ, въ исторію доминиканцевъ; въ исторію расширенія власти королей Франціи и преобладанія сѣвера надъ югомъ, въ исторію оппозиціонной мысли, подготовлявшей движенія протестантизма въ XVI-мъ вѣкѣ; но онъ потерялъ навсегда возможность быть въ исторіи человечества самостоятельнымъ, руководящимъ началомъ. Иногда онъ снова вспыхивалъ болѣе ярко, казался приверженцамъ и врагамъ снова сильнымъ, но основы его силы были навсегда подорваны. Короли Франціи и инквизиція совершили исправно, подъ руководствомъ папъ, дальнѣйшее дѣло. Къ концу XIV-го вѣка провансальская цивилизація на югѣ Франціи почти исчезла, уступивъ мѣсто господству сѣверо-французскаго племени. Еще ранѣе, въ половинѣ XIII-го вѣка, катаризмъ не существовалъ уже въ сѣверной Франціи. Въ 1403 г. катары упоминаются въ послѣдній разъ на западѣ Европы.

Сильная организація католицизма и рѣшимость его главъ въ XIII и XIV-мъ вѣкахъ употребить все средства для уничтоженія ереси, увѣнчались успѣхомъ. Оппозиція противъ злоупотребленій католическаго культа и чувство человеческой справедливости были недостаточно развиты въ европейскомъ обществѣ, чтобы оно могло сбросить вѣковыя привычки повиновенія, и отказаться отъ постыдной роли истребленія цѣлой цивилизаціи. Хищничество сѣверныхъ бароновъ Франціи воспользовалось событіями для разграбленія юга; хищничество собирателей французской земли воспользовалось тѣмъ-же для округленія своихъ владѣній. Борьба катаризма началась слишкомъ рано. Довольно многочисленные и вліятельные, чтобы привлечь вниманіе, любовь однихъ и ненависть другихъ, еретики были еще не довольно сильны и не довольно хорошо организованы, чтобы выдержать борьбу. У нихъ не оказалось достаточно энергическихъ предводителей на югѣ Франціи. Цивилизація-же Италіи опиралась на слишкомъ инныя начала, чтобы тамъ борьбу можно было считать серьезною.

По организаціи страны, тамъ легко было проявляться всѣмъ стремленіямъ, но борьба мелкихъ центровъ не позволяла Италіи никакого опредѣляющаго дѣйствія на другія страны въ сферѣ практической жизни. Какъ только провансальская цивилизація пала, катаризмъ для Италіи сталъ лишь однимъ изъ эпизодовъ ея разнообразной жизни и исчезъ безъ особенныхъ потрясеній, такъ какъ не представлялъ никакой самостоятельной силы. Въ другихъ странахъ Европы катаризмъ развился въ началѣ XIII-го вѣка лишь въ отдаленныхъ, разрозненныхъ мѣстностяхъ и имѣлъ еще противъ себя формальныя привычки массъ. Мало-по-малу эти привычки оказали свое дѣйствіе, и однообразный уровень католическаго культа и католическихъ формулъ потопилъ случайныя проявленія энергической оппозиціи. Все, что осталось въ исторіи Европы отъ катаризма,—это подготовительная, такъ сказать, техническая работа для реформаціоннаго движенія Германіи.

Можетъ быть, не лишень важности вопросъ о томъ, должно-ли смотрѣть на гибель катаризма, какъ на помѣху прогрессивному развитію человѣчества? Заключало-ли это ученіе въ себѣ такіе элементы, которые общали Европѣ новыя и болѣе человѣчныя формы жизни и мысли, чѣмъ тѣ, которыя установились господствующимъ міросозерцаніемъ?—Вопросы эти должны быть, конечно, совершенно отдѣлены отъ другихъ относительно преимуществъ, которое могло общать развитію Европы преобладаніе южно-французской цивилизаціи надъ сѣверо-французскою, которая восторжествовала вслѣдствіе данныхъ событій исторіи. Последніе вопросы рѣшить едва-ли возможно, не вдаваясь на столько въ міръ гипотезъ, что рѣшенія потеряютъ всякое научное значеніе. Что касается до первыхъ, то они проще и, какъ кажется, допускаютъ категорическій отвѣтъ.

Если благо человѣчества заключается въ свободномъ развитіи всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ личности, если прогрессъ человѣчества заключается въ развитіи и расширеніи научнаго пониманія міра и жизни, и въ воплощеніи въ общественный строй уваженія къ личности и справедливости въ междулическихъ отношеніяхъ, то катаризмъ не былъ прогрессивнымъ движеніемъ въ человѣчествѣ. Онъ представлялъ столь-же безусловное поклоненіе мистическимъ и неопредѣленнымъ представленіямъ, какъ и тео-

рія его противниковъ; критика и свобода мысли въ немъ столь-же мало имѣли мѣста, какъ и въ католическомъ лагерѣ. Конечно, пока катаризмъ былъ гонимъ, онъ проповѣдывалъ вѣротерпимость и право человѣка вѣрить сообразно своей совѣсти. Но это всегда бывало и бываетъ во всѣхъ гонимыхъ сектахъ, въ I вѣкѣ такъ-же, какъ и въ XIX. Истинная вѣротерпимость и уваженіе къ свободѣ совѣсти познаться не въ періоды гоненія, а въ періоды торжества вѣрованій. Но религія катаровъ, въ своемъ метафизическомъ строѣ, не даетъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы, по самой своей сущности, она общала болѣе свободы критикѣ, чѣмъ какая-либо другая изъ сектъ, недопускающихъ независимаго и самостоятельнаго сужденія.

Практическій-же строй катаризма заключалъ въ себѣ все то, что составляло существенное зло въ строѣ его противниковъ. Тотъ-же односторонній идеалъ, который стоялъ предъ вождями католицизма, пытались осуществить и *совершенные*. То-же раздѣленіе между духовными и мірянами, которое вызвало такіа жестокія нападки на католицизмъ, существовало и въ отдѣленіи *совершенныхъ* отъ *вѣрующихъ*. Конечно, катары жили вѣрнѣе своему идеалу и мы не слышимъ о злоупотребленіяхъ, ими совершенныхъ, такъ и должно было быть, потому что такъ всегда бывало въ гонимой сектѣ, куда идутъ не по рутинѣ, не изъ мірскихъ благъ и по убѣжденію и съ твердою рѣшимостью отстаивать свои вѣрованія цѣною жизни. И здѣсь для вѣрованій опасно не время гоненія, а время торжества. Чѣмъ сдѣлались-бы *совершенные* вѣка черезъ два неоспоримаго господства катаризма? Сохранили-ли бы они ту простоту жизни, которая внушала къ нимъ такое уваженіе въ XII и XIII вѣкахъ? На это отвѣтить положительно, конечно, нельзя, но въ требованіяхъ своего замкнутого положенія, въ жизни на счетъ вѣрующихъ, въ сознаніи, что они одни составляютъ церковь катаризма, скрывались всѣ условія самыхъ жестокихъ злоупотребленій *совершенныхъ* и ни одного условія для развитія цѣльной человѣческой личности, человѣческой дѣятельности и равноправности людей. Въ сущности катаризмъ не приносилъ человѣчеству ничего новаго. Строй мысли и практическій идеалъ катаровъ были тѣ-же самые, которые находимъ во всемъ средневѣковомъ обществѣ. Новы были лишь внѣшнія формы.

Но старая сущность, входящая подъ новыми формами въ исто-

рiю человѣчества, не есть явленiе прогрессивное. Новизна формъ и большая нравственная высота личностей, ихъ проповѣдующихъ, не дозволяютъ массѣ замѣтить, что ей представляютъ прежнюю сущность, всѣ недостатки которой она не только замѣтила, но и вытерпѣла. Общественное неудовольствiе, накопившееся вѣками и долженствующее вести къ основному измѣненiю строя мысли и жизни, ослабѣваетъ, удовлетворяется временно измѣненiемъ формъ, и общество успокаивается на этихъ формахъ, чтобы чрезъ нѣсколько времени замѣтить, какъ онѣ мало существенны. Поэтому торжество ереси, неизмѣняющей ни строя мысли, ни практическаго идеала, есть задержка въ развитiи идеала, а не успѣхъ его. Если бы катаризмъ восторжествовалъ, то скорѣе можно было-бы ожидать остановки въ европейской мысли, чѣмъ ея быстрѣйшаго движенiя. Примеромъ тому можетъ служить исторiя XVI вѣка.

Катаризмъ былъ прогрессивнымъ лишь въ томъ отношенiи, что онъ былъ проявленiемъ оппозици иерархическому строю католицизма, но рядомъ съ этой отрицательной стороной онъ не давалъ ничего положительнаго. Положительная сторона была не въ немъ. Она была въ развивающихся университетахъ съ ихъ бродячимъ населенiемъ въ десятки тысячъ слушателей; она была въ сатирическихъ пѣсняхъ галiардовъ, сочинителей фаблю, составителей Лиса; она была въ сочувствiи къ человѣку даже при его слабостяхъ, въ уваженiи къ наукѣ даже въ ея схоластическихъ пустякахъ; она была въ томъ невольномъ отвращенiи, которое чувствовали и вѣрующiе при ауто-да-фе инквизици, въ томъ сочувствiи къ людямъ, гибнущимъ за убѣжденiя, которое не могли не возбудить катары-мученики. Своею гибелью катаризмъ несравненно болѣе содѣйствовалъ прогрессу человѣчества, чѣмъ когда-либо могло содѣйствовать тому его торжество.

Такимъ образомъ, самая энергическая секта противниковъ католицизма въ XIII вѣкѣ не можетъ быть помѣщена въ числѣ предвѣстниковъ новой Европы. Она принадлежала къ многочисленнымъ попыткамъ воплотить въ общественныя вѣрованiя и въ общественный строй тѣ-же начала, которыя породили ортодоксальныя секты, но съ нѣсколько измѣненными формами. Какъ *заявленный* врагъ средневѣковаго порядка вещей, катаризмъ давалъ слишкомъ мало.

Но не лишено значенія то обстоятельство, что въ самой средѣ католицизма, въ его самыхъ уважаемыхъ проповѣдникахъ мы встрѣчаемъ проявленіе тѣхъ самыхъ оппозиціонныхъ началъ, которыя одушевляли катаровъ. Изъ всѣхъ отношеній мысли къ католическому преданію, мистицизмъ былъ, повидимому, самымъ ортодоксальнымъ ученіемъ. Изъ всѣхъ защитниковъ католицизма въ XIII и XIV вѣкахъ нищенствующіе ордена казались самыми надежными. То, чѣмъ были въ предыдущемъ періодѣ монахи Клуни, то, чѣмъ въ будущемъ должны были сдѣлаться для папства іезуиты, тѣмъ были въ это время францисканцы и доминиканцы. Между тѣмъ изъ среды мистики вышла въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка ересь *отчнаго евангелія*, долженствовавшая, по мнѣнію вѣровавшихъ сектаторовъ, замѣнить евангеліе Христа; — ересь, въ основѣ которой лежала мысль, что религія не есть истина, разъ навсегда установленная, но что, сообразно времени, человѣчеству нужны *новыя* откровенія, новыя вѣрованія. Это ученіе связывало монтианизмъ Тертульяна съ воспитаніемъ рода человеческого Лессинга. Подобно катарамъ, оно стремилось къ усиленному аскетизму, къ обновленію церкви, вооружалось противъ іерархіи католическаго духовенства, видѣло въ Духѣ Святомъ главу истинной церкви. Это ученіе, рожденное въ головѣ уединеннаго мистика, породило опасныя ереси внутри церкви почти вслѣдъ за своимъ появленіемъ, но самыми энергическими проповѣдниками его чрезъ небольшой періодъ времени явились именно надежнѣйшія опоры католицизма — францисканцы.

НОЧНОЙ ПОКРОВЪ.

(Изъ Корнузля).

Мракомъ покрыла нѣ ночь непроглядная,
Тѣни сдвигаются... гдѣ онѣ, мать...
Давятъ меня, словно кляма желѣзная,
Мнѣ не даютъ задремать.³⁶

Сердце отъ холода замерло, матушка...
Руку мнѣ дай! обними свою дочь!
Мозгъ наболѣлъ... я отъ страха измаялась,
Глазъ не сомкнула всю ночь.

Мать! отыщи ты мнѣ ложе прохладное, —
Тамъ обрѣту я желанный покой;
Сдѣлай постель мнѣ изъ снѣга пушистаго,
Дерномъ зеленымъ прикрой.

Встрѣчу весну я подъ тѣнью раскидистой,
Въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ;
Тамъ, гдѣ слѣда человѣкъ не прокладывалъ,
Гдѣ не топталъ онъ цвѣтовъ.

Нѣтъ тамъ растлѣнныхъ развратомъ любовниковъ
И поруганья надъ чувствомъ святымъ;
Жизнь разцвѣтаетъ тамъ, какъ лѣто роскошное
И улетитъ вмѣстѣ съ нимъ.

О. Охтенская.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕПОДКРАШЕННАЯ СТАРИНА.

1) Некрасовъ и Станицкій: Три страны свѣта; ром. въ 8 частяхъ; изд. 3-е, 1872 г.

2) Тургеневъ: Послѣдніе Повѣсти и Разказы. (Вѣстникъ Европы—1870—72 г.)

(Статья первая.)

...«Первые будутъ послѣдними»!..

Современная русская беллетристика, съ нѣкотораго времени, служить козломъ очищенія на непорочномъ жертвенникѣ нашей журнальной критики. Нѣтъ такого литературнаго лиллипута, который-бы не считалъ своей священной обязанностію бросить въ нее своимъ осужденіемъ и рѣзкимъ приговоромъ. Со всѣхъ сторонъ сыпятся на нее обвиненія въ безцвѣтности и въ полнѣйшемъ отсутствіи художественнаго элемента. Говоря откровенно, даже въ обвиненіяхъ лиллипутовъ есть своя доля правды, и я вовсе не думаю принимать на себя защиту осуждаемой. Но когда суровые обличители современной беллетристики, обличая ея несомнѣнные недостатки, дѣлаютъ въ то-же время умильные глазки беллетристу 40-хъ и конца 50-хъ годовъ, когда они унижаютъ первую для того, чтобы возвеличить вторую, когда они тычутъ намъ въ глаза художественными авторитетами „временъ Бѣлинскаго“—то, уже извините, при всемъ моемъ предубѣжденіи къ оптимизму, я готовъ сдѣлаться въ этомъ случаѣ оптимистомъ, я готовъ воскликнуть: „нѣтъ, то, что *есть*, все-же гораздо лучше того, что *было*“! „Яркость“ и „художественность“ беллетристики прошлыхъ десятилѣтій,—это, мнѣ кажется, одно изъ самыхъ нелѣпыхъ и неосновательныхъ мнѣній: и „старые“ беллетристы были такими-же плохими «Дѣло», № 11.

художниками, какъ и новыя, они отличались тѣми-же недостатками, которыми отличаются и „новѣйшіе“; такъ называемая „художественность“ отсутствуетъ въ произведеніяхъ первыхъ столько-же, сколько и въ произведеніяхъ вторыхъ, если не больше. „Какъ! воскликнуть защитники старыхъ авторитетовъ, — какъ, а гг. Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, — развѣ это не художники! Развѣ это не „художественные перлы и алмазы“ беллетристики сороковыхъ годовъ! Найдите-ка что-либо подобное имъ въ вашей современной беллетристикѣ!“ Ну, гг. Тургеневъ, Писемскій и Гончаровъ пишутъ и теперь, — отчего-же, однако, ихъ „современныхъ произведеній“ никто не находитъ „художественными перлами и алмазами“? Отчего въ своихъ „Взбаломученномъ морѣ“, „Отцахъ и дѣтяхъ“ и въ „Обрывѣ“ они такъ близко подходятъ къ новѣйшимъ сочинителямъ романтическихъ сплетней, въ родѣ гг. Лѣсковыхъ и Ключниковыхъ, что становится труднымъ опредѣлить, гдѣ кончается „старѣйшій“ беллетристъ и гдѣ начинается „новѣйшій“. Я знаю тѣ „смягчающія обстоятельства“, которыя приводятся обыкновенно въ пользу старыхъ беллетристовъ; ихъ фіаско объясняется недостаточностью ихъ умственного развитія, общимъ складомъ ихъ міросозерцанія, помѣшавшимъ имъ понять и оцѣнить современное поколѣніе и современные потребности нашей жизни. Но, мнѣ кажется, это объясненіе нельзя считать вполне удовлетворительнымъ; къ тому-же, мнѣ кажется, что оно рѣшительно противурѣчитъ основнымъ догматамъ тѣхъ самыхъ эстетиковъ, которые сдѣлали изъ гг. Тургенева Писемскаго и Гончарова художественные авторитеты. Съ точки зрѣнія этихъ догматовъ признано, что на произведеніи истиннаго художника не можетъ имѣть существеннаго вліянія его теоретическое міросозерцаніе; что оно только направляетъ его художественную дѣятельность на тѣ или другія стороны жизни, что оно лишь ограничиваетъ извѣстнымъ образомъ кругъ доступныхъ ему предметовъ; но что самая *художественность* изображенія этихъ предметовъ — не зависитъ отъ того, либераль авторъ или консерваторъ, идетъ онъ въ уровень съ прогрессомъ своего времени или отсталъ отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите, на примѣръ, хоть Антони Тролопа. Это несомнѣнный консерваторъ, напыщенный тори, человекъ вполне отсталый во всѣхъ отношеніяхъ, — однако, никто не станетъ утверждать, что собственно *художественная сторона* его произведеній страдаетъ отъ его консервативной отсталости. Изображаемые имъ характеры всегда производятъ на васъ впечатлѣніе характеровъ живыхъ людей, а не ходячихъ маріонетокъ, съ разными прищипленными къ нимъ ярлыками

и аттестатами. А Тролопъ не Богъ знаетъ еще какой художникъ! Никто не поставитъ его на одну доску съ Диккенсомъ или Теккереемъ. Почему-же онъ никогда не писалъ и не напишетъ ничего подобнаго „Взбаломученному морю“, „Отцамъ и дѣтямъ“ и т. п? Почему онъ, отставая отъ своего времени, не перестаетъ быть художникомъ? ¹⁾ Говорятъ, что художественность старыхъ авторитетовъ стала теперь *выдыхаться* (не я сочинилъ это слово; я беру его дѣликомъ изъ одной либеральной рецензіи, написанной по поводу одного изъ послѣднихъ рассказовъ г. Тургенева). Выдыхаться! но отчего-же это только у однихъ насъ *выдыхаются* художники? Почему въ Англіи романы Диккенса и Теккерея, во Франціи романы Сю, Бальзака и Жоржъ-Занда, — романы, написанные лѣтъ 30-ть, 40-къ тому назадъ, читаются и продолжаютъ интересовать публику; а мы считаемъ устарѣлыми и не станемъ перечитывать ни „Дворянскаго гнѣзда“, ни „Записокъ Охотника“, ни „Тысячи Душъ“, ни „Обыкновенной исторіи“ и т. п. Почему, однимъ словомъ, произведенія нашихъ беллетристическихъ авторитетовъ всегда такъ тѣсно связаны съ породившимъ ихъ *историческимъ моментомъ*, что чуть только прошелъ этотъ моментъ, мы сейчасъ-же и забываемъ ихъ? Неужели нашъ общественный прогрессъ такъ быстръ, что жизнь нашихъ отцовъ и даже нашихъ старшихъ братьевъ не представляетъ уже никакихъ общихъ интересовъ, никакихъ точекъ соприкосновенія съ нашею собственною жизнью? Очевидно, подобное объясненіе немислимо, потому что въ два, три десятилѣтія люди еще никогда не перерождались, да и трудно до такой степени переродиться, чтобы утратить всякую связь съ людьми непосредственно-предшествующихъ эпохъ. Отчего-же всѣ эти Лаврецкіе, Рудины, Калиновичи, Адуевы, Обломовы, переставъ быть современными, перестали быть и интересными? Могло-ли-бы это съ ними случиться, если-бы они были изображены съ художественною правдивостью, если-бы они и теперь продолжали производить на насъ впечатлѣніе живыхъ людей, а не мертвыхъ образовъ? Я думаю, что тогда-бы этого не случилось. Донъ-Кихоть — давно отжившій типъ, но мы увлекаемся имъ и теперь. Дѣйствующія лица

---

¹⁾ Я взялъ примѣръ изъ англійской литературы, но подобныхъ примѣровъ можно-бы было много найти и въ нѣмецкой и во французской литературѣ. Ну, возьмемъ хоть Гюго. Всѣмъ извѣстно, какъ часто мѣнялъ этотъ великій чело-вѣкъ свои общественныя и политическія воззрѣнія; но развѣ отъ этого измѣнялась *степень художественности* рисуемыхъ имъ характеровъ?

шекспировских трагедій вѣрятъ въ вѣдьмъ и колдуновъ, и мы все-таки интересуемся ими. Члены Пиквикскаго клуба едва-ли мыслимы въ современной Англии, а мы не перестаемъ, однако, зачитываться гениальнымъ произведеніемъ великаго романиста. Въ „Notre Dame de Paris“ и въ „L'homme qui rit“, передъ нами раскрываются запленные архивы поросшей мхомъ древности, но мы не отсылаемъ ихъ подъ столъ, мы не смотримъ на ихъ героевъ, какъ на нѣкоторые историческіе пергаменты, мы видимъ въ нихъ живыхъ людей, мы переносимся въ ихъ обстановку, мы входимъ въ ихъ интересы, мы дѣлаемъ эти интересы своими собственными интересами; намъ кажется, будто эти люди и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ.

Почему-же насъ интересуютъ люди давно отжившихъ поколѣвій, и не интересуютъ люди, современные нашимъ отцамъ, много, много что дѣдамъ? Какъ хотите, а тутъ что-нибудь да неладно. Или наши „художественные перлы“ совсѣмъ не перлы, и если произведенія этихъ „перловъ“ заинтересовывали одно время публику, то причину этого нужно искать совсѣмъ не въ ихъ *художественности*, а просто въ ихъ современности, — или-же... или-же наша публика не любитъ своего, всего національнаго, всего русскаго. Но не правдоподобнѣе-ли усумниться скорѣе въ художественномъ авторитетѣ нашихъ „перловъ“, чѣмъ въ патріотизмѣ всего „народа русскаго“?

Временное, мимолетное, чисто-историческое значеніе беллетристическихъ произведеній даже самыхъ талантливыхъ нашихъ романистовъ ясно показываетъ, что ихъ слишкомъ скоро-преходящая популярность обуславливалась совсѣмъ не ихъ художественными достоинствами. Она просто зависѣла отъ тѣхъ мимолетныхъ интересовъ, съ которыми она такъ или иначе была связана. Перемѣнились интересы, — забыты и произведенія. Мнѣ, пожалуй, скажутъ, что это одинаково справедливо относительно всѣхъ продуктовъ человѣческаго ума, что каковы-бы ни были ихъ внутренніи достоинства, но разъ миновались вызвавшіе ихъ интересы, исчезаетъ и ихъ цѣнность. Конечно, это правда. Но дѣло въ томъ, что интересы — интересамъ рознь. Есть интересы такіе мелкіе и ничтожные, что они мѣняются каждый годъ, каждое десятилѣтіе, и есть интересы, съ одинаковою силою волнующіе человечество втеченіи многихъ и многихъ вѣковъ, интересы нестарѣющіе, вѣчно обновляющіеся... Истинно-художественное произведеніе, по самому существу своему, всегда опирается на эти послѣдніе интересы, на

интересы, касающіеся *человѣка вообще*, а не *человѣка, одѣтаго въ такое-то именно платье, въ такой-то мундиръ, служащаго въ такомъ-то департаментѣ*. Напротивъ, тѣ псевдо-художественныя творенія, которыя сегодня читаются съ восторгомъ, а завтра отъ скуки бросаются подъ столъ—эти творенія всегда исключительно связываются не съ обще-человѣческими интересами, а съ интересами такого-то лица или кружка, такой-то должности, такого-то чина. Измѣнился кружокъ, упразднена должность, переименованъ чинъ,—и старыя интересы забыты; забыты и тѣ, которые ихъ воспѣвали. Я знаю, что, говоря это, я реставрирую азбучную истину. Но мнѣ кажется, что именно эта азбучная истина и можетъ объяснить ту мимолетную популярность, которою пользовались творенія „старыхъ авторитетовъ“. Они отвѣчали *интересу минуты*, но дальше этого они не шли; минута прошла, а съ нею прошла и ихъ эфемерная слава. Та-же участь постигнетъ, безъ сомнѣнія, и современныхъ беллетристовъ, но это все-таки не даетъ права „старѣйшимъ“ поднимать носъ передъ „новѣйшими“. Если-бы возможно было искусственнымъ образомъ выдѣлать изъ произведеній нашей „старой“ и „новой“ беллетристики тѣ, такъ сказать, чисто-публицистическіе интересы, которые связывали или связываютъ ихъ съ живою дѣйствительностью, которые даютъ имъ цвѣтъ и теплоту, которые одухотворяютъ ихъ, то мы получили-бы мертвые остовы, одинаково непривлекательные, одинаково безобразные. Нѣтъ, я даже думаю или, лучше сказать, я увѣренъ, что „остовы“ новой беллетристики оказались-бы несравненно лучше и чище отдѣланными, чѣмъ „остовы“ старой. Мнѣ скажутъ, что мое мнѣніе ни на чемъ не основано, что оно рѣшительно противурѣчитъ „установившимся“ и „общепринятымъ“ взглядамъ; мало того, оно противурѣчитъ несомнѣнному и конкретному факту. А фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что популярность, которою пользовались „старые“ авторитеты, никогда не выпадала на долю „новыхъ“, и что даже ни одному изъ новѣйшихъ беллетристовъ не удалось сдѣлаться общепризнаннымъ авторитетомъ. Однако, этотъ фактъ ни мало не смущаетъ меня: когда потребности и интересы минуты можно выражать не иначе, какъ въ туманной и иносказательной формѣ *беллетристическихъ притчъ*, то понятно, что вниманіе публики исключительно сосредоточится на этихъ притчахъ, и что притчи, каково-бы ни было ихъ внутреннее достоинство, будутъ пользоваться преимущественною популярностью. Чуть кому удастся хоть сколько-нибудь толково выска-

затѣ въ притчѣ то, что всѣхъ занимаетъ, намекнуть на то, на что каждый киваетъ, а прямо указать не можетъ,—вотъ онъ и «авторитетъ», его притча читается, перечитывается, ею восхищаются, въ ней открываютъ какія-то неизъяснимыя прелести, ее возводятъ въ „перль созданія“. А отнимите отъ этой притчи ее *интересное сказаніе*, посмотрите на нее не какъ на притчу, а какъ на *художественное произведеніе*, и вы съ удивленіемъ спросите себя: „да что-же тутъ хорошаго? какъ могла такая ничтожная мысль расстрогать читателя? какой-же это «перль»,—это просто булыжникъ.“

Но сила иллюзіи велика: репутація, разъ созданная подъ ея вліяніемъ, упорно держится и переживаетъ самый предметъ. Съ „перломъ“ давно уже обращаются, какъ съ булыжникомъ, а все-таки его называютъ еще по старой памяти *перломъ*. Въ наше время притча уже не имѣетъ прежняго значенія; интересы, занимающіе въ данный моментъ публику, могутъ находить свое выраженіе въ иной, болѣе прямой формѣ... Потому наша современная беллетристика, за отсутствіемъ въ ней, какъ и въ беллетристикѣ прошлыхъ лѣтъ, всякихъ художественныхъ достоинствъ, не можетъ привлекать къ себѣ ни того всеобщаго вниманія, ни пользоваться тѣмъ авторитетомъ, о которыхъ говорятъ присяжные защитники стараго хлама. Вотъ, мнѣ кажется, совершенно правдоподобное объясненіе той популярности, которою въ свое время пользовались „старые авторитеты“, того ореола (въ наши дни, правда, значительно потускнѣвшаго), которымъ преданіе и до сихъ поръ окружаетъ ихъ посѣдѣвшія головы. Однако, мнѣ справедливо могутъ замѣтить, что всѣ подобныя соображенія имѣютъ лишь значеніе отрицательныхъ доказательствъ—однихъ ихъ, очевидно, недостаточно; нужны доказательства положительныя. А гдѣ ихъ взять?

II.

Объ этомъ позаботились сами писатели „прошлыхъ лѣтъ“. Я сказалъ уже, что для прямого доказательства нужно *искусственно* отдѣлить отъ произведеній старой беллетристики все тѣ *живыя нити*, которыя связывали ихъ съ окружавшею ее современностью. Самой критикѣ было-бы довольно затруднительно, если даже не невозможно, произвести эту щекотливую операцію. Чего добраго, ее сейчасъ-бы

обвинили въ подлогѣ и злонамѣренности. Но на наше счастье какой-то спиритъ убѣдилъ „убѣленную сѣдинами“ старину пристроиться съ своимъ забытымъ хламомъ къ современной литературѣ. Правда, старина сперва подкрасилась румянами изъ косметическаго магазина Лѣскова и К^о, дѣло вышло, однако, дрянъ. Нарумяненную „дѣву“ (т. е. якобы дѣву) сейчасъ-же узнали и осмѣяли. Она, однако, ни мало этимъ не обезкуражилась. „А, вы думаете, что я и въ самомъ дѣлѣ румянюсь румянами г. Лѣскова и К^о; нѣтъ,—я и безъ румянъ еще не дурна! Вотъ посмотрите!“ И, въ самомъ дѣлѣ, глубоко вѣруя въ свою красоту, почтенная старость выставила все свое богатство на литературный рынокъ. Гг. Лажечниковъ и Кукольникъ поползли въ редакцію г. Хана, г. Писемскій погналъ своихъ „Людей сороковыхъ годовъ“ въ стойло г. Кашпирева, г. Тургеневъ, пропѣвъ себѣ „Довольно“, поллелся, однако, къ г. Стасюлевичу и сталъ осыпать публику своими „художественными перлами“; разныя „темныя личности“, выросшія на старомъ болотѣ и въ 50-хъ годахъ читавшіяся „не безъ удовольствія“, въ родѣ Ольги Н. и Крестовскаго (псевдонима), и онѣ тоже присоединили свой дѣтскій пискъ къ общему концерту старыхъ запѣвалъ. Началась литературная реставрація. Зачѣмъ? для чего? Неужели только для того, чтобъ доказать, что „почтенная старость“ можетъ обойтись и безъ румянъ? Не знаю, можетъ быть.

Говорять, впрочемъ, будто литература есть всегда лишь простое отраженіе жизни, говорятъ, будто жизнь устами „Гражданина“ требуетъ какихъ-то „точекъ“, будто требованіе это оказалось, по справкѣ, нѣсколько запоздавшимъ... Все это, однако, не имѣетъ для насъ въ настоящую минуту особаго значенія. Потому или по другому, такъ или иначе, но несомнѣнно, что реставрація совершилась и что она вполне соотвѣтствуетъ „духу современности“. Опять-таки и для этого у насъ имѣется подъ руками безспорное доказательство. Г. Звонаревъ знаетъ этотъ „духъ“ наилучшимъ образомъ. Кому-жъ и знать, какъ не ему? И чтоже? Онъ откапываетъ изъ архивовъ своего магазина забытый всѣми романъ гг. Некрасова и Станицваго и приподноситъ его *третьимъ изданіемъ* почтеннѣйшей публикѣ. Вслѣдъ за этимъ, какъ слышно, онъ приготовляетъ новое изданіе „Ивана Выжигина“ и „Коломенской розы“. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній романъ будетъ имѣть огромный успѣхъ: онъ имѣетъ рѣшительное преимущество и передъ „И. Выжигинимъ“, и передъ „Тремя странами свѣта“: онъ гораздо короче ихъ, всего-то, кажется, въ двухъ частяхъ. Некрасовъ-же вкупѣ съ Станицкимъ растянули

свои „Три страны“ на цѣлыхъ 8 частей или книгъ. Вотъвамъ при самомъ началѣ вы уже наталкиваетесь на сравненіе „новой беллетристики“ „съ старою“, весьма выгодное для первой. Въ новой беллетристикѣ самымъ *длиннымъ* романистомъ считается, и не безъ основанія, г. Боборыкинъ. Но и *самъ* г. Боборыкинъ нивогда еще, кажется, не покушался идти далѣе *шести* книгъ. Вы, пожалуй, скажете, что это совѣмъ не прогрессъ, а напротивъ, регрессъ. Да, правда, цифра регрессируетъ, число частей уменьшается, но развѣ, пропорціонально этому уменьшенію, не увеличивается удовольствіе читателей?

Итакъ гг. Тургеневъ и Некрасовъ и ихъ издатели—все это люди весьма компетентные по части „духа времени“—единогласно свидѣтельствуютъ, что теперь реставрація „неподкрашенной старины“ вполне соотвѣтствуетъ этому „духу“. Но зачѣмъ-же, однако, гг. Тургеневъ и Некрасовъ сами себя бичуютъ, зачѣмъ тщатся они, при содѣйствіи гг. Звонарева и Стасюлевича, уподобиться извѣстной Гоголевской бабѣ въ „Ревизорѣ“? Что касается г. Тургенева, то это, впрочемъ, не особенно удивительно; онъ еще и раньше съ большимъ апломбомъ фигурировалъ въ этой роли (вспомните его самооплеваніе по поводу Базарова); но г. Некрасовъ,—Некрасовъ, такой деликатный и щепетильный насчетъ своей литературной репутаціи,—Некрасовъ, такъ тщательно изгоняющій изъ изданій своихъ сочиненій всѣ дѣтскія ошибки и старческіе промахи не всегда трезвой музы,—г. Некрасовъ реставрируетъ „Три страны свѣта“! Мы никогда не повѣрили-бы этому, если-бы не имѣли подъ рукою факта. «Три страны свѣта» лежатъ передъ нами, и не явись онѣ третьимъ изданіемъ, могли-ли бы мы насладиться зрѣлищемъ „неподкрашенной старины“?

Но позвольте, — скажутъ мнѣ, — зачѣмъ-же вы берете г. Некрасова, какъ одного изъ представителей этой старины? Тургеневъ,—ну, это такъ; а Некрасовъ,—помилуйте, да кто-же его когда нибудь считалъ за выдающагося романиста „старой беллетристики“?

Я и беру его не какъ выдающагося романиста, а какъ романиста зауряднаго, притомъ романиста, нелишеннаго литературнаго таланта и имѣвшаго въ свое время значительный успѣхъ, ¹⁾

¹⁾ Читатель долженъ принять къ свѣденію, что, говоря вездѣ о г. Некрасовѣ, какъ объ авторѣ „Трехъ странъ свѣта“, я подразумеваю тутъ-же и г. Станицкаго, и только ради краткости я употребляю одну фамилію вмѣсто двухъ.

что доказывается тремя изданіями „Трехъ странъ свѣта“. Кромѣ того, этотъ романъ можетъ служить однимъ изъ *лучшихъ* представителей цѣлаго цикла романовъ „старой беллетристики“. Объ общемъ характерѣ этого цикла я скажу ниже; теперь-же достаточно будетъ упомянуть, что онъ составляетъ прямую противоположность другому циклу, представителемъ котораго, съ полнымъ правомъ, можетъ быть названъ г. Тургеневъ. Такимъ образомъ, мы рассмотримъ „неподкрашенную старину“ въ двухъ ея главнѣйшихъ, хотя и весьма различныхъ проявленіяхъ. Правда, въ романѣ г. Некрасова она не совсѣмъ не подкрашена (какъ въ послѣднихъ повѣстяхъ г. Тургенева); въ ней осталось еще нѣсколько жлоковъ, связывавшихъ ее съ окружавшею ее современностью; но жлоковъ этихъ такъ мало и онѣ такъ тонки, что ихъ и разсмотрѣть-то трудно; при томъ-же разъ онѣ открыты, ихъ очень легко и удобно выбросить вонъ. Въ наше время, когда и проч., онѣ уже не могутъ имѣть ни въ чьихъ глазахъ никакого значенія, и ни въ комъ не возбуждаютъ ни малѣйшей иллюзіи.

III.

Что-же это такія за жилки? Или, говоря проще, чему былъ обязанъ *въ свое время* успѣхъ этого давно забытаго романа?

Мнѣ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ весьма не трудно, если вспомнить, *каково было* это время. Объ этомъ *до-реформенномъ* времени теперь уже можно говорить съ нѣкоторою отчетливостью. Одинъ этотъ фактъ лучше всякихъ краснорѣчивыхъ описаній показываетъ, что мы отделились отъ него на весьма значительную дистанцію; а между тѣмъ, и „наше время“ никому не кажется особенно „новымъ“; каково-же должно было быть то время, когда и эта дистанція не была еще пройдена!

Выражаясь словами одного изъ героевъ одной изъ лучшихъ повѣстей г. Гл. Успенскаго,—это было время, когда „прижимка“ не только не думала „обмякнуть“, но, напротивъ, повсюду дѣйствовала съ полною силою и съ гордою самоувѣренностью; когда крѣпостное право считалось идеаломъ нашего благополучія, когда русскій человѣкъ, ежеминутно получая зуботычины, не осмѣливался даже спрашивать: а какой резонъ вы имѣете драться? потому что

зналъ напередъ, что вмѣсто отвѣта получить новую зуботычину. И это называлось въ то время жить по-человѣчески, любить ближняго, какъ самого себя...

Но чѣмъ тяжелѣе время, переживаемое обществомъ, тѣмъ большимъ оптимизмомъ проникается его литература, и въ особенности его беллетристика. Тутъ являются на сцену всевозможные богатыри, великіе или малые, смотря потому, на какой ступени общественнаго и умственнаго развитія стоитъ общество, какіе интересы его занимаютъ, въ какую сторону направлена его практическая дѣятельность. Въ нашей беллетристикѣ, особенно той, которая предназначалась для услажденія наименѣе интеллигентныхъ классовъ общества (а слѣдовательно, наименѣе счастливыхъ), герой романа всегда представлялся въ видѣ такого богатыря (такъ называемые *положительные герои*). Мизерень и ничтоженъ этотъ богатырь; одѣтъ онъ не въ панцырь и латы, а въ какой-нибудь напрокатъ взятый фракъ или потасканный старомодный плащъ, или просто въ длиннополый купеческій сюртукъ; не горы онъ сдвигаетъ, не змѣй-чудовищъ побѣждаетъ; нѣтъ. его богатырскіе подвиги состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, какъ-бы деньгу нажить, какъ-бы и зубы въ цѣлости сохранить. Однако, если вы вспомните, что повсемѣстная, самая безцеремонная «прижимка» характеризовала режимъ того времени, то вы поймете, какъ много нужно было труда и усилій, чтобы выйти изъ этой «прижимки» цѣлымъ. Въ сущности говоря, это было даже невозможно, это была просто утопія. Но чѣмъ идеальнѣе, чѣмъ невѣроятнѣе была эта утопія, тѣмъ умильнѣе и успокоительнѣе она дѣйствовала на людей того поколѣнія. Имъ пріятно было хоть помечтать о счастливыхъ, неиспытанныхъ крѣпостныхъ порядковъ. Уровень идеала, широта утопіи всегда служатъ мѣриломъ уровня общественнаго развитія, широты доступнаго людямъ счастья. Посмотрите же, каковъ былъ этотъ идеаль. какова была эта утопія:

Нѣкій юноша образованный, но бѣдный, способный и честный, но легкомысленный и слабохарактерный, влюбляется въ нѣкую «швейку», прекрасную и добродѣтельную, но тоже бѣдную. И «добродѣтельная швейка» и «образованный юноша», вкусивъ достаточное количество плодовъ отъ древа бѣдности, рѣшаются соединиться узами законнаго брака, но не иначе, какъ упрочивъ предварительно свое матеріальное положеніе. Задача при ихъ обстоятельствахъ довольно трудная; но она усложняется еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что и швейка, и юноша желаютъ и «капиталь» приобрести.

сти, и невинность соблюсти.“ Погоревавъ и поплакавъ, они, наконецъ, придумываютъ слѣдующую комбинацію: швейка остается въ Петербургѣ и на одну себя беретъ исключительную обязанность „сохранить невинность“, не думая о приобрѣтеніи капитала; юноша-же отправляется рыскать по свѣту и беретъ на себя исключительную обязанность приобрѣсти капиталъ, не думая о невинности. Какъ задумано, такъ и сдѣлано: „добродѣтельная швейка“ оберегаетъ въ Петербургѣ свою невинность, „образованный юноша“ въ Новой Землѣ и въ русской Америкѣ (тогда она, разумѣется, еще не была продана американцамъ) сколачиваетъ капиталъ. Затѣмъ онъ возвращается въ Петербургъ, и капиталъ соединяется съ невинностью. Такимъ образомъ, задача разрѣшается къ удовольствію читателей, никогда невидѣвшихъ въ практической жизни такого счастливаго сочетанія. Но читатель можетъ утѣшаться и не однимъ этимъ. Имъ, людямъ бѣднымъ, загнаннымъ, вдругъ говорятъ, что собственными усиліями можно добиться богатства, т. е. силы, что упорное стремленіе къ цѣли, въ концѣ концовъ, всегда приводитъ къ ея достиженію, какъ-бы ни были велики препятствія; имъ рассказываютъ о неисчерпаемыхъ запасахъ скрытой энергіи и предпріимчивости, таящихся въ ихъ собственной груди—въ груди русскаго человѣка. Развѣ это неутѣшительно? Правда, эта энергія добывается не болѣе, какъ 50-ти съ небольшимъ тысячъ, правда, эта предпріимчивость нейдетъ далѣе Новой Земли и Русской Америки, правда, „силы“, таящіяся, будто-бы, въ груди русскаго человѣка, ограничиваются лишь силою *пассивной выносливости*, но какъ-бы то ни было, а для людей бѣдныхъ, вѣчно унижаемыхъ и оскорбляемыхъ и такая сила, и такая энергія, и такая предпріимчивость должны были казаться чѣмъ-то возвышеннымъ, идеальнымъ. Вы скажете, читатель, что это *возвышенное* слишкомъ мелко, что это *идеальное* слишкомъ пошло, но какова жизнь, таковы и ея идеалы.

Романъ г. Некрасова, утѣшая разныхъ, уже невоображаемыхъ, а дѣйствительныхъ *Каютиныхъ*, *Граблиныхъ*, *Душиковыхъ*, *Полинскихъ* и т. п., возвышая въ ихъ собственныхъ глазахъ цѣнность того единственнаго богатства, которымъ они обладали—способности трудиться, въ то-же время, выражалъ, хотя и въ слабой, весьма неопредѣленной формѣ, протестъ противъ тогдашнихъ порядковъ. Протестъ былъ еще мизернѣе оптимистическихъ идеаловъ, онъ не шелъ далѣе весьма деликатнаго указанія на мрачныя стороны помѣщичьей власти и безсмысліе помѣщичьяго время-

препровоженія (см. въ I томѣ, главы *Свадьба*, *Деревенская скука*, во II-мъ—седьмую часть, стр. 243—320), на самодурство богачей, развращенныхъ крѣпостнымъ правомъ, въ родѣ Добротина, Кирпичева, на бѣдность и страданія „честныхъ труженниковъ“, въ родѣ Граблина, дяди Полинъки, матери ея, ея самой, Душникова и т. п. Теперь все это должно показаться и слишкомъ старымъ, и слишкомъ слабымъ. Но въ то время общее смутное недовольство и въ этихъ, единственно тогда возможныхъ, деликатныхъ указаніяхъ и блѣдныхъ намекахъ могло видѣть благородный протестъ. Ничего, что рядомъ съ злыми помѣщиками приводились примѣры помѣщиковъ добрыхъ, въ родѣ *Гульчанинова* и *Данкова*, рядомъ съ бѣдняками, вѣчно обиженными, выводятся бѣдняки счастливые и обогащающіеся—все это было лишь послѣдствіемъ неудачнаго сочетанія протеста съ оптимизмомъ. Оптимизмъ не только умиралъ, но даже извращалъ протестъ; преувеличивая значеніе личныхъ добродѣтелей человѣка, онъ тѣмъ самъ низводилъ почти къ нулю значеніе общихъ условій жизни...

Итакъ, слабый протестъ, разведенный на благодушномъ оптимизмѣ — вотъ, мнѣ кажется, та живая нитка, которая связывала романиста съ его читателями, вотъ что заставило ихъ раскупить два изданія „Трехъ странъ Свѣта“, что обезпечило этому роману его кратковременный успѣхъ. Въ наше время и авторскій протестъ, и авторскій оптимизмъ не имѣютъ ни малѣйшаго смысла, они уже не производятъ ни малѣйшей иллюзіи; *современность* романа исчезла и что-же осталось? Восемь частей безцвѣтныхъ, скучныхъ нравоученій о награжденной добродѣтели и наказанномъ пороѣ, — нравоученіе иллюстрированное, ради наглядности, бумажными арлекинами, долженствующими изображать живыхъ людей.

IV.

Романъ г. Некрасова принадлежитъ къ категоріи романовъ, бьющихъ исключительно на ви́шніе эффекты, на разликъ „страсти и ужаста“, отъ которыхъ у читателя, по мнѣнію романиста, волосы должны становиться дыбомъ. Въ прежнее время эта категорія романовъ, которую я противопоставляю категоріи романовъ, бьющихъ на психологическія тонкости, на детальную отдѣлку

индивидуальных характеров (объ этой послѣдней категоріи я буду говорить въ слѣдующей статьѣ, по поводу г. Тургенева)—эта категорія романовъ была въ большей модѣ. Отчасти причиною тому была неразвитость публики, для услажденія которой писались эти романы, и отчасти самыя ихъ цѣли и задачи. Ихъ цѣлью всегда было изобразить какого-нибудь положительнаго героя, какого-нибудь мизернаго „богатыря“, развить какую-нибудь оптимистическую идею (въ родѣ хоть такой, напримѣръ, что добродѣтель всегда награждается, а порокъ наказывается). Но будничная, прозаическая жизнь представляла слишкомъ неблагоприятную почву для развитія этой невинной темы. Ее требовалось предварительно переработать въ горнилѣ творческой фантазіи; только при фантастической обстановкѣ добродѣтель могла торжествовать и порокъ наказываться. Отсюда возникла необходимость уснащать романъ „неожиданными встрѣчами“, неправдоподобными „превращеніями“, эффектнымъ столкновеніями, чудодѣйственными „спасеніями“ и тому подобными театральными вычурами и прикрасами. Въ наше время на всѣ эти театральные эффекты, на всю эту фантастическую переработку дѣйствительности принято смотрѣть съ безусловно-отрицательной точки зрѣнія. Этотъ взглядъ, указывая на паденіе романовъ разсматриваемой категоріи, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ уменьшеніи оптимистическихъ тенденцій современной литературы. Однако, если въ прежнее время фантастическая переработка дѣйствительности приурочивалась исключительно къ оптимистическимъ цѣлямъ, то нельзя все-таки не видѣть, что это орудіе обоюдо-острое, и что его легко можно было обратить на служеніе и другимъ совершенно противоположнымъ цѣлямъ. Нельзя не видѣть, что, изгоняя элементъ творческой фантазіи изъ своихъ произведеній, ограничиваясь однообразнымъ фотографированіемъ будничной прозы мѣщанской жизни, современная беллетристика впадаетъ въ скучную монотонность и вполне заслуживаетъ тотъ упрекъ въ безцвѣтности, который часто ей дѣлается. Поэтому, хотя отсутствіе творческой фантазіи и указываетъ на новое направленіе беллетристики, но оно совсѣмъ не вызывается потребностями этого направленія. При господствѣ въ беллетристикѣ *положительнаго героя* романъ не могъ обойтись безъ ресурсовъ фантазіи; при господствѣ *героевъ отрицательныхъ* безъ этихъ ресурсовъ обойтись можно, но *можно* еще не значитъ *должно*. И безъ сомнѣнія, если-бы фантазія старыхъ беллетристовъ удовлетворяла хотя отчасти условіямъ творческой фантазіи,

они имѣли-бы рѣшительное преимущество передъ „новыми“, у которыхъ уже совсѣмъ нѣтъ никакой фантазіи. Но на самомъ дѣлѣ этого не было, на самомъ дѣлѣ хотя задачи старой беллетристики требовали отъ беллетристовъ *фантазіи*, какъ непремѣннаго условія осуществленія этихъ задачъ, однако у беллетристовъ и тогда оказалось такъ-же мало этой способности, какъ оказывается и въ наше время. Только въ наше время скудость творческой фантазіи менѣе рѣжетъ глаза. Чтобы изображать жизнь, *какъ она есть*, притомъ жизнь „мѣщанской среды“, узенькихъ интересовъ, пошленькихъ людшекъ, для этого нужно больше наблюдательности, чѣмъ фантазіи. Но изображать жизнь не совсѣмъ *такъ, какъ она есть*, поддѣлывать и разрисовывать ее въ интересахъ „утѣшенія и успокоенія“, или вообще, въ интересахъ какой-бы то ни было тенденціи, для этого уже *фантазія* совершенно необходима. А между тѣмъ ея-то и не было въ наличности. Романъ «Три страны свѣта», безспорно, лучший представитель категоріи романовъ, „бьющихъ на внѣшніе эффекты.“ Онъ написанъ не какимъ-нибудь литературнымъ ремесленникомъ, въ родѣ Кукольниковъ, Загоскина, Булгарина и имъ подобныхъ. Нѣтъ, онъ написанъ, если и не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, при сотрудничествѣ одного изъ талантливыхъ представителей современной литературы, одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ. А ужъ если у поэта нѣтъ фантазіи, то, согласитесь, у кого-же ей быть? Полюбуйтесь-же, читатель, на эту *фантазію*.

Общая фабула и тенденціи романа намъ уже извѣстны; посмотримъ-же теперь, какъ развивается эта фабула въ деталяхъ.

По смыслу фабулы романъ самъ собою распадается на двѣ части: въ одной повѣствуется о томъ, какъ „добродѣтельная швейка“ свою невинность охраняла; въ другой—какъ образованный юноша капиталъ наживалъ. Похожденія юноши разукрашены „бурями въ Ледовитомъ океанѣ“, „битвами съ киргизами“, „зимовкою въ Новой Землѣ“; къ нимъ приплетены (въ замѣтимъ въ скобкахъ, „ни къ селу, ни къ городу“) „похожденія русскихъ въ Камчаткѣ и въ Русской Америкѣ“, однимъ словомъ, авторъ не поспешилъ на всякія „ужасти и страсти“, чтобы только заинтересовать читателей своимъ героемъ и заставить ихъ безъ скуки слѣдить за несложными метаморфозами его счастливой судьбы. Но, увы! благонамѣренныя старанія автора ни мало не увѣличиваются успѣхомъ. Вы читаете—и зѣваете, неудержимо зѣваете. „Бури“ не производятъ ни малѣйшаго эффекта, и „льдины“, „стальвивающіяся съ потрясающимъ грохотомъ“, ни мало васъ не потрясаютъ. Вы только чув-

ствуете, что отъ всѣхъ этихъ страшныхъ описаній, дѣйствительно, вѣетъ ледянымъ холодомъ. Вамъ невольно припоминаются учебники географіи, которые вы съ остервенѣніемъ зубрили въ дѣтствѣ, — старыя путешествія, которыя вы когда-то читали. Вы спрашиваете себя: зачѣмъ понадобились автору всѣ эти „бури и льдины“, всѣ эти Камчатки и Новыя Земли? Очевидно, что онъ дѣлаетъ выписки изъ какого-то стараго, заброшеннаго путешествія; но скопированное путешествіе можетъ-ли производить эффектъ художественной картины? А между тѣмъ, бури въ Ледовитомъ океанѣ, суровая природа Новой Земли, жизнь въ дикой Камчаткѣ, набѣги при-каспійскихъ киргизовъ—какія богатые и благодарныя темы для художника! Обладай онъ, хоть сколько-нибудь творческою фантазією,—какія величественныя и потрясающія картины онъ могъ-бы намъ представить! Самый плохенькій англійскій или французскій романистъ съумѣлъ-бы расшевелить ими нервы своихъ читателей; а романистъ російскій наводитъ только скуку. Почему? Да потому, что мы только тогда можемъ волноваться „бурами на Ледовитомъ океанѣ“, природою Новой Земли и т. п., когда романистъ съумѣетъ поставить насъ, хоть на минуту, въ положеніе людей, очутившихся зимою на Новой Землѣ, и въ бурю на Ледовитомъ океанѣ. Но чтобы достигнуть такого эффекта, чтобы произвести такую художественную иллюзію, для этого авторъ долженъ самъ предварительно пережить чувства, волнующія этихъ людей. Это не значитъ, конечно, что ему самому нужно побывать и въ Новой Землѣ, и на Ледовитомъ Океанѣ во время бури. Нѣтъ, психическое состояніе человѣка, застигнутаго бурей въ океанѣ, или зимою на Новой Землѣ слагается изъ цѣлага ряда разнообразныхъ психическихъ ощущеній; эти ощущенія или ощущенія, по своей природѣ, аналогичныя имъ, могутъ быть вызываемы и при иныхъ условіяхъ, ихъ могутъ возбуждать и иныя обстоятельства, лишь-бы только они имѣли что-либо общее съ обстоятельствами „бури“ и „зимовки“ на Новой Землѣ. Если авторъ испытывалъ подобныя ощущенія, если они ярко запечатлѣлись въ его памяти, ему не трудно будетъ обобщить ихъ въ ту или другую психическую комбинацію, создать изъ нихъ мысленно то или другое психическое состояніе; и это обобщеніе всегда будетъ производить на него, а потому и на насъ эффектъ живого, конкретнаго, реальнаго чувства.

Почему-же русскому романисту почти никогда не удастся создавать обобщенія, производящія такой эффектъ? Мнѣ кажется, это происходитъ отъ общихъ условій нашей жизни: жизнь представ-

ляетъ слишкомъ мало поприща для разнообразной дѣятельности, а слѣдовательно и для разнообразныхъ душевныхъ волненій, психическихъ ощущеній. Матеріалъ, доставляемый ею нашей мысли и нашему чувству, слишкомъ однообразенъ; онъ дѣйствуетъ на нашъ умъ скорѣе *успокоительно*, чѣмъ *возбуждительно*; привычка, къ безпечной жизни, къ тупому, равнодушному отношенію къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности, привычка взлелѣванная въ насъ цѣлымъ рядомъ историческихъ условій, лишаетъ насъ способности глубоко проникаться вѣшними впечатлѣніями и живо сохранять ихъ въ своей памяти. На самые, повидимому, потрясающіе факты мы смотримъ съ холоднымъ равнодушіемъ, спокойно разсуждаемъ и плоско шутимъ тамъ, гдѣ люди, болѣе насъ чувствительные, выходили-бы изъ себя отъ отчаянія, ужаса и негодованія.

При такой психической пассивности, что удивительнаго, если наши романисты—плоть отъ плоти нашей, рѣшительно не въ состояніи перенестись въ положеніе людей, вынужденныхъ, силою обстоятельствъ испытывать *сильныя ощущенія* глубокія потрясенія? Мнѣ кажется, обратный фактъ, былъ-бы гораздо удивительнѣе. Неспособные всецѣло проникаться и рельефно запечатлѣвать въ своей памяти психическія волненія, не только своихъ ближнихъ, но даже свои собственные, наши романисты даютъ намъ лишь блѣдныя очерки этихъ волненій, а потому и изображаемыя ими картины разныхъ „ужастей и страстей“, начиная отъ бурь въ Ледовитомъ океанѣ и кончая „бурями“ въ лакейскихъ переднихъ, не производятъ на насъ желаемаго эффекта: мы смѣемся или зѣваемъ. И мы имѣемъ полное право такъ поступать. Вотъ, напримѣръ, въ „исторіи Горбуна“ (т. II, ч. VII, стр. 243—320) г. Некрасовъ тщится изобразить передъ нами, какъ крѣпостное право искажало и уродовало (не только въ метафорическомъ смыслѣ слова, но и въ буквальномъ) человѣка, поставленнаго въ зависимость отъ произвола помѣщика-самодура. Много тутъ собрано ужасовъ, страстей и неожиданностей. Но всѣ эти ужасы, страсти и неожиданности производятъ на насъ такое-же впечатлѣніе, какое производятъ заурядныя, газетныя корреспонденціи, повѣствующія о разныхъ пожогахъ, убійствахъ, подлогахъ и всякихъ другихъ правонарушеніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ уложеніи о наказаніяхъ. Во всей исторіи нѣтъ ничего особенно неправдоподобнаго, даже ничего выходящаго изъ обычнаго склада „старо-помѣщичьей жизни.“ Вы всему готовы вѣрить, вы нисколько не сомнѣваетесь,

что помѣщикъ Брончевскій, приживъ съ дворовой „дѣвкой“, Натальей, сына, женился на сосѣдней помѣщицѣ, что Наталью согнали со двора, и что ее вмѣстѣ съ сыномъ гнали и преслѣдовали, что она преждевременно умерла, а у сына выросъ горбъ, что озлобленный „горбунъ“ могъ поджечь барскую усадьбу и т. д., и т. д. Всѣ эти факты вы допускаете, но вы пробѣгаете ихъ совершенно равнодушно, ни одинъ изъ нихъ не вызоветъ передъ вашими глазами яркой картины пережитыхъ невзгодъ крѣпостного времени.

Если уже такія потрясающія событія, какъ бури на Ледовитомъ океанѣ, и дикія, хотя и заурядныя проявленія крѣпостного права, создававшего каждый день, каждую минуту, на каждомъ шагу новую драму, новыя „ужасти и страсти“, если самыя поразительныя факты суровой природы и безобразной дѣйствительности не разжигаютъ творческой фантазіи поэта, то можетъ-ли что сдѣлать будничная, приглашенная, вылощенная проза петербургской жизни? Конечно, нѣтъ. Только выработанная и развитая творческая фантазія могла-бы найти здѣсь подходящій для себя матеріалъ.

Но когда такой фантазіи, съ одной стороны не имѣется, а съ другой, она требуется задачами романа, то что тутъ дѣлать автору? У него есть одинъ только исходъ—прибѣгнуть къ помощи той человѣческой способности, которая, обыкновенно, служитъ суррогатомъ фантазіи и которую часто даже и принимаютъ за послѣднюю, къ способности—врать и городить нелѣпости, не смущаться ни требованіями здраваго смысла, ни условіями реальной дѣйствительности. Можетъ быть, эта способность и дѣйствительно есть грубый, элементарный зародышъ фантазіи, въ истинномъ смыслѣ этого слова; можетъ быть, ее тоже слѣдуетъ назвать (какъ это и дѣлается въ общежитіи) *фантазією*. Но только эта зародышевая фантазія точно также относится къ нормальной фантазіи, какъ зародышевая память, та память, которая способна запоминать лишь отрывочныя, конкретныя факты, безъ всякой между ними связи и рѣшительно неспособна группировать и обобщать ихъ,—какъ эта память относится къ нормальной человѣческой памяти. Одинъ знаменитый англійскій психіатръ называетъ такую память—*памятью идиота*; точно также и на тѣхъ-же основаніяхъ, соответствующую ей фантазію можно назвать *фантазією идиота*. Если нормально-развитая фантазія соединяетъ въ цѣлостныя картины разнообразныя образы, составленные изъ прошлыхъ впечатлѣній, обобщая *подобное*, выдѣляя *несходное*, и подводи конкретное разнообразіе къ внутреннему единству, то, напротивъ, фанта-

зія ідіота ограничується лишь однимъ внѣшнимъ безпорядочнымъ сопоставленіемъ отрывочныхъ представленій, ни мало не заботясь о приведеніи этого случайнаго сопоставленія въ гармонію и соотвѣтствіе съ условіями окружающей человѣка дѣйствительности. Оттого продукты этой фантазіи всегда отличаются крайнею нелѣпостью и безалаберностью, не говоря уже о ихъ неправдоподобности. Они не способны возбудить въ насъ ни малѣйшей иллюзіи, не способны заставить насъ, хоть на минуту, принять вымыселъ за реальную, живую дѣйствительность. Слушая или читая ея измышленія, мы ни очаровываемся и ни обманываемся; въ лучшемъ случаѣ, мы только смѣемся; но обыкновенно мы просто говоримъ: „эхъ, вретъ-то человѣкъ!“ и спокойно перестаемъ его слушать или закрываемъ книгу.

V.

Такою именно *фантазією* обладаетъ и авторъ „Трехъ странъ свѣта“. Правда, гдѣ можно, онъ обходится безъ ея ресурсовъ; мы уже указали на эти случаи; но гдѣ безъ творческой фантазіи нельзя обойтись, онъ охотно прибѣгаетъ къ самымъ дикимъ измышленіямъ. Вся та часть (или правильнѣе говоря нѣсколько частей) романа, мѣсто дѣйствія которой — Петербургъ, и которая посвящена по преимуществу „кознямъ“ Горбуна противъ Полинкиной невинности и „злключеніямъ“ Полинки, оберегающей свою невинность отъ этихъ козней, — вся эта часть романа переполнена сцѣпленіями самыхъ нелѣпыхъ и невозможныхъ событій. Пересказывать всѣ эти небылицы въ лицахъ было-бы скучно, да и не совсемъ деликатно относительно читателей; любой лубочный романистъ, въ родѣ вѣчной памяти Булгарина или Зотова, не сочинитъ ничего глупѣе и безтолковѣе. Но чтобы мой отзывъ не показался слишкомъ голословнымъ, я приведу для примѣра, хоть одинъ небольшой эпизодъ.

„Злой“ и „сластолюбивый“ Горбунъ воспылялъ любовью къ „добродѣтельной швейкѣ“, приходившей къ нему какъ-то занимать деньги подъ залогъ вещей. Горбунъ начинаетъ приставать къ ней съ ухаживаньемъ, но когда ухаживанье не ведетъ къ желанному результату, онъ атакуетъ ея неприступную невинность болѣе прямымъ способомъ: при содѣйствіи хозяйки Полинкиной квартиры, которая запраетъ на ключъ дверь атакованной жертвы.

Однако «добродѣтельная швейка» обладала не только добродѣтелью, но и нѣкоторою физическою силою; благодаря этому обстоятельству, атака не увѣнчалась успѣхомъ и Горбунъ со стыдомъ долженъ былъ обратиться вспять, а Полинъка только слегка оцарапала себѣ руку о разбитое стекло. Само собою понятно, что такая неудача не потушила, а еще болѣе распалила страсть «злбнаго» Горбуна. Онъ пустился теперь на хитрости: сталъ увѣрять «швейку», что женихъ ея, отправившійся отыскивать капиталъ, измѣнилъ ей; осыпалъ ее письмами и преслѣдовалъ ее на улицѣ, какъ тѣнь. Но упорная швейка не поддавалась: письма она отсылала своему воздыхателю нераспечатанными, а на улицѣ бѣгала отъ него, какъ ворюшка отъ будочника. Наконецъ, хитрость восторжествовала надъ добродѣтельною, но неумѣренно-глупою невинностью. Горбуну удалось заманить швейку въ свое «логовище»,— да, это былъ не простой домъ, не обыкновенная квартира петербургскаго обывателя, а логовище какого-то лѣснаго звѣря. Послушайте-ка. «Куда-же мы пріѣхали?», спросила Полинъка, осторожно ступая по какой-то скользлившей доскѣ за своимъ вожатымъ. «Они вошли въ сѣни, потомъ, отворивъ какую-то дверь, снова поднялись по лѣстницѣ и, наконецъ, очутились въ длинномъ и темномъ корридорѣ. Шаги ихъ печально раздавались въ тишинѣ. Сырой, душливый воздухъ, паутина, которую Полинъка чувствовала на своемъ лицѣ,— все показывало, что люди были здѣсь рѣдкіе гости (каково!). Полинъкѣ опять стало страшно, и, схвативъ артельщика за руку, она робко спросила: «Да куда-же мы идемъ?» Затѣмъ ее, какъ водится, втокнули въ какую-то комнату, совершенно темную. «Вдругъ комната отворилась — и ужасъ ни съ чѣмъ несравнимый охватилъ душу несчастной дѣвушки: въ противоположной двери показалась горбатая фигура со свѣчей въ рукѣ. Полинъка хотѣла вскрикнуть, но голоса не достало, и она стояла неподвижно, не сводя своихъ черныхъ, прекрасныхъ глазъ, обезумленныхъ ужасомъ, съ Горбуна... И точно, фигура его могла испугать въ эту минуту. Онъ былъ блѣденъ, по губамъ его пробѣгала судорожная улыбка, тогда какъ глаза сохраняли выраженіе неумолимой жестокости; грудь его высоко поднималась, и рука, державшая подсвѣчникъ, дрожала. Медленно и плавно сталъ онъ подвигаться впередъ, поводя свѣчей и глазами вокругъ комнаты. Что-же Полинъка? «Съ отвращеніемъ отшатнувшись при его приближеніи, она слабо вскрикнула и упала... въ объятія Горбуна» (т. I, стр. 204). Впрочемъ, не безпокойтесь,— все кончится благополучно. Очнувшись отъ обморока, добродѣтельная швейка ув-

дѣла себя въ комнатѣ великолѣпно убранной. «Вездѣ былъ штофъ, занавѣски съ кистями и бахромой, столы и стулья стариннаго фансона съ позолотой, зеркала снизу доверху; стѣны были увѣшаны огромными картинами въ золотыхъ рамахъ. На столѣ стояла старинная канделябра; нѣсколько восковыхъ свѣчей ярко освѣщали комнату. Мебель была ужь слишкомъ массивна и шла скорѣе къ залѣ какого-нибудь замка» (стр. 311). Явился Горбунъ. Онъ сталъ сначала уговаривать, старался затронуть добродѣтельное сердце швейки съ различныхъ сторонъ. Онъ предлагалъ ей вступить съ нимъ въ законный бракъ, обѣщая за это спасти отъ банкротства и тюрьмы мужа ея подруги, онъ старался разжалобить ее своею любовью и, наконецъ, рѣшился соблазнить своими богатствами. Онъ повелъ Полиньку въ комнату, сверху донизу наполненную всевозможными богатствами. На полкахъ стояли серебряныя вазы, канделябры, кубки, бронзовые часы разной величины; сундуки были набиты серебромъ, штофомъ, парчами, кольцами, браслетами, бриллиантами и т. п. Даже глупенькая Полинька, при видѣ такого баснословнаго богатства, на-время забыла о своей добродѣтели: „ей пришли на умъ старыя, волшебныя сказки; она улыбулась и пожалѣла, что Горбунъ не можетъ превратиться въ какого-нибудь красиваго рыцаря» (стр. 317). Горбунъ, разыгрывая роль бѣса-искусителя, вскричалъ: «Возьмите, возьмите! это ваше, это ваше все, что вы тутъ видите. У меня много еще денегъ... они тоже ваши. А черезъ годъ или два я еще столько-же вамъ принесу. Возьмите, возьмите все!». И какъ онѣ были добродѣтельны, — Боже мой, какъ онѣ были добродѣтельны! Можете себѣ представить: Полинька всѣми соблазнами пренебрегла и осталась тверда, какъ камень. Горбунъ, — какъ это обыкновенно дѣлается въ дѣтскихъ сказкахъ, — заперъ „прекрасную упряницу“ въ одну изъ свѣтлицъ своего замка и обѣщалъ черезъ день придти за отвѣтомъ. Но Полинька, разумѣется, чудодѣйственнымъ образомъ, черезъ крыши и заборы, улупетнула изъ своей тюрьмы, попала къ какой-то также добродѣтельной — хотя и не слишкомъ — лоскутницѣ, которая оказалась впоследствии близкимъ другомъ ея матери и бывшей любовницей ея умершаго дяди. Въ качествѣ материннаго друга и дядиной любовницы, лоскутница много содѣйствовала охраненію и спасенію цѣломудренной швейки; но это содѣйствіе понадобилось, впрочемъ, не теперь, а только въ слѣдующихъ частяхъ; въ „роковую ночь“ Полинька лишь переночевала подъ гостепримнымъ кровомъ материннаго друга, а на утро благополучно добралась до Струнникова переулка (на Петербургской сторонѣ), гдѣ она, въ

качествѣ швейки, жительство имѣла. Этимъ и кончились ея *ночныя злочкиненія* и затѣмъ начались злочкиненія утреннія, дневныя и вечернія, но я уже не стану беспокоить ими читателя. Изъ приведеннаго отрывка и безъ того уже ясно, съ какого рода фантазіею мы имѣемъ дѣло и какую „художественную правду“ можемъ мы найти въ дальнѣйшихъ похожденіяхъ „злобнаго горбуна“ и добродѣтельной швеи. Въ современной беллетристикѣ даже такое умственное и нравственное убожество, какъ Всеволодъ Крестовскій, и тотъ стоитъ въ *этомъ* случаѣ несравненно выше авторовъ «Трехъ странъ свѣта». И въ его вымыслахъ (принадлежащихъ тоже къ разряду продуктовъ *фантазии идиота* больше правдивости, больше жизни и конкретной рельефности, чѣмъ въ нелѣпныхъ сказкахъ Компаніи, сочинившей „Три страны свѣта“.

VI.

Въ романахъ, къ циклу которыхъ принадлежатъ „Три страны свѣта“, нечего искать художественной отдѣлки характеровъ. Грубо приуроченные къ какой-нибудь предвзятой идеѣ, они пользуются человѣческими фигурами лишь для нагляднаго иллюстрированія и доказательства этой идеи. Но такъ-какъ *идею* можно развивать только съ помощью идей-же, то человѣческія фигуры имѣютъ для романиста значеніе лишь простыхъ *знаковъ идей*. Каждая фигура воплощаетъ въ себѣ одну, двѣ, три какихъ-нибудь идеи и этимъ воплощеніемъ исчерпывается вся ея роль. Такимъ образомъ, романъ наполняется мертвыми машинками, ходящими, говорящими и думающими, но только *повидимому*. Въ сущности, въ качествѣ простыхъ машинокъ, онѣ вполне неспособны совершать всѣ тѣ сложныя операціи, изъ которыхъ слагается жизнь живого человѣка. вмѣсто нихъ ходитъ, говоритъ, думаетъ и т. п. *чертики*, котораго всадилъ въ нихъ романистъ. Этотъ чертикъ—воплощенная ими идея. Она всецѣло и безусловно распоряжается бѣдными машинками. Если-бы въ этихъ машинкахъ былъ хоть какой-нибудь признакъ жизни, если-бы онѣ хоть сколько-нибудь походили на реальныхъ людей изъ плоти и крови, то ихъ можно-бы было принять за больныхъ, одержимыхъ такъ-называемою *folie raisonnée* или *mania sine delirio*. Посмотрите хоть на ту-же Полинку изъ „Трехъ

странъ свѣта“: вся ея жизнь, всѣ ея мысли, всѣ ея движенія сводятся къ любви и охраненію невинности въ отсутствіе любимаго предмета. Кромѣ любви къ Какютину и охраненія невинности у нея нѣтъ никакихъ другихъ интересовъ, никакихъ другихъ цѣлей; отнимите у нея эту любовь и эту невинность — и у нея ничего не останется, она превратится въ нуль, въ «небытіе», у васъ не сложится объ ней никакого представленія, даже самаго смутнаго и блѣднаго. То-же самое случится и съ героемъ романа — Какютинимъ, если вы отнимете у него любовь къ „добродѣтельной швейкѣ“. Только одна эта любовь даетъ смыслъ его существованію: безъ нея онъ точно также превратился-бы въ «небытіе». Она, эта «чистая любовь», возбуждаетъ въ немъ стремленіе къ «накопленію богатствъ», гонитъ его изъ Петербурга на Волгу, съ Волги въ Новую Землю, съ Новой Земли къ Каспійскому морю, съ Каспійскаго моря въ русскую Америку, а изъ русской Америки снова приводитъ въ Струнниковъ переулокъ—въ объятія невинной швейки. Конечно, средневѣковые рыцари тоже не мало рыскали ради поцѣлуя «дамы сердца», но вѣдь они дѣлали и кое-что другое: кромѣ интереса любовныхъ похожденій у нихъ были кое-какіе и другіе интересы. А у нашего рыцаря съ Петербургской стороны, кромѣ Поливки, нѣтъ, что-называется, ni foi, ni loi, ni poi. Впрочемъ, можетъ быть, и есть, потому что въ противномъ случаѣ ему пришлось-бы, вѣроятно, отправиться не въ Новую Землю и не въ русскую Америку, а въ страны хотя и не менѣе теплыя и не менѣе близкія, но за то гораздо менѣе приспособленныя къ «торговому промыслу». Но мы дѣлаемъ это предположеніе единственно только въ интересахъ правдоподобія, хотя самъ авторъ не даетъ намъ на то ни малѣйшаго основанія. Все, что мы знаемъ отъ него о героѣ его, сводится лишь къ тому, что герой любитъ Поливку, страстно желаетъ соединиться съ ней вѣчнымъ и неразрывнымъ союзомъ; далѣе мы узнаемъ, что онъ нѣсколько легкомысленъ и „очень хорошъ собою“. Затѣмъ о всемъ прочемъ предоставляется догадываться самому читателю.

Такимъ образомъ, и добродѣтельная швейка, и образованный юноша, за вычетомъ изъ нихъ взаимной «чистой любви», превращаются въ призраки, немѣющіе ничего общаго съ реальными людьми, — въ призраки неосязаемые и неуловимые. Романистъ вызвалъ ихъ изъ царства тѣней, чтобы съ ихъ помощью доказать основную мысль своего романа: «чистая любовь» все преодолеваетъ и надъ всѣмъ торжествуетъ; она даетъ силу и капиталъ приобрести, и невинность сохранить; она укрепляетъ человѣка въ борьбѣ

съ жизнью и ведетъ его, въ концѣ-концевъ, къ высшему земному счастью—счастливому браку и богатству. Вотъ эту-то утѣшительную мысль онъ и воплотилъ, ради наглядности; въ своихъ герояхъ; весь ихъ смыслъ и все ихъ значеніе исчерпывается задачей этого воплощенія. Дурно или хорошо выполнили они свою задачу—здѣсь, разумѣется, нѣтъ надобности говорить. Само собою понятно, что ребяческую мысль можно и доказывать только ребяческимъ образомъ; разбирать эти доказательства было-бы тоже чистымъ ребячествомъ.

Счастливы романисты разбираемой нами категоріи, когда имъ приходится воплощать въ своемъ героѣ лишь *одну* какую-нибудь мысль. Тутъ, по крайней мѣрѣ, хотя и нагоняешь тоску на читателя, но за то избѣгнешь упрека въ непослѣдовательности. Но вотъ бѣда: иногда имъ вздумается сдѣлать изъ героя-воплотителя не одной, а двухъ, даже трехъ, и нерѣдко, совершенно противоположныхъ идей. Характеръ выходитъ разнообразіе—это правда; съ перваго взгляда онъ даже какъ-будто имѣетъ нѣкоторое сходство съ характерами живыхъ людей. Но въ сущности, это только обманъ зрѣнія; при ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ оказывается сплетеніемъ самыхъ дивныхъ и неправдоподобныхъ нелѣпостей.

Такимъ именно и является характеръ Горбуна. Горбунъ, если и не герой, то, во всякомъ случаѣ, главное дѣйствующее лицо романа, безъ него Полинкѣ пришлось-бы очень плохо; потому что отъ кого-же бы она стала защищать свою невинность? Горбунъ играетъ роль бѣса-искусителя, карателя, злодѣя и, наконецъ, служитъ нагляднымъ доказательствомъ той истины, что зло рано или поздно, но непременно наказывается. Но этимъ еще не исчерпывается его ампула: онъ-же долженъ выразить собою нѣкоторый протестъ противъ крѣпостного права. Впрочемъ, протестъ этотъ совершенно сглаживается и затирается его горбомъ: изъ протестанта, созданнаго крѣпостными порядками, авторъ превращаетъ его въ протестанта, созданнаго физическимъ уродствомъ. Конечно, это гораздо благонамѣреннѣе, только... это уже слишкомъ старо, даже и для 50-хъ годовъ.

Мы знаемъ уже, что Горбунъ былъ побочный сынъ нѣкаго богатого помѣщика, прижившаго его съ своею дворовою дѣвушкой; мы знаемъ также, что дѣвушка, какъ это обыкновенно водилось, была прогнана съ барскаго двора, а помѣщикъ женился на своей сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Разумѣется, мальчику, подвергшемуся остракизму вмѣстѣ съ матерью, жилось плохо; надъ нимъ смѣялись,

его обижали; падшая любовница не могла рассчитывать на снисходительность дворни, особенно когда дворня замѣтила, что главная ключница новой барыни, старая и злая Матрена, ненавидитъ бывшую фаворитку; но такъ какъ мучить ребенка было легче и удобнѣе, чѣмъ мать, то маленькій Добротинъ (такую ему дали фамилію) и былъ превращенъ въ козлище искупленія за материнскіе грѣшки. Одного этого было-бы достаточно, даже черезъ-чуръ достаточно, чтобы испортить мальчика, развить въ немъ злыя инстинкты и сдѣлать изъ него, въ будущемъ, озлобленнаго и безсердечнаго эгоиста. Но авторъ не удовольствовался этимъ: онъ заставилъ „старую и злую“ Матрену уронить ребенка съ лѣстницы; благодаря этому обстоятельству у ребенка выросъ горбъ. Разумѣется, надъ маленькимъ горбуномъ стали еще больше смѣяться; надъ нимъ смѣялись не только тогда, когда онъ былъ маленькимъ, но и когда онъ сдѣлался взрослымъ. Эстетическое чувство людей возмущалось его уродствомъ, и бѣдный уродъ, презираемый и унижаемый, чѣмъ больше росъ, тѣмъ глубже проникался безсилною злобою и ненавистью къ людямъ. „Ужь только подросту, грозился онъ, — я имъ задамъ!“ Безсильная злоба всегда вырождается въ хитрость и лицемѣріе. Горбунъ, затаивъ чувство мести, подобострастно заискивалъ передъ „сильными міра“. Онъ вкрался въ милость къ молодому *барченку*, законному сыну его отца, забавлялъ его сказками, когда барченокъ ходилъ еще въ рубашечкахъ; сталъ участвовать въ его шалостяхъ, когда барченокъ надѣлъ курточку; а когда у барченка прорѣзался усъ, онъ помогалъ ему въ любовныхъ пашняхъ съ дочерью экономки. Любовныя пашни открылись, барченку могло сильно достаться отъ строгой матери, горбунъ принялъ все на себя: это не барченокъ, а онъ, горбунъ, завелъ любовныя пашни. Строгая барыня обвиняла его на его мнимой любовницѣ. Горбунъ едва только почувствовалъ, что въ его рукахъ судьба живого человѣческаго существа, что власть его надъ этимъ существомъ безгранична и безконтрольна, — сейчасъ-же начинаетъ вымещать на немъ все, что онъ терпѣлъ и терпитъ отъ окружающихъ его людей. Онъ мучитъ свою жену до такой степени, что она, беременная, убѣгаетъ отъ него къ своимъ родственникамъ. На дорогѣ, въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ, она рожаетъ сына и умоляетъ акушерку скрыть его отца, потому что отецъ „такой злодѣй, что убьетъ его, пожалуй“. Когда горбунъ отыскалъ свою жену, она уже была трупомъ, а сынъ былъ подеинутъ къ нѣкому добродѣтельному помѣщику, по имени Тульчинову. Убивъ жену, онъ продолжалъ свои подвиги въ роли

«лицемѣрнаго злодѣя». Барченко самъ сталъ бариномъ, горбунъ—его довѣреннымъ лицомъ и управляющимъ его имѣніями; въ качествѣ «довѣреннаго лица», онъ развращалъ барина и поощрялъ его мотовство; а въ качествѣ «управляющаго», обиралъ его. Игра кончилась такъ, какъ ей и слѣдовало кончиться: баринъ раззорился и былъ убитъ въ Италіи на дуэли; горбунъ обогатился, переѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлался ростовщикомъ и прижималъ бѣдныхъ и богатыхъ, сколько только хватало силъ. «Въ Петербургѣ, говоритъ авторъ,—душа его черствѣла не по днямъ, а по часамъ, и скоро уснула глубокимъ сномъ» (т. II, стр. 319.) Прекрасно; до сихъ поръ, нѣтъ еще никакой нелѣпости: горбунъ исправно воплощаетъ собою идею *человѣконенавистничества*, хотя, по правдѣ сказать, его *человѣконенавистничество* имѣетъ весьма невинный характеръ, и не идетъ далѣе продѣлокъ самаго зауряднаго мазурика. Но я сказалъ уже, что авторъ сдѣлалъ его воплощеніемъ не одной идеи, а двухъ, и, къ несчастію, совершенно противоположныхъ. вмѣстѣ съ *человѣконенавистничествомъ* авторъ всунулъ въ свою горбатую машинку нѣжное и любвеобильное сердце. Когда онъ узнаетъ, что книгопродавецъ Кирпичниковъ, котораго онъ раззорилъ и довелъ до долговаго отдѣленія,—его сынъ, онъ чувствуетъ внезапно такой приливъ родительской нѣжности, что готовъ сейчасъ-же отдать ему все свое состояніе. Въ любви къ женѣ своего бывшаго помѣщика, Сарѣ, и потомъ къ Полянкѣ, онъ обнаруживаетъ столько страсти, самоотверженія и великодушія, и такое удивительное постоянство, что, право, на этомъ поприщѣ съ нимъ могутъ развѣ посоперничать какіе-нибудь средневѣковые рыцари, а уже никакъ не мы—«бѣдные пасынки» севѣрной природы. Конечно, эта любовь имѣла чисто-животный характеръ, но все-таки она была его *страстью*, подчинявшею себѣ всецѣло всю его жизнь. Но точно такія-же права предъявляла на эту жизнь и другая его страсть—*человѣконенавистничество*. Повидимому, между двумя противоположными отраслями, между двумя демонами его души, должна была-бы начаться непримиримая вражда. Эта вражда, проникая всѣ его мысли, чувства и поступки, должна была-бы наложить свою печать на его характеръ. Характеръ, вѣчно путающійся въ противурѣчіяхъ своихъ инстинктовъ и стремленій, представляетъ крайне-трудную и сложную задачу для художественнаго синтеза. И, разумѣется, если-бы въ горбунѣ гг. авторы разбираемаго нами романа имѣли намѣреніе нарисовать живого человѣка, то для насъ было-бы весьма важно и интересно знать, какъ они справились-бы съ своею задачею.

Но такого намѣренія они, очевидно, не имѣли, и потому съ нашей стороны было-бы странно и нецѣлѣугодно навязывать имъ какія-бы то ни было психологическія или художественныя задачи. Ни о какой внутренней борьбѣ, ни о какихъ психическихъ противурѣчійхъ они знать ничего не знаютъ. Для нихъ характеръ Горбуна не представляетъ ни малѣйшей сложности: два враждебные демона уживаются въ его сердцѣ весьма дружелюбно; они нисколько не стѣсняють другъ друга, и каждый дѣйствуетъ вполне самостоятельно. Когда приходитъ чередъ дѣйствовать демону любви, Горбунъ любитъ и только любитъ; когда наступаетъ часъ демона ненависти, Горбунъ ненавидитъ и только ненавидитъ. Это очень просто. А что касается до психологической правды, то авторы на нее и не претендуютъ. Имъ нужно только, чтобы каждое лицо воплощало какую-нибудь идею, *единичную* или *парную*, смотря по требованіямъ ихъ беллетристическаго гранъ-пасьянса, а до всего прочаго—имъ нѣтъ никакого дѣла. Слѣпенькая старушка, убивающая свою скуку за безконечными пасьянсами, нисколько не заботится о художественной отдѣлкѣ своихъ картъ; для нея важно только ихъ условное значеніе. Вотъ эта карта означаетъ даму, эта—короля, а дѣйствительно ли походятъ изображенныя на нихъ фигуры на живыхъ дамъ и королей, слѣпенькой старушкѣ—это все равно. Гг. Некрасовъ и Станицкій находятся именно въ положеніи этой старушки. Ихъ длинный, длинный гранъ-пасьянсъ, какъ и всякій гранъ-пасьянсъ, опредѣляется не художественнымъ достоинствомъ картъ, а ихъ относительнымъ положеніемъ. Они это знаютъ, и мы это знаемъ; значитъ насчетъ художественной отдѣлки характеровъ здѣсь и упоминать не стоитъ.

VII.

А между тѣмъ, повторю опять, авторы (по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ) не лишены литературнаго таланта, и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится не *создавать* характеры, а просто *рисовать*, они показываютъ намъ не куклы, набитыя соломой, а живыхъ, реальныхъ людей; таковы, напримѣръ, въ романѣ Клипичниковъ, Граблинъ, Лиза. Эти люди ничего особеннаго въ себѣ не воплощаютъ; это—простыя, обыденныя личности; они случайно

стояли въ узкомъ районѣ авторскихъ наблюдений, для ихъ воспроизведенія не требовалось никакого участія творческой фантазїи, и авторъ воспроизвелъ ихъ довольно вѣрно реальной дѣйствительности. Но и тутъ предвзятая идея романа испортила художнической эффектъ. Одной простой наблюдательности было недостаточно для примиренія *жизни* съ оптимистической теорїею, требовалось кое-что другое; а мы уже знаемъ, что этого-то *кое-чего* и нѣтъ у автора. О Лизѣ, Граблинѣ и еще двухъ-трехъ дѣйствующихъ лицахъ, похожихъ хотя сколько-нибудь на живыхъ людей, намъ нѣтъ надобности здѣсь говорить; эти лица, во-первыхъ, чисто-вводныя, существеннаго значенія въ романѣ неимѣющія, а во-вторыхъ, самъ авторъ останавливается на нихъ лишь мимоходомъ, очерчиваетъ ихъ весьма слабо и блѣдно. Только фигура Лизы представлена довольно живо и рельефно. Но и къ этой фигурѣ авторы ухитрились пришить ярлычекъ съ нравственною сентенціею изъ дѣтскихъ прописей. Вѣтрная, капризная, легкомысленная, но самобытно и свободно развившаяся барышня (изъ *помпидурскихъ внучекъ*) затронула какъ-то тщеславіе своего жениха, и необдуманно сказала любимому человѣку, что она не хочетъ быть его женою. За такое непростительное легкомысліе авторы жестоко наказали веселенькую барышню, чуть не довели ее до самоубійства и загубили всю ея жизнь. Конечно, это весьма нравственно; но только уже черезъ-чуръ строго! Столь-же нравственно, хотя и столь-же строго отнеслись они и къ Кирпичникову. Кирпичниковъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, невѣжественный, тупой, лѣнивый, развратный, безмѣрно-глупый и тщеславный купчикъ, открываетъ на женныя деньги *книжный магазинъ и бібліотеку для чтенія на всѣхъ языкахъ*. Въ книжномъ дѣлѣ онъ ничего не смыслить, онъ не только никакихъ книгъ сроду не читалъ, да и видывалъ-то ихъ мало. Но его увѣрили, что, открывъ книжный магазинъ и начавъ издавать книги, онъ прославится на всю Россію, что ими его будетъ съ благодарностью произносить современниками, а память о немъ не умретъ и въ потомствѣ; что «истинные цѣнители изящнаго» поднесутъ ему какой-нибудь подарочекъ, въ видѣ перстня или табакерки, осыпанныхъ брилліантами и т. п. Тщеславіе заговорило въ немъ, и вотъ, руководствуясь общезвѣстною моралью: «*ндраву моему не препятствуй*», изъ смиреннаго торговца хомутами и дегтемъ онъ превратился въ двигателя «россійской литературы», въ издателя журнала, въ мецената россійской учености. Само собою понятно, что прикащики его надували, что авторы изъ «зна-

губить ихъ, низвергаетъ ихъ въ адъ всевозможныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ мукъ и страданій. Мы уже видѣли, что два главные героя этого романа представляютъ собою не болѣе, какъ абстрактную идею любви, облеченную въ человѣческія формы. Третій герой-манекенъ, нѣкій и добродѣтельный башмачникъ (въ pendant къ добродѣтельной швейкѣ) точно также весь сосредоточивается въ любви къ Полинкѣ. Немножко болѣе похожій на живого человѣка, нѣкій російскій живописецъ-самоучка, тотъ самый, котораго вѣтреная Лиза легкомысленно отвергла, наконецъ, сама Лиза, далѣе Грабливъ, Дарья (дѣвица вольныхъ нравовъ), Полинкина мать и т. п. всѣ они только и дышатъ любовью и, разумѣется, очень скоро задыхаются. Боже мой, какое обиліе любви! И добро-бы занимались этимъ пріятнымъ время-препровожденіемъ ожирѣвшіе помѣщички, а то вѣдь, нѣтъ! разныя швейки, башмачники, даже „дѣвицы вольныхъ нравовъ,—весь этотъ бѣдный, живущій въ проголодь людъ, у котораго и безъ того полны руки работы, и онъ также пускается въ идеальное амурничанье! И они нѣжничаютъ и вздыхаютъ, ухаживаютъ и бредятъ чистою любовью. У всѣхъ въ сердцахъ и на умѣ только одно — любовь и какая любовь! самая, повидимому, утонченная и возвышенная! И нельзя сказать, чтобы эта „любовная нота“ составляла какую-нибудь отличительную особенность именно одного только этого романа. Нѣтъ, она съ упорнымъ однообразіемъ и съ какимъ-то ослинымъ постоянствомъ звучитъ во всей нашей старой и отчасти новѣйшей беллетристикѣ. Если романисты той школы, къ которой принадлежатъ гг. Некрасовъ и Станицкій, смотрѣли на нее чисто метафизически, видѣли въ ней какую-то субстанцію, переполняющую человѣческія внутренности, какую-то отвлеченную идею, воплощаемую людьми, то романисты другой школы, такъ называемые художники, измѣнили лишь точку зрѣнія и стали разбирать ее чисто-психологически, но все-таки и у тѣхъ и другихъ она стояла и стоитъ на первомъ планѣ. Говоря о Тургеневѣ, мы познакомимся ближе съ отношеніями художнической, правильнѣе сказать, *психологической школы* нашихъ беллетристовъ, къ этому привилегированному чувству, безъ котораго у сочинителей этой школы не обходился ни одинъ романъ, ни одна драма, даже ни одинъ водевилъ самого лубочнаго издѣлія, какъ и до сихъ поръ у московскихъ купеческихъ сынковъ не обходится безъ любовныхъ похожденій ни одинъ трагичный подвигъ, совершаемый по ночамъ, вдали отъ родительской кровли... Говоря о Тургеневѣ мы увидимъ, далеко-ли ушли эти романисты - психо-

логи отъ романствовъ-метафизиковъ. Теперь достаточно сказать, что и тѣ и другіе съ одинаковою щедростію надѣляютъ „любовнымъ богатствомъ“ всѣ классы и сословія російской имперіи, безкорыстно отрѣшаются на этотъ разъ отъ дворянскихъ привилегій. Тургеневскіе „пейзаны“ и Марко-Вовческія „пейзанки“, по части любви, безъ труда выдержатъ конкуренцію съ „добродѣтельными швейками“ и башмачниками гг. Некрасова и Станицкаго. Читая всѣ эти безконечныя славословія любви, самыя разнообразныя ея варіаціи, можно подумать, что мы, и zwar правду, живемъ въ какой-то Аркадіи, гдѣ любовь надъ всѣмъ царитъ. А между тѣмъ, что-же оказывается въ дѣйствительности? Читайте наши судебныя хроникн, разверните уголовную лѣтопись „добраго стараго времени“, загляните за ширмы семейной жизни прошлой эпохи, и укажите намъ на этихъ идеальныхъ героевъ, готовыхъ изъ-за любви жертвовать самою жизнію. И, конечно, чѣмъ дальше будемъ мы отодвигаться въ глубь крѣпостного права, тѣмъ менѣе шансовъ на то, чтобы встрѣтиться съ аркадскими пастушками и буколическими сценами, въ родѣ невинной швеи, ожидающей въ свои объятія странствующаго рыцаря съ Петербургской стороны... А между тѣмъ, тогда-то именно съ особенною неумоимостью и воспѣвалась въ нашей литературѣ „чистая любовь.“ Тотъ-же фактъ, какъ извѣстно, повторяется и въ литературѣ другихъ народовъ. Въ средніе вѣка поэты и рыцари идеализировали любовь самымъ неумѣреннымъ образомъ, и жизнь съ циническимъ смѣхомъ топтала ее въ грязь. Не имѣемъ-ли мы права заключить отсюда, что положительные идеалы беллетристовъ отражаютъ въ себѣ реальную дѣйствительность не въ настоящемъ ея видѣ, а въ обратномъ? Не дополняетъ-ли болѣзненно-настроенная фантазія своими призраками того, чего именно не достаетъ въ дѣйствительной жизни? Мнѣ кажется, что эта мысль не лишена справедливости не только съ чисто-исторической, но и съ психологической точки зрѣнія. Сытый не мечтаетъ о хлѣбѣ, любимый и любящій о любви. Только человѣкъ голодный способенъ увлекаться кускомъ хлѣба; только люди мало любящіе и мало любимые видятъ въ любви главное украшеніе и назначеніе человѣческой жизни. Любовь, какъ и вообще всѣ гуманныя и высоко-развитыя чувства, не падаютъ на насъ съ неба; она является, какъ продуктъ высокаго умственнаго развитія, общей жизненной гармоніи и тѣхъ общественныхъ условій, которыми такъ мало отличалось крѣпостное стоило. Читатель скажетъ, что все это старья и тривіальныя истины; это правда. Но когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ общества, съ точки

зрѣнія его литературныхъ идеаловъ, то эти старыя истины обыкновенно забываются. Мы всегда бываемъ склонны видѣть въ литературѣ и въ особенности въ беллетристикѣ *прямое отраженіе* общества; мы всегда готовы признать то общество болѣе нравственнымъ; беллетристика котораго пронизана нравственными сентенціями, наполнена нравственными героями; мы ужасаемся безнравственности того общества, въ которомъ беллетристика не устаетъ купаться въ грязныхъ водахъ цинизма и полового разврата. Напримѣръ, мы наивно думаемъ, что Золя, Флоберы, Дрозы свидѣтельствуютъ о безнравственности французскаго общества, а чопорная мораль англійскихъ романистовъ есть несомнѣнный признакъ крѣпости «нравственныхъ устоевъ» англійскаго «мѣщанства» и сельскаго „джентри.“ А между тѣмъ, съ точки зрѣнія „тривиальныхъ истинъ,“ мы должны-бы были дѣлать совершенно обратныя заключенія: чего беллетристика не идеализируетъ, того, значитъ, имѣется въ обществѣ въ достаточномъ количествѣ, а то, что она идеализируетъ, въ томъ, значитъ, чувствуется большой недостатокъ. Разъ вы утвердились на этой точкѣ зрѣнія, вы безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній будете знать, какъ нужно смотрѣть на дѣйствительныхъ людей, на реальныя отношенія того общества, въ которомъ могутъ появляться романы, подобные „Тремъ странамъ свѣта.“

Постыль.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ueber Ursachen und Verhütung der Nervosität und Geistesstörung bei den Frauen. Von Eduard Reich, doctor der Medicin etc. Neuwied, Leipzig, Berlin. 1872.

Das Studieren der Frauen mit beson derer Rücksicht auf das Studium der Medicin. Von prof. dr. Victor Böhmert. Leipzig. 1872.

Mädchenerziehung und Frauenleben im Aus- und Inlande. Mit einem Anhang: Deutsche Frauenthätigkeit während des Krieges 1870 — 71. Von Gotthold. Kregenberг. Berlin. 1872 ¹⁾.

Въ послѣднее время ряды антагонистовъ женскаго дѣла въ Европѣ все болѣе и болѣе пополняются высокими авторитетами науки и общепризнанными свѣтилами и представителями знанія. Не говоря о разныхъ официальныхъ и неофициальныхъ педагогахъ Германіи, спасающихъ семейную чистоту и благоустройство домашней кухни, достаточно указать на мюнхескаго профессора анатоміи и физиологіи Бишоффа, заявившаго, что онъ не позволитъ ни одной женщинѣ переступить за порогъ своей аудиторіи, на его почтеннаго собрата физиолога Германа, и, наконецъ, на

---

¹⁾ Въ этой статьѣ мы снова рѣшаемся оспаривать мнѣнія такихъ ученыхъ, какъ мюнхенскій профессоръ Бишоффъ и ученый докторъ Рейхъ, вѣроятно, снова рискуя навлечь на себя обвиненіе какого-нибудь *chevalier d'industrie* изъ лагеря г. Корша въ неуваженіи къ громкимъ авторитетамъ германской науки. Фельетонный обозрѣватель журналистики, г. Z, замѣтилъ по поводу нашей прежней статьи, „Ученое филлистерство“, что мы-де желали отдѣлать профессора, знай-де нашихъ. Вообразите, г. Z, что вы на этотъ разъ не соврали. Именно потому, что Бишоффъ громкій авторитетъ, мы и отнеслись къ нему съ должнымъ вниманіемъ; напротивъ, если-бы вы, г. Z, не только заявили мнѣнія, солидарныя съ воззрѣніями Бишоффа на женскій вопросъ, но и практически примѣнили-бы теорію Домостроя къ вашей собственной супругѣ, то мы не однимъ словомъ не отозвались-бы о вашихъ похвальныхъ подвигахъ.

извѣстнаго ученаго и доктора Рейха, соединяющаго съ изумительной начитанностью по естествознанію дѣтское невѣжество въ социальныхъ вопросахъ. Если смотрѣть на одну сторону этого заявленія, оно, безъ сомнѣнія, покажется весьма печальнымъ и неблагоприятнымъ для подготовленія общественной мысли къ признанію за женщиной права на высшее образованіе и гражданскую равноправность. Но сравнивая, однако, прежнюю, начальную фазу женскаго дѣла съ настоящей, можно считать для него выигрышемъ уже и то, что его врагами выступаютъ люди, которые стараются мотивировать свои мнѣнія какой-бы то ни было логикой и фактами. Для партизановъ женщинъ борьба съ противниками была необыкновенно трудна, если только не бесплодна, пока имъ приходилось считаться съ нѣмою силой пассивнаго чувства и полуживотныхъ инстинктовъ, съ историческими традиціями, съ симпатіями и антипатіями, надъ которыми бессильна всякая аргументація. Только тогда, когда люди, ополчившіеся противъ женщинъ, покинули арену личныхъ страстей и предрасудковъ, когда ихъ неподвижно-сопливый обскурантизмъ припалъ острое теченіе, съ ними можно было до чего нибудь договориться. Но уже первый наступательный шагъ ихъ предвѣщалъ имъ полнѣйшее пораженіе. Находясь въ разладѣ со всѣми пунктами общественной морали, не имѣя за собой ни одного логическаго довода и сколько-нибудь правдоподобной теоріи, они вдругъ объявили, что нашли ихъ въ точнѣйшей изъ всѣхъ областей знанія,—въ естественныхъ наукахъ. Авторитетъ естественныхъ наукъ такъ великъ, что самое грубое злоупотребленіе ими легко ускользнуло-бы отъ непосвященныхъ читателей, и можно было ожидать успѣха этой послѣдней, отчаянной вылазкѣ встревоженныхъ филистеровъ. Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, — солидные ученые, специалисты и глубокіе знатоки своего дѣла, слѣдовательно, едва-ли можно видѣть въ ихъ апелляціи къ естествознанію слѣдствіе искренней, самодовольной увѣренности въ правотѣ своихъ убѣжденій и готовности отдать ихъ на судъ науки, въ твердомъ упованіи на оправдательный приговоръ. При знакомствѣ съ естественными науками трудно не понять, что въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, никакими натяжками нельзя слить такъ называемые спорные вопросы женскаго дѣла съ естественными науками, а тѣмъ болѣе искать въ

нихъ опоры для борьбы съ современными стремленіями женщинъ. Наука можетъ констатировать нѣкоторые различія въ организмѣ мужчинъ и женщинъ, указать на особенности въ строеніи ихъ тѣла, на фізіологическія и даже психическія ихъ свойства, но не болѣе. Положимъ, что проф. Бишоффъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что ноги у женщинъ короче, мускулы ихъ тоньше и мягче, пищеварительные органы слабѣе, сердце легче по вѣсу и меньше по объему, положимъ даже, и мозгъ женщины вѣситъ менѣе мужского, положимъ, что все это справедливо, но какое-же отношеніе имѣютъ всѣ эти факты къ вопросу о способности или неспособности женщинъ? Разумѣется, Бишоффъ не объясняетъ этого; будь онъ гениальнѣйшимъ ученымъ и мыслителемъ, онъ не въ состояніи былъ-бы, исходя изъ своихъ фактовъ, логически дойти до выводовъ, которые изложены въ его брошюрѣ. Но мы можемъ сдѣлать ему еще большую уступку: положимъ, что всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о неспособности *современной* женщины къ *современному* высшему образованію, положимъ, что помѣхой къ нему служатъ короткія ноги, тонкая кожа, слабый желудокъ, легкій мозгъ и пр., но слѣдуетъ-ли отсюда, что женщина и впослѣдствіи не будетъ способна къ высшему образованію? Нѣтъ, не слѣдуетъ. Рискнувъ построить смѣлыя гипотезы, Бишоффъ объяснилъ качество женскаго интеллекта анатомическимъ строеніемъ такихъ органовъ, связь которыхъ съ психической дѣятельностью можетъ быть лишь весьма отдаленной. По его мнѣнію, существуетъ строгій параллелизмъ между мозгомъ, какъ органомъ интеллекта, и всѣмъ тѣломъ, и по мѣрѣ того, какъ развивался мозгъ, и другіе органы тѣла стремились стать къ нему въ соотвѣтствующее отношеніе. Такое мнѣніе съ антропологической точки зрѣнія, однако, не оправдывается. Оставаясь въ предѣлахъ человѣческихъ расъ, это совершенно несправедливо. Если допускать параллелизмъ, то онъ долженъ существовать и у мужчинъ, но извѣстно, что между мозгомъ дикаря и мозгомъ образованнаго есть чувствительная разница, а между другими органами тѣла нѣтъ никакой. Слѣдовательно, если дикарь остался дикаремъ, то въ этомъ не виноваты ни ноги, ни кожа. Образование и прогрессъ мысли способствовали не только фізіологической культурѣ мозга, но *отчасти* и всего тѣла. Но вѣдь это относится

не къ одному мужчигѣ, но и къ женщинѣ, и ея мозгъ и остальные органы тѣла также развивались и измѣнялись, въ строго логической постепенности. Но она въ образованныхъ государствахъ шагнула и дальше, и этотъ прогрессъ сопровождался рѣзкимъ измѣненіемъ мозга, по крайней мѣрѣ, его величины, а если остальные органы тѣла ея не такъ развились какъ у мужчины, то вѣдь это, въ силу-же параллелизма Бишоффа, потому, что и мозгъ ея не развился до такой величины, какъ у мужчины. Но если органы тѣла женщины измѣнялись всѣ, или даже одинъ мозгъ, если женщина перешла отъ дикарки къ состоянію болѣе или менѣе цивилизованному, то, спрашивается, почему-же мозгъ женщины перестанетъ измѣняться именно теперь, почему застой мозга не наступилъ въ дикомъ состояніи женщины, почему она сама не осталась дикаркой? Если-же мозгъ женщины будетъ развиваться постоянно подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, которыя вывели ее изъ состояніи дикарки, т. е. годъ вліяніемъ умственного развитія, то можно-ли говорить о врожденной неспособности женщины къ образованію высшему, чѣмъ то, какимъ она пользовалась до сихъ поръ, и не естественно-ли, въ силу-же бишоффскаго параллелизма, т. е. для того, чтобы удлинить ноги и прибавить тяжести къ мозгу женщины, открыть ей доступъ къ высшему образованію. Во всякомъ случаѣ, о врожденной неспособности женщины не можетъ быть и рѣчи, если мы разъ признали для нея возможность и необходимость умственного (слѣдовательно, и мозгового) совершенствованія, возможность стать выше того, чѣмъ она теперь. Возражать противъ того, почему женщина втеченіи необъятнаго промежутка времени, считая отъ первыхъ проблесковъ культуры, могла стать только нѣсколько выше дикарки, а не сравнялась въ умственномъ отношеніи съ мужчиной, совершенно излишне, потому что это все равно, что спросить, почему русскій крестьянинъ втеченіи громаднаго времени не могъ измѣнить своего матеріальнаго положенія и уничтожить своего невѣжества, или почему Россія стоитъ ниже въ культурномъ отношеніи другихъ государствъ Европы. Если умственное превосходство мужчины надъ женщиной объяснять специфическимъ превосходствомъ пола, то вѣдь такихъ специфичностей наберется неисчислимая тьма. Мы допустили предположеніе о соотвѣтствіи между интеллектуальными способностями и фізіологическими свой-

ствами организма только потому, что на эту точку зрѣнія становятся всѣ естествоиспытатели, отрицающіе во имя науки право женщинъ на высшее образованіе. Въ сущности-же эта точка зрѣнія есть лишь *ученая воляность*, такъ какъ она не имѣетъ за собой никакихъ фактовъ. Мы не только не знаемъ, какую роль играютъ въ сферѣ мысли длинныя или короткія ноги, легкое или тяжелое сердце, тонкая или толстая кожа, но мы не знаемъ даже, какое вліяніе имѣютъ объемъ и вѣсъ мозга на умственные способности. Но ученые противники женщинъ какъ будто забываютъ объ этомъ; исходя изъ этого грубаго заблужденія, они произносятъ приговоры величайшей общественной важности, попирая и практику обыденной жизни, и основные приемы того естественно-историческаго метода, которому они слѣдовали въ области своей науки. Такимъ ароматомъ пропитано насквозь и сочиненіе Эдуарда Рейха: „О причинахъ нервнаго расстройства и душевныхъ болѣзней у женщинъ и о предохраненіи отъ этихъ болѣзней“. Рейхъ объявляетъ, что общество въ опасности; онъ напрягаетъ всю свою эрудицію и неистово бьетъ въ набатъ, доказывая, что между современными женщинами усиливается умопомѣшательство вслѣдствіе стремленій къ равноправности и образованію, противорѣчащихъ, по его мнѣнію, женской природѣ, ея физиологическимъ особенностямъ и психической организаціи. Не долго думая, Рейхъ сразу желалъ покончить всѣ счеты съ стремленіями современной женщины. Онъ какъ будто подсказываетъ: я не хочу спорить съ вами, имѣете-ли вы право на высшее образованіе, на гражданскую равноправность, на практическую дѣятельность и пр.; мнѣ, какъ серьезному ученому, нѣтъ никакого дѣла до этого вздора, но, вотъ вамъ, послушайте, что говоритъ наука моими устами. Она говоритъ, что всякій шагъ на пути прогресса женщинъ, малѣйшее поползновеніе ихъ выйдти изъ круга обязанностей, возложенныхъ на нихъ исторіей и нашимъ добрымъ, старымъ прошлымъ, сопровождается злѣйшими недугами и глубокими расстройствами нервной системы и мозга. Она предлагаетъ вамъ на выборъ: покориться традиціонному рабству и быть здоровыми, или-же стремиться къ равноправности съ полной увѣренностью очутиться въ домѣ умалишенныхъ. Такую дилемму ставить современнымъ женщинамъ наука Рейха,—наука мертвая, какъ гробъ, и сухая, какъ высох-

шій мозгъ нѣмецкаго филистера. Подобно Бишоффу и другимъ естествоиспытателямъ, Рейхъ говоритъ, что женщина принадлежитъ къ нисшей расовой породѣ, и стремится доказать это анатомическимъ анализомъ организма женщины, начиная по обыкновенію изслѣдованіями головного мозга, слѣдовательно, того органа, который всего болѣе подверженъ измѣненіямъ отъ внѣшнихъ условій окружающей жизни, цивилизаціи, образа жизни, развитія и образованія. Рейхъ приходитъ къ заключенію, что вѣсъ и объемъ мужского мозга больше женскаго, а отсюда онъ выводитъ и различіе психическихъ свойствъ между двумя полами. Вѣроятно, большинству читателей уже извѣстно, что справедливость послѣдняго заключенія сильно пошатнута въ настоящее время, а съ другой стороны, если абсолютный вѣсъ мозга дѣйствительно больше у мужчинъ, то за то относительный вѣсъ (т. е. вѣсъ мозга въ сравненіи съ вѣсомъ всего тѣла) одинаковъ у обоихъ половъ или даже нѣсколько болѣе у женщины,—фактъ, который хотя и упомянуть Рейхъ, но совершенно не принять имъ во вниманіе. Зажѣательно также, что самъ Рейхъ приводитъ далѣе такіе факты, которые ослабляютъ силу его-же собственныхъ соображеній. Такъ, доказывая, что у мужчинъ мозгъ тяжелѣе, чѣмъ у женщинъ, онъ помѣстилъ таблицу измѣреній вѣса мозга сначала у здоровыхъ людей обоого пола, а затѣмъ рядомъ отдѣлилъ графу для мозга помѣшанныхъ. Изъ этой послѣдней графы оказывается, что у помѣшанныхъ мозгъ больше вѣсится, чѣмъ у здоровыхъ (стр. 4), что, впрочемъ, давно уже было извѣстно всѣмъ психіатрамъ. Во всякомъ случаѣ, это фактъ довольно краснорѣчивый. Но одно соображеніе Рейха относительно нервной организаціи женщинъ, по видимому, справедливо. Тѣло женщины вѣсится менѣе, чѣмъ у мужчины; органы ея легче, а между тѣмъ вѣсъ мозга уменьшенъ весьма незначительно въ сравненіи съ уменьшеннымъ вѣсомъ тѣла. Отсюда Рейхъ справедливо заключаетъ, что отношеніе нервной массы къ другимъ органамъ тѣла у женщины болѣе, чѣмъ у мужчины; другими словами, каждая точка тѣла женщины обильнѣе нервными элементами, чѣмъ у мужчины, слѣдовательно вообще организмъ женщины воспримчивѣе и впечатлительнѣе. Вотъ и все, что можно сказать по этому поводу. Но Рейхъ идетъ далѣе, онъ говоритъ, что вслѣдствіе этой усиленной воспримчивости для жен-

щинъ вредно высшее образованіе, что оно будетъ лишь сводить ихъ съума и наполнять ими клиники душевныхъ больныхъ. Если даже признавать въ указанной особенности женскаго организма источникъ нервнаго расстройства (Nervosität), то все-таки мы должны придти къ заключенію прямо противоположному, потому что всякому извѣстно, что противъ нервной раздражительности и высокой впечатлительности единственное спасеніе — работа мысли и ограниченіе сферы чувства. Поэтому фактъ чрезвычайной чувствительности женщинъ долженъ служить, какъ разъ наоборотъ, могущественнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы возможно больше развивать женскую мысль и расширять образованіе женщины, а не суживать его, какъ того желаетъ Рейхъ *). Близорукость этого ученаго, его безцеремонность въ поползновеніяхъ подогнать подъ свои предвзятія убѣжденія всѣ факты и выводы науки — истиннѣ изумительны. Пусть существуетъ фактъ усиленнаго помѣшательства между женщинами, но кому-же придется въ голову считать причиной его образованіе. Ужь если искать объясненія для усиленнаго помѣшательства между женщинами въ психическихъ моментахъ и въ фізіологическихъ условіяхъ ихъ нервной системы, то, разумѣется, всякій трезвый умъ остановится прежде всего именно на излишнемъ развитіи нервовъ женщины, на угнетеніи мысли насчетъ чувства, головного мозга насчетъ спинного, большихъ полушарій, какъ центра идей, насчетъ мозжечка и продол-

---

*) Мысль эта, разумѣется, не могла придти въ голову Рейха, которому во всемъ и вездѣ мерещется смерть и вырожденіе. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о причинахъ вырожденія челоука, онъ, повидимому, склоненъ считать всю современную цивилизацію душевной болѣзью, которая немануемо должна окончиться вырожденіемъ челоуческаго рода. Не мудрено поэтому, что и стремленіе женщинъ къ образованію является у него, какъ одинъ изъ симптомовъ этой болѣзни. Но всего любопытнѣе, что онъ ссылается при этомъ на нѣкоторыя случайныя выраженія въ статьѣ Карла Маркса, напечатанной въ 1845 году въ запискахъ геттингенскаго ученаго общества. Во-первыхъ, общій смыслъ статьи Маркса (она озаглавлена: „Объ уменьшеніи болѣзни въ слѣдствіе развитія цивилизаціи“) противорѣчитъ взглядамъ Рейха, а во-вторыхъ, въ одномъ мѣстѣ этой статьи прямо говорится, что полуобразованіе ведетъ въ сумасшедшій домъ, а „не напряженіе душевныхъ силъ въ стремленіи облагородить свое существованіе въ высшемъ значеніи этого слова“. „Страсти и перемѣны счастья ведутъ къ помѣшательству, но цивилизацію вообще нельзя считать продуктомъ душевныхъ болѣзней, напротивъ, *нервные страданія*, *ипохондрія*, *истерика* и пр. уменьшились въ сравненіи съ прежнимъ временемъ.“

говатаго мозга. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, анатомическія изслѣдованія, приведенныя хоть-бы тѣмъ-же Рейхомъ, а во-вторыхъ, и исторія; ибо всякій знаетъ, что женщина до сихъ поръ жила исключительно инстинктами и чувствомъ, хотя и не болѣе, чѣмъ мужчины простыхъ классовъ населенія. Слѣдовательно, не чрезмѣрнымъ образованіемъ нужно объяснять помѣшательство между женщинами, какъ это дѣлаетъ Рейхъ, но, наоборотъ, недостатокъ здороваго образованія, удаленіемъ всего, что могло-бы укрѣпить ихъ мысль, уравниваетъ болѣзненно-развитую чувствительность. И можно-ли, спрашивается, говорить о чрезмѣрномъ образованіи, когда до послѣдняго времени имъ не давали почти никакого, а съ другой стороны и стремленіе къ равноправности, такъ строго порицаемое Рейхомъ, обнаружилось слишкомъ недавно и сравнительно съ массою всѣхъ женщинъ составляетъ каплю въ морѣ.

Но особенно любопытны по своему крайнему пристрастію соображенія Рейха по поводу того обстоятельства, что по мѣрѣ совершенства расъ анатомическія различія между черепами мужчинъ и женщинъ увеличиваются, какъ это видно изъ слѣдующей довольно интересной таблицы:

вмѣстимость черепа.	женщины и мужчины.	
У азійтскихъ кавказцевъ	1	1,270
„ европейцевъ	1	1,168
„ монголовъ	1	1,129
„ малайцевъ	1	1,082
„ американцевъ	1	1,079
„ негровъ	1	1,071

Отсюда Рейхъ выводитъ такое заключеніе: „такъ какъ различіе между мужчинами и женщинами увеличивается по мѣрѣ совершенства расъ,—другими словами, такъ какъ у цивилизованныхъ расъ вмѣстимость мужского черепа превосходитъ вмѣстимость женскаго гораздо болѣе, чѣмъ у народовъ первобытныхъ, то поэтому мы и находимъ въ странахъ образованныхъ, гдѣ женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ практической жизни и берутся за то, что составляетъ дѣло мужчинъ, множество случаевъ и душевныхъ разстройствъ, и всего болѣе между женщинами“. Вотъ образчикъ нѣмецкой метафизики, гар-

нированной фактами реальной науки. Откуда, спрашивается, Рейхъ могъ сдѣлать такой выводъ? Онъ положительно нигдѣ не приводитъ статистики помѣшательства между цивилизованными и нецивилизованными народами. Но положимъ, что помѣшательство менѣе развито между послѣдними, судя по нѣкоторымъ даннымъ, на которыхъ Рейхъ, однако, вовсе не основывается, но причежь же тутъ черепа? Смыслъ таблицы, приведенной Рейхомъ, и основанныхъ на ней выводовъ, повидимому, таковъ: статистика доказала, что чѣмъ цивилизованнѣе страна, тѣмъ больше умственное превосходство мужчины надъ женщиной и тѣмъ выше мозговая организація первыхъ. Съ прогрессомъ цивилизаціи и развитіемъ наукъ пропасть между мужчиной и женщиной будетъ постоянно расширяться, ея черепъ будетъ все менѣе и менѣе въ сравненіи съ мужскимъ, а потому и стремленіе женщины къ интеллектуальному равенству съ мужчинами будетъ оплачиваться для нея постоянно возрастающимъ умопомѣшательствомъ. Если въ настоящее время между женщинами 50% сходить съ ума, то этотъ процентъ будетъ увеличиваться, по мѣрѣ возвышенія общаго уровня человѣческой интеллигенціи, если только женщины вовремя не образумятся и не сознаютъ, наконецъ, свое умственное безсиліе. Таково зловѣщее пророчество Рейха, якобы основанное на антропологическихъ данныхъ. Попробуемъ, однакожь, отнестись къ этому выводу критически и, посмотримъ, насколько въ немъ правды. Изъ таблицы Рейха дѣйствительно видно, что въ цивилизованныхъ странахъ женскіе черепа болѣе уступаютъ по объему мужскимъ, чѣмъ у народовъ первобытныхъ и неразвитыхъ. Но мы уже говорили выше, что не только объемъ черепа, но и вѣсъ мозгового вещества не даетъ права судить о его качествѣ и вообще о способностяхъ. Но въ угоду Рейху можно предположить, что европейская женщина болѣе уступаетъ въ умственномъ отношеніи европейцу, чѣмъ, напр., негрятянка негру. Такое предположеніе весьма естественно; однако оно вполне могло быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ умственное развитіе женщины было ничтожно, тогда какъ мужчина сравнительно далеко ушелъ впередъ. Первоначальный фактъ насилія далъ возможность мужчинѣ совершить на пути прогресса нѣсколько шаговъ прежде, чѣмъ женщина успѣла лишь занести ногу, чтобы сдѣлать первый шагъ.

Понятно, что въ первоначальный моментъ цивилизаціи, когда лишь начиналось это состязаніе, между полами не могло быть значительнаго промежутка, а потому мы и находимъ больше интеллектуальнаго равенства между негритянкой и негромъ, чѣмъ между европейской женщиной и европейцемъ. Но затѣмъ, съ теченіемъ цивилизаціи, первоначальное насиліе не прекращалось, а только пускало корни въ глубину и ширину, такъ что, несмотря на постоянныя усилія европейской женщины (засвидѣтельствованныя ея исторіей), она могла лишь весьма медленно подвигаться впередъ и въ сущности до сихъ поръ она не далеко отошла отъ первобытной дикарки. Ея положеніе даже болѣе невыгодно въ настоящее время, чѣмъ положеніе послѣдней, потому что вызванная усложнившимися условіями цивилизаціи на арену напряженной борьбы за существованіе, она должна была обороняться палкой отъ стальныхъ орудій. Въ первобытной-же культурѣ борьба за существованіе гораздо проще, и насиліе еще не успѣло переплестись всѣми своими корнями съ психической стороной женщины, и потому между полами не могло выработаться такого множества интеллектуальныхъ и социальныхъ различій и въ такой рельефной формѣ, какъ въ состояніи цивилизованномъ. Этимъ только и объясняются факты, приведенные въ вышеупомянутой таблицѣ. Но эта таблица для насъ поучительна съ другой стороны, такъ какъ изъ нея вытекаютъ совершенно противоположные выводы тѣмъ, къ которымъ пришелъ Рейхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сообщенные имъ факты показываютъ, что чѣмъ меньше интеллектуальный промежутокъ между полами, слѣдовательно, чѣмъ равноправнѣе они, тѣмъ болѣе сглаживаются и физиологическія различія ихъ организма, какъ, напр., черепа. По свидѣтельству путешественниковъ, негритянскія обитательницы внутренней Африки, куда до послѣдняго времени не проникалъ ни одинъ лучъ европейской цивилизаціи, пользуются замѣчательною свободой и вовсе не испытываютъ того семейнаго гнета, какого можно было-бы ожидать у этой вполне первобытной и глубоко-незѣжественной расы. Между другими, уже болѣе цивилизованными дикарями, какъ, напр., между болѣе развитыми американскими индѣйцами на женщинѣ тоже замѣтна въ большей степени печать рабской обособленности, однако и здѣсь больше равноправности и независимости, чѣмъ между образованными европейцами. Въ pendant къ

различнымъ степенямъ свободы и равноправности женщины могутъ быть поставлены и черепа. Изъ этого можно вывести слѣдующую мораль: для того, чтобы исчезло или, по крайней мѣрѣ, уменьшилось различіе въ объемѣ череповъ между полами,—различіе, которое Рейхъ считаетъ даже причиной усиленнаго помѣшательства между цивилизованными женщинами, послѣднія должны стремиться именно къ равноправности и высшему образованію, а не откращиваться отъ него, какъ совѣтуетъ Рейхъ. Иначе, согласно его-же собственнымъ выводамъ, женскіе черепа будутъ все болѣе и болѣе отставать въ развитіи отъ мужскихъ, а вѣстѣ съ тѣмъ между женщинами будетъ усиливаться и помѣшательство.

До сихъ поръ мы часто упоминали о помѣшательствѣ между женщинами и принимали безъ всякой критической провѣрки мысль Рейха, что оно сильнѣе распространено между ними, чѣмъ между мужчинами. Такъ какъ этотъ пунктъ составляетъ существенную часть сочиненія Рейха, то мы приведемъ на этотъ разъ его подлинныя слова. „Теперь спрашивается, говоритъ онъ, въ какой степени распространено помѣшательство между женщинами въ различныхъ странахъ. Регхарре, основываясь на статистическихъ данныхъ для многихъ мѣстъ, приходитъ къ тому убѣжденію, что въ одномъ мѣстѣ больше помѣшанныхъ мужчинъ, а въ другомъ помѣшанныхъ женщинъ, но, по моему мнѣнію, изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что во всѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ порча правовъ, нищета и ханжество достигли замѣтной степени, женщины чаще подвергаются душевнымъ разстройствамъ, чѣмъ мужчины. Регхарре упоминаетъ о статистическихъ фактахъ, собранныхъ такими-то: слѣдуютъ имена изслѣдователей. Изъ этихъ фактовъ видно, что помѣшательство было сильнѣе распространено между женщинами, чѣмъ между мужчинами въ Парижѣ, Лионѣ, Миланѣ, Петербургѣ и Шотландіи. А. Легуа, изучившій въ подробности статистику умопомѣшательства и идиотизма въ различныхъ странахъ, составилъ слѣдующую таблицу:

		Въ Силез. Саксон. Вюртемб. Бельгін. Шотлан.			
Одинъ помѣш. мужч. приход. на	1650	1227	1019	892	372 м.
Одна помѣш. женщ. приход. на	1652	1746	880	1041	412 ж.
		Въ Даніи. Норвег. Массачуз.		Нью-Йорк. штатѣ.	
Одинъ помѣш. мужч. приход. на	861	631	442	1422 м.	
Одна помѣш. женщ. приход. на	732	642	413	1138 ж.	

	Въ Силез.	Саксон.	Вюртемб.	Ольденбург.
Одинъ идиотъ приходится на	3072	490	479	353 м.
Одна идиотка приходится на	4267	503	488	382 ж.
	Въ Массач.	Даніи.		Норвегін.
Одинъ идиотъ приходится на	785	646		661 м.
Одна идиотка приходится на	1088	758		750 ж.

Эта-та таблица и подала мысль Рейху написать настоящую книгу. Безпристрастно изучая цифры Легуа, вѣроятно, всякій согласится, что изъ нихъ не только не видно, чтобы причиной усиленнаго помѣшательства между женщинами было чрезмѣрное образованіе и стремленіе къ равноправности, какъ увѣряеть Рейхъ при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ, но мы не имѣемъ даже права утверждать, что помѣшательство вообще сильнѣе распространено между женщинами, чѣмъ мужчинами. Въ Силезіи оно одинаково между тѣми и другими; въ Саксоніи оно значительно слабѣе между женщинами, точно также какъ въ Бельгіи, Норвегіи и Шотландіи. Остаются за тѣмъ только 4 мѣстности, гдѣ процентъ помѣшательства больше у женщинъ: Вюртембергъ, Данія, Массачусетсъ и Нью-Йорскій штатъ. Двѣ послѣднія мѣстности, безъ сомнѣнія, цивилизованнѣе первыхъ, и, зная напримѣръ, что въ Массачусетѣ одна помѣшанная приходится на 400 женщинъ, тогда какъ въ Силезіи одна на 1500, принимая также во вниманіе, что и экономическое положеніе женщинъ въ Америкѣ вообще выше, чѣмъ въ Европѣ, легко, конечно, склониться на сторону Рейха и предположить, что массачусетскихъ женщинъ сводить съ ума образованіе и стремленіе къ равноправности, которое въ тому-же достигаетъ между ними такихъ размѣровъ, какъ ни въ одномъ государствѣ Европы и ни въ одномъ штатѣ Сѣв. Америки. Вотъ всѣ поводы, которые заставляютъ признать, что въ цивилизованныхъ странахъ женщины легче подвергаются душевнымъ разстройствамъ, чѣмъ въ странахъ съ низкимъ уровнемъ общественной жизни. Но вѣдь тоже самое мы можемъ сказать и относительно всѣхъ мужчинъ; если въ Массачусетѣ больше помѣшанныхъ женщинъ, чѣмъ въ Силезіи или Саксоніи, то вѣдь тамъ-же и помѣшанныхъ мужчинъ больше. Но въ Даніи, напр., помѣшанныхъ женщинъ больше, равно какъ и Вюртембергѣ, но самъ Рейхъ соглашается, что въ этихъ мѣстностяхъ женщины вовсе не принимаютъ участія въ практической дѣятельности и не „берутся за то, что составляетъ

дѣло мужчинъ“, а съ другой стороны въ Бельгiи женщинъ меньше сходитъ съума, чѣмъ мужчинъ, хотя тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы-то ни было въ Европѣ, женщины берутся за мужскія профессіи, какъ, напр., многія изъ нихъ служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ различныхъ административныхъ вѣдомствахъ, участвуютъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ и т. д. Изъ таблицы, приведенной Рейхомъ, видно также, что идиотизмъ безусловно слабѣе распространенъ между женщинами, чѣмъ между мужчинами; какъ-же объяснить этотъ фактъ? На это Рейхъ не даетъ никакого отвѣта, между-тѣмъ какъ этотъ фактъ стоитъ въ прямомъ противорѣчii съ мнѣніемъ Рейха, высказанномъ нѣсколько далѣе. На стр. 390 онъ говоритъ: „Пинель доказалъ (?), что строеніе черепа находится въ причинной связи съ душевными болѣзнями, что черепъ помѣшаннаго представляетъ другія особенности, чѣмъ черепъ нормальнаго человѣка. Согласно мнѣнію Карла Густава Каруса, люди съ большой, широкой головой склонны къ меланхоліи, тогда какъ небольшая, узкая голова располагаетъ къ идиотизму. Но, по Рейху, женскій черепъ значительно менѣе мужского, тогда какъ изъ вышеупомянутой таблицы слѣдуетъ, что идиотизмъ вездѣ и безъ исключенія гораздо сильнѣе распространенъ между мужчинами, чѣмъ между женщинами. Изъ этого противорѣчiя видно, какъ мало значенія можно придавать естественно-историческимъ даннымъ въ дѣлѣ рѣшенія женскаго вопроса. Эти данныя сами по себѣ еще слишкомъ шатки и мало выяснены съ научной стороны, чтобы можно было основывать на нихъ приговоры такой чрезвычайной общественной важности, какъ можно было основывать неспособность женщинъ къ высшему образованію и умственному развитію.

Поэтому въ этомъ отношеніи оказывается виноватой не чрезмерность образованія а только болѣе сильная, болѣе широкая и всесторонняя борьба за существованіе, виноваты не нормальныя соціальныя и экономическія условія, которыя всплываютъ на поверхности всякой цивилизаціи, какъ грязная иѣва на поверхности моря; они составляютъ оборотную сторону цивилизаціи, и выступаютъ тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ выше уровень послѣдней. Но разница въ числѣ помѣшанныхъ мужчинъ и женщинъ такъ незначительна, что о ней въ сущности едва-ли стоитъ и говорить.

Мы уже замѣтили выше, что если признавать усиленное помѣ-

шатательство между женщинами, то это можно объяснять какъ недостаткомъ равноправности, вслѣдствіе котораго онѣ вступають въ повседневную борьбу (которая вслѣдствіе брачныхъ условій для нихъ все-таки слабѣе) за существованіе съ сравнительно слабымъ оружіемъ, такъ и пріобрѣтенными особенностями нервной организаціи женщинъ (угнетеніе мысли насчетъ чувства, большихъ полушарій мозга насчетъ мозжечка и т. д.), которыя могутъ быть уничтожены расширеніемъ ея образованія. Но если эти причины, и особенно послѣдняя, не ведутъ все-таки къ усиленному помѣшательству между *массой простыхъ* женщинъ, какъ мы покажемъ далѣе, если эти причины не выдѣляютъ въ средѣ большинства помѣшанныхъ женщинъ изъ массы помѣшанныхъ мужчинъ, то это, конечно, потому, что эти причины дѣйствуютъ однообразно и съ одинаковой силой, какъ между женщинами, такъ и мужчинами *простыхъ классовъ населенія*. Но допуская даже, — что едва-ли справедливо, — что и въ простыхъ классахъ населенія эта причина *нѣсколько* сильнѣе вліяла между женщинами, потому будто, что мужчинамъ былъ предоставленъ большій умственный просторъ, больше случаевъ и возможности культивировать свой мозгъ, то за-то съ такой-же вѣроятностью можно предположить, что условія брака взваливали на плечи мужчинъ большее бремя трудныхъ заботъ о матеріальныхъ нуждахъ семьи. Слѣдовательно, если въ первомъ случаѣ благоприятныя условія для культуры мозга тщательнѣе предохраняли мужчинъ отъ помѣшательства, чѣмъ женщинъ, то за то съ другой стороны болѣе активное участіе мужчинъ въ борьбѣ за существованіе подвергало ихъ гораздо чаще, чѣмъ женщинъ, опасности душевнаго расстройства. Слѣдовательно, и при уступкѣ, которую мы сдѣлали выше, помѣшательство одинаково должно быть распространено между обоими полами. Но повторяемъ, что мы считаемъ сомнительнымъ, какъ то, чтобы въ массѣ простого населенія недостатокъ культуры мозга былъ замѣтнѣе между женщинами, чѣмъ между мужчинами, такъ равно и то, чтобы борьба за существованіе была сильнѣе между послѣдними. И тѣ, и другія причины пока дѣйствуютъ совершенно одинаково между обоими полами и приводятъ къ тому, что и помѣшательство распространено между ними въ равной степени.

Масса простого народа представляетъ въ сущности весьма одно-

образный составъ по развитію социальныхъ и интеллектуальныхъ отношеній между полами, такъ что между большинствомъ европейцевъ, т. е. низшимъ классомъ народонаселенія, разница между мужчинами и женщинами приблизительно такъ-же не велика, какъ, напр., между неграми и негритянками. Эта разница начинаетъ увеличиваться только по мѣрѣ того, какъ мы будемъ восходить къ меньшинству, т. е. къ высшимъ и образованнымъ классамъ, гдѣ сфера борьбы становится шире, цивилизація сложнѣе, стремленія и интересы разнообразнѣе. Среди большинства европейскихъ женщинъ не представляется и возможности такой борьбы, какую ведутъ мужчины, потому что до сихъ поръ для женщинъ еще закрыты пути къ профессиональной дѣятельности, за которую только еще начинаютъ приниматься самыя образованныя и весьма немногія изъ нихъ, тогда какъ въ низшихъ слояхъ населенія, думаемъ, и самое слово „эмансипація“ не извѣстно. Въ Америкѣ, правда, эта борьба уже начинается, но только начинается, принимать замѣтные размѣры, но въ старой Европѣ она возможна въ настоящее время только для весьма ничтожнаго числа женщинъ, которое совершенно исчезаетъ въ массѣ большинства женщинъ, ничуть неотличающагося отъ большинства мужчинъ. Вотъ почему въ общемъ итогѣ причинъ помѣшательства между большинствомъ населенія нельзя указывать на борьбу за существованіе, какъ на болѣе сильную причину помѣшательства между женщинами. Что-же касается другой причины, угнетенія мысли и т. д., то пока,—если только принять во вниманіе большинство,—она не имѣетъ серьезнаго значенія; ея вліяніе можетъ обнаруживаться на классахъ болѣе или менѣе образованныхъ, но и тамъ, кажется, оно проблематично и довольно нерѣшительно, судя по слѣдующей таблицѣ причинъ помѣшательства, для болѣе легкаго обзорѣнія которыхъ мы перевели абсолютныя числа Рейха въ процентныя:

	мужчины	женщины.
Беременность	„	13,6
Разстройство менструаціи.	„	50,0
Истерика	„	8,3
Онанизмъ	8,2	7,2
Честолюбіе	21,2	„
Религія и мистицизмъ	8,5	2,1

Любовь	12,0	1,2
Перемѣна матеріальной обстановки	19,3	6,2
Гнѣвъ	18,2	7,7
Политическія событія	12,3	"
Испугъ	"	3,1 ¹⁾

Такимъ образомъ, мы не видимъ достаточныхъ поводовъ признать, чтобы двѣ вышеупомянутыя причины сильнѣе дѣйствовали между большинствомъ женщинъ, чѣмъ между большинствомъ мужчинъ; другихъ-же причинъ болѣе сильнаго помѣшательства между первыми не можетъ быть, да о нихъ не говорить и самъ Рейхъ. Но если нѣтъ причинъ, или если онѣ одинаково дѣйствуютъ между двумя полами, то не можетъ существовать и самаго факта большаго распространенія помѣшательства между женщинами. Дѣйствительно, новѣйшія статистическія данныя подтверждаютъ это. Рейхъ основывался на изслѣдованіяхъ Легуа, изслѣдованіяхъ серьезныхъ, но въ настоящее время, однако, устарѣлыхъ. До послѣдняго времени они были въ сущности единственнымъ матеріаломъ по статистикѣ помѣшательства и ввели очень многихъ въ заблужденіе по вопросу о сравнительномъ распространеніи помѣшательства между полами. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Journal de la Société Statistique de Paris“ (Treizième année, № 3, Mars 1871—72), въ которомъ до сихъ поръ сотрудничаетъ Легуа, приведены результаты статистическихъ изслѣдованій надъ помѣшательствомъ между

¹⁾ Въ нижеслѣдующей таблицѣ, составленной на основаніи другихъ источниковъ, приведены числа для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ; они относятся къ 1811—12 году.

Семейныя распри	27,6
Несчастливая любовь	14,2
Политическія событія	9,1
Фанатизмъ	1,8
Испугъ	9,3
Тщеславіе	6,5
Гнѣвъ	3,2
Нищета и матеріал. кризисъ	18,4
Оскорбленное самолюбіе	3,4
Неудовлетворенное честолюбіе	2,4
Чрезмѣрныя умств. занятія	2,6
Вражда къ людямъ (мизантропизмъ)	0,3.

мужчинами и женщинами. Вообще среднимъ числомъ на 100 душевно - больныхъ приходится женщинъ 51,⁹⁰, а мужчинъ 48,¹⁰. Но этотъ перевѣсъ женщинъ имѣетъ мѣсто лишь при упоминательствѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова; между идиотами-же, напротивъ, больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ (51 мужчина на 49 женщинъ), что видно также и изъ таблицы Леуга, приведенной Рейхомъ. Тщательное изслѣдованіе, произведенное съ цѣлью разъясненія причинъ численнаго перевѣса помѣшанныхъ женщинъ надъ мужчинами показало, что этотъ перевѣсъ зависитъ не отъ того, что женщинъ больше сходить съ ума, но отъ того, что они остаются въ больницѣ долѣе, чѣмъ мужчины, другими словами, — отъ того, что смертность отъ помѣшательства между мужчинами сильнѣе, что совершенно упустилъ изъ виду Леуга, въ присутствіи котораго на одномъ изъ засѣданій и было заявлено объ этомъ безъ всякаго съ его стороны возраженія. Среднее пребываніе женщинъ въ домѣ умалишенныхъ равняется 9 мѣсяцамъ и 5 днямъ, а мужчинъ 8 мѣсяцамъ и 20 днямъ ¹⁾. Разница разумѣется, незначительная, но вѣдь и перевѣсъ помѣшанныхъ женщинъ не менѣе незначителенъ.

Итакъ, слѣдовательно, мы имѣемъ право утверждать, что фактъ, подѣ влияніемъ котораго написана книга Рейха, или вообще не существуетъ, или суживается до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ; но и тогда для объясненія его нелѣпо искать причины въ стремленіи женщинъ къ высшему образованію и равноправности. Но если-бы и въ самомъ дѣлѣ помѣшательство было распространено между женщинами сильнѣе, чѣмъ между мужчинами вслѣдствіе ихъ попытокъ расширить свое образованіе и найти доступъ къ профессиональной дѣятельности, то и тогда, все-таки, Рейхъ былъ-бы такъ-же не правъ, какъ если-бы онъ вздумалъ совѣтовать всѣмъ людямъ отказаться отъ современной цивилизаціи потому, что на ней онъ замѣтилъ нѣсколько темныхъ пятенъ. Въ настоящее время социальныя и экономическія

¹⁾ Авторъ упомянутого статистическаго отчета о помѣшательствѣ говоритъ: «Cette disproportion, constatée depuis l'origine des recherches faites sur ce point, appelle l'attention; elle exclut en effet l'idée émise par plusieurs aliénistes d'une prédisposition de la femme à la folie.

отношенія слагаются весьма невыгодно и преимущественно для женщинъ; между тѣмъ какъ число незамужнихъ между ними постоянно возрастаетъ, источники заработковъ по прежнему скудны. Поучительны въ этомъ отношеніи статистическія изслѣдованія относительно распространенія помѣшательства по возрастамъ между мужчинами и женщинами. Въ Парижѣ, напр., до сороколѣтняго возраста помѣшательство преобладаетъ между мужчинами, тогда какъ послѣ этого до глубокой старости—женщинъ больше сходитъ съума, чѣмъ мужчинъ. Въ Парижѣ на 1,000 помѣшанныхъ мужчинъ приходится 210,₈ человекъ между 40—50 лѣтнимъ возрастомъ, тогда какъ помѣшанныхъ женщинъ между этимъ-же возрастомъ считается 220,₃ на 1,000. Изъ тысячи помѣшанныхъ мужчинъ 137,₅ приходится между 50—60 годами, тогда какъ изъ 1,000 помѣшанныхъ женщинъ того-же возраста—141,₁. Если мы обратимся къ Норвегіи, имѣющей, конечно, мало общаго съ Парижемъ, то тамъ мы найдемъ то-же самое. Изъ 1,000 помѣшанныхъ мужчинъ въ Норвегіи считается 150,₇ помѣшанныхъ между 40—50 годами, тогда какъ женщинъ 173; между 50—60 годами мужчинъ 127, а женщинъ 130. Какой-же смыслъ имѣютъ эти цифры? Очевидно, что до сороколѣтняго возраста матеріальное положеніе женщины, говоря вообще, сноснѣе, чѣмъ послѣ, такъ какъ она находится подъ защитой мужа или отца. Въ это время вся тяжесть борьбы за существованіе падаетъ на мужчинъ и, быть можетъ, потому-то и велика такъ смертность между ними въ эти годы. Послѣ-же сорока лѣтъ женщины вдовѣютъ и тогда онѣ остаются на произволъ судьбы, обрекающей ихъ на всевозможныя лишенія и заботы. Новѣйшія статистическія изслѣдованія показали, что въ Берлинѣ, напр., на 1 вдовца приходится 4 вдовы. Чѣмъ-же, спрашивается, должны существовать онѣ, если закрыть имъ доступъ къ завятіямъ, теперь монополизированнымъ мужчинами, чего и желаетъ Рейхъ? Именно то, что онъ считаетъ причинами помѣшательства у женщинъ, т. е. образованіе и предоставленіе имъ доступа къ практической дѣятельности,—только это и можетъ ослабить между ними помѣшательство.

Если дѣло останется въ такомъ-же положеніи далѣе, то очень можетъ быть, что въ недалекомъ будущемъ явятся ясныя и осязательные факты большаго распространенія помѣшательства

между женщинами. Теперь этих фактов пока еще нет, но крайней мерѣ, они весьма проблематичны, но стоит только женщинам послушать совѣтовъ Рейха и отказаться отъ своего права на общественную практическую дѣятельность, и можно быть увѣреннымъ, что процентъ помѣшанныхъ между ними возрастетъ, если не прямо, то косвенно, путемъ пауперизма и проституціи. И тогда, дѣйствительно, женщинамъ ничего не останется, какъ раздѣлить судьбу гаремной одалиски, на которую Рейхъ серьезно указываетъ, какъ на спасительный образецъ социальнаго положенія женщины. Наивность этого доктора доходитъ до того, что онъ считаетъ жизнь турецкой женщины вполне согласной съ условіями для нормальнаго, здороваго состоянія духа и тѣла, онъ превозноситъ нравственныя качества турчанки и считаетъ ее олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей въ мірѣ. По Рейху, ядъ женской эмансипаціи разливается по всей Европѣ и Америкѣ и медленно подтачиваетъ организмъ женщины, для которой не остается иного исхода, какъ возвратиться къ дѣвственной эпохѣ первобытнаго варварства. Какъ на образецъ такого цѣлебнаго варварства, Рейхъ указываетъ на Турцію, гдѣ, по его мнѣнію, женщина благоденствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дойдя до этого мѣста въ сочиненіи Рейха, мы долго не могли вѣрить своимъ глазамъ и пытались найти въ этой чудовищной нелѣпости глубокомысленную остроту въ нѣмецкомъ вкусѣ. Но попытки эти были тщетны и излишни; авторъ, перечисливъ всѣ добродѣтели турецкаго гарема, замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, благоприятныя общественныя отношенія и благоустроенность семьи у турокъ оказываютъ весьма благотворное вліяніе на нервы, расположеніе духа и умъ женщинъ этого народа; этимъ объясняется та степень высокаго благосостоянія, которымъ пользуются турецкія женщины. Весь строй социальной жизни въ странахъ, населенныхъ турками, такъ правиленъ, что женщина никогда не бываетъ поставлена тамъ въ необходимость выходить изъ своего круга, вслѣдствіе чего она не подвергается ни чрезмерному напряженію ума, ни угнетенію духа отъ непосильнаго физическаго труда... У этого народа женщины воспитываются въ строгомъ согласіи съ природой, и Европа могла-бы многое заимствовать для себя изъ воспитанія турецкой женщины, особенно въ видахъ предохраненія своихъ женщинъ отъ нервныхъ и ду-

шевныхъ разстройствъ“ (стр. 11). Намъ нечего прибавлять къ этимъ словамъ; они говорятъ сами за себя. Далѣе этого не можно идти наивность обскурантизма. Можно только поблагодарить Рейха за откровенность, съ которою онъ высказалъ свои мнѣнія, серьезно-же оспаривать ихъ было-бы смѣшно. Остается только замѣтить ему, что если, дѣйствительно, помѣшательство распространяется между европейскими женщинами потому, что онѣ удаляются отъ идеаловъ турецкой женщины, то пусть-же лучше гибнуть онѣ въ домахъ умалишенныхъ, чѣмъ на ложѣ гаремныхъ одалискъ, пусть сходятъ онѣ съ ума въ бурномъ водоворотѣ европейской цивилизаціи, а не прозябаютъ въ животномъ состояніи и здоровомъ бездѣйствіи мысли и духа турчанки. Дальнѣйшее содержаніе книги Рейха не представляетъ особеннаго интереса; оно касается причинъ помѣшательства, общихъ обоимъ поламъ и составлено на основаніи матеріаловъ и источниковъ весьма сомнительной свѣжести. Но за то этотъ матеріалъ беретъ если не качествомъ, то количествомъ: 195 сочиненій было подъ руками у этого трудолюбиваго и ученаго автора, неказавшаго ни одного слова безъ того, чтобъ не подкрѣпить его цитатой изъ какого-нибудь творенія нынѣшняго или даже прошлаго вѣка. Быть можетъ, въ этомъ духовномъ родствѣ автора съ столь отдаленными предками заключается главная причина печальныхъ свойствъ его пресловутаго произведенія. Независимо отъ этого въ книгѣ Рейха, какъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, такъ неумѣренно прославленныхъ г. Португаловымъ, неприятно поражаетъ самый методъ изслѣдованія, ничего неимѣющей общаго съ методомъ естественно-историческимъ. Взавъ, на примѣръ, какой-нибудь фактъ или выводъ изъ области естествознанія, Рейхъ пристроиваетъ его къ общественной жизни, утверждая, что она непременно должна слѣдовать въ своемъ теченіи его факту или выводу. Если-же эта жизнь продолжетъ идти своей колеей, онъ объявляетъ ей войну, а обществу грозитъ смертию и вырожденіемъ. Въ настоящемъ своемъ сочиненіи онъ воспользовался фактомъ нѣкоторыхъ физиологическихъ отличій въ нервной организаціи мужчинъ и женщинъ и, вмѣсто того, чтобы остановиться на его причинахъ, чтобы провѣрить его опытомъ общественной жизни, онъ, на основаніи его, пришелъ къ убѣжденію, что женщина неспособна къ высшему

умственному развитію. Но такъ-какъ, на самомъ дѣлѣ, женщина стремится къ высшему образованію и въ нѣкоторыхъ странахъ даже пользуется имъ, то Рейхъ, видя новое неповиновеніе дѣйствительности своимъ выводамъ, опять приходитъ въ негодованіе и грозитъ всѣхъ женщинъ упрятать въ сумасшедшій домъ. Совершенно также поступилъ въ своей брошюрѣ и извѣстный мюнхенскій профессоръ Бишоффъ, который дошелъ въ своихъ научныхъ предсказаніяхъ до такого совершенства, что объявилъ женщинъ неспособными не просто къ высшему образованію, но къ высшему образованію вообще и къ изученію *медицины въ частности*. Всѣ эти естествоиспытатели высказываютъ свои мнѣнія съ видомъ непогрѣшимыхъ жрецовъ положительной науки, не скрывая своего презрѣнія къ опыту жизни. Это своего рода метафизика, тѣмъ болѣе опасная, что она прикрывается какимъ-то рубищемъ реального знанія.

Но уже одного игнорированія со стороны Рейха, Бишоффа и tutti quanti соціальной практики достаточно, чтобы отнять всякое значеніе отъ ихъ quasi-научныхъ предсказаній и чревоущательствъ, и мы не считали-бы себя въ правѣ останавливаться на нихъ, если-бы только не были твердо убѣждены, что въ этомъ случаѣ между наукой, опытомъ жизни и практикой женскаго дѣла не существуетъ никакого разлада. Мы видѣли, что факты естествознанія или вовсе не опредѣляютъ сущности призванія женщинъ, или же скорѣе говорятъ за, чѣмъ противъ ихъ стремленій къ равноправности и высшему образованію. Практическія указанія дѣйствительности здѣсь всего важнѣе, а они-то цѣликомъ почти обращаются въ пользу женщинъ, какъ видно изъ брошюры цюрихскаго профессора Бемерта: „Образованіе женщинъ и изученіе ими медицины въ особенности“. Брошюра эта служитъ, между прочимъ, отвѣтомъ всѣмъ противникамъ женщинъ и преимущественно Бишоффу, мнѣніямъ котораго, основаннымъ, будто-бы, на выводахъ естествознанія, противопоставлены отзывы профессоровъ и специалистовъ по анатоміи и физиологіи. Бемертъ излагаетъ исторію попытокъ женщинъ посвятить себя университетскому образованію и особенно изученію медицины. Дѣло идетъ о цюрихскомъ университетѣ, такъ какъ доступъ къ другимъ европейскимъ университетамъ, за исключеніемъ, кажется, единбургскаго, до сихъ поръ еще закрытъ для

женщинъ. Первой слушательницей цюрихскаго университета была русская, г-жа К., которая вступила въ число студентовъ въ 1864 г., а въ слѣдующемъ году примѣру г-жи К. послѣдовала также русская, г-жа С. Затѣмъ число русскихъ слушательницъ постоянно возрастало, и въ настоящемъ году изъ 63 студентовъ цюрихскаго университета русскихъ остается 54 (44 на медицинскомъ факультетѣ и 10 на философскомъ). Швейцарія дала цюрихскому университету 2 женщины (обѣ на медицинскомъ факультетѣ), Германія 4 (3 на медицинскомъ и 1 на философскомъ), Австрія 2 (обѣ на медицинскомъ), Англія 1 (на медицинскомъ). Изъ всѣхъ слушательницъ докторскому экзамену подверглись 6 женщинъ, такъ какъ большая часть остальныхъ еще не окончила слушанія лекцій, а меньшая оставила университетъ безъ экзамена. Профессоръ Бемертъ подробно останавливается на судьбѣ этихъ 6 женщинъ, изъ которыхъ на окончательномъ испытаніи 4 получили отиѣтку: *хорошо*, а 2—*очень хорошо*. Одна изъ нихъ въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ занимается медицинской практикой въ Петербургѣ. Другая, жена петербургскаго врача, сопровождала профессора Розе въ качествѣ помощницы во время франко-прусской войны и получила отъ него весьма лестный отзывъ. Третья, молодая американка изъ Бостона, послѣ докторскаго экзамена въ Цюрихѣ, отправилась для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Вѣну, а впослѣдствіи возвратится въ Бостонъ, гдѣ ей уже обѣщано мѣсто врача при дѣтской больницѣ, если только она успѣетъ прибыть туда къ условленному сроку. На публичномъ актѣ послѣ экзамена цюрихскій профессоръ Германъ Мейеръ выразилъ отъ лица своихъ товарищей „удивленіе ея энергическому и мужественному стремленію къ разѣ поставленной цѣли“. Онъ замѣтилъ ей между прочимъ, что „своимъ примѣромъ она доказала, что женщина можетъ посвящать себя врачебной дѣятельности, не отказываясь отъ качествъ, присущихъ ея полу“. Затѣмъ профессоръ Мейеръ, какъ представитель медицинскаго факультета, сказалъ: „Намъ всѣмъ доставило особенное удовольствіе, что мѣстныя обстоятельства позволили оказать вамъ содѣйствіе для осуществленія вашихъ стремленій. Вы обязаны этимъ тому, что вліятельные кружки поставили себя выше традиціонныхъ предразсудковъ, а учащаяся молодежь, съ своей стороны, сьумѣла своимъ безукориз-

неннымъ поведеніемъ облегчить путь вамъ, своимъ товарищамъ по наукѣ“. Четвертая изъ числа цюрихскихъ студентокъ, блистательно выдержавшая испытаніе, была приглашена профессоромъ Вирмеромъ, директоромъ медицинской клиники, занять мѣсто помощницы ассистента въ женскомъ отдѣленіи цюрихскаго госпиталя, — случай до сихъ поръ небывалый, какъ справедливо замѣчаетъ Бемертъ. Примѣръ извѣстной Гарриетъ-Андерсонъ, получившей докторскій дипломъ изъ Лондона и изъ Парижа еще болѣе интересенъ, такъ-какъ она сама открыла женскую больницу въ Лондонѣ и до сихъ поръ управляетъ ею при содѣйствіи англичанки М., выдержавшей докторскій экзаменъ въ Цюрихѣ. Между прочимъ профессоръ Вирмеръ, вручая дипломъ этой послѣдней, произнесъ рѣчь, гдѣ, между прочимъ, сказалъ: „Вамъ принадлежитъ, милостивая государыня, значительная доля участія въ разрѣшеніи великой соціальной проблемы, которая занимаетъ въ настоящее время наше общество. Своимъ рвеніемъ и серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ вы служили примѣромъ для всѣхъ женщинъ, находящихся въ нашемъ университетѣ, и я не сомнѣваюсь, что какъ въ собственныхъ интересахъ, такъ и для блага другихъ вы сдѣлаете достойное употребленіе изъ пріобрѣтенныхъ вами познаній“. Всѣ упомянутыя нами женщины пользуются значительной практикой, вопреки предсказаніямъ Бишоффа, который увѣряетъ въ своей брошюрѣ, что общество никогда не окажетъ довѣрія женскимъ докторамъ вслѣдствіе какого-то инстинктивнаго сознанія умственного безсилія, свойственнаго ихъ полу. Америка представляетъ множество случаевъ, гдѣ женщина снискала медицинской практикой громкую славу (какъ, напр., сестры Блэкуэлъ); въ Европѣ такіе случаи встрѣчаются рѣже, но и число докторовъ-женщинъ въ ней вообще незначительно. Извѣстно, что медицинская практика англичанки Гарриетъ-Андерсонъ имѣетъ громадный успѣхъ. Когда въ общество проникъ слухъ о ея замужествѣ, со всѣхъ сторонъ раздавались на это громкія сѣтованія, такъ что она принуждена была заявить въ газетахъ, что нисколько не думаетъ прекращать своей практики. Успѣху двухъ русскихъ женщинъ-врачей, практикующихъ въ Петербургѣ, могъ-бы позавидовать не одинъ медикъ. Разумѣется, всѣхъ этихъ фактовъ еще недостаточно, чтобы на основаніи ихъ придти къ какому-нибудь

опредѣленному выводу; не съ этой цѣлью сообщаетъ ихъ и профессоръ Бемертъ. Право женщины на высшее образованіе, право на жизнь и социальную равноправность — есть дѣло общественной справедливости и не подлежитъ ни суду науки, ни суду законодателя. Естественность этого права есть высшая санкція, какую только можно для него вообразить, но если находятся люди, отрицающіе эту естественность, если они сомнѣваются въ томъ, что женщина должна защищаться отъ голодной смерти и удовлетворять потребностямъ не только растительной, но и высшей нервной жизни, то, конечно, имъ слѣдуетъ доказать свое отрицаніе, а не женщинамъ или ихъ защитникамъ подтверждать свои требованія. Партизаны женскаго дѣла и ведутъ его въ такомъ направленіи; они доказали полнѣйшее безсиліе ихъ враговъ, доказали, что за послѣдними не только нѣтъ никакихъ фактовъ, но что, напротивъ, есть факты, которые говорятъ совершенно противоположное ихъ анти-соціальнымъ доктринамъ. Таково значеніе и фактовъ, приведенныхъ профессоромъ Бемертомъ; ихъ характеръ не наступательный, но оборонительный, и въ этомъ смыслѣ отъ нихъ нельзя отнять нѣкотораго вѣса.

Профессоръ Бемертъ взялъ на себя также трудъ возражать Бишоффу на его нелѣпое предположеніе, что допущеніе женщинъ въ университетъ вредно повліяетъ на правильный ходъ занятій, и даже на нравственность студентовъ. Онъ приводитъ нѣсколько отзывовъ профессоровъ, которые единодушно заявляютъ, что ихъ собственный опытъ не подтверждаетъ пошлыхъ ожиданій Бишоффа. Тоже мнѣніе официально высказалъ совѣтъ цюрихскихъ профессоровъ по поводу запроса Вюрцбургскаго медицинскаго факультета. Любопытно также опроверженіе мнѣній Бишоффа Бемертомъ объ органической неспособности женщинъ къ изученію медицины. Не считая себя специалистомъ въ рѣшеніи этого вопроса, профессоръ Бемертъ, занимающій, сколько намъ извѣстно, кафедру политической экономіи, ссылается на заявленія другихъ профессоровъ, и между прочимъ, профессора физиологіи Германа, который, сочувствуя вообще воззрѣніямъ Бишоффа на призваніе женщинъ, былъ, однако, на-столько безпристрастенъ, что обнаружилъ нелѣпость тенденціозно-научныхъ инсинуаций своего собрата. Разбирая анатомо-физиологическія данныя, приведенныя Бишоффомъ въ его бро-

ширѣ, проф. Германъ говоритъ: „Изъ всѣхъ этихъ результатовъ ясно слѣдуетъ только то, что абсолютный вѣсъ женскаго мозга менѣе мужскаго, тогда какъ относительный вѣсъ приблизительно одинаковъ у обоихъ половъ. Но какъ мало можно вѣрить въ пропорціональность между вѣсомъ мозга и умственными способностями—это хорошо извѣстно каждому анатому и физиологу.“ Развивая далѣе свои соображенія, Германъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „И такъ, анатомо-физиологическія данныя не могутъ служить основаніемъ для рѣшенія нашего вопроса“. Но еще болѣе замѣчательнъ отзывъ Фрея, профессора сравнительной анатоміи и гистологии. Онъ говоритъ: „На основаніи моихъ наблюденій надъ практическими занятіями женщинъ, я долженъ приписать многимъ изъ нихъ высокую степень дарованія къ изученію анатомическихъ системъ и даже труднѣйшихъ отдѣловъ высшей анатоміи. Нерѣдко во время демонстрацій, которыя я устраивалъ для того, чтобы убѣдиться, поняли-ли онѣ, меня поражала понятливость женщинъ. Основываясь на апіористическихъ мнѣніяхъ, Бишоффъ утверждаетъ, что женщина, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, можетъ приготовить микроскопическій препаратъ, только какъ ремесленница. По моимъ-же опытамъ (я обучалъ около 20 женщинъ), весьма не трудно направить лучшія стороны женскаго ума къ тонкой и изящной техникѣ и точному наблюденію. Я убѣжденъ, что женщины принадлежатъ будущее именно въ области микроскопической анатоміи, этой важной отрасли современной медицины“. Итакъ лицо вполне компетентное, на основаніи опыта и фактовъ, говоритъ, что женщины не только могутъ заниматься анатоміей съ пользою для себя, но что впоследствии онѣ будутъ даже ея двигателями; другое-же лицо, безъ всякихъ фактовъ и опыта, лицо, объявившее, что на его лекціяхъ объ анатоміи никогда не было и не будетъ женщинъ, утверждаетъ съ непогрѣшимостью абсолютнаго метафизика, что женщина по природѣ неспособна заниматься ни анатоміей, ни медициной, ни для себя, ни для науки. Что касается собственно медицины, то здѣсь опять опровергаетъ досужія измышленія Бишоффа. Профессоръ Бирмеръ, директоръ цюрихскаго госпиталя, между прочимъ, говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: „Въ клиникѣ многія женщины отличились въ качествѣ практическихъ врачей тщательностью своихъ изслѣдованій и хорошей діагностикою“.

Всѣ приведенные нами факты и мнѣнія профессоровъ, основанные на практическихъ указаніяхъ опыта, настолько ярки, что они, безъ сомнѣнія, могутъ служить достаточнымъ противовѣсомъ рѣшительно ни на чемъ неоснованнымъ гаданіямъ профессора Бишоффа. Смѣшно, разумѣется, думать, что на будущее время женщины, которыя посвящаютъ себя изученію медицины, всегда и всѣ будутъ оказывать столь-же блестящія успѣхи, какъ и въ настоящее время. Между ними найдутся менѣе способныя и болѣе способныя, какъ и между мужчинами; если теперь онѣ всѣ оказываютъ почти одинаково-удовлетворительные успѣхи, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе избранныя личности, съумѣвшія преодолѣть громадныя препятствія къ достиженію своихъ цѣлей и понять, что онѣ составляютъ лишь передовую часть той арміи, которая стоитъ пока на заднемъ планѣ, въ лихорадочномъ ожиданіи побѣды и успѣшнаго окончанія великой соціальной борьбы.

Среди сатурналіи стараго обскурантизма, съ которымъ мы познакомили читателей на нѣкоторыхъ представителяхъ современнаго естествознанія, не бесполезно отмѣтить въ литературѣ по женскому вопросу даже такое скромное и непрезентабельное явленіе, какъ сочиненіе официальнаго нѣмецкаго педагога Готтгольда Крейенберга: „Воспитаніе дѣвушекъ и положеніе женщины въ Германіи и въ другихъ государствахъ Европы“. Консерваторъ до мозга костей, приверженецъ тѣхъ филистерскихъ возрѣній, по которымъ женщина должна воспитываться исключительно для материнскихъ и семейныхъ обязанностей, Крейенбергъ можетъ, однако, считаться въ сравненіи съ Бишоффомъ и Рейхомъ яркой звѣздой здравомыслія. Его сочиненіе тѣмъ хоть замѣчательно, что оно показываетъ, что даже въ умы, не отличающіеся особенной прозорливостью и далеко не вполне свободные отъ общественныхъ предразсудковъ успѣло проникнуть сознаніе неудовлетворительности современнаго положенія женщинъ въ смыслѣ ненормальности условий, которыми обставлено образованіе и соціальныи бытъ женщины. Крейенбергъ рисуетъ картину воспитанія женщинъ во всѣхъ государствахъ Европы и въ Соединенныхъ штатахъ Америки въ не совсѣмъ привлекательномъ свѣтѣ и находитъ необходимымъ расширить образованіе женщины и пре-

доставить ей право если не на всё, то на большую часть мужских профессій. Требованіе это выражено, однако, у него весьма неясно и непоследовательно; то онъ говоритъ, что для женщины единственная цѣль жизни — быть матерью и украшеніемъ семьи, и, согласно этому, желаетъ развитія въ женщинахъ такъ называемой женской природы, совѣтуя имъ бѣжать университетовъ, то съ другой стороны находитъ нужнымъ открыть имъ доступъ къ такимъ сферамъ практической дѣятельности, которыя требуютъ университетской подготовки, какъ, напримѣръ, медицина. Одной рукой онъ, повидимому, благословляетъ женщинъ на борьбу за право на независимое и самостоятельное существованіе, другой же удерживаетъ ихъ *in statu quo*. Милля онъ называетъ несостоятельнымъ и безнравственнымъ мыслителемъ, посягающимъ на святость брака, и издѣвается надъ попытками англійскихъ женщинъ получить избирательное право, находя чрезвычайно комичнымъ ихъ споръ о томъ, слѣдуетъ-ли понимать выраженіе англійской конституціи *every man of full age* въ смыслѣ: каждый совершеннолѣтній мужчина или каждый совершеннолѣтній человѣкъ. Последнее толкованіе даетъ женщинамъ право избирательнаго голоса. Женскую равноправность Крейенбергъ дѣлитъ на социальную и политическую; подъ послѣдней онъ понимаетъ стремленіе женщинъ получить право участвовать въ парламентскихъ и общинныхъ выборахъ, засѣдать въ парламентѣ и регулировать законодательствомъ страны на-равнѣ съ мужчинами. Противъ этихъ-то стремленій и вооружается Крейенбергъ, не мотивируя, впрочемъ, своего мнѣнія никакими аргументами, если не причислить къ нимъ его наивнаго замѣчанія, что женщины давно уже обладаютъ политической равноправностью, составляя одну душу и одно тѣло съ супругомъ. Подъ социальной равноправностью Крейенбергъ разумѣетъ равноправность труда и за нее онъ ратуетъ въ видахъ улучшенія матеріальнаго положенія женщины. „Многіе родители, говоритъ онъ, скоро зададутся не только вопросомъ: какая карьера ожидаетъ нашихъ сыновей, но и что будетъ съ нашими дочерьми? Статистика показываетъ съ безошибочною точностью, что число незамужнихъ дѣвушекъ съ году на годъ увеличивается. *British Review* разсчиталъ, что изъ нихъ 40% не выходитъ замужъ. Въ Пруссіи ихъ считается 1 милліонъ. Область труда, доступная

женщинамъ по старымъ обычаямъ, оказывается недостаточной отчасти по ничтожности вознагражденія, отчасти по ея деморализующему вліянію. Въ комъ не возбуждаетъ глубочайшаго сожалѣнія участь бѣдной швеи или вязальщицы, снискивающихъ цѣною здоровья лишь весьма скудное пропитаніе? А между тѣмъ въ Берлинѣ изъ 31 женщины одна непремѣнно портниха. Одинъ изъ двухъ мужчинъ и одна изъ трехъ женщинъ должны заботиться тамъ о прокормленіи другихъ. Машинное производство вытѣснило и сдѣлало бесполезнымъ ручной трудъ. Развитіе фабричной промышленности отразилось даже на большей части крестьянскихъ домовъ, гдѣ уже нѣтъ мѣста для прядильнаго колеса или ткацкого станка; состояніе съ паромъ было-бы бесполезно... Изъ этого положенія дѣлъ вытекають два неумолимыхъ вывода. Во-первыхъ, въ настоящее время остается безъ работы или безъ достаточно оплачиваемой работы больше женщинъ, чѣмъ прежде; во-вторыхъ, несмотря на это, поле труда для женщинъ не увеличилось, а, напротивъ, сѣзилось. Если, слѣдовательно, общество будетъ идти прежнимъ путемъ, то оно понесетъ двойной ущербъ. Оно значительно оскудѣетъ рабочими силами, а кромѣ того, немущія занятія, ничего не производя, будутъ потреблять, такъ какъ онѣ должны-же чѣмъ-нибудь существовать... Къ тому-же статистикъ докторъ Швабе доказалъ для Берлина, что хотя до 40-лѣтняго возраста мужчины преобладають численностью надъ женщинами, но за предѣлами этого возраста, безъ всякаго исключенія, женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Въ Берлинѣ на одного вдовца считается 4 вдовы. Слѣдовательно, на старости лѣтъ женщина должна сама заботиться о своемъ существованіи". Вотъ о чемъ должны были подумать Бишоффы и Рейхи, прежде чѣмъ браться за перо. Если стремленіе къ образованію и равноправности противорѣчитъ женской природѣ, то находится-ли съ ней въ согласіи то положеніе женщины, которое выше очерчено Крейенбергомъ?

В. Онгирскій.

БѢДНЯКЪ.

III.

Проснувшись на другой день, послѣ своего ареста, Ноэль Рамберъ спросилъ себя съ ужасомъ, какъ онъ очутился въ этой мрачной трущобѣ. Не скоро привелъ онъ въ порядокъ свои мысли; роковой вчерашній день представлялся ему какимъ-то фантастическимъ сномъ. Наконецъ, связавъ всѣ отдѣльныя, смутныя воспоминанія въ одно цѣлое, онъ возсоздалъ въ своей памяти, часъ за часомъ, печальный для него первый день Новаго года и ужаснулся дѣйствительности. «Боже мой! подумалъ онъ, — развѣ этотъ кошмаръ будетъ продолжаться и сегодня».

Онъ машинально всталъ и взглянулъ на себя: его убогая одежда была вся въ грязи, словно онъ спалъ въ лужѣ.

— Ну, красивѣ-же я! произнесъ онъ въ полголоса:—да это ничего, лишь-бы меня поскорѣ допросили и отпустили къ моему Жаку.

Точно кто-нибудь подслушалъ его желаніе; въ ту-же минуту дверь отворилась, и его снова повели къ полицейскому комиссару, который встрѣтилъ его взглядомъ презрительнаго отвращенія. Ноэль Рамберъ, блѣдный, утомленный, измученный, съ посинѣвшими губами, съ безпорядочно-всклокоченными волосами, съ небритой бородой, придававшей какой-то грязный видъ его исхудалому лицу, по наружности казался весьма непривлекательнымъ. Въ подобномъ человѣкѣ, на лицѣ котораго поразительное, даже часто увлекательное выраженіе горя было ступшено какою-то животной безчувственностью, всякій присяжный съ перваго взгляда призналъ-бы преступника. Точно также и полицейскій комиссаръ не сомнѣвался, что человѣкъ, стоявшій

передъ нимъ, взнемогая отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, былъ убійца. Комиссаръ спросилъ его почти съ насмѣшкой: по-прежнему-ли онъ запирается въ своемъ преступленіи? Ноэль отвѣчалъ тоже вопросомъ, долго-ли его будутъ принимать за убійцу, и снова рассказалъ все, что случилось вчера, стараясь воскресить въ своей памяти всѣ малѣйшія подробности.

Полицейскій комиссаръ слушалъ его рассказъ съ явнымъ недоверіемъ и по временамъ говорилъ:

— Да, да... такъ... продолжайте!

Когда Ноэль кончилъ, полицейскій комиссаръ тяжело вздохнулъ, словно говоря: «Господи! сколько на землѣ мошенниковъ!» и приказалъ увести арестанта.

— Вы меня задерживаете? спросилъ Рамберъ.

— Да, чтобъ вамъ выдать премію за нравственность, сказалъ комиссаръ, выходя изъ себя.

Рамбера отвели обратно въ арестантскую, а потомъ черезъ нѣсколько времени перевезли въ тюрьму Консьержери въ закрытой каретѣ для преступниковъ, вѣстѣ съ другими арестованными лицами. Хотя до кареты ему пришлось сдѣлать по улицѣ только десять шаговъ, но они ему показались безконечно долгими. Вокругъ стояла толпа и осыпала несчастныхъ обычными грубыми шутками и бранью. Ноэль чувствовалъ, что невольно краснѣетъ, и въ ухахъ его раздавалось его имя, произносимое въ толпѣ съ укоризной. Но это былъ только бредъ разстроеннаго воображенія.

По дорогѣ въ тюрьму Рамберъ думалъ только о бѣдномъ Жакѣ; о томъ, кому его поручить на время, которое потребуется для представленія доказательствъ невинности его отца. Поручить его матери? Ни за что на свѣтѣ. Съ той минуты, какъ Марта пошла по пути разврата, у Жака, по мнѣнію Рамбера, не было болѣе матери. Оставались только его товарищи, но они были бѣдные люди, и ребенокъ могъ ихъ только стѣснить. Что-жъ ему было дѣлать?

Эта забота о ребенкѣ выразилась и въ первыхъ словахъ, произнесенныхъ имъ въ Консьержери.

— Я докажу, что не я убилъ этого человѣка, сказалъ онъ чиновнику, который вносилъ его въ списокъ заключенныхъ;—но я желалъ-бы позаботиться, чтобы въ это время мой мальчикъ не умеръ съ голоду.

— Вашъ мальчикъ?

— Онъ вѣдь невиненъ, даже если-бы я и былъ виноватъ, не

правда-ли? Нельзя-ли помѣстить его куда-нибудь, гдѣ-бы онъ, по крайней мѣрѣ, не голодалъ.

— Онъ большой?

— Нѣтъ, маленькій; его не трудно прокормить, когда есть работа.

— Есть у него мать?

Рамберъ задумался, а потомъ рѣзко отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Ну такъ его помѣстятъ въ тюрьму малолѣтнихъ.

— Его! воскликнулъ Рамберъ,—никогда. Что вы это выдумали! Его въ тюрьму, когда ему надо дышать чистымъ воздухомъ, бѣгать, рѣзвиться. Нѣтъ, я вамъ этого не позволю.

— Позвольте вамъ посовѣтывать, замѣтилъ чиновникъ,—бросить этотъ тонъ и не прикидываться простакомъ.

Болѣе всего терзала и мучила Рамбера невозможность отвѣчать достойно тѣмъ, которые его подозрѣвали и оскорбляли, принимая его за дѣйствительнаго преступника. Его принимали за мошенника, за уличнаго злодѣя, и онъ не могъ доказать свою правоту, не могъ наплевать въ лицо тѣмъ, кто осмѣливался требовать отъ него, чтобы онъ рассказалъ, какъ онъ совершилъ убійство. Онъ чувствовалъ, что его энергія исчезла, что онъ ослабъ, какъ-бы ступевался подъ тяжестью обвиненія, которое лишало его не только правъ свободнаго гражданина, но и вообще человѣческихъ правъ, и превращало въ то безпомощное существо, которое называется подсудимымъ. Подъ слѣдствіемъ, подъ судомъ, на плахѣ—вотъ три ступени, которыя быстро проходитъ обвиняемый въ позорномъ убійствѣ. Все существо Ноэля претествовало, громко кричало объ его невинности, но ему приходилось молчать, не отвѣчать, не рассуждать. Полицейскіе, тюремщики, конечно, не могли понять его страданій. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вопроса слѣдователя и былъ увѣренъ, что тогда докажетъ свою правоту. Теперь-же его мучила только мысль, чтобы человѣческое правосудіе не заточило въ тюрьму, подъ предлогомъ прокормленія, его бѣднаго, маленькаго Жака.

Рамберу не долго пришлось ждать вопроса; въ тотъ-же день его повели къ слѣдственному судѣ Дюбуа-Дезобре. Это былъ человѣкъ добродушный, съ вѣчной улыбкой на лицѣ, любившій хорошо поѣсть, писавшій въ свободное время стихи и упорно видѣвшій въ каждомъ подсудимомъ преступника. Такъ и теперь; его мнѣніе о Рамберѣ было уже составлено заранѣе, а изнуренный, грязный, сталкивающій видъ несчастнаго убѣждалъ его въ справедливости его предположенія.

Онъ предложилъ Ноэлью обычные вопросы и диктовалъ секретарю его отвѣты въ болѣе изящной, академической формѣ.

Ноэль отвѣчалъ на всѣ предлагаемые вопросы просто, увѣренно. Когда его спросили: былъ-ли онъ подъ судомъ, онъ отвѣчалъ:

— Да, 15-го мая и 2-го декабря.

Дюбуа-Дезобре слушалъ его, улыбаясь и потирая руки.

— Вы былъ застигнуты вчера, сказалъ онъ, наконецъ, — въ домѣ живописца Жильбера Гарнье, въ ту самую минуту, когда тамъ было совершенно убійство. Убитый оказался музыкантомъ, по имени Поль Лавердакъ, живущій въ улицѣ Готвилъ, № 20. Лавердакъ убитъ ударомъ ножа въ самое сердце. Этотъ ножъ, очевидно, испанскаго происхожденія, онъ у меня теперь въ рукахъ, признаете ли вы его?

— Я его видѣлъ на столѣ, изъ окна, къ которому я подбѣжалъ, услышавъ крикъ; этимъ ножомъ былъ убитъ несчастный молодой человѣкъ.

— Называйте его по имени, Лавердакомъ.

— Я никогда не слыхалъ прежде этого имени, а также и другого, которое вы только-что произнесли... кажется, Гарнье.

— Такъ вы не изъ чувства мести проникли ночью въ этотъ домъ?

— Мести? Какъ-же я могъ мстить человѣку, котораго не зналъ даже по имени? Къ тому-же мы бѣдники...

— Такъ вы забрались въ этотъ домъ только для кражи? спросилъ слѣдователь мягкимъ, любезнымъ голосомъ, словно говоря: «не хотите-ли сигару?»

— Я уже объяснилъ комиссару...

— Да, у васъ найдена значительная сумма золотомъ. Вы не могли заработать столько денегъ, откуда онѣ у васъ? Можете вы мнѣ объяснить это какимъ-нибудь образомъ, а не вмѣшательствомъ неизвестной женщины, о которой вы говорили комиссару?

— Я могу сказать только правду, отвѣчалъ Рамбергъ, — что-же дѣлать, если правда кажется невѣроятной, но она все-же правда. Незнакомая женщина мнѣ сказала: «идите туда, надо спасти человѣка, вотъ вамъ за хлопоты». Вы понимаете, я-бы не взялъ этихъ денегъ въ обыкновенное время, я не нищій, я имѣлъ свое ремесло, я люблю работать, но я умералъ съ голоду и хотѣлъ, чтобы на другой день мой мальчикъ имѣлъ тарелку супа и кусокъ хлѣба.

— Можете вы узнать эту даму, или, лучше сказать, это видѣніе?

— Не знаю, было темно, я не хорошо разглядѣлъ ея черты.

— Нѣтъ-ли у васъ другихъ признаковъ?

— Есть имя:—Клара.

— Хорошо, а фамилія?

— Просто Клара, безъ фамиліи. Она сказала: «вы увидите чело-вѣка, отъ имени Клары попросите его бѣжать». Если-бы я предви-дѣлъ все, что произошло, то, вы понимаете, я спросилъ-бы, какъ ея фамилія. Но скажите, пожалуйста, какъ можетъ придти въ голову мысль, что чело-вѣка арестуютъ за оказанную имъ услугу. Знаете, что я вамъ скажу, все это не правда, все это сонъ, я не подсуди-мый, и вы меня отпустите домой.

Слѣдователь, елушая Рамбера, качалъ головой, тихо посвистывалъ и смотрѣлъ на несчастнаго съ полнымъ убѣжденіемъ, что передъ нимъ стоитъ тяжкій преступникъ. Добродушное лицо его ясно выра-жало: «сочиняй, изворачивайся, голубчикъ, меня не проведешь!»

Окончивъ допросъ, слѣдователь приказалъ секретарю прочесть протоколъ и спросилъ Рамбера:

— Записано вѣрно? Это ваши выраженія?

— Да.

— Грамотный вы?

Нозль пожалъ плечами и, взглянувъ на этого представителя право-судія, иронически улыбнулся, словно говоря: «вы меня принимаете совсѣмъ за скотину, достойную только бойни». Потомъ онъ взялъ перо и подписалъ свое имя подъ протоколомъ.

Возвратясь въ тюрьму, Нозль почувствовалъ, что его трасетъ ли-хорадка — естественное послѣдствіе физическихъ и нравственныхъ страданій, перенесенныхъ имъ въ послѣдніе два дня. Одиночная ке-лья, въ которой онъ находился, не имѣла болѣе трехъ шаговъ въ длину и полутора въ ширину; воздухъ въ ней былъ спертый, и свѣтъ едва проникалъ въ маленькое отверстіе, выходящее во дворъ, куда доносились крики и грубыя шутки гулявшихъ арестантовъ. Ему также хотѣлось-бы подышать чистымъ воздухомъ, ему западало было въ го-лову мысль долѣзть до окошка и выбить стекло, но этого нельзя было сдѣлать, такъ-какъ скамейка, которую можно было-бы поставить на кровать, была привинчена къ полу. Несмотря на то, что Нозль еще недолго находился въ одиночномъ заключеніи, тюремная атмо-сфера съ ея вредными миазмами уже начинала на него дѣйствовать; голова его кружилась, виски были стянуты, какъ-бы въ тискахъ, кровь прилиwała къ горлу и мозгу, и вообще онъ ощущалъ ту мед-ленную, роковую агонію, которая составляетъ удѣлъ одиночныхъ арестантовъ

Однако, вечеромъ, ему представилась возможность подышать чистымъ воздухомъ; его повезли на очную ставку съ трупомъ Поля Лавердака и для присутствованія при обыскахъ его жилища. Мысль, что онъ увидитъ безжизненное тѣло несчастнаго, котораго онъ не могъ спасти, возбуждала въ немъ какой-то невольный страхъ, и поэтому онъ былъ очень взволновалъ, когда его ввели въ комнату, гдѣ на кровати лежалъ трупъ несчастнаго молодого человѣка. Лицо его было спокойно, но безжизненныя, блѣдныя губы были ужасны. На лбу волоса казались точно приклеенными отъ холоднаго пота предсмертной агоніи, а отброшенная простыня обнажала грудь съ зиявшей раной у самого сердца. Рамберъ остановился передъ трупомъ, опустивъ голову и съ тѣмъ грустнымъ безмолвіемъ, которое невольно внушаетъ смерть.

— Признаете вы трупъ? спросилъ слѣдственный судья.

— Да, отвѣчалъ машинально Рамберъ.

— Это тотъ самый человѣкъ, который, по вашимъ словамъ, былъ убитъ при васъ?

— Да, тотъ самый.

Рамберъ видѣлъ, что взгляды всѣхъ присутствующихъ были устремлены на него; ему было неловко, досадно, ему хотѣлось поскорѣе уйти изъ этой мрачной комнаты; ему было больно смотрѣть на этотъ трупъ.

— Онъ, очевидно, смущенъ, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ другому, а слѣдователь съ знаменательной улыбкой взглянулъ на комиссара.

Въ ту минуту, какъ Рамбера выводили изъ комнаты, на порогѣ появилась пожилая женщина и, обративъ блуждающій взоръ на Ноэля, произнесла тономъ жгучей ненависти:

— Такъ это онъ!

Услышавъ эти слова, Ноэль поднялъ голову и понялъ, что это была мать убитаго юноши. Онъ взглянулъ на нее съ какимъ-то дикимъ сожалѣніемъ и, передъ этой убитой горемъ матерью въ немъ заговорила вся пламенная, нѣжная любовь, которую онъ питалъ къ своему маленькому Жаку; отецъ понялъ мать. До сихъ поръ онъ находился въ какомъ-то болѣзненномъ, безчувственномъ состояніи, теперь-же онъ какъ-бы очнулся, глаза его засверкали, онъ сдѣлалъ шагъ къ г-жѣ Лавердакъ и, невольно увлекаемый своей незапятнанной совѣстью, гордо возстававшей, передъ этой женщиной и матерью, противъ гнуснаго обвиненія, громко воскликнулъ:

— Сударыня! клянусь вамъ, я не убилъ его! Это не я, а другой. Я не изъ тѣхъ, которые убиваютъ дѣтей.

Этотъ крикъ, вырвавшійся изъ глубины честнаго сердца, звучалъ такой искренной, убѣдительною правдою, что эта женщина, хотѣвшая только-что произнести проклятіе противъ злодѣя, остановилась, безмолвная, какъ-бы окаменѣлая, устремивъ глаза, въ которыхъ уже не виднѣлось слезъ, на Рамбера, котораго глаза также были сухи. Въ его взглядѣ была какая-то магнетическая сила, и несчастная мать поникла головой, опустила руки, и вся ея злоба разсѣялась въ потокъ горячихъ слезъ.

Рамберъ дошелъ до кареты среди толпы, провожавшей его презрительными взглядами и злобными криками, между которыми даже слышались: «смерть убійцѣ!» Несчастный то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; онъ былъ особенно пораженъ, когда какой-то мальчикъ съ ужасомъ отскочилъ отъ него.

Очутившись въ каретѣ между двумя полицейскими, Ноэль задумчиво сказалъ:

— А должно быть его очень любили!

— Кого?

— Убитаго.

— Вы видите.

— Есть-же люди, которые убиваютъ другихъ, промолвилъ Рамберъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Полицейскіе взглянули другъ на друга съ улыбкой, и одинъ изъ нихъ промолвилъ въ полголоса:

— Прикидывайся дуракомъ, любезный, насъ не надуешь.

Изъ дома его предполагаемой жертвы, Рамбера повезли въ его собственное убогое жилище. Подойдя къ своей темной, грязной лѣстницѣ, Рамберъ быстро взбѣжалъ по ступенямъ и, сопровождаемый полицейскими, какъ безумный ворвался въ комнату, крича: — «Жакъ! Жакъ!»

— Папа! Это папа! закричалъ маленькій Жакъ и, блѣдный, взволнованный, дрожа всѣмъ тѣломъ, бросился на шею отцу, который безмолвно прижималъ его къ своему сердцу, цѣловалъ, повертывалъ во всѣ стороны, ласкалъ, гладилъ, впиваясь глазами въ дорогое для него дѣтское личико.

— Какъ я радъ! продолжалъ ребенокъ, смѣясь и взбивая ручонками запыленные волосы бѣдняка, — ты останешься теперь со мною, папа? Ты меня болѣе не бросишь, злой папа?

Между тѣмъ полицейскіе обыскивали всю комнату, шарили вездѣ, открывали пустые ящики комода, поднимали дырявый матрацъ, выворачивали лохмотья, непопавшія въ ссудную казну, искали на ва-

лявшихся по полу инструментахъ ржавыхъ слѣдовъ крови. Они надѣялись найти въ этомъ логовищѣ дикаго звѣря улики другихъ предшествовавшихъ преступленій.

Ноэль ничего не видѣлъ, что происходило вокругъ него, все его вниманіе было обращено на малютку.

— Посмотри на меня, говорилъ онъ, — какой ты блѣдный; здоровъ-ли ты? Поцѣлуй меня! Обними меня, милый мальчикъ! Меня не хотѣли отпускать къ тебѣ. Понимаешь-ли—къ тебѣ, моему голубчику. А хорошо-ли тебя кормятъ? Кто о тебѣ заботится? Скажи, Жакъ, милый Жакъ, ты не очень скучалъ безъ меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ съ улыбкой: — онъ пришелъ за мной.

— Кто онъ?

Ребенокъ обернулся и указалъ на человѣка высокаго роста, который, скрестивъ руки на груди, стоялъ у окна и разговаривалъ съ слѣдователемъ. Ноэль взглянулъ на него, но въ полумракѣ могъ только различить его высокій ростъ и крупныя, нѣсколько грубыя черты лица.

— Какъ его зовутъ? спросилъ Рамберъ въ полголоса съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Паскаль Артесъ, отвѣчалъ ребенокъ.

Ноэль, стоявшій на колѣняхъ передъ ребенкомъ, быстро вскочилъ и, подойдя къ Артесу, воскликнулъ съ гордой улыбкой:

— Вы здѣсь, г. Артесъ, вы имъ скажите, что я не убійца.

— Убійца! повторилъ ребенокъ, широко открывъ глаза.

Паскаль Артесъ, съ своей стороны, сдѣлалъ шагъ впередъ и устремилъ на Рамбера взглядъ, полный глубокаго, изумленнаго сожалѣнія. Въ этомъ взглядѣ видѣлись и грустное сомнѣніе, и сочувственное безпокойство, и безмолвный укоръ; этотъ взглядъ, смыслъ котораго былъ вполне ясенъ, показался бѣдному Ноэлю страшнѣе всѣхъ обвиненій, такъ неожиданно обрушившихся на его голову.

Рамберъ питалъ къ Артесу пламенное, восторженное, преданное, почти сыновнее чувство уваженія и любви. Привлекаемый этой чарующей силой, Ноэль слѣдовалъ всюду за Артесомъ въ бурные февральскіе и майскіе дни. Артесъ былъ всѣмъ для него: руководителемъ, разумомъ, совѣстью. Дѣливъ вмѣстѣ опасности борьбы, вмѣстѣ они дѣлили и заточеніе. Сколько разъ въ крѣпости Бель-Иль, живя въ одномъ казематѣ, Рамберъ съ безмолвнымъ благоговѣніемъ слушалъ вдохновенныя, утѣшительныя рѣчи Артеса о той возвышенной радости, которую доставляетъ сознаніе исполненнаго долга, о неиз-

бѣжной побѣдѣ подавленныхъ на время права и справедливости. Ноэль сохранялъ объ этомъ прошедшемъ грустное, но отрадное воспоминаніе. Только любовь Марты Гарди, ея измѣна и послѣдующія несчастія побудили его отклониться нѣсколько отъ того прямого, строгаго долга, который ему указалъ Артесъ. Но все-же, несмотря на всѣ удары судьбы и тяжелыя разочарованія, онъ сохранялъ въ глубинѣ своей души, ничѣмъ неизгладимое чувство слѣпотаго поклоненія человѣку, олицетворявшему стоическія идеи справедливости и долга. Потому теперь, когда представители человѣческаго правосудія въ его комнатѣ искали улики преступленія, Ноэль видѣлъ только одного судью — Артеса, боялся одного приговора—презрѣнія Артеса.

— Вы заботились о моемъ мальчикѣ, сказалъ онъ, — но какимъ образомъ, потерявъ васъ изъ виду столько лѣтъ, я нахожу васъ здѣсь, г. Артесъ?

— Я узналъ изъ газетъ о вашемъ арестѣ и пришелъ сюда, отвѣчалъ Артесъ; потомъ устремивъ на него свой честный, пронизательный взглядъ, спросилъ: — ну, Рамберъ, есть-ли какая-нибудь доля правды во всемъ этомъ обвиненіи?

— Никакой, сказалъ Рамберъ рѣшительно:—правда лишь то, что я бѣднякъ, что случай привелъ меня къ мѣсту преступленія и что меня несправедливо обвиняютъ.

— Кто тебя обвиняетъ? воскликнулъ маленькій Жакъ, бросая дикіе взгляды на людей, сопровождавшихъ его отца.

— Вы не виновны? спросилъ Артесъ.

— Клянусь честью, отвѣчалъ Ноэль.

Въ эту минуту къ нему подошелъ слѣдователь и сказалъ добродушно:

— Жалкая-же у васъ квартира.

— Что-жъ дѣлать, приходится мириться съ тѣмъ, что имѣешь; деньги не легко достаются работнику.

— Поэтому, вы такъ хитро и объясняли, откуда у васъ явилась большая сумма денегъ.

— Какая сумма денегъ? спросилъ Артесъ.

Рамберъ объяснилъ ему, о какихъ деньгахъ идетъ рѣчь, и потомъ прибавилъ, пожимая плечами:

— Вы также, можетъ быть, мнѣ не повѣрите. Но подождите, дайте всему дѣлу объясниться. Нельзя-же честнаго человѣка признать виновнымъ въ такомъ низкомъ преступленіи. Я докажу свою невинность, а покуда не спрашивайте меня, г. Артесъ, и позволете мнѣ молча цѣловать Жака.

На дѣтскомъ, но уже серьезномъ, грустномъ лицѣ мальчика видѣлись страхъ и изумленіе. Неизвѣстные люди, необыкновенное движеніе, страшныя слова: убійца, обвиняемый, строгій взглядъ Артеса, смущеніе Рамбера производили какой-то хаосъ въ головѣ Жака. Это болѣзненное, нервное маленькое существо предугадывало какое-то несчастье, что-то страшное, неотвратимое. Его дѣтскіе, горящіе, какъ уголья, глазки впивались въ глаза Рамбера, какъ-бы желая вывѣдать отъ него страшную тайну.

— Папа, они тебя хотятъ обидѣть, бормоталъ онъ, прижимаясь къ отцу и какъ-бы желая защитить его своими маленькими ручонками.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Рамберъ, — не бойся, они мнѣ не сдѣлаютъ зла.

Между тѣмъ, былъ оконченъ обыскъ и, конечно, безъ всякихъ результатовъ, слѣдователь уѣхалъ, и одинъ изъ полицейскихъ, обратясь къ Рамберу, грубо сказалъ:

— Ну, маршъ!

Уйти теперь значило проститься съ Жакомъ на долго, быть можетъ, навсегда; при этой мысли вѣднякъ, за минуту передъ тѣмъ безсиленный, изнуренный, едва державшійся на ногахъ, вдругъ почувствовалъ свою прежнюю отвагу и геркулесовскую силу; онъ подумалъ, не вступить-ли ему въ борьбу съ представителями власти, не попытать-ли счастья и, вырвавшись изъ рукъ полиціи, бѣжать съ сыномъ, какъ можно далѣе. Но черезъ минуту, замѣтя проническія лица полицейскихъ, онъ пожалъ плечами и провознесъ въ полголоса: «Къ чему?». Потомъ обернулся къ Паскалю Артесу и сказалъ ему, указывая на Жака:

— Оставляю его вамъ!

— Я хочу идти съ тобою, сказалъ ребенокъ.

— Поручаю его вамъ до тѣхъ поръ, пока меня освободятъ, повторилъ Рамберъ, и крупныя слезы навернулись у него на глазахъ.

— До свиданія, сказалъ Артесъ твердымъ голосомъ и протянулъ Рамберу свою большую, честную руку.

— Благодарю, провознесъ Рамберъ; глаза его заблестѣли отъ радости, и онъ бросилъ гордый взглядъ на всѣхъ присутствовавшихъ, точно это пожатіе руки честнаго человѣка не только оправдывало, но возвышало его. Потомъ онъ быстро обнялъ сына и, какъ безумный, выбѣжалъ на лѣстницу, гдѣ уже собиралась толпа.

Ноля Рамбера отвезли обратно въ Консьержери, и мрачно, однообразно потекли дни его заключенія. Мало-по-малу, это изолированіе

отъ всего міра, это отрицаніе отъ всѣхъ функцій жизни, которое называютъ одиночнымъ заключеніемъ, стало на него дѣйствовать, причиняя глубокія, жгучія страданія, на подобіе страшнаго обжога. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, убитымъ; голова его была точно налита свинцомъ, черепъ трещалъ отъ нервной боли, онъ совершенно изнемогалъ и дошелъ до физической и нравственной апатіи человѣка, котораго снѣдаетъ двойной недугъ. Дѣйствительно, съ одной стороны его терзало обвиненіе, а съ другой—быстро развивавшаяся чахотка истощала его послѣднія силы. Онъ безропотно поддавался своей горькой долѣ и былъ въ томъ положеніи унынія и отчаянія, свойственнымъ нервнымъ натурамъ, когда, чувствуя себя подъ непреодолимымъ гнетомъ судьбы, человѣкъ не возстае, не борется, а молча преклоняетъ голову, позволяя теченію уносить себя куда угодно. Все равно! говоритъ онъ съ отчаяніемъ и готовъ отдать жизнь безъ борьбы, безъ отпора. «Пусть ихъ обвиняютъ меня, думалъ Рамберъ, — пусть ихъ говорятъ, что хотятъ... Я честный человѣкъ, вотъ главное... Если-бъ у меня не было маленькаго Жюака, то я не сталъ-бы даже и защищаться.»

Съ какимъ-то инстинктивнымъ ужасомъ начиналъ онъ смотрѣть на свое страшное положеніе. Его вѣрныя объясненія событій вечера 1-го января не привели ни къ чему, и слѣдователь остался твердо убѣжденнымъ въ его виновности. Объясненія событій, представленныхъ Ноэлемъ, въ самомъ дѣлѣ были настолько фантастичны, что самъ онъ иногда спрашивалъ себя: на яву-ли онъ видѣлъ эту таинственную женщину? Дойдя до совершеннаго изнеможенія и унынія, Рамберъ потерялъ ту жажду борьбы, которая даетъ человѣку возможность въ рѣшительныя минуты извлекать изъ глубины души убѣдительный крикъ правды, вопль угнетенной невинности. Сперва онъ считалъ обвиненіе нелѣпымъ, а теперь какъ-бы преклонялся передъ нимъ и, пожимая плечами, говорилъ: «Мнѣ нечего на это отвѣчать!»

Повидимому, человѣкъ невинный, представъ передъ судомъ, долженъ-бы однимъ вдохновеннымъ словомъ, или жестомъ убѣдить всѣхъ въ своей правотѣ, но, по несчастью, тюрьма, одиночество, смущеніе заподозрѣнной невинности уничтожаютъ, какъ-бы сплющиваютъ человѣка, очутившагося между страшными тисками предварительнаго ареста, судебного слѣдствія и обвиненія. Особенно губительно вліяетъ одиночное заключеніе. Оно дѣйствуетъ прежде всего на мозгъ; у несчастнаго, подвергнутаго одиночному заключенію, исчезаетъ все: и энергія, и желаніе доказать свою невинность, и гордость, внушаемая

сознаніемъ своей правоты. Онъ преклоняется и кладетъ голову на плаху, какъ волъ протягиваетъ шею въ ярмо. Были случаи, что подсудимые признавали себя виновными и просили казни, какъ избавленія отъ убійственнаго одиночнаго каземата. Только одни закоренѣлые преступники находятъ въ себѣ достаточно энергіи и терпѣнія, чтобы противостоять губительному дѣйствию одиночнаго заключенія; въ мрачной тиши казематовъ, они готовятъ свои орудія для публичнаго поединка съ закономъ. Для нихъ существуетъ надежда разжалобить или, обманувъ присяжныхъ, вырвать у нихъ оправдательный приговоръ, и это поддерживаетъ ихъ энергію, ихъ силы. Но люди невинные ни на что не надѣются, ни къ чему не готовятся, а предаются мрачной апатіи; они какъ-бы перестаютъ быть людьми и становятся бездушною вещью въ рукахъ человѣческаго правосудія. Справедливо сказалъ одинъ тюремщикъ: «Теперь, при одиночномъ заключеніи, человѣкъ для насъ — ничто.»

Поэль Рамберъ находился именно въ подобномъ положеніи. Между тѣмъ судебное слѣдствіе шло очень быстро. Поэль не выбралъ себѣ защитника; ему назначили его отъ суда; его защитникъ почти такъ-же былъ увѣренъ въ его виновности, какъ и слѣдователь. Впрочемъ, онъ и не заботился о томъ, былъ-ли виновенъ или нѣтъ, онъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ только случай произвести театральнѣйшій эффектъ и подготовлялъ заранѣе трескучія фразы. Поэтому неудивительно, что Рамберъ смотрѣлъ на разговоры съ этимъ молодымъ франтомъ, какъ на излишнюю трату времени, и отвѣчалъ ему неохотно, отрывочно. Къ тому-же что значила для него защита? Онъ считалъ единственною, лучшей защитой свое прошлое, свою честную, трудолюбивую жизнь. Онъ заявилъ желаніе, чтобъ спросили о немъ всѣхъ его знакомыхъ и товарищей, онъ надѣлся на сочувственный отзывъ своего околodka. Но многіе, узнавъ, что Рамберъ обвиняется въ убійствѣ, не смѣли говорить открыто, что думали и знали о немъ, а другіе заявляли, «мы его очень мало знали». Привратникъ-же дома, въ которомъ жилъ Поэль, показалъ, что вечеромъ 1-го января Рамберъ вышелъ изъ дома съ такимъ мрачнымъ видомъ, *точно онъ собирался совершить нѣчто ужасное.* Что-же касается общественнаго мнѣнія, то, въ виду преувеличенныхъ рассказовъ, распространяемыхъ газетами, нѣкоторой извѣстности Лаввердака и общаго сожалѣнія къ неутѣшной матери, оно вполне вѣрило въ преступность Рамбера и считало это убійство грубымъ злодѣйствомъ, совершеннымъ ради грабежа. Такимъ образомъ, мало по малу, скромное благородное имя Поэля Рамбера, этого честнаго ра-

ботника, мужественно боровагося съ нуждой, стало синонимомъ убійцы, и даже его товарищи, тянувшіе съ нимъ вмѣстѣ тяжелую лямку бѣдняка, провознося его имя, качали головой.

Одинъ человѣкъ, быть можетъ, вѣрилъ еще въ невинность Рамбера—Паскаль Артесъ. Онъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и отвѣчалъ на восторженное поклоненіе Рамбера безграничнымъ довѣріемъ. Мысль, что Ноэль осквернилъ свои руки кровью, казалась ему невозможной. Подвергая его допросу, Артесъ дѣйствовалъ инстинктивно, давая ему случай заявить свою невинность однимъ изъ тѣхъ вдохновенныхъ криковъ, которые, исходя изъ глубины души, говорятъ краснорѣчиѣе всякаго доказательства. Артесъ не зналъ, какимъ образомъ обнаружится передъ судомъ и публикой, передъ всѣми обвинителями и клеветниками невинность Ноэля, но онъ былъ увѣренъ, что она будетъ доказана торжественно, безспорно.

Паскаль Артесъ не вѣрилъ въ преобладаніе на землѣ зла; онъ питалъ глубокую, безграничную, дѣтскую вѣру въ человѣческую природу. Онъ считалъ ее хорошей, или, вѣрнѣе, *лучшей*. Онъ иѣрилъ человѣчество на свой аршинъ. Его геройское сердце не хотѣло понять, что въ человѣкѣ кроются задатки зла. Онъ перенесъ много преслѣдованій, но не чувствовалъ ни малѣйшей ненависти къ своимъ врагамъ. По его опредѣленію, міръ представлялъ рукопашную схватку, въ кото рой ослѣпленіе дѣлало болѣе жертвъ, чѣмъ злоба; какъ-же послѣ этого долженъ былъ онъ судить о Ноэлѣ Рамберѣ, честная рука котораго такъ часто пожимала его-руку?

— Если всѣ признаютъ его виновнымъ, говорилъ онъ самъ себѣ, — то я одинъ буду провозглашать его невиннымъ!

Онъ былъ счастливъ, что могъ отчасти защитить отца, заботясь о сынѣ. Къ тому-же Артесъ чувствовалъ какую-то жгучую потребность излить громадный запасъ родительской любви, которой была полна его натура. До сихъ поръ это нѣжное чувство любви, присутствующее его природѣ, не имѣло исхода, семейства у него не было, товарищи одни за другими погибли въ бою или въ заточеніи, онъ съ каждымъ годомъ становился все болѣе и болѣе одинокимъ и ему оставалась только другая, болѣе обширная семья, способная на большіе восторги, но неумѣющая такъ утѣшить, такъ тепло пожалѣть — отечество.

Паскаль Артесъ гордился, что онъ отечеству отдалъ все. Онъ гордился, что принесъ ему въ жертву и юношескія радости, и привязанности возмужалыхъ лѣтъ. Бросая взглядъ на прошлое, онъ видѣлъ много горя, много страданія, много тяжелыхъ минутъ, много

разочарованій, много измѣнъ, много неудачъ, но онъ не встрѣчалъ тамъ ни одной минуты колебанія, ни одного дѣйствія, ни одной мысли, въ которыхъ онъ могъ-бы себя упрекнуть. Онъ всегда честно, просто, смиренно исполнялъ то, что кажется съ виду такъ легко, а въ сущности такъ трудно и тяжело — свой долгъ.

Сколько радостей, увлеченій, мечтаній приносится въ жертву строгой идеѣ долга. Сколько разъ, увлекаемый пламенной страстью, хочеть человекъ остановиться на минуту въ плѣнительномъ оазисѣ любви, но непреклонный, непреодолимый долгъ грозно шепчетъ: впередъ! И проклинаетъ онъ необходимость идти, но все-же идетъ впередъ. И когда на закатѣ жизни, вспоминая все, что было, все, что прошло, онъ читаетъ на каждой страницѣ живой лѣтописи слово: «долгъ», вписанное твердой рукой, безъ подскобковъ, безъ пятенъ, онъ чувствуетъ гордое довольство честнаго труженика, исправно окончившаго свою дневную работу. Ноша была тяжела, но онъ донесъ ее до конца. Плечи устали, но сердце радостно бьется въ гордой груди. Работникъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ можетъ умереть. Онъ доволенъ собою и унесетъ въ могилу сознаніе исполненнаго долга, — сознаніе, что онъ былъ человекъ, что онъ можетъ себя уважать.

Въ эпоху, въ которую сильные характеры ступшевываются, все мельчаетъ и общественная совѣсть глохнетъ, примѣръ подобнаго гражданскаго мужества крайне утѣшителенъ и назидателенъ.

Однако Артесъ, несмотря на всю свою твердость, былъ добръ, нѣженъ и почти жействененъ. Любовь для него была отрадой, необходимостью. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые живутъ лаской и самопожертвованіемъ. Ихъ гнѣвъ даже произтекаетъ отъ любви. О нихъ можно сказать то, что Борновъ сказалъ о французахъ: «они умѣютъ болѣе любить, чѣмъ ненавидѣть».

Поэтому Артесъ съ искренней радостью призрѣлъ брошеннаго Жака. Онъ посвятилъ себя этому ребенку и всѣми силами старался отвлечь его мысли отъ несчастнаго отца. Но это было невозможно. Корни любви, соединявшей слабое созданіе съ сильнымъ, — Жака съ Позлемъ, — пустили такіе-же сильные ростки въ сердцѣ ребенка, какъ и въ сердцѣ зрѣлаго человека. Жакъ постоянно вздыхалъ, закатывалъ свои полные слезъ глаза и произносилъ съ особеннымъ грустнымъ удареніемъ слово: «папа!» Ребенокъ, блѣдный, нервный, нерѣдко какъ-бы погружался въ глубокую думу, и на его дѣтскомъ личикѣ отражались серьезные мысли, безпокойныя опасенія.

— О чемъ ты думаешь? спрашивалъ его Артесъ.

— Объ отцѣ.

— Не думай о немъ, онъ путешествуетъ и скоро возвратится.

— Нѣтъ, онъ не путешествуетъ, онъ въ тюрьмѣ и злые люди его обижаютъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я самъ знаю.

И ребенокъ скоро возвращался къ своимъ страннымъ, болѣзненнымъ думамъ и, безмолвный, неподвижный, глядѣлъ въ пространство, словно видѣлъ въ немъ невидимые для другихъ предметы. Это безсознательное, болѣзненное состояніе, похожее на столбнякъ, безпокойило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимало въ научномъ отношеніи Артеса.

Артесъ былъ убѣжденъ, что бѣдный Рамберъ жаждалъ имѣть извѣстія о своемъ Жакѣ, почему обратился съ просьбою дозволить ему свиданіе съ арестантомъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій ему разрѣшили входъ въ тюрьму, и онъ увидѣлъ блѣднаго, изнуреннаго Рамбера черезъ рѣшетку, причежь, конечно, вспомнилъ о долгихъ годахъ, проведенныхъ за такою-же рѣшеткой.

— Ну, сказалъ онъ, — не надо унывать, вы знаете, что нѣтъ на свѣтѣ каземата, изъ котораго нельзя было-бы выйти. Вы нездоровы, Рамберъ?

— Да, можетъ быть... право, не знаю, отвѣчалъ бѣднякъ;— да мнѣ все равно, боленъ я или здоровъ... Вы знаете, меня тревожитъ только одна мысль: здоровъ-ли мой мальчикъ?

Артесъ отвѣчалъ, что Жакъ здоровъ, хотя очень груститъ, и часто вспоминаетъ объ отцѣ.

— Бѣдный голубчикъ! Когда-то мнѣ придется съ нимъ снова гулять въ воскресенье вечеромъ по зеленому лугу? Какъ весело онъ бѣгалъ по зеленой муравѣ и съ какою радостью я на него смотрѣлъ.

— Подождите до лѣта.

— До лѣта? Вы не знаете, какъ я кашляю! Мнѣ кажется, что вмѣсто легкихъ у меня какая-то пустота. Я человекъ пропавшій.

— Вотъ еще что придумалъ!

— Я не жалуясь. Тянуть ляжку жизни не легко, наконецъ и устанешь. Я работалъ всю жизнь, какъ невольникъ и умру, какъ собака. Вотъ что меня ожидаетъ, если я и выкарабкаюсь изъ этого дѣла. Если-же нѣтъ, то мнѣ предстоитъ Кафена или гильотина.

— Вы съума сошли!

— Однако, смѣшно было-бы кончить жизнь на плахѣ, произнесъ Рамберъ, съ сухимъ, отрывистымъ смѣхомъ, который перешелъ въ страшный кашель.

Паскаль Артесъ дрогнулъ при этихъ ужасныхъ словахъ и съ грустными опасеніями ушелъ изъ тюрьмы, хотя окончательно убѣдился въ невинности Рамбера.

Что-же касается бѣдника Ноэля, то послѣ минутнаго счастья при свиданіи съ Артесомъ, онъ снова впалъ въ то отчаянное уныніе, которое было естественнымъ послѣдствіемъ снѣдающаго его недуга.

— Нѣтъ, мрачно думалъ онъ, — все кончено, я рѣшительно умираю! А если я не дотяну до суда? Если я умру ранѣе? Меня всѣ признаютъ виновнымъ! Хорошее я оставлю наслѣдство Жаку! Бѣдный мальчижъ! А я хотѣлъ его сдѣлать богатымъ! Какіе воздушные замки я строилъ для него! И все это исчезло, погребло! Я ему не оставлю ни гроша. На что я теперь годенъ? Я даже не имѣю права продать своего тѣла послѣ смерти въ клинику! Развѣ оно мнѣ принадлежитъ? Нѣтъ, оно *ихъ*!

Эта мысль о скорой смерти и о бѣдности, единственномъ наслѣдствіи, которое онъ могъ оставить Жаку, не выходила изъ головы Рамбера. Въ былыя времена онъ мечталъ устроить свои дѣла такъ, чтобы его сынъ имѣлъ въ жизни то, чего онъ никогда не знавалъ: спокойствіе, довольство и счастье. Но теперь приходилось отказаться отъ всякой надежды; его сына ожидала таже мрачная, жестокая, неотвратимая судьба: нужда, горе, смерть.

И громкій, жестокій, дикій, безумный хохотъ несчастной жертвы человѣческаго правосудія раздавался подъ мрачными сводами тюрьмы.

IV.

Давидъ Морталь еще разъ торжествовалъ. Встрѣча съ Лавердакомъ была одна изъ тѣхъ грозныхъ преградъ, которыя по временамъ встрѣчались въ бурной жизни этого искателя приключеній и которыя онъ преодолевалъ своей смѣлостью, неостанавливавшейся ни предъ какими средствами. Побѣда снова осталась за нимъ. Убивъ Поля Лавердака, онъ возвратился домой и, запершись въ своемъ кабинетѣ, перечиталъ нѣсколько разъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ и дерзкой самоувѣренностью несчастное письмо, которое стоило жизни двумъ человѣкамъ. — «Дуракъ! думалъ Морталь, краснѣя за нѣкоторыя выраженія письма: — развѣ пишутъ такія вещи!... Да, пишутъ, когда все погребло, когда голова еле держится на плечахъ. Но потомъ, человѣкъ готовъ каждую каплю чернилъ искупить ведромъ крови. Да, иногда дорого стоятъ взмахъ пера!»

И онъ бросилъ письмо въ каминъ. Черезъ минуту отъ письма осталась щепотка золы, и изъ за этой-то щепотки золы онъ убилъ человѣка. Эта мысль не могла не войти въ голову Морталья, но онъ не сожалѣлъ того, что сдѣлалъ, не упрекалъ себя, не раскаивался. Его тревожила только мысль о неизвѣстномъ человѣкѣ, который такъ не кстати явился въ минуту убійства. Но ему было суждено одержать полную побѣду. На другой день, онъ съ иронической улыбкой прочелъ въ газетахъ извѣстіе объ убійствѣ Поля Лавердака и объ его убійцѣ Нозлѣ Рамбергѣ.

Между тѣмъ Клара Морталь, увѣренная въ томъ, что ей удалось отстранить опасность, грозившую молодому человѣку, совершенно успокоилась, отлично спала ночь, и на другое утро съ нетерпѣніемъ ждала появленія Даніэля, чтобъ съ улыбкой торжествующей ненависти воскликнуть: «что-же, я вырвала изъ вашихъ рукъ несчастную жертву!» Дѣйствительно, какъ только онъ показался въ дверяхъ ея комнаты, она пошла къ нему на встрѣчу и съ холодной, иронической улыбкой спросила:

— Ну, Лавердакъ явился на свиданіе?

— Лавердакъ, произнесъ Морталь, медленно выговаривая каждое слово, которое, какъ кинжалъ, вонзалось въ сердце бѣдной женщины: — Лавердакъ умеръ.

Клара съ минуту не могла придти въ себя отъ изумленія и, только понявъ весь роковой смыслъ словъ своего мужа, съ ужасомъ отъ него отскочила.

— Вы его убили!

— Я? отвѣчалъ онъ, подавая ей газету: — г. Лавердакъ убитъ сегодня ночью мошенникомъ, забравшимся въ квартиру Гарнье для кражи.

— Убитъ?

— Да, прочтите-же, милая Клара, произнесъ Морталь: — весь Парижъ только объ этомъ теперь и говорить.

Бѣдная женщина, дрожа всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно, бросила взглядъ на газету; строчки неясно мелькали передъ ея глазами, и она видѣла только одно имя Лавердака. Она понимала только одно, что она его не спасла, что онъ умеръ и что въ этомъ страшномъ, роковомъ несчастіи былъ виновенъ не какой-то неизвѣстный злодѣй, но ея мужъ, Даніэль Морталь.

Первая ея мысль была бѣжать къ Полю Лавердаку и самой убѣ-

даться въ ужасной истинѣ, но Морталь ее не пустилъ, и цѣлый день и цѣлую ночь несчастная провела въ самыхъ мучительныхъ нравственныхъ страданіяхъ. Съ первой минуты она истинно сознавала, что никто не могъ убить Поля Лавердака, кромѣ Морталья, который одинъ имѣлъ въ его смерти личный интересъ. Бѣдный-же работникъ, котораго обвиняли въ этомъ убійствѣ, конечно, былъ тотъ невѣдомый прохожій, котораго она встрѣтила въ Елисейскихъ поляхъ и послала въ Божонъ. Онъ исполнилъ ее порученіе, отправился въ указанный домъ, но опоздалъ, преступленіе было уже совершено и его арестовали, тогда какъ настоящій убійца успѣлъ скрыться. Все это представлялось ей ясно, опредѣленно. Но какой ужасъ убѣдиться въ томъ, что человѣкъ, имя котораго она носила, обогрѣлъ свои руки въ крови! Эта мысль такъ терзала ее сердце, такъ возмущала всю ее честную натуру, что она невольно стала сомнѣваться, могли ли Морталь дойти до такой низости, до такого злодѣйства. Тогда она вспомнила несчастный, голодный видъ бѣдняка, которому она поручила предостеречь Лавердака, и новая, не менѣе мучительная мысль блеснула въ ее головѣ. Можетъ быть, этотъ нищій дѣйствительно соблазнился легкостью поживы и убилъ молодого человѣка, но тогда она, Клара, вооружила руку убійцы! И бѣдная женщина терлась въ этихъ роковыхъ подозрѣніяхъ, въ этихъ тревожныхъ сомнѣніяхъ. Она не хотѣла вѣрить ни тому, ни другому, но все-же скорѣе она согласилась-бы признать себя случайно виновной въ этомъ трагическомъ событіи, чѣмъ мужа предумышленнымъ, коварнымъ убійцей. Но невѣдомый голосъ, въ глубинѣ сердца, неустанно шепталъ ей: убійца Лавердака—Морталь.

Сначала слабая, испуганная, утраченная, она не смѣла поднять глазъ на Морталья, но чѣмъ болѣе она думала, чѣмъ болѣе страдала отъ тяжелыхъ сомнѣній и жестокихъ подозрѣній, которымъ она не хотѣла вѣрить и невольно вѣрила, — тѣмъ сильнѣе она себя чувствовала. Наконецъ, какъ всякая нервная натура, выведенная изъ себя обстоятельствами, она рѣшилась пойти на прямое объясненіе, пойти на приступъ, на проломъ. На другое утро она твердо, рѣзко, безъ всякихъ прикрасъ сказала пораженному Морталю:

— Поля Лавердака убилъ не арестованный бѣднякъ, а вы!

Морталь не былъ трусомъ, но въ эту минуту морозъ пробѣжалъ по его тѣлу; онъ ясно сознавалъ, что въ рукахъ этой женщины находится судьба всей его жизни. Но вѣра въ превосходство своег

ума и силы воли, онъ хотѣлъ отстранить ударъ своей обычной, холодной проиёй.

— Благодарю васъ, милая Клара, сказалъ онъ, — что вы такъ легко признаете убійцей человѣка, имя котораго вы носите.

— Мнѣ все равно, убили-ли вы Лавердака на дуэли или предательски умертвили его въ засадѣ, произнесла Клара, смѣло выдерживая взглядъ Мортала, — но я клянусь, что онъ умеръ отъ вашей руки.

— По счастью для меня, отвѣчалъ Морталь, все съ той-же проиёй, — преступникъ находится въ рукахъ правосудія.

— А кто-же знаетъ, что онъ преступникъ?

— Ужь это слишкомъ! воскликнулъ Даніэль. — Прошу васъ оставить этотъ разговоръ, повремените съ вашими нелѣпыми, оскорбительными подозрѣніями до той минуты, когда обнаружится, благодаря судебной власти, вся истина.

— Истина, произнесла холодно Клара; — но я также нищу истины. Или, по вашему, внутреннее сознаніе ничего не значитъ въ судебныхъ дѣлахъ? Повторяю вамъ, что я глубоко, твердо убѣждена въ невинности арестованнаго бѣдняка. А знаете вы, что побудило этого человѣка войти въ домъ, въ которомъ его арестовали?

— Желаніе украсть что-нибудь.

— Нѣтъ, я его послала.

— Вы?

— Да, встрѣтивъ его (это конечно никто иной) въ Елисейскихъ поляхъ, я его упросила пойти къ указанному дому и предупредить Лавердака, чтобъ онъ туда не входилъ.

При этихъ словахъ лицо Мортала вдругъ помрачилось, онъ поникъ головою, какъ человѣкъ, встрѣтившій неожиданную преграду, но черезъ секунду онъ гордо поднялъ голову и съ тою-же холодной проиёй произнесъ:

— Если вы это сдѣлали, сударыня, то вы можете считать себя участницей въ убійствѣ г. Лавердака. Вы направили на него убійцу. Но позвольте мнѣ сказать еще два слова о вашемъ нелѣпомъ, безумномъ подозрѣніи. Вы меня ненавидите, — хорошо; какъ-бы мнѣ ни было это горько, но я достаточно закаленъ, чтобы перенести вашу ненависть, но взводимого вами на меня обвиненія, этой клеветы, которая можетъ честнаго человѣка посадить на скамью обвиняемыхъ, — я не потеряю. Я знаю, что вы современемъ раскаетесь въ своемъ подозрѣніи и попросите у меня прощенія, но я желалъ-бы знать, что-

бы вы сдѣлали, если-бы не только были убѣждены въ моей виновности, но имѣли-бы на то доказательства?

— Я? отвѣчала Клара съ ледяной твердостью; — я предала-бы васъ въ руки правосудія.

— Ай да римлянка. Но довольно романтичныхъ нелѣпостей, возвратимся къ дѣйствительности. Вы желаете имѣть доказательство, что арестованный человѣкъ дѣйствительно убійца Лавердака; вамъ это необходимо, чтобъ не подозрѣвать вашего мужа;—вы будете удовлетворены.

— Кто-же можетъ мнѣ представить это доказательство?

— Онъ самъ. Что-вы скажете, если онъ самъ признаетъ, что онъ, а никто иной убилъ Лавердака.

— Если онъ сознается?

— Да, если онъ сознается.

Клара ничего не отвѣчала; непостижимое хладнокровіе и присутствіе духа Мортала поразили ее и сбили съ толку. Честная женщина невольно поддавалась вліянію дерзкой, самоувѣренной лжи, которая дѣйствуетъ всего болѣе на чистыя, возвышенныя души, непонимающія лжи, потому что сами не въ силахъ сказать неправды. Сила воли Мортала обезоруживала Клару, и въ ея сердцѣ снова возникали сомнѣнія, она начинала убѣждать себя, что Морталь сказалъ правду и единственный преступникъ—Рамберъ, котораго она вовсе не знала, но котораго газеты представляли закоснѣлымъ злодѣемъ.

— Лучше всего будетъ, сказала она, наконецъ;—если я подожду, пока онъ сознается...

И, спокойная, холодная, твердая, она удалилась изъ комнаты, оставивъ Даніэля Мортала наединѣ съ грозной задачей, отъ разрѣшенія которой, онъ чувствовалъ, зависѣла его судьба; необходимо было, чтобъ Нозль Рамберъ сознался и предалъ себя въ руки палача.

Морталь былъ очень смущенъ и встревоженъ. Его не только пугала новая опасность, но его искренно печалила мысль, что онъ нашелъ врага, быть можетъ, самого страшнаго, непримиримаго, въ единственной женщинѣ, которую онъ любилъ. Конечно, его пламенная страсть нѣсколько стихла съ годами, и оскорбленное самолюбіе научило его отвѣчать ироніей на холодность Клары, но въ глубинѣ его сердца хранилось еще достаточно любви, неудовлетвореннаго желанія и оскорбленной гордости, чтобы почувствовать всю горечь унижительныхъ подозрѣній Клары. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ, что дѣло шло объ его личномъ счастьи, семейномъ спокойствіи и, быть

можетъ, объ его жизни. Прибѣгать къ насиліямъ онъ не могъ, боясь, что Клара, доведенная до крайности, погубитъ его однимъ словомъ; оставалось поэтому одно средство: обманъ. Надо было во что-бы то ни стало обезоружить энергію и силу воли Клары, которая, повидимому, теперь готова была на все и не остановилась-бы ни передъ какою жертвою. Надо было уничтожить подозрѣніе въ ея умѣ, а вмѣстѣ съ подозрѣніемъ исчезала и всякая опасность. Какъ человѣкъ рѣшительный, практическій, Морталь тотчасъ рѣшилъ, что этой цѣли онъ могъ достигнуть, только добившись отъ Рамбера публичнаго признанія въ его виновности. Но какъ было добиться такого невозможнаго, безумнаго результата? Долго думалъ Морталь и, наконецъ, рѣшился дѣйствовать, хотя еще не съ определеннымъ планомъ, но съ твердой рѣшимостью достигнуть своей цѣли, отъ которой зависѣла теперь вся его судьба.

Прежде всего онъ сбрилъ себѣ бороду и усы, оставивъ маленькіе модные бакенбарды, что совершенно измѣнило его лицо и, вмѣсто энергичнаго, жестокаго вида, придало ему выраженіе тонкой хитрости. Отъ этой перемѣны онъ такъ преобразился, что самые близкіе люди его не узнавали на улицѣ. Добившись этого немаловажнаго результата, онъ поѣхалъ къ слѣдователю, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и попросилъ у него позволенія присутствовать при одномъ изъ допросовъ Рамбера, увѣряя, что этотъ несчастный его очень интересовалъ. Дезобре, конечно, поспѣшилъ удовлетворить странному капризу этого вліятельнаго человѣка. Такимъ образомъ, Морталь добился свиданія съ Рамберомъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ не только слушалъ показанія несчастнаго, но самъ, съ позволенія судьи, задалъ ему нѣсколько вопросовъ о томъ неизвѣстномъ, который, по словамъ Ноэля, былъ настоящимъ убійцей. Ни мало не подозрѣвая въ модномъ щеголѣ мрачнаго злодѣя, бѣдный Ноэль снова повторилъ свой чистосердечный рассказъ и заявилъ, что хотя ему неизвѣстно имя этого убійцы, но онъ можетъ узнать его.

— Почему-же вы его узнаете? спросилъ судья;—по его черной густой бородѣ и дикому, жестокому выраженію лица, о которыхъ вы мнѣ говорили?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ноэль:—по его голосу.

— Какъ по голосу?

— Да, мнѣ кажется, я теперь еще слышу его рѣзкій, гнѣвный голосъ, рѣзавшій воздухъ, словно бичъ.

— Милостивый государь, сказалъ Морталь, обращаясь къ Ноэ-

лю.—Я не судья, а простой зритель, но все-же я не желалъ-бы принять участіе въ составленіи несправедливаго обвинительнаго акта. Но какъ-же вы хотите, чтобы васъ защитили и спасли съ помощью такого слабаго орудія, какъ тотъ голоса разгнѣваннаго человѣка, котораго вы, вѣроятно, и не признаете.

Рамберъ слушалъ машинально эти слова, произнесенныя медленно, хладнокровно, гордымъ, вронвческииъ голосомъ, и невольно спрашивалъ себя, почему этотъ голосъ ему казался отдаленнымъ эхо чего-то знакомаго, когда-то слышаннаго.

— Это правда, отвѣчалъ онъ съ смиреніемъ отчаянія;—этимъ путемъ нельзя себя защитить. Но что-же прикажете? Меня обвиняютъ, а я все-же невиненъ.

Провнося эти слова очень тихо, онъ раскшлялся, и красныя пятна показались на его щекахъ.

— Вотъ что еще вѣрнѣе меня приговорить къ смерти, прибавилъ онъ, качая головою и опуская руки въ изнеможеніи.

Возвращаясь домой послѣ этого свиданія, Морталь весело думалъ, покуривая дорогую сигару:

— Первый шагъ сдѣланъ. Я теперь могу свободно разговаривать съ нимъ, не опасаясь, чтобы онъ узналъ меня. Бѣдный человѣкъ! сколько, однако, приходится губить людей, чтобъ проложить себѣ на свѣтѣ дорогу! Впрочемъ, однимъ больше, однимъ меньше, не велика бѣда! Къ тому-же, что-бы стало съ умными, могучими людьми, если-бы обращать вниманіе на слабыхъ дураковъ?

Въ тотъ-же вечеръ Морталь съ торжествующимъ видомъ рассказъ женѣ о томъ, что онъ видѣлъ Рамбера, и что это просто мелкій мошенникъ, быть можетъ, въ сущности не дурной человѣкъ, но обстоятельствами доведенный до преступленія. Клара холодно, печально выслушала его и грустно сказала:

— Прошу васъ, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ человѣкѣ, особенно если онъ виновенъ. Всѣ эти кровавыя образы меня страшатъ, и я буду вамъ очень благодарна, если вы перестанете вызывать ихъ передъ моими глазами.

— Ваше желаніе для меня приказъ, отвѣчалъ Морталь, неожиданно перемѣняя тонъ;—но вы ни слова не сказали мнѣ о моихъ бакенбардахъ. Я вспоминалъ, что вы терпѣть не можете моей длинной бороды, и сбрилъ ее, надѣясь, что это вамъ понравится и послужить залогомъ нашего примиренія.

И онъ взялъ руку Клары, но та быстро отдернула ее съ ужасомъ и отвращеніемъ.

— Играйте роль неприступной красавицы сколько вамъ угодно, произнесъ Морталь, снова возвращаясь къ своему обычному, холодно пронычскому тону. — Я сообщилъ вамъ новыя свѣденія объ убійцѣ, потому что хотѣлъ еще разъ доказать, какъ нелѣпы и оскорбительны ваши подозрѣнія. Но теперь вы можете думать все, что вамъ угодно. Прощайте.

И онъ поспѣшно удалился съ насмѣшливымъ поклономъ.

Бѣдная Клара не знала, что ей думать. Ея первоначальное, инстинктивное убѣжденіе въ виновности Морталья, жало-по-малу, стусывалось? Она не чувствовала въ себѣ уже достаточно силъ, чтобы упорно поддерживать какое-нибудь мнѣніе. Эта мягкая, болѣзненная натура была способна на временный внезапный протестъ, но не на долгую борьбу. Она чувствовала уже утомленіе, и Морталь снова былъ ея повелителемъ. Она все еще его ненавидѣла, подозрѣвала и питала къ нему презрѣніе, но не чувствовала уже въ себѣ достаточно энергіи, чтобы открыто бросить ему въ лицо эту ненависть, это презрѣніе, это обвиненіе. Къ тому-же она начинала сомнѣваться: можетъ быть, онъ сказалъ правду, можетъ быть, Рамберъ былъ дѣйствительнымъ убійцей! Она поникла головой и смиренно предала себя волѣ судьбы.

Морталь чувствовалъ, что она все еще относится къ нему враждебно, но эта враждебность была теперь пассивная, не опасная. Онъ могъ свободно дѣйствовать, готовить баттарей для своей защиты. На его сторонѣ былъ могущественный союзникъ—время. Конечно, Клара могла снова проявить энергію и выступить съ публичнымъ обвиненіемъ противъ него, но онъ надѣялся, что если это когда-нибудь и случится, то будетъ уже поздно.

Спустя нѣсколько дней, утромъ, Ноэль Рамберъ, лежа одѣтый на кровати, услышалъ скрипъ двери и, съ трудомъ поднявъ голову, увидѣлъ, что къ нему вошелъ какой-то господинъ высокаго роста, щегольски одѣтый, повидимому, важная особа, потому что тюремщика шелъ за нимъ, снявъ фуражку, и удалился, какъ только неизвѣстный сказалъ:

— Оставьте насъ; вы знаете, что я имѣю дозволеніе говорить съ заключеннымъ.

Послѣ ухода тюремщика, неизвѣстный въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ, пристально рассматривая бѣднаго Рамбера, иску-

далое, поблекшее лицо котораго все еще сохраняло слѣды грустной, гордой красоты.

— Вы меня узнаете? сказалъ онъ, наконецъ, медленно и какъ-бы вызывающимъ тономъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ноэль равнодушно, точно говоря:—я боленъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Мы, однакожъ съ вами встрѣчались, продолжалъ таинственный посетитель, который былъ Даніэль Морталь.

— Я не помню, отвѣчалъ Ноэль.

— Я присутствовалъ однажды при вашемъ допросѣ у слѣдователя, сказалъ Морталь, не спуская глазъ съ лица Рамбера.

— А, а! произнесъ Ноэль и, указавъ машинально на скамейку, прислонился самъ къ стѣнѣ, болѣзненно кашляя.

Морталь съ минутою молчалъ; онъ былъ страшно блѣденъ, и черты его лица выражали холодную, роковую рѣшимость выйти изъ мучительнаго, невыносимаго положенія.

— Рамберъ, сказалъ онъ, наконецъ, съ холодной медленностью отчеканивая каждое слово, — знаете-ли вы, что какъ-бы ловко не велъ вашъ адвокатъ вашу защиту, все васъ обвиняетъ, и вы уже заранѣе признаны виновнымъ.

— Я знаю, отвѣчалъ Ноэль, съ спокойствіемъ отчаянья.

— И, однако, вы невинновы.

— Да, отвѣчалъ бѣднякъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы знаете, кто убилъ Лавердака?

— Если-бы я зналъ, то сказалъ-бы.

— Такъ вы погибшій человекъ!

— Совершенно.

— И вы смиренно преклоняетесь, вы молча кладете голову на плаху?

— Я!.. Я предоставляю людямъ дѣлать, что они хотятъ. Я изъ числа тѣхъ, которыхъ гнететъ судьба. На свѣтѣ есть разрядъ людей бѣдныхъ, отверженныхъ. Я принадлежу къ этимъ людямъ. Пусть меня приговорятъ къ смерти. Кого пятнаетъ несправедливый приговоръ? Человѣческое правосудіе и болѣе никого. Вотъ и все.

— Какъ, и ни сожалѣнія, ни упрека?

— Что-же вы хотите, чтобъ я плакалъ? Но мои слезы только вызовутъ насмѣшки.

— У васъ нѣтъ дѣтей?

— Есть одинъ сынъ, отвѣчалъ Ноэль и, при мысли о Жакѣ, въ

немъ воскресла вся его прежняя энергія;—у меня маленькій мальчикъ, хорошенькій, какъ ангелъ. Оставляя этотъ свѣтъ, я сожалѣю только его, да еще одного человѣка.

— Что-же станется съ вашимъ сыномъ?

— Вотъ это-то меня и убиваетъ, произнесъ Нозль, грустно качая головой;—у него есть Артесъ, но Артесъ можетъ умереть, и тогда онъ останется одинъ. Но зачѣмъ вы говорите мнѣ объ этомъ, зачѣмъ растравляете мою рану? Неужели вы думаете, мнѣ было-бы трудно взойти на плаху, еслибъ я не оставлялъ за собою маленькое существо, которое будутъ мучить холодъ, голодъ, жажда, одиночество. Не смерть меня пугаетъ, а нищета, та страшная бѣдность, которую я оставлю въ наслѣдіе моему несчастному мальчику!

— А хотите вы, чтобъ вашъ ребенокъ не зналъ ни голода, ни нужды? холодно произнесъ Морталь, сразу понявъ больное мѣсто Рамбера.

— Хочу-ли я! воскликнулъ Рамберъ, бросая радостный взглядъ на Даніэля;—развѣ это возможно? зачѣмъ вы говорите мнѣ объ этомъ? Вы знаете, что это невысказано.

— Это возможно.

— Полноте низко такъ издѣваться надъ несчастнымъ.

— Я вамъ повторяю, что вашъ сынъ будетъ богатъ, если вы захотите.

— Мой Жакъ богатъ, если я захочу? Но что-же надо для этого сдѣлать? воскликнулъ Рамберъ, начиная вѣрять въ возможность невозможнаго;—чѣмъ надо пожертвовать: рукой, ногой? Скажите только, что надо дѣлать, и клянусь всѣмъ, что для меня свято, клянусь именемъ ребенка, что я на все готовъ!

— Надо сознаться, что вы убили Поля Лавердака, произнесъ Морталь рѣзко, отрывисто.

— Я! воскликнулъ Рамберъ, пораженный ужасомъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ бессмысленно смотрѣлъ на блѣдное, безчувственное лицо Морталя; онъ спрашивалъ себя, хорошо-ли онъ разслышалъ, хорошо-ли понялъ роковыя слова. Его большая голова не могла сразу обнять такой всеокрушающей идеи. Ему необходимо было подумать, сообразить.

— Но это невозможно, безумно! произнесъ онъ, наконецъ, тихо, беспомощно качая головой, какъ ребенокъ:—какъ могу я сказать, что я убилъ человѣка? Развѣ я его убилъ? И зачѣмъ я это скажу? Какой интересъ... Да, повторилъ онъ пристально, взглянувъ на Морталя,—какой интересъ вамъ предлагать мнѣ подобное условіе?

— Человѣкъ, убившій Поля Лавердака,—мой другъ, отвѣчалъ Морталь, сухо, хладнокровно и не спуская глазъ съ лица Нозля; — и я хочу его спасти. Я хочу, чтобы другой призналъ себя убійцей и освободилъ моего друга отъ всѣхъ подозрѣній. Кажется, это просто.

— А кто-же меня увѣритъ, что вы сами не этотъ убійца? сказалъ Нозль.

— Посмотрите на меня, произнесъ Морталь и, подойдя близко къ Рамберу, остановился, скрестивъ руки, и, неподвижно, хладнокровно, безъ малѣйшаго нервнаго содроганія, ждалъ приговора судьбы.

Этотъ человѣкъ, высѣченный изъ камня или льдины, смущалъ бѣднаго Нозля, который тщетно старался признать въ неподвижномъ, холодномъ, выбритомъ лицѣ энергичное, пламенное лицо человѣка съ черной бородой, выстрѣлившаго въ него изъ револьвера. Но какъ было ему запомнить всѣ черты того лица, которое онъ видѣлъ только одно мгновеніе и при такой страшной обстановкѣ? Одно осталось неизгладимо запечатлѣннымъ въ его памяти: рѣзкій, металлическій топъ его гнѣвнаго, грознаго голоса. Въ ироническихъ звукахъ голоса незнакомца, стоявшаго теперь передъ нимъ, онъ, казалось, узнавалъ тотъ голосъ, который онъ слышалъ за нѣсколько минутъ до совершенія убійства. Но это было невозможно. Убійца не предасть-бы самъ себя въ руки правосудія, не пришелъ-бы прямо къ человѣку, котораго несправедливо обвиняли въ совершенномъ имъ самомъ преступленіи. Конечно, Нозль ошибался, и свѣтскій щеголь, разговаривавшій съ нимъ, не имѣлъ ничего общаго съ человѣкомъ, убившимъ Поля Лавердака.

— Ну, произнесъ Морталь своимъ насмѣшливымъ, бѣднымъ тономъ,—узнаете вы меня?

На этотъ разъ въ его голосъ и въ презрительномъ движеніи губъ было что-то такое, что заставило отшатнуться Рамбера; онъ впился глазами въ это роковое лицо и заставилъ его на мгновеніе остаться неподвижнымъ подъ его испытующимъ взглядомъ. Тѣнь колебанія выразилась въ чертахъ Морталья, онъ какъ-бы смутился и хотѣлъ поникнуть головой. Но это продолжалось не болѣе полусекунды, и онъ снова принялъ прежній холодный, смѣлый видъ. Но было уже поздно; Рамберъ прочелъ въ его глазахъ горькую истину и узналъ въ немъ убійцу Поля Лавердака.

— Я нашелъ убійцу! воскликнулъ онъ, простирая свою исхудалую руку, съ какой-то странной, безумной улыбкой:—это ты!

— Неужели? сказалъ Морталь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А, а! продолжалъ Ноэль, — я узналъ, что этотъ жестокий сонъ, этотъ тяжелый кошмаръ, наконецъ, пройдетъ. Меня подозревали, меня оскорбляли, меня называли убійцей, подлецомъ! Вотъ онъ подлець, вотъ онъ убійца! Я его нашель. Онъ здѣсь, онъ стоитъ передо мною. Я спасенъ, дайте мнѣ вдоволь нахохотаться!

И съ истерическимъ смѣхомъ онъ бросился къ двери и поднялъ руку, чтобъ постучать тюремщика. Но Морталь, блѣдный, рѣшительный, схватилъ его за руку и тихо сказалъ:

— Не зовите никого. Ваши крики будутъ напрасны. Я хочу говорить съ вами на-единѣ, слышите?

— Чортъ возьми! Кто-нибудь да услышитъ-же меня! воскликнулъ Рамберъ, стараясь освободиться изъ рукъ Морталья, но вдругъ онъ страшно закашлялъ, красноватая пѣна показалась на его губахъ и онъ въ изнеможеніи опустился на свою жесткую кровать.

— Выслушайте меня, сказалъ Морталь, яснымъ, повелительнымъ голосомъ, становясь прямо противъ Ноэля: — здѣсь два человѣка; одинъ изъ нихъ приговоренъ къ смерти злымъ недугомъ, другой можетъ и хочетъ жить. Вашъ судья безжалостный, неумолимый — чашотка. Вы харкаете кровью, ваши дни сочтены. Я-же здоровъ и хочу пользоваться всѣми утѣхами жизни. Вы говорите, что вы во мнѣ узнали убійцу Лавердака? Ну да, слышите, я его убилъ (Рамберъ съ торжествующей улыбкой махнулъ головой). Передъ вами я сознаюсь. Я ненавиждѣлъ этого человѣка и убилъ его. Хорошо. Но гдѣ же свидѣтели убійства? Есть только одинъ свидѣтель — вы; но вы обвиняетесь въ этомъ преступленіи. Вы обвиняемый и обвиняемымъ останетесь. Вы говорите, что меня узнали; хорошо. Попробуйте заявить, что убійца Поля Лавердака тотъ человѣкъ, которому Дезобре даетъ свободный пропускъ къ заключеннымъ. Я пріятель вашихъ судей, и они, конечно, не считаютъ меня способнымъ на убійство. Ваше обвиненіе, направленное противъ меня, только съ большей тяжестью падетъ на вашу голову. Вы понимаете, какъ это обвиненіе невѣроятно, нелѣпо. Ваше преступленіе доказано и тщетно вы будете защищаться. У васъ въ карманѣ нашли деньги и почти изъ рукъ взяли ножъ. Если вы меня вызовете въ судъ, то я скажу: «Этотъ человѣкъ убійца!», и мнѣ все поверятъ. Я вамъ говорю, что вы человѣкъ погибшій. Посмотрите на себя. Болѣзнь васъ точитъ. Будемъ говорить прямо, безъ обиняковъ: васъ держать за

горло два врага, которые никогда не прощаютъ: гильотина и чашотка. Оспаривайте у нихъ, если хотите, ваше брѣнное тѣло, но оно принадлежитъ имъ всецѣло. Вы слышите, что я говорю, и понимаете меня? Я вижу, что вы не трусь.

— Вы дошли до этого сами? Поздравляю, продолжайте, сказалъ Рамберъ, смущенный такой непостижимой смѣлостью и такимъ нахальнымъ хладнокровіемъ.

— Вы только что, продолжалъ Морталь, развивая съ математическою точностью свои аргументы,—обнаружили тайну вашей жизни, рану вашего сердца. Вы думаете объ одномъ—о вашемъ сынѣ. Если вы выйдете оправданнымъ изъ суда, то васъ на порогѣ встрѣтитъ смерть, въ самой страшной ея формѣ — нищета. Я знаю, что васъ пугаетъ судьба вашего ребенка послѣ вашей смерти. Его, конечно, ждетъ безжалостная бѣдность, со всѣми ея лишениями и страданіями, которыхъ онъ ничѣмъ не заслужилъ и которыхъ, однако, медленно гложутъ человѣка. Я самъ прошелъ все это и блѣднѣлъ только передъ однимъ — передъ нищетой. Чтобы избѣгнуть ея, я рѣшился на все и рискнулъ всѣмъ. Да, чортъ возьми! я понимаю, что васъ пугаетъ, что терзаетъ ваше сердце. Умереть ничего, но жить бѣднякомъ, напрягать силы, сгибать шею, душить мысль горькимъ, неблагодарнымъ трудомъ—это слишкомъ тяжело. Эта попытка доводитъ людей безпокойныхъ до безумія, до плахи.

— Я не былъ безпокойнымъ человѣкомъ, сказалъ Рамберъ мягкимъ, смиреннымъ тономъ мученика.—Я хотѣлъ жить мирно и вотъ я, невинный, стою передъ плахой.

— А кто вамъ можетъ сказать достоверно, что вашему сыну не придется пройти черезъ такіа-же испытанія?

— Ему, Жаку? воскликнулъ съ ужасомъ Рамберъ.

— Рожденный бѣднякомъ, онъ умретъ бѣднякомъ.

— Онъ будетъ работать, времена переиѣнятся, сказалъ Рамберъ, стараясь противустоять адской логикѣ Мортала.

— Сколько вѣковъ объ этомъ толкуютъ.

— Ну, такъ онъ умретъ честнымъ труженникомъ, какъ я.

— Да, онъ умретъ, быть можетъ, также, какъ вы,—преступникомъ.

— Но кто-же вы такой! воскликнулъ Ноэль;—тамъ вы были убійцей, здѣсь вы являетесь искусителемъ! оставьте меня. Я васъ предаю въ руки правосудія. Мнѣ повѣрять и окажутъ справедливость.

— Попробуйте.

— А вы думаете, что я этого не сдѣлаю? Вы думаете, что я позволю себя удушить, какъ баранъ, но вы съ ума сошли.

— Нѣтъ, я въ полномъ умѣ.

— Чего-жъ вы отъ меня хотите? спросилъ Рамбергъ, совершенно изнемогая.

— Я хочу спасти вашего сына; хочу сдѣлать этого ребенка, которому судьба готовитъ одни страданія и униженія, богатымъ и счастливымъ человѣкомъ. Понимаете, судьба вашего сына находится въ вашихъ рукахъ. Дѣло въ томъ, что я убилъ человѣка и что людямъ необходимо покарать преступника за это преступленіе. Скажите, что вы убійца, и вашъ сынъ будетъ богатъ, будетъ имѣть право любить, думать, дѣйствовать, дышать, однимъ словомъ, быть тѣмъ, чѣмъ вы не могли быть, и дѣлать то, чего вы не могли дѣлать. Кажется, я съ вами веду открытую игру. Согласны вы на мое предложеніе? Принимаете?

— Что?

— Богатство.

— Позоръ. Вы хотите, чтобъ я сказалъ: я убійца!

— А вы хотите, чтобы прокуроръ доказалъ вашу виновность и чтобъ вы умерли на эшафотѣ безъ всякой для себя пользы?

— Но вы мнѣ предлагаете безчестіе.

— Я вамъ предлагаю торговую сдѣлку. Я покупаю у васъ признаніе и плачу чистыми деньгами.

— Знаете, произнесъ съ трогательной наивностью бѣдный, честный мученикъ:—вы ужасны!

— Неужели вы въ жизни встрѣчали только ягнятъ, произнесъ иронически Морталь,—что встрѣча съ волкомъ васъ такъ пугаетъ?

Онъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ продолжалъ?

— Еще разъ повторяю, я вамъ предлагаю самую выгодную сдѣлку. Я не покупаю у васъ вашей души, а плачу дорого, даже слишкомъ дорого за ваше тѣло, которое уже вамъ не принадлежитъ. Тщетны будутъ ваши усилія. Вы уже не человѣкъ, а подсудимый, обвиненіе котораго несомнѣнно; вы теперь вещь въ рукахъ закона, который не выпуститъ васъ изъ своихъ когтей. Все васъ обвиняетъ: ваша бѣдность, ваша нищета, связь съ женщиной, отъ которой вы имѣете сына, ваши противорѣчивыя показанія, — и никто не отгадаетъ честнаго сердца подъ вашей непривлекательной наружной оболочкой. Отдайте-же добровольно судьямъ, которые и такъ ее возьмутъ, вашу жизнь, съ каждымъ днемъ угасающую отъ злого недуга.

га, искупите своею кровью убійство Поля Лавердака, и вашъ сынъ, достигнувъ двадцати лѣтъ, получить отъ нотариуса Нобле двѣсти тысячъ франковъ, которые, если вы хотите, будутъ принадлежать ему съ сегодняшняго-же дня.

— Двѣсти тысячъ франковъ, машинально повторилъ Рамберъ.

— Да, десять тысячъ ренты, отвѣчалъ Морталь; — а когда выростетъ вашъ сынъ, сумма, вмѣстѣ съ наросшими процентами, составить порядочное состояніе.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана свидѣтельство нотариуса Нобле о взносѣ Даниэлемъ Морталемъ двухъ сотъ тысячъ франковъ, для передачи чрезъ извѣстное число лѣтъ извѣстному лицу; фамилія этого лица не была выставлена.

— Это что такое? спросилъ Рамберъ съ удивленіемъ.

— Эта бумага, отвѣчалъ Морталь, — стоитъ теперь двѣсти тысячъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ цѣнность ея почти удвоится. Возьмите на себя отвѣтственность за пролитую кровь, и я тотчасъ-же напишу на этомъ бланкѣ имя вашего сына. Сколько ему лѣтъ?

— Пять съ небольшимъ. Мой бѣдный Жакъ! произнесъ Рамберъ, какъ-бы видя передъ собою блѣдное, болѣзненное лицо мальчика.

— Ну? спросилъ Морталь.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Ноэль, все существо котораго противилось страшному искушенію, — единственному искушенію, которое дѣйствительно его соблазняло въ его смиренной, трудовой, честной жизни.

— Вы не хотите?

— Но кто мнѣ поручится, что эта бумага не подложная?

— Подпись нотариуса Нобле. Я уже не говорю о своей.

— Милостивый государь, сказалъ Рамберъ судорожно (холодный потъ крупными каплями струился по его щекамъ), — сколько времени вы мнѣ дадите на размышленіе!

— Два дня.

— Если я къ вамъ пришлю кого-нибудь за этой бумагой, вы ее отдадите?

— Да, кого-вы пришлете?

— Честнаго человѣка, который меня уважаетъ, а быть можетъ, вскорѣ станетъ презирать наравнѣ со всѣми другими, — доктора Паскаля Артеса.

— Я его знаю, съ улыбкой сказалъ Морталь.

— Хорошо, произнесъ Рамберъ, глухимъ, дикимъ голосомъ; — теперь ступайте и оставьте меня одного.

— До свиданія, сказалъ Морталь и, выходя изъ тюрьмы, подумалъ съ саркастической улыбкой:—ну-ка, обличи меня теперь!

Неожиданное, невозможное, безумное предложеніе Мортала привело въ страшное смущеніе бѣднаго Ноэля. Его ослабленный физическими и нравственными страданіями умъ не могъ долго осмыслить дѣйствительнаго смысла роковой сдѣлки. Съ одной стороны признать себя виновнымъ значило опозорить себя на вѣки, но его уже называли убійцей, и общественное мнѣніе вполнѣ вѣрило въ его преступность. Съ другой стороны это кровавое самоубійство, это великое самопожертвованіе, которое ему предлагали, обеспечивало его сыну счастье и богатство. Къ тому-же, если-бъ его и оправдали (что было очень невѣроятно, какъ-какъ обличить Мортала было почти невозможно), гдѣ-бы нашелъ онъ себѣ работу? Ни на одной фабрикѣ не приняли-бы убійцы, который, ловкимъ заирательствомъ обманувъ присяжныхъ, избѣгнулъ казни; конечно, онъ могъ-бы съ помощью Артеса достать себѣ какую-нибудь работу, хотя и самую тяжелую, и все-же кое-какъ существовать съ своимъ дорогимъ Жакомъ. Но для работы необходимо здоровье; а Морталь правду сказалъ, чахотка врагъ неумолимый; приходилось умирать и оставить Жака безъ куска хлѣба. И такъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинъ исходъ: смерть, а не все-ли равно—смерть отъ гильотины, или смерть отъ чахотки! По крайней мѣрѣ, первая принесетъ пользу маленькому Жаку. Неужели онъ не стоитъ того, чтобы сказать два слова: «я убійца!» и взойти на нѣсколько ступеней эшафота!

— Но развѣ я дѣйствительно въ безнадежномъ состояніи? воскликнулъ громко Рамберъ, среди этихъ тревожныхъ, отчаянныхъ думъ.

Онъ потребовалъ тюремнаго доктора и спросилъ его: «чахотка-ли у него?» Этотъ докторъ былъ человекъ мягкій, добродушный, любезный, поставившій себѣ за правило всегда золотить пилюлю и обманывать своихъ больныхъ. Поэтому, съ пріятливой улыбкой, онъ объявилъ, что бѣднякъ проживетъ еще сто лѣтъ, особенно въ хорошемъ климатѣ и при хорошей пищѣ. Выйдя-же за дверь, онъ замѣтилъ тюремщику, что этого арестанта надо поскорѣе судить, а то онъ раньше умретъ естественной смертью.

— Этотъ дуракъ ничего не понимаетъ, подумалъ Рамберъ. Онъ просилъ, чтобы ему разрѣшили свиданіе съ Паскалемъ Артесомъ.

— Артесъ, сказалъ онъ медленно, — я предложу вамъ важный,

серьезный вопросъ; отвѣтите мнѣ, какъ всегда, по чистой совѣсти: если я не погибну на эшафотѣ, то сколько мнѣ остается жить?

— Вамъ?

— Да, я чувствую, что все кончено; не правда-ли, для меня все кончено?

— Вы очень больны.

— Чтобъ поправиться, мнѣ необходимы деньги и спокойствіе, которыхъ, конечно, я имѣть не могу. Не такъ-ли?

— Да.

— И еще вопросъ, спасутъ-ли меня и эти средства.

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Это мое дѣло. Мнѣ необходимо знать всю правду, какъ-бы жестока она ни была!

— Рамберъ, произнесъ Артесъ, —вашъ Жакъ у меня. Будьте-же спокойны и не тревожьтесь.

— Это значить, что для меня нѣтъ надежды?

Артесъ молча на него смотрѣлъ.

— У меня чахотка?

Артесъ по-прежнему молчалъ.

— Я это зналъ. На сколько-же времени я могу рассчитывать?

Глубокое сожалѣніе выразилось во взглядѣ Артеса, но онъ не промолвилъ ни слова.

— Годъ?

Артесъ хранилъ все то-же страшное, роковое молчаніе.

— Меньше? произнесъ Нозль, съ нервнымъ смѣхомъ и какимъ-то вызывающимъ тономъ: — нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть, нѣсколько дней? Вотъ все, что мнѣ осталось? Вотъ весь мой капиталъ. Нечего сказать, великъ. Хорошо. Забавная шутка!

Потомъ лицо его приняло серьезное, гордое, твердое выраженіе и онъ нѣжно сказалъ:

— Благодарю васъ, г. Артесъ.

Долго не могъ забыть Артесъ страннаго грустнаго тона, съ которымъ бѣднякъ произнесъ эти слова, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, что значили эти вопросы, эта иронія, эта неожиданная рѣшимость Нозля Рамбера.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

(Съ 15 августа по 15 октября.)

I.

Текущій сезонъ открылся плохимъ исполненіемъ «Ревизора», которое походило на какіе-то похороны, а не на комическое ликованіе, каковымъ должно-бы сопровождаться исполненіе одного изъ двухъ перловъ нашей драматической литературы. Намъ приводилось замѣчать, что г. Виноградовъ умный и способный актеръ, но если онъ не ограничить свою сценическую дѣятельность, его игра перейдетъ въ простое лицедѣйство. За городничаго ему не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ браться: для этого лица у него нѣтъ ни силы, ни яркости, ни юмора. Онъ можетъ, конечно, утѣшиться тѣмъ, что его конкурентъ, г. Зубровъ, еще влоше; но это, какъ говорятъ французы: „une maigre fiche de consolation“. Роль городничаго не подѣ силу никому изъ здѣшной труппы, точно такъ-же, какъ и роль Хлестакова, въ которой гг. Монаховъ и Сазоновъ только упражняются, не создавая намека на типъ, столь обследованный нашей критикой.

Пьеса, поставленная отъ дирекціи вслѣдъ за „Ревизоромъ“: „Тетеревамъ не летать по деревьямъ“, передѣлана на російскіе нравы г. Семеновъ Райскимъ изъ забавной французской пьесы: «Le voyage de M-g Perrichon», въ которой въ Парижѣ Жоффуа, а здѣсь покойникъ Лемениль создали истинно комическое лицо Перришонна. Эта пьеса построена водевильно, но главное лицо прекрасно обработано, хоть-бы въ любую серьезную комедію. Перришонъ—разновидность буржуазнаго типа. Всѣ характерныя свойства, отличающія этотъ типъ, собраны въ немъ очень ловко и производятъ крайне забавное впечатлѣніе. На французской сценѣ Перришонъ совсѣмъ не карикатуренъ. Надъ нимъ стоитъ порабо-

татъ всякому первостатейному комику. Посмотрите, что дѣлаетъ изъ него Жофруа въ Парижѣ. Онъ — типъ съ головы до пятокъ. Его игра — и художественное творчество, и ѣдкая сатира надъ Перришонами, которыми кишитъ Парижъ и все французское общество.

Въ передѣлкѣ на русскіе нравы, Перришонъ вышелъ смѣшной, но нисколько не типичной для нашихъ нравовъ фигурой. Наши доморощенные Перришоны совсѣмъ не такъ заявляютъ свои особенности. Чтобы ихъ изобразить, какъ слѣдуетъ, нужна совсѣмъ иная обстановка. Но и въ передѣлкѣ, при всѣхъ ея несообразностяхъ, Перришона можно сыграть и забавно, и правдиво въ психологическомъ отношеніи. Роль состоитъ изъ цѣлаго ряда моментовъ буржуазнаго тщеславія. Актеру съ умомъ и дарованіемъ весьма не трудно было-бы каждому такому моменту придать обликъ правды и произвести комическій эффектъ, не удаляясь отъ нея. На Александринскомъ театрѣ, г. Виноградовъ черезчуръ старался о смѣшной сторонѣ роли, такъ что человека-то совсѣмъ и не было видно. Въ сценической натурѣ г. Виноградова, сколько мы замѣчали, есть простота и спокойствіе, но для этого онъ долженъ играть болѣе тускляя, такъ сказать, роли. А какъ только ему достанется роль ярко-комическая, онъ теряетъ всякое самообладаніе, начинаетъ ужасно усердствовать и прибѣгать къ приемамъ, отзывавшимся слишкомъ долгимъ пребываніемъ на провинціальныя сцены.

Тотъ-же г. Семень Райскій не передѣлалъ, а перевелъ съ англійскаго мелодраму „Дитя“. Намъ не приводилось ни читать этой пьесы въ оригиналѣ, ни видѣть ее на лондонскихъ сценахъ. Англійскаго въ ней нѣтъ ничего. Это заурядная мелодрама французскаго покроя, которая, въ сокращенныхъ размѣрахъ, и съ другимъ исполненіемъ, могла-бы держаться на репертуарѣ театра, слѣлавшаго себѣ спеціальность изъ подобныхъ зрѣлищъ. У насъ такого театра нѣтъ, а въ Александринскомъ мелодрамы играютъ съ претензіей на простоту, производящей одну мертвенную скуку. Во всякомъ случаѣ, г. Семень Райскій могъ-бы выбрать что-нибудь побойчѣе изъ запаса бульварныхъ драмъ, въ родѣ какого-нибудь «Mangeur de fer», гдѣ, по крайней мѣрѣ, есть сцены изъ трущобной жизни Парижа, а главному исполнителю можно выказать себя блистательнымъ гримомъ, что и дѣлалъ въ Парижѣ извѣстный бульварный актеръ Клеманъ Жюсть.

II.

Наконецъ, послѣ передѣлокъ и переводовъ началась отечественная бенефисная драматургія. Въ первый бенефисъ г-жи Струйской возобновлена игранная когда-то драма г. Виктора Александрова „Противъ теченія“. Мы уже высказывали свой взглядъ на этого „примѣнителя“ пьесъ по поводу его новѣйшихъ, болѣе удачныхъ сочиненій. Повторять нашъ взглядъ было-бы совершенно лишнее: можно прибавить лишь то, что г. Александрову, даже какъ переводчику „Прекрасной Елены“, не слѣдовало возобновлять такой вещи, какъ „Противъ теченія“. Одна только претензія бенефициантовъ заставляетъ ихъ ставить непременно оригинальныя пьесы, нисколько не заботясь о томъ: какъ проведутъ вечеръ ихъ зрители, заплатившіе за бенефисъ двойныя и тройныя цѣны. Но въ бенефисахъ актеровъ и актрисъ, стоящихъ на виду, пьеса дѣло третьестепенное. Какова-бы ни была пьеса, бенефициантка все-таки получить букеты, гирлянды и подарки.

За г-жой Струйской бенефициантомъ явился г. Малышевъ, съ комедіей г. Островскаго „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“. Г. Малышевъ принадлежитъ теперь къ обыкновенному разряду петербургскихъ актеровъ, дослужившихся до степеней извѣстныхъ. Дослуживался онъ до нихъ медленнѣе, чѣмъ другіе его сверстники; но за то если-бы насъ спросили: что онъ такое въ труппѣ? мы-бы рѣшительно затруднились отвѣтить. Онъ не имѣетъ рѣшительно никакой сценической физіономіи. Стариковъ онъ еще не пробовалъ играть. Комическихъ ролей также. Сильныхъ героическихъ у насъ не пишутъ. Первыхъ любовниковъ ему тоже неудобно исполнять: ни по лѣтамъ, ни, главное, по фигурѣ, онъ уже не годится на эту спеціальность. Нечего, стало быть, и удивляться, что онъ выбралъ въ своей бенефисной пьесѣ совершенно безцвѣтную роль молодого человѣка, которую одинаково хорошо могъ-бы сыграть и г. Нильскій, и г. Пронскій, и г. Душкинъ, и даже г. Жулевъ.

III.

Комедія Островскаго, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1872 г.,—новая вѣха на наклонной плоскости, по которой спускается нашъ драматургъ. Въ прошедшемъ сезонѣ, на страницахъ

„Дѣла“, мы позволили себѣ охарактеризовать чисто спенической талантѣ г. Островскаго и указать на то, какъ и обще-литературная инициатива его упала за послѣдніе годы. Если комедія „Лѣсъ“ оказалась ниже требованій публлки Александринскаго театра, то въ ней была, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь новая задача. Въ пьесѣ-же, шедшей въ обсерваторію г. Малышева, самый страстный поклонникъ г. Островскаго не нашелъ-бы никакихъ элементовъ успѣха. Фабула голая и дѣтски-анекдотическая... Лицо скряги—печальная претензія на созданіе характера. Неужели нашъ драматургъ до сихъ поръ не знаетъ, что скучное и грубое изображеніе скаредности не представляетъ никакого интеллигентнаго интереса? Если-бъ Гарпаговъ у Мольера былъ только отвратительно-скуцъ, комедіи-бы не было, а для трагическаго впечатлѣнія такая фигура, какъ герой г. Островскаго, слишкомъ мелка и безсодержательна. И когда это у насъ перестанутъ писать *комедіи*, гдѣ женщины воютъ втеченіи пяти актовъ, а главное лицо вѣшается? Комедія должна имѣть комическій и никакой другой замыселъ. Комическаго-же въ пьесѣ г. Островскаго—двѣ три сцены купческаго быта, гдѣ, однакожъ, нѣтъ ничего новаго въ смыслѣ наблюденія. Въ патетическомъ-же вкусѣ есть одна довольно сильная сцена, когда въ одномъ углу дѣвушка прощается съ своимъ возлюбленнымъ, а въ другомъ ее продаютъ старому куцу. Самыми удачными лицами вышли: купческа дочка, сожигаемая потребностями своей натуры, и ея женихъ; но и они старые знакомые въ репертуарѣ г. Островскаго. Если-бъ у автора была настоящая сценическая жилка, онъ и пзъ такой разношерстой и пустой пьесы сдѣлалъ-бы занимательное зрѣлище; но его несправимо-эпическая натура наложила и на эту комедію печать тягучести и многословія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавляющихъ зрителей. Видно было, какъ надоѣли даже публикѣ Александринскаго театра безпрестанная вставка безвкусныхъ діалоговъ. При такомъ томительномъ настроеніи, какъ-же удивляться, что пьеса „провалилась“, выражалась жаргономъ русскихъ рецензентовъ.

По здѣшнему, она была разыграна согласно, съ большимъ ансамблемъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ пьесахъ г. Островскаго. Главное лицо не могло удасться г. Васильеву-2. Изъ него ни Самойловъ, ни Шумскій, къ таланту которыхъ болѣе подходитъ эта роль, не сдѣлали-бы ничего выдающагося. Напрасно только г. Васильевъ такъ заботился о *серьезности* исполненія. Лучше-бы онъ пустилъ полегче, не придавалъ-бы старому скареду такого безвкуснаго реализма. Такъ называемая „естественность“ недостаточна въ сценическомъ творствѣ. Взвѣсивъ одну ноту и

повторяя ее втеченіи всей пьесы, вы ничего не вызовете, кромѣ тяжести, какъ-бы естественно вы ее ни выдѣлывали. Удачнѣе всѣхъ оказалась игра молодой, начинающей актрисы г-жи Левкѣевой 2. Она безъ всякаго подчеркиванья, крупными штрихами, намѣтила роль купеческой дочери. Наружность ея, какъ нельзя болѣе, подходит къ этому лицу. Тонъ она взяла вѣрный и ни разу съ него не сбилась; оставаясь очень эффектною, какъ женщина, она постоянно производила комическое впечатлѣніе. Партнеръ ея, г. Сазоновъ, въ роли придурковатаго парня, гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ роляхъ фатовъ изъ комедій болгаринскаго, нравственно-сатирическаго направленія. У этого актера было-бы еще больше веселости, если-бы онъ не такъ усердствовалъ и не насилывалъ своихъ комическихкихъ средствъ.

IV.

На той-же недѣлѣ состоялся первый дебютъ г. Никитина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Никитинъ игралъ на Александринскомъ театрѣ молодыя роли, сколько помнится, не безъ успѣха. Передъ тѣмъ и послѣ того онъ постоянно игралъ въ провинціи, гдѣ и считался тѣмъ, что тамъ называется „первымъ актеромъ“. Въ петербургскихъ клубахъ онъ часто выходилъ на подмосткахъ, въ качествѣ чтеца. Какъ чтецъ, онъ приобрѣлъ нѣкоторую репутацію и здѣсь. Въ театральныхъ извѣстіяхъ газетъ объ его дебютахъ говорили съ интересомъ. Г. Никитинъ выбралъ роль Чацкаго. Выступать въ Чацкомъ ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Мы отправлялись смотрѣть его съ желаніемъ откликнуться на малѣйшую дозу оригинальности, вкуса, искусства, силы. Въ Чацкомъ — Никитинъ мы, къ великому нашему сожалѣнію, ничего не нашли, кромѣ претензій чтеца: показать себя въ монологахъ; вѣроятно, это и руководило г. Никитина въ выборѣ перваго дебюта. Онъ совершенно забылъ, что отъ Чацкаго теперь требуютъ, прежде всего, такой-же индивидуальности, какъ и отъ Фамусова или Загорецкаго, потомъ отъ него требуютъ ума, жолчи, отгѣнковъ дикціи, представительности, порядочности и манеръ. Ни о чемъ подобномъ, по поводу игры г. Никитина, нельзя и говорить. Остается одна декламация. Но и тутъ, къ малому нашему удивленію, мы услышали самое грубое, слѣшное, непродуманное и чисто *актерское* чтеніе. Мы еще не помнимъ ни одного Чацкаго, не выключая и г. Вильде въ Москвѣ, который бы такъ *отработалъ* свою роль, по школьнически. Безъ малѣйшей

надобности г. Никитинъ подымалъ и опускалъ голосъ, не уважалъ знаковъ препинанія, проглатывалъ цѣлыя фразы и, что уже отнюдь неприлично для „чтеца“, онъ не умѣлъ ровно переводить духъ, такъ что, не желая нисколько глумиться надъ нимъ, мы-бы рекомендовали ему упражняться съ специальною цѣлью: выработать себѣ искусство передышки. Въ первыхъ двухъ актахъ онъ былъ такъ слабъ, что не вызвалъ ничего въ публикѣ, видимо, заинтересованной имъ. Послѣ монологовъ третьяго и четвертаго акта его шумно вызывали, но эти вызовы—весьма печальнаго свойства: кромѣ неумѣстнаго шла, онъ и тутъ ничего не выказалъ.

V.

Въ бенефисѣ г. Монахова, поставившаго „Свадьбу Кречинскаго“ единственно выдающею подробностью было исполненіе г. Васильевымъ 2 роли Расплюева. До сихъ поръ намъ не случилось видѣть его въ этой роли. Мы хорошо помнимъ въ ней покойнаго П. М. Садовскаго, создавшаго типъ чрезвычайно полный и крупный, — Расплюева философа и, такъ сказать, объективиста. Совсѣмъ другимъ лицомъ явился г. Васильевъ, и мы должны сознаться, онъ вложилъ въ эту роль гораздо больше творчества, чѣмъ покойный Садовскій. Садовскій бралъ въ ней свои общими характерными особенностями и вовсе почти не измѣнялъ ни своего внѣшняго вида, ни манеръ, ни тона. Лицо выходило у него живымъ потому, главнымъ образомъ, что оно задумано было цѣльно, а остальное додѣлывали громадныя сценическія средства исполнители. У Васильева-же мы видимъ совсѣмъ другое. Онъ при самомъ появленіи своемъ на сцену отнюдь не похожъ на актера Васильева 2, исполняющаго комическую роль, а олицетворяетъ собою рѣзко очерченную личность по наружному виду, тону, жестамъ и походкѣ. Этой внѣшней типовой обособленности вполне соответствовалъ внутренній замыселъ лица. Расплюевъ—Васильевъ говоритъ вамъ гораздо больше о цѣлой полосѣ русской жизни, чѣмъ даже Расплюевъ—Садовскій: вы тутъ видите и первобытную испорченность, и добродушное плутовство, и смѣшной задоръ, и своего рода гоноръ, и безпробудное шалопайничество, и чисто русское резонерство, присущее такимъ проходницамъ. Глядя на Васильева—Расплюева, при самомъ его появленіи на сцену, вамъ становится гораздо понятнѣе, какъ Кречинскій могъ держать его при себѣ и даже безъ особенной надобности показывать семейству Муромскихъ. Такой Расплюевъ во всей своей мизерабельности имѣеть

все-таки нѣчто обще-дворянское, хотя въ пьесѣ и значится, что онъ просто „Иванъ Антоновъ Расплюевъ“. Такая отдѣлка виѣшняго типа показываетъ даровитую наблюдательность. А въ исполненіи сильныхъ мѣстъ Расплюевской роли г. Васильевъ 2 проявилъ настоящее чувство душевной правды и большое комическое воображеніе. Во второмъ актѣ въ самыхъ грязныхъ сценахъ лицо, имъ созданное, не переставало быть смѣшнымъ. Это есть лучшее доказательство творческихъ способностей исполнителя. Г. Васильевъ 2 при иныхъ условіяхъ былъ-бы большою силою; но, вслѣдствіе системы разовыхъ, ему часто приходится играть неподходящія роли, насиловать свои средства и сбиваться съ настоящаго художественнаго пути.

Въ Свадьбѣ Кречинскаго, роль Муромскаго играетъ г. Зубовъ. Онъ же играетъ постоянно и Фамусова. Этотъ актеръ, неимѣющій крупнаго комизма, неспособный разнообразить свое исполненіе и выработать себѣ оригинальную сценическую физиономію, все-таки оказывается удовлетворительнѣе всѣхъ въ нѣкоторыхъ роляхъ; такъ на примѣръ мы находимъ, что въ „Горе отъ Ума“ только онъ и похожъ немного на то, чѣмъ-бы слѣдовало быть Фамусову. Эта роль идетъ у него съ большою округленностью; мѣстами онъ даже забавенъ и находитъ характерные жесты и интонаціи. Но публика его, видимо, не любитъ. Рецензенты сдѣлались къ нему совершенно равнодушны, а когда онъ дебютировалъ, то нѣкоторые изъ нихъ ставили его чуть не выше Сосницкаго. Такъ точно и роль старика Муромскаго исполняется г. Зубовымъ живо, не карикатурно, искренно и забавно. И г. Бурдинъ, и г. Зубровъ были-бы гораздо хуже; но ихъ навѣрно-бы вызывали. Такіе примѣры никогда не мѣшаютъ заносить въ театральную лѣтопись, чтобъ показывать, до какой степени наша публика заражена несмысленностью своихъ симпатій и антипатій.

VI.

Если г. Монаховъ по особымъ обстоятельствамъ принужденъ былъ отказаться отъ выбранной имъ новой пьесы и поставить наскоро „Свадьбу Кречинскаго“, то его соперникъ по амплуа, г. Сазоновъ исподоволь подготавливалъ вокально-драматическое представленіе. Извѣстный нѣмецкій актеръ и составитель пьесъ Гуго Миллеръ написалъ когда-то, правоучительную *Posse*, подъ заглавіемъ „Von Stufe zu Stufe“, что на русскомъ діалектѣ значитъ „Со сту-

пеньки на ступеньку". Самый большой успѣхъ имѣла эта пьеса въ Вѣнѣ, гдѣ она была передѣлана на туземные нравы и діалектъ. Тамъ ее давали въ небольшомъ театрѣ Іозефъ-штадта, одного изъ такъ называемыхъ „предмѣстій“ Вѣны. Ее давали тамъ чуть не полгода сряду. Успѣхъ этотъ поддерживался исключительнo мѣстнымъ колоритомъ, бойкими куплетами и карикатурами разныхъ вѣнскихъ знаменитостей. Сама по себѣ эта поссе одна изъ самыхъ слабыхъ и дѣтски задуманныхъ вещей въ такомъ вкусѣ. Но надо побывать въ Александринскомъ театрѣ, чтобы убѣдиться, въ какой степени наше доморощенное передѣлочное мастерство ниже иностранной театральной фабрикаціи. Въ Вѣнѣ такія представленія имѣютъ все-таки связь съ окружающей жизнью. Это родъ фельетона, въ которомъ вы находите болтовню, мотивированную текущими новостями дня. Дѣйствующія лица хотя и смахиваютъ на маріонетокъ, но говорятъ, по крайней мѣрѣ, типическимъ жаргономъ, а нѣкоторые изъ нихъ грубо сдѣланныя, но все-таки схожія фотографіи. Этотъ родъ представленій выработался въ Вѣнѣ, сдѣлался популярнымъ и его непременно нужно изучать, если вы хотите узнать, какъ слѣдуетъ, вѣнскую жизнь. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Нашъ водевиль—мертвожденный плодъ. Онъ ни во что сколько-нибудь жизненное до сихъ поръ не выработался. Офенбаховская оперетка была перенесена къ намъ цѣликомъ; тѣ-же вставки, какія были дѣланы въ ней переводчиками, для приданія мѣстной пикантности, оказывались крайне плоскими и безсодержательными. Офенбахіады вызвали, однако-же, куплетный родъ игры и попытки доморощенной «Posse». На оригинальный замыселъ, хотя бы нелѣпный и дикій, нѣкто изъ петербургскихъ составителей пьесъ не оказался способнымъ, дальше передѣлокъ они не могутъ идти; но эти передѣлки и показываютъ всю глубину ихъ ограниченности. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ изображена швея, колеблющаяся между добродѣтелью и порокомъ и собирающаяся замужъ за какого-то обойщика. Этого обойщика передѣлываетъ цѣликомъ перенесъ въ петербургскую дѣйствительность, назвавши его Карлушой. Надо собственными ушами выслушать тирады этого Карлуши, чтобы убѣдиться, до какого высокаго комизма можетъ достигнуть доморощенное сочинительство. Карлуша говоритъ монологи языкомъ героевъ когда-то знаменитаго драматурга г. Львова. И что всего забавнѣе, въ его діатрибахъ видно авторское желаніе подѣйствовать на цивическія чувства зрителей. Швея говоритъ такимъ-же высокимъ *штилемъ* и съ подругой своею поетъ, подъ темпъ вальса цивическіе-же куплеты о «душевномъ родствѣ». Сѣмена этого львовскаго свободомыслія падаютъ на добрую почву:

публика рукоплещеть. Собственнаго сочиненія является фигура адвоката или „дровоката“, какъ онъ остроумно названъ въ пьесѣ. Будь у передѣльвателя хоть круинца таланта, онъ-бы могъ хоть немного поиграть на эту темку. Мы-бы посмѣялись даже карикатурѣ на типическихъ представителей сословія, защищающаго вдовъ и сиротъ, если-бъ она была хоть сколько-нибудь мѣтка и забавна. Но предъ нами бенефициантъ болталъ какой-то безвкусный вздоръ и пѣлъ куплеты, гдѣ, по части новизны сюжетовъ, были домохозяйка, дровяники и благодѣтельная полиція, открывающая продажу дровъ въ частныхъ домахъ. Вотъ на такихъ зрѣлищахъ и познаешь, какимъ смѣхотворнымъ самоиѣніемъ исполнены мы, русскіе. У насъ каждое ничтожество, которое строчить полуграмотныя отмѣтки, третируетъ, какъ олимпійскій богъ, произведенія западной театральнoй промышленности. Все это оказывается у него глупо, пошло, плоско, безобразно. А сами мы втеченіи цѣлаго сезона высидимъ вотъ такую ступеньку, гдѣ вдобавокъ все существенное выкрадено изъ нѣмецкаго оригинала. И такая ступенька даетъ блистательные сборы. Ужь коли въ публикѣ есть склонность къ подобнымъ зрѣлищамъ, отчего-же не воспользоваться-бы этимъ и не писать сценическихъ фельетоновъ, въ которыхъ хоть сколько-нибудь отражалась-бы если не обще-русская, то, по крайней мѣрѣ, петербургская жизнь. Быть можетъ, когда театры въ столицахъ перестанутъ быть привилегированными, и различные роды спектаклей обособятся на различныхъ сценахъ, и петербургская „Posse“ будетъ на что нибудь похожа.

Въ бенефисъ г. Сазонова, г-жа Кронебергъ явилась въ первый разъ въ драматической роли. Мы когда-то замѣчали, что ей не мѣшало-бы попробовать себя, въ чемъ нибудь кромѣ офенбахіады. Жаль, что она выбрала роль добродѣтельной швеи, въ которой все дышетъ сочпненіемъ; но и въ этомъ опытѣ она выказала себя приличной исполнительницей. Она не старается играть, говорить просто, не позволяетъ себѣ возгласовъ, кажется симпатичной и вовсе не рисуется. Это больше отрицательныя свойства; но они все-таки выносятся обыкновенной рутинѣ. Всѣ исполнительницы Александринскаго театра до такой степени приглядѣлись, что пріятно было уже видѣть новую фигуру и слышать свѣжій голосъ. Во всякомъ случаѣ г-жѣ Кронебергъ не слѣдуетъ отказываться отъ появленія въ неопереточныхъ роляхъ, подходящихъ къ ея средствамъ.

VII.

Едва-ли не съ самымъ большимъ ладомъ идетъ на здѣшней французской сценѣ комедія Дюма-сына „Полусвѣтъ“, которую возобновили за отсутствіемъ новаго репертуара. Эта пьеса, безспорно самая законченная изъ всѣхъ сценическихъ произведеній Дюма,— характеризуетъ собою цѣлую полосу реализма, внесеннаго во французскій театръ. Дюма впервые открылъ своимъ соотечественникамъ существованіе особаго мірка, разросшагося потомъ въ огромную сферу парижской жизни. Буржуа увидали, что рядомъ и бокъ объ бокъ съ ихъ владѣніями, гдѣ царствуетъ формальная нравственность гражданскаго кодекса, образовался особый станъ женщинъ, желающихъ прикрыть неправильности своего положенія обликомъ порядочности. Самое слово „Полусвѣтъ“ было пущено въ ходъ Дюма-сыномъ, и, послѣ появленія его комедіи, тема эта стала разрабатываться и романистами, и драматургами во всевозможныхъ формахъ. А тѣмъ временемъ героини полусвѣта все болѣе и болѣе захватывали себѣ владѣніи и въ послѣдніе годы второй имперіи не только не скрывали своего настоящаго происхожденія, но открыто и съ торжествующимъ лицомъ издѣвались надъ всѣми основами узаконенной нравственности.

Поэтому „Полусвѣтъ“, въ настоящую минуту пріобрѣтаетъ значеніе первоначальнаго изслѣдованія, первоначальнаго творческаго продукта по цѣлой сторонѣ французской жизни. Пьеса до сихъ поръ смотрится съ большимъ интересомъ. Она построена вовсе не театрально, и первые два акта имѣютъ разговорный характеръ. Но съ самаго ея начала зритель заинтересовывается подъ обаяніемъ бойкаго, анализирующаго ума автора. Умъ сквозитъ во всемъ и заставляетъ зрителя интересоваться не только судьбой личностей, завязанныхъ въ дѣйствіи, но и тѣмъ, что они говорятъ. Но этотъ самый умъ и помѣшалъ автору высвободиться изъ рамокъ *формальнаго* творчества. Возьмите вы его главнаго героя и резонера пьесы. У Дюма хватило-бы таланта создать типичное конкретное лицо. Его Оливье Жаленъ дѣйствуетъ втеченіи пяти актовъ, читаетъ мораль, разсыпаетъ цвѣты остроумія, занимается спеціально изобличеніемъ героинь „Полусвѣта“, разстраиваетъ ихъ ковы, дерется изъ за того на дуэли и оканчиваетъ женитьбой на юной дѣвицѣ, которую онъ извлекъ изъ пучины полусвѣта. Очень большая сценическая карьера и весьма благодарная роль, но и только; все, что онъ говоритъ—остроумно,

кстати, очень часто дѣльно, все, что онъ дѣлаеть, съ извѣстной точки зрѣнія, понятно и реально, а типа все-таки нѣтъ. Вы чувствуете что-то мелко тревожное, полицейское въ этомъ человѣкѣ. Его принципы и самая натура стоятъ выше полусвѣта только вслѣдствіе того, что онъ вѣренъ извѣстной традиціи. Онъ вовсе не врагъ героинь полусвѣта до тѣхъ поръ, пока онѣ улаживаютъ его досуги. Онъ вооружается противъ нихъ съ того лишь момента, когда личности полусвѣта заявляютъ намѣреніе проникнуть въ настоящій свѣтъ. Онъ въ сущности дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ тотъ старый прелюбодѣй, который пустилъ въ ходъ героиню комедіи баронессу Д'Анжъ, купивъ ей бумаги и устроивъ ей матеріальное положеніе. Этому старцу ничего не значило нарушить принципы самой элементарной честности, онъ съ удовольствіемъ участвовалъ въ подлогѣ даже и тогда, когда его сообщница собралась выдти замужъ за порядочнаго человѣка. Она-бы и вышла преспокойно, но женихъ ея оказался родственникомъ старца. Тогда онъ возмущился и погрозилъ обличить ее. Никакой нѣтъ разницы между его поведеніемъ и поведеніемъ Оливье Жалена. Оба они жрецы формальной морали. Это могло-бы придать имъ настоящую реальность, потому что во французскомъ обществѣ, къ которому они-бы принадлежали въ жизни, иначе и не водится; но всего болѣе отдѣланный изъ нихъ Оливье Жаленъ потому не смотритъ вполне живымъ лицомъ, что подъ нимъ сидитъ резонерство самаго автора. Этотъ авторъ затѣмъ только сдѣлался драматургомъ-реалистомъ, чтобы явиться впоследствии поборникомъ дикой морали, которую онъ теперь развиваетъ догматически въ своихъ предисловіяхъ и брошюрахъ.

VIII.

Героиня „Полусвѣта“ мнимая баронесса Д'Анжъ, несмотря на то, что она принадлежитъ къ породѣ хищниковъ и заканчиваетъ свою интригу въ пьесѣ самымъ циническимъ безсердечіемъ, въ цѣломъ все-таки не производитъ особенно отталкивающаго впечатлѣнія. Свѣжій человѣкъ, просмотрѣвъ пьесу, скажетъ: „для такихъ поборниковъ морали, какъ всѣ эти Жалены, нужны личности, подобныя баронессѣ Д'Анжъ, и она, если взять исторію ея происхожденія, нисколько не ниже ихъ, быть можетъ, даже заслуживаетъ большаго интереса и сожалѣнія.“

Какъ роль, это—одна изъ самыхъ законченныхъ и благодар-

ныхъ ролей въ новѣйшемъ репертуарѣ вообще. Она гораздо болѣе типъ, чѣмъ всѣ остальные лица комедіи. Въ ней собраны родовые признаки французской женщины, развившейся въ воздухѣ систематическаго обмана и интриги. Въ каждой французкѣ съ умомъ и характеромъ вы непременно найдете свойства баронессы Д'Анжъ: и разсудочный умъ, и вѣчно присутствующій расчетъ, и способность эксплуатировать слабости ближнихъ, и особую суховатость природы, отнимающую у женщинъ настоящую поэзію, и большой житейскій тактъ, и гибкость въ обработываніи всевозможныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Это—коренныя особенности женщины кельтическаго племени, прошедшаго чрезъ римскую культуру; въ личности, подобной баронессѣ Д'Анжъ, всѣ онѣ развились въ виду одной цѣли: пользованія благами жизни съ вѣшнимъ почетомъ и приобрѣтенія ихъ посредствомъ тонкаго обмана. У добродѣтельныхъ французенокъ, столь-же одаренныхъ, какъ и она, цѣль эту замѣняетъ что-нибудь менѣе злоумышленное по замыслу, но такое-же формальное: добиться виднаго положенія для мужа, имѣть салонъ и туалеты, выдать выгодно замужь дочь, пристроить сына, скопить капиталъ и оставить его дѣтямъ. И когда такая дѣльность соединена съ борьбой противъ твердынь настоящаго свѣта, то личность женщины приобрѣтаетъ гораздо больше рельефности.

Мы не знаемъ роли болѣе подходящей къ средствамъ г-жи Паска. Изъ всего того, что она играла въ Парижѣ и здѣсь, баронесса Д'Анжъ самое характерное и полное ея созданіе. Трудно даже представить себѣ г-жу Паска въ другой роли, когда желаемъ опредѣлить сценическія особенности этой исполнительницы. Всѣ ея лучшія свойства находятъ тутъ прямое примѣненіе. Въ г-жѣ Паска мы видимъ блестящія средства для выполненія какъ разъ тѣхъ типическихъ сторонъ французской женской природы, какія мы характеризовали выше. Она призвана исполнять на сценѣ французенку дѣятельнаго и хищническаго типа. У нея есть для этого всѣ данныя: ея наружность не привлекаетъ къ себѣ особой граціей, но производитъ сразу впечатлѣніе особой значительности. На сценѣ такія женщины—не чувствительныя героини, а бойцы. Въ нихъ умъ—главная сила. Онъ даетъ всѣмъ проявленіямъ колоритъ той значительности, которая поражаетъ васъ прежде всего во вѣшнемъ видѣ и въ манерѣ г-жи Паска. Это умъ разсудочный, обращенный на житейскіе интересы, руководящій страстями и побужденіями. Поэтому, изображая собирательный типъ женщины-бойца, г-жа Паска достигаетъ настоящей художественности въ спокойномъ исполненіи, въ такомъ, гдѣ инстинкты, страсти и желанія сдерживаются разсудочнымъ мѣриломъ.

Никогда еще на Михайловскомъ театрѣ героини не вели такъ діалога, не выполняли такъ оттѣнковъ умственной и нравственной борьбы, не выказывали такой смѣлости и такой силы, не прибѣгая къ усилю выразительныхъ средствъ. Во всемъ этомъ г-жа Паска идетъ самобытнымъ путемъ, слѣдуетъ своей оригинальной манерѣ, но въ мѣстахъ, подающихъ поводъ къ «театральству», она увы! не лишена рутинны, недостаточно занялась выработкой себѣ своеобразныхъ приемовъ и въ этой области исполненія. Когда г-жа Паска должна исполнять роли въ родѣ Кора, въ драмѣ Бело „Статья 47“, то ей, по необходимости, нужно дѣйствовать сильными средствами, чтобы придать лицу какую-нибудь значительность. Но мы можемъ смѣло сказать, играй г-жа Паска втеченіи сезона только такія роли, какъ Кора, она утратила-бы свою естественную манеру спокойнаго исполненія и сдѣлалась-бы ходульна-

IX.

Къ такимъ-же ролямъ принадлежитъ и лицо героини въ пьесѣ того-же Бело «Драма въ улицѣ Мира», явившейся въ этотъ сезонъ первую новинкой, хотя она поставлена была въ Парижѣ года три-четыре тому назадъ. Бело — типъ литературной посредственности. Всего бездарнѣе онъ въ передѣлкахъ своихъ романовъ въ драмы. Обѣ пьесы, поставленныя здѣсь, принадлежать къ такимъ банальнымъ передѣлкамъ. «Статья 47» нисколько не лучше „Драмы въ улицѣ Мира“, но въ ней, по крайней мѣрѣ, есть намекъ на развитіе психологической задачи въ лицѣ Кора, которая отъ мщенія переходитъ къ любовной страсти и сумасшествію.

Во второй-же пьесѣ нѣтъ никакой психологической задачи, нѣтъ даже интересной уголовщины, а просто на просто два сочиненныхъ мотива, которые были-бы правдоподобны и даже естественны, если-бы у автора хватило таланта создать двѣ живыя личности. Эти два мотива: мщеніе, завѣщанное женѣ убитымъ мужемъ, и страсть къ отысканію истины въ полицейскомъ сыщикѣ. Но женщину г. Бело сдѣлалъ крайне безличною, хотя и назвалъ ее итальянкою. Изъ пьесы видно, что она не чувствовала къ мужу страстной привязанности; стало-быть, мщеніе, которымъ она задалась, имѣло для нея одинъ лишь характеръ долга. На такомъ мотивѣ трудно построить драму, даже и болѣе талантливому человѣку, чѣмъ Бело. У него-же Жюль Видаль только повторяетъ патетическія фразы, но остается сочиненной фигурой, невозбуждающей ни симпатіи,

ни интереса въ зрителяхъ. Когда она влюбляется въ убійцу своего мужа, то и это не дѣлаетъ ее занимательнѣе. Мы не видимъ никакой психологической борьбы, которая-бы придала этой женщинѣ сколько-нибудь оригинальную драматическую фizioномію.

Такая роль есть олицетворенное общее мѣсто. Играть ее можно также однимъ общими мѣстами. И мы видѣли, что г-жа Паска, втеченіи первыхъ четырехъ актовъ, при всей своей талантливости, не производила на зрителей никакого впечатлѣнія. Только въ послѣднемъ актѣ, когда она вызываетъ убійцу своего мужа на признаніе, и потомъ съ ужасомъ поражена имъ, исполнительница воспользовалась двумя-тремя театральными моментами для того, чтобы сколько-нибудь поддѣлать роль. Конечно, будь на мѣстѣ г-жи Паска другая актриса Михайловскаго театра, даже г-жа Деллапортъ, она-бы сдѣлала изъ роли еще менѣе; но намъ все-таки жаль г-жу Паска: такъ-какъ она обречена на сильныя роли, то ей придется играть на одно живое лицо двадцать пять безцвѣтныхъ или ходульныхъ. Мы желали-бы также видѣть въ ней большее разнообразіе жестикуляціи и тона. Иначе она утратитъ способность къ внѣшнему созданію типовъ. Въ значительныхъ женскихъ характерахъ, которые призвана исполнять г-жа Паска, всего удобнѣе находить подходящіе приемы для разнообразнаго творчества типовъ. Г-жа Паска не отличается такой граціей, съ которой ей тяжело было-бы разстаться. Въ ней преобладаютъ мужественныя особенности; поэтому ей и легче было-бы придавать себѣ въ каждой роли своеобразную фizioномію. За предѣлами комедіи и бытовой драмы, г-жа Паска была-бы неудовлетворительна. Настоящаго трагизма мы въ ней не видимъ. Онъ, во французскомъ репертуарѣ, требуетъ другихъ наружныхъ свойствъ и другого внутренняго тона. Къ сожалѣнію, современный репертуаръ пусть до нельзя. Крупное здоровое творчество точно совсѣмъ изсякло. И если такъ пойдетъ дальше, г-жа Паска сильно рискуетъ сдѣлаться, при всемъ своемъ дарованіи, жертвою сценическихъ общихъ мѣстъ.

Х.

Тотъ-же упрекъ репертуару должны мы сдѣлать и по поводу игры г. Ренара, который съ каждымъ новымъ появленіемъ дѣлается все симпатичнѣе публикѣ. Онъ остается вѣренъ принципу и приемамъ настоящей художественной простоты.

Дебютъ г. Ренара одинъ только, изъ всѣхъ состоявшихся пно-

странныхъ дебютовъ, былъ для публики пріятнымъ сценическимъ возбужденіемъ. По всей вѣроятности, г. Ренаръ опредѣлить здѣсь исполнѣ свою актерскую фізіономію. До сихъ поръ онъ не занималъ еще ни на одномъ парижскомъ театрѣ совершенно обозначеннаго амплуа. Онъ пробилъ себѣ дорогу, сколько намъ извѣстно, сначала на черновой работѣ, на мелкой водевильной игрѣ, а потомъ созданіемъ двухъ-трехъ типовъ въ пьесахъ, даваемыхъ на маленькихъ парижскихъ театрахъ, въ родѣ: „Les chevaliers du Rinse-nez“. Этой пьесой онъ получилъ на бульварахъ нѣкоторую извѣстность. Оставаясь недолго въ „Одеонѣ“, г. Ренаръ не могъ занять тамъ перваго мѣста въ труппѣ; но его уже всѣ знали, какъ актера съ несомнѣннымъ дарованіемъ, ожидающаго хорошихъ ролей. Дюма-сынъ пожелалъ, чтобъ директоръ театра «Гимназіи», г. Монтиньи, пригласилъ его для роли, которую здѣсь въ Петербургѣ игралъ въ прошломъ году г. Дюшюи, въ комедіи «Une visite de pose». Въ тотъ-же сезонъ г. Ренаръ исполнилъ еще роль въ пьесѣ Дюма-сына: «La Princesse Georges», ту самую роль аристократическаго лакея, которую здѣсь игралъ г. Діедонне. Этимъ и ограничилась парижская карьера г. Ренара. По его лѣтамъ, ему въ настоящій моментъ какъ-разъ время выработать изъ себя окончательно, если не перваго комика, то, по крайней мѣрѣ, крупнаго исполнителя на характерныя роли комическаго отгѣнка. Изъ того репертуара, какой онъ игралъ, г. Ренаръ выбралъ водевиль: «Ce que femme veut...» наивнаго содержанія, но съ выгодною ролью холостяка-учителя, въ которой не мало забавныхъ сценическихъ положеній. Роль задумана и ведена водевильно, но г. Ренаръ придалъ ей тонъ комедіи, и если не создалъ очень яркаго лица, то заявилъ себя актеромъ, способнымъ на настоящее творчество. Намъ пріятно было видѣть, что публика Михайловскаго театра оцѣнила, въ первый-же дебютъ, умъ г. Ренара, юморъ, добродушіе, замѣчательную простоту, отдѣлку тона и дикціи, умѣренность и умѣстность жестовъ. Трудно даже вѣрить, что этотъ актеръ годами игралъ на второстепенныхъ парижскихъ театрахъ, гдѣ онъ могъ такъ легко искривляться.

Въ Петербургѣ г. Ренаръ безспорно первый исполнитель по непринужденности своей манеры. Высшее-же достоинство актера, способность къ разнообразному творчеству онъ еще недостаточно проявилъ. Вслѣдъ за своимъ дебютомъ онъ исполнилъ опять полуводевильную роль въ пьескѣ „Послѣ бала“. Роль стараго дяди, попадающаго къ невѣстѣ своего племянника, которая принимаетъ его сначала за искателя приключеній,—забавна, но не даетъ возможности создать ярко обозначенный типъ. Все, что можно было из-

влечь изъ этого водевильнаго лица, т. е., рядъ комическихъ положеній, г. Ренаръ исполнилъ это даровито и чрезвычайно пріятно для зрителей. Юмористическая пріятность — главная особенность его таланта. Онъ приводитъ залу въ веселое настроеніе, какъ только появится, и вызываетъ улыбки и взрывы смѣха безъ малѣйшаго усилія. Мы-бы сказали, что онъ болѣе юмористъ, чѣмъ комикъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Чтобы опредѣлить точнѣе характеръ и размѣры дарованія г. Ренара, слѣдовало-бы видѣть его въ мольтеровскихъ типахъ. Это лучшій оселокъ для каждаго французскаго комика. Но Мольера въ Михайловскомъ театрѣ у насъ не выносятъ. Мы въ этомъ убѣдились еще разъ, глядя, какъ публика относилась къ веселой и забавной двухъ-актной комедіи Мольера «Любовная Ссора», въ которой г. Ренаръ игралъ роль лакса—Гро-Рене. Типъ мольтеровскихъ лабеевъ—слишкомъ традиціоненъ, и выполненіе одной этой роли недостаточно для того, чтобы судить о г. Ренарѣ, какъ объ исполнителѣ Мольера. Но г. Ренаръ выказалъ въ роли Гро-Рене кромѣ уже заявленныхъ имъ особенностей, прекрасную дикцію, игривость и настоящій комизмъ тамъ, гдѣ легко было-бы впасть въ шаржъ. Ему аплодировали и то не такъ, какъ слѣдовало-бы. Мольера-же выносили съ трудомъ и послѣ перваго акта началось повальное бѣгство изъ кресель. Комедія шла вообще бойко, со всѣми нужными отгѣнками, хоть-бы на сцену „Французскаго театра“. Г-жа Борелли, обыкновенно безцвѣтная въ свѣтскихъ роляхъ, явилась тутъ веселой и забавной субреткой; даже г. Вормъ, прискучившій всѣмъ въ визиткѣ и во фракѣ, въ шитомъ кафтанѣ и подъ бѣлокуримъ парикомъ былъ и молодъ, и веселъ, и изященъ. Но ничто не помогало. Эмиграція изъ кресель продолжалась, и мы слышали вокругъ возгласы: „Какъ-же можно давать Мольера, такое старье!“

Дѣйствительно, скажемъ мы, не слѣдуетъ давать Мольера предъ такою публикой. Она дѣлаетъ себѣ изъ французскаго языка кастовую вывѣску, учитъ наизусть куплеты дѣвицы Филиппо, упражняется въ жаргонѣ кокотокъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Парижа, когда имъ тамъ спадетъ цѣна, но мольтеровскаго стиха она не выноситъ потому, что его не понимаетъ. Наша французанія въ высшей степени забавна. Всего больше французятъ у насъ именно тѣ, кто не имѣетъ никакихъ серьезныхъ симпатій ко всему лучшему, что есть во французской жизни и литературѣ.

XI.

Третьимъ дебютомъ г. Ренара была эпизодическая роль въ пьесѣ Бело „Драма въ улицѣ Мира.“ Какъ всякій посредственный *сочинитель* Бело вводитъ въ свою уголовную исторію персонажъ, долженствующій забавлять публику. Онъ выдумалъ лицо, быть можетъ, и не совсѣмъ фантастическое, но у него опять-таки не хватило таланта, чтобы удержаться въ должныхъ предѣлахъ и не перейти въ безвкусную карикатуру. Его Дюмушъ—парижскій шалопай, пожелавшій въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлаться писателемъ по специальности уголовныхъ романовъ. Онъ суется всюду, гдѣ только можно что-нибудь записать, отзывающееся обстановкой уголовщины. Сыщикъ, задавшійся цѣлю отыскать во что-бы то ни стало убійцу, избираетъ его жертвой своей мистификаціи. Надо имѣть всю простоту и достолюбезность игры г. Ренара, чтобы казаться въ этой роли сколько нибудь живымъ человѣкомъ. Но и его одолеваетъ эта роль своимъ безвкусіемъ, полнѣйшимъ отсутствіемъ юмора, остроумія и какого-нибудь разнообразія. Дюмушъ повторяетъ до конца пьесы все оди и тѣ-же глупости.

Мы думаемъ, что здѣсь, на Михайловскомъ театрѣ г. Ренаръ выяснитъ вполне, свою сценическую физіономію. Уже и теперь послѣ двухъ-трехъ дебютовъ, онъ выдвинулся на первый планъ изъ всей труппы. Всего болѣе теряетъ отъ этого совмѣстничества г. Дююя, у котораго, какъ мы не разъ замѣчали, нѣтъ настоящаго комизма. Г. Дююя отличается также простотой игры, но рядомъ съ игрою г. Ренара его исполненіе кажется гораздо болѣе искусственнымъ. Въ немъ замѣтно большее *усиліе*, происходящее, быть можетъ, отъ продолжительной игры на подмосткахъ Михайловскаго театра, чрезвычайно невыгоднаго для актеровъ въ акустическомъ отношеніи.

XII.

Открылись съ началомъ сезона и два частныхъ петербургскихъ театра: театръ Буфъ и театръ Берга. Театръ Буфъ былъ еще въ прошломъ году на половину театръ и на половину кафе-шантанъ. Теперь-же онъ превратился въ настоящій опереточный театръ. Это показываетъ, что привилегированные театры уже менѣе боятся конкуренціи; но это отнюдь не разрѣшаетъ вопроса о полной сво-

бодѣ театральнаго дѣла въ столицахъ. Въ театрѣ Буффъ не только нѣтъ уже концертныхъ отдѣленій, но и самыя оперетки являются въ полномъ своемъ составѣ или съ весьма небольшими урѣзками. Только еще парижскія заглавія пьесъ передѣлываются. Такъ, новая оперетка, которою открылся сезонъ вмѣсто „Ста дѣвъ“ называется „Зеленый островъ.“ Мы не станемъ, конечно, распространяться объ этомъ Зеленомъ островѣ; но мы заявимъ, что для русскихъ предпринимателей, которые зашли-бы средство открыть въ Петербургѣ частный театръ, весьма поучительно побывать въ Буффѣ. Они-бы убѣдились во-очію въ томъ, что есть полная возможность, безъ всякой государственной или иной субсидіи содержать большую сцену съ труппою выписныхъ, и слѣдовательно дорогихъ актеровъ и значительнымъ оркестромъ, ставить всѣ новости парижскихъ опереточныхъ театровъ, съ весьма приличной обстановкой и костюмами. Какъ ни велика наклонность Петербурга къ такъ называемому каскадному искуству, но все-таки французскій языкъ не есть еще достояніе массы публики. Заведите вы театръ съ веселымъ репертуаромъ на русскомъ языкѣ вы, конечно, будете имѣть въ десять разъ большую публику. Потому у насъ и не можетъ развиваться репертуаръ мелкихъ комедій, пародій и фарсовъ, что нѣтъ особаго театра. Въ театрѣ Берга допускаются всякія зрѣлища: и французскія оперетки, и русскія интермедіи, и гимнастическія упражненія, и танцы, и пѣніе всевозможныхъ шансонетъ. Постарайтесь попасть къ Бергу въ тотъ моментъ, когда на сцену влетаетъ дѣвпца Луиза Филипо, и вы придете къ тому убѣжденію, что даже не чувственная приманка, не эротическія выходки приводятъ публику въ восхищеніе. Передъ вами на сценѣ лицедейство, достигшее крайнихъ предѣловъ озорничества, вульгарности и грязи. Оно не можетъ дѣйствовать на эротическіе инстинкты, потому что въ немъ нѣтъ даже женственности самыхъ циническихъ гетеръ. Это—грязь во всемъ своемъ самоудурствѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ двухмѣсячную лѣтопись петербургскихъ театровъ. Читатель самъ видѣлъ—жатва весьма скудная, врядъ-ли и въ дальнѣйшемъ предстоятъ художественныя богатства. Парижскіе театры пробаваются старыми или посредственными пьесами; стало быть и Михайловскій театръ будетъ съ бѣднымъ репертуаромъ. На Александринскомъ навѣрно поставятъ десятокъ пятиактныхъ пьесъ; по двѣ трети ихъ окажутся бенефиснаго изготавленія. Позитивисты не даромъ говорятъ: «Savoir, c'est prévoir».

П. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Усиленіє клерикальной партіи въ западной Европѣ. — Численность и доходы французскаго духовенства. — Преимущество въ матеріальномъ отношеніи католической духовной корпораціи предъ свѣтскимъ обществомъ. — Необходимость для Франціи разрѣшенія спорнаго вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. — Противорѣчивыя мнѣнія о приверженности Франціи къ католицизму. — Два враждующіе лагеря во Франціи. — Матеріальныя побужденія борьбы. — Характеристика клерикаловъ и буржуа, сдѣланная Лакруа. — Суевѣріе французскихъ крестьянъ. — Нетерпимость католическаго духовенства. — Желаніе всемірнаго господства. — Твердость убѣжденій иезуитовъ. — Огромныя права французскаго духовенства. — Его вліяніе. — Мятежный аббатъ Жонка. — Преслѣдованія, направленныя противъ него бордосскимъ архіепископомъ. — Процессъ пастора Стига. — Процессъ иезуита Дюфура и виконтессы Вальмонъ. — Вліяніе французскаго католическаго духовенства на общественное образованіе. — Невѣжество учителей изъ патеровъ и учительницъ изъ монахинь. — Безнравственность „невѣжественныхъ братьевъ“. — Агитація во Франціи по поводу обязательнаго и дароваго обученія въ первоначальныхъ школахъ. — Фальсификація подписей. — Рабочія общества. — Католическіе военные кружки. — Роль католическаго духовенства въ общественной благотворительности.

I.

Въ исторіи западной Европы въ послѣднее время снова ярко обозначилась борьба духовной власти съ свѣтскою, борьба клерикализма съ новѣйшимъ либерализмомъ, подъ какими-бы формами онъ ни проявлялся, хотя-бы самыми консервативными въ политическомъ смыслѣ. Католическая іерархія, состоящая подъ непосредственнымъ вѣденіемъ римскаго папы, не желаетъ мириться даже съ буржуазнымъ либерализмомъ самой чистой воды. «Силлабусомъ» и «догматомъ непогрѣшимости папы» католическій клерикализмъ въ XIX вѣкѣ бросилъ вызовъ наукѣ, школѣ и всѣмъ вообще политическимъ и гражданскимъ

учрежденіямъ, носящимъ свѣтскій характеръ *). Этимъ вызовомъ клерикализмъ далъ ясно понять, что онъ презираетъ человѣческій разумъ, что онъ питаетъ ненависть ко всемъ матеріальнымъ, политическимъ и социальнымъ реформамъ, которыя явились прямымъ результатомъ развитія человѣчества, прогресса наукъ и искусствъ. Протестантскій клерикализмъ въ Англіи и сѣверной Германіи дѣйствуетъ далеко не такъ рѣшительно, но только потому, что онъ не чувствуетъ за собой такой силы, какою обладаетъ католическій, но и онъ, видимо, стремится къ преобладанію. Протестантскій клерикализмъ въ Англіи, впрочемъ, болѣе всего заботится объ удержаніи завиднаго матеріальнаго положенія. Въ сѣверной Германіи онъ соединилъ всѣ свои усилія для борьбы съ католичествомъ, которая приобрѣла ему популярность въ странѣ, такъ что національно-либеральная партія выставила эту борьбу на своемъ знамени, и борьба лютеранскаго духовенства противъ католицизма обратилась въ борьбу германской расы съ латинскою. Въ этой статьѣ, посвященной изслѣдованію положенія клерикальной партіи во Франціи, не мѣсто разбирать, обладаютъ-ли политическимъ тактомъ прусскіе національные либералы, примѣшавшіе къ расовой борьбѣ спеціальнѣйшій споръ о церковныхъ догматахъ; а также существуетъ-ли какое-нибудь различіе между лютеранизмомъ «Крестовой Газеты» и ультрамонтанствомъ «Civitta Cattolica». Впрочемъ, мнѣніе по этому поводу уже не разъ было нами высказано, и читатели наши знаютъ, что мы не придаемъ особеннаго значенія борьбѣ католическихъ и протестантскихъ клерикаловъ между собою до тѣхъ поръ, пока эта борьба ведется на спеціально-клерикальной почвѣ. Но она приобретаетъ значеніе въ нашихъ глазахъ съ той минуты, какъ переходитъ на политическую почву, что, къ большому ущербу развитія человѣчества, случается весьма не рѣдко. Во всѣхъ политическихъ и социальныхъ движеніяхъ Италіи до сихъ поръ играютъ чрезвычайно важную роль религіозные вопросы или, правильнѣе, клерикальныя притязанія; клерикалы ставятъ всевозможныя преграды всякому свободному движенію, и если не могутъ остановить его, то во всякомъ случаѣ на-время задерживаютъ; исторія Италіи во времена Виктора-Эммануила и кардинала Антонелли имѣетъ

*) «Принципы 89 года, многочисленныя конституціи, пишетъ одинъ французскій епископъ,—масса распоряженій императорскихъ, королевскихъ, министерскихъ — весь этотъ длинный рядъ заблужденій осужденъ навѣки силлабусомъ Пія IX, и это осужденіе заставило спорить отъ стыда католическихъ государей, которые убѣдились, что они дѣйствовали не какъ христіане, а какъ язычники...»

почти настолько-же религиозный характер, какъ и во времена гвельфовъ и гибелиновъ. Въ Испаніи, какъ и въ царствованіе Филиппа II или Изабеллы католической, приходскіе священники преобразуются въ воиновъ и идутъ на войну; большая часть карлистскихъ бандъ находится теперь подъ начальствомъ патеровъ и монаховъ, самыхъ непримиримыхъ враговъ возрожденія Испаніи подъ вліяніемъ передовыхъ идей нашего вѣка. Конституціонный механизмъ Бельгіи состоитъ въ послѣдовательной замѣнѣ клерикальнаго министерства либеральнымъ и либеральнаго клерикальнымъ; свою политическую независимость Бельгія получила, какъ результатъ своей религиозной борьбы съ Голландіей, которая, въ свою очередь, завоевала свою независимость въ религиозной борьбѣ съ Испанією. Полагаемъ, что безполезно приводить множество другихъ примѣровъ, такъ-какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы сдѣлать правильное заключеніе, насколько важно изслѣдованіе силы и дѣятельности клерикальной партіи во Франціи. Это изслѣдованіе дастъ намъ возможность правильно судить о дѣйствительномъ состояніи этой страны и о теперешнихъ событіяхъ, которые должны отозваться значительными перемѣнами въ ея политическомъ и социальномъ положеніи.

II.

Разсматривая статистическія таблицы о движеніи народонаселенія во Франціи, мы находимъ въ нихъ, что во Франціи круглымъ числомъ считается: священниковъ 80,000, монаховъ 20,000 и монахинь 100,000; всего 200,000 взрослыхъ людей, принадлежащихъ къ составу духовенства. Къ этому слѣдуетъ прибавить 20,000 семинаристовъ и 300,000 причетниковъ, пѣвчихъ, церковныхъ старостъ — однимъ словомъ, людей, которые хотя и не носятъ платья, присвоеннаго духовному сословію, но состоятъ на службѣ у духовенства и, конечно, всецѣло раздѣляютъ его симпатіи и антипатіи, ведутъ ревностную пропаганду католицизма и готовы отдать свою жизнь за папу. Въ этотъ счетъ однакожь не вошли тайныя религиозныя ассоціаціи, недозволенные французскими законами; число членовъ такихъ ассоціацій составляетъ тайну генерала іезуитскаго ордена. Такимъ образомъ, папа для своей службы имѣетъ во Франціи армію въ 520,000 человекъ. Наполеонъ III, бросивъ вызовъ Пруссіи, выставилъ на поле сраженія всего только 300-тысячную армію. Но, конечно, такая малочисленная армія была-бы слишкомъ недостаточна для клерикализма, которому приходится имѣть свои гарнизоны чуть

не въ каждой деревнѣ обширной страны. Принимая приведенную выше цифру за дѣйствительную, мы видимъ, что клерикализмъ имѣетъ одного своего агента на 72 человѣка общаго населенія Франціи. Въ то время, какъ послѣ первой революціи населеніе Франціи увеличилось на 50 процентовъ, ея клерикальное населеніе удвоилось. Не показывается-ли это слишкомъ очевидно, какъ силенъ клерикализмъ во Франціи?

Чрезвычайно трудно, почти невозможно высчитать, какую сумму платитъ Франція своему духовенству. Изъ общаго государственнаго бюджета на содержаніе духовенства идетъ 37 милліоновъ франковъ, департаменты и общины даютъ ему 53 милліона; всего 90 милліоновъ франковъ. Но вѣдь это только официальный бюджетъ, составляющій лишь часть огромныхъ доходовъ духовенства: какой-нибудь приходскій священникъ церкви св. Маделены или св. Роха въ Парижѣ получаетъ дохода не меньше любого извѣстнаго банкира. Такъ что несколько не преувеличивая можно предположить, что официальный бюджетъ составляетъ только третью часть дѣйствительнаго дохода духовенства, какъ служителей церкви, который поэтому слѣдуетъ опредѣлить приблизительно въ 270 милліоновъ франковъ. Къ этому надо еще прибавить доходы духовныхъ конгрегацій, которые онѣ получаютъ, какъ граждане, въ качествѣ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, капиталистовъ и проч. Кроме того доходъ отъ восковыхъ свѣчей, отъ стульевъ, которыми пользуются въ церквахъ люди богатые (въ одномъ Парижѣ отъ одной этой статьи получается ежегодно до 300,000 фр. дохода) и пр. Земля, принадлежащая духовенству, въ ипотечныхъ книгахъ оцѣнена въ 200 милліоновъ франковъ; фабрики и другія промышленныя заведенія представляютъ цѣнность не менѣе 100 милліоновъ франковъ. И съ каждымъ годомъ имущество духовенства увеличивается; высчитано, что ежегодное приращеніе ихъ имущества равняется не менѣе 5 милліоновъ франковъ. Не надо забывать, что тайныя религіозныя ассоціаціи, владѣющія громадными имуществами, не входятъ въ этотъ перечень, такъ-какъ въ статистическихъ таблицахъ ихъ имущество показано въ графѣ имущества, принадлежащаго мірскимъ людямъ. Сложивъ отдѣльныя статьи доходовъ французскаго духовенства, мы получимъ сумму по крайней мѣрѣ въ 350 милліоновъ франковъ, которая составляетъ ежегодный доходъ официально признаннаго духовенства. И мы, конечно, беремъ минимумъ этого дохода.

Клерикалы увѣряютъ, что французское духовенство получаетъ теперь несравненно меньшій доходъ, чѣмъ оно получало до первой французской революціи. Они, пожалуй, правы. Число духовенства во Фран-

ція съ того времени удвоилась; правда, болѣе чѣмъ удвоился и его доходъ, но цѣна денегъ теперь иная, чѣмъ была тогда: она несравненно ниже. Однакожъ, если какими-нибудь мѣрами не остановятъ постоянное приращеніе доходовъ духовенства, то не далеко то время, когда его ежегодный доходъ не только сравняется съ доходомъ до-революціоннаго времени, но и превзойдетъ его. А духовенству не трудно приращать свои имущества уже потому, что католическіе патеры и монахи избавлены отъ обязанности питать, одѣвать, обувать и воспитывать малолѣтнихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ законныхъ, на что отцы семействъ въ буржуазіи и пролетаріатѣ тратятъ половину, а иногда даже и болѣе своихъ доходовъ. Далѣе имущество мірскихъ людей, переходя по наслѣдству, раздробляется; оно подвержено разнымъ случайностямъ несчастной спекуляціи. Имущество-же католическихъ духовныхъ корпорацій никогда не раздробляется, оно не переходитъ по наслѣдству; каждый членъ корпораціи, отдѣльно взятый, бѣденъ какъ Іовъ, но корпорація богата, и ея члены въ монастырѣ пользуются всѣми удобствами жизни, ведутъ даже роскошную жизнь. Уничтоживъ въ своей средѣ семейное начало, католическая духовная корпорація стала какъ-бы безсмертной; а ставъ безсмертной, она, конечно, не осуждена на необходимость передавать свое имущество по наслѣдству. Гражданское общество производитъ дѣтей, которыя умираютъ, въ свою очередь также произведя дѣтей; имущество каждаго дѣлится по наслѣдству между его дѣтьми, чрезъ что индивидуальное имущество, разумѣется, уменьшается въ своихъ размѣрахъ. Но католическая духовная корпорація, основанная на отвлеченномъ принципѣ, т. е. на идеѣ вѣчнаго эгоизма, остается всегда разъ определенной единицей, какое-бы число членовъ она въ себѣ ни заключала; ея имущество поэтому не уменьшается, а постоянно увеличивается. Гражданское общество — это мать семейства, со всѣми ея радостями и страданіями, со всѣми надеждами и разочарованіями человѣка, работающаго при условіяхъ весьма нелегкаго добыванія хлѣба, подъ ударами суровой дѣйствительности. Католическая духовная корпорація болѣе похожа на старую дѣву, закаменѣвшую въ своемъ эгоизмѣ, которая, закутавшись въ фланель, поставивъ свои ноги на нагрѣвательницу, набивъ свой носъ табакомъ, смотритъ крайне недовѣрчиво на всѣхъ людей, считаетъ ихъ коварными и жестокими, и находитъ, что общество поугая и моськи для нея несравненно привлекательнѣе, чѣмъ дѣтское, такъ-какъ послѣднее наполняетъ домъ гамомъ и крикомъ и на него не наготовишься башмаковъ и панталончиковъ.

Упреждаемая съ дѣлю получать, а не отнимать, католическая духовная корпорація оларена замѣчательной способностью къ накопленію богатства, — и къ постоянному накопленію, что она можетъ гдѣтъ. Конечно, только на счетъ гражданского общества. Гражданское общество служить средствомъ для этого накопленія до тѣхъ поръ, пока богатства духовныхъ корпорацій не начинаютъ колоть ему глаза. Тогда оно безъ всякой перемены отбрасываетъ ихъ назадъ. Такъ поступила французская буржуазія въ 1789—93 годахъ; она значительно обогатилась огромными имуществами, отобранными отъ духовенства. Такъ поступаетъ теперь итальянская буржуазія, которая уже 10 лѣтъ къ ряду покрываетъ постоянно увеличивающійся дефицитъ государственнаго бюджета продажей монастырскихъ имуществъ. Такъ поступили испанскіе либеральные министры въ царствованіе Изабеллы II. Генрихъ VIII англійскій отобралъ у католическаго духовенства громадные имущества и роздалъ ихъ аристократіи. Тоже самое сдѣлали курфирсты саксонскій и бранденбургскій, когда вводили въ своихъ владѣніяхъ Лютерову реформу; дворецъ (теперь императорскій) въ Берлинѣ построенъ изъ тѣхъ кирпичей, изъ которыхъ была сооружена, разрушенная въ то время, большая крѣпость рыцарей тевтонскаго ордена.

Если въ самой природѣ католической духовной корпораціи лежить способность и страсть къ накопленію; если это накопленіе доходить иногда до того, что начинаетъ колоть глаза гражданскому обществу, и колеть именно тогда, когда въ самомъ гражданскомъ обществѣ особенно ярко кидается въ глаза возрастаніе бѣдности; то въ виду этого, французскимъ свободнымъ мыслителямъ необходимо весьма тщательно обдумать и изслѣдовать вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства прежде, чѣмъ они добьются разрѣшенія его законодательнымъ путемъ. Всѣ свободные французскіе мыслители, раздѣляющіеся на партіи по политическимъ вопросамъ, дѣйствуютъ совершенно согласно, когда дѣло идетъ о догматахъ (французы съ удивительной легкостью мнѣніе и систему возводятъ въ догматы или ересь) отдѣленія церкви отъ государства. Они желаютъ обрубить канатъ, которымъ фрегатъ церкви притануть къ кораблю государства и предоставить потомъ духовенству дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится, безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства и общества. Но разъ этотъ канатъ будетъ обрубленъ, католическое духовенство получитъ неограниченное право ассоціаціи и, разумеется, широко воспользуется имъ для своихъ выгодъ: «невѣжественные» братья окончательно заберутъ въ свои руки первоначальныя школы для мальчиковъ, гдѣ, конечно, станутъ воспитывать

дѣтей въ клерикальномъ духѣ; монахи кармелитскаго, урсулинскаго и иныхъ орденовъ примутся за воспитаніе дѣвицъ съ тѣмъ, чтобы потомъ многихъ изъ нихъ оставлять на вѣчно въ монастырѣ; несомнѣнно, что тогда скандальные случаи, героями которыхъ были достопочтенные отцы Грандье, Гофриды и другіе имъ подобные, будутъ повторяться несравненно чаще. Въ этихъ соображеніяхъ во Франціи все громче и громче сталъ подыматься голосъ о совершенномъ уничтоженіи католическихъ монастырей и обращеніи монаховъ и монахинь къ гражданскому быту. Кто-же не захочетъ снять сутану, тотъ можетъ переселяться въ Мозамбикъ, Сенегаль и Золотой берегъ въ Африкѣ; туда-же могутъ уѣхать монахи, которыя не пожелаютъ вести мірской жизни.

Оба эти проекта страдаютъ огромнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ практическаго взгляда на обсуждаемый вопросъ. Строго-логическія по наружности разрѣшенія вопросовъ не всегда бываютъ въ тоже время и практическими рѣшеніями. Однакожъ разрѣшеніе этого спорнаго вопроса объ разлученіи церкви съ государствомъ вовсе не такъ затруднительно на практикѣ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. До тѣхъ поръ пока большинство населенія во Франціи будетъ предано душой и тѣломъ католицизму, пока въ ней наука и искусство будутъ носить католическій характеръ, нелѣпо, потому что невозможно, мгновенно обратить тридцати-шести-милльонное населеніе въ свободныхъ мыслителей. Чѣмъ болѣе стали-бы насиловать убѣжденія этого населенія, тѣмъ сильнѣе-бы оно къ нимъ привязывалось. Реформа, которая необходима Франціи, нисколько не отличается отъ той реформы, въ какой нуждается Испанія, Италія, Англія и другія страны; она должна состоять въ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ они раздѣлены въ Соединенныхъ Штатахъ. Но во Франціи необходимо еще добавить, что за общинными властями утверждается право контроля надъ религіозными корпораціями; законъ долженъ предоставить общиннымъ властямъ право принимать мѣры противъ покушеній духовныхъ корпорацій подчинить себѣ гражданское общество, воспитывая его въ клерикальномъ духѣ. Несомнѣнно, что католическія духовныя корпораціи, построенныя на началахъ іезуитизма, по прежнему будутъ стараться деморализировать и эксплуатировать общество; несомнѣнно также, что онѣ еще долго будутъ имѣть кучу союзниковъ и поклонниковъ, но потому-то и надобно дать людямъ прогресса свободу дѣйствовать, свободу ставить преграды опаснымъ притязаніямъ и дѣйствіямъ клерикаловъ. Къ сожалѣнію, даже большинство радикальной партіи во Франціи предается иллюзіи, что можно

покончить съ католицизмомъ однимъ ударомъ; стоить только издать декретъ объ его уничтоженіи—и онъ немедленно умретъ, а вмѣстѣ съ нимъ съ лица французской земли исчезнетъ ненавистный клерикализмъ. Но когда болѣзнь имѣетъ хроническій характеръ (во французскомъ социальномъ тѣлѣ она продолжается нѣсколько вѣковъ), ее нельзя излечить внезапно,—леченіе въ такомъ случаѣ окончится скороѣ совершеннымъ уничтоженіемъ организма.

III.

Мы сказали выше, что Франція страна католическая, и что ея населеніе душой и тѣломъ предано католицизму. Многочисленные факты доказываютъ справедливость этого положенія, но является вопросъ: до какой степени простирается эта преданность? Съ другой стороны вездѣ говорятъ, что Франція не только менѣе другихъ странъ католическая, но и менѣе всѣхъ религіозная; иные увѣряютъ даже, что французъ родится атеистомъ, и что онъ вольтерьянецъ уже во чревѣ матери. И въ этомъ мнѣніи есть истина, но опять-таки слѣдуетъ поставить вопросъ: въ какой степени?

Сами епископы впадаютъ въ тѣ-же противорѣчія, какъ и свободные мыслители, но въ обратномъ смыслѣ. Когда князья католической церкви въ своихъ посланіяхъ и проповѣдяхъ пытаются объяснить, почему католическая Франція была побита протестантской Пруссіей, они говорятъ, что этимъ пораженіемъ Небо желало наказать Францію за ея скверную грѣховность, за ея атеизмъ, за сочувственный приемъ, какой она сдѣлала книгѣ Ренана, за постоянно увеличивающееся число гражданскихъ браковъ, не благословленныхъ церковію, за холодность къ дѣлу папы. «Богъ наказалъ Францію за то, что она не достаточно предана католицизму», писали во всѣхъ клерикальныхъ газетахъ, и повторяли въ городахъ и деревняхъ преданные слуги папы и клерикаловъ. Французскій министръ исповѣданій, Жюль Симонъ, напуганный такимъ настроеніемъ, считаетъ нужнымъ безпрестанно заявлять, что онъ ревностный католикъ; чуть не каждый мѣсяцъ онъ обращается къ епископамъ съ циркулярами, въ которыхъ проситъ ихъ предписывать при всякомъ удобномъ случаѣ торжественныя службы въ церквяхъ; онъ обращается къ префектамъ, уговаривая ихъ непременно лично присутствовать при подобныхъ богослуженіяхъ, что префекты акуратно исполняютъ, воздерживаясь, однакожъ, передавать такія приказанія мэрамъ и муниципальнымъ совѣтникамъ, которые въ боль-

шей части департаментовъ живутъ не въ ладахъ съ епископами и вообще съ духовенствомъ, давая имъ поводъ къ обличенію французскаго населенія въ малой приверженности къ католицизму.

Съ другой стороны, когда клерикалы протестуютъ противъ строго-гражданскаго обученія въ первоначальныхъ школахъ; когда они подаютъ петиціи г. Тьеру, прося его послать «прекрасную французскую армію» на защиту интересовъ папы, ихъ языкъ внезапно измѣняется. Тогда, по ихъ словамъ, оказывается, что Франція страна чисто-католическая, старшая дочь церкви; что она должна выполнить миссію, назначенную ей провидѣніемъ; что она горитъ желаніемъ записать всѣхъ своихъ дѣтей въ папскіе зуавы, что всѣ французскіе генералы, по примѣру Кателино и Шаррета, готовы предложить свою шпагу на защиту папскаго престола, на возвращеніе папѣ свѣтской власти. Тогда они рѣшаются высказывать такое мнѣніе, что Франція неповинна ни въ какомъ грѣхѣ, и что если кто и виновенъ въ ея несчастіяхъ, то только ея правительство. Вотъ, напримѣръ, что пишутъ французскіе епископы въ адресѣ, представленномъ ими святѣйшему отцу 16 іюня 1871 года, въ 25-ю годовщину его вступленія на папскій престолъ:

«...Франція, старшая дочь церкви превляется у подножія этой ватиканской Голгофы... Ея правительство воспрепятствовало ей совершать миссію, которую возложилъ на нее Господь Богъ со времени Карла великаго *). Это правительство получило достойное наказаніе вмѣстѣ съ Франціей; оно позволило раздѣлить владѣнія св. престола, и за то наше несчастное отечество было само раздѣлено. Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція возвратила тронъ вашему святѣйшеству и гордилась тѣмъ, что съ шпагой въ рукѣ встала на защиту его. Правительство заставило несчастную Францію оставить этотъ почетный постъ. Со дня оставленія Рима начались наши бѣдствія и окончатся только въ тотъ день, когда мы снова возьмемъ на себя защиту святого престола»...

Такимъ образомъ и свободные мыслители одинъ разъ доказываютъ, что Франція страна католическая; въ другой, что она противница католическихъ тенденцій и клерикализма; и прелаты въ одномъ случаѣ гремятъ противъ нея въ своихъ посланіяхъ за то, что, будто-бы, она погрязла въ грѣхѣ и атеизмѣ; въ другомъ, восхищаются ея католическою набожностью. Чему вѣрить? Какъ объяснить

*) Гг. епископы вѣроятно забыли о Ментавѣ!

это согласное мнѣніе противниковъ; какъ понять это противорѣчіе, высказываемое однимъ и тѣмъ-же лицомъ?

Изъ этихъ противорѣчивыхъ мнѣній можно вывести только одно вполне правильное заключеніе, что во Франціи борьба съ клерикализмомъ ведется въ несравненно сильнѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ странахъ (исключая Бельгіи, но Бельгія въ этомъ отношеніи составляетъ дополненіе къ Франціи). Католики во Франціи болѣе паписты, а ихъ противники болѣе рѣшительны и анти-паписты, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной стороны дѣйствуютъ ультрамонтане, съ другой, свободные мыслители, средней партіи почти не существуетъ. Точнѣе сказать, враждующія партіи не имѣютъ рѣшительно никакихъ общихъ принциповъ: что одни признаютъ вполне, то другіе вполне отвергаютъ: не существуетъ почвы, на которой они могли-бы въ чемъ нибудь сойтись, сдѣлавъ взаимныя уступки. Повинуясь знаку, данному княземъ Бисмаркомъ, нѣмецкіе либералы встали на сторону католиковъ, непризнавшихъ догмата непогрѣшимости папы, противъ католиковъ, его признавшихъ; они со вниманіемъ выслушиваютъ доводы за и противъ спорнаго вопроса, они охотно готовы взять на себя роль третейскаго судьи. Во Франціи какъ ультрамонтане, такъ и свободные мыслители одинаково смѣялись въ лицо аббату Мишо, который думалъ собрать вокругъ себя католиковъ, нежелавшихъ признать догмата непогрѣшимости папы, и составить, такимъ образомъ среднюю партію. Но никто не хотѣлъ даже слушать его проповѣдей. Епископы закричали, что онъ еретикъ, честолюбецъ; всѣ вѣрующіе повторили эти слова. Свободные мыслители объявили, что притязанія Мишо суцая нелѣпость. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Объясненія этихъ противорѣчій слѣдуетъ искать въ томъ положеніи, какое занимаетъ Франція втеченіе почти цѣлаго столѣтія. Съ 1789 года во Франціи идетъ постоянная гражданская война. Франція раздѣлена на два лагеря, въ авангардѣ которыхъ подняты: въ одной арміи, религиозное знамя, въ другой, знамя свободнаго мышленія. Однакожь будутъ наивны тѣ изслѣдователи, которые повѣрятъ, что главный мотивъ этой борьбы заключается въ догматѣ. Напротивъ, догматъ тутъ почти не при чемъ, а все дѣло въ матеріальныхъ интересахъ. Сперва борьба шла между духовенствомъ, соединившемся съ до-революціонной сеньеріей противъ возраставшаго значенія буржуазіи; теперь духовенство и крупная, разбогатѣвшая буржуазія борются съ такъ-называемымъ четвертымъ сословіемъ. Хотя въ настоящей борьбѣ и всплываютъ иногда на верхъ интересы стараго дворянства, но они уже слишкомъ слабы, и въ основаніи борьбы прежде всего

лежить вопросъ денежный. Всмотритесь внимательнѣе въ дѣятельность Вельо, Кокиля, епископовъ Дюпанлу, Боннешоза, Матье и иныхъ ревностныхъ защитниковъ католицизма и догмата непогрѣшимости папы, и вы увидите, что католицизмъ тутъ просто выѣска, а настоящія побужденія къ борьбѣ чисто матеріальныя. Конечно, между ревностными католическими пропагандистами, встрѣчаются идеалисты, преданные самой идеѣ, для которыхъ матеріальная сторона не представляетъ никакой важности,—но въ какой-же партіи нѣтъ такихъ идеалистовъ? Большинство-же видитъ въ религіи только средство для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Лакруа, въ одной изъ своихъ рѣчей, прекрасно охарактеризовалъ французскихъ католическихъ епископовъ и рыцарей религіи, какъ называютъ себя клерикалы.

«Религія служитъ имъ средствомъ, говоритъ Лакруа, — для достиженія вліянія на ментѣ образованные классы французскаго народа. Съ ея помощью они могутъ располагать совѣстью каждаго вѣрующаго простолудина и мелкаго буржуа, обыкновенно неотличающагося высокимъ развитіемъ... Новый догматъ о непогрѣшимости папы раздосадовалъ ихъ. Религія, по ихъ словамъ, прекрасно исполняла свое назначеніе и безъ этого догмата. По ихъ мнѣнію, онъ лишняя надбавка къ существовавшимъ уже многимъ старымъ догматамъ, которыхъ было вполне достаточно... Большинство этихъ господъ, считающихъ себя потомками крестоносцевъ, религіозны по традиціи. Человѣкъ, считающій цѣлый рядъ благородныхъ предковъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть религіозенъ, по крайней мѣрѣ наружно. Это его обязанность... И много другихъ обязанностей наложили они на себя. Посмотрите на это общество въ обществѣ, населяющее сен-жерменское предмѣстье. Оно живетъ не той жизнью, какой мы живемъ; точно оно обледенѣло на цѣлое столѣтіе въ полярномъ льду, который теперь растаялъ, и предъ нами явились люди съ нравами и обычаями прошлаго вѣка; даже самые костюмы ихъ не похожи на наши. До сихъ поръ еще женихъ изъ этого общества въ день свадьбы одѣвается непременно въ сѣрые панталоны, бѣлый жилетъ и синій фракъ. Лица, принадлежащія къ этому обществу, проживаютъ въ Парижѣ только зимой, а весну, лѣто и осень проводятъ непременно въ провинціи. Въ тридцать лѣтъ молодой человѣкъ этого общества женится на юной титулованной дѣвицѣ и производитъ минимумъ трехъ дѣтей, максимумъ четырехъ: двухъ мальчиковъ и дѣвочку, четвертое какъ придется. Мальчики учатся въ Почтамской улицѣ, у іезуитовъ. Дѣвочки воспитываются въ женскомъ монасты-

ръ. Старшій сынъ кончаетъ курсъ ученія въ Сен-Сирѣ и выпускается оттуда кавалерійскимъ офицеромъ. Достигнувъ чина капитана, онъ выходитъ въ отставку и женится, вѣнчаясь, подобно своему отцу, въ синемъ фракѣ... Младшій сынъ поступаетъ въ монастырь и становится епископомъ. Все это заранѣе опредѣлено и совершается съ такою-же пунктуальностью, какъ въ былое время совершались разныя сложные церемоніи. Традиція сдѣлала изъ существованія лицъ, принадлежащихъ къ этому обществу, безконечный церемональ, начинающійся еще въ колыбели. Они, религіозны потому-же, почему они становятся епископами и кавалерійскими офицерами—этого требуетъ обычай... »

А буржуа?

«Буржазію, продолжаетъ Лакруа,—обвиняютъ въ атеизмѣ, въ приверженности къ демократическимъ и революціоннымъ тенденціямъ. Говорятъ, что вся религія буржуа заключается въ извѣстной фразѣ: «прежде всего будемъ спасать нашу кассу». Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды, но также много и неправды. Буржуа нельзя назвать религіознымъ человѣкомъ, но его также нельзя причислить къ противникамъ католицизма. Буржуа охотно записывается въ члены религіозныхъ и благотворительныхъ обществъ; онъ не постоитъ за издержками для полученія ордена, который жалуется за услуги, оказанныя папѣ и католической религіи: такой орденъ даетъ вѣсь въ обществѣ и открываетъ путь къ высшимъ административнымъ должностямъ. Такимъ образомъ, и буржуа, подобно жителямъ сен-жерменскаго предмѣстья, дѣлаютъ набожность средствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Ихъ жены охотно посѣщаютъ церковь и также отличаются дѣлами дешеваго благотворенія, въ особенности, если объ этихъ дѣлахъ говорятъ въ обществѣ. Но онѣ предпочитаютъ тѣ церкви, гдѣ богослуженіе совершается торжественнѣе; онѣ сильно хлопочутъ, чтобъ въ церквахъ непремѣнно пѣли оперные хоры и даже такіе знаменитые солисты, какъ, напримѣръ, Тамберлякъ... Буржуа отличаются необыкновенной тупостью, когда дѣло идетъ о догматахъ; они совершенно безразлично отнеслись къ догмату непогрѣшимости папы. Они тоже нашли его совершенно лишнимъ. Вообще они считаютъ, что собственно для нихъ религія—дѣло второстепенное. Они убѣждены, что религія должна быть предметомъ первой важности только для простолюдиновъ. Буржуа-же считаетъ себя достаточно религіознымъ, если онъ заплатилъ опредѣленную сумму въ свою приходскую церковь, что онъ дѣлаетъ акуратно въ извѣстный день каждаго года. Буржуа по своей натурѣ скептикъ, онъ

признаетъ только тѣ догматы, которые ему вполне извѣстны. Въ дружескомъ разговорѣ съ своимъ приходскимъ священникомъ, онъ всегда даетъ ему замѣтить, что онъ никогда не сдѣлается тѣмъ, что на парижскомъ жаргонѣ называется «gobeur» (т. е. чрезмерно ревностный почитатель католицизма).

Можно подумать, пожалуй, что Лакруа преувеличиваетъ, но прочтите любимую газету высшаго свѣта «La vie Parisienne», изъ которой постоянно перепечатываетъ «Фигаро», соперничающая въ набожности съ «l'Univers»; тамъ вы найдете характеристику буржуа, изложенную еще рѣзче; тамъ о религіозности буржуа высказано то-же, что и у Лакруа, но только въ болѣе жесткой формѣ.

Но, можетъ быть, несравненно болѣе религіозенъ французскій крестьянинъ?

Суевѣренъ—да, но ни въ какомъ случаѣ не религіозенъ. Въ глухихъ горныхъ долинахъ можно встрѣтить населеніе, которое исповѣдуетъ религіозныя вѣрованія, близкія къ фетишизму. Кто жилъ въ деревняхъ южной Франціи или только прочиталъ «Les paysans innocents» Иполита Бабу, или «La Fête de Saint Barthélemy Porte Glaive», Леона Клоделя,—тотъ знаетъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать католицизму деревенскихъ жителей. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ до сихъ поръ еще въ ходу поклоненіе языческому богу «Пану». Поль Арень рассказываетъ, что ему пришлось встрѣчать толпы богомольцевъ, идущихъ на поклоненіе Пану. Сперва онъ полагалъ, что въ этой мѣстности существуютъ мощи святого, имя котораго произносится на мѣстномъ жаргонѣ: «Панъ»; но каково-же было его изумленіе, когда онъ узналъ, что эти богомольцы идутъ поклоняться скалѣ, на которой находятся развалины алтаря языческаго храма. Послѣ поклоненія, богомольцы угощаются на мѣстѣ медомъ, молокомъ и сыромъ и въ заключеніе торжества пируютъ въ ближайшемъ кабачкѣ. Тутъ-же Арень встрѣтилъ пустытника, къ которому мѣстное населеніе питаетъ глубокое уваженіе. Пустытникъ этотъ, весьма безобразный собою, носитъ костюмъ, отчасти напоминающій древнюю жреческую одежду; его одутловатое, красное лицо и багровый носъ показывали ясно, что онъ принадлежитъ къ числу горячихъ почитателей спиртныхъ напитковъ. Къ нему крестьяне приводили лошадей, коровъ и овецъ, которыхъ считали околдованными, и пустытникъ освобождалъ скотъ отъ колдовства. Этотъ пустытникъ ходилъ по полямъ, чтобы призывать на нихъ благословеніе неба и дѣлать ихъ плодороднѣе. О прибытіи своемъ на поле онъ давалъ знать особенной музыкой на флейтѣ, совершенно такъ-же, какъ давали когда-то знать

о себѣ древніе языческіе жрецы. По окончаніи колдовства, пустынный отправился въ кабакъ вмѣстѣ со всѣми поклонниками Пана, гдѣ, конечно, время проводилось не въ молитвѣ. Во время этихъ странствованій на поклоненіе Пану, совершалось множество суевѣрныхъ обрядовъ; здѣсь происходили свиданія между влюбленными, которыхъ нерѣдко сводилъ самъ пустынный.

Самое большее суевѣріе крестьянъ проявляется въ придаваніи различнымъ травамъ мистическаго, сверхъестественнаго значенія. Этимъ суевѣріемъ пользуются торговцы травами и наживаютъ хорошія деньги, по преимуществу отъ крестьянокъ, конечно, болѣе суевѣрныхъ, чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Мандрагора, сорванная въ полночь во время полнолунія, продается по 50 франковъ за порцію; листь синецвѣтнаго ясеня, надъ которымъ въ послѣднюю субботу мѣсяца произнесено соломоновское кабалистическое заклинаніе, стоитъ 100 франковъ; пакетъ мха, вскипяченнаго вмѣстѣ съ лягушками и человѣческими костями непременно столѣтнимъ старцемъ, 50 франковъ и т. д. Развѣ это не фетвиизмъ! По словамъ католической газеты «l'Univers» торговля подобными травами процвѣтаетъ даже въ самомъ Парижѣ.

Интересно показаніе одной знахарки, осужденной судомъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и 50 франкамъ штрафа за слишкомъ ревностное леченіе. Изъ этого показанія видно, что въ сознаніи крестьянъ предрасудки чисто-языческаго свойства совершенно нераздѣльны съ понятіемъ о католицизмѣ.

«Я вѣрю въ Бога, въ св. Евтропія, въ св. Клотильду, говорила она своимъ судьямъ.—Доктора не умѣютъ лечить вздутіе желудка, а св. Мартинъ излечивалъ эту болѣзнь. Сколько дѣтей въ этой мѣстности умираютъ отъ того, что ихъ родители не вѣрятъ въ гробницу Гарфлера. Но развѣ эта гробница не святая? Я лечу только вѣрой въ Бога и Его святыхъ; сперва я долго молюсь и только послѣ этого принимаюсь за леченіе...»

Донесенія мэровъ, префектовъ и судебныя дѣла доказываютъ, что нѣкоторые патеры въ глухихъ деревняхъ пользуются невѣжествомъ и суевѣріемъ своихъ прихожанъ и являются предъ ними въ качествѣ знахарей. При этомъ случаются такіе поразительные факты, что имъ трудно было-бы повѣрить, если-бы они не были подтверждены официальными изслѣдованіями. Что-же удивительнаго, если въ представленіи невѣжественныхъ, суевѣрныхъ крестьянъ приходскій священникъ является дѣлателемъ чудесъ; они, напримѣръ, требуютъ отъ него, чтобы онъ свелъ съ неба дождь или прогналъ тучи; они

считаютъ его всемогущимъ; они убѣждены, что ему подчиненъ самый адъ. Они обращаются къ патеру, когда ихъ корова даетъ имъ мало молока, когда заболѣтъ лошадь, когда овца даетъ мало шерсти и пр.

28 июля 1872 года въ центральной Франціи, въ департаментѣ Индръ, въ деревнѣ ла-Шартъ-Ланглюи, толпа прихожанъ ворвалась въ церковь, схватила священника и стала его бить и ругать. Нѣсколькимъ благоразумнымъ людямъ удалось вырвать несчастнаго изъ рукъ разъяренной толпы и запереть въ комнату, сбоку алтаря. Толпа бросилась въ домъ священника и стала тамъ все бить и ломать... Разъяренные крестьяне кричали, что они непременно убьютъ патера за то, что онъ навелъ градъ на ихъ поля. По разслѣдованіи оказалось, что когда надъ деревней скопились градовыя тучи, поселяне прибѣжали къ священнику, требуя, чтобы онъ взялъ крестъ и статую Цибеллы и отправился торжественной процессіей на хлѣбныя поля. Священникъ, считая такую процессію суевѣріемъ, отказался исполнить ихъ желаніе. Когда въ дѣйствительности выпалъ градъ, раздраженные поселяне захотѣли отомстить мнимому виновнику этого несчастія.

Кто-же болѣе всѣхъ виновенъ въ такомъ страшномъ суевѣрїи французскихъ крестьянъ, какъ не само французское католическое духовенство, въ рукахъ котораго находится большинство деревенскихъ школъ, — какъ не это духовенство, которое ставитъ всевозможныя преграды распространенію первоначальнаго образованія во Франціи. Приходскій священникъ заботится болѣе всего о томъ, чтобы сдѣлаться необходимымъ своимъ прихожанамъ, чтобы они считали его существомъ высшимъ, и вотъ они идутъ къ нему просить, чтобы онъ далъ имъ дождь, чтобы онъ отвелъ отъ нихъ градъ и пр. Поэтому онъ пользуется въ своемъ приходѣ значительнымъ политическимъ вліяніемъ, — болѣе значительнымъ, чѣмъ полагаютъ либералы, но далеко не такимъ рѣшительнымъ, какое приписывается клерикалами. Крестьяне не довѣряютъ священнику, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ духовенство принялось за ревностную пропаганду въ пользу Генриха V-го и стараго порядка, къ которому поселяне до сихъ поръ чувствуютъ страхъ. Французскій крестьянинъ крайне скрытенъ, въ немъ до сихъ поръ еще сохранилось наслѣдіе долгихъ вѣковъ рабства: лукавство и лицемеріе. Онъ охотно слѣдуетъ совѣтамъ патера до тѣхъ поръ, пока думаетъ, что патерь исполняетъ требованія правительства; но какъ только онъ начинаетъ смекать, что правительство не раздѣляетъ идей, провозглашаемыхъ патеромъ, онъ рѣзко отъ него отворачивается. Вся

кое существующее правительство во Франціи, можетъ разсчитывать, что крестьяне сдѣлаютъ все по его желанію противъ патера, даже противъ такого, который водилъ ихъ къ избирательнымъ урнамъ, подобно тому, какъ индѣйка водить своихъ индюшатъ.

Французская деревня предана католицизму, говорятъ клерикалы. Пусть будетъ такъ! И однако-жь, въ большей части французскихъ провинцій, крестьяне сопровождаютъ своихъ женъ только до дверей церкви, а сами отправляются въ кабачокъ, чтобы поболтать тамъ съ пріятелями и выпить малую толику. Въ этихъ мѣстностяхъ большая часть крестьянъ только три раза бываютъ въ церкви: въ тотъ день, когда принимаютъ въ первый разъ причастіе, когда вѣнчаются и, наконецъ, когда ихъ трупъ приносятъ туда другіе; иные, впрочемъ, бываютъ и въ тѣ дни, когда имъ приходится провожать на кладбище близкихъ родныхъ.

IV.

«...Франція—страна католическая, замѣчаетъ газета «Temps»— да, она католическая, но съ условіемъ, если это слово принимается не въ широкомъ значеніи. Она католическая, если подъ этимъ не подразумѣвается много вѣры, ревности къ пропагандѣ, особенно строгихъ аскетическихъ нравовъ; она католическая, если при этомъ не требуется, чтобы она отбросила свою вѣротерпимость, чтобы она отказалась отъ извѣстнаго скептицизма... Прежде чѣмъ говорить съ такой увѣренностью о предопредѣленной миссіи нашего отечества, католическіе прелаты должны-бы спросить себя: имѣла-ли такой характеръ Франція, когда она выступила на историческую арену? придаютъ-ли такой характеръ нашей дѣятельности иностранцы? Если дѣйствительно мы потомки Кловиса и его желѣзной дружины, то какъ соединить это происхожденіе съ понятіемъ о нашей миссіи, начавшейся съ завоеваніемъ Галліи Кловисомъ?..»

Франція страна католическая, если судить по статистическимъ таблицамъ народонаселенія, въ которыхъ многіе записаны католиками только потому, что они не назвали себя протестантами или евреями. «Вы говорите, что вы не исповѣдуете никакой религіи, замѣчаетъ составитель статистическихъ таблицъ,—значить, вы принадлежите къ католической»,—и вписываетъ такого господина въ графу католическаго исповѣданія. Можно было-бы получить болѣе точныя свѣденія, если-бы былъ составленъ перечень лицъ, исполняющихъ церковные обряды, напримѣръ, если-бы было приведено въ извѣстность сколько

именно человекъ причастился втеченіи года. Одинъ изъ парижскихъ архіепископовъ вздумалъ было произвести такое счисленіе: ко дню пасхи, онъ роздалъ въ парижскія церкви извѣстное число облатокъ, которыми причащаются католики, приказавъ возвратить обратно всѣ облатки, которыя останутся послѣ причащенія. Священники исполнили его приказаніе, но, говорятъ, что возвращено было слишкомъ большое число облатокъ, и потому архіепископъ не рѣшился познакомить публику съ дѣйствительнымъ числомъ причащавшихся: ихъ было такъ мало, что почтенный прелатъ нашелъ неудобнымъ признаться, что во Франціи существуетъ слишкомъ ничтожная пропорція истинно вѣрующихъ.

Когда говорятъ, что во Франціи изъ 100 жителей, 95 католиковъ, трудно доказывать, что она не должна была держаться католической политики въ Италиі, Мехикѣ, Китаѣ и Кохинхинѣ, что она не должна была покровительствовать католицизму у себя дома. Но если скажутъ, что изъ 100 записанныхъ католиками, развѣ только 10 принадлежатъ къ истиннымъ католикамъ, исполняющимъ всѣ обряды католической церкви (не надо забывать, что въ это число попали и тѣ, которые исполняютъ эти обряды только ради какихъ-нибудь особыхъ цѣлей), то становится весьма легко доказать, что Франціи незачѣмъ держаться реакціонерной политики, что ей нѣтъ надобности раззоряться изъ за папы, принимая на себя роль папскаго зуава, что ей нѣтъ никакого повода дѣйствовать такъ въ угоду ничтожнаго, но кричащаго ультрамонтанскаго меньшинства.

Теперь понятно, съ какой осторожностью слѣдуетъ принимать это выраженіе: «Франція страна католическая; католицизмъ ея національная религія. Въ дѣйствительности, католическая религія признана государственной религіей; католическое духовенство страстно любитъ пышность въ богослуженіи, извѣстнаго рода театральность, и государство не препятствуетъ ему въ этомъ отношеніи до крайнихъ излишествъ. «Внѣ католической церкви нѣтъ спасенія», говоритъ католическій катехизисъ, исходя изъ того принципа, что собраніе вѣрныхъ составляетъ церковь. Протестантизмъ держится противоположнаго принципа; въ протестанствѣ церковь сама по себѣ, а вѣрующій самъ по себѣ. Протестантизмъ представитель индивидуализма; католицизмъ — коллективности. Протестантизмъ требуетъ личнаго убѣжденія отъ своихъ неофитовъ; для католицизма достаточно простого повиновенія общепринятымъ правиламъ и предписаніямъ; первый выше всего ставитъ сознаніе; второй довольствуется традиціонной моралью.

Католицизмъ крайне нетерпимъ: «все или ничего!»—вотъ его де-

визь. Только единственно въ видахъ всемірнаго господства онъ посылаетъ своихъ миссіонеровъ въ Китай, въ Японію, въ Африку, къ полинезійскимъ дикарямъ. Положить весь міръ къ подножію своего владыки — папы римскаго—такова его мечта, такова цѣль дѣятельности его ревностныхъ слугъ. Разсуждая съ этой точки зрѣнія нѣмецкіе публицисты, объявившіе войну католицизму, были совершенно правы, когда утверждали, что католицизмъ въ самомъ принципѣ враждебенъ всякому правительству, кромѣ папскаго. И дѣйствительно, борьба гвельфовъ и гибелиновъ продолжается и теперь, и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать гвельфы и гибелины. Гвельфъ, защитникъ папы, до сихъ поръ искренно ненавидитъ гибелина, стоящаго за управленіе свѣтское, а не духовное.

Ультрамонтане поступаютъ совершенно логично, когда требуютъ у либераловъ для себя самой широкой свободы, но сами взамѣнъ не желаютъ дать никакой. Они поступаютъ, какъ Тартюфъ; втираясь въ домъ добряка буржуа, они черезъ нѣсколько времени говорятъ: «Этотъ домъ мой, я здѣсь хозяинъ». За что-же ихъ обвинять въ коварствѣ и черной неблагодарности, если они дѣйствуютъ такъ споконъ вѣка, и каждый знаетъ, что иначе поступать они не станутъ. Нельзя-же ихъ судить съ точки зрѣнія свѣтскаго общества, руководящагося иными принципами. Они кротки, скромны и предупредительны, пока еще только желаютъ войти въ домъ, въ который они непременно войдутъ, если не черезъ дверь, то въ окно; но, войдя въ домъ и утвердившись въ немъ, они тотчасъ-же перемѣняютъ тонъ и обращаются повелительно. Въ этомъ отношеніи самымъ поучительнымъ примѣромъ можетъ служить завоеваніе іезуитами Парагвая. Они пришли туда скромные, приниженные, предупредительные, добродушные. Они наполняли свои обширные карманы игрушками и сахаромъ, которые раздавали ребятамъ индѣйцевъ; индѣйцамъ они дарили матеріи и разные яркія бездѣлушки, до тѣхъ поръ неизвѣстныя въ краѣ. Мало-по-малу они забрали всѣхъ туземцевъ въ свои руки и стали ихъ полновластными господами и повелителями. Они устроили свое государство, которое должно было послужить образцомъ для всемірнаго государства, какое они мечтали создать. Все было предусмотрено, все было регламентировано до послѣднихъ мелочей. Спокойно, тихо, терпѣливо они обратили мѣстное населеніе въ свой рабочій скотъ и, такимъ образомъ, ввели самое систематическое рабство, подобнаго которому не было примѣра въ исторіи. Довольно сказать, что женщина, виновная въ какой-нибудь ничтожной погрѣшности, получала билетъ, который приносила къ почтенному отцу экзекутору, и онъ

собственноручно отпускалъ ей извѣстное число розогъ, смотря по винѣ.

«Если іезуиты не могутъ остаться тѣмъ, что они теперь, то гораздо лучше имъ совсѣмъ прекратить свое существованіе!» сказалъ генералъ іезуитскаго ордена Ричи. Іезуиты побудили Піа IX-го произнести съ высоты кафедры св. Петра знаменитое *Non possumus...* «Мы не можемъ, мы не желаемъ измѣниться!» говорятъ они. Долженъ-же наконецъ міръ повѣрить искренности ихъ убѣжденія, которое они не устаютъ заявлять торжественно при всякомъ удобномъ случаѣ. Они убѣждены, что ихъ назначеніе господствовать надъ умами и тѣлами людей, руководить ихъ совѣстью и знаніями! Никакой середины они знать не хотятъ: или они правы и заблуждается современная наука; или наука права, а заблуждаются они.

Они требуютъ всего, и если не получаютъ его, они начинаютъ жаловаться, что не имѣютъ ничего. Вотъ, напримѣръ, папа. Правда, онъ лишенъ свѣтской власти надъ бывшими папскими владѣніями, но онъ еще живетъ въ Витиканѣ, самомъ обширномъ и самомъ роскошномъ изъ всѣхъ европейскихъ дворцовъ; онъ еще настолько богатъ, что можетъ презрительно отказываться отъ милліоннаго жалованья, предложеннаго ему правительствомъ Виктора-Эмануила. А между-тѣмъ онъ только и дѣлаетъ, что постоянно стонетъ и жалуется; являются къ нему депутаціи дамъ, ревностныхъ католичекъ, несущихъ ему въ подарокъ или произведенія своего труда—вышитыя туфли, кресла и пр.,—или-же богатѣйшіе подарки, въ родѣ золотой короны съ изумрудными листьями,—и онъ распространяется передъ ними о своихъ страданіяхъ и доходитъ до того, что сравниваетъ ихъ съ мученіями Христа. Въ тонъ ему католическое духовенство вездѣ кричитъ о притѣсненіяхъ. Французская церковь, въ частности, по словамъ монсеньера Дюпанлу, есть страдающая голубица, заточенная въ расщелинахъ скалы. Она, бѣдняжка, загнана, оскорблена, она, наконецъ, въ полномъ смыслѣ слова, мученица. Французскіе епископы настроили свои лиры на тонъ евреевъ, когда-то плакавшихъ и стонавшихъ на рѣкахъ вавилонскихъ. По ихъ словамъ, французская церковь страдаетъ подъ игомъ тяжелаго рабства, отъ нея отняты всѣ права, всякая свобода. Вотъ, подумаешь, какіе бѣдные страдалцы—французское духовенство! ему оставили только абсолютную свободу собраний, безъ всякаго контроля съ чьей-бы то ни было стороны, безъ всякаго вмѣшательства, наконецъ, безъ всякой отвѣтственности. Оно имѣетъ неограниченную свободу ассоціацій, что даетъ ему возможность учреждать тайныя іезуитскія общества. Ему предоставили 40,000

трибунъ, съ которыхъ оно можетъ свободно кидать, и кидаетъ, оскорбленія и клевету въ своихъ противниковъ. Ему предоставили полную свободу собирать, при содѣйствіи жандарма и сборщика косвенныхъ налоговъ, десятину съ вѣрныхъ и невѣрныхъ, съ католиковъ, евреевъ, свободныхъ мыслителей, съ друзей, враговъ и индифферентныхъ. Ему оставили свободу налагать въ нѣкоторыхъ случаяхъ контрибуціи и никому не отдавать въ томъ отчета. Ему предоставили полную свободу получать наслѣдства отъ набожныхъ прихожанъ, и этими наслѣдствами увеличивать свою и безъ того полную кассу, въ расходованіи которой опять-таки оно не обязано никакимъ отчетомъ. Ему оставили свободу манифестацій, процессій, хотя, по прямому смыслу закона, такія процессіи запрещены. Ему оставили свободу вліять на распоряженія префектовъ, под-префектовъ и вообще всѣхъ чиновниковъ, начиная съ полевого стража и кончая министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ему предоставили свободу вмѣшиваться во всѣ отрасли общественнаго образованія. И все-таки французскіе епископы увѣряютъ, что бѣдное французское духовенство пользуется только самыми *ничтожными* правами. Оно вѣчно жалуется, стонетъ и рыдаетъ. Оно не можетъ утѣшиться въ томъ, что оно не вправѣ съечь на площади сочиненія Ренана и Гаве; не вправѣ жечь на кострахъ еретиковъ, къ числу которыхъ очень удобно было-бы причислить вожаковъ партіи, требующей отдѣленія церкви отъ государства. Ему досадно, что теперь уже не имѣетъ силы законъ, въ силу котораго виновнымъ въ кощунствѣ прижигали раскаленнымъ желѣзомъ языкъ: не предстояло-бы большой трудности обвинить въ такомъ преступленіи Гамбету, ненавистнаго французскому католическому духовенству іезуитскаго пошиба, и подвергнуть бывшаго диктатора операніи прижиганія языка.

V.

Французское католическое духовенство обладаетъ громадными средствами для распространенія своего вліянія. Оно имѣетъ тысячи агентовъ, вѣрныхъ своихъ слугъ и служанокъ, работающихъ для него день и ночь и чрезвычайно точно и ловко исполняющихъ заданную работу. Дѣятельность этихъ агентовъ очень удобно сравнить съ дѣятельностью щупальцевъ громаднаго сказочнаго чудовища — пьевры; своими десятью тысячами щупальцевъ чудовище можетъ въ одно время и нападать и обороняться; отъ нихъ не уйдетъ никакая до-

быча: жертвой их дѣлается и громадный китъ и какая-нибудь микроскопическая асцидія. Дѣятельность этихъ агентовъ іезуитскаго духовенства по истинѣ изумительна. Только для перечисленія однихъ фактовъ того, что ими сдѣлано въ послѣдніе два-три года, потребовался-бы громадный томъ. Мы занесемъ въ нашу хронику только важнѣйшіе, самые яркіе факты, — такіе факты, которые получили общую извѣстность или вслѣдствіе судебного разбирательства, или-же многочисленныхъ толковъ газетъ.

Начнемъ съ процессовъ, въ которыхъ дѣло шло о спорномъ догматѣ непогрѣшимости папы, и вообще по вопросамъ спеціально-духовнымъ. Два дѣла въ этомъ родѣ произвели особенный шумъ: аббата Жюнка и протестантскаго пастора Стига; оба они разсматривались въ Бордо.

Аббатъ Жюнка отказался признать догматъ о непогрѣшимости папы и присоединилъ свой протестъ къ уже объявленнымъ протестамъ аббата Мишо и отца Луазона. Вместе съ своимъ каноникомъ Мулемъ, аббатъ Жюнка, опираясь на принципы галликанизма, рассчитывалъ создать умѣренную католическую партію, которая могла-бы положить предѣлъ крайностямъ ультрамонтанства. Къ ихъ несчастію, ни аббатъ Жюнка, ни каноникъ Муль не обладали качествами, необходимыми для предводителей партіи. Жюнка началъ съ того, что попытался найти поддержку въ авторѣ «Religion naturelle», Жюль Симонѣ, министрѣ исповѣданій и народнаго просвѣщенія. Жюнка рассчитывалъ, что французскій министръ окажетъ ему такое-же покровительство, какое даютъ «старымъ католикамъ» германскія правительства, въ особенности берлинское. Но французскій министръ не только не обѣщалъ своей поддержки аббату, но еще прочелъ ему наставленіе на тему, что всякій католическій догматъ долженъ имѣть для него священное значеніе, и, конечно, не разрѣшилъ аббату публичной проповѣди.

Потерпѣвъ неудачу у министра, Жюнка напечаталъ въ одной политической газетѣ статьи: «о религіозной свободѣ» и «тайны епископства». Бордосскій архіепископъ, своимъ вліяніемъ на судебную власть, заставилъ ее сдѣлать обыскъ въ конторѣ газеты, и обвинилъ передъ судомъ Жюнка, какъ автора статей, оскорблявшихъ общественную нравственность, и въ то-же время своей собственной властью приказалъ Жюнка и Мулю снять платье, присвоенное духовенству.

Кроткій, боязливый Муль немедленно повиновался, но Жюнка рѣшительно объявилъ, что архіепископъ не имѣетъ власти снять съ

него санъ священника; что со времени провозглашенія догмата непогрѣшимости, священники и епископы, принявшіе его, тѣмъ самымъ отrekliсь отъ истинной католической церкви, между тѣмъ, какъ онъ, Жюнка, и люди съ нимъ одномыслящіе слѣдуютъ преданіямъ вселенской, апостольской церкви.

Бордосскій архіепископъ, монсеньеръ Данне, уполномочилъ полицейскаго комиссара исполнить его рѣшеніе объ отобраніи у мятежника-аббата священническаго платья. Жюнка снова отказался исполнить требованіе архіепископа, и комиссаръ не замедлилъ составить протоколъ объ этомъ отказѣ.

Послѣ этого Жюнка потребовали въ судъ исправительной полиціи. Тамъ онъ объявилъ, что имѣетъ степень доктора теологій, что онъ представитель галликанской церкви, противъ которой совершилъ преступленіе архіепископъ, провозгласивъ догматъ о непогрѣшимости папы. Далѣе онъ заявлялъ, что кардиналъ-архіепископъ не имѣетъ никакого права запрещать ему носить костюмъ, присвоенный его званію; и что онъ, по этому поводу, подалъ жалобу въ государственный совѣтъ.

Президентъ суда отвѣтилъ ему, что вопросъ о папской непогрѣшимости вовсе не относится къ дѣлу, по которому призванъ въ судъ онъ, Жюнка; что онъ обвиняется въ неповиновеніи своему епископу, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ закономъ и подлежащемъ наказанію. Черезъ нѣсколько минутъ судья объявилъ рѣшеніе, которымъ призналъ Жюнка виновнымъ «въ ношеніи неприсвоенной ему одежды» и присудилъ его къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Это было только началомъ мести архіепископа. Вскорѣ Жюнка былъ потребованъ въ ассизный судъ по обвиненію за напечатанныя статьи. Адвокатъ архіепископа выставилъ противъ несчастнаго аббата цѣлую кучу обвиненій въ безнравственности. Онъ рассказывалъ, что Жюнка, будучи священникомъ, находился въ любовной связи съ своей родной племянницей, и многое другое. Странно, однакожъ, что высшія духовныя власти узнали о преступленіяхъ аббата Жюнка только послѣ того, какъ онъ отказался признать догматъ о непогрѣшимости папы, тогда какъ онъ, по словамъ адвоката, совершалъ ихъ безпрестанно, во время своей долгой священнической дѣятельности. Судъ присудилъ Жюнка къ двухгодичному тюремному заключенію и къ 3,000 франковъ штрафа.

Жюнка защищался слабо, онъ, видимо, потерялъ присутствіе духа. Возвращаясь изъ суда, онъ былъ встрѣченъ на улицѣ толпой

ханжей и почитателей архіепископа, которая накинулась на него съ ругательствами и свистками. Спасаясь отъ этой толпы, въ особенности отъ одного фанатика, какъ казалось, намѣревавшагося пустить въ дѣло кулаки, Жюнка подбѣжалъ къ жандармской казармѣ. У дверей ея стояли жандармскій унтеръ-офицеръ и нѣсколько солдатъ. Жюнка потребовалъ, чтобы они защитили его отъ насилій толпы, жандармы отказались дать помощь. «Вы трусы, закричалъ разсерженный аббатъ, — если не хотите защитить человѣка, котораго оскорбляютъ».

Слово «трусы» послужило новымъ поводомъ къ обвиненію Жюнка. Его приговорили къ 20 франкамъ штрафа. Въ то-же время ассизный судъ постановилъ: не дожидаясь разсмотрѣнія кассационной жалобы, представленной Жюнка въ высшій кассационный судъ, заключить его въ фортъ Га.

Всѣ эти преслѣдованія до того потрясли несчастнаго аббата, представителя свободы галликанской церкви, что онъ окончательно потерялъ всякое самообладаніе и превратился въ совершенную тряпку.

Аббату Жюнка удалось, однакожъ, пробраться въ Бельгію.

VI.

Ободренный этимъ успѣхомъ, архіепископъ бордосскій захотѣлъ поразить также протестантскаго пастора и вмѣстѣ съ нимъ либеральное направленіе, благодаря дѣятельности пастора уничтожившее влияние іезуитовъ въ краѣ. Либеральный пасторъ Жюль Стигъ издавалъ въ небольшомъ городкѣ Либурнѣ хорошую газету, имѣвшую огромное число читателей между деревенскимъ населеніемъ департамента Жиронды. До открытія этой газеты городокъ Либурнѣ былъ вполне преданъ іезуитамъ; но послѣ восемнадцатимѣсячнаго существованія газеты, избиратели подали свой голосъ за республиканца. Понятно, что такое влияние газеты очень не понравилось клерикаламъ, и ихъ глава, бордосскій архіепископъ, рѣшился уничтожить газету, добившись судебного приговора противъ ея редактора въ ассизномъ судѣ или даже въ судѣ исправительной полиціи.

Стигъ имѣлъ слабость помѣщать иногда въ своей политической газетѣ статьи по религіознымъ вопросамъ. Такъ, у него въ газетѣ появилась статья о причащеніи, мысль которой заключалась въ томъ, что католическая церковь во многомъ удалась отъ обрядовъ пер-

выхъ христіанъ, что она, напримѣръ, замѣвила причащеніе изъ чаши облатками и пр.

«Въ тюрьму его за это!» закричали католики.

Архіепископская канцелярія не замедлила составить обвиненіе противъ пастора Стига, будто-бы, оскорбившаго католическую религію; судъ поспѣшилъ составить обвинительный актъ, министръ юстиціи Дюфоръ утвердилъ этотъ актъ, и Стигъ былъ призванъ въ судъ. Пасторъ принесъ въ судъ огромные томы in-folio «Исторіи христіанской церкви» и «Теологическаго лексикона».

Генеральный прокуроръ сказалъ длинную рѣчь, въ которой рѣзко обвинялъ пастора Стига въ намѣренномъ оскорбленіи государственной церкви; онъ замѣтилъ, что это оскорбленіе глубоко задѣло всѣхъ истинныхъ католиковъ и должно быть строго наказано. Большая часть рѣчи прокурора состояла изъ ссылокъ на различныхъ духовныхъ католическихъ писателей, писавшихъ о таинствѣ причащенія и защищавшихъ причащеніе въ видѣ облатокъ. Въ концѣ своей рѣчи прокуроръ сталъ обвинять Стига въ святотатствѣ.

Генеральный адвокатъ поддерживалъ обвиненіе, хотя долженъ былъ сознаться, что доводы, приведенные Стигомъ, въ основаніи вѣрны, но выражены оскорбительнымъ языкомъ, что ясно доказываетъ намѣреніе автора вести не политическій споръ, а написать оскорбительную статью противъ религіи большинства французовъ.

Пасторъ Стигъ защищался самъ. Пасторъ — человекъ небольшого роста, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ; голосъ его довольно нѣжный, ласкательный, проникающій въ душу. Спокойно, съ улыбкой на устахъ, онъ разбилъ всѣ доводы своихъ противниковъ ихъ-же оружіемъ; онъ ссылаясь на извѣстныхъ католическихъ писателей, цитируя ихъ. Затѣмъ, съ изумительной логикой, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, онъ развилъ передъ своими судьями идею, что свобода совѣсти должна непремѣнно сопровождаться правомъ пропаганды, а пропаганда немислима безъ серьезной полемики. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на публику; даже нѣкоторые изъ его враговъ сознались, что когда они слушали рѣчь Стига послѣ рѣчи генеральнаго адвоката, имъ казалось, что они недавно были въ кухнѣ, а теперь сидятъ въ салонѣ. Президентъ суда мытался было уничтожить впечатлѣніе рѣчи обвиняемаго и, взявъ на себя роль обвинителя, выставилъ нѣсколько новыхъ пунктовъ обвиненія, упущенныхъ официальными обвинителями. Но его рвеніе пропало безслѣдно: пасторъ Стигъ былъ оправданъ судомъ.

Этотъ процессъ надѣлалъ шума во всей Франціи; брошюра, въ

которой онъ былъ напечатанъ, покупалась на расхватъ. Этого мало: число подписчиковъ на газету пастора Стига почти удвоилось.

На этотъ разъ католическое духовенство ошиблось въ своемъ расчетѣ.

VII.

Кстати занесемъ въ нашу хронику интересный процессъ виконтессы Вальмонъ и достопочтеннаго отца Дюфура, духовника въ училищѣ, приготовлявшемъ офицеровъ во французскій флотъ.

Иезуиты пришли въ Брестъ совершенными бѣдняками, но чрезъ нѣсколько лѣтъ имѣли уже значительное состояніе и подчинили своему вліянію богатѣйшія и важнѣйшія семейства въ городѣ. Морское училище въ Брестѣ всегда пользовалось извѣстностью; въ немъ воспитывается очень много юношей, и въ ихъ числѣ сыновья самыхъ богатыхъ фамилій въ Бретани. Училище устроено хорошо, даже роскошно. Въ училищѣ ежегодно бывають балы, на которые собираются мѣстная аристократія, члены администраціи, суда, военные офицеры. На это-то училище и обратили свое вниманіе иезуиты, поселившіеся въ Брестѣ, и мало-по-малу забрали его въ свои руки. Но еще раньше, они, конечно, постарались подчинить своему вліянію женское населеніе города и его окрестностей. Они роскошно украсили свою капеллу; поставили въ ней двѣнадцать исповѣдаленъ по числу достопочтенныхъ патеровъ, составлявшихъ ассоціацію, такъ-что каждая изъ кающихся грѣшницъ могла избрать себѣ духовника, какой ей болѣе нравился. Иезуиты, никогда не упускающіе ничего, что можетъ послужить къ ихъ выгодѣ, устроили пріютъ для прислуги, которая оставалась временно безъ мѣстъ; они взяли на себя трудъ отыскивать мѣста прислугѣ, которая поэтому должна была считать себя имъ вполне обязанной. Черезъ нее иезуиты знали все, что дѣлается въ домахъ нужныхъ имъ людей. Иезуиты такъ умѣли угождать всѣмъ, отъ кого они могли чѣмъ-нибудь поживиться, что вскорѣ сдѣлались необходимыми людьми, безъ которыхъ трудно обойтись и къ которымъ чувствуется особенная симпатія.

Достопочтенный отецъ Дюфуръ, благодаря красивой наружности, щегольству въ одеждѣ и элегантности манеръ, принадлежалъ къ числу особыхъ любимцевъ дамъ. Онъ сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ и славился не только въ Брестѣ, но и въ окрестныхъ горо-

дахъ. Его пригласили на восемь дней въ Кимперле для богослуженія въ тамошнихъ церквахъ, а главное для проповѣди. Виконтеса Вальмонъ, красивая двадцатипятилѣтняя женщина, имѣвшая свой домъ какъ-разъ напротивъ жилища достопочтенныхъ отцовъ, соскучившись о своемъ духовникѣ, отцѣ Дюфурѣ, отправилась къ нему на встрѣчу въ Шатолэнъ, гдѣ назначила ему свиданіе въ гостиницѣ: тамъ многіе видѣли ихъ вмѣстѣ. Въ 9 часовъ вечера они вмѣстѣ-же пріѣхали на станцію желѣзной дороги. Передъ отходомъ поѣзда они заняли купѣ въ 8 мѣстѣ, конечно, заплативъ за всѣ мѣста. Они такъ увлеклись разговоромъ, что не замѣтили, какъ къ нимъ въ купѣ вошелъ неловкій кондукторъ и засталъ ихъ въ такомъ странномъ положеніи, что счелъ нужнымъ составить объ этомъ протоколъ. Тщетно достопочтенный патеръ упрашивалъ кондуктора не подымать шума изъ пустяковъ, тщетно увѣрялъ онъ, что дама его сестра,—кондукторъ остался неумолимъ. Также тщетно упрашивалъ отецъ Дюфуръ товарищей кондуктора молчать или дать показаніе, что они видѣли совсѣмъ не то, что сказано въ актѣ. Дюфуръ пытался подкупить оберъ-кондуктора, но тотъ представлялъ въ судъ присланные ему 800 франковъ при анонимныхъ письмахъ. Вскорѣ въ Брестѣ появились памфлеты, юмористическія пѣсни, въ которыхъ описывалось скандальное происшествіе. Рабочіе порта и ученики городскихъ училищъ, въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, собравшись предъ домомъ достопочтенныхъ отцовъ, распѣвали пѣсни про Дюфура, свистали и вообще крайне напугали всѣхъ достопочтенныхъ отцовъ-іезуитовъ. Малочисленная полиція въ Брестѣ сама не рѣшилась ничего предпринять противъ демонстраціи и обратилась къ содѣйствію военной силы. Мэръ вывѣсилъ прокламацію, которой приглашалъ жителей спокойно выждать судебного разбирательства.

И, дѣйствительно, оно состоялось. Въ день сужденія этого процесса въ залѣ суда собралась многочисленная публика. Достопочтенный отецъ Дюфуръ заявилъ, что, дѣйствительно, можетъ быть, виконтеса, въ порывѣ покаяннаго экстаза, приблизилась къ нему и, какъ женщина слишкомъ нервная, схватила его своими руками, но что между ними и рѣчи не было о какихъ-нибудь соблазнительныхъ, мірскихъ предметахъ. Судьи, подчинявшіеся вполне вліянію іезуитовъ, объявили, что достопочтенный отецъ Дюфуръ-Астафоръ и виконтеса Вальмонъ поступили не совсѣмъ осторожно, но въ отношеніи нравственности имъ нельзя сдѣлать никакого упрека. Такимъ образомъ, отецъ Дюфуръ былъ признанъ вполне невиннымъ и въ тотъ-же день, уже въ гражданскомъ, а не въ священническомъ

платѣ, отправился въ Нантъ. Три четверти часа спустя виконтеса уѣхала въ Парижъ.

Всякій другой, не іезуитъ, послѣ такого скандала, постарался-бы, чтобы о немъ забыли хотя на время, но іезуитъ поступаетъ иначе: не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ процесса, разбиравшагося въ іюнь 1872 года, какъ Дюфуръ уже напечаталъ статью подъ своимъ именемъ въ одной клерикальной газетѣ, гдѣ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ ордену іезуитовъ и о своей горячей, сыновней вѣрнопопуданнической преданности своему повелителю — папѣ. Въ этой статьѣ Дюфуръ громитъ аббата Мишо и изрыгаетъ цѣлый потокъ ругательствъ противъ патера Гиацинта Луазона, осмѣливавшагося жениться. Во Франціи едва-ли-бы нашелся священникъ, который согласился-бы обвинять Луазона, такъ что патеру пришлось переплыть каналъ и заключить брачный союзъ въ Англіи.

Кромѣ приведенныхъ уже фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ рѣшительное вліяніе французскихъ клерикаловъ на судъ, мы отмѣтимъ здѣсь еще два.

24 августа этого года Касьенъ Реймондъ, собственникъ, былъ призванъ къ мировому судѣ по обвиненію въ томъ, что на его поляхъ жали въ воскресенье; судья оштрафовалъ его.

16 іюля въ одной церкви въ Бретейлѣ былъ праздникъ. Священникъ, ревностный почитатель графа Шамбора, украсилъ церковь знаменами старинной французской монархіи; даже на колокольнѣ онъ вывѣсилъ бѣлое знамя. Одинъ изъ консервативныхъ республиканцевъ, приверженцевъ нынѣшняго правительства, проходя мимо колокольни, сорвалъ это знамя, считая его мятежническимъ. Судъ исправительной полиціи въ Эвре осудилъ этого республиканца, вѣроятно, за излишнюю преданность существующему правительству, на пятнадцать дней тюремнаго заключенія.

VIII.

Изъ всѣхъ средствъ, которыя употребляетъ французское католическое духовенство для упроченія своего вліянія на французскій народъ, самое могущественное—народное образованіе. Французскія первоначальныя школы до сихъ поръ учреждаются и управляются на основаніи закона 1850 года, утвердившаго за духовенствомъ огромное вліяніе на народное образованіе. Тогдашнее національное собра-

ніе, имѣвшее почти однозначный составъ съ нынѣшнимъ, управлялось партией, во главѣ которой стоялъ Фаллу, человекъ съ узкимъ умомъ, безсердечный, коварный. Ему поручили министерство народного просвѣщенія республики, которую онъ не терпѣлъ и желалъ уничтожить. Фаллу пригласилъ къ себѣ на службу монахъ Филиппа, принадлежавшаго къ «невѣжественнымъ братьямъ» и поручилъ ему составить проектъ закона объ учрежденіи первоначальныхъ школъ. Филиппъ взялъ къ себѣ въ помощники іезуитовъ, и они составили самый макиавеличeskій проектъ, направленный къ тому, чтобы задуть свѣтское образованіе и передать школы совершенно во власть духовенства. Они такъ ловко составили свой проектъ, что, принятый собраніемъ до государственнаго переворота, онъ не былъ измѣненъ послѣ 2-го декабря. Принцъ-президентъ, желая привлечь на свою сторону духовенство, предложилъ ему расширить его вліяніе, подчинивъ его власти даже университетъ. Но духовенство не рискнуло взять университетъ и удовольствовалось тѣмъ, что захватило второразрядныя училища, въ которыя, разумѣется, сейчасъ-же ввело свои программы. Но отказавшись отъ прямого вмѣшательства въ университетъ, оно пользовалось косвеннымъ на него вліяніемъ и, по своимъ связямъ, нерѣдко втирало въ составъ профессоровъ своихъ кліентовъ. Что-же касается первоначальныхъ школъ, то даже правительство 2-го декабря нашло, что братъ Филиппъ предвидѣлъ все, и его знаменитый трудъ не требуетъ никакихъ измѣненій и дополненій.

Изъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія второй имперіи, Дюрюн, — отчетовъ, надо отдать имъ справедливость, всегда вѣрныхъ и точныхъ, оказывается, что въ періодъ времени съ 1853 по 1863 годъ, число «невѣжественныхъ братьевъ» утроилось, что число учениковъ въ ихъ школахъ увеличилось на цѣлый миллионъ, тогда какъ въ школахъ, управляемыхъ свѣтскими людьми, оно увеличилось на самый ничтожный процентъ, а въ школахъ, состоящихъ въ вѣденіи государства, оно даже уменьшилось. Въ періодъ-же съ 1861 по 1866 годъ, число школъ, содержимыхъ духовенствомъ, увеличилось на 3,823, а частныхъ свѣтскихъ школъ только на 834, число-же государственныхъ школъ за это время даже уменьшилось.

10,000 монаховъ и 40,000 монахинь обучаютъ въ первоначальныхъ школахъ, управляемыхъ духовенствомъ. Большая часть воспитателей юношества получила весьма недостаточное образованіе, воспитательницы-же еще худшее; онѣ едва умѣютъ читать и писать, орфографія считается излишнею роскошью. Игуменья женскаго монастыря выбираетъ какую-нибудь монахиню, даетъ ей такъ-называемый отпуск-

ной билетъ и разрѣшаетъ учить несчастныхъ дѣтей. И правительство, издавшее законъ, по которому никто не можетъ быть учителемъ или учительницей, не получивъ на то диплома послѣ строгаго экзамена, безпрепятственно допускаетъ къ обученію безграмотныхъ монахинь. Послѣдствіемъ такого положенія вещей вышло то, что если образованіе, получаемое въ школахъ, управляемыхъ свѣтскими людьми, не вполне удовлетворительно, то въ школахъ, гдѣ хозяйничаетъ духовенство, оно ужасно. Само правительство вынуждено было сознаться, что изъ 18,000 школъ для дѣвочекъ, гдѣ учительницами монахини, въ самой ничтожной части преподаваніе ведется посредственно, во всѣхъ-же остальныхъ крайне плохо. На 100 учительницъ монахинь только одна имѣетъ дипломъ; изъ остальныхъ-же три четверти полуграмотныхъ, а четверть хотя и знаетъ грамоту, но дальше грамоты не идетъ. Епископы въ защиту учительницъ изъ монахинь говорятъ, что онѣ слишкомъ скромны и святы, и потому имъ тяжело подвергаться экзамену у мужчинъ. Однакожъ монашенки, которымъ даютъ высшія мѣста по учебному вѣдомству, подвергаются экзамену и остаются послѣ него такъ-же скромны и святы, какъ были до него. Разумѣется, монахини не рѣшаются держать экзаменъ не по святости и скромности, а только потому, что не въ состояніи его выдержать.

Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что «невѣжественные братья» не отличаются высокой нравственностью, такъ что во Франціи вошло въ пословицу: «цѣломудренъ, какъ невѣжественный братъ!» Нерѣдко приходится читать во французскихъ газетахъ описаніе скандальныхъ происшествій, героями которыхъ являются «невѣжественные братья», конечно, большая часть ихъ подвиговъ остается подъ спудомъ. Кстати, приведемъ текстъ предостереженія даннаго однимъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ второй имперіи предводителямъ клерикальной партіи. Когда Наполеонъ III сталъ помогать Виктору Эмануилу создавать единую Италію, французскіе клерикалы озлились на него и стали наполнять свои газеты ругательствами противъ правительства. Министръ призвалъ предводителей клерикальной партіи и сказалъ имъ рѣшительно и сурово: «если вы не измѣните тона въ вашихъ газетахъ, мы потребуемъ патеровъ въ судъ исправительной полиціи за развратную жизнь. Подумайте также, что разслѣдованіе можетъ привести къ тому, что нѣкоторые изъ нихъ явятся передъ ассизами и, пожалуй, отправятся потомъ работать весломъ въ Тулонѣ.» Послѣ такого энергическаго внушенія полемика въ клерикальныхъ газетахъ съ правительствомъ совершенно прекратилась.

Чтобы показать, въ какія руки попадетъ иногда во Франціи вели-

кое дѣло воспитанія юношества, воспользуемся открытіями, сдѣланными слѣдствіемъ по поводу злоупотребленій и возмутительныхъ преступленій, совершавшихся въ пріютѣ «сиротъ» въ Парижѣ. Оказалось, что въ этомъ пріютѣ въ числѣ воспитателей находились: братъ Іозефъ, три раза осужденный судомъ исправительной полиціи за мошенничество (конечно, когда онъ былъ еще въ міру), и братъ Огюстенъ, сидѣвшій въ исправительной тюрьмѣ десять лѣтъ за воровство. Самъ начальникъ этого заведенія, отецъ Франсуа, оказался человѣкомъ, прошедшимъ черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы, авантюристомъ, пускавшимъ на такія дѣла, которыя хотя и не всегда приводятъ на скамью подсудимыхъ, но постоянно осуждаются здоровымъ общественнымъ мнѣніемъ. Изъ уваженія къ нравственному чувству читателей мы не ставемъ излагать здѣсь возмутительные факты, открытые судомъ. Скажемъ только, что начальникъ пріюта осужденъ на 12 лѣтъ каторжной работы, а братъ Огюстенъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію.

Что-же удивительнаго, если въ виду такихъ возмутительныхъ фактовъ, которые нельзя считать слишкомъ исключительными, во Франціи со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ противъ системы, отдающей во власть духовенства первоначальныя школы, а вмѣстѣ съ ними нравственность, здоровье и самую жизнь дѣтей. Статистика иногда даетъ драгоцѣнныя свѣденія для выводовъ: оказывается, что воспитателей изъ патеровъ и монаховъ, осужденныхъ за покушенія на нравственность ихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, въ восемь разъ болѣе, чѣмъ свѣтскихъ не только осужденныхъ, но даже только призванныхъ въ судъ по обвиненію въ этомъ преступленіи и освобожденныхъ отъ суда. Если-же къ числу осужденныхъ духовныхъ воспитателей прибавить число призванныхъ въ судъ и освобожденныхъ отъ суда по недостаточности уликъ, то пропорція будетъ еще значительнѣе.

Вопросъ о первоначальныхъ школахъ теперь самый жгучій вопросъ во Франціи. Ослабить вліяніе католическаго духовенства на первоначальное образованіе,—это значитъ, обезпечить французскому народу лучшую будущность, избавить его отъ многихъ бѣдствій, обуславливаемыхъ теперешнимъ положеніемъ обученія въ общественныхъ училищахъ.

Кромѣ свѣтскаго образованія, французскія либеральныя партіи добиваются также обязательнаго, которое намѣреваются увѣнчать даровымъ. Католическое духовенство, устами монсеньера Дюпанлу и статьями въ газетахъ: «Monde», «l'Univers» и «Figaro» неистово на-

пало на самую мысль объ обязательномъ образованіи. И почему? Да только потому, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно совершенно забрало въ свои руки школьное образованіе, оно ввело уже обязательное обученіе, что, конечно, значительно увеличило число учениковъ въ его школахъ, въ сравненіи съ правительственными и частными школами, гдѣ неизвѣстенъ принципъ обязательности.

Чтобы показать, до какой крайней ожесточенности доходитъ борьба католическаго духовенства съ либеральной партіей по вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія, приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ посланія епископа Эспивана, опубликованнаго 5 настоящаго ноября:

«...Кровавый конвентъ первый пожелалъ сдѣлать изъ первоначальнаго обученія «общественное учрежденіе»... Развѣ не видимъ мы, что со стѣнъ школьныхъ домовъ свить уже крестъ, украшавшій ихъ? Развѣ не раздаются теперь требованія свѣтскаго образованія, т. е. такого, которое изгоняетъ всякое религіозное обученіе? Развѣ не требуютъ эти господа, чтобы это ужасное свѣтское образованіе было къ тому-же обязательнымъ? Развѣ не желаютъ они *даромъ* вливать смертельный ядъ въ слабые дѣтскіе организмы».

Самое любопытное, скорѣе, самое печальное въ этомъ вопросѣ— странная дѣятельность государства, представляемаго его чиновниками: оно издаетъ постановленія противъ себя въ пользу духовенства. Община отпускаетъ деньги на содержаніе школъ, не естественно-ли ей тратить деньги только на тѣ школы, которыми она сама распоряжается. Между тѣмъ, если муниципальному или общинному совѣту вздумается отказать въ деньгахъ на содержаніе школъ, которыми завѣдуетъ духовенство, и на эти деньги открыть свою собственную школу, на него ополчается префектъ и министры: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; они кассируютъ рѣшеніе совѣта и предписываютъ ему немедленно выдать деньги. Когда лонскій муниципалитетъ закрылъ школы, находящіяся въ завѣдываніи духовенства, префектъ открылъ ихъ силой. Когда муниципалитетъ въ Шатору хотировалъ открытіе новой школы съ довольно обширнымъ курсомъ и пригласилъ въ директоры школы университетскаго профессора, его постановленіе, по интригамъ мѣстнаго католическаго духовенства, было кассировано на томъ основаніи, что приглашенный директоръ, будто-бы, человекъ неблагонадежный, вѣроятно, потому, что онъ писалъ противъ стремленія къ преобладанію французскаго католическаго духовенства.

Чтобы сильнѣе поразить защитниковъ свѣтскаго и обязательнаго

образованія, католическое духовенство стало собирать подписи подъ петиціей національному собранію противъ этого обученія. Каждому приходскому священнику отъ епископа былъ присланъ листъ, и онъ обязывался собрать какъ можно болѣе подписей. Разумѣется, священникъ старался втолковывать своимъ прихожанамъ, что предлагаемая реформа по народному образованію повлечетъ за собой страшный вредъ для нихъ. Но не смотря на старанія священниковъ въ большей части приходоѡ мужичины, отцы семействъ, отказывались подписываться. Тогда обратились къ женщинамъ. Здѣсь усилія патеровъ увѣнчались большимъ успѣхомъ: женщины подписывались охотнѣе, и въ общемъ счетѣ ихъ подписи сошли за мужскія; заставляли подписывать даже шестилѣтнихъ дѣтей, такъ что правительство, въ лицѣ Жюля Симона, принуждено было виѣшаться и запретить дѣлать подписку въ школахъ. Въ Тулузѣ, муниципальный совѣтъ, удивленный большимъ числомъ подписей отцовъ семействъ, сдѣлалъ повѣрку, и что-же оказалось? Изъ 482 подписей только 194 дѣйствительно принадлежали отцамъ семействъ; 82 — людямъ холостымъ; 68 — какимъ-то фантастическимъ лицамъ, неживущимъ въ городѣ и 138 составляли второй экземпляръ подписей.

Кстати о фальсификаціи. Муниципальный совѣтъ въ Перпиньянѣ получилъ списокъ духовныхъ лицъ, которымъ онъ обязанъ былъ выдать жалованье. При повѣркѣ списка оказалось, что въ него внесено 12 несуществующихъ патеровъ и викаріемъ.

IX.

Французское католическое духовенство беззапѣнчиво объявляетъ, что оно вправѣ требовать, чтобы каждый французъ, носящій имя католика, во всѣ возрасты своей жизни находился подъ полнымъ вліяніемъ своего духовника. Оно убѣждено, что сѣмяна, посеянная имъ въ школѣ, принесутъ хорошій урожай. Юноша, воспитанный подъ непосредственнымъ вліяніемъ патеровъ, войдя въ жизнь постарается примѣнять въ ней принципы, заученные въ школѣ. Католическое духовенство стремится имѣть своихъ слугъ, почитателей и союзниковъ во всѣхъ отрасляхъ труда физическаго и умственнаго, въ администраціи и правительствѣ. Вербуя своихъ сторонниковъ, оно ни передъ чѣмъ не останавливается и при случаѣ слѣдуетъ известному правилу: если гора не идетъ къ Магомету, значитъ Магометъ долженъ подойти къ ней.

Предупредительность французскихъ клерикаловъ доходитъ до того,

что они нанимають актеровъ, актрисъ и музыкантовъ для спектаклей въ своихъ школахъ; они хотять доставить своимъ питомцамъ всѣ удовольствія свѣта, но, разумѣется, подъ надзоромъ достопочтенныхъ отцовъ. Такъ поступаютъ, напримѣръ, іезуиты въ своемъ училищѣ въ Почтовой улицѣ, въ Парижѣ.

Недавно многіе граждане Пуатье получили письмо отъ имени «католическаго собранія въ лицѣ», напечатанное на гласированной бумагѣ, снабженной гербомъ съ лиліями. Письмо имѣло слѣдующее содержаніе:

«М. Г. Соблаговолите почтить вашимъ присутствіемъ драматическій и музыкальный вечеръ, который будетъ устроенъ «католическимъ обществомъ пуатьескаго лица» и почтенъ присутствіемъ монсеньера... и т. д.»

Вечеръ этотъ давался по случаю перваго причащенія многихъ изъ юныхъ учениковъ.

Изъ лицеевъ ученики по большей части переходятъ въ спеціальныя училища, приготовляющія въ высшія военныя и политехническія учебныя заведенія. Здѣсь іезуиты хозяйничаютъ не хуже, какъ въ лицеехъ, и простирають свое вліяніе даже на высшія спеціальныя школы, и ученику, находящемуся подъ ихъ покровительствомъ, легче получить дипломъ, чѣмъ его товарищамъ. Но если такой ученикъ до того тупъ, что ему рѣшительно невозможно получить дипломъ, то молодца берутъ изъ школы, и онъ, стараніями іезуитовъ, получаетъ синекуру, а потомъ, съ ихъ-же содѣйствіемъ, женится на некрасивой, глухой, но богатой дѣвушкѣ.

На медицинскомъ и юридическомъ факультетахъ въ Парижѣ есть нѣсколько студентовъ, явныхъ слугъ іезуитскаго ордена; они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ іезуитской конгрегаціи, которую поддерживаетъ самъ парижскій архіепископъ.

Іезуиты втерлись даже въ искусство. Между французскими художниками и скульпторами есть нѣсколько преданнѣйшихъ слугъ іезуитскаго ордена.

Католическое духовенство, желая забрать въ свои руки городскихъ рабочихъ, стало устраивать такъ называемыя «рабочія общества» и открыло ихъ въ Парижѣ, Лионѣ, Бордо, Лиможѣ и Пуатье. Набожныя рабочіе, подъ предѣдательствомъ аббата или патера, собираются въ какой-нибудь пивной, и тамъ, за кружкой пива, толкуютъ о своихъ дѣлахъ, лучше сказать, говорить одинъ патерьъ, а они слушаютъ. Открытіе этихъ обществъ происходитъ торжественно; на открытіи, какъ, напримѣръ, въ Бордо, кромѣ патеровъ присутствуютъ банкиры, полковники, крупныя собственники. Но, къ великому

сожалѣнію патеровъ, самихъ-то рабочихъ приходитъ очень мало. Однакожь, клерикалы не унываютъ; они надѣются, что и во Франціи, какъ въ Бельгіи, терпѣніемъ и ловкостью имъ удастся привлечь на свою сторону значительное число рабочихъ, тѣмъ болѣе, что вступленіе въ общество стоитъ всего 50 сантимовъ, вносимыхъ по одному су въ недѣлю. Къ тому-же внесенная сумма будетъ приносить доходъ, по расчетамъ патеровъ, не менѣе 50 процентовъ.

Подобнымъ-же образомъ, устраиваются «католическіе военные кружки», съ тою только разницею, что солдаты ничего не платятъ, а имъ-же выдаютъ по сигарѣ въ каждое собраніе кружка. Общественныя учрежденія этихъ кружковъ болѣе всего хлопотали графъ Дама и аббатъ Бауэръ. Нечего и говорить, что кружки эти сильно деморализируютъ армію, такъ какъ солдатамъ проповѣдуется ненависть къ существующему правительству и предлагается защищать права Генриха V или Наполеона III, смотря по тому, кто руководить извѣстнымъ кружкомъ: легитимистъ или бонапартистъ.

X.

Школа—могущественное средство для утвержденія вліянія духовенства на будущее поколѣніе; на настоящее поколѣніе оно дѣйствуетъ благотворительными учрежденіями. Французское католическое духовенство не раздѣляетъ того вульгарнаго убѣжденія, что главная сила въ этомъ свѣтѣ заключается въ богатствѣ. Французское католическое духовенство прекрасно знаетъ, какое значеніе въ современномъ обществѣ имѣютъ дѣти, женщины и, въ особенности, бѣдняки, слабые индивидуально, но сильныя своей огромной численностію, своей коллективностію. Трудно сосчитать тѣ громадныя суммы, которыя богатая Франція тратитъ на бѣдную. Правительство и общины ежегодно расходуютъ на богадѣльни и на денежные выдачи бѣднымъ 200 милліоновъ франковъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи на дѣла благотворенія употреблено болѣе двухъ милліардовъ франковъ,—сумма, болѣе чѣмъ достаточная для уничтоженія нищеты во Франціи, если-бы она была употреблена какъ слѣдуетъ. Во Франціи всего 36,000 общинъ; только въ третьей части ихъ нѣтъ бюро общественной благотворительности; въ остальныхъ-же двухъ третяхъ гражданское общество поручаетъ священнику благотворить бѣднякамъ. Деньги даетъ гражданское общество, но раздастъ ихъ священникъ, и, конечно, получающіе изъ его рукъ благотвореніе считаютъ своимъ благотворителемъ его, а не общество, давшее деньги. Такимъ дешевымъ способомъ духовенство

приобрѣтаетъ популяриность, которою всегда умѣетъ пользоваться. Такимъ-же путемъ расточаютъ благотворенія и женскіе монастыри. Они собираютъ деньги съ богатыхъ и состоятельныхъ свѣтскихъ людей и потомъ раздають ихъ бѣднякамъ отъ своего имени. Разумѣется, не обходится безъ злоупотребленій, и довольно значительная часть денегъ, предназначенная на дѣла благотворенія, не доходитъ по назначенію.

Большимъ вліяніемъ пользуются также сестры милосердія въ госпиталяхъ. Но и туда проникъ клерикальный фанатизмъ. Сестры ходятъ хорошо только за католиками; протестанты-же и евреи нерѣдко терпятъ отъ нихъ оскорбленія, и бѣда иновѣрцу, если ему вздумается умирать въ такомъ госпиталѣ. Къ нему является католическій патеръ и мучаетъ несчастнаго, настаивая, чтобы онъ передъ смертью перешелъ въ истинную католическую церковь.

Впрочемъ, случается, что и свой домъ не спасаетъ отъ вторженія ревностнаго патера. Въ газетахъ разсказываютъ подобный случай въ Бельгій. Нѣкто Альтмейеръ умираетъ. Патеръ провѣдалъ объ этомъ и отправился къ умирающему. Слуга объявилъ ему, что умирающій вовсе не желаетъ его видѣть. Патеръ настаивалъ, ссылаясь на то, что онъ, какъ общественный чиновникъ, желаетъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли справедливо, что Альтмейеръ умираетъ. «Я вошелъ сюда по божьему дѣлу, сказалъ онъ,—и меня отсюда прогонятъ только штыками.» Пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи. «Уважьте свободу жилища!» сказалъ полицейскій комиссаръ, выпроваживая его. «Свобода жилища ничто въ сравненіи съ *моимъ* сознаниемъ!» отвѣчалъ фанатикъ-патеръ.

Во Франціи клерикалы, по иниціативѣ одного профессора права, предлагали даже издать законъ, чтобы ни одинъ умирающій не смѣлъ отказываться принять патера, а родные не смѣли-бы хоронить умершаго безъ соблюденія всѣхъ установленныхъ церемоній по католическому обряду. Но клерикаламъ пока еще не удалось провести этого закона.

Теперь слѣдовало-бы перейти къ партіи легитимистовъ, тѣсно связанной съ клерикалами, но объ этомъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ хроникъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что іезуитизмъ до сихъ поръ еще силенъ и дѣлаетъ столько вреда западной Европѣ, сколько можетъ. Онъ тѣсно соединенъ съ французскимъ клерикализмомъ, мѣшающимъ въ настоящее время Франціи оправиться отъ страшныхъ бѣдствій послѣдней войны и установить твердое и прочное правительство.

ГУМАННЫЯ КАРТИНКИ.

(Уличныя сцены).

I.

Только на копѣйку молока.

Яркое, волнующееся пламя газоваго рожка, отражаясь отъ желтоватой, вонючей глыбы мещерскаго сыра, ярче всего освѣщаетъ два предмета; оба эти предмета одинаково лоснятся, оба они покрыты какою-то проступившею на ихъ поверхности влажностью и оба они, почти одновременно, бросаются въ глаза каждому посетителю, которому привела судьба зачѣмъ-либо спуститься внизъ, по этимъ мокрымъ четыремъ ступенькамъ и отворить дребезжащую дверь, до половины деревянную, до половины стеклянную, залѣпленную сахарною бумагою и обрывками газетныхъ листовъ. Эти предметы были:—большой кусокъ, фунтовъ двадцать, просоленной рыбы, распластанной на двое и зяющей своею красно-желтою внутренностью, и лысая голова самого хозяина, Емельяна Иваныча.

— Наливать еще, что-ли? спрашиваетъ голосъ изъ за ящичковъ съ мармеладомъ.

— Пожалуй, что-то того, послѣ постной-то пищи...

— Внутрь жжетъ.

Изъ за ящичковъ высовывается рука въ засаленномъ субонномъ рукавѣ; рука эта подпихиваетъ стаканъ, налитый до краевъ желтоватымъ кипяткомъ, въ стаканѣ плаваетъ кружочекъ лимона, надъ стаканомъ клубится паръ.

— Газету зальешь!—говорить Емельянъ Иванычъ и тянетъ къ себѣ листокъ «Новостей», отъ которыхъ оторванъ уже порядочный уголъ для какой-то надобности.

— Сельдерею на три и двѣ свѣчки — десять копѣекъ... щелкаютъ за ящичками невидимые счеты.

— Госпожа Аде—де... дай-ка сахару.

— Чего-сь?

— Сахару дай... Аде... лпна Пати... читаетъ Емельянъ Иванычъ,—на будущей недѣлѣ, дебютируетъ въ балетѣ... Слышь, Вася, значить, стоя на лошади.

— Черезъ обручи, аль такъ?

— Скрозь бумагу.

— Вишь ты;—это я видалъ.

— Въ балетѣ, продолжаетъ чтеніе Емельянъ Иванычъ, води подъ строкою пальцемъ,—Конекъ Горбунекъ.

— «Версть сто тысячъ отмахалъ и нигдѣ не отдыхалъ», цитируетъ голосъ за ящиками.

— Въ роли Хлестакова... Точка, кончаетъ чтеніе хозяйннъ.—Ну и пуцай ее въ чемъ хошь дебашируетъ. Вамъ чего-сь?

Визгъ дверного блока и ворвавшійся съ улицы грохотъ экипажа заглушаютъ слова вошедшей.

Женщина маленькая, худенькая, изъ лица, что называется, такъ себѣ, въ сѣрой юпкѣ, въ черномъ платкѣ, накинутомъ на голову, стоитъ посреди лавки и протягиваетъ чайную чашку, надколотую съ одного бока.

— Чего-сь?—повторяетъ вопросъ Емельянъ Иванычъ.

— Молока на копѣйку... тихо говоритъ вошедшая и кладетъ на прилавокъ мѣдную монету.

— Что много такъ?.. улыбается изъ за ящиковъ Вася.

— Да вамъ-то что?

— Нѣтъ, это онъ по той причинѣ, говоритъ Емельянъ Иванычъ,—что неровно облоцается, а съ молока какъ-бы животъ не раздуло.

Женщина молча ставитъ чашку и ждетъ, косясь на бочку съ сельдями.

— Поди, Вася, плесни ей что требуется.—Губонинъ въ Амстердамѣ... погружается снова въ чтеніе Емельянъ Иванычъ.

— Для кошки, надо полагать, рѣшаетъ Вася, наливая въ принесенную чашку изъ жестяной фляги.

— Миѣ безъ подболтки... говоритъ женщина и, прихвативъ обѣими руками посудину, направляется къ двери.

— Рубцы почему? вваливается въ лавочку спній пзвощичій армякъ совмѣстно съ новымъ нагольнымъ полусубкомъ.

— Дяденька, марку городскую надо, приподнимается на цыпочки мальчуганъ, завернутый въ большой кибѣтчатый платокъ.

Несмотря на то, что давно уже былъ вечеръ, въ маленькой комнаткѣ, перегороженной большимъ платянымъ шкапомъ, не зажжено ни лампы, ни свѣчки, короче, никакого свѣтильнаго прибора; не зажжено было, во первыхъ, потому, что зажигать было нечего, а во вторыхъ,—и такъ было свѣтло отъ газоваго уличнаго фонаря, стоящаго черезъ улицу, какъ разъ напротивъ единственнаго окна комнаты.

Конечно, надо было приглядѣться сначала хорошенько, чтобы довольствоваться этимъ даровымъ освѣщеніемъ, а пока наблюдатель ничего не могъ видѣть, кромѣ какихъ-то неясныхъ, угловатыхъ контуровъ и темныхъ линий оконнаго переплета, рѣзко выдѣлявшихся на красноватомъ, мигающемъ свѣтѣ уличнаго фонаря.

Только одно живое существо находилось пока въ этой комнатѣ и давало о себѣ знать постояннымъ жалобнымъ плачемъ, прерывавшимся на минуту и раздражавшимся съ новою силою. Это былъ крошечный, сморщенный годовою ребенкомъ, завернутый въ ватное стеганое одѣяло.

Въ комнатѣ было очень холодно, потому что и на дворѣ было очень холодно; на стеклахъ рисовались красивые ледяные разводы и въ наружныхъ углахъ серебрились синѣжные палеты, застилая обойные узоры.

Круглая печь, стоявшая у самой почти двери, давно уже не топилась; не топилась потому....

— Иду, иду, моя цыпочка, иду, говорилъ продрогшій голосъ за дверь; ключъ прыгалъ и скрипѣлъ по замку, никакъ не попадая въ скважину.

Ребенокъ затихъ на минуту.

Въ комнату проскользнула темная фигура, быстро направилась въ уголъ, откуда слышался дѣтскій плачь и прижала къ груди всхлипывающій свертокъ.

— Ну, перестань, моя крошечка, ну, перестань-же; вотъ я и пришла; кушать принесла... ну, на... или постой, я погрѣю.

Она принялась дышать въ чашку, грѣя ее въ тоже время между ладонями. Ребенокъ опять принялся орать, сначала громко, потомъ все тише и тише, и, наконецъ, замолчалъ совсѣмъ.

— Господи, да что-же это съ нею, прошептала женщина и поднесла ребенка къ окну, стараясь разглядѣть его личико.

Должно быть, ничего утѣшительнаго не вынесла она изъ этого осмотра, потому что и сама начала всхлипывать, присѣвъ на подоконникъ и прижавшись лицомъ къ ребенку.

— А что, можно взойти? толкнулся кто-то, трогая дверную ручку.

Женщина вздрогнула и подняла голову.

— Ты, Маша, дома?..—дверь начала отворяться.

— Голубчикъ мой!.. зарыдала женщина и бросилась на шею еѣ вошедшему.

— Ну, ну—не волнуйся, что это, какъ темно?.. ну, сядь. Я, видишь, за дѣломъ.—Да ну, успокойся; — лампу зажги; или постой (гость, вѣроятно, догадался о причинѣ темноты), вотъ на, пошли за свѣчами,—онъ сунулъ въ руки женщины бумажку.—Ну, а наша-то, что, здорова?

Гость положилъ руку на свертокъ одѣила,—тамъ опять послышался пискъ.

— Ишь ты, плутовка, узнала папу, голосъ подаетъ—узнала? Ну, дай-ка я ее покачаю пока.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнаткѣ было значительно свѣтлѣе: къ свѣту газоваго дароваго фонаря прибавился еще свѣтъ стеариновой свѣчки, направленной въ пивную бутылку.

Или комната была уже очень мала, или-же гость былъ чѣмъ-то въ родѣ голиафа: почти половину свободного пространства занимала массивная фигура въ шубѣ, усѣвшись на единственномъ стулѣ.

— Давно-бы пора... шутка-ли? говорила женщина, съ укоромъ глядя на гиганта.—Я писала, писала...

— Ну, я-же приѣхалъ... гость зѣвнулъ.

— А сколько прошло. Хоть-бы денегъ прислалъ: топить нечѣмъ. Ёсть нечего, все, что только можно было, давно заложено, ты пойми: ёсть нечего, — это не фраза.. я голодна совсѣмъ!... Докторъ тутъ зашелъ случайно...

— Гм, случайно.

— Говорить: ребенокъ умереть (она понизила голосъ)—умереть отъ голода... сыро такъ, говорить, грибы.

Гигантъ промычалъ: грибы, протянулъ руку, потрогалъ стѣну, и началъ что-то соображать.

— Вотъ, видишь, я за дѣломъ... Помнишь? началъ онъ.

— А ты словно пропалъ, ни слуху, ни духу, продолжаетъ женщина.

— Нельзя, ты сама знаешь; жена не равно узнаетъ, что хорошаго... Гость жалостно взглянулъ изъ-за мѣховаго воротника.

— Объ этомъ надо было прежде думать, сухо возразила та.

— Кто не увлекался...

— Въ сорокъ-то лѣтъ...

— Ну, ужь и сорокъ... Такъ вотъ я опять...

— Говори...

— Ты, Маша, не сердись... Помнишь, я какъ-то, конечно, это было давно, далъ тебѣ бумагу одну...

— Вексель-то?

— Ну да... Такъ ты вотъ одолжи мнѣ его на минутку...

Женщина недовѣрчиво на него взглянула.

— Ты не думай чего нибудь... Я для твоей-же пользы. Ты вѣдь въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаешь...

— Я все понимаю... не дамъ.

— Маша?

— Эта бумага, я давно перестала быть душой, эта бумага... только и придерживаетъ тебя, иначе ты давно-бы плюнулъ и ногой растеръ.

— Ну вотъ и неправда. Эхъ, Маша, Маша! обидѣла ты меня, ужъ какъ обидѣла — смотри...

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, развернулъ его, блеснулъ цвѣтными бумажками, положилъ на столъ и накрылъ рукою.

— Видала?.. Я давно хотѣлъ расквитаться. Но я человѣкъ акуратный, я люблю все дѣлать въ порядкѣ...

— Мнѣ и вѣрить-то хочется, и тебя-то я знаю хорошо...

— Фу, какая ты странная... Я возьму вексель, отмѣчу, что, молъ, столько-то въ счетъ уплачено, ты роспишешься, а остальное послѣ, въ самомъ скоромъ времени. Вексель съ отмѣткой опять будетъ у тебя; ну, ты поняла?..

Женщина подошла къ комоду, отодвинула верхній ящикъ и стала рыться. Гость даже со стула приподнялся и, весь обратившись во вниманіе, заглядывалъ черезъ плечо.

Ребенокъ пискнулъ и застоналъ. Мать бросилась къ нему, оставивъ ящикъ не задвинутымъ. Вдругъ послышался странный звукъ, словно рвутъ что-то бумажное.

— А, что ты дѣлаешь?.. Что ты?..

Объими руками, зубами, словно волкъ пойманнаго ягненка, тербилъ голиафъ продолговатый лоскутъ исписанной бумаги.

— Подлецъ!..

— Погоди, погоди, я сейчасъ...

Словно снѣжинки въ четвертомъ актѣ „Жизнь за Царя“ сыпались мелко, мелко изорванные клочки бумаги на полъ, цѣплялись въ длинныхъ бакенбардахъ, висли на густомъ мѣху хорьковой шубы.

— Ну, ты отсюда не уйдешь! почти зарычала женщина и загородила дверь.

— Ну, пусти, не дури.. ну, чего ужъ тутъ, да пусти-же!..

Завязалась борьба: что-то крошечное извивалось и копошилось, цѣпляясь за массивную тушу, пытавшуюся оторвать двѣ худыя, словно восковыя руки отъ дверной ручки.

— Да ну-же... смотри ушибу!..

— Ну, убей! убей... А?!

Страшное, удушливое хрипѣніе послышалось въ углу, гдѣ лежалъ ребенокъ.

— Фу!.. отдувался гость, прорвавшись, наконецъ, въ дверь и быстро шагая черезъ сѣни...

Лежа ничкомъ поперегъ кровати, схвативъ руками крошечное, безжизненное тѣлцо, холодѣвшее съ каждою секундою, глухо рыдала женщина, и судорожно вздрагивали подъ платкомъ ея узкія, худыя лопатки.

Холодомъ вѣяло отъ окна, однообразно монотонно падала гдѣ-то дождевая капля, ударяясь въ желѣзный листъ карниза, что-то царапалось и пищало въ темнотѣ, подъ комодомъ.

— Здѣсь живеть?..

Въ бархатномъ бурнусѣ, въ высокой, какъ-то особенно хитро украшенной шляпѣ, подобравъ рукою шлейфъ платья, вошла дама, остановилась и начала всматриваться.

— Что вамъ угодно?.. женщина приподнялась и обернулась.

— Я жена господина Сѣнцо.

Широко, изумленно раскрылись глаза хозяйки, она стала на ноги.

— Вотъ письмо отъ мужа... Онъ, между прочимъ, просилъ меня передать вамъ... что вы такъ страшно смотрите? успокойтесь, я не изъ дугливыхъ...

Два глаза-угли сверкали въ темнотѣ; пальцы хозяйки складывались крючьями, какъ лапы хищной птицы, когда та собирается ринуться на зазѣвавшагося цыпленка.

— Мой мужъ просилъ передать вамъ разъ на всегда: во-первыхъ, что онъ во всемъ мнѣ признался,—во всемъ, слышите-ли? а во-вторыхъ, что онъ прекращаетъ съ вами всякое сношеніе, тѣмъ болѣе, что единственная связь устранена...

Ей не пришлось кончить. Стулъ съ продавленнымъ сидѣньемъ взвился надъ ея головой.

— Караулъ! завизжала дама и бросилась къ дверямъ.

— Разшибу!.. визжала преслѣдовательница...

— Извощикъ!.. томно стонала пострадавшая, выходя изъ подъ воротъ, съ совершенно растрепанными чувствами и свалившимся набокъ головнымъ уборомъ.

— Ты, Петя, съ права заходи,—я забѣгу слѣва, говоритъ одно драповое пальто другому.

Маневръ удается, какъ нельзя лучше: дама совершенно стиснута съ обѣихъ сторонъ.

— А это видали?..

Оба ловеласа чувствуютъ, какъ ихъ воротники встряхнула чья-то могучая рука.

- Ммм...стивой государь!.. Мы... мы... мы...
  - Ну что, все прошло благополучно:— сообщила?..
  - Сообщила, вздыхаетъ дама и виснетъ на локтѣ своего мужа.
  - Ну, тряхонулъ! говорить пальто.
  - Нѣтъ, меня ничего, бодрится другое.
  - Ну, не ври.
  - Смотри по той сторонѣ Пашка съ Дунькой дуютъ... Ату ихъ!..
- Оба пальто въ припрыжку перебѣгаютъ улицу.

Кудая чуйка съ шарманкой, кларнетистъ въ смятомъ цилиндрѣ и длиннополой шинели, треугольникъ въ ситцевой, захлестанной юпченкѣ останавливаются передъ дверью питейнаго съ надписью: „Биргале—заходи почаще“.

„Знають турки насъ и шведы“,

завываетъ тріо.

— Ну, и пушай ихъ знаютъ... резонно замѣчаетъ подгулявшій полусубокъ, балансируя какъ разъ посреди улицы.

II.

На перекресткѣ.

Надъ городомъ стоитъ густой туманъ.

Длинные ряды освѣщенныхъ оконъ едва указываютъ направленіе улицъ. Колеблется пламя фонарей, чуть освѣщая верхушки проходящихъ цилиндровъ, приподнятые воротники, звѣздообразные круги раскрытыхъ зонтиковъ. Яркія арки магазинныхъ оконъ поминутно застилаются двигающимися тѣнями, а выше всего, какъ одинокій огненный глазъ, мигаетъ сквозь туманъ свѣтлый циферблатъ адмиралтейства.

Весь туманъ наполненъ звуками: говоръ идущихъ по тротуарамъ, звонъ магазинныхъ дверей, крики кучеровъ и глухой грохотъ безчисленныхъ экипажныхъ колесъ по мокрой, заиндевѣвшей торцовкѣ.

Какая-то барыня съ зонтикомъ, съ сумочкой въ рукахъ, мечется посреди улицы, какъ-разъ на перекресткѣ. Она ничего уже не видитъ, она ничего не понимаетъ, она не кричитъ, потому-что страхъ отнял у ней голосъ; она беспомощно простираетъ руки, она даже присѣла немного, какъ-разъ на рельсы желѣзно-конной дороги; — она совсѣмъ растерялась.

- Берегись!.. реветъ голосъ въ туманѣ.
- Берегись, эй! завываетъ съ другой стороны.
- Беррррегись!.. рычитъ сзади.

Тутъ, прямо надъ головою, нависло дышло, храпятъ конскія головы, сверкають, словно глаза чудовища, рефлекторы каретныхъ фонарей, надъ самымъ ухомъ звякають пѣвныя удилла... Батюшки! уже давятъ.

— Карауль!

Широкоплечая, дюжая фигура городского показывается рядомъ съ оторопѣлой барыней.

— Отець родной!

— Пожалуйте-съ, извольте опереться.

„Динь-динь, динь-динь“ очищаетъ дорогу звонокъ желѣзно-коннаго вагона.

— Проѣзжай, что-ли!.. извоцникъ, проѣзжай!.. лѣшій, чортъ, дьяволь!.. Ахъ ты Господи!

— Въ маринскій... басить съ панели бобровая шинель.

— Два другривенныхъ...

— Убирайся къ...

На самомъ заворотѣ рухнула на бокъ поскользнувшаяся лошадь, мотнула раза два головой и лежитъ: распрягайте, молю, люди добрые, а то ни за что не встану. Мало-по-малу, накаплиются лебопытные, растутъ толпа.

— Что тамъ?

— Что случилось?

— Посольство какое-то проѣхало... сообщаетъ кто-то.

— Ребенка раздавили.

— Особенно хорошо выходитъ у ней это мѣсто, помните: t'амо, t'амо, шю саго... говорить, прижавшись въ уголь кареты, господинъ съ бакенбардами-котлетами своей дамѣ, отгнупшейся въ другой уголь экипажа.

— Слишкомъ мало этого пыла... этого... de passion.

— Ну какъ-же мало? она и руками и даже эдакъ, все какъ слѣдуетъ.

Карета сворачиваетъ въ Морскую и скрывается въ туманѣ. Несется пара сѣрыхъ.

— Легче! внушаетъ городской и, на всякій случай, сторожится.

— Мнѣ нравится больше Николпни, когда онъ въ этомъ костюмѣ, что кажется, какъ-будто совсѣмъ безъ костюма... Наклоняется къ старичку со звѣздой громадный рыжій шиньонъ съ запахомъ „фіалокъ“.

— Э... гемъ... соглашается тотъ и лѣзетъ въ муфту къ своей спутницѣ.

— Леденцы захватила съ собою? спрашиваетъ купое пальто, прихватывая за талию порывѣлый бархатный бурнусикъ.

— Какія узкія дрожки попалсь... держи крѣпче.

— О, Margueritta!.. цѣднѣть сквозь зубы красное кэпи, засунувъ руки въ карманы пальто и сядя самоварчикомъ на эгоисточкѣ, величиною не больше, какъ хорошій портсигарь.

— C'est le premier sarabinier... напѣваетъ голубая фуражка и обгоняетъ красную; раскланиваются оба и заглядываютъ въ стекла кареты. Рыжій шиньонъ улыбается украдкой отъ своего старичка и даже высовываетъ кончикъ языка.

— Опять опоздали... каждый разъ такъ, слышится въ извозничьей каретѣ;—говорилъ, надо раньше одѣваться; моется, трется, плещется, сюда подвизываетъ, сюда подкладываетъ, туда подсовываетъ—тъ фу!

— Молчи.

— Чего молчи; понятно, безъ перваго акта и останемся.

— Молчи.

— А уже объ увертюрѣ—и не думай.

— Молчи.

— Незачѣмъ было абонироваться... четыреста рублей!

— Бинобль позабылъ, розиня, ворчитъ женскій голосъ въ другой, тоже извозничьей каретѣ.

— Извозчикъ, да поѣзжай шпбче, не съ молокомъ...

— Чаго шибче, ѣзда настоящая, на весь двугривенный.

Карета за каретою, дрожки за дрожками, все сворачиваетъ въ Морскую, несется, обгоняетъ другъ друга; только и слышно: правѣй держи, эй! Половина восьмого, пора... Не даромъ любятъ такъ наши туманы итальянскіе соловьи... Сыро, холодно—не бѣда!.. Соболь прикроетъ дорогое горлышко, и никакіе морозы не страшны. Да и какъ ни прилетать къ намъ этимъ птичкамъ, когда всѣ, отъ мала до велика, ждуть ихъ, какъ манну небесную. Репертуаръ и составъ труппы прочитывается съ лихорадочнымъ жаромъ, какъ не прочитывались даже на парижскихъ бульварахъ мнимые побѣдныя бюллетени, какъ не прочитывались четыре раза въ годъ листки тиража выигрышей... Въ кассу и не суйся, билетовъ не существуетъ; абонементъ передается только по строгимъ правамъ наслѣдства.

А еще говорятъ, что наша сѣверная, полумедвѣжья раса не чутко отзывается звукамъ аполоновой лиры. Божественная музыка, неземные напѣвы! для того, чтобы услышать васъ, не жалѣютъ ничего; даются вексели, въ которыхъ, съ геройствомъ, достойнымъ лучшей участи, подписываютъ втрое, вчетверо противъ полученнаго, закладываются самыя дорогіе предметы; не платятся вовсе долги портнымъ, сапожникамъ etc... отказываютъ себѣ... нѣтъ, нѣтъ, положимъ, что ни въ чемъ не отказываютъ; зачѣмъ,

когда можно другимъ путемъ... и все для васъ, пѣвцы страны, гдѣ зрѣютъ апельсинны...

— И не для нихъ; музыка тутъ вовсе непричемъ, язвительно говоритъ мнѣ мой пріятель, Вася Мефистофельевъ, и добавляетъ: „зайдемъ-ка къ Вольфу, у него заново весь низъ отдѣлали; такіе гипсовые медальоны на стѣнахъ повѣсили: дичь и рыба, дичь и рыба.

— Я, братъ, уже закусилъ въ Маломъ Яр...

— Тс! не заикайся.

Улучили мы моментъ, когда экипажей не такъ уже много было, и ринулись съ тротуара въ объятія тумана.

Сорокъ градусовъ жара, пары и пыль, скопившіеся подъ росписаннымъ амурами и музами потолкомъ, стоятъ туманомъ. Сотни носовъ усиленно сопятъ и отдуваются. Все тискается и жметъ къ переднему барьеру. Счастливые обладатели передней лавки давно уже перестали огрызаться и протестовать, они успѣли привыкнуть къ ощущенію чужихъ колѣней у себя на затылкахъ, чужого, горячаго, не всегда ароматичнаго дыханія какъ разъ надъ своими ушами.

— Только шиньонъ, только шиньонъ ради создателя!.. вздыхаетъ какая-то полная, декольтированная дама, примирилась уже съ тѣмъ обстоятельствомъ, что лакированные носки чужихъ сапогъ стискиваютъ съ боковъ ея округленные формы.

— Какъ думаешь—собственныя? шепчетъ на ухо сосѣду господинъ преклоннаго возраста.

— Турниоръ, положительно утверждаетъ сосѣдъ.

— Ну, вотъ?..

— Осязай, коли не вѣришь...

— Лимонаду кто спрашивалъ? нависаютъ сверху руки въ ливрейномъ обшлагѣ съ стаканомъ на подносѣ...

— То-есть рѣшительно ничего не вижу, жалуется голосъ далеко гдѣ-то сзади...—Тянулся, тянулся, даже уголка оркестра не видно... Господа, кто это поетъ?..

Снизу несутся восхитительныя рулады...

— Силь нѣтъ—какая жара!.. Мнѣ просто дурно!..

— И это вотъ самое мѣсто я приобрѣлъ уже изъ четвертыхъ рукъ; вотъ теперь поочередно съ женою и ходимъ.

— И что *они* тамъ забились въ глубинѣ; выходили-бы пѣть къ самой рампѣ.

— Вижу, вижу!..

— Гдѣ?!

— Вотъ смотрите, какъ разъ между гребенкой вонъ той дамы, что въ голубомъ, и подъ локтемъ ея сосѣда; видите, бѣдѣется что-то...

— Шлейфъ и желтый сапогъ со шпорою.

— Вонъ еще чья-то нога видна.

— Это Котони.

Господинъ, подъ чьимъ локтемъ дѣлались наблюденія, мѣняетъ позу: теперь уже ничего не видно.

— Не могутъ пяти минутъ посидѣть покойно, ворчатъ наблюдатели.

Раздаются оглушительные аплодисменты и вопли,—это спѣшить съ переднихъ мѣстъ продраться сквозь толпу, къ выходу,—другие черезъ скамьи шагаютъ на свободныя мѣста у барьера, чтобы полюбоваться хотя вызовомъ артистовъ; для многихъ это только единственный случай видѣть пріѣзжихъ пѣвцовъ.

Въ одной изъ ложъ среднихъ ярусовъ—сидятъ въ строгомъ порядкѣ: у барьера двѣ дѣвицы съ афишами, за ними двѣ пожилыя дамы съ биноклями, сзади всѣхъ солидный господинъ административной наружности, у дверей стоитъ какой-то мундиръ изъ скромныхъ...

Мундиръ, поднимаясь на цыпочки, пытается смотрѣть на сцену,—солидный господинъ клюетъ носомъ, дамы наклонились близко другъ къ другу и шепчутся, дѣвицы рожутся въ жестянкѣ съ монпансье.

— Сама видѣла, сама видѣла, сама видѣла, все громче и громче заявляетъ одна изъ дамъ..

— Оптический обманъ... пожимаетъ плечами другая.

— А калоши съ прорѣзами—тоже оптический обманъ.

— Тс!—приглашаютъ къ молчанію изъ сосѣдней ложи.

Дама усиленно двигаетъ стуломъ.

— Тс!—слышится съ другой стороны.

Солидный господинъ прсыпается, грозно взглядываетъ въ обѣ стороны и поправляетъ рукою что-то на шеѣ — дамы начинаютъ говорить громче, очевидно, на зло *невъжамъ*.

Въ другой изъ ложъ всѣ заняты наблюденіемъ надъ большимъ листомъ бенефисной афиши, сорвавшейся откуда-то съ высоты;

бумажный листъ дѣлаетъ въ воздухѣ самыя причудливыя зигзаги, мелькая крупными буквами заголовка.

— Задѣлъ за кенкетъ!

— Сорвался!.. опять повисъ!

— Какъ его на середину отнесло!..

— Дверь, вѣрно, отперли въ какой-нибудь ложѣ, ну вѣтромъ изъ корридора...

— Упалъ...

Афиша падаетъ прямо на голову дремавшаго господина въ креслахъ; тотъ вздрагиваетъ, высвобождаетъ свою голову изъ-подъ листа, разворачиваетъ его и читаетъ. Въ ложѣ наблюдателей раздается дружное фырканье...

— Тс!.. съ одной стороны.

— Тс! съ другой.

Фырканье успливается.

Массы удивительнѣйшихъ волосъ на головахъ особъ женскаго пола, отсутствіе таковыхъ на головахъ мужчинъ, блескъ брилліантовъ, матовая бѣлизна пудры, захватывающія духъ декольте, а ниже ряды лысинъ и какихъ разнообразныхъ!.. лысины во всю голову, полу-лысины, лысины звѣздой, лысины полумѣсяцемъ, лысины-кармелитъ etc. etc. etc...

Если-бы можно было провести въ воздухѣ линіи, указывающія направленія осей зрѣнія биноклей, — то какая-бы хитрая, перепутанная цѣпь образовалась между ложами и партеромъ, и какъ-бы ничтожны показались тѣ немногіе лучи, направленные на сцену.

Занавѣсъ медленно ползетъ внизъ; въ оркестрѣ слышны заключительныя акорды... Пѣвцы созерцаютъ только спины, спины и спины. Большая часть партерной публики неподвижно столпилась въ среднемъ проходѣ: ни назадъ, ни впередъ! У рампы собирается жиденькая толпа... Нѣсколько различныхъ партій сразу даютъ о себѣ знать: всѣ горловые средства пускаются въ ходъ для этой блистательной борьбы; швы перчатокъ лопаются отъ треска аплодисментовъ.

Изъ-за боковой кулисы выходитъ бархатная епанча; она усиленно волочитъ за руку черный плащъ съ капишономъ; черный плащъ въ свою очередь тащитъ розовый шлейфъ; тотъ — другой шлейфъ покороче; послѣднее вытаскиваютъ какое-то сѣренькое трико.

Громъ, гулъ, трескъ и вопли усиливаются, потомъ стихаютъ. Со

сцены несутся воздушные поцѣлуи и граціозныя поклоны, занавѣсъ опускается... Наступаетъ тишина, движеніе къ выходу оживляется.

— Давайте еще!

— Ну, надоѣло!

Послышался отдѣльный крикъ — еще, еще... Буря разражается. Изъ-за кулисы опять тянется та-же процессія; теперь только прихватили съ собою еще желтую куртку.

Приставивъ руки ко рту рупоромъ, весь красный, съ вздутыми, напряженными отъ крика жилами на лбу, совсѣмъ перевалился черезъ барьеръ какой-то господинъ съ черными бакенбардами, одѣтый во фракъ работы „Тедеско“.

Хриплый голосъ, задыхаясь, какъ-то залпами покрываетъ все.

— Ниль-сонъ! Ниль-сонъ!.. Ниль-сонъ!

— Давайте перекричимъ, подбиваетъ молодой мундиръ.

— Ну, господа не отставать!

И пошла баталія.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДѢЛО», въ С.-Петербургъ,
уголь Надеждинской ул. и Манежнаго пер., д. № 39/5.)

Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДѢЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третьему выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной, какъ приложеніе къ 3-му выпуску, редакція нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка безплатно, а иногороднихъ, желающихъ получить ее, просятъ выслать 50 к. на пересылку, изъ какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакціи журнала „ДѢЛО“:

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

УРОКИ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ФИЗИОЛОГИИ, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНИИ. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. ли-

ствоѡ. Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта.

Комедія всемірной исторіи, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія **Ө. М. Толстаго.** Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

О Питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, сочиненіе доктора Жюль Сира, перев. съ франц. подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

О ПОДПИСКѢ

НА ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

въ 1873 году.

„Сынъ Отечества“ въ 1873 году будетъ издаваться ежедневно, какъ и въ нынѣшнемъ, листами большого формата; воскресный-же № остается прежняго формата и будетъ состоять изъ двухъ листовъ съ приложеніями и каррикатурами.

ПРОГРАММА:

1) *Внутренній отдѣлъ*: передовая статья по одному изъ современныхъ вопросовъ.—Толки нашихъ газетъ.—Правительственныя распоряженія вообще.—Главнѣйшія производства.—Судебный отдѣлъ.—Отчеты земства.—Народное образованіе.—Желѣзно-дорожное дѣло.—Дѣятельность акціонерныхъ обществъ.—Отчеты техническихъ обществъ.—Промышленность и торговля.—Петербургская лѣтопись.—Внутреннія (областныя) извѣстія.—Петербургскій листокъ.—Провинціальная лѣтопись.—Корреспонденціи.—Разныя извѣстія.

Внѣшній отдѣлъ: Политическое обозрѣніе.—Политическія извѣстія по государствамъ.—Мелкія политическія извѣстія.—Телеграммы.—Иностранная (не политическая) хроника.

3) Статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, художествъ и ремесль.

4) Критика, журналистика, бібліографія.

5) *Беллетристическій отдѣлъ*: Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. д.

6) Театральныя и музыкальныя извѣстія и общественныя увеселенія.

7) Биржевыя и торговые извѣстія и курсы.

8) Смѣсь, зрѣлища, желѣзныя дороги.

9) Приложенія и каррикатуры.

10) Объявленія внутри газеты и въ приложеніяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ:

Съ дост. въ Петерб. по город. почтѣ.

На годъ . . . 7 руб.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ:

Съ пересылкою.

На годъ . . . 8 руб.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ „Сынъ Отечества“, находящейся въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, въ домѣ Мѣдниковой, № 66, квар. № 5, куда гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія.

Редакція покорнѣйше проситъ при подпискѣ присылать деньги кредитными билетами новаго образца.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1873 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходить 4 раза въ недѣлю безъ предварительной цензуры, листами большого формата.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Со времени перехода „Петербургской Газеты“ подъ новую редакцію прошло уже болѣе года. Главною цѣлью новой редакціи было преобразовать газету въ такой органъ, который, при честномъ направленіи, удовлетворялъ-бы разнообразіемъ своей программы возможно большому кругу читателей. Въ этихъ видахъ, редакція въ каждомъ номерѣ старалась помѣщать руководящую статью по какому-либо вопросу, затрогивающему въ извѣстный моментъ общественное вниманіе, фельетонъ для легкаго чтенія, разнообразные новости и слухи, почерпаемые изъ первыхъ источниковъ; собственныя корреспонденціи изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ; политическія извѣстія, петербургскіе отголоски (отдѣлъ собственно для столичной жизни въ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ), театральное эхо и, наконецъ, введена несуществующая въ другихъ русскихъ политическихъ газетахъ постоянная рубрика «летучихъ замѣтокъ», въ которой печатаются сатирическія сцены, остро-ты, каламбуры, эпиграммы и т. п. Такимъ образомъ, каждый номеръ „Петербургской газеты“ представляетъ, по мнѣнію редакціи, разнообразнѣйшее, живое и занимательное для обширнаго круга читателей чтеніе—отъ серьезныхъ передовыхъ статей по общественнымъ и государственнымъ вопросамъ до ѣдкой сатиры и вселаго каламбура.

ЦѢНА „ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ“:

	Съ пер. въ го- рода:	Съ дост. въ Петербургѣ:	Безъ достав- ки:
На годъ . . .	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. — к.
На полгода . .	4 „ 50 „	3 „ 75 „	3 „ — „
На три мѣсяца.	2 „ 50 „	2 „ — „	1 „ 50 „

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи «Петербургской газеты», на Невскомъ просп., надъ Милютиными лавками, д. Лѣсниковъ.

Редакторъ-издатель С. Н. Худецовъ.

ОБЪ ОТКРЫТИИ ПОДПИСКИ

на 1873 годъ.

„НИВА“

ГОДЪ IV

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія „НИВА“ выходитъ, какъ и въ прошедшіе *три* года, еженедѣльными нумерами въ два листа съ 2—8 картинами, и ежемѣсячнымъ *даровымъ приложеніемъ*, подъ заглавіемъ „Парижскія моды“, съ 12—16 модными картинами. Всѣ члены семьи, какъ родители, такъ и дѣти, найдутъ въ „Нивѣ“ насущныя, многостороннія свѣденія при занимательномъ чтеніи. Такъ какъ семья, составляя краеугольный камень въ основаніи человѣческаго бытія, въ то-же время служитъ высшимъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ нравственнаго начала, то и „Нива“, въ качествѣ журнала для семейнаго чтенія, будетъ помѣщать на столбахъ своихъ лишь такія повѣсти и статьи, которыя вполнѣ проникнуты этимъ духомъ. Главнымъ-же содержаніемъ нашего журнала по прежнему будетъ русская жизнь и ея исторія, очерки различныхъ русскихъ народностей и картины ихъ быта, описанія и изображенія русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣст-

ностей, и проч. статьи, содѣйствующія распространенію любви къ отечествовѣденію.

ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ СОСТАВЛЯЕТЪ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ.

Программа. 1. Оригинальные повѣсти и рассказы, стихотворенія; повѣсти и рассказы переводные.—2. Біографіи замѣчательныхъ дѣятелей.—3. Описанія замѣчательныхъ историческихъ событій и эпизодовъ.—4. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки древнихъ и новыхъ народовъ.—5. Путешествія.—6. Новѣйшіе успѣхи естествовѣденія; картины животной и растительной жизни.—7. Статьи, относящіяся до народнаго здравія, общественной и домашней гигиены.—8. Очерки изъ міра юридическаго; замѣчательные процессы; судебная хроника.—9. Внутреннее обозрѣніе.—10. Еженедѣльное политическое обозрѣніе.—11. Фельетонъ.—12. Библіографія.—13. Новѣйшія парижскія моды съ гравюрами и текстомъ.—14. Смѣсь, извѣстія о новѣйшихъ открытыхъ изобрѣтеніяхъ, анекдоты и частныя объявленія.—15. Тиражъ выигрышей внутренняго займа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.
„ „ „ „ „ Москвѣ	4 „ 50 к.
Съ доставк. и перес. въ С.-Петербургѣ	5 р.
„ „ „ „ „ Москвѣ	5 „ 50 к. *)

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ Редакціи: на Большой Морской, домъ Россмана.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, или А. Лангъ, на Кузнецкомъ мосту.

Покорнѣйше просимъ Гг. иногородныхъ подписчиковъ по возможности обращаться прямо въ Редакцію „Нивы“ и поспѣшать съ доставленіемъ своихъ заявленій о годовой подпискѣ, ибо заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ много времени.

Также находятся въ Конторѣ Редакціи „Нивы“ за вышеозначенную цѣну брошюрованные экземпляры „Нивы“ за 1870, 1871 и 1872 годъ.

С.-Петербургъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки, свыше 5 руб., назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми марками въ 10 коп. и меньше.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ НА

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrierte Zeitung“, „Illustration“, и „Monde illustré“, „Univers illustré“.

Съ 1-го января 1873 г. Журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ 5 годъ (т. е. Тома IX и X) своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнему со стороны издателя заботливостью о внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «Всемирная Иллюстрація» выходитъ еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ 16 страницъ, изъ которыхъ половина наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Программа Всемирной Иллюстраціи:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись. — III. Изящная словесность. Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. Науки и искусства. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — V. Прикладныя науки и промышленность. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч. — VI. Критика и библиографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — VII. Театральнй и музыкальнй обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображаю-

щіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ.—VIII. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученныя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. Юмористическій листокъ. Карикатуры.—XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы и т. п.—XII. Частныя объявленія.

Съ 1-го января 1873 г. въ журналѣ „Всемирная Иллюстрація“ начнеть печататься *русскій историческій романъ* Нестора Кукольника:

ІОАННЪ III, собиратель земли русской.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	12 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ	13 „ 50 „
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 „ 50 „
Съ доставкою въ другіе города	15 руб.

„Всемирная Иллюстрація“ представляетъ исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч- и проч., однимъ словомъ, цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ «Всемирной Иллюстраціи» представляетъ собою РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; „Иллюстрація“ необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ роскошныя ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА изъ англ. коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель «Всемирной Иллюстраціи» проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

ЦѢНА ПЕРВЫХЪ 8 ТОМОВЪ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»:

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою—15 р.

Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 р., съ перес. 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 р., съ пересылкою—
15 руб.

Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 р.,
съ перес. 19 руб.

1871 г., т. е. томы V и VI вмѣстѣ—12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 р.,
съ перес 19 руб.

1872 г., т. е. томы VII и VIII вмѣстѣ — 12 р., съ пересылкою
15 руб.

Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты—16 р.,
съ перес. 19 руб.

1873 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами под-
писчиками №№ «Всемирной Иллюстраціи» за 1873 г., т. е. для то-
мовъ IX и X, имѣются уже также роскошныя покрышки для пе-
реплетовъ, по тому-же рисунку и по той-же цѣнѣ, какъ и для
предшествующихъ томовъ.

Главная контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петер-
бургѣ, на Бол. Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемирной Иллюстраціи“ Германъ Гоппе.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавца: И. Г. Со-
ловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. бывш. Загряжскаго;
А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черени-
на и друг.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ.

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

Самый полный и дешевый модный дамскій журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1873 года «МОДНЫЙ СВѢТЪ» начнетъ VI-й годъ
своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы,
будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью
о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1873 году будетъ выходить также

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ:

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года

Болѣе 2,000 полнотипажныхъ рисунковъ модъ и руководѣлій въ тѣхъ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлыя мужского, дамскаго и дѣтскаго.

Болѣе 200 выроекъ на 12 большихъ листахъ.

12 вырѣзныхъ выроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I-го изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ исполненныхъ лучшими художниками.

Коллекцію рисунковъ: модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ и проч.

Новѣйшіе и лучшіе повѣсти, романы, фелветонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ: „МОДНАГО СВѢТА“:

I изданію съ 12 раскрашенными парижскими картинами:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	4 р. — к.
” ” ” съ доставкою	5 ” 50 ”
” для иногородныхъ	6 ” — ”

II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинами:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	5 р. — ”
” ” ” съ доставкою	6 ” 50 ”
” для иногородныхъ	7 ” — ”

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р. II-му изданію 6 р. 50 к.

Издатель „Моднаго Свѣта“ Германъ Гоппе.

Главная Контора Редаціи „МОДНАГО СВѢТА“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. бывш. Загрязскаго; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черенина и др.

ПОДПИСКА НА 1873 ГОДЪ.

БИРЖА, КОММЕРЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

(второй годъ)

Безъ предварительной цензуры.

Газета „Биржа“ будетъ издаваться въ 1873 году подъ прежнею редакціей *)

Цѣлью изданія газеты «Биржа» было создать серьезный органъ, посвященный коммерческимъ и политическимъ интересамъ въ обширномъ смыслѣ этого значенія. Насколько эта попытка удалась—судить не ей редакціи, но возможность продолженія такого органа доказывается потребностью въ немъ въ средѣ нашего общества. Редакція не отступить отъ этого направленія и во второмъ году существованія своей газеты. Все, что относится до области финансовъ, торговли, политики, общаго преуспѣянія всего образованнаго міра, и въ особенности Россіи,—все это найдетъ себѣ мѣсто на страницахъ газеты „Биржа“.

Въ 1872 году, при газетѣ «Биржа» было разослано нѣсколько приложений, необѣщанныхъ при первоначальномъ объявленіи объ ея изданіи. Подобныя приложения, по объему своему неумѣщающіяся на обновленномъ листѣ газеты, будутъ разсылаться и въ 1873 году, безъ особенной приплаты за то со стороны подписчиковъ.

Впродолженіи перваго года изданія редакція заручилась сотрудничествомъ многихъ дѣльныхъ корреспондентовъ, русскихъ и заграничныхъ. Редакція проситъ желающихъ быть корреспондентами газеты „Биржа“ сообщить ей о своихъ условіяхъ.

Официальный прейсъ-курантъ петербургской биржи, дополненный различными необходимыми справочными свѣденіями по каждой процентной бумагѣ, будетъ попрежнему разсылаться на особыхъ листкахъ, въ приложеніи къ «Биржѣ», такъ что, по окончаніи года, изданіе подобнаго прейсъ-куранта составитъ полезную для каждаго капиталиста справочную книгу.

---

*) Слухи, распространяемые нѣкоторыми лицами о предполагаемой передачѣ мною газеты „Биржа“ въ другія руки, не имѣютъ никакого основанія.

П. Усовъ.

Сверхъ того, съ 1-го января 1873 года, къ газетѣ „Биржа“ будетъ прилагаться, на особыхъ листахъ „Сборникъ тиражей всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ и главныхъ заграничныхъ“.

Программа газеты „Биржа“ слѣдующая:

1) ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ, въ которыхъ будутъ обсуждаемы текущіе вопросы по части торговой, промышленной, биржевой и финансовой дѣятельности, а также вопросы, возбуждаемые въ средѣ экономическихъ интересовъ Россіи различными законодательными мѣрами, политическими событіями и, наконецъ, отдѣльными явленіями о дѣятельности промышленно-торговыхъ предпріятій, акціонерныхъ обществъ, и проч.

2) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ, имѣющія отношеніе къ экономическимъ и финансовымъ интересамъ Россіи.

3) ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ: всякаго рода фактическія свѣденія по части финансовъ, торговли, промышленности, данныя о положеніи акціонерныхъ предпріятій. Сюда относятся также извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ, мѣсячныхъ вѣдомостей и балансовъ акціонерныхъ обществъ, вмѣстѣ съ аналитическимъ разборомъ ихъ,—краткіе отчеты о замѣчательныхъ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, и проч.

4) ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: корреспонденція и извѣстія изъ внутреннихъ рынковъ и пристаней Россіи о ходѣ торговыхъ оборотовъ, о ярмаркахъ, о различныхъ явленіяхъ въ предпріятіяхъ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, банковыхъ, страховыхъ и т. п.

5) ТЕЛЕГРАММЫ политическія, торговыя, биржевыя, какъ внутреннія, такъ и заграничныя.

6) ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: заграничныя свѣденія по части финансовой и торговой промышленности; политическія извѣстія, имѣющія отношеніе къ экономическимъ интересамъ Россіи; данныя о главнѣйшихъ заграничныхъ рынкахъ, биржахъ, о положеніи денежнаго и торговаго рынка, центральныхъ банкахъ, и пр. и пр.

7) ОТДѢЛЪ СУДЕБНЫЙ, обнимающій въ сокращенномъ видѣ отчеты о судебныхъ процессахъ, интересныхъ въ торговомъ отношеніи, и рѣшеніяхъ коммерческихъ судовъ по спорнымъ вопросамъ торговаго законодательства, и т. п. (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).

8) БИРЖЕВОЙ ОТДѢЛЪ: петербургская биржа—офіціальныи бюллетень (въ приложеніи на отдѣльномъ листѣ), ежедневныя статьи о настроеніи биржи, о положеніи вексельнаго курса, объ оборотахъ на торговой и фондовой биржахъ, оцѣнка причинъ,

вляющихъ на повышеніе и пониженіе цѣнъ, и т. д.; свѣденія объ иногороднихъ биржахъ: московской, одеской, рижской и др.

9) **УКАЗАТЕЛЬ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ:** всякаго рода свѣденія, интересующія владѣльцевъ государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій, какъ-то: о выпускѣ новыхъ бумагъ, о предстоящихъ новыхъ взносахъ по бумагамъ, еще не вполне оплаченнымъ, о произведенныхъ тиражахъ выигрышныхъ и погасительныхъ, о выдачѣ дивидендовъ, объ оплатѣ купоновъ и пр.

Для напоминанія о срочныхъ, періодически повторяющихся расчетахъ по процентнымъ бумагамъ, въ первомъ номерѣ каждаго мѣсяца помѣщается особый „календарь процентныхъ бумагъ“, въ которомъ указывается, что съ такого-то числа уплачиваются такіе-то купоны, выдаются тамъ-то дивиденды, уплачивается капиталъ по такимъ-то вышедшимъ въ тиражъ бумагамъ; а также какія суммы подлежатъ къ взносу по неоплаченнымъ бумагамъ, или производится обмѣнъ временныхъ свидѣтельствъ на подлинныя акціи, и проч.

10) ОБЪЯВЛЕНІЯ КАЗЕННЫЯ И ЧАСТНЫЯ.

Всѣ свѣденія, входящія въ программу газеты „Биржа“, будутъ помѣщаемы какъ въ текстѣ газеты, такъ и въ *приложеніяхъ къ газетѣ*, на особыхъ дополнительныхъ листахъ, если, по размѣру своихъ таблицъ или по другимъ причинамъ, свѣденія эти не могутъ помѣститься въ обыкновенномъ номерѣ газеты.

Срокъ выхода—ежедневный, за исключеніемъ понедѣльника и дней, слѣдующихъ за табельными праздниками (въ которые не бываетъ собранія на с.-петербургской биржѣ); въ эти дни будутъ выходить прибавленія съ телеграммами и важнѣйшими извѣстіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣсяц.	Съ доставкою и почтовою пересылкою въ друг. города имперіи.	
	Въ Петербургѣ безъ доставки.	Съ доставкою и почтовою пересылкою въ друг. города имперіи.
12 р. 50 к.	15 р. — к.	
» 11 »	11 » 50 »	14 » — »
» 10 »	10 » 50 »	13 » — »
» 9 »	9 » 50 »	12 » — »
» 8 »	8 » 50 »	11 » — »
» 7 »	7 » 50 »	10 » — »
» 6 »	7 » — »	8 » 50 »
» 5 »	6 » — »	7 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 « — »

» 3 »	3 » 75 »	4 » 50 »
» 2 »	2 » 50 »	3 » — »
» 1 »	1 » 25 »	1 « — »

Иногородніе подписчики благоволят обращаться въ контору редакціи газеты „Биржа“ въ С.-Петербургѣ, по Галерной улицѣ домъ № 14.

Въ Петербургѣ подписка принимается: въ конторѣ редакціи газеты „Биржа“ (Галерная, № 14), въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова (Невскій проспектъ, домъ Ольхиной), М. О. Вольфа (Гостинный дворъ, №№ 18, 19 и 20) и у другихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ подписка принимается: въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ), А. Л. Васильева (на Страстномъ бульварѣ, домъ Шамардина) и въ бібліотекѣ Тюмевой (Волхонка, домъ Воейкова).

Въ Одессѣ—въ конторѣ газеты „Биржа“, при типографіи Гг. Гроссуль-Толстыхъ (на Преображенской улицѣ домъ Полетаева).

Редакторъ-Издатель П. Усовъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

Въ будущемъ 1873 году ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ „РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ“.

Журналъ „Дѣтское чтеніе“ одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для бібліотекъ:—начальныхъ и уѣздныхъ училищъ, женскихъ гимназій и прогимназій, а Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для возрастныхъ бібліотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій. •

Журналъ „Дѣтское Чтеніе“ издается по слѣдующей программѣ:

1) Небольшіе повѣсти и рассказы. Очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ. Біографіи.

2) Статьи по естественной исторіи. Явленія природы. Путешествія.

3) Технические производства и промыслы.

4) Игры, задачи, занятія и проч.

Приложеніе: „Педагогическій Листокъ“ (для родителей и воспитателей), по программѣ, близкой къ программѣ другихъ педагогическихъ журнадовъ. Большая часть статей посвящена начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

„Дѣтское Чтеніе“ выходитъ ежемѣсячными книжками въ объемѣ около 5 печатныхъ листовъ съ рисунками въ текстѣ и отдѣльными картинками. „Педагогическій Листокъ“ выходитъ 4 раза въ годъ, книжками около 6 листовъ.

Редакція, затрудняясь, вслѣдствіе увеличенія цѣнъ на бумагу, издавать „Дѣтское Чтеніе“ по прежней подписной цѣнѣ, испросила разрѣшеніе Главнаго управленія по дѣламъ печати измѣнить подписную цѣну слѣдующимъ образомъ:

На „Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогич. Листка“ 3 р. безъ перес.
„ „ „ съ „Педагог. Листкомъ“ 4 „ „ „

Такимъ образомъ, подписчики, выписывающіе нашъ журналъ, исключительно, какъ матеріалъ для чтенія дѣтямъ, будутъ получать его по прежней цѣнѣ. Тѣ-же, кто заинтересовался и „Педагогическимъ Листкомъ“, будутъ приплачивать къ подписной цѣнѣ одинъ рубль для покрытія расходовъ по изданію собственно этого приложенія. Затѣмъ, если редакція признаетъ полезнымъ и возможнымъ дать другія, разрѣшенныя ей приложенія (матеріалы для занятій съ дѣтьми, напримѣръ, клѣйка и т. п.), то эти приложенія будутъ разосланы всѣмъ подписчикамъ „Дѣтскаго Чтенія“.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1869 и 1870 годы все распродано.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1871 годъ продается по слѣдующей цѣнѣ:

Въ оберткѣ	3 р. — в.
„ папкѣ	3 „ 60 „
„ перешлетѣ	4 „ 50 „

За пересылку приплачиваются вѣсовыя по разстоянію за 6 ф. при выписываніи экземпляра въ оберткѣ, и за 7 ф. въ папкѣ и перешлетѣ.

„Дѣтское Чтеніе“ за 1872 годъ, по выходѣ всѣхъ 12 книжекъ, будетъ продаваться по этой-же цѣнѣ.

„Дѣло“, № 11.

8

Подписная цѣна на 1873 годъ опредѣляется такимъ образомъ:

	Безъ Педаг. Листка.	Съ Педаг. Листкомъ.
Безъ доставки. . . .	3 р. — к.	4 р. — к.
Съ доставкою	3 „ 50 „	4 „ 50 „
„ пересылкою. . . .	3 „ 65 „	4 „ 65 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ „Русской Книжной Торговлѣ“, Невскій просп., д. Армянской церкви, № 42. Въ Москвѣ у Ив. Гр. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева. Въ Харьковѣ у Волжина. Въ Одессѣ у Бортневскихъ и въ конторѣ г. Мосягина. Въ Кіевѣ у Е. Я. Федорова. Въ Варшавѣ и Казани у Д. Е. Кожанчикова. Въ Саратовѣ у Попова. Въ Кншеневѣ у Татаренко. Въ Херсонѣ у М. Шаха. Въ Рыбинскѣ въ книжномъ складѣ г-жи Ремезовой.

Редакторъ *А. Острогорскій.*

„СУДЕБНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

ГАЗЕТА ЕЖЕДНЕВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ,

будеть издаваться въ 1873 году по той-же программѣ, какъ въ 1872 году, но съ приложеніемъ

„СУДЕБНАГО ЖУРНАЛА“,

который будетъ выходить ШЕСТЬ разъ въ годъ, книжками въ 12—15 листовъ. Въ изданіяхъ этихъ принимаютъ участіе или общали такое слѣдующія лица: А. К. Бялицкій, А. И. Вицинь, Г. В. Гантоверъ, Н. Г. Гасманъ, А. О. Гордовъ, П. С. Ефименко, К. И. Кессель, А. Θ. Кистяковскій, А. Θ. Кони, П. В. Макалинскій, К. И. Малышевъ, П. А. Матвѣевъ, В. В. Миклашевскій, П. А. Муловъ, Н. А. Неклюдовъ, А. С. Окольскій, С. В. Пахманъ, А. Л. Пестржецкій, Д. П. Тихоміровъ, В. А. Умовъ, Ив. Я. Фойницкій, Н. И. Хлѣбниковъ, А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, С. С. Шайкевичъ и др. Въ журналѣ будетъ печататься, между прочимъ: 1) „Руководство къ гражд. судопроизводству по уставамъ 20-го ноября“, А. Б. ДУМАШЕВСКАГО; 2) „Чтенія объ уголов. уложеніи и объ уставѣ уголов. судопр.“, БОАТАРА; 3) „Руководство къ кассац.

судопроизводству“, БЕРНАРА; 4) „Объ обязательствах“, ПО СИН-ТЕНИСУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ дост.	Съ достав.	Съ пересыл.
На 12 мѣс.	12 р. 60 к.	14 р. — к.	15 р. — к.
» 6 »	7 » — »	7 » 50 »	8 » — »
» 3 »	3 » 75 »	4 » — »	4 » 50 »
» 1 »	1 » 30 »	1 » 50 »	2 » — »

Съ приложеніемъ «Судебнаго Журнала»:

	Безъ дост.	Съ достав.	Съ пересыл.
На 12 мѣс.	17 р. — к.	19 р. — к.	20 р. — к.
» 6 »	9 » — »	10 » — »	11 » 50 »
» 3 »	5 » — »	5 » 50 »	6 » — »

Желающіе получать при посредствѣ редакціи «Сборникъ кассац. рѣшен.» прилагаютъ 6 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій пр., у Полицейскаго моста, д. № 18, кв. № 37; въ Москвѣ, въ книж. магазинахъ: Анисимова, Соловьева и друг. Иногородные адресуютъ въ С.-Петербургъ, въ Главную контору «Судебнаго Вѣстника».

ЗДѢСЬ-ЖЕ ПРОДАЕТСЯ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СВОДЪ

рѣшеній кассационныхъ департаментовъ Сената 1866—1871 гг., съ подлиннымъ текстомъ рѣшеній, извлеченными изъ нихъ тезисами и критическимъ разборомъ ихъ, изданіе редактора-издателя «Судебнаго Вѣстника» А. ДУМАШЕВСКАГО. *Томъ I* (гражд. и торгов. право, составл. А. ДУМАШЕВСКИМЪ). Ц. 3 р. 50 к. *Томъ II* (гражд. судопроизв. съ приложеніемъ АЛФАВИТНАГО и ПОСТАТЕЙНАГО УКАЗАТЕЛЕЙ къ I и II тому, составл. ИМЪ-ЖЕ). Ц. 5 р. *Томъ III* (уголовное судопроизводство), составл. ординарн. профессоромъ санктпетербургскаго университета А. П. ЧЕБЫШОВЫМЪ-ДМИТРИЕВЫМЪ. Ц. 4 р. *Томъ IV* (уложеніе и уставъ о наказаніяхъ и учрежденія судебн. установл. съ приложеніемъ АЛФАВИТНАГО и ПОСТАТЕЙНАГО УКАЗАТЕЛЕЙ къ IV тому), составл. ординарнымъ профес. спб. унверс. Н. С. ТАГАНЦЕВЫМЪ. Ц. 4 р.

Четвертый томъ выйдетъ на дняхъ.

Выписывающіе всѣ четыре тома за пересылку ничего не платятъ. Годовые подписчики на «Судебный Вѣстникъ» и «Судебный Журналъ» на 1873 годъ платятъ за всѣ четыре тома только 13 рубль пересылкой; годовые-же подписчики на одинъ «Судебный Вѣстникъ» прилагаютъ за пересылку за 12 фунт. по почтовой таксѣ.

Допускается разсрочка подписной суммы на «Судебный Вѣстникъ» и «Судебный Журналъ» по третямъ и четвертямъ года **ВПЕРЕДЪ**.

ПЕЧАТАЕТСЯ первое продолженіе (1871—1872 гг.) къ Систематическому своду.

ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

въ 1873 году.

Безъ доставки: въ Петербургъ . . .	9 р. — к.
Съ доставкою: въ Петербургъ . . .	10 „ — „
въ другіе города . . .	10 „ 50 „

Въ 1873 году журналъ будетъ выходить по прежней программѣ и въ тѣ-же сроки, т. е. 1-го числа каждаго мѣсяца. Въ составъ его войдутъ, какъ и прежде, отдѣлы: замѣчательныхъ новѣйшихъ путешествій по всѣмъ странамъ земного шара; новѣйшія открытія по части естествовѣденія, географіи, статистики и этнографіи, а также свѣденія обо всѣхъ новѣйшихъ астрономическихъ открытіяхъ. Журналъ по-прежнему будетъ иллюстрированъ.

Независимо отъ того, для лицъ, желающихъ, кромѣ журнальныхъ статей, получать втеченіи года значительныя по своему объему и замѣчательныя по содержанию сочиненія, относящіяся къ предметамъ, входящимъ въ программу журнала, т. е. къ путешествіямъ и естествовѣденію, редація будетъ выдавать **Приложенія** къ журналу, которыя по объему своему втеченіи года составятъ томъ отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ. Каждый изъ такихъ томовъ, по мѣрѣ надобности, будетъ снабженъ картами, чертежами и полиטיפажами или хромолитографіями. Подобный томъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе **четырехъ** рублей.

Цѣна за **Приложенія** назначается **3 р.**, которые, при под-

писеѣ на журналъ съ **Приложеніями**, должны быть высылаемы вмѣстѣ съ подписною суммою за журналъ.

Подписка принимается для **иностраннѣхъ исключительнѣхъ въ редакціи**, помѣщающейся въ картографическомъ заведеніи г. Ильина, по Большой Мастерской, д. № 11 — 43, для городскихъ-же подписчиковъ какъ въ редакціи, такъ и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ И ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ:

Земля. Элизе Реклю. Большой томъ въ 615 страницъ, съ хромофотографическимъ атласомъ въ текстѣ. Ц. 4 р., съ перес. 5 р. Сочиненіе это обнимаетъ собою описаніе суши земной поверхности и всѣхъ жизненныхъ на ней явленій, какъ-то: гармонію и контрасты въ распредѣленіи суши, описаніе замѣчательныхъ равнинъ, степей, тундръ, плоскихъ возвышенностей и горъ, обрушенія и обвалы горъ. Ледники и всѣ явленія на нихъ; циркуляцію водъ на земномъ шарѣ; подземныя силы природы, выражающіяся въ изверженіяхъ вулкановъ и землетрясеніяхъ; медленныя колебанія земной поверхности, выражающіяся въ поднятіи и пониженіи почвы и проч.

Океанъ, атмосфера и жизнь того-же автора. Большой томъ съ хромофотографіями и политипажами. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р. Краткое содержаніе этого тома слѣдующее: общее распредѣленіе океановъ; составъ морской воды, ея цвѣтъ; глубина океановъ и морей, льды, волненія и океаническія теченія, приливы и отливы; разрушеніе морскихъ береговъ; атмосфера и разныя атмосферическія явленія, какъ-то: вѣтры, ураганы, смерчи и циклоны; облака и дожди; бури, грозы и разныя другія электрическія явленія; климаты; растительная и животная жизнь на земномъ шарѣ; міръ до явленія въ немъ человѣка; первобытныиъ человѣкъ; вліяніе природы на человѣка и обратно; историческій прогрессъ; культура и дѣятельность человѣка въ усовершенствованіи природы и проч.

Оба эти сочиненія, замѣчательныя по своему содержанію, отличаются весьма большимъ интересомъ и вполне популярнымъ изложеніемъ.

Швейцарскія Альпы. Берлепша. Съ гравюрами и хромофотографіями. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Живописная Японія. Эме Гюмбера. Съ 132 рисунками и картою Японіи. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

Малайсній Архипелагъ. Уэллеса. Съ 32 рисунками. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Жизнь насѣкомыхъ. Луи Фигье. Съ 602 рисунками. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

Жизнь растений. Луи Фигье. Съ 415 рисун. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Индія и Цейлонъ. Грандидье. Съ 39 рисун. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Даленая Россія. Алябьева. Съ картою Уссурійскаго края и рисунъ. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Западный Суданъ. Путешествіе Мажа. Съ картою и 20 рисунк. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Диная Африка. Второе путешествіе дю-Шалью во внутреннюю Африку. Съ картою и рисунк. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Человѣкъ и животныя. Артура Манжена. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Какъ лица, возобновляющія на 1873 годъ подписку, такъ и вновь подписавшіеся въ редакціи, пользуются, при выпискѣ означенныхъ книгъ прямо изъ редакціи, уступкою въ 20³/₁₀.

ДѢТСКІЯ КНИГИ:

Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ. Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Евангельскіе разсказы. Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЬ

РОМАНЪ

М. А. Филиппова.

СКОРБЯЩІЕ.

Въ двухъ частяхъ.

Цѣна 2 руб. сер.

Съ требованіями обращаться въ Главную контору журнала
„ДѢЛО“.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА“

въ 1873 году.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Годовая цѣна съ доставкою въ Петербургъ 7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города 8 руб.

Выходитъ всякій четвергъ (кромя рождества и святой недѣли), въ большемъ форматѣ, съ 500 рисунковъ. 50 номеровъ составляютъ 2 тома, каждый съ систематическимъ оглавленіемъ и особой оберткой.

ПРОГРАММА: Внутреннее обозрѣніе правительственныхъ мѣръ и законовъ, иностранная политика, романы, новѣсти, стихотворенія, сцены нравовъ, съ рисунками, портреты и біографіи замѣчательныхъ лицъ, статьи, относящіяся къ политико-экономической жизни Россіи, путешествія, этнографія, популярныя и общественныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, письма изъ важнѣйшихъ городовъ Россіи и изъ другихъ странъ, бібліографія и критика, фельетонъ, некрологъ, разныя извѣстія, ребусы, математическія и шахматныя задачи, моды, ОБЪЯВЛЕНІЯ всякаго рода съ платою по 80 коп. за дюймъ столбца.

Подписка, посылки и письма адресуются: на имя **В. Р. Зотова**, въ редакцію „Иллюстрированной Газеты“, на Литейной, д № 37.

Всѣ гг. годовые подписчики, отъ которыхъ абонетная сумма (8 руб.) поступитъ въ редакцію до 1-го января 1873 года, получатъ въ видѣ прѣдѣна альбомъ портретовъ Императорской фамиліи, гравированный на стали въ Лейпцигѣ.

Редакторъ-Издатель **В. Зотовъ**.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЙ
РУССКО-НѢМЕЦКІЙ
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ
СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ, 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою — 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова, употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ тробованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ Редакцію Артиллерійскаго Журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Въ Юньской книжкѣ «Дѣла» было заявлено объ отправкѣ 29 р. сер., пожертвованныхъ въ пользу погорѣльцевъ села Высокого, Самарской губ., на имя священника этого села М. И. Предтеченскаго, съ просьбою увѣдомить редакцію о полученіи и употребленіи этихъ денегъ. Теперь онъ увѣдомляетъ Редакцію «Дѣла», что деньги употреблены имъ, вмѣстѣ съ другими пожертвованіями—всего на сумму 74 р., въ пользу погорѣльцевъ на покупку нижеслѣдующихъ предметовъ:

Лѣсу на	20 р.
Соли	» 10 р. 50 к.
Льну	» 43 р. 50 к.
Всего.	. . 74 р.

католическаго духовенства на общественное образованіе. — Невѣжество учителей изъ патеровъ и учительницъ изъ монахинь. — Безнравственность «невѣжественныхъ братьевъ». — Агитація во Франціи по поводу обязательнаго и дароваго обученія въ первоначальныхъ школахъ. — Фальсификація подписей. — Рабочія общества. — Католическіе военные кружки. — Роль католическаго духовенства въ общественной благотворительности.

XX. ТУМАННЫЯ БАРТИНКИ. (Уличныя сцены). . .

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

О ПИТАНІИ

**ВЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ, ПАТОЛОГИЧЕСКОМЪ И ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ.**

СОЧИНЕНІЕ Д-РА ЖЮЛЯ СИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. Н. МОРИГЕРОВСКАГО.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И КЪ КОНЦУ БУДУЩАГО ЯНВАРЯ ВЫЙДУТЬ

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУТАЛОВА.

Около 35 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1873 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) о газетѣ «Сынъ Отечества»; 4) о «Петербургской Газетѣ»; 5) о журналѣ «Нива»; 6) о журналѣ «Всемирная Иллюстрація»; 7) о журналѣ «Модный Свѣтъ»; 8) о газетѣ «Биржа»; 9) о журналѣ «Дѣтское Чтеніе»; 10) о газетѣ «Судебный Вѣстникъ»; 11) о журналѣ «Всемирный Путешественникъ»; 12) о романѣ М. А. Филиппова: «Скорбѣніе» и 13) о русско-нѣмецкомъ военно-техническомъ словарѣ И. С. Кузнецова.

При этомъ № разсылается для иногороднихъ объявленіе отъ книжныхъ магазиновъ М. О. Вольфа.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ДЪЛО“

въ 1873 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенина, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р.; Франція и Данія—20 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 006